

Опытная Командировка

СМЕРТЯКИ ДОБРОЙ ВОЛЫ

Фантастический Боевик

Самиздат

С момента очередной победы над Севером прошло 15 лет, и две противостоящие организации вновь объединились, чтобы вести на нём войну против нового узурпатора. Единственный сын Рэкса Страхова, впрочем, совершенно не желает иметь со всем этим ничего общего — в свои почти 17 лет он занят куда более приятными вещами. Жаль только, у его отца на данный счёт другое мнение, и он готов отправить его хоть в самую горячую точку, лишь бы напомнить, каково его истинное предназначение...

Ольга Карелина

Смертники доброй воли

*Горькие капли свежих царяпин крови в плену,
Ангел закатный, бронзоволатный, идёт на войну.
Гони, возница, звёздам не спится который век!
Твой пассажир, он, зеленокрылый, почти человек.*

«Мельница»

Глава 1. Преступление и наказание

В одном из самых известных ночных клубов Канари дым стоял коромыслом с девяти вечера до семи утра каждый день, без перерывов на обед и государственные праздники. Танцполов в нём было три, каждый на своём этаже, со своим интерьером, напитками и стилем музыки. Адамас со товарищи предпочитали тот, что на первом этаже: во-первых, из-за одного ядрёного коктейля, во-вторых, из-за того, что только здесь можно было разжиться кое-чем запретным. Впрочем, об этом стоило спросить того друга Адамаса, который принципиально не употреблял алкоголя, а расслаблялся в этом клубе другим, вышеупомянутым способом после каждой лабораторной в его вузе и каждого экзамена, дающихся ему настолько тяжело, что в чём-то, пожалуй, его поведение даже было оправданно.

Сам Адамас не увлекался ни тем ни другим, да и в танцполах не видел особой разницы: ему было абсолютно всё равно, где цеплять девушек и в каком из трёх туалетов с ними развлекаться. Оно значительно поднимало самооценку — осознание того факта, что его, ещё шестнадцатилетнего, все принимают за взрослого (а других сюда и не должны были пускать) и что он, не такой уж прям красавец, способен увлечь минимум по одной девушке за ночь. Вот и в этот раз это удалось ему без труда, и, продираясь через многочисленную танцующую толпу, он нёс своей новой пассии заказанный ею коктейль от барной стойки.

Оставляя девушку в компании своих друзей, Адамас слегка беспокоился: всё-таки сейчас они представляли собой не лучшее окружение для приятного времяпрепровождения — однако по возвращении всё оказалось в порядке. Девушка, симпатичная рейта, ростом даже ниже Адамаса, с копной ярко-зелёных волос, в которых под ультрафиолетом то и дело отсвечивали голубые прядки, не менее ярким макияжем и в максимально обнажающем тело наряде (ещё чуть-чуть, и будет неприлично), всё так же сидела с краю их столика, поглядывая то в зал, то, с лёгким вежливым недоумением, на того самого друга Адамаса, который любил незаконно расслабляться. Он сейчас вдохновенно и горячо кому-то что-то доказывал — опять какую-то одному ему понятную теорему — и представлял собой комичное и пугающее зрелище одновременно: по крайней мере потому, что с ним никто не разговаривал, а повёрнут он был и вовсе в зал.

Поставив перед рейтой её коктейль, Адамас сел рядом, приобнимая её за плечи. Второй его друг, занимавший место между девушкой и спорщиком, как всегда в клубе, завис над наполовину допитым стаканом того самого ядрёного алкогольного напитка, ради которого они выбирали первый танцпол.

— Заждалась? — весело спросил Адамас.

— А то! — рейта закатила огромные глаза. — Компания у тебя... где набрал-то?

— Не поверишь, с детства вместе тусуемся!

— Какой ужас. А этот всегда с пустотой общается? — девушка кивнула в сторону спорщика, плечистого, но совершенно не спортивного телосложения хиддра.

— Когда как. Это всё декадар. Слышала про такой наркотик? — Адамас придвинулся к ней ближе, и она, отпив коктейля и как будто походя положив ему ладонь на колено, деланно удивилась.

— Что ты, я же приличная девушка! Да и в этом клубе первый раз! Кстати, красавчик, мы так и не познакомились!

— Адамас! А тебя как зовут, чаровница?

— Мелисса! Как считаешь, твои друзья не обидятся, если мы их сейчас покинем?

— Хочешь потанцевать?

Мелисса наклонилась к нему и жарко шепнула на ухо, чего она на самом деле хочет. Адамас давно и бессознательно перенятой у отца манерой вскинул брови в притворном изумлении и ослабилась.

— Так скоро? Совсем соскучилась?

— Честно признаться, никогда не делала этого с хоронам... — рейта заводила пальцем по его груди в том месте, где не было воротника рубашки. — Можем, кстати, второго твоего друга позвать. Если он ещё в конец не упился.

Адамас мельком оглянулся на «второго друга», как и он, хорона (они вообще были довольно похожи, даже волосы были примерно одинакового цвета — неудивительно, ведь они приходились друг другу кузенами), и отрицательно мотнул головой.

— Давай в другой раз!

— Ну как скажешь!.. Только я не очень расслышала, как тебя зовут?

— Адамас. Ударение на первую «а»! Пошли?

— Пошли! — она махом допила коктейль и схватила его за руку. Адамас с готовностью встал.

За эти полгода посещения клуба (и не только этого) впервые девушка сама звала его поразвлечься — да ещё чуть ли не в первые десять минут знакомства. С какой-то стороны это даже показалось ему подозрительным, но думать не хотелось. Адамас быстро увёл Мелиссу в мужской туалет и заперся вместе с ней в кабинке, тут же принимаясь целовать её в шею. Хихикая, рейта шутливо отбивалась, одновременно проходясь руками по самым главным местам его тела. Он услышал, как она захлопнула крышку унитаза, кажется, ставя на неё свою крохотную сумочку, и подхватил её под бёдра, приподнимая и прижимая к стенке кабинки. Мелисса когда-то успела уже полностью расстегнуть его рубашку — похоже, она не в первый раз вот так страстно и по-быстрому зажигала в общественных местах, — и, поддерживая её одной рукой, а губами уже добравшись до груди, освобождённой от тугого топа, другой Адамас начал было распускать ремень на своих штанах, когда в дверь кабинки вдруг постучали.

— Занято! — едва переводя дух, отозвался Адамас, однако не успел и глазом моргнуть, как стук, уже более настойчивый, повторился. — Я же сказал, занято! Что непонятного?

Возвращаясь мыслями к своей девушке, хорон вспомнил про ремень, опять схватился за него, но настроение никак не хотело восстанавливаться. Раздражённо Адамас повернулся к дверце — как раз для того, чтобы увидеть, как электронный замок щёлкает, открываясь, и дверь рывком дёргают на себя. Узрев стоящего за ней, хорон чуть не выпустил Мелиссу, весь обмирая.

— Отец?..

— Зрение в порядке, уже хорошо, — недобро хмыкнул тот. — Давай-ка, девушку на пол и марш со мной. А девушке настоятельно рекомендовал бы прикрыться и заодно вернуть кошелёк.

— Какой ещё кошелёк? — возмущённо поинтересовалась рейта, одним движением натягивая топ с ключиц обратно на грудь и опуская ноги на пол. — Я ничего не брала!

— Чем дальше девушка упорствует, тем больше у неё будет неприятностей, — скучающе проговорил отец Адамаса, глядя куда-то в пространство. Адамас недоуменно перевёл взгляд

на Мелиссу, и та, ещё раз оценив и старшего хорона, и шансы на побег, схватила с унитаза сумочку.

— На, забирай, очень надо! — крикнула она, швырнув в Адамаса неизвестно откуда и когда оказавшийся у неё его собственный бумажник, ранее бывший спрятанным в заднем кармане джинсов. Ошеломлённый, Адамас поймал его, а рейта, решительно отодвинув в сторону сначала его, а потом и его отца, шумно уцокала каблучками к выходу из туалета. Как только её шаги стихли, отец посмотрел на Адамаса, и всё внутри него сжалось в постыдном страхе.

— Ты следующий, прошу.

На ходу застёгивая рубашку, Адамас с максимально гордо поднятой головой мимо него вышел из кабинки и двинулся вслед за Мелиссой.

На выходе из туалета отец бесцеремонно подтолкнул его в сторону их столика. Приближаясь, Адамас увидел, что там и оба других родителя: один вливал в глотку своему сыну — любителю спиртного что-то из небольшой бутылочки (судя по тому, как тот вырывался, не особо приятное на вкус), второй же со склонённой набок головой молча наблюдал за тем, как его отпрыск всё так же общается с пустым пространством. Кажется, их троих накрыли целиком и полностью.

— Ну вот и все в сборе, — поприветствовал соратников отец Адамаса, вместе с ним останавливаясь у столика. Вокруг них шестерых уже образовалась мёртвая зона: взрослые, похоже, пришли прямо с работы, и форма ГШР хорошо выделялась среди в пух и прах разодетой молодёжи.

— Это как сказать, — мрачно отозвался старший хиддр, буравя сына взглядом. — Я не догадался захватить с собой «выгонщик». Мне его на закорках тащить?

— Он с тобой сейчас куда хочешь пойдёт и даже не заметит разницы. Хватай за шиворот, и пошли.

Дядя Адамаса, не сдержавшись, отвесил отрезвлённому сыну подзатыльник, и тот взвыл сквозь зубы, обхватывая голову руками.

— И так болит, куда ещё-то?! — зашипел он на отца. Хорон рывком поднял его за локоть из-за стола.

— Чтоб жизнь мёдом не казалась. — Было жутко видеть, как он, почти всегда улыбающийся, подобно брату, многозначительно ухмыляется. — Давай шевелись, будем разговоры разговаривать. Что-нибудь на тему: я тебя породил, я тебя и прибью...

— Разрешите! — к ним протолкнулся директор клуба, представительный длиннолицый тилон, и Адамас мысленно застонал. — Джентльмены, у вас всё в порядке? По какому вопросу к нам Генштаб?

— Пустяки, — отец Адамаса извлёк из кармана удостоверение, и, взглянув на него, тилон видимо побелел. — Просто хотим забрать детей. А вы не хотите объяснить, откуда у вас тут наркотики?

— Нар... наркотики? Что вы, сэр Страхов, у нас отродясь не было наркотиков! — директор мимолётно глянул на распинающегося младшего хиддра и поспешно добавил: — Даже лёгких! Я думаю, это заносные. У нас же тут не сидит по собаке на каждого...

— Явная недоработка, — Рэкс убрал удостоверение и оглянулся на уже подходящих к ним двух охранников со входа: — Вопрос номер два. С каких пор у нас в ночные клубы пускают несовершеннолетних?

— Быть того не может! — тилон свирепо посмотрел на одного из охранников,

флегматично выслушавшего всё ранее сказанное. — Андрей!

Названный Андреем огель достал сканирующее устройство и, повернувшись к Адамасу, потребовал:

— Чип.

Адамас и без этого понял, что всё совсем плохо. Он молча протянул правую руку, выставляя раскрытой ладонью над считывателем, и тот с секундной задержкой показал, что его зовут Леруан Моталов и ему почти девятнадцать лет.

— А, у вас однофакторная... — Рэкс забрал устройство и провёл им над височной долей за правым ухом сына. Когда все присутствующие убедились, что Адамасу Страхову семнадцать будет только 9 января, то есть через две недели, хорон вернул сканер Андрею и бросил сыну: — Халтура.

— Ничего подобного! — возмутился тот. — Просто всё равно никто не проверяет, и...

Он осёкся, поняв, что сказал больше, чем следовало. Директор клуба, одеревеневший, хватал ртом воздух, и Рэкс щёлкнул у него перед глазами пальцами, заставив вздрогнуть всем телом.

— На первый раз прощаю. Ждите проверку в ближайшие дни. И чем меньше будете говорить о сейчас произошедшем с посторонними, тем она будет к вам лояльнее. Это всех касается.

Схватив Адамаса за предплечье, он, не оглядываясь, повёл его за собой к выходу. Толпа расступалась перед ними, судя по взглядам, считая, что агенты ГШР пришли за какими-то преступниками, и от осознания этого Адамаса разобрала злость.

На улице их ждало четверо из охранной свиты первого советника президента ГШР — Рэкс последние несколько лет вообще редко куда выбирался без сопровождения, но Адамас слишком мало общался с его гвардией, чтобы их идентифицировать. Когда двери клуба закрылись за последним из выведенных Рэксом, хорон кивнул старшему из свиты:

— Идёмте. Здесь мы закончили.

— Ну и куда ты нас тащишь? — неприязненно спросил Адамас, которого отец и не думал отпускать.

— У меня ещё много дел на работе, — бесстрастно отозвался тот, ведя его чеканным шагом вверх по улице. — Подождёте, пока мы закончим, потом все разойдутся по домам.

— А если я сейчас сбегу,пустишь своих ищек по моему следу?

— Зачем же? Я и сам за тобой с удовольствием побегаю, раз уж приехал на недельку в Канари, — усмехнулся Рэкс, и Адамас отвернулся. Мельком оглянувшись, он увидел, что Кристиана его отец ведёт так же под руку, а вот Вэлианта, похоже, совершенно ничего пока не соображающего, Рафаэль наполовину тащит на себе. Тяжёлый взгляд его не обещал сыну ничего хорошего — хотя тому уже было двадцать один и вообще он жил отдельно. Вэлиант будет неприятно удивлён, когда придёт в себя.

Спустя пять минут или около того они зашли в небольшой чистенький переулок, и шедший впереди старший гвардеец заставил потайной ход открыться. Вслед за ним шаг в шаг с отцом Адамас ступил в прохладные по сравнению с улицей коридоры Генштаба, где за всю свою жизнь он, сын самого главного человека в ГШР, был всего два раза.

Недолгая поездка на лифте на пару этажей вниз, и гвардейцы разошлись, напоследок отсалютовав командиру. Рэкс остановился перед двустворчатой дверью с огромной эмблемой на ней — парящий с широко распахнутыми крыльями строгий кречет на жёлто-коричневом фоне — и надписью поверх на золочёной табличке «Приёмная президента».

— Это зачем? — внезапно охрипшим голосом спросил Адамас.

— Я вроде объяснил уже. Здесь за вами присмотрят, чтоб не разбрелись, как овцы, по всем галереям, — Рэкс коснулся рукой придверного сканера, и створки двери разъехались в стороны, являя просторное помещение с несколькими креслами и диванами у стен и большим столом посередине, за которым восседал соломенноволосяый аурис в того же края форме высших чинов, что и Рэкс, Рейн и Рафаэль.

Завидев входящего хорона, аурис поднялся из-за стола.

— А я думаю, где тебя носит, — недовольно фыркнул он. — Это что, новое сопровождение?

— Именно. Юные необученные кадры. Да вы знакомы.

— О, ну да, — аурис присмотрелся и удовлетворённо кивнул. Рэкс толкнул Адамаса к креслу, и тому пришлось сесть. Рядом опустился Кристиан, мрачный как туча, Вэлианта же отец, явно облегчённо, скинул на соседний диван, где тот так и остался лежать, пустыми глазами глядя в потолок.

— Меня кто-то искал? — осведомился Рэкс. Аурис — Адамас всё пытался вспомнить, как его зовут и насколько давно они познакомились — насмешливо передёрнул плечами.

— Скорее наоборот. Кое-кто воспользовался твоей отлучкой, чтобы по-тихому сбежать в Ториту. Ловить уже поздно, к сожалению.

— Это в смысле?

— Президент изъявил желание по делам семейным отбыть. С ним Рената, можешь не переживать. Но ситуацию на фронтах нам придётся всё так же разрешать самостоятельно.

— И зачем я кому-то вечно пытаюсь идти навстречу, — закатил глаза Рэкс, и Рейн сочувственно вздохнул. — С кем же мне тогда детей оставить? Я планировал скинуть их на тебя, Домино, пока общаюсь с президентом.

— Ну спасибо! — рассмеялся аурис, и Адамас понял, что в его лице всё это время казалось ему странным: он так редко видел это в реальной жизни, что не сразу догадался. У главного секретаря президента ГШР (а именно это значилось на его настольной табличке) был когда-то сломан нос, который впоследствии сросся неправильно, — вот это зрелище в самой главной приёмной города! Правда, когда они познакомились, Адамас так и не вспомнил.

— Кто-то из наших есть ещё поблизости? — спросил Рэкс, и Домино достал из кармана наладонник.

— Крайт уже идёт. Понятия не имею, что он тут делает ночью, но вот-вот будет.

— Ты, кстати, почему ещё на работе? — поинтересовался Рафаэль, полностью отвернувшись от Вэлианта. — Ты уже двое суток тут сидишь.

— Где начальство, там и я, — едва заметно улыбнулся Домино, и Рэкс бросил на него испепеляющий взгляд.

— Я понимаю, Крайт урабатывается: у него есть кому с ребёнком сидеть. А ты-то на кого Эжени оставил?

— Это важно? — холодно осведомился аурис. От уже близившейся нотации, причём, кажется, от двоих желающих, его спасла открывшаяся дверь приёмной. Адамас, которого уже слегка отпустило от общего ощущения дышащей в ухо катастрофы, с некоторым интересом рассмотрел почти влетевшего в кабинет серо-рыже-волосого риза с яркими чёрными прядками-пятнами, возраста примерно всех собравшихся взрослых. Завидев компанию в приёмной, он остановился почти сразу на входе, высоко вскинув брови и начиная обмахиваться тонкой папкой, которую держал в руках.

— Полегче, господа. У нас тут подготовительные курсы для абитуриентов Академии? — полюбопытствовал он, попеременно оглядев всю молодёжь и затем переведя взгляд на Рэкса.

— Будут дальше так зажигать по клубам, прогуливая школу, Академия им не светит, — ответил Рэкс и по очереди назвал каждого: — Один по девочкам, второй по спиртному, третий по декадару. Подростающая смена. МД умрёт со смеху.

— Отличный план, чтобы эффектно с ними покончить! — одобрил Крайт. — Я, собственно, с новостями...

— Это очень срочно? — перебил его Домино. — У нас планы горят, а Эдриан улетел на юга. Подождёшь час-два?

— Пожалуй, да, всё равно это в первую очередь касается МД. Где вас искать?

— Мы тебя сами найдём. Посиди пока с арестованными, — Рэкс кивнул на молодых, и Крайт притворно горестно вздохнул.

— Это вроде наказания за то, что я не сижу сейчас со своим ребёнком, да? Ладно, идите с глаз долой, вершители судеб, у меня временная подработка надзирателем, вы меня смущаете.

— Не переусердствуй, — усмехнулся Домино и кивнул остальным. — Идёмте в конференц номер пять, я туда уже всё скинул, плюс Кит на подходе.

Вчетвером они покинули кабинет, а Крайт прошествовал к столу, хлопнул на него папку и уселся в кресло, потягиваясь. Адамас с Кристианом сверлили его взглядом, но риза это ничуть не заботило. Закончив разминать спину, он полулёг на стол, подпирая голову рукой и, в упор смотря на всех троих одновременно, мечтательно произнёс:

— Эх, где мои семнадцать лет... Знаете, в вашем возрасте я, конечно, тоже был тот ещё пряник, но вот так откровенно на законы не забивал. Даже воровал и то вежливо!

— Ну у вас тут и компания в высших слоях, — презрительно фыркнул Адамас, уже начинающий беситься из-за этого цирка. — Главный секретарь президента — явно бывший бандит в прошлом, судя по лицу, приближённый секретаря — в молодости щипач...

— Да вы, детки Главнокомандующего ГШР и его советников, тоже ничего, — широко улыбнулся Крайт и начал поочерёдно указывать пальцем, начиная с Адамаса: — Развратник. Пьяница. Наркоман. А ещё память ни к чёрту. Восемь лет назад, когда мы в первый раз познакомились и вам подробно рассказали, кто тут есть кто, вы были сама учтивость. Что, вышибло хорошие манеры?

Это было сильно, так что Адамас даже не нашёлся что возразить. В памяти уже потихоньку всплывали подробности и по поводу Домино, и по поводу его лучшего друга Крайта, сейчас явно насмехающегося над ними, но открыто признавать это он не собирался. Надменно фыркнув, хорон отвернулся посмотреть, как там Вэлиант, а Кристиан слабым голосом спросил:

— Слышь, ты, щипач... таблетки от головы не будет?

— Я реагирую только на просьбы, включающие волшебные слова, — сверкнул глазами Крайт, и Кристиан, раздражённо выдохнув, достал сотовый.

— И к чёрту всех вас.

Осознав, что Вэлиант в полубессознательном состоянии, Кристиан занят очередной игрушкой на телефоне, а он остался один на один с пристально рассматривающим его ризом, Адамас решил осмотреть приёмную. Он встал и медленно направился к единственному шкафу в другом её конце с неизвестными гроссбухами, терзаясь сразу

несколькими вопросами: как, во-первых, отец узнал, что они в клубе? откуда, во-вторых, ему известно, что он прогуливает школу, — и как давно? и, самое главное, какую кару он изберёт ему за столько вопиющее нарушение правил?

Впрочем, на первые два вопроса ответы Адамас, кажется, знал. Он ведь забыл позвонить маме, которая отпускала его куда угодно с единственным условием — заявлять о себе каждый час. Этого не произошло, и она, понятное дело, подняла на уши отца, по несчастливому стечению обстоятельств, как раз на этой неделе пребывающего в Канари, а не на Севере. А проблемы со школой наверняка сдала Миа, она давно уже его подозревала в прогулах. Отец поверил бы ей и без доказательств. Оправдывайся теперь...

В грессбухах не оказалось ровным счётом ничего интересного, и, развернувшись, Адамас пошёл к столу с Крайтом. Риз всё так же следил за ним, улыбаясь углом губ. Остановившись возле него, хорон кивнул на папку:

— Можно посмотреть, что вы принесли?

— Можно на «ты», Адамас. Ты, кажется, интересуешься войной? Разрешаю, — Крайт откинул верхний лист папки и разложил перед хороном фотографии. — Вот, смотри. Наш свидетель и автор этих снимков поплатился за них жизнью, и пока непонятно, стоило ли оно того...

Адамас по очереди внимательно рассмотрел запечатлённых на фотографиях. Первый был смуглым аурисом с выбритыми висками и плотно собранными в длинный хвост чёрно-серебристыми волосами, самым низкорослым и на вид жилистым из них, — даже изображённый на втором фото сильвис-альбинос с ирокезом выглядел крупнее — может, кстати, за счёт рельефной мускулатуры. На двух других оказались каштанововолосый вельк с тремя короткими, чем-то зацепленными косами и как будто смертельно уставшим лицом и приземистый, крепкий эрбис, на котором взгляд Адамаса задержался дольше всех. Ему показалось, что где-то он уже видел этого парня, — к сожалению, его лицо было трудно разглядеть за многочисленными линиями тёмно-синей татуировки, похоже, покрывающей всё его тело и заодно природные тёмно-серые пятна. У него тоже были косы — одна вместо хвоста сзади, от затылка, вторая заменяла собой бородку. Все четверо были примерно одного возраста — навскидку лет тридцати, — в одинаковой камуфляжной форме степного типа без каких-либо эмблем, и каждый занимался своим делом.

Их явно засняли в момент нападения на объединённый северный военный лагерь ГШР и МД — это было видно по облачению солдат, с которыми сражались все, кроме ауриса. Он казался главным в этой четвёрке — и на фото душил или тащил локтевым сгибом смуглого, как он, черноволосого хорона, судя по видимым нашивкам, командира отряда МД. Остальные будто отвлекали от него защитные силы, каждый схватившись с двумя-тремя бойцами. Все с ног до головы залитые кровью, они совершенно не казались уставшими, и Адамас мысленно подивился и этому, и отсутствию на них заметных ран.

— Вам известно, кто это? — спросил он у Крайта, и тот уклончиво ответил:

— Есть некоторые догадки. Никого случайно не узнал?

— Эрбис показался мне знакомым, но за татуировкой толком не разберёшься. Это же аркановцы?

— Скорее всего. Их сфотографировали в момент нападения на Бельфегора Пикерова.

— Сына Мессии-Дьявола?!

— Именно. Акция, вызывающая больше вопросов, чем ответов. Некие диверсанты. Дс этого бывали случаи необоснованного столкновения лагерей-союзников от МД и ГШР, ест

подозрения, что они-то это и организовывали. Как-то так.

— Понятно... — Адамас передёрнул плечами и решительно пододвинул к столу себе стул. — Расскажешь про эту войну?

— О, с удовольствием, — улыбнулся риз. — А ты чего-то не знаешь?

— Отец в последнее время почти не бывает дома, да и я, кстати, тоже... Знаю только, что она была официально объявлена террористами из «Аркана», захватившего Север, 30 мая 2664 года, то есть чуть больше полугода назад.

— Уже что-то. Ну ладно, надо же нам как-то время скоротать. Усаживайся поудобнее, я начинаю, — Крайт извлёк из ящика стола чистый блокнот, вооружился ручкой и начал свою лекцию.

Он оказался прирождённым рассказчиком, и Адамас совершенно забыл про время. Очнулся он, когда Кристиан громко, на всю приёмную, вздохнул, привлекая к себе всеобщее внимание, и, удостоверившись, что и хорон, и риз недоуменно смотрят на него, показал им телефон.

— Мы тут уже полтора часа сидим, — недовольно проговорил Кристиан, рефлексивным движением сдувая с лица длинную серебристую прядку-чёлку. — Долго ещё, мистер надзиратель? У меня в планах поспать сегодня.

— Завтра же суббота, — хмыкнул Крайт и закрыл блокнот, протягивая его удивлённому Адамасу. — Куда ты торопишься? На том свете отоспишься.

— Вашими усилиями, певчие птички, я там окажусь вот-вот. Подохну со скуки! — он откинулся на спинку кресла, закладывая за голову руки. Адамас тоже окончательно пришёл в себя и спросил у буравящего его кузена взглядом Крайта:

— Кстати, да. Они там насколько вообще? Мы сегодня даже без ужина, а уже почти три. Можно, ну, позвонить куда-нибудь?

— О, да, конечно! — риз схватил со стола телефонную трубку и приложил её к уху, изображая разговор: — Алло, это Главнокомандующий? У нас тут детки заскучали, вы как там, сворачиваетесь? Нет, я понимаю, что на Севере ад и Декк, но там всегда так, сколько себя помню, может, ну их в ж...

— Спасибо, Крайт, я понял, — фыркнул Адамас, а Кристиан вскочил с кресла.

— А я вот не понял! Что вообще за самоуправство? Пообщаться и дома можно, в том числе и влечь по самое не балуйся всем проштрафившимся! С какого я тут-то должен сидеть и ждать чуда?!

— Что ж ты нервный такой, — пожурил его уже откровенно веселящийся Крайт. — Бери пример с Вэлианта: ведь пришёл в себя, а хоть бы одна жалоба! Или тебе, Крис, налить, может? Ну, от паники?

Судя по мгновенно загоревшемуся лицу Кристиана, он уже был готов наброситься на риза с кулаками, и, пока Адамас спешно соображал, как разрядить накалившуюся атмосферу, Крайт отвлёкся на свой провибрировавший телефон и буквально спустя пару секунд громогласно объявил:

— Хорошие новости, мальчики! За вами идут!

Прежде чем хоть кто-то из них успел спросить, кто именно, двери приёмной открылись и порог переступили двое. Одного Адамас узнал сразу — вошедший к ним серебрянокожий, дымчатоволосый и синеглазый рейтер с высшими знаками отличия на форме, идеальной осанкой и презрительно-снисходительным выражением лица не мог быть никем иным, как Теодором Цессейским, старшим братом Вэлианта (таким же неродным в их семье, как он

сам). А вот второго хорон не видел ни разу и с любопытством оглядел с головы до ног за те пару секунд, что были между их с Тео появлением и началом второго акта шоу.

Здесь, в приёмной президента, чопорном, официальном, «высшеинстанционном» месте странно смотрелся даже Крайт, отпускающий шуточки направо и налево, что уж было говорить про этого примерно двадцатидвухлетнего парня-хорона, ярко-рыжего, как аурис, веснушчатого, кажется, на каждом сантиметре открытой кожи, с чересчур заметными для хорона скулами, которые, вкупе с углублённой и тоже широкой челюстью, делали его немного похожим на хиддра, — и открыто, широко и радостно улыбавшегося. Причёска у него была обыкновенная — просто коротко стриженные волосы, а чайные глаза, почти такие же, как у сестры Адамаса, Миа, буквально искрились из-под линии бровей. В отличие от Теодора знаков выслуги он не имел, но, раз пришёл сюда вместе с ним, очевидно, непосредственно относился к этой высшей тусовке.

— Господа собравшиеся, прошу знакомиться! — провозгласил Крайт. — Тео вы, не сомневаюсь, знаете, а с ним вместе — Джей Дьямов, прошу любить и жаловать! Единственный и неповторимый стажёр Его Высокопревосходительства Второго Советника Главнокомандующего Рафаэля Талайсибары!

— Некоторые в курсе, — впервые за всё время подал голос — и крайне неприязненный — Вэлиант, как оказалось, сверлящий взглядом обоих вошедших и, насколько его знал Адамас, тем самым пытающийся скрыть собственную нервозность или даже страх. Немедленно повернувший на него голову и сузивший глаза Теодор шагнул к его диванчику и посмотрел на младшего брата сверху вниз.

— Смотрите, кто заговорил, — ядовито сказал он и толкнул Вэлианта коленом в бок. — Как тебе с собой живётся-то, позорище? Ещё не достиг ничего, а пытаешься мыслить себя недооценённым гением и прожигать талант, пока есть что? Много придумал в декадаровом дыму?

— Что б ты понимал, любимчик Управления, — с ненавистью процедил сквозь зубы Вэлиант, приподнимаясь на локте. — Тебе-то вообще никогда напрягаться не приходилось. Родись я синайцем, тоже плевал бы сейчас на всех.

— Я плюю конкретно на тебя, братишка. За твоё полное неумение доказать хоть кому-то, что ты представляешь из себя нечто большее, чем ноль. Или вождением малолеток по барам ты себе авторитет и зарабатываешь? — Теодор сложил на груди руки, насмешливо рассматривая хиддра ничего хорошего не предвещающими васильковыми глазами, и тот завозился, явно намереваясь наконец встать и нормально поговорить с братом, но тут между рейтером и диванчиком вклинился Джей.

— Ну всё-всё, мир, дружба, пряничный домик, ок? — он мягко улыбнулся, а Адамас мельком оглянулся на Крайта: тот, опять подперев голову рукой, с неподдельным интересом следил за происходящим, определённо не собираясь вмешиваться. — Тео, тебе его ещё домой везти, там, по дороге, и наговоритесь. Тоже развели кошачьи бои.

— Ох, Джей, был бы у тебя такой непутёвый брат, я бы посмотрел на твой пряничный домик, — закатил глаза Теодор, и Вэлиант выпалил:

— Да ты мне вообще не брат, понятно?! Я в первую очередь из-за тебя сбежал из дома при первой же возможности!

— Как странно это слышать, учитывая, что на тот момент я уже жил отдельно. Ещё раскрытие страшных тайн будет?

— Ребята, ну хватит, серьёзно, — улыбаясь, Джей осторожно отвёл Теодора на

несколько шагов от Вэлианта, и удивительно было наблюдать, как он подчиняется человеку, определённо уступающему ему и в возрасте, и в чине, и в значимости. — Нам уже ехать пора. Адамас, Кристиан, — хорон поочерёдно посмотрел на кузенов Страховых, — меня попросили развезти вас по домам. Ваши отцы подойдут домой к утру, ну, а если не подойдут, обязательно известят вас. Идёмте.

— Кто ты вообще такой? — поморщился Кристиан, и Теодор фыркнул.

— Знаешь, Вэлиант, ты сто процентов испортил этих молодых людей. А ведь такие надежды все трое в своё время подавали...

— Тео, — Кристиан резко повернулся к нему, — тебя учили в детстве, что, если не можешь сказать ничего хорошего, лучше вообще молчать?

— Наверное, те же люди, что и тебя, — ухмыльнулся рейтер и полностью переключился на Вэлианта. — Подъём, рота. Мне завтра рано на службу, а у тебя вообще-то экзамен. Может, хоть в этот раз ты сдашь всё с первого раза?

Вэлиант, больше не удостаивая его и взглядом, встал и, махнув и Адамасу, и Кристиану одновременно, вышел из приёмной. Кивнув Джею и отдав честь Крайту, Теодор последовал за ним. Как только дверь за ними закрылась, риз начал обмахиваться первой же подхваченной со стола папкой.

— Наконец можно вздохнуть спокойно! Раф говорил мне, что у них с отношениями стало всё плохо, но я и не подозревал, что настолько! — покачал головой он, и Джей пожал плечами.

— Нашла коса на камень. Тео слишком требовательный, а Вэл чересчур любит пускать всё на самотёк. Не провали он второй год, может, было бы всё лучше... Ну что, мы поехали?

— Они там надолго, да?

— Да мне пока не рассказывали. Домино только просил тебя запереть приёмную и подойти к ним с твоими новостями.

— Отлично, мне как раз нечего делать, — Крайт встал и опять, с хрустом, потянулся. — Молодёжь, подъём. Возрадуйтесь, вы наконец едете домой.

— Да уж, — Кристиан надвинул на голову капюшон толстовки и сунул руки в карманы. Отошедший от стола Адамас ободрительно хлопнул его по плечу, не получив в ответ даже взгляда, и первым пошёл за махнувшим им Джеем из приёмной обратно в галереи.

Машиной у «первого и единственного» стажёра Рафаэля оказался «филин» двух- или трёхгодичной давности выпуска тёмно-фиолетового цвета — обычная легковушка для тех, кому машина нужна, чтобы добираться до работы и обратно, из чего Адамас сделал вывод, что Джей, как и его куратор, не был подвязан на полевую деятельность. Поскольку Кристиан немедленно залез на заднее сиденье, где, совсем спрятав лицо за капюшоном, опять уткнулся в телефон, его кузену ничего не оставалось, кроме как сесть рядом с Джеем на переднее. Почему-то ему показалось кощунственным принимать сейчас сторону явно на всех обидевшегося Кристиана, вместо того чтобы воспользоваться очередным удобным случаем и пообщаться за здорово живёшь с приближённым к верхушке ГШР.

— Ты наши адреса-то знаешь? — любопытствовал хорон у Джея, пока тот выезжал с парковки.

— Чего я только не знаю, — хмыкнул тот. — Быть стажёром у второго советника — это вам не хухры-мухры. Плюс работать в одной группе с Теодором...

— Я забыл, а кто первый?

— Домино, конечно. По крайней мере, в условиях начавшейся фиг знает какой по счёту войны с Севером. Ты же, наверное, знаешь, какую роль он играл в предыдущей.

— Крайт был очень любезен и напомнил мне, хотя я и забыл эти детали. А не в условиях войны?

— Так-то Кит.

— Интересно, мой отец раздаёт лучшие места по степени дружбы с кандидатами? — фыркнул Адамас, и Джей непонимающе посмотрел на него.

— При чём тут дружба? Они разбираются. Сколько лет уже ведут всё самое важное в ГШР.

— Ну да, да... А ты-то как в эту компанию попал?

— Судьба свела, — усмехнулся хорон. — Мне кажется или ты относишься ко всему этому... с некоторым пренебрежением?

— Я искренне стараюсь воспринимать вашу работу серьёзно: война, террористы, всё такое. Но не получается, потому что в моём доме периодически живёт человек, который своим пофигизмом позволил «всему этому» случиться и, по несчастливой случайности, является моим отцом. — Адамас закатил глаза и отвернулся к окну, за которым мелькали ярко освещённые улицы центра Канари. Джей, наблюдавший за ним краем глаза, растерянно спросил:

— Это каким же пофигизмом? Твой отец делает всё, чтобы Север не нахлынул на нас как цунами...

— Так-то оно так. Но кто виноват в том, что этот Север вообще существует? Я ведь знаю, как было раньше, когда отец был ещё в оппозиции к президенту. Как он бесился, что Эдриан позволяет этим северным нелюдям творить там беспредел, в то время как ГШР усиленно делает вид, что ничего не происходит и так далее. А теперь что? Снова-здорово?

— Адамас, просто ты не понимаешь...

— Хорошо, значит, очевидно, ты понимаешь? — Адамас повернулся обратно к нему, не зная, что именно сейчас ему чуть ли не впервые в жизни удалось сделать из глаз те же колодцы, что были свойственны его отцу в моменты напряжения всех чувств и, по мнению его сына, совершенно не передававшиеся ему самому. — Тогда объясни мне. Почему за эти почти пятнадцать лет с момента выхода из оппозиции в ряды правящей партии и обретения полного контроля и над президентом ГШР, и над всем ГШР в общем, мой отец сам так и не занял президентское кресло?! Ну, знаешь?

— Я думаю, у него были на то свои причины, — твёрдо проговорил Джей. — Ты его-то об этом спрашивал?

— Пока не представлялось возможности сделать это в лоб, но обходными путями я выяснил как раз то, что ты мне сказал, — огрызнулся хорон. — Я даже не могу представить, какие на то могут быть причины. Он ведь и так за всё отвечает! Один раз его не было дома полтора месяца: уехал, видите ли, в затяжную командировку! По факту сейчас он так же рассекает перед МД, как и все до него! Сколько можно-то?!

— Тебе правда лучше хоть раз нормально поговорить об этом с ним, — Джей положил руку Адамасу на плечо, останавливаясь на светофоре. Они были уже совсем близко от дома Кристиана, а там и до дома Адамаса оставался всего квартал.

— Если он до этого не посчитал нужным разъяснить мне свою позицию, думаешь, сейчас что-то изменится?!

— Может, твой отец считает, что пока ты не способен его позицию понять? Ну, в силу

возраста или убеждений?

Адамас фыркнул и отмахнулся. Каждый раз, когда он начинал с кем-то заговаривать об отце, он кипел от злости, и именно поэтому Кристиан, например, при первых же звуках темы плотно зажимал уши руками и начинал громко напевать какую-нибудь им обоим ненавистную мелодию, а Вэлиант просто доставал телефон и включал очередное вирусное видео со смешными криками. Что ж, очевидно, сегодня ему наконец представится шанс поговорить с отцом обо всех важных проблемах.

— В одиночестве, — продолжил Джей, — каждый способен надумать себе такое, что потом и сам не поверит. Нужно разговаривать с людьми.

— А если люди не хотят с тобой разговаривать? — саркастически хмыкнул Адамас, и рыжеволосый хорон пожал плечами.

— Значит, нужно вести себя так, чтобы они захотели. Расположить к себе.

— Ты это со своего опыта с Теодором говоришь?

— Да хотя бы. Мне ещё не попадался человек, который в трезвом уме и твёрдой памяти не способен нормально общаться, какие бы у него там ни были заморочки. А умение расположить к себе приходит с опытом.

Они остановились у подъездной дорожки дома Кристиана — почти в каждой комнате горело окно, а на пороге входной двери и вовсе кто-то стоял, судя по очертаниям и позе, младший брат Кристиана Эдмон, этакая ухудшенная по степени ядовитости версия Теодора. Джей перегнулся через спинку сиденья к хорону:

— Мы приехали. Выходи, там тебя уже ждут.

— Чувствую, этот кусок торта сарказма я буду есть всю ночь, — один лишь раз посмотрев на свой дом, резюмировал Кристиан и, спрятав телефон, протянул руку Адамасу. — До встречи, брат. Созвонимся, как только получим от надзирателей такое право.

— Полегче с Эдмоном, — напутствовал его Адамас, пожав ему руку. Нарочито игнорируя Джея, Кристиан вышел из машины и расслабленной походкой двинулся прямо к младшему брату, уже распростёршему ему объятья. Проследив, как Кристиан, решительно отодвинув его с дороги, скрылся в доме, Джей тронул машину с места.

— У вас у кого-нибудь нормальные отношения с родственниками есть? — спросил он у Адамаса, и тот передёрнул плечами.

— А что, у нас есть нормальные родственники?

Джей в ответ только поджал губы и больше, до второй остановки, не проронил ни слова.

В доме старших Страховых свет, наоборот, горел только в гостиной на первом этаже и в одной из комнат наверху — там обычно властвовала Миа, и Адамас уже предчувствовал, какой его ждёт приём.

— Ну что ж, приятно было познакомиться, — Джей душевно пожал Адамасу ладонь. — Может, скоро ещё встретимся. Удачно тебе поговорить с отцом.

— Боюсь, об удаче там и речи не идёт, — мрачно сказал Адамас. — Но спасибо. Пока.

Он вылез из машины и, чувствуя себя какой-то заблудшей овцой, возвращающейся домой к любимым волкам, под приветственный лай услышавших его собак побрёл к входной двери.

Когда Адамас зашёл в дом, мама уже стояла в прихожей, холодно и с огромным упрёком взирая на него из-под полуопущенных век. Хорон заискивающе улыбнулся ей, неуклюже стягивая ботинки, но не дождался в ответ ровным счётом ничего. Стоило ему опять поднять голову, как мама выразительно глянула на электронное табло с часами и саркастически

спросила:

— Три часа ночи. А вы знаете, где ваши дети?

— Прости, я просто забыл, это же первый раз! — взмолился Адамас, краем глаза наблюдая, как к ним с лестницы на второй этаж бодро соскакивает Миа, и уже понимая, что нормального разговора не получится.

— И точно не последний! — уничижающе фыркнула мама, и ему захотелось тут же провалиться сквозь землю от стыда. Они с отцом попеременно бросали его из одной крайности в другую: от страха и желания бунтовать в совесть и мольбы. К счастью, сестра в привычной ей манере не дала моменту достичь пика.

— О, блудный сын вернулся! — весело поприветствовала она Адамаса, останавливаясь на одной линии с Ледой, и та степенно покинула прихожую, давая понять, что им с сыном разговаривать больше не о чем. Адамас недовольно воззрился на Миа, и она продолжила: — Как там нонче, в клубах-то? Всех легкодоступных поперещупал? Пубертатный период, всё такое, да? Вы, взрослые, меня не понимаете?

Она была великолепна: с этими горящими живой искрой бронзовыми глазами в густых черных ресницах, с короткостриженными под мальчика волосами уникального в их семье, да и наверное, по всему миру цвета — каждый волос на две трети чёрный, на треть белый и каждый в своей последовательности, которыми она то и дело встряхивала; с неизменной тёплой улыбкой с ноткой насмешки — как Миа ни старалась, ухмылки отца у неё не выходило. Адамас обожал её, особенно в контрасте с Теодором, Эдмоном и Аланом (про его пассию Салли Гаспарову лучше было вообще не упоминать), поэтому, не сдержавшись, шагнул и обнял её, повергнув девушку в полнейшее ошеломление.

— Эм, что я такого сказала? — поинтересовалась Миа, осторожно отлепляя брата от себя. — Я рассчитывала на немного другой эффект.

— Знала бы ты, какое ты золото. Наслушавшись сегодня и отца, и Теодора, и всех остальных, я лишний раз в этом убедился, сестрёнка, — влюблённо глядя на неё, проговорил Адамас, внутренне опять слегка злясь из-за того, что она его ненамного, но выше.

— Это папа ещё домой не вернулся, — усмехнулась Миа, и Адамас, воспользовавшись тем, что она расслабилась и отвлеклась, крепко схватил её за руку и притянул к себе.

— Признавайся, ты меня сдала? — прошипел он, буравя её взглядом, но, как обычно, не прошло. Неуловимым приёмом вывернувшись, Миа прыснула со смеху.

— Вот уж мне делать нечего! Твой класрук звонил, и мама по несчастливой случайности не была занята с собаками. Ты правда полагаешь, что сможешь вот так безнаказанно полгода почти всухую прогуливать школу? Слушай, я горжусь тобой, это семейный рекорд какой-то! Мой месяц ты побил не оглянувшись!

— Очень смешно, — Адамас отошёл от неё. — А потом мама сказала отцу?

— Позвони ты, может, она бы тебя пощадила. Но логичный ход твоих мыслей мне нравится!

— Избавь меня от своих подколок. Не ходит слухов, когда отец придет?

— Час-полтора и до бесконечности. Но я слышала, что сегодня он будет стопроцентно. И, кстати, — Миа наклонилась к нему, — у АНД чёткий приказ не выпускать тебя дальше заднего двора. Ты попал, братик.

— Спасибо, я в курсе. Ладно, спокойной ночи, и прошу меня не беспокоить, — помавав ей на прощание рукой, Адамас ушёл на кухню, чтобы оттуда попасть на задний двор, к собакам.

Официально их питомник серых риджбеков существовал всего два года, но на деле — уже лет восемь минимум. Сначала мама в одиночку потихоньку разводила потомков той пары псов, которых давным-давно ей подарил отец, и раздавала щенков по знакомым — как правило, гэшээровцам, потому как при должном обучении собаки проявляли очевидные способности не только к безупречной охране дома на случай отключения АНД (лаяли они, например, только при появлении друзей, при незнакомых же зловеще молчали до последнего), но и безболезненному захвату преступника. А потом к ней присоединился партнёр Сейи, друга и бывшего напарника Рейна, хетт Платон, тоже обожающий собак и как раз уволившийся с нелюбимой гражданской работы, и они занялись разведением вплотную, ещё через несколько лет зарегистрировав питомник официально. Теперь здесь выращивали не охранников, а ищеек, и уже не только серых, но и чёрных как уголь — специально для патруля и розыскного отдела ГШР.

Адамас тоже любил с ними возиться, только желательно в отсутствие остальных управляющих, и, поскольку два года назад мама окончательно ушла со своей юридической практики и осела дома, этот шанс предоставлялся всё реже. Сегодня же всё благоволило. Мама отправилась либо спать, либо обижаться, до возвращения отца он всё равно не уснёт — и ему срочно нужно было отвлечься и успокоиться.

Шестеро взрослых и неопределённое для Адамаса количество щенков встретили хорона радостным лаем. Потрепав по голове или холке каждого, до кого смог дотянуться, Адамас выпустил на обширный задний двор играть своих любимчиков — семилетнего Князя и совсем юную Метрессу — и завис с ними на долгое время. Пожалуй, только так и можно было избавиться от грызущего его беспокойства и подступающего к горлу отчаяния. Отец был скор, тяжёл и изобретателен на наказания, а пропуск школы не спустит ему ни за что, и небеса знают, что он всё-таки выберет для штрафника.

В пять рассвело, и Адамас загнал собак обратно на псарню. Вернувшись в дом, он обнаружил, что его женская половина уже спит, а отец, конечно же, и не появлялся. «Сегодня будет стопроцентно» — это вплоть до полуночи? Как же жить с такими прогнозами? Привычно преобразовывая страх в злость, Адамас гордо прошествовал в свою комнату и, включив себе в наушниках музыку, сел играть за компьютер.

О том, что обстановка поменялась, ему сообщил сменивший цвет диод АНД на противоположной стене. Увидев этот грозно-оранжевый огонёк, всего-то сообщающий, что в комнате кто-то из знакомых, Адамас резко обернулся. Отец стоял, привалившись к косяку двери и молча смотрел на него. Здесь, в обстановке комнаты подростка, в домашней одежде, без свиты высокопоставленных генералов, сверкающих знаков отличия и матово-чёрной формы он смотрелся совершенно не к месту и не собой, Главнокомандующим всеми военными силами ГШР и МИЦа, — а всего лишь донельзя уставшим мужчиной средних лет с яркой сединой на висках и залёгшими под глазами глубокими тенями. И если бы не тёмный, многообещающий, полный осознания собственной значимости и безмерной власти взгляд, у Адамаса совсем бы отлегло от сердца.

Но глаза-колодцы отца всегда были при нём и никогда не сулили ничего хорошего, и он автоматически напрягся. Сорвав с головы наушники и одним движением отключив компьютер, Адамас развернулся к отцу, заранее взводя себя. Рэкс шагнул в комнату.

— Это хорошо, что ты не спишь, — странным, не идентифицируемым на эмоции, голосом сказал он, усаживаясь на кровать. — Я бы хотел решить все наши проблемы сейчас.

— А то что? — хмыкнул Адамас, стараясь держать лицо. Рэкс пожал плечами.

— Потом будет поздно.

— Отлично! С чего начнём?

— Начнём с начала, — он непонятно улыбнулся. — Почему ты за этот семестр появлялся в школе всего три раза?

— Потому что она мне на фиг не упала, чего непонятного? Я и так всё это знаю! Хочешь, проверь!

— Я верю тебе на слово. Я был такой же. Вот только...

— Вот только подмазывался к администрации, да, я в курсе. Мне это не надо, я их в виду имел. У меня и без них всё отлично складывается.

— Я делал это не ради каких-то там преференций, — покачал головой Рэкс, всё так же не к месту улыбаясь и выводя сына из себя. — Это же практика. Общения с вышестоящими. Если ты в раннем возрасте научишься держать себя с ними так, чтобы и самому не унижаться, и одновременно получая от них всё, что тебе нужно, дальше будет легче идти вверх.

— Это ты так до Главнокомандующего дослужился? — съязвил Адамас, и Рэкс усмехнулся.

— Моё лояльное отношение к вышестоящим кончилось после Академии. Страховы впали в жёсткую немилость, начавшуюся ещё с моего деда, и приходилось буквально выживать. Ну да ты это всё знаешь.

— Прекрасно. Сейчас-то Страховы ещё в какой милости. Зачем мне учиться общаться с вышестоящими? Ты и так вечно будешь за моей спиной!

— Во-первых, за слово «вечно» я бы поспорил, если учесть, где я нахожусь в последние полгода и буду находиться ещё минимум год. Во-вторых...

— Во-вторых, отец, твоих друзей и советников тоже никто не отменял! Я по-любому нескоро выйду из вашей тени, если уж ты планируешь создать из меня своего преемника! Ну а пока выйду, как раз научусь любезничать, — Адамас с отвращением поморщился.

— Пока работаешь ты на два с минусом, — Рэкс закатил глаза. — У тебя с обычными людьми-то не получается нормально общаться, что уж про вышестоящих говорить.

— С кем надо, с теми получается! Если ты считаешь мой круг неподходящей компанией, это уже твои личные проблемы! Меня всё устраивает!

— И кто же из твоего избранного круга толкнул тебя на эту суперидею — прогуливать школу?

— Вообще-то сам додумался, Вэлиант меня, между прочим, отговаривал! Вот Кристиану — ему, да, абсолютно всё равно было... — сказав это, Адамас в ужасе замолчал, поняв, что только что сболтнул. Судя по вскинутым бровям, отец тоже это понял.

— То есть ещё и Кристиана за собой потащил. Ясно. Так куда ты намереваешься идти после школы?

— Как будто у меня есть выбор, — отвернулся Адамас.

— Выбор есть всегда, если к нему прилагается стойкое желание. Однако мне всегда казалось, что ты заинтересован в военном деле, то есть тебе прямая дорога в Академию ГШФ на мицевский факультет. Верно?

— Типа того.

— И как ты собираешься там учиться с таким отношением и тягой к ночным клубам? Как Вэлиант — заедая каждую неудачу, а их будет много, весёлыми таблетками?

— Вэлиант такой прежде всего потому, что отец на него забил, когда он по конкурсу не

прошёл и якобы разочаровал его! Вы же все хотите, чтобы мы были самыми лучшими, и...

— Вэлиант докатился до такого абсолютно самостоятельно, — скривил губы Рэкс. — Очень самоакапывающийся человек, впрочем, он был таким с детства, и нет ничего удивительного в том, что не изменился со временем. И кстати, вбил себе в голову, что его никто не понимает, особенно отец, да ещё и всем вокруг рассказал, Рафаэль до сих пор в некотором шоке. Но они разберутся. В жизни Вэлианта рано или поздно случится что-нибудь такое, из-за чего он резко поменяет своё мнение, окончательно выкопает на свет божий свой якобы непризнанный талант и совершит невозможное. А заодно и станет добрее к людям. Однако в твоём отношении я не собираюсь ждать до поступления в Академию.

— Ну наконец-то! Рассказывайте, Ваше Высочество, что же вы для меня приготовили? — Адамас поставил локти на колени, положил на ладони подбородок и демонстративно заинтересованно уставился на отца. Тот откашлялся.

— Можно обойтись и без титулов... Хорошо, слушай. В эту ночь у тебя поезд. Ты вместе с Кристианом отправляешься в наш учебный военный пункт на южной оконечности Дракона в пределах Севера. Там под присмотром Дилайлы, дочери Лемма Шштерна, — ты её, конечно, помнишь — и Табиты Багдассар доучишься этот второй семестр, чтобы по возвращении в полной боевой готовности поступить в Академию. Вопросы?

Ошарашенно слушавший его Адамас один раз моргнул и в избытке чувств, мгновенно накалившись до предела, вскочил со стула.

— Ты шутишь?! Ты отсылаешь меня на войну?!

— Я отсылаю тебя на учёбу, сын. Да, в военной обстановке. Но там на много километров кругом только наши. Это двойной пункт — для МИЦа и МД одновременно. Две их детдомовских группы твоего возраста прибыли буквально на днях — как раз чтобы получить специфическую подготовку и летом, если война будет в силе, пойти дальше воевать.

— Я буду в одном лагере с будущими агентами МД?! Ну спасибо, папочка, вот уж чего от тебя не ожидал!..

— С МД мы вообще-то с начала войны союзники. Этот лагерь — новообразование, туда отобрали по заявкам лучших из лучших, долго и упорно доказывавших, что они достойны туда попасть. Видишь ли, — Рэкс многозначительно хмыкнул, — далеко не все полагают, что в деятельности ГШР — да и МД — нет ровным счётом никакого смысла, а все люди — бывшие или будущие бойцы нескончаемой войны...

— Ты себя вообще слышишь?! — Адамас нервно заходил по комнате. — Собственного сына в горячую точку! К МД! Я так похож на солдата? Ты так хочешь моей смерти? Я настолько тебе надоел?!

— Прекращай истерику. Войной там и не пахнет. Будешь в целости и сохранности.

— Серьёзно?!

— Адамас, — терпеливо проговорил Рэкс, — так для тебя будет лучше, поверь мне. Ты много нового узнаешь для себя и, может быть, наконец определишься, какой ты и как правильно жить.

— О, наверное, по твоему мнению?! — Адамас резко остановился прямо перед ним и впился взглядом в ничего, кроме все терпимости, не выражающее лицо. — Я, по-моему, и так вполне себе живу по твоим заветам!

— Это где же?

— А вот прямо тут, отец! Избегаю ответственности, точь-в-точь как ты! По какой ещё

причине ты, подмяв под себя весь ГШР, так и не стал президентом? Ты выбрал нечто среднее, ты до сих пор позволяешь жить этому чёртовому Северу — Крайт рассказал мне, как «Аркану» во главе с... как его там... Азатом удалось захватить власть! Если бы ты был пожестче, если бы не лавировал вечно между собой и МД, им ни в жизнь бы это не удалось! Так если ты пускаешь всё по течению, почему я должен вести себя как-то по-другому?!

— Я бы объяснил тебе, почему я веду себя так, как ты себе это представляешь, если бы была хоть какая-то надежда, что ты поймёшь всё верно, — глаза Рэкса окончательно стали чёрными, хотя голос остался тем же ровным. — А идеального правления вообще не бывает. Лидер — вечный заложник компромиссов. Как говорится, вырастешь, осознаешь.

— Может, потрудишься сейчас?! Мне не пять лет!

— Дело не в возрасте, сын. Дело в убеждениях. Скажем так, в восемь лет ты понял бы меня лучше, чем сейчас. Этот лагерь пойдёт тебе только на пользу, глядишь, перебесишься и с тобой наконец можно будет разговаривать как с равным.

Рэкс встал — и хотя с сыном они были уже одного роста, он всё равно безмерно возвышался над ним, и от осознания этого Адамас взбеленился ещё больше.

— Почему ты считаешь, что жить по-твоему — это и есть правильно? — с ненавистью и отчаянием процедил он сквозь зубы, неотрывно глядя на отца. Тот лишь отрицательно мотнул головой.

— Вовсе нет. Я только хочу, чтобы ты следовал себе, а не метался между двумя крайностями, никак не в силах определиться и в итоге не приходясь ни там ни там. Иногда я жалею, что успел тогда, восемь лет назад, поймать тебя при твоём побеге к Дилайле в интернат. Кто знает, может, сейчас ты был бы совсем другим.

Он отошёл к двери и, последний раз обернувшись на так и не сдвинувшегося с места Адамаса, бросил:

— С вами поедет Джей, с момента посадки в поезд он ваш старший, извольте вести себя правильно. Остальные детали сообщу ближе к вечеру. И ты всё ещё под арестом, казанова.

Дверь за ним закрылась, и, оставшись в одиночестве, Адамас, ещё секунд пять посверлив взглядом потолок и буквально задыхаясь от свалившейся на него несправедливости, бросился на стену с кулаками. Лишь совсем, в кровь, сбив костяшки, он сполз на кровать и зарылся лицом в подушку.

Север, затаившись, ждал.

Глава 2. Смутьян

Поезд в Хайров отходил через семь минут — все попрощались. Адамас, мрачный как туча (впрочем, не мрачнее тут же присутствовавшего Кристиана), специально держался поближе к маме и подальше от отца, на удивление пришедшего его проводить. Отца всё ещё окучивала Миа, и разговаривал он с ней примерно тем же тоном, которым на осторожные просьбы Адамаса «последний раз» пообщаться с отцом отвечала мама.

— Ну почему нет, папа? Ну чем я хуже? — вопрошала Миа, возникая то слева, то справа от подчёркнуто глядящего в сторону поезда Рэкса. — Почему ему вечно достаётся самое интересное?.. Ну он же пропадёт без меня! Вот зуб даю: Адамас сейчас такой на всех злой, что у вас там всё кувырком пойдёт! А я и приструню, и защищу, если что! Ну папа!

— Дочка, — со всетерпимостью в голосе отозвался Рэкс, — я с первого раза тебя понял, веришь? Тебе там делать абсолютно нечего, да и Адамасу, к слову, тоже, но он меня вынудил. Вопрос закрылся ещё дома, от тысячного напоминания я не передумаю, не старайся.

Миа цокнула языком и бочком пододвинулась к маме, хотя, по мнению Адамаса, это был совсем уж дохлый номер: она и его-то отпустила только потому, что, цитата, «твой отец знает что делает, и я вмешиваться не собираюсь, хотя и не в восторге». Хорон мельком оглянулся на Кристиана: его крепко держала и явно совершенно не намеревалась отпускать его мама, Айрис, то и дело бросавшая на демонстративно отстранённого мужа то жалобные, то гневные взгляды; потом на чуть поодаль расположившегося от них Эдмона: тот, заметив взгляд Адамаса, извлёк из кармана свёрнутый в трубочку листок бумаги и растянул его. «Счастливого пути», — прочитал Адамас, закатил глаза, отворачиваясь от издевательски улыбавшегося ему младшего кузена, и решил последить за Джейем.

Хорон стоял на перроне один, в нескольких шагах от них, и абсолютно очевидно было, что его никто провожать не придёт. По нему вообще сложно было сказать, как он относится и к этому, и к тому, что его срывают с работы и отправляют фиг знает куда (от Хайрова на машине в горы, потом пять километров от главной дороги по плато в пределах первой границы, потом вниз, до небольшого города Шалкара и — в лес ещё на километр) присматривать за младшими Страховыми. Стоял Джей ровно, с небольшим чемоданом у ног, смотрел на вагоны, жмурился на лёгкий ветер и, кажется, даже чему-то едва заметно улыбался. Вот это исполнительность. Рафаэль наверняка бросил ему что-то вроде «Радуйся!», он и радуется...

— Внимание! — раздалось над вокзалом. — Поезд Канари — Хайров отправляется. Отбывающим просьба занять свои места, а провожающим покинуть вагоны. Внимание!..

— Ну что ж, вам пора, — Рэкс поочерёдно посмотрел на Адамаса и Кристиана. — Удачи и счастливо отучиться. Не забывайте, что за вашим поведением будет приглядывать сразу несколько человек, так что постарайтесь без эксцессов. МД и так не очень-то верят, что могут быть в связке с ГШР.

— Может, в МД я и останусь, — проворчал Адамас, подхватывая с земли свою сумку и демонстративно не глядя на отца. Тот сделал вид, что не услышал.

— И слушайте Джей, — добавил он, кивнув обернувшемуся к ним хорону. — Ей-богу, будто к бабушке отправляю... Джей, желаю тебе терпения. В добрый путь!

В последний раз обнявшись с Ледой и Айрис, Адамас с Кристианом вслед за Джейем

заскочили в поезд и пошли к прописанному в билетах купе: у них было своё, без права подселения, четырёхместное, почти в середине вагона. Пока рассаживались и распределяли, кому какая полка, поезд тронулся. Замерший у столика Адамас молча смотрел в окно, пока виды вокзала Канари не сменились невнятными промышленными постройками, почти тонущими во тьме из-за включённого в купе света, и только после того, как его любимый город превратился в дорогу на Север — окончательно и бесповоротно, — отвернулся от окна и сел на свою полку.

— Я ушёл спать, — во всеуслышание заявил Кристиан, за это время уже успевший застелить свою полку и даже разжиться на всякий случай пледом, и в одно мгновение исчез наверху. Понаблюдав, как он отворачивается к стене и затыкает уши наушниками, Адамас перевёл взгляд на неспешно распаковывавшего пакет с бельём Джея.

— А ты? — спросил он, и тот улыбнулся.

— Час посижу и тоже спать. Мы в пять прибываем, и потом спать нам — ну, или мне — никто не даст. Так что лучше воспользоваться случаем.

— Ну может быть, — Адамасу совершенно не хотелось как укладываться, так и застеляться, поэтому он решил пообщаться со своим нынешним командиром: спросить было что. — Почему тебя никто не провожал?

— А кто должен был? Поскольку Рэкс и Рейн были на вокзале, Рафаэль их замещал в штабе. Впрочем, не думаю, что он пришёл бы в противном случае. Он всего лишь мой куратор.

— А члены группы, друзья, девушка?

— Нет у меня никого, — Джей сантиметр в сантиметр уложил одеяло поверх простыни и сел сверху. Адамас недоуменно моргнул, и он рассмеялся. — Да, вот так. Группа у нас странная, и я не сказал бы, что там есть какие-то дружеские связи, хотя как коллеги мы получились неплохо. В остальном... Во-первых, я детдомовский. Во-вторых, у меня слишком много работы, чтобы оставалось время на личную жизнь. Чему ты удивляешься? В жизни всякое бывает.

— Вот уж не думал, что именно с тобой. Ты же совершенно неконфликтный! И так и не завёл друзей?

— Я стараюсь всегда находиться в стороне для объективной оценки ситуации. В конце концов, стажируюсь я сейчас на сотрудника высшего аналитического центра, без глубоких знаний человеческой психологии туда никак.

— Надо же. А с нами-то тебя зачем отправили? Тоже психологию изучать — очевидно, толпы? — хмыкнул Адамас.

— Примерно, — подмигнул ему Джей, откидываясь спиной на стену. — В первую очередь я ваш официальный надзиратель — вы же наверняка так меня меж собой обозвали? Моя прямая обязанность — быть связующим звеном между вами как не-участниками этого лагеря и руководством и вами и вашими родителями. Ну, и ещё я буду преподавать психологию среди кадетов. Точнее, курсантов. Чтобы не заскучал.

— Так, зачем тебя отправили, мы выяснили. Осталось понять за что.

— За успехи и достижения, — серьёзно ответил Джей и, получив очередной непонимающий взгляд, усмехнулся: — А, ты думал, для меня это тоже наказание... нет, вообще-то поощрение. Если, конечно, вы совсем не сойдёте с ума — тогда я начну склоняться к твоей версии.

— То есть ты вечный сторонник политики моего отца и с радостью хватаешься за всё,

что предложат, как преданный солдат, — с отвращением выговорил Адамас.

— Я точно знаю, что до твоего отца всё было хуже. Поэтому, да, всеми руками и ногами его поддерживаю.

— Хуже? А в чём разница? И тогда и сейчас — война на Севере! Причём, больше скажу, сейчас она куда круче! — Адамас порылся в сумке, извлёк оттуда подаренный Крайтом блокнот с записями и, открыв его, хлопнул на стол. — Сейчас у «Аркана», управляемого бывшим напарником Домино, между прочим, главного секретаря президента, Азатом Зехьте, в лапах не только Север, но и всё примыкающее к нему Северо-Западное побережье! Более того, они уже не какие-то там бандиты с большой дороги, а князьки своей собственной земли, потому что ставки — все до единой — не просто под их полным контролем, а ещё и активно выступают против своих сюзеренов. Если Зебастиан развёл на Севере криминал, то Азат создал отдельный регион, способный в том числе вести войну. Север больше не принадлежит ни ГШР, ни МД, он сам по себе. У них даже собственное снабжение через Пикор! Это лучше, чем было?!

— Я бы сказал, это закономерные последствия той слабохарактерной политики, которую проводил единолично Эдриан, — спокойно возразил Джей. — Дрова, наломанные в отсутствие Страховых у руля власти за три поколения, за пятнадцать лет не разгрести, особенно в состоянии непрекращающихся стычек с МД. Твой отец сделал что мог. И точка.

— Президентом он сделал бы больше! Он, кстати, так и сказал мне, как ты, что в силу своих убеждений я не пойму его. Но почему нельзя было просто выжечь там всё напалмом?

— Гражданское население тоже?

— Гражданского населения некоторое время не было! И...

— И Азат, к слову, неплохо спрятался, а потом ещё и инсценировал свою смерть. Всё это удачно совпало с неприятием войны общественностью, с которой так или иначе приходится считаться. За какой-то год совместными усилиями ГШР и МД Север был разгромлен на голову — при Эдриане этого не случилось бы ещё лет десять, а Азат захватил бы Север ещё тогда. Ты правда считаешь, что твой отец не справился?

— Тогда, может, и справился, — закатил глаза Адамас. — Но потом-то? К чему было наращивать присутствие ГШР на Севере, менять руководство в ставках на своих людей, если Азат в итоге просто в один день забрал их на свою сторону? И границы заодно приватизировал: всё оружие, все укрепления! Как они это допустили?

— Все мы люди, — пожал плечами Джей. — И вокруг нас тоже люди. Способные обманывать из страха или убеждений. Все ставленники Рэкса погибли, как только насаждённые «кроты» Азата получили приказ действовать. В один день Север был захвачен. Даже отлично знавший Азата Домино не смог предсказать в нём подобных талантов — есть некоторые подозрения, что ему помогли...

— Я понял: ты будешь оправдывать его до последнего, — Адамас раздражённо выдохнул. — Как бы по-дурацки они себя ни вели, ты, их верный соратник, будешь на их стороне...

— Нужно верить хоть во что-то, Адамас. Без веры человек не способен существовать — по крайней мере человеком. А уж если веришь, за это нужно стоять. Ты подумай, может быть, тебе и правда стоит пойти в МД, раз уж политика отца для тебя неприемлема.

— Ты серьёзно сейчас?! Как будто меня кто-то отпустит!

— Не думаю, что отец встанет на твоём пути, — покачал головой Джей и неожиданно для себя зевнул. Адамас, злой и угрюмый — точно как на вокзале, — сверлил взглядом

столик купе, и хорон решил временно перевести тему. — Ты помнишь свою легенду для учебного лагеря? Может, повторим?

— Как два пальца об асфальт! — злость подростка опять сменилась раздражением, но это был хоть какой-то прогресс. — Я, Матиас Храбров, и мой родной брат, Кёртис Храбров, последними были выбраны для супер-пупер-лагеря МИЦ плюс МД равно дружба навек Интернат в Ториту, соседний к мицевскому Дилайлы, только от ГШР! Родители — рядовые агенты! А теперь расходимся, здесь не на что больше смотреть!..

— Я погляжу, к лагерю у тебя тоже какие-то претензии, — усмехнулся Джей, и Адамаса прорвало.

— А то как же?! Что это вообще за дурацкая идея: обучить тридцать человек, поровну от МИЦа и МД, на доверенных связных в противоположных штабах? Во-первых, война к лету может уже кончиться! Во-вторых, они могут предать и подставить так же, как остальные, не доверенные! На что расчёт-то, я не понимаю?!

— Это специально отобранные без полугода выпускники интернатов, в том числе по представителю каждой расы...

— Ага, каждой твари по паре, ясно.

— Неконфликтные, — с нажимом продолжил Джей, — коммуникабельные, умные, со склонностью к анализу всего происходящего вокруг, и особенно людей. С учётом многочисленных диверсий противника, направленных на то, чтобы солдаты ГШР и МД постоянно в чём-то друг друга подозревали, люди, которым каждая сторона будет безоговорочно доверять, нужны как воздух. Они смогут, если что, разрешить конфликт в зародыше, выступают независимыми экспертами и ревизорами, а ещё в силу навыков смогут уличить подрывника морали. Их и только их донесениям будут верить.

— И всё это за полгода, — с сарказмом фыркнул Адамас, и Джей важно кивнул. — Сказочники...

— Как минимум половине они обучены ещё в детдоме. Здесь будет просто отшлифовка навыков.

— Ну а мы-то там с какого боку?!

— Вам, как будущим агентам, тоже будет полезно познакомиться с внутренней кухней МД. Может быть, некоторые аспекты политики твоего отца станут тебе понятнее.

— Мне даже интересно, как учитель от МД будет себя вести с нами, зная, кто мы на самом деле.

— Вряд ли тебе стоит ждать послаблений, — улыбнулся Джей, уже подбешивавший Адамаса своим непробиваемым спокойствием.

— А я не про это. Эти ушлые эмдэшники не упустят шанса поиздеваться над детьми своего главного врага, ещё и сосланными к ним в наказание! — выпалил он.

— Они далеко не все ушлые... Впрочем, пообщаешься, поймёшь. Я только заклинаю тебя: не вноси смуту в их мирок, ладно? Я знаю, с вас станется. А ГШР и МД пошли на слишком невероятные уступки по отношению друг к другу, чтобы на корню загубить их начинание только из желания кое-кого делать всё назло.

Адамас испытующе посмотрел на Джея, пытаясь понять, как же этот будущий психолог по-настоящему относится и к нему, и к его шансам выжить в этом лагере, однако лицо рыжеволосого хорона всё так же не выражало ничего, кроме участия и мягкой просьбы. Что же надо сделать, чтобы оно изменилось хоть на что-то более человеческое?

— Я тебя понял, Джей, — сквозь зубы отозвался Адамас, и Джей опять улыбнулся. —

Ничего не обещаю, но постараюсь.

— Буду очень признателен. А теперь, если ты не против, давай укладываться спать. Я понимаю, что ты спал, скорее всего, днём, но у меня такой возможности не было. А подъём уже совсем скоро.

— Чёртова закрытая для полётов зона, — ругнулся Адамас, подтягивая к себе пакет с бельём. — Так бы за два часа добрались...

— Что поделать, — философски вздохнул Джей и улёгся под одеяло. — Я вас разбуду. Спокойной ночи.

Адамас хмыкнул и взялся застилать постель. Ярость в нём уже улеглась, оставив лишь горький привкус и желание хоть как-то, но насолить им всем за эту ссылку. Даже Джею, хотя причинять неприятности ему Адамасу хотелось меньше всего: почему-то этот хорон, несмотря на свою зашкаливающую лояльность по отношению к власти, вызывал в нём пока только симпатию. Какие он, в конце концов, ещё может испытывать чувства к своим благодетелям? Рафаэль небось его за уши вытащил из детдома, за это некоторые готовы и на большее, чем просто служить верой и правдой.

Вот только конкретно Адамасу эта высшая тусовка не принесла ничего, кроме разочарования. И, если у него будет шанс доказать им, что все их начинания — полный бред и собственные ошибки они уже никак не исправят, он им обязательно воспользуется.

* * *

Хайров был одним из городов на границе с Великой равниной, прочно отвоёванных союзными войсками, но всё равно на перроне толпилось больше патрульных и военных, чем гражданского населения. Конкретно Джея с подопечными, отчаянно зевающими и завистливо поглядывающими на него, свежего как маргаритка, встречал сурового вида сормах в полевой форме ГШР, который должен был довести их до Шалкара и там передать на руки Табите. Он оказался неразговорчивым — за всю последующую дорогу не сказал в сумме и десяти слов, как Джей ни пытался вступить с ним в беседу. Той же линии придерживался и Кристиан, явно надолго обидевшийся на весь мир и, кажется, на своего кузена в том числе. Зная его характер, Адамас предпочёл его пока не трогать и вместо общения с кем бы то ни было с любопытством оглядывал окрестности.

Через Хайров, уже робко украшенный к Новому году, они ехали совсем недолго, но Адамас вволю налюбовался на непритязательную северную архитектуру — её простота и функциональность не скрашивалась даже гирляндами и растяжками с поздравлениями. Это же надо было так попасть — встречать Новый год на Севере! Стоит только один раз не позвонить маме... С другой стороны, живущие здесь люди встречают Новый год на Севере каждый раз, ему ещё повезло. Интересно, какими вообще являются в душе эти люди, предпочётшие жить в степях вместо пальмовых, ярких, дышащих улиц Канари? Адамас сбежал бы отсюда при первой же возможности.

Нескончаемая стена невысоких многоквартирных домов незаметно перешла в предгорье, и по сторонам от дороги замелькали склоны Дракона. Они взбирались вверх, и Адамас чуть не вывернул себе голову, пытаясь поподробнее рассмотреть и каменисто-травяные, почти все жёлтые по случаю зимы скаты горы, и иногда появляющиеся обрывы, с которых можно было увидеть пресловутые Северные Степи. В какой-то момент их

автомобиль свернул в глубь гор, на пустынную дорогу без единой машины, а оттуда, под уклон, неожиданно выехал точно к Шалкару, вдруг показавшемуся во всей красе из-за поворота. Он был ещё меньше Хайрова и полностью окружён горами и густым лесом, вольготно расплзшимся и по самому городу.

Гэшэровец-сормах увёл машину в западную часть города и там остановился на окраине, чуть ли не в двух шагах от входа в лес — и Табиты, которую Адамас узнал по короткой стрижке густых металлически-серых волос и общей подтянутости тела несмотря на возраст — кажется, ей было уже около пятидесяти, даже его отец, бесконечно взрослый для него, был её младше. Одета эрбисса была в незнакомую форму, явно частично списанную с генштабовской, но без каких-либо знаков и эмблем, поэтому по незнанию её вполне можно было принять за какой-нибудь рабочий костюм или спецодежду.

— Точно по часам, — улыбнулась Табита вышедшему из машины сормаху — с другой стороны уже выбирался Джей. — Спасибо, Жоу. Дальше я сама.

— Рад был помочь, Табита, — добавил ещё четыре слова в свою сегодняшнюю копилку сормах и, пожав Джею на прощание руку, скрылся в машине. Как только Кристиан захлопнул за собой дверцу, Жоу покинул улицу, и они остались с Табитой одни.

— Ну привет, Джей, и вам не хворать, мальчики, — поздоровалась как-то уж очень многозначительно улыбающаяся Табита. — Как доехали?

— Ничего, спасибо, — ответил Джей, кажется, слегка сбитый с толку. — Мы ранее не были знакомы... Позвольте представиться по форме: агент IV уровня общего аналитического отдела Джей Дьямов под ваше командование прибыл! Жду указаний!

— Да ты не старайся, у нас тут всё по-простому, — подмигнула ему эрбисса. — Не армия всё-таки. Жёсткая дисциплина слегка не про наших воспитанников, хотя «представляться по форме» они тоже умеют. Идёмте, прохладно стоять, зима нынче как на побережье, честное слово.

Махнув рукой, она повела их за собой напрямик в лес. Звуки города смолкли, стоило только пройти буквально десяток шагов по широкой асфальтированной дорожке, и Кристиан явно счёл это невыносимым. Он недовольно поинтересовался:

— И что, так пешком и будем шагать?

— Да тут близко совсем, если через лес, — отмахнулась Табита. — Сейчас в чашу свернём, и мне надо будет кое-что тебе сообщить, Джей. Надеюсь, ты будешь не сильно шокирован.

— Меня сложно шокировать, — несколько растерянно хмыкнул Джей. — Если, конечно, лагерь не подорвали...

— Шутник, — рассмеялась Табита, и Адамасу показалось, что нервно. — Кстати, сворачиваем. Смотрите под ноги, мальчики, и след в след за мной, а то заблудитесь. И я, в отличие от вашего командира, ни разу не шучу...

Лес сомкнулся вокруг них — влажный, туманный, весь в зарослях густого кустарника, полный неизвестных Адамасу ветвистых деревьев, с которых гроздьями свешивались лишайники и цветущие лианы, растущие так плотно, что потеряться и вправду было немудрено. Хорон тщательно запоминал дорогу и ориентиры: они наверняка не раз будут уходить в Шалкар из своей тюрьмы и не факт, что с разрешения руководства, а Кристиан никогда не мог похвастаться такой же фотографической памятью, как у него.

— Так что ты хотела мне сказать, Табита? — напомнил Джей, и эрбисса обернулась на него, непонятно улыбаясь.

— Ах, да... Руководство-то уже в курсе, а тебе я решила сообщить по прибытии. Со вчерашнего вечера — можно сказать, ночи — к нам прикомандирован крохотный такой отряд Мессии, никоим образом не относящийся к базе. Просто заселились в отдельный барак и ждут дальнейших распоряжений. И во главе его — Бельфегор Пикеров.

— И... с какой целью они к вам? — сглотнул Джей.

— Не очень, если честно, понятно. Скажем так, это личный приказ Аспитиса и, вероятнее всего, никак не связанный с прибытием в лагерь твоих подопечных. Так совпало. Но о себе вам нужно будет ему заявить, дальше это не пойдёт, ручаюсь. В его отряде пять человек: сыновья Цезаря Шштерна Десмонд и Доминик, семнадцать лет, брат и сестра Иму и Тинаш Ферахха, двадцать три и двадцать один год соответственно, и Унур Кнели, тоже двадцать один год. Последние трое — потомки приближённых Цезаря, гвардейцев Мессии, так что состав там звёздный.

— Замечательно, — Джей откашлялся. — А с чем их появление может быть связано?

— Откровенно говоря, нам не сообщали. Пока что они праздно шатаются по территории, тренируются и развлекают командира, как раз отходящего от недавнего нападения. Может быть, кстати, и с этим.

— Этаким курорт для единственного сына Аспитиса?

— Что-то вроде того, — фыркнула Табита. — Но ты не переживай. Они неконфликтные, если, конечно, самим не лезть. Как только появимся в лагере, Бельфегор подойдёт для знакомства. А потом и заселитесь.

— Как скажешь, Табита...

Что бы Джей о себе ни заявлял, по мнению Адамаса, это сообщение эрбиссы совершенно выбило его из колеи, хотя он и пытался делать вид, что это не так. Сам же Адамас почувствовал, как по спине пробежали мурашки: познакомиться с сыном Аспитиса — вот уж приключение! Интересно, Бельфегор так же относится к Страховым, как его отец?..

Как только Джей отошёл от известия (надо отдать ему должное, достаточно быстро), он немедленно начал расспрашивать Табиту об организации образовательного процесса, и Адамас благополучно отключился от разговора. Он с восторгом изучал окружающий лес — кто бы мог подумать, что здесь будет хоть что-то ему импонирующее! Кристиан слепо таращился в одну точку, опять надев наушники, и, закончив осмотр, хорон решительно вытащил одну бусину у него из уха.

— Ты долго намереваешься отгораживаться от мира? — спросил он. Кристиан, предприняв несколько безуспешных попыток отнять наушник и вставить его обратно, раздражённо засопел.

— А ты-то чего радуешься, не пойму? Типа «расслабься и получай удовольствие»?

— Я, в отличие от некоторых, дорогу запоминаю, — подмигнул ему Адамас. — Нам тут ещё полгода околачиваться. Ты хоть слышал, что нас там ждёт сам сэр Бельфегор Пикеров?

— Серьёзно? И на фига он нужен?

— Похоже, его так же сослали. Будет над чем посмеяться.

— Не знаю, как ты, а я бы с ним не связывался. Чёрт знает, что у этих МД в голове.

— Да ладно тебе, боишься, что ли? — Адамас подтолкнул его под бок, и Кристиан с выражением брезгливости на лице отошёл от него на шаг.

— Слушай, держи дистанцию, твой энтузиазм заразен, не хочу заболеть...

— Я не понимаю, что ты на меня-то злишься?

— А чего непонятного, гений? Мы тут вообще-то целиком по твоей вине! — Кристиан вытянул левую руку и стал демонстративно загибать пальцы. — Прогуливать школу ты придумал. Ходить по клубам ты придумал. Сойтись с Вэлиантом тоже ты...

— Ещё скажи, что это я тебя споил, — осклабился Адамас, и его кузен задумчиво поднял глаза к небу.

— Не исключено...

— Ну вот ещё. Ты не ослик, чтоб я тебя за собой на верёвочке тянул! Так что нечего меня во всём обвинять, раз уж согласился в своё время!

Кристиан закатил глаза, вырвал свой наушник и, спрятав оба под толстовку, стал нарочито заинтересованно смотреть на лес. Адамас тоже отвернулся и до прихода на базу не проронил более ни слова.

База оказалась огорожена стеной с широким и явно рассчитанным на машины КПП и башнями с охраной по всему периметру. Махнув скучающему охраннику-веру, Табита провела всех троих на территорию, и, пока они шли к административному зданию, к которому свернули с главной дороги почти сразу же, Адамас успел рассмотреть всё подробно. Территория у вотчины эрбиссы оказалась немаленькой — и сейчас выглядела абсолютно вымершей. Они миновали два длинных жилых барака справа, один с синим, другой с красным шильдиком, с тёмными окнами, почти такой же, но раза в два меньше, слева, без обозначений, длинное здание с надписью «Санузел», торцом стоявшее к баракам, — по дальнейшем продвижении выяснилось, что примерно в середине была другая дверь, «Комната отдыха», а противоположный конец и вовсе был занят «Столовой». Слева от многофункционального здания находилась квадратная двухэтажная постройка с обозначением «Учебная часть», и сразу за ней — «Администрация», единственная выглядящая как обычный частный дом, также в два этажа, с плоской крышей. В самом конце этой стороны лагеря вплоть до стены со смотровой башней лежал плац. Почти все деревья на земле базы были вырублены, но почва была покрыта явно неубиваемой травой, и это хоть как-то разбавляло общую унылость этого места, которое Адамас уже возненавидел всей душой. Однозначно тюрьма.

В административном здании тем не менее было уютно. Табита пригласила новоприбывших в первую же большую и пустую комнату, определённо служащую для приёма, судя по наличию нескольких столов и большого количества стульев, где их уже ждали. Растерянно махнув вставшей при их появлении Дилайле, черноволосой и смуглой — редкое явление — тере с зелёными пронзительными глазами и, кажется, оставшейся внешне такой же, какой Адамас запомнил её с их первого знакомства восемь лет назад, почти проигнорировав дюжего пеланна примерно её возраста — лет тридцати, — хорон сосредоточил своё внимание на своём ровеснике-эрбисе, развалившемся в одном из кресел и насмешливо смотревшем на них с Кристианом.

— Герберт? — спросил он прежде, чем Табита успела что-то сказать. — Ты что тут делаешь?

— Отдыхаю, — в тон ему отозвался эрбис, такой же лохматый, как его отец, и сухопарый, как мама Табита. — А что?

— Вы проходите, — пригласила Табита, бросив на сына испепеляющий взгляд. — И знакомьтесь: управляющая мицевским отделением Дилайла Шштерн и заведующий отделением МД Эрих Мариавель. Дилайла, Эрих, ваш новый коллега — Джей Дьямов и подопечные со стороны ГШР под именами Матиас и Кёртис Храбровы. Остальное

озвучивать не буду, пожалуй. Бельфегор подойдет?

— Обещался вот-вот, — оскалил ослепительно белые зубы в улыбке Эрих, вставая и протягивая Джею огромную ладонь. — Он был несказанно удивлён, услышав, кого мы тут ждём...

Эрих, казалось, занимал собой всю комнату — Адамас до него был уверен, что, часто видя Рафаэля, адекватно воспринимает людей в два раза крупнее себя, но теперь не мог оторвать от него взгляда. Грива двухцветных волос — жёлто-серая — не шла ни в какое сравнение с вечно коротко остриженными волосами хиддра, и создавалось впечатление, будто она растёт в том числе и на спине. Такими же внушительными были брови на широком лице, почти сливающиеся с линией волос из-за низкого лба — зато глаза оказались маленькими, почти без белка, и очень цепкими. Вёл себя Эрих добродушно, однако Адамас немедленно осознал, что не захотел бы оказаться его врагом.

— Мне не выпало удовольствия с ним пообщаться, — Табита прошла к Дилайле, молча изучавшей Адамаса. — Он как, не против такого соседства?

— Это же не Аспитис. У него к Страховым особых претензий нет. Особенно учитывая, что при недавнем нападении он остался жив только благодаря самоубийственной обороне гэшээровцев, — хмыкнул Эрих, и где-то совсем близко хлопнула дверь. Все дружно повернулись ко входу в приёмную — чтобы увидеть ступившего в неё смуглокожего хорона-брюнета двадцати трёх лет, уже знакомого Адамасу по фотографии, с холодными, жёлтыми как солнце глазами, военной выправкой и безучастным выражением на породистом лице, каждая чёрточка которого, казалось, была выточена чьими-то умелыми руками.

— Честь имею, — чуть склонил он голову в сторону Джея и сосредоточил внимание на Адамасе и Кристиане. — Так-так... и кто из них кто?

— Ориентируйся по волосам, — хмыкнул Эрих и указал на Адамаса. — Пыльные и короткие — сынок Рэкса, серебряные и длинные — его племянник. Так-то они почти что близнецы!

— И в самом деле, — задумчиво согласился хорон, неотрывно разглядывая их обоих, и Кристиан, не выдержав, огрызнулся:

— Мы тебе не звери в зоопарке, хватит пялиться! Устроили тут цирк с конями, жалко, ни одного билета не продали!

— Дилайла, моя личная просьба, объясни деткам про субординацию, — сказал Бельфегор, усмехаясь углом губ и всё так же глядя на закипавшего Кристиана. — Ещё молоко на губах не обсохло, а всё туда же.

— А ты много ли навоевал, самопровозглашённый генерал? — вступился за кузена Адамас, и Джей поспешил вмешаться:

— Приношу свои извинения за несдержанность. Путём учения это будет искореняться в первую очередь.

— Надеюсь, — хмыкнул Бельфегор и наконец отвернулся от младших Страховых. — Моё присутствие больше не нужно?

— Нет, ты абсолютно свободен, — великодушно разрешила Табита, и хорон, приложив пальцы к воображаемой фуражке, откланялся.

— Чтоб первый и последний раз! — грозно посмотрел на подростков Джей, невольно чувствуя себя воспитателем в детсаду, и те под его пылающим взглядом неохотно кивнули.

— Ладно, раз с этой формальностью покончено, — заговорила Табита, — я попрошу Дилайлу отвести мальчиков на их кровати в бараке, а Джей сейчас кое-где отметится и

переходит под крыло Эриха.

— Ты не представляешь, как это здорово, что мужского управления в этом бабьем царстве прибавилось! — Эрих обхватил Джея за плечи, радостно улыбаясь, а тот смотрел вслед уходящим подопечным и пытался разработать хоть какую-то стратегию по их укрощению.

Дилайла молча вывела Адамаса и Кристиана на улицу и заговорила уже там, по пути к жилым баракам.

— Господа курсанты, вы всё-таки полегче с Бельфегором, — усмехнулась она, один раз оглянувшись. — Он у нас нетерпимого характера и вполне может без суда и следствия записать вас в свои личные враги, а я бы никому не советовала в них попадать...

— И что он сделает? — фыркнул Кристиан. — Ему за это же такой пендель от вышестоящих прилетит, что останется только слёзно просить прощения. Мы же «дети», с нас взятки гладки!

— После семнадцати вы уже ни в одном месте не будете детьми, а осталось-то! — прыснула со смеху тера, и Адамас наконец уверился, что с ними та самая беспокойная и вечно весёлая стажёрка его отца, восемь лет когда-то буквально на одну ночь переступившая порог их дома и запавшая ему в душу на всю последующую жизнь.

— Ты правда считаешь, что родители даже в таком случае за нас не вступятся? — спросил он Дилайлу, и та замотала головой.

— А с твоего отца, да и с его брата, станется. Чтобы преподать урок, знаешь. Хочешь проверить?

— Честно, я здесь именно потому, что перегнул палку его терпения. В плане Пикеровых явно экспериментировать не стоит, — Адамас закатил глаза, и Кристиан зло отозвался:

— А вот я теперь с удовольствием. Даже любопытно посмотреть, придумает ли отец какое-то наказание, не опираясь на своего брата.

Они уже были у входа в барак с синим шильдиком, и Дилайла, ещё раз оглядев одновременно обоих, демонстративно вскинула брови и покачала головой.

— Мда, подростков с такими кризисами переходного возраста нам ещё не попадалось. Что ж, тем интереснее!

— Так это что, Дилайла, тебя прямо из мицевского интерната сюда забрали? — полюбопытствовал Адамас, и она кивнула.

— Пятеро здешних — мои личные воспитанники. Это должен был быть мой последний выпуск, но руководству срочно были нужны особенные педагоги, которые смогли бы поладить с обеими сторонами одновременно. Так что я не стала отказывать. Но, если бы вы вот такими приехали от меня, я назвала бы вас личной педагогической ошибкой!

— Все претензии к твоему бывшему куратору, — криво улыбнулся Адамас, и от задумчивого, пронзающего до последней клеточки взгляда Дилайлы, в одно мгновение сменившего её общий радостный настрой, ему стало не по себе.

— Ты очень изменился, Адамас, — тихо проговорила тера. — Как будто случайно при росте прихватил из почвы не только питательные вещества, но и смертельный яд, да так с ним и сросся.

— Да ты тоже на себя не очень похожа. Ты была веселее, — парировал Адамас и отвернулся в сторону барака. — Мы теперь тут будем жить?

— Да, ближайшие полгода, — тон Дилайлы опять в один миг поменялся и стал будничным. — Ваша двухэтажная кровать с краю, сейчас покажу. Сегодня воскресенье, так

что подъём в восемь, а не в семь, ещё почти два часа можете поспать. А там найдите себе кого-нибудь, кто вам всё покажет и расскажет, у нас тут хорошие ребята, выбирайте любого! Занятия с понедельника, сегодня отдыхайте.

Тера отворила не издавшую и шороха дверь и прошла в полутёмный барак. Почти сразу она зажгла свет у самых крайних кроватей — там в углу была бра и под ней пустая большая тумбочка. Кровати оказались застелены, в остальных, занимавших барак по обе стороны, спали такие же подростки, как Адамас и Кристиан, — или по крайней мере делали вид, что спят.

— Удачи, — попрощалась полушёпотом Дилайла и исчезла. Адамас свалил на пол свою сумку и, прежде чем успел сказать Кристиану хоть слово, услышал:

— Чур моя верхняя!

Спорить было трудно: Кристиан уже был там и накрывался одеялом, даже не удосужившись раздеться. Сам себе улыбнувшись (выкрутасы кузена по-другому было и не вытерпеть), Адамас при свете бра быстро разделся и, вдруг ощутив, как сильно он устал от сегодняшней ночи и утра, рухнул спать.

Ровно в восемь в бараке начал по нарастающей играть звонок, но Адамас проснулся не из-за этого: он сквозь сон кожей ощутил, что его разглядывают. Открыв глаза, в которые поспешил ворваться яркий солнечный свет, хорон проморгался и увидел, что у его кровати столпился чуть ли не весь барак во главе с угольно-чёрным хаеном с яркими белыми полосами на обнажённых сухих руках, примерно такими же яркими зубами, оскаленными в задиристой улыбке, и целой кипой тёмно-каштановых дредов вместо привычных взгляду волос.

— Ну привет, новенькие! — насмешливо поздоровался хаен. — А этот, верхний, спускаться собирается?

Прежде чем он закончил предложение, Кристиан уже спрыгнул на пол и смерил его презрительным взглядом.

— Чего надо? — недружелюбно спросил он, и Адамас поднялся на локтях, оценивая собравшихся и их возможные намерения. Увидев их рядом друг с другом, хаен расхохотался и подтолкнул рядом стоящего парня-тамаса под руку.

— Не, ну ты глянь, почти близняшки! Как вас зовут-то хоть, хоронский перевес? Случаем не Гензель и Гретель? Причём Гретель точно ты! — он ткнул пальцем в сторону длинноволосого Кристиана, которому непослушная прядка опять закрыла обзор, и тот сжал кулаки, явно готовясь именно на них объяснить, кто есть кто.

— Ребят, какие у вас к нам претензии? — спокойно поинтересовался Адамас.

— Да никаких, веришь? Просто пришли познакомиться! — хмыкнул хаен. — Так что, будете Гензелем и Гретель, парни?

— Разбежался, — фыркнул Адамас и резко встал, тем самым заставив собравшихся отступить от кровати на шаг. Медленно оглядев всех ближайших, он остановил взгляд на ухмылявшемся хаене и как будто между прочим поинтересовался: — Как на базе относятся к дракам между курсантами?

— Если не увидят, то никак, — в тон ему ответил хаен. — А ты возомнил, что победишь меня?

— Даю тебе шанс показать свою наглость на деле. Какие будут предложения?

— У вас тут удобный угол. Одна мелочь осталась, — хаен обернулся на толпу и крикнул поверх голов: — Беккер! А ну дуй сюда!

Подростки расступились, и Адамас увидел единственного из них, кто не пришёл посмотреть на шоу, устроенное хаеном, — это был худой, невзрачный рейтер с бледной кожей и каштаново-рыжими волосами в короткой стрижке, сидевший на своей кровати и что-то увлечённо записывавший в огромный блокнот. На крик хаена он вскинул голову, чуть помедлил, но всё же отложил блокнот и, встав, подошёл к нему через толпу. Хаен обнял его за плечи и указал на камеру слежения под потолком.

— Отвернёшь, художник? — скорее утверждая, чем прося, сказал он, и рейтер, издав негромкий недовольный вздох, в два счёта оказался на кровати Кристиана. Тот, однако, не успел возразить и слова: Беккер в какой-то немыслимой позе дотянулся до камеры, что-то похимичил с проводами и после этого осторожно перенаправил её так, чтобы обзор не захватывал выбранный хаеном угол. Через секунду он уже опять был на полу, вовремя заметив ненавязчиво выставленную подножку тамасом и потому не напоровшись на неё при прыжке. Хаен удовлетворённо кивнул.

— Вот и чудненько. Пошли, Гензель?

— Меня зовут Матиас, и постарайся это запомнить, — с достоинством отозвался Адамас, в последний момент вспоминая, что прошлой ночью сбитые о стену костяшки так и не зажили до конца, а он так свыкся с ощущением постоянной зудящей боли при каждом движении, что и вовсе перестал её замечать. Что ж, азарт драки, всё такое...

Стоило им с хаеном остановиться друг напротив друга в углу, в паре шагов от тумбочки, как Адамас напал, почти сразу понимая, что в реакции и навыках жаждущий «познакомиться» ему серьёзно уступает. Это не заняло много времени — укладывание его на лопатки, — и наградой был ошеломлённый и уважительный взгляд хаена. Собравшиеся разразились аплодисментами.

— Ого, — оценил хаен, поднимаясь и отряхиваясь. — Какие алмазы в нашем захолустье... Так и быть, буду звать тебя Матиас.

— Вот и договорились, — Адамас чуть подул на левый кулак, чтобы немного успокоить боль в ссадинах, кажется, опять открывшихся в результате драки, и кивнул в сторону победоносно улыбавшегося Кристиана. — А это мой брат Кёртис. Тебя как?

— Токкин, — представился хаен и подтянул к себе недавно попытавшегося уронить Беккера тамаса и стоящего рядом тилона, выше их обоих на голову, но уже в плечах раза в полтора. — А это мои друзья Иларио и Эхсан. Мы вместе с детдома, кстати, Беккер оттуда же. Поэтому он у нас и бегаёт как комнатная собачка, а, художник?

Все трое расхохотались, поглядывая в сторону преувеличенно заинтересованно рассматривавшего стену рейтера, однако Адамасу их смех не показался таким уж уничижающим, как того требовала ситуация. Ничего, он их научит правильно обращаться с задохликами...

— Ладно, раз познакомились, предлагаю в умывальную и на экскурсию по базе, завтрак только через час, — позвал Токкин. — Пойдёте?

— Да с удовольствием, — Адамас махнул Кристиану. — Сейчас я только оденусь, и двинем.

Пока он натягивал джинсы и футболку, толпа парней разбрелась кто куда, и в бараке остался лишь Беккер, опять взявшийся за блокнот, — теперь-то Адамас уже понимал, что он не пишет, а рисует, — и ещё двое: будто просвечивавший артау и игравший с ним в карты светловолосый сильвис. Сунув ноги в кеды, Адамас вслед за группой Токкина и уже о чём-то с ними беседовавшим Кристианом пошёл на выход.

Оказалось, что барак, стоявший фасадом к их, мужскому, и соседнему, женскому, и был тем, который отдали Бельфегору. Весь его отряд, ранее заявленный Табитой, включая командира, уже тоже встал и был на улице. Сейчас Адамас разглядел, что по обеим сторонам от барака, куда больше походившего на жилой дом, чем их собственные, располагались спортивные площадки: одна — просто застеленное резиновым покрытием пространство со скамейками по бокам, другая — с большим количеством турников и иными конструкциями. На первой в этот момент проходил спарринг между дюжим хаеном и изворотливым кунканом, очевидно, Иму и Унуром, за которым азартно наблюдала расположившаяся на скамейке сестра Иму, Тинаш, с ирокезом из жёстких чёрно-жёлтых волос и более светлая по коже в отличие от того же Токкина.

Проходя мимо, на крыльце дома Адамас увидел сидящего на ступеньках Бельфегора, холодно следящего за ними, но не шелохнувшегося при их появлении, а дальше, на второй площадке, упражнялись в ловкости два тераса, похожих как две капли воды, — почти ровесники Адамаса, уже удостоившиеся чести сопровождать сына Мессии-Дьявола и, судя по движениям, легко способные уложить на лопатки любого. На какие-то мгновения его разобрала зависть по отношению к тем, кого отец ценил настолько, что отрядил ко второму самому важному человеку в организации, но почти сразу он вспомнил, что Бельфегор здесь вроде как тоже в ссылке, и злорадно улыбнулся.

— Надо же, вроде ночью приехали, а уже на ногах, — покачал головой Токкин, когда их компания миновала спортплощадку, и Адамас полюбопытствовал:

— Откуда вы знаете про них?

— Так Дилайла зашла и предупредила. Ты бы видел, как наша эмдэшная часть сразу подтянулась! Вот уж лояльность к Мессии с детства, кем бы он ни был! — Токкин рассмеялся. — Вы-то сами вроде из генштабовского интерната?

— Всё-то ты знаешь... Да, тоже торитовский, как Дилайла. Нам про неё даже пару раз рассказывали.

— Известная личность, — хохотнул Эхсан и кивнул в сторону открытой двери женского барака. — Тут у нас девушки. Часть те ещё отличницы, но попадаютя и нормальные.

— А... любящие развлекаться где-нибудь, где нет камер, есть? — усмехнулся Адамас, и уже тилон обнял его за плечи.

— Поверь моему опыту, есть, — заговорщицки проговорил он. — Я почти сразу тут всё разведаль по этой части. Попозже дам контакты. На завтраке. Какую расу предпочитаешь?

— Честно, мне вообще всё равно, — широко улыбнулся Адамас. Они уже приблизились к той стороне длинного здания, где было написано «Санузел», и Кристиан напоследок поинтересовался:

— Увольнительные в город предполагаются?

— Через неделю Новый год, до него вряд ли, — пожал плечами Токкин. — А там посмотрим, старшие пока ничего об этом не говорили. Мы сами-то тут с прошлого воскресенья, только-только оклемались.

После совершения банных процедур, заставивших Адамаса наконец почувствовать себя человеком, Токкин показал им всё, что находилось через широкую асфальтированную дорогу от жилой части лагеря. Близко от входа располагался оружейный склад — как объяснил Эхсан, раньше на месте лагеря была настоящая военная база, закрытая, как только захватили Хайров и прилегающие территории Дракона, и приспособленная в итоге под их спецлагерь. Дальше стоял только небольшой жилой барак для охраны (судя по двум КПП, в

северной и южной части базы, и четырёх смотровым башням, одновременно вмещающий минимум шесть человек), флагшток, наверху которого гордо реяли целых три флага: на одной стороне жёлто-коричневый, с кречетом, ГШР и чёрно-красный, с хищно выгнувшейся буквой «М» и кристаллом в виде «Д», Мессии-Дьявола, а на другой — сине-зелёный, с золотыми буквами, МИЦа, а всё остальное пространство до стены занимала асфальтированная парковка с несколькими военными внедорожниками. Сейчас, при нормальном освещении, Адамас увидел и колючую проволоку поверх бетонной стены, и по прожектору посередине каждой стороны её прямоугольника, и окончательно убедился, что просто так отсюда не выберешься.

К моменту прихода в столовую они пятеро уже свободно общались — даже Кристиан, кажется, отошёл и шутил вместе со всеми. О наличии в их компании зашифрованных новичков Джея Адамас вспомнил, лишь когда они зашли на завтрак: хорон приветственно помахал ему со стола преподавателей, сидя в окружении Табиты, Дилайлы и Эриха, и пришлось ответить ему тем же. Токкин, конечно, немедленно накинулся с расспросами; рассеянно отвечая ему, Адамас искал глазами встретившегося ему в здании администрации больше похожего на мираж Герберта, а заодно и команду Бельфегора, чтобы уж точно знать, куда потом смотреть не стоит, и сам не заметил, как налетел на Беккера, спешащего к своему столу с полным подносом.

— Смотри перед собой, а! — разозлился Адамас, отряхиваясь от попавшей на него каши и по ходу ловко подставляя рейтеру, и так едва удержавшемуся на ногах, подножку. В результате падения поднос окончательно оказался у Беккера на голове, и, пока какая-то девчонка-хорони, спешно подбежавшая к нему, помогала ему подняться, Адамас аккуратно обошёл его и вслед за смеявшимся Токкином направился к ленте раздачи.

— Как ты считаешь, он специально? — задумчиво спросила у Джея Дилайла, пронаблюдавшая всю сцену, но так и не понявшая, была ли подножка.

— Я думаю, они просто друг друга не заметили, — поспешно ответил Джей, заметивший эту самую подножку и мысленно скрежещущий зубами. — Загляделся. Наверное, Герберта искал. Я так и не уловил, что он здесь делает, Табита? Он же вроде ещё тоже не окончил лицей?

— А ты хорошо стрелки перевёл, — оценила Табита. — Получилось так, долгая история.

— Кстати, Джей, — прикрыл её Эрих, — у тебя же нет планов на вечер? Не хочешь со мной и Бельфегором прошвырнуться до города и зависнуть в каком-нибудь баре?

— Ты Бельфегора-то об этом спрашивал? — усмехнулся хорон.

— Пока нет, но он не откажется. Разве не видно, какие вокруг него тучи ходят? Всё небось гадает, за что его отец в ясли-сад сослал, да ещё и с охраной. Ты-то как?

— Ну пошли, я за день как раз успею подготовить планы для лекций.

— Вот это серьёзный подход! — рассмеялся Эрих, шумно прихлёбывая чай, и Джей вежливо улыбнулся, продолжая наблюдать за своими подопечными. Похоже, Адамас был прав: его пребывание здесь с ними и вправду начинает смахивать на наказание, а не повышение...

Покидали столовую они всё той же весёлой компанией, в которую по ходу завтрака вовлеклось ещё четверо, из интернатов МД, и Адамас, слушая их перешучивания с удивительно легко вписавшимся туда Кристианом, выходил последним. Стоило переступить порог, как возникшая слева тонкая женская рука ухватила его за ткань футболки и рывком утащила за угол — он даже не успел сообразить, что происходит. Пару секунд, и хорон лицом к лицу оказался с той самой девчонкой, которая обхаживала Беккера, — и очень, очень рассерженной.

— Ну и что ты себе позволяешь? — грозно спросила она, и Адамас, намётанным взглядом оценив её пропорциональную фигурку с округлыми формами, ровное овальное личико с острым подбородком, большие медные глаза в тёмно-рыжих ресницах и копну наполовину белоснежных, наполовину бронзовых волос в двух едва держащихся хвостах, ухмыльнулся:

— А что не так, куколка?

— Я тебе не куколка, понятно? А Беккер не козёл отпущения! Не знаю, откуда ты со своими понятиями о жизни в коллективе вылез... и как вообще с ними сюда попал, но тут тебе не гетто, ясно? Оставь его в покое!

— Ты такая милая, когда злишься, — Адамас взял её за подбородок, притягивая к себе лицо, и она вырвалась, зашипев, как разозлённая кошка.

— Руки убери! Ты что, считаешь, тебе всё можно?!

— А почему нет? — хорон крепко схватил девушку за руки и, резко развернувшись, прижал к стене. — Ты же всё равно никому не расскажешь. Знаешь почему?

— И почему же? — с вызовом поинтересовалась хорони.

— Потому что захочешь повторить, — подмигнул Адамас и, удерживая её, потянулся к губам, больше пугая, нежели действительно желая с ней целоваться: всё-таки она была совсем не в его вкусе. Девушка дёрнулась, не в силах хоть как-то ослабить хватку, и Адамас, пожалуй, достиг бы намеченной цели, если бы сзади вдруг не окликнули:

— Сати?!

Хорон нехотя отпустил её и обернулся, чтобы увидеть, как Сати торопливо отходит к Беккеру, сверлящему его взглядом.

— Что он с тобой сделал? — спросил рейтер у хорони, и та замотала головой.

— Ничего. Не успел.

— Отверженные должны держаться вместе, да? — хмыкнул Адамас, приваливаясь к стене столовой. — Сати, а ты осознаёшь, что ты отверженная только потому, что общаешься вот с этим доходягой? Со мной тебе было бы куда веселее!

— Ты уж извини, но пустышки меня не интересуют, — фыркнула Сати, и Беккер добавил:

— Лучше вообще к ней не подходи, Матиас.

— Да я и не подходил, — пожал плечами Адамас. — Она сама меня тут к стенке припёрла. Явно захотелось хотя бы минуту пообщаться с нормальным парнем, а не каким-то художником.

— То, что ты уложил Токкина, «нормальным парнем» тебя не делает, — съязвил рейтер, и Адамас оценивающе посмотрел на него.

— А ты храбрый для полного провала в физической подготовке. Значит, есть повод ещё пообщаться. Пока, козлы и козочки, заходите, если что!

Спрятав руки в карманы, он, насвистывая, миновал их обоих, проследив, как Беккер

заслонил собой Сати, закатил глаза и не торопясь отправился разыскивать своих. Кажется, кому-то здесь пришла пора показать его место. Ни ту ни другого сломать труда не составит — им же будет полезно подготовиться к той суровой жизни, что ждёт их за воротами этого лагеря.

Вплоть до вечера они большой компанией шатались по базе, прервавшись лишь дважды: на обед и недолгие занятия по военной подготовке, чтобы, как выразилась ведущая их Табита, «не расслаблялись». Адамас и Кристиан отлично вошли в стан мужской половины воспитанников, наряду с Токкином став её духовными лидерами, и Адамас уже незаметно начал форматировать новое общество под себя. Они и правда были здесь все неконфликтные и вполне себе дружелюбные, даже по отношению к Беккеру, которого до появления младших Страховых просто незлобиво гоняли по разным мелким поручениям, однако разозлённый их с Сати отпором хорон был твёрдо намерен сделать его жизнь адом — чтобы знал, на кого ни в коем случае нельзя тявкать.

Уже к вечеру шутки к Беккеру, усиленно прятавшемуся от основного состава барака, перестали стараниями Адамаса быть просто подколами и начали превращаться в завуалированные оскорбления, и хорон не собирался на этом останавливаться. Пока старшие мелькали то тут, то там, он не решался хорошенько повалить его в грязи, однако с наступлением будней подобная возможность должна была представиться, оставалось только подождать — так что пока он скрупулёзно продумывал место, время и сопутствующие обстоятельства. А заодно что можно устроить его подружке Сати.

После ужина до отбоя было полтора часа отдыха, в который курсанты собирались в комнате отдыха между столовой и санузелом — там хватало развлечений, чтобы хорошо провести время. Отряд Бельфегора весь день предпочитал развлекаться у себя (и, кажется, в основном спортом), так что не только Адамас с Кристианом, но и почти все собравшиеся в комнате удивлённо замолчали, когда на её пороге вдруг появились близнецы-Шштерны.

Адамас, Кристиан, Токкин и Эхсан с Иларио оказались к ним ближе всего, и именно к ним слегка оторопевшие от такого приёма близнецы и обратились:

— Ничего, если мы к вам присоединимся? Со старшими скучновато, а у вас даже есть компьютеры.

— Вам не кажется, что вы немного не из этой оперы? — съязвил Кристиан, всегда болезненно относившийся к нарушениям личного пространства. — Вас сюда развлекаться, что ли, прислали? Идите, охраняйте командира, служба не ждёт!

— Командир как бы отбыл вместе с вашими преподами в город, некого охранять, — хмыкнул стоящий справа терас, отличавшийся от левого, похоже, только одной деталью одежды: они оба были в одинаковых чёрных майках и бледно-голубых джинсах с яркими вставками, даже цепочки на шеях и браслеты на руках совпадали, вот только у одного кеды были оранжевыми, а у другого салатowymi.

— А вас-то что не взяли? — любопытствовал Токкин. — И представиться не хотите?

— Прошу прощения, — широко улыбнулся стоящий слева терас в оранжевых кедах. — Я Десмонд Шштерн, а это мой брат — Доминик.

— Вы — родственники Дилайлы? — поразился Иларио, и близнецы синхронно кивнули.

— Она наша двоюродная тётя, так как её отец нашему приходится дядей.

— Ого, так вы — сыновья Цезаря Шштерна, командира личной гвардии Аспитиса?! — подлетел к братьям кейер Захария, выходец из интерната МД. — А можно автограф? И

вообще — поболтать?!

Доминик уже открыл рот, чтобы ответить, но Кристиан опять подал голос.

— О, да что вы с ними рассусоливаете? — раздражённо проговорил он. — Раз известные родители, ножки теперь целовать надо? Так может, выйдете для чего посерьёзнее?

— Злой ты какой-то, — дружелюбно хмыкнул Десмонд, и Кристиан скривил губы.

— У нас тут всё по-простому, ясно? Здесь известных родителей ни у кого нет, так что ищите себе кого-нибудь своего круга!

Близнецы одновременно удивлённо вскинули брови, и Адамас уже было приготовился защищать своего несдержанного на язык кузена, как откуда-то с конца комнаты раздалось гневное:

— Слушай, может, ты уже заткнёшься, сынок неизвестных родителей?

В ту же секунду точно в лоб Кристиану прилетела тяжёлая книга, и он рухнул со стула — прямо под ноги материализовавшегося как будто из пустоты Герберта, которого — Адамас прежде был уверен — в этой комнате не было. Переступив через хорона, эрбис шагнул к терасам, обменявшимся насмешливыми взглядами, а Кристиан, потирая лоб, бросил:

— Да, правильно, держитесь друг к другу поближе, отпрыски семейного древа...

— Может, мне его тоже чем-нибудь?.. — посмотрел на брата Доминик, и тот скучаяще повёл плечами.

— Слишком много камер.

— Пойдёмте, господа, — Герберт обнял обоих за плечи и настойчиво развернул к двери. — Мне как раз с вами поговорить надо, весь день ждал, когда вы освободитесь.

Подчиняясь, близнецы шагнули с порога комнаты в ночь за пределами здания и уже там, когда эрбис отвёл их к тёмной и безлюдной столовой, Десмонд поинтересовался:

— А ты вообще кто?

— Вообще я Герберт Багдассар, — с достоинством отозвался эрбис. — Управляющая базой — моя мама, но с вами мы пока не знакомились. А уж кто её муж, вы наверняка в курсе.

— О, старый друг отца, здорово! — припомнил Десмонд, и Доминик спросил:

— И что тебе от нас надо, золотая рыбка?

— Информация. Скажем так, взаимовыгодный обмен. Я сообщу вам то, что стоит знать вашему командиру, а вы мне то, чего я пока не знаю. Интересует?

Старавшийся казаться невозмутимым Герберт зримо ощутил, как заинтригованные взгляды близнецов впиваются в него и изучают с головы до пят. После короткой паузы Доминик хмыкнул.

— Ну окей. Что ты хочешь нам сообщить?

— Вы первые, так будет удобнее, — внутренне эрбис с облегчением выдохнул. — Расскажите мне про это нападение, после которого Бельфегора закинули сюда. Вас ведь там не было, верно? Но вы всё равно в курсе.

— С чего ты взял? — осклабился Десмонд, и Герберт нетерпеливо отмахнулся.

— Кого попало к нему в сопровождение бы не отрядили. Так что там произошло?

— Нападение необычных бойцов «Аркана» на объединённый отряд ГШР и МД, — отозвался Доминик. — Первым управлял Сейя Лорген, вторым Бельфегор Пикеров. Из лагеря попыталась захватить небольшая группа аркановцев — очевидно, с целью пленения

Бельфегора. Пока их обычные, — это слово терас выделил голосом, — бойцы отвлекали на себя внимание, необычные в количестве четырёх человек пошли на личную охрану Бельфегора и его самого. Их вылазка удалась бы, если бы гэшээрорцы не сумели путём больших потерь личного состава отбить их.

— И кто же там был?

— Серебряный аурис, вельк, сильвис-альбинос и эрбис, весь покрытый татуировками. Примерно лет тридцати. Их почти не брали пули, и в одиночку каждый легко расправлялся с четырьмя проверенными бойцами, там, в отряде, тоже не малышня по типу этой вот, — Доминик махнул головой в сторону комнаты отдыха. — Очевидцы, оставшиеся в живых, рассказывали, что они как будто и двигались быстрее обычных людей, и боли не чувствовали. Конкретно в велька всадили подряд четыре пули, а он продолжил драться как ни в чём не бывало. Но отступили они после серьёзной раны ауриса — кажется, он у них заводила.

— Вы уже знаете, кто это? — жадно спросил Герберт.

— Ну, поскольку с ГШР у нас пока мир, дружба и пряники, — сморщил нос Доминик, — они любезно поделились с нами информацией. Аурис — Брутус Сетте, вельк — Ове Терных, сильвис — Дилан Криссво. Все ранее знакомцы вашего президентского секретаря, Домино Кирсте, а ныне, очевидно, верноподданные Азата Зехьте.

— А эрбис?

— А вот эрбиса никто не опознал. Пока.

— У вас фотографии случайно не завалялось?

— К твоему счастью, эту ориентировку раздали всем вокруг Бельфегора, — усмехнулся Десмонд и, достав из кармана смартфон, включил на нём фото и протянул Герберту. Тот пробежался по нему глазами — близнецам показалось, что он его уже видел, но мельком — и вернул терасу со словами:

— Моя очередь. Я знаю, кто эрбис, и готов вам его имя назвать.

— Ну? — подступил к нему Доминик.

— Это мой кузен, Станислав Рассильер. Они с братом уехали на Север в 56-м году, и с тех пор о них ничего не известно.

— Очевидно, примкнули к «Аркану», — резюмировал Десмонд. — У них могли быть на это причины?

— Если честно, на Север они вроде как уехали узнать про убийц своих родителей — ну, помните подрыв главного здания «Ориона», — а Азат идейный продолжатель дела Зебастиана, поэтому я и сам не понимаю, что они там забыли... Что ж, надеюсь, я оказался вам полезен! Ещё увидимся! — Герберт махнул рукой и буквально растворился в ночи. Близнецы переглянулись.

— Почему-то у меня такое чувство, что не стоило ему этого рассказывать, — растерянно проговорил Десмонд, и Доминик закатил глаза:

— Ты в няньки, что ли, нанялся? Зато эксклюзивная информация! Если уж Дамиан Багдассар его не признал, где бы мы ещё могли её получить? Этот Герберт явно знает о своём кузене поболее, чем его дядя... Как вернётся Бельфегор, обязательно расскажем! Пошли!

— Куда? Я вообще хотел в компьютер поиграть...

— Вот заткнём этого новенького, все компы твои, обещаю! — Доминик обнял брата за плечи. — А пока мне лень. Идём.

Десмонд вздохнул и, покорившись его воле, нехотя побрёл следом в сторону их барака.

* * *

— Ну, расслабься, Бэл, чего такой хмурый-то? — Эрих подтолкнул сидящего по правую руку от него Бельфегора, и тот едва не расплескал свой стакан с тёмным пивом.

— Бельфегор, — терпеливо сказал хорон. — Бельфегор — пожалуйста. Бэлом меня никто не называет, кроме двоих человек.

— Ну между друзьями же!

— Мы не друзья. По крайней мере, пока.

— Мне понравилось это «пока», оно вселяет надежду, а, Джей? — хохотнул пеланн, подталкивая уже Джею слева, но тот был начеку и заблаговременно отложил и стакан, и вилку, на которую прежде собирался наколоть кусочек жареной свинины.

— Чего ты к человеку пристал? Каждый расслабляется по-своему, — мягко упрёкнул он Эриха, и пеланн опять рассмеялся.

— Да уж, вы двое явно предпочитаете зависать при этом в своём угрюмом мирке! У тебя какая кручина?

— Где? — искренне удивился Джей.

— Да ты весь день дёрганый. Из-за воспитанников переживаешь? Отец может и голову оторвать?

— Есть немного, — признал хорон, и Бельфегор мрачно спросил:

— За каким чёртом их вообще сюда вместе с тобой прислали?

— В наказание. Это ссылка такая. В разнос пошли.

— Удивительно. Разве их родители в силу своих... кгхм... личных особенностей могли такое допустить?

— В жизни всякое случается, — ответил вместо Джея Эрих. — Я вообще должен был бы сейчас сидеть в гэшээровских казематах, а вон гляди, как высоко поднялся!

— Это в смысле? — не понял Джей.

— Я засланцем в ГШР был до войны, — заговорщицки подмигнул ему пеланн, закусывая это признание стейком малой прожарки. — Хорошо, кстати, работал, пока не накрыли. ГШР, вы знаете, шпионов не расстреливает. Посадили меня в тюрьму и предложили МД обмен. МД отказались — не такая уж я важная птица, чтобы согладалась ГШР за меня выдавать. Сидел там сидел, а тут война, союз, ну, меня и выпустили. Послонулся по МД — все от меня нос воротили, как же, попался ведь — и, как гром среди ясного неба, создание сверхдоверенного связующего отряда от МИЦа и МД. Ну меня туда и засунули как человека, отлично знающего психологию ГШР.

— Ещё интересные моменты из жизни будут? — язвительно спросил Бельфегор, и Эрих, проглотив очередной огромный кусок, повернулся к Джею.

— Кстати, да! Раз уж мы начали тут делиться сокровенным, не хочешь рассказать, как ты зазвездился в стажёры к самому господину второму советнику при Главнокомандующем ГШР?

— Случайно совпало, — хмыкнул Джей. — Бельфегор, ты бы правда не печалился. Уверен, совсем скоро тебя отсюда заберут. Не хочешь пока какую-нибудь дисциплину попреподавать?

— Очень смешно. Воспитанники из МД будут не слушать, а благоговейно вздыхать, и так со всех сторон девчонок подмечаю. Я лучше у себя посижу.

— Вот же ворон нахохлившийся! — усмехнулся Эрих и, увидев, как хорон сжал пальцы на стакане, поспешно добавил: — Я не в обиду, правда. Но тебе же там совершенно нечего делать! Возьми хоть кейко или стрельбы, разгрузи Табиту, у неё и так с вашим появлением забот прибавилось.

— Я подумаю, — холодно пообещал Бельфегор. — Мне просто не совсем понятно, почему именно меня, именно сюда и вдобавок с таким сопровождением. Одни Шптерны чего стоят, Цезарь их с детства натаскивал, они даже мне в бою фору дают. Отец хоть бы слово сказал!

— Наверное, у него были на то причины, — попытался его успокоить Джей, невольно вспомнив такой же разговор с Адамасом.

— Как всегда, конечно... Ладно, никому ещё пива не взять? — Бельфегор поднялся.

— Когда ты успел допить? — поразился Эрих. — Ты это, не упивайся вусмерть-то, мне неохота тебя тащить на своём горбу!

— Хочу напомнить, что в силу физических особенностей по линии моего отца я не пьянею. Это только ради вкуса.

— Тогда мне ещё пару стаканчиков! А может, официанта подождём?

— Мне надо пройтись, — отрезал хорон и с пустыми стаканами отошёл к барной стойке.

Пока бармен наливал ему заказанное тёмное и светлое пиво, Бельфегор скользил взглядом по посетителям паба и думал всё о том же: почему его без объяснений забросили на учебную базу. Эта мысль не отпускала его с появлением здесь ни днём ни ночью, и, если бы отец сейчас вдруг из ниоткуда возник перед ним, он наконец собрался бы с духом и, в отсутствие вечно умиротворяющих его Энгельберта и Сэры, высказал бы всё, что думает об их отношениях. И особенно о том, что в последние годы Аспитис явно не считает нужным вообще наедине беседовать со своим сыном.

Однако вместо Аспитиса рядом с Бельфегором неожиданно появилась невысокая девушка-хорони в низко надвинутом на лицо капюшоне толстовки, хрустальным голосом заказавшая «ещё один» безалкогольный коктейль, и, засмотревшись на её точёный профиль, Бельфегор совсем забыл о своих проблемах. Получив коктейль, девушка развернулась на мгновение к Бельфегору — достаточно времени, чтобы увидеть выразительные чайные глаза в ярком тёмном макияже и хорошенькое бледное личико с тонкими, но чувственными губами, — и он потерялся окончательно. Пребывая как будто в тумане, хорон почти неосознанно схватил её за рукав толстовки, она, не заметив, прошла мимо, но от натяжения капюшон вдруг слетел с её головы, и Бельфегор поразился удивительному цвету её волос — чёрные и белые вперемешку.

— Совсем, что ли? — прошипела девушка, спешно надевая капюшон обратно, и, не дожидаясь ответа, ушла за самый дальний столик.

Остаток вечера Бельфегор провёл совсем уж в себе, раз за разом припоминая незнакомку, и даже шутки Эриха и попытки достучаться до него Джея не смогли заставить его выбраться из нового уютного мирка.

Глава 3. Бездна

С понедельника всё веселье, конечно же, сошло на нет. Желая придерживаться ранее выбранной линии поведения, показывающего, на чём именно Адамас вертел весь этот лагерь и его правила, хорон искренне скучал на начавшихся лекциях. Он и сам не знал, как пережил первые два занятия — общее для всех у Джея, по практическим основам психологии масс (хотя надо было признать, что рассказывал он интересно, о чём бы там ни шла речь), и второе, только для мицевцев, у Табиты, по борьбе, — потом, к счастью, был обед. Поняв, что остальные его новые приятели только и делают, что обсуждают пройденное — всё-таки они очень серьёзно относились к своему пребыванию здесь и определённо гордились тем, что выбрали именно их, — Адамас решил на последней, третьей, лекции послушать хоть немного, чтобы быть в теме. Само собой, ему совершенно не улыбалось заинтересованно смотреть в рот Эриху целых три часа, за исключением небольшого перерыва в середине, но что, в конце концов, ещё оставалось делать?

Эрих вёл «историю и политические основы организации Мессии-Дьявола». Как и на предыдущих уроках, устроившись вместе с Кристианом на последних партах, Адамас достал планшет, выдаваемый здесь каждому для записей, и, включив игрушку, которую он уже успел туда вопреки правилам закачать, начал слушать.

При появлении Эриха весь класс стих. Пеланн чеканным шагом прошествовал на середину комнаты, щёлкнул по пульта включения голографического проектора и с места в карьер начал блиц-опрос по предыдущему занятию. Как услышал Адамас по быстрым и точным ответам своих сокурсников, неделю назад (а если совсем точно, в четверг) они проходили первые два века истории существования МД, закончив на втором в династии Стамесовых, бесталанном сыне Александра Тобиаше, чуть было не развалившем организацию к чертям. Удовлетворённый уровнем подготовки, Эрих поблагодарил всех отвечавших и наконец перешёл к лекции:

— Сегодняшнее занятие я хотел бы посвятить теме, несколько отстранённой от истории в прямом смысле слова. После того как Тобиаш Стамесов добровольно отрёкся от поста в пользу своего сына, Бернарда, МД перестало разрываться на части. Берnard, в отличие от отца и деда, был чуть ближе к народу и чуть дальше от идеологических изысканий, заставлявших того же основателя МД буквально придерживаться собственных принципов, даже если это прямо противоречило здравому смыслу. Поэтому он начал наводить порядок в организации так, чтобы каждому агенту было понятно, чем они занимаются и в чём их главное отличие от параллельно действовавшего ГШР. Именно при Бернардe были заложены главные принципы МД, те колонны, на которые каждый последующий Мессия опирался, приходя к власти, и с позиции которых его оценивали получившие куда больше свободы во взглядах подчинённые. Принципы эти не писаны, не закреплены ни в одном из кодексов или уставов, но знакомы каждому истинному агенту МД, и...

— ...и первый из них — пафос во всём? — не выдержал Кристиан, однако прерванный им Эрих, на удивление Адамаса, в ответ на столь дерзкое поведение только улыбнулся.

— Почти. Но ты верно подметил, Кёртис. Я бы хотел сейчас вместе со всеми вами определить эти самые принципы и чуть позже сравнить их с хорошо известными вам заветами ГШР — или МИЦа, если уж на то пошло. Что-то про МД вам рассказывали интернате, что-то вы читали сами, о чём-то можно просто догадаться, исходя из проводимой

ей политики. Прошу, высказывайтесь. Как лучше всего обозначить уже отмеченное Кёртисом?

— Приверженность официальной идеологии? — неуверенно предположила девушка с первого ряда, яркая и высокая тилони, одна из подружек Эхсана, и Эрих покачал головой.

— Зерно у тебя есть, Мелани, но проблема в том, что ни МД, ни ГШР не имеют идеологии как таковой. Конечно, с годами нечто подобное оформилось и там и там, но не так, чтобы включать это, например, в присягу. Здесь более широкое понятие, попробуешь ещё раз?

— Ммм... высшая степень лояльности руководству? — совсем уж испуганно спросила тилони, и Эрих щёлкнул пальцами.

— Ещё шире, Мелани! Руководство приходит и уходит — и очень часто совсем того не желая, если вспомнить последнего Мессию, — а вот организация остаётся. Лояльность организации! И да, в высшей степени.

Адамас поднял голову, как раз чтобы увидеть, как в начале уже обозначенного пеланном списка на голографической таблице появились эти слова: «безоговорочная лояльность организации».

— Если ГШР работает в первую очередь на общество, на, так сказать, мировой порядок, руководствуясь закреплёнными в Уставе и различных, известных простым людям, кодексах законами и правилами, то агенты МД всегда следуют лишь собственной истории. Если первый Стамесов когда-то провозгласил, что Генштаб — его злейший враг, что ж, значит, так тому и быть. Если когда-то кем-то было решено, что определённый вид проблемы решается радикально, так будут делать все последующие служащие. Самый простой пример: в ГШР предателей и шпионов сажают, ссылают, увольняют или перевоспитывают, если уж ловят, а в МД просто приставляют к стенке. Если, конечно, не рассчитывают на кого-нибудь своего у ГШР выгодно обменять.

— А вот эта жёсткость — это тоже один из принципов? — полюбопытствовал Токкин, подняв руку, и Эрих кивнул.

— Да, хотя и не такой глобальный. — Он пробежался по панели набора, и слово «радикальность» встало на вторую строчку списка. Адамас поймал себя на том, что заинтересовался. — Однако из этой самой радикальности вытекает много чего ещё. Какие идеи?

— Нетерпимость, — подала голос Сати. Эрих опять кивнул.

— Замечательно. Нетерпимость — я бы сказал, к чему заблагорассудится, зависит от агента. Но в основном к слабости. Это тоже пошло из истории: если помните, первый Мессия весьма тщательно отбирал себе сторонников, чуть ли не по ДНК, был в те годы такой тренд. Но иногда хватало и фанатичной преданности. Благодаря этому, кстати, в высших слоях руководства и появились такие агенты, как Шштерны или Альиных.

Весь класс, как по команде, повернулся к окну, из которого были отлично видны опять скачущие по спортплощадке у собственного барака близнецы-терасы. Эрих усмехнулся:

— От Альиных сейчас, правда, фамилии не осталось: последняя её представительница вышла замуж и ныне активно продвигает ранее неизвестный клан, попавший в фавор благодаря только личным достоинствам его отпрыска. Возможно, вам знакомо имя главного телохранителя Аспитиса — Энгельберт Соловьёвых, он также по совместительству является наставником Бельфегора.

— А в чём эта нетерпимость проявляется? — неожиданно для самого себя спросил

Адамас.

— Большинство агентов МД, — отозвался Эрих, — за редким исключением, выставляют высокие требования к тому, каким, по их мнению, должен быть истинный агент. Поведение. Личные качества. Принципы. Иногда возникает забавная ситуация. Всем известно, что некоторую часть контингента организации Мессии составляют люди с психическими отклонениями (как правило, в отношении к обществу), которых в ГШР заворачивают ещё на медкомиссии. То есть агенту в любой момент может сорвать крышу и он посчитает врагами даже своих, однако, если он при этом отвечает основным требованиям к характеру и способностям, он будет работать и дальше. Здесь надо отметить, что при Аспитисе отношение к подобным людям изменилось. Большую часть он просто разогнал или определил на службу, где они не будут представлять опасности. Самые сильные чистки были проведены после одного такого срыва бойца из старых фаворитов, который покусился на святое — личных учёных Аспитиса. Ранее за крайний фанатизм и заодно чтобы уберечь от него нормальных людей он был сослан на Север, откуда преспокойно вернулся и разнёс из ракетницы их кортеж. В том инциденте погиб и мой отец. А фанатика выловили на живца, тогда же было документально подтверждено, что у него маниакально-депрессивный синдром. Нехорошее получилось сочетание. Кстати, звали его Инай Сетте, если кому интересно. Однако до определённых событий это был уважаемый агент, представляющий многие «идеальные» черты: бесстрашие, хитрость — даже изворотливость, — дар убеждения, уверенность, надёжность, преданность. Гнильцу в нём заметил лишь Аспитис...

— То есть, — восхитился Иларио, — в МД ты можешь резать народ направо и налево, оскорблять всех подряд, даже быть шизиком, а тебя всё равно уважать будут? Если ты хорошо работаешь — только и всего?

— Это вопрос внутренней свободы, которую уважают в МД. Если ты верен — да, можешь вести себя как угодно. Ну, пока не оступишься, — усмехнулся, и как будто немного горько, Эрих. — Напомню, слабостей агенты не прощают — так же как и ошибок. Можно в одночасье потерять всё из-за мелочи. Даже пусть руководитель тебя простит, коллеги вряд ли. Поэтому Академию заканчивают самые стойкие. Не обижайтесь, но как минимум половина из вас не дожила бы до второго курса. Очень сложно было и сюда отобрать пятнадцать человек, подобное отношение к людям ведь вбивают с детства.

Он щёлкнул по очередной кнопке, и вслед за «радикальностью» в таблице появилась и «нетерпимость». Класс негромко переговаривался, и какое-то время Эрих позволял им это: он отлично понимал, что сейчас перевернул всё их раннее представление об МД с ног на голову. Как ему рассказывала Дилайла, что в интернатах, что в Академии МД традиционно преподносилась с точки зрения проводимой политики — но никак не личности, и незнакомых с её особенностями подростков подобная информация могла шокировать. Здесь задача Эриха была в том, чтобы, не очерняя МД, убедить своих учеников, что и в таком кажущемся обществе «идеальных» и сильных есть свои серьёзные минусы.

Впрочем, судя по настроению в аудитории, курсанты восприняли всё сказанное иначе — ещё раз подтверждая, что были выбраны сюда не случайно.

— Как же тогда получались эти временные союзы с ГШР? — тихо спросил Беккер. — А главное — тот, последний, чуть не дошедший до объединения? Аспитис ведь высшее воплощение своей организации, разве не так?

Как бы Адамаса ни бесил Беккер — а особенно его едва слышный голосок, вот уж кто в МД и дня и бы не продержался! — его и самого волновал этот вопрос, поэтому он, как и все,

выжидательно уставился на Эриха.

— Уникальная ситуация, встречавшаяся в истории ранее всего только один раз, и то по чистой случайности, — развёл руками тот. — Пока Аспитис не пришёл в МД, он близко дружил с Квазаром Страховым, бывшим на тот момент личным телохранителем Филиппа Пикерова, президента ГШР. А также — с Артуром Альиных, отрёкшимся от семьи и ушедшим с ранней молодости в ГШР. Эта дружба сохранилась и после становления Аспитиса Мессией-Дьяволом. Артур погиб в 2635 году, поэтому из всего Генштаба Аспитис поддерживал контакты лишь с Квазаром, хотя бал там правил иной Страхов — его младший брат Патрокл. После его смерти новый президент ГШР, подобно своему отцу и деду, отказал Квазару в фаворе — несмотря на то что Страховы всегда были ближайшими советниками — и вдобавок устроил за ним охоту. Ну а там, за компанию, и за его племянником Рэксом. Без помощи Аспитиса из предлагаемых операций они бы живыми не выбрались. Так и повелось. В ГШР зрел бунт, готовящийся Рэксом, и Аспитис был только за: своего брата Эдриана он терпеть не мог, к тому же, при всей своей эمدэшной фанатичности, так мешавшей ему строить карьеру в ГШР, разделял далеко не все принципы Стамесова-основателя. В его силах было заставить всю историю потечь по-другому, они с Рэксом были на одной волне, одинаково ненавидели Север, и оба хотели прекратить наконец эту затянувшуюся войну — потому что было на кого нападать и без этого, например — Зебастиан. Но потом погибла жена Аспитиса — во время операции, проводимой Рэксом, — и он не простил.

— Рэкс правда был виноват? — спросил кто-то. Адамас, очнувшийся от этих исторических чар, почему-то представлявшихся ему ранее совсем в другом свете, тряхнул головой и стал слушать ещё внимательнее: об этом эпизоде отец не говорил ему ни слова.

— Это точно не известно, — пожал плечами Эрих. — У каждой стороны оказались свои свидетельства произошедшего. ГШР настаивал на несчастном случае или даже подставе, а МД, в свою очередь, говорила о несвойственной Страховым некомпетентности, проявленной во время операции. И конечно, о том, что Рэксу Страхову было невыгодно наклёвывающееся объединение: он наконец дорвался до власти и вряд ли захотел бы её делить со вторым президентом. Так они и разошлись. Через год пал Север — почти что совместными усилиями, хотя каждый это отрицал. Продолжились взаимные тычки, и Аспитис сполна спустил свою ярость на новых старых врагов: такого количества убийств агентов, хотя бы косо посмотревших в сторону МД, история не знала со времён первого Стамесова. Ну а полгода назад — опять Север. И опять пришлось объединяться, потому что поодиночке никто не смог бы сделать ничего.

— Аспитис — простил? — напряжённо спросила Сати, и Эрих отрицательно качнул головой.

— Нетерпимость и радикальность, Сати. Такого МД не прощает. Но реальность требовала заключения временного союза, а поскольку Рэкс как никто умеет усмирять буйные потоки, вполне вероятно, что скоро мы увидим ещё более неожиданные шаги по сближению. Ваш связующий отряд — уже нонсенс.

Адамаса так и подмывало спросить, почему и Мессия в том числе не может просто разнести в пыль этот воинствующий Север, но, наверное, такие вопросы лучше было задавать Дилайле, ведущей у них, судя по расписанию, «общую историю». Опять небось углубится в эти перипетии взаимных соглашений и уступок...

Однако рассказанное Эрихом было так невероятно, что Адамас не мог прекратить об этом думать. Почему отец ни разу не говорил об этом? Да и вообще никто из его окружения,

даже Кит, никогда не упускавший случая поделиться какими-нибудь любопытными подробностями с их общей службы — в особенности теми, которые его лучший друг предпочёл бы умолчать по причине их неоднозначности. Что же там случилось на самом деле — и не связано ли оно с нынешней политикой отца? Может, он не стал президентом, чтобы не признавать открыто своё участие в преступлении?

Может, Адамас совсем не знает, какой он на самом деле?

За припоминанием всех мало-мальски важных деталей, которые могли хоть как-то относиться к этой загадке, Адамас благополучно прослушал остаток лекции, не уловив ни слова и даже не запомнив ещё несколько основополагающих принципов, появившихся в таблице. Не заметил он и перерыва, так и просидев над своим планшетом и конспектируя собственные мысли и известные фигуры. У него крепло чувство оставленного за бортом: так или иначе отец растил из него того, кто однажды займёт его место — может быть, даже президентское, — но отчего-то за все эти годы так и не удосужился посвятить своего наследника в самую важную тайну. Он услышал её от действующего агента МД вместе с ещё кучкой непонятно кого, будущих мальчиков и девочек на побегушках, как вообще такое возможно?!

Но кое-что из лекции Адамас всё же для себя вынес. МД становилась ему всё ближе: он ведь тоже терпеть не мог слабых. И с удовольствием отдал бы свою жизнь за то, во что верит, — если бы только было во что верить. Идеалы ГШР, если они вообще существовали в природе, пока представлялись ему отдалёнными и туманными, в то время как МД только что разобрали по полочкам. Нет, само собой, все они: и отец, и Миа, и Кит с Рафаэлем и Рейном — что-то да отмечали от себя в Генштабе, чего нет у Мессии... что же это было? Благородство — точно было. Отец ещё говорил, что это самое выгодное отличие Аспитиса от предыдущих правителей, наверное, поэтому они и смогли сойтись, отец ведь не разговаривает с теми, кого не считает людьми. Но Аспитис не простил — и где тут это хвалёное благородство?

Чего-то, наверное, отец в нём недопонял — или ему просто это не было нужно. Зато Адамас твёрдо решил действовать так, как он сам считает правильным, здесь, в лагере. Если после этого его сошлют в МД, что ж, тем хуже для них.

После окончания занятий Адамас внимательно следил за Беккером — сколько, в конце концов, можно было терпеть этого слабака? Его компания была готова по первому же слову кинуться на рейтера, но для этого его надо было поймать, а Беккер как будто нарочно избегал весь вечер мест, нефиксируемых видеочамерами.

Утром вторника Адамас даже почти согласился сам с собой великодушно предоставить Беккеру вплоть до Нового года побегать на свободе: он плохо спал, так и не сумев накануне сделать того, чего жаждал всем сердцем. Однако буквально спустя минуту после пробуждения их барак забурило, что-то горячо обсуждая, и Адамасу на голову свалился Кристиан.

— Ты это видел?! — прошипел он, размахивая планшетом с какими-то чёрно-белыми картинками. — Ночью появилось! Ты что, даже вибрации не чувствуешь?

— В отличие от тебя я не сплю на технике, — закатил глаза Адамас, злой от недосыпа, и схватил лежащий на тумбочке планшет с мигающим диодом оповещения.

Картинки оказались шаржами за подписью Беккера — довольно талантливыми, на взгляд Адамаса, совершенно не умеющего рисовать — и были посвящены каждому в их бараке. Адамас увидел Токкина, изображённого в виде подмявшей чьи-то спины бьющей

себя в грудь зашпихованной под чёрный высокогорной обезьяны, Иларио, погребённого под огромной штангой, Эхсана в окружении десятка абсолютно одинаковых девиц, каждая из которых пыталась оторвать себе кусочек на память, а он лишь страдальчески смотрел в небо. Один из интернатовцев-эмдэшников ползал в ногах у ледяной статуи, в которой узнавался Бельфегор. Здесь даже были близнецы-Шштерны и Герберт: терасы представляли из себя единое целое, в котором одна часть припала на колено, явно целуя кому-то невидимому руку, а вторая тянулась ввысь, недовольно оглядываясь на первую (поскольку картинки были чёрно-белыми, нельзя было понять, кто есть кто); ну а Герберт в виде тумана с многозначительной ухмылочкой охватил собой весь лагерь.

Кристиана Адамас обнаружил почти в самом конце — он любовно расчёсывал длиннющие волосы, сидя, подобно сказочной Рапунцель, в башне из чьих-то костей и не обращая внимания на томящихся внизу преподавателей. На последнем же рисунке хорон узнал себя: он, во главе своры разномастных псов на толстых тяжёлых цепях, гнался за зайцем, судя по следам на земле, как раз применившим излюбленный приём — двойную восьмёрку. Морда зайца очень напоминала Беккера, след, по которому шли охотник с собаками, вёл напрямик в болото, а запутанные цепи в руках охотника ясно свидетельствовали о том, что он утонет вместе с гончими. Вспыхнув, Адамас спрыгнул с кровати и подлетел к наблюдавшему за ним рейтеру.

— Это что ещё такое? — громко спросил он, и разноголосица в бараке стихла в одно мгновенье. Беккер широко улыбнулся.

— Искусство, — отозвался он. — Результат недельных наблюдений.

— Кем ты себя возомнил вообще?!

— Да ладно тебе, Матиас, — примирительно сказал кто-то из парней, но Адамас даже не стал оборачиваться. — Смешно же.

— Смешно? И вы будете позволять какому-то дохляку смеяться над собой? — Адамас взмахнул планшетом, уже вне себя от ярости, и рейтер склонил голову набок.

— Смеяться над собой полезно, Матиас, — странным голосом проговорил он, как будто возвышая себя над хороном. — Может, тебе стоит этому поучиться? И твоему брату заодно.

— Не было бы здесь камер, знаешь, куда бы я тебе твой блокнот засунул?! Почаще оглядывайся, Беккер. Такому зайчишке, как ты, только это и остаётся, — одним движением Адамас разорвал напололам первый же схваченный с тумбочки рейтера альбом и, развернувшись, прошествовал обратно к себе, чтобы переодеться.

Барак молчал и прятал глаза — Адамас знал, что никто не посмеет заступиться за собачонку Токкина. Нужно было только дождаться вечера: сегодня Беккер уже от него не спрячется.

Незадолго перед отбоем он вызвал Беккера в «тёмную» область с помощью телефона не посмевшего ему отказать Нолана — даром что этот аурис был из МД, от рейтера в поведении он ушёл недалеко, поэтому общался с ним неплохо, даже примкнув к сильным лагеря сего. Ничего не заподозривший Беккер пришёл почти сразу — и от первого же удара Адамаса улетел в угол. Как хорону ни хотелось отвести душу, заметно избивать рейтера было опасно, и он лишь разбил ему губы, предоставив остальным потренироваться в нанесении невидных глазу, например за одеждой, травм. Когда экзекуция закончилась и рейтер скорчился в своём углу, едва дыша, Адамас уронил ему на голову его же найденный альбом с оригиналами шаржей, где горло зайца перерезала кроваво-алая удавка, и, удовлетворённый, пошёл спать.

Вплоть до обеда следующего дня Адамас ждал разноса от руководства — не мог же Беккер умолчать о столь вопиющем поведении, — однако его всё не следовало. На занятиях рейтер был молчалив, в ответ на вопрос Дилайлы о том, что у него с лицом, лишь улыбнулся и сказал, что в темноте больно налетел на косяк, на физкультуре разминался и бегал вместе со всеми, хотя знающему и было понятно, что это даётся ему с трудом, и Адамас окончательно уверился в мысли, что столкнулся не просто со слабаком, но ещё и с терпиллой. Он увидел, что после обеда Сати, которой Беккер сегодня незаметно избегал, решительно потащила рейтера к столам у учебного корпуса, где обычно проводили свободное от трапезы время между парами, и решил послушать, о чём они будут разговаривать.

Стол был поставлен совсем близко к углу здания, за которым начинался пустой сейчас задний двор и, дальше, плац, а выступы стены учебного корпуса просто располагали к тому, чтобы шпионить. Обойдя здание с другой стороны, Адамас затаился там и стал наблюдать за «сладкой» парочкой: Беккер расслабленно сидел на скамье, а Сати встала напротив, с суровым выражением лица скрестив на груди руки.

— Ну? — грозно спросила она, и рейтер вздохнул.

— Что «ну»?

— Долго ты отмалчиваться будешь? Бегаешь от меня весь день, губу разбил, на физре как кукла на шарнирах. Почему рубашку с длинным рукавом надел? Покажи руки!

— Ты мне мамочка, что ли?

— Я тебе названная сестра, нет разве? Давай-давай, показывай, — потребовала Сати, но Беккер лишь в преувеличенно непричастной манере засвистел. Раздражённо выдохнув, хорони схватила его правую руку и, прежде чем он успел её вырвать, задрала рукав до самого плеча. Адамас едва слышно хмыкнул, даже со своего места разглядев там багровые синяки, а Сати лишь сдавленно охнула.

— Твоя душенька довольна? — Беккер одёрнул рукав обратно и убрал руки за спину. Сати не отрываясь смотрела на него.

— Они тебя всё-таки побили?.. За шаржи?

— За шаржи, — признал Беккер, глядя куда-то поверх неё и усмехаясь.

— Ты серьёзно сейчас?! Почему ты никому не сказал? Это против всех правил! Что он о себе думает вообще!

— И не скажу. И ты не скажешь. Понятно?

— С чего бы вдруг?!

— С того, что я тебя об этом прошу. Я не хочу привлекать администрацию. Рано или поздно Матиасу просто надоест.

— Ты боишься, что он ещё больше обозлится, да? — презрительно фыркнула Сати. — Не переживай, я могу выставить ситуацию так, что его в три шеи отсюда погонят...

— Сати, нет, — отрезал Беккер, и Адамас невольно поразился твёрдости его голоса. — Если в его жизни должен быть человек, мучая которого он поймёт, что так нельзя, я готов собой пожертвовать. В конце концов, мы тут все собрались с одной целью.

— Прости, я чего-то не поняла. Тебя точно по голове били всего один раз? Что за чушь ты несёшь вообще?!

— А я не понимаю, почему ты из такой мелочи делаешь вселенскую катастрофу, — рассердился Беккер, вставая. — Во-первых, нет гарантии, что это вообще когда-то повторится. Я пока проверяю его, может, постепенно найду подход. Во-вторых, куда-то дальше он не зайдёт, ему вряд ли нужны проблемы, которые может устроить Дилайла. В-

третьих...

— Беккер, я не въезжаю, ты дурак или притворяешься?! — Сати всплеснула руками. — Люди с ума сходят от безнаказанности! Позволишь ему один раз — он тебе на шею сядет, и всё, слышишь? Ты не видишь, что ли, что Матиас из себя представляет? Он за два дня установил тут свою диктатуру и даже нашёл аутсайдеров! Скоро от нашего «объединительного» лагеря один несбывшийся прожект останется! Потому что такие, как ты, позволяют ему делать, что захочется! Старшие должны знать!

Беккер в знакомой Адамасу манере склонил набок голову, всё так же храня молчание и не отводя взгляда от Сати, и та, не дождавшись ответа, нервно заходила мимо него туда-сюда, опять начиная говорить.

— Ну он вообще какой-то ненормальный! На занятиях его не видно и не слышно. Ходит везде со своей бандой. Откуда они его выкопали, я не пойму?! От него всё, что нам ценно, далеко, как Деймон от Омнии! Он пришёл сюда всё разрушать! А ты ему потворствуешь! Он же сильнее тебя в сто раз, выбьет тебе в следующий раз зубы, что будешь делать?!

— Мне больше другое интересно, Сати, — спокойно отозвался Беккер. — Почему ты так много о нём говоришь эти два дня. Что ни разговор, Матиас, Матиас, Матиас. Может, уже отвлечёшься?

— Я просто переживаю! — Сати сжала кулаки. — Я не хочу, чтобы...

— Нет, Сати. Просто он тебе нравится. И ты боишься себе и мне в этом признаться, — Беккер вместе со слегка ошеломлённым Адамасом пронаблюдал, как Сати отступила от него на шаг, и безжалостно закончил: — Я видел, как ты смотрела на него, когда на борьбе он уложил нашего ловкача Токкина, а на силовых упражнениях — Иларио. Но это нормально. Девушкам часто нравятся плохие парни. Не хочешь это использовать, чтобы наставить Матиаса на верный путь?

Сати вспыхнула вся, мгновенно — и краска залила её до корней волос, а Адамас осклабился, уже размышляя, как он мог бы такое использовать.

— Знаешь что... — задохнувшись, Сати запнулась. — Не смей говорить о том, чего не понимаешь!

Она бросилась бежать, прямо в сторону Адамаса, на задний двор, — и Беккер только и успел, что покаянно крикнуть вслед:

— Стой! Я не то хотел сказать!..

Сати завернула за угол, и тут вынырнувший из-за своего уступа Адамас схватил её. Закрыв хорони рот, чтобы она их не выдала, он молниеносно утащил её в своё укрытие и зажал там, пока Беккер не уйдёт со двора.

— Сати! Ну подожди, пожалуйста! — рейтер промчался мимо, остановился поодаль, пытаюсь понять, куда могла деться Сати, и наконец двинулся на другую сторону здания. Адамас ослабил хватку, убирая руку от губ хорони, и Сати, пылая ненавистью, обернулась.

— Совсем больной?! — прошипела она, дёргаясь, чтобы вырваться полностью, но Адамас пока не собирался отпускать её.

— Случилось так, что я подслушал ваш разговор, — прошептал он ей на ухо, держа девушку к себе спиной и по ходу ненароком касаясь и упругих бёдер, и груди. — Давай подойдём к вопросу по-деловому. На что ты готова, чтобы я отстал от Беккера?

Он уже открыто положил ей руку на грудь, и Сати, сделав нечеловеческое усилие, смогла развернуться.

— Засадить тебя за домогательства, как тебе такой вариант? — бросила она, и Адамас

рассмеялся.

— Да ладно тебе! На такую замухрышку, как ты, всё равно никто никогда не взглянет! Или хранишь себя для эмдэшной оргии в штабе на Севере? У девочек, которым я нравлюсь, иногда бывают странные фантазии.

Сати, казалось, одеревенела, слушая его, и Адамас решил этим воспользоваться. Он, как и в тот раз, почти приблизил своё лицо к ней, забавляясь её бледностью, пришедшей на смену румянцу, и прошептал:

— Соглашайся. Тебе понравится.

Сати вскинула на него глаза — в них была лишь ненависть. Опять как-то невероятно извернувшись, она залепила ему звонкую пощёчину, и он отшатнулся, схватившись за щёку.

— Лучше сдохнуть, чем лечь под тебя, ничтожество, — процедила сквозь зубы Сати. Уже освободившаяся, она отошла от стены и спустя несколько секунд скрылась за углом.

Опустив руку, Адамас облизал губы, чувствуя внутри себя нечто ранее незнакомое. Ему только что объявили войну, и он уже знал, как выйдет из неё победителем.

* * *

В четверг последним занятием были стрельбы — и опять Адамас с некоторым удивлением понял, что он лучший. Обходя всех на любых физических дисциплинах, он никак не мог вспомнить, когда же успел так натренироваться: нет, само собой, отец гонял его вместе с разнообразными инструкторами с шести лет, но это невероятным образом прошло мимо хорона, особенно если учесть, что последние полгода, с лета, он всячески уклонялся от занятий. Что-то, похоже, успело налипнуть, и в каком-то смысле это даже слегка раздражало его: он не прочь был стоять выше любого окружения, но не такой ценой. Проще уж было сразу признаться, что ты Страхов.

Стрельбы вёл Бельфегор — Адамас со скрипом признал, что уж его он обойдёт нескоро. Учитель из сына Аспитиса тоже вышел неплохой, хотя и чересчур дистанцированный от учеников — он даже разговаривал с ними как рабочая программа, стоило ли упоминать его педантичное отношение к положению пальцев, поправке на ветер и остальной тысяче мелочей. По окончании занятия Бельфегор попросил Адамаса задержаться (впрочем, судя по тону, скорее приказал) и, когда все покинули плац, холодно известил его:

— Тебя хотят видеть в учительской, Страхов. Прямо сейчас.

— Слушаюсь, мой генерал! — с вызовом отдал ему честь Адамас и ухмыльнулся. — Разрешите идти?

— Разрешаю, рядовой, — почти не разжимая губ, проговорил хорон, взгляд которого дерзко спорил с утверждением, что жёлтый относится к тёплым цветам, и, откланявшись, Адамас двинулся в сторону административного здания.

Яснее ясного было, что его наконец заложили за выходку с Беккером — и наверняка Сати, её дружку не хватило бы на это духу. Адамас решительно не понимал его поведения, потому что по тому подслушанному разговору рейтер совершенно не выглядел ни запуганным, ни равнодушным, и одному чёрту было известно, какие мотивы на самом деле двигали им в умалчивании инцидента. Сати же, конечно, вознамерилась его наказать, и, не торопясь шагая под ярким послеобеденным солнцем по жёсткой траве, Адамас пытался угадать, что приготовила ему администрация.

Если там будет Эрих или Табита, есть шанс отговориться. Пеланн вроде свой парень, да и, как агент МД, по определению не может порицать подобное поведение, ну а Табита знает его с детства, рука не поднимется. А вот если Дилайла или Джей, пиши пропало. Ещё по их первому знакомству Адамас понял, что они оба грудью стоят за правила и спустят с нарушителя три шкуры.

Интересно, что нужно сделать, чтобы просто отсюда вылететь?

Учительской в административном здании называлась та самая комната, где Адамаса, Кристиана и Джея по приезде познакомили с Бельфегором, — в учебное время там не было и намёка на уют, появлявшийся по вечерам и в воскресенье. Осторожно стукнув о косяк и заглянув в комнату, Адамас понял, что влип по уши: за главным столом бок о бок сидели и ждали его Дилайла и Джей.

— Проходи, проходи, Адамас, присаживайся, — пригласила тера, уже успевшая переодеться в более-менее повседневную одежду — короткорукавную рубашку и брюки — и оттого почему-то выглядящая ещё более грозно, чем в форме.

Хорон робко улыбнулся и устроился на единственном стуле, стоящем перед их столом. Джей, тоже строгий как никогда, смотрел на него отрешённо, держа руки в замке и постоянно перебирая большими пальцами. Дилайла же чуть сощурилась, следя за ним.

— Догадываешься, почему мы тебя позвали? — спросила она, когда Адамас всем своим видом изъясил готовность общаться. Хорон мотнул головой.

— Понятия не имею. Что-то случилось?

— Забавно, — хмыкнула тера. — Во вторник вечером Адамас со товарищи избил своего соседа по бараку, и сам же не в курсе. Кому надо, в курсе, а главный герой ни слухом ни духом. Как же так?

— У нас действует презумпция невиновности, — напомнил Адамас, горя желанием узнать, что получится из их так любопытно начавшегося разговора. Джей издал непонятный смешок.

— Невиновности? У нас есть свидетели. О невиновности и речи не идёт. Нам больше интересны объяснения.

— И кто же свидетель? — заинтересовался хорон.

— Это не относится к делу, — отрезал Джей, расцепив наконец руки. — Так что это была за акция бессмысленного насилия?

— Почему сразу бессмысленного? Если кто-то позволяет себе больше, чем имеет права, он заслуживает наказания. Это я по жизни благодаря отцу отлично уяснил.

— Золотые слова! — порадовалась Дилайла. — Поскольку за Беккером особых нарушений замечено не было, переведём-ка их на тебя. Как ученику, тебе не дозволяется устанавливать здесь свои порядки. Это даже в нашем уставе прописано.

— Это пока не поймают, — закатил глаза Адамас. — Серьёзно, как будто вы оба никогда не нарушали правил. А, Дилайла? Давайте уже покончим с этой глупой риторикой и определим мне наказание. Вы же за этим меня вызвали?

— Ты правда считаешь, что тебе всё можно? — искренне изумился Джей, и хорон пожал плечами. — Из-за того, что ты — Страхов?

— Глупости какие. Можно тому, кому позволяют. Беккер позволил, вы, например, нет. Вывод? — Адамас по очереди посмотрел на каждого, похоже, оторопевших от его дерзкого поведения, и сам ответил на свой вопрос: — К вам я лезть не буду, правильно. Типичная логика хулигана, так в своей диссертации и напиши, Джей. Ну и, конечно, постараюсь,

чтобы в следующий раз меня не поймали.

— Знаешь, Адамас, — развеселилась Дилайла — и Джей посмотрел на неё как на зачумлённую, — я впервые встречаю человека, который знает, как он в глазах всех выглядит, и даже готов предоставить основные психологические выкладки по причинам собственного поведения. Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

— До последнего слова.

— Тогда — зачем?

— Чтобы было, — осклабился Адамас, и Джей не выдержал.

— Послушай, тебя прислали сюда не за тем, чтобы ты разрушал всё, что с таким трудом удалось построить! Если твои намерения настолько серьёзны, может, просто возьмёшь заложников и выставишь отцу ультиматум?

— А ты быстро сдался, Джей, — задумчиво качнул головой Адамас, и Дилайла, опережая своего коллегу, явно вознамерившегося сказать ещё что-нибудь не совсем педагогическое, перегнула через стол поближе к Адамасу.

— А ты осознаёшь, что за любые поступки приходится платить? Не боишься, что твоё поведение заведёт тебя в болото, из которого ты не сможешь выбраться?

— Я меру знаю, — с достоинством отозвался хорон, но упоминание о болоте, живо вытаскившее на поверхность сознания шарж Беккера, отозвалось ему неприятно.

— Все так говорят, — фыркнула Дилайла. — А потом — бах! — и тройное убийство. Ну ладушки. До утра прошу в наши апартаменты для штрафников.

— Сидеть и думать над своим поведением?

— Скорее, чтобы остальным неповадно было. Скажи мне, что всё-таки случилось с тобой за эти восемь лет? — тера остро взглянула на него, и он отвёл взгляд. — Я запомнила тебя совсем другим, чуть ли не полной противоположностью. Что произошло?

— Скажем так, за это «что» меня тоже посадили в карцер, только на две недели, — криво улыбнулся Адамас и встал, отворачиваясь от Дилайлы к Джею. — Проводишь? И кстати, там как, туалет есть или просто дырка в углу?

— Забыл про цепи и сокамерников-садистов, — вздохнул Джей, поднимаясь. — Идём.

Адамас ждал и от него какой-нибудь вдохновенной речи — ну, хотя бы о том, что самому Джею конкретно прилетит от Рэкса за недостойное поведение его сына, — но хорон лишь проводил подростка до комнаты в подвале с отдельным санузелом, вручил свой планшет, в котором, как потом убедился Адамас, были лишь обучающие программы и тьма различных психологических трудов, посоветовал дождаться ужина вместо того, чтобы в отчаянии грызть ногти, и, заперев дверь, ушёл.

Комнатушка в подвале оказалась не особо большой, но достаточно уютной. Адамас сразу упал на стоявшую в углу тахту, порывшись в планшете и, решив, что изучать психологию в нём пока маловато чувства безысходности, уставился в потолок. Эти двое — Джей и Дилайла — определённо стоили того места, куда их забросило волей судьбы: надо же было ожидавшийся разнос превратить вот в это! Ещё такой подуставший, взрослый снисходительный взгляд... Отец тоже любит подобным образом посматривать на него — нечто вроде «ничего, перебесишься и сам всё поймёшь, а пока ты знаешь, где комната для штрафников»...

Но, несмотря на общее ощущение триумфа — ведь старшие так и не смогли добиться от него оправданий, — настроение было не очень. Адамас хотел было за неимением лучшего обдумать уже выбранную месть для Сати, после которой она и пикнуть не посмеет в его

сторону, однако мысль цеплялась только за одно — за Дилайлу. Своим присутствием в лагере, постоянным мельканием перед глазами она заставляла его вспоминать то, что он давно предпочёл выкинуть из памяти, — неудавшийся побег, упомянутый отцом в их последний разговор перед отъездом. Хочешь — не хочешь, придётся разок прокрутить всё ему сопутствующее в голове, может, отпустит.

Началось всё как раз-таки с Дилайлы. Адамасу было восемь, Миа десять, и они с мамой летом того года вопреки протестам отца на две недели уехали в Зелёные края, чтобы познакомиться с лагерем, куда Леда планировала отдать дочь на будущий год на все три месяца. Поскольку у остальных хватало своих проблем, с Адамасом остался сидеть Рэкс — что означало, что он не имел права отлучаться из дома больше, чем на час, и был вынужден огромную кучу рабочих дел решать по конференц-связи.

Если до этого жизнь не казалась Адамасу таким уж раем, первая неделя их с отцом совместного заточения определённо напоминала ту самую геенну огненную, которую одна из ветвей ангелизма обещала нераскаившимся грешникам. Отец как будто специально не замечал его и каждый раз, когда Адамас пытался с ним пообщаться или хотя бы вместе пообедать, оказывался в противоположном конце дома. Адамас, конечно, не роптал: авторитет отца был для него непререкаем и он отлично понимал, что без Рэкса в ГШР и чихнуть не смеют, но всё же было немного обидно.

Этот год у их семьи в принципе складывался не очень хорошо. Родители постоянно ругались, а если учесть, что Рэкс бывал дома не так уж часто, создавалось впечатление, что они вообще разучились нормально разговаривать. К тому же они все чуть ли не раз в месяц меняли адрес, поэтому дети были переведены на домашнее обучение и почти круглые сутки заперты в четырёх стенах. Взвзвываясь за их образование Леда потихоньку сходила от всего с ума, конечно, вымещая стресс на мужа, Миа бунтовала, растеряв всех друзей, и на полную громкость включала свой дет-метал, от которого у Адамаса дрожали стены и скакал почерк, а мама так и вовсе переходила к крайним мерам вроде электрощитка. По большей части шишки валились на Адамаса: он раздражал всех и каждого своим спокойствием и искренним желанием хоть как-то примирить враждующие стороны.

Собственно, в тот год он впервые задумался, всем ли стоит спускать их недостойное поведение и помогает ли доброе отношение к людям вообще.

Когда сестра и мама уехали (это решение чуть не стоило Леде и Рэксу брака, но Адамас случайно грохнул в коридоре зеркало как раз вовремя, чтобы они не успели наговорить друг другу вещей, о которых могли пожалеть), Адамас надеялся, что и отец успокоится, отдохнув от вечной ругани, однако, кажется, стало только хуже. За семь дней непрерывной работы — в кои-то веки Рэксу никто не капал на мозги по поводу позднего приезда и можно было вообще не спать — его отец окончательно превратился в зомби: цвет кожи напоминал о могильном холоде, мешки под глазами вполне сходили за надгробные камни, причёска больше соответствовала нахохлившемуся ворону, голос охрип — и только полностью чёрные глаза горели нездоровым огнём.

Примерно на пятый день Адамас бросил попытки хоть как-то подвигнуть отца на что-то, кроме работы, и тихо сидел в своей комнате, читая всё подряд. Жизнь стала совсем уж беспросветной, оставалось только терпеть и надеяться, что всё исправится само собой.

Наверное, ангелы слышали его неоформленные молитвы, потому что вечером в воскресенье, когда за окном как из ведра лил дождь и одна за другой били и грохотали молнии, в их дверь позвонили. Даже диод АНД мигнул удивлённо — к ним давно не

приходили без приглашения, — а уж Адамас и вовсе опрометью бросился вниз, чтобы узнать, кто это.

Рэкс, конечно, успел раньше. Адамас примчался именно в тот момент, когда он распахнул входную дверь и оказавшаяся на пороге девушка в дождевике кинулась ему на шею.

— Ой, прости, — она почти сразу отпрянула, видимо, осознав, что только что все капли со своего плаща слила на Рэкса. Тот невозмутимо отряхнулся и изумлённо спросил:

— Дилайла?

— Ух ты, меня ещё можно узнать, удивительно, — рассмеялась та, проходя в прихожую и стаскивая дождевик. Судя по её внешнему виду, надела она его когда-то слишком поздно и явно зря: черноволосую теру можно было буквально выжимать. Адамас с лестницы рассматривал её с открытым ртом: до этого момента он был уверен, что все без исключения терасы бледнокожие, с волосами различных оттенков жёлтого, как, например, один из друзей отца, Лемм, а в их доме разувалась копия Рэкса, только иной расы, ко всему прочему, с огромными зелёными глазами.

— Что ты делаешь в Канари? — Рэкс вскинул руку с часами. — Завтра вечером ты должна быть в Ториту, а сегодня ещё — в Вайсштайне, на практике.

— Меня отпустили досрочно, — улыбнулась Дилайла, резко вскинув голову и чуть не потеряв равновесие. Рэкс вовремя успел поймать её, и тера наконец сняла второй ботинок. — Ты ожидал меньшего от своей лучшей стажёрки?

— Своей единственной стажёрки, — хмыкнул Рэкс, и тера состроила гримасу.

— Это что-то меняет?

— Да в общем нет. Но зачем ты в Канари-то прилетела?

— Я как-то представила этот перелёт из Вайсштайна до Ториту и решила немного его разбить. До отца не дозвонилась, зато Кит сказал, что ты дома. Самолёт у меня завтра в шесть вечера, я у вас перекантуюсь? — она выговорила это чуть ли не на одном дыхании и оглядела дом. — А где Леда? Я не помешаю?

— Как мне можно помешать дома? — закатил глаза Рэкс. — Тем более что я нынче сиделка при малолетнем сыне... О, слушай, у меня идея! Побудешь с Адамасом до отъезда? Мне срочно нужно кое-что решить на работе, а без личного присутствия нормальный втык сделать не получится. Он тебе тут всё покажет. А?

— На какой работе? Рэкс, ты себя в зеркало вообще видел? Тебе на курорт надо, а не на работу! — поразилась Дилайла, и хорон нетерпеливо отмахнулся.

— По моим расчётам, это ещё максимум на полгода, главное, чтобы жена раньше не сбежала, я-то выживу. Ну как, тебя можно попросить?

— Ну ладно, хотя я правда надеялась с тобой поговорить перед интернатом...

— Адамас без проблем поднимет тебе настроение, — Рэкс поманил сына к себе, и тот робко вышел на свет. — Вот, знакомься. Адамас, моя бывшая стажёрка Дилайла Шштерн, дочка Лемма. Ведите себя хорошо, окей?

— Ты это нам обоим? — вскинула чёрную бровь тера, и хорон хлопнул её по плечу.

— А то я тебя не знаю, — подмигнул он. — Только попрошу дальше заднего двора не уходить, охота пока не кончилась. Адамас, собаки на тебе. И позаботься о госте. До завтра!

Он испарился из прихожей раньше, чем кто-либо успел возразить. Адамас, прислушавшись к тому, как отец спешно собирается наверху, подошёл к Дилайле и протянул руку.

— Приятно познакомиться. Показать, где ванная?

— Будь так любезен! — сверкнула улыбкой тера и, подхватив с пола сумку с вещами, пошла за ним на вторую лестницу.

Пока Дилайла приводила себя в порядок, Адамас, оставшись единственным Страховым в доме, приготовил чай — наконец у него получилось ничего не разбить и не разлить — и сел её ждать в кухне. Тера появилась через двадцать минут, в какой-то явно домашней футболке и шортах, и он в удивлении уставился на её чёрные пятна на руках и ногах, проглядывающие сквозь смуглую кожу.

— А чего странного, я же тера всё-таки, — щёлкнула его по носу Дилайла, усаживаясь напротив. — Ты думал, раз у меня чёрные волосы, я помесь?

— Нет, я думал, что их просто, ну... — Адамас запнулся, так и не определившись, что конкретно хочет сказать, и девушка прыснула со смеху.

— А, наверное, что они просто растеклись по всей коже? Забавно. Нет, это просто такой редкий случай. У терасов он только у женщин бывает, как случайная мутация. Ладно, давай нормально познакомимся. Сколько, например, тебе лет?

— Восемь.

— А мне двадцать. Последний год Академии проходила стажировку у твоего отца — ну, точнее, до февраля, потом рано сдала экзамены и уехала на педпрактику. Ты ведь об этом хотел спросить?

— Вообще я хотел сказать, что не знал, что у Лемма есть дочь, — смущённо улыбнулся Адамас, во все глаза глядя на неё, и она пренебрежительно фыркнула.

— До определённого момента у Лемма не было дочери, потому что матушка моя не простила ему ухода в ГШР и сказала, что он меня ни в жизнь не увидит. Только меня это слегка не устраивало. Один раз я даже сумела до него сама дозвониться — это было пять лет назад, — и мы встретились. Я выслушала его версию, решила, что он мне нравится больше, чем мама, и сбежала к нему. Знаешь, иногда дети должны сами решать, что им лучше, — Дилайла отпила чаю, выразив живым лицом истинное блаженство, и хитро взглянула на Адамаса: — А ты кого любишь больше: маму или папу?

— Я об этом не задумывался, — честно признался Адамас. — Они слишком разные.

— Ну понятно. Твой отец сейчас небось такой занятой, у них там черти с вилами стоят, приходится крутиться. Злишься на него?

— Нет, конечно. Я же понимаю, что это нужно. Тем более программу обучения он мне на два года вперёд расписал.

— О, это Рэкс может, да! Суровый. Ну а без обучения — вы общаетесь? — взгляд Дилайлы стал острым и внимательным, а Адамас всё не мог понять, зачем она задаёт такие вопросы.

— Не очень, — отозвался он. — Он не говорил прямо, но, думаю, ему просто не о чем со мной разговаривать. Мне же всего восемь.

— Но ты же личность?

— Личность — это лет с семнадцати.

— Ого, мозги запудрили, — присвистнула Дилайла. — Я это вообще к чему. Ты его не отпускай далеко, понятно? Твой отец — крайне увлекающийся человек, вот так очнётся лет через десять, а воспитывать-то тебя и поздно уже. Ты не сосуд для знаний, ты обязан требовать уделять тебе время.

— Я учту, — усмехнулся Адамас.

— Разве ты этого не хочешь?

— Нет, хочу, но у взрослых свои проблемы. Ты, наверное, ещё недостаточно взрослая.

— Обожаю общаться с детьми, — тара в секунду съела большой кусок торта и, поставив локти на стол, водрузила на ладони голову. — Понимаешь, Адамас, человек должен получать то, что делает его счастливым, иначе и жить не стоит. Ты бы знал, как я жалею, что десять лет слушала свою матушку и верила ей, что мой отец ничтожество! Я только с ним поняла, что совсем не хочу быть такой же, как та половина моей семьи, что в Ториту на стороне МД. Хотя, например, кузена из той же МД я не беру: судя по рассказам отца, он ничего.

— Но сейчас ты возвращаешься в Ториту?

— Просто назначили. Порога родного дома я переступать не собираюсь, буду в мицевском интернате номер двенадцать работать. Пока-пока! Вот ты знаешь, чего хочешь?

— Ну... — Адамас замялся, и Дилайла послала ему поощрительный взгляд. — Например, чтобы отец начал замечать меня. Сейчас, а не в семнадцать. Чтобы можно было разговаривать о чём-то, кроме учёбы. Весь этот год он только ругается, что у меня ничего не выходит в кейко, потому что я слишком неуклюжий и не стараюсь. А я стараюсь. Просто пока не выходит. Мне иногда кажется, что я никогда не буду таким, как он, и он это знает, потому и не хочет со мной нормально разговаривать.

— Но ты не обязан быть таким, как он! У тебя своя дорога, осталось только найти её. А с отцом всего-то надо серьёзно поговорить. Он, может, и понятия не имеет, что тебя обижают его слова.

Адамас покачал головой.

— Сомневаюсь, что он хоть о чём-то не имеет понятия...

— Ну уж не обожествляй его! — расхохоталась Дилайла. — Обещаешь, что поговоришь с ним? Обещаешь, ну?

— Хорошо, — улыбнулся хорон, и тара довольно хлопнула в ладони.

— Так, воспитательная часть кончилась, пошли развлекаться! Время-то детское. Покажешь собак?

Адамас соскочил со стула и уже в значительно более приподнятом настроении повёл Дилайлу на псарню.

Эти почти сутки её пребывания в их доме промелькнули для него как одно мгновение, кончившись так же неожиданно, как прекрасный сон со звонком будильника. Никто и никогда не уделял ему столько внимания, никто в их доме столько не смеялся и уж точно не хотел проводить с ним всё свободное время. Получив то, чего родители ввиду напряжённой обстановки, связанной с непрекращающимися переездами, пока не смогли ему дать, Адамас взглянул на свою семью совсем с другой стороны и твёрдо вознамерился поселить в ней такую же спокойную атмосферу. А особенно добиться от отца признания своих личных потребностей, потому что под руководством Дилайлы он перестал при занятиях кейко путать ноги с руками, а значит, дело всегда было вовсе не в нём.

Но, как только Лемм забрал дочь в аэропорт и вернулся Рэкс, всё вновь встало на ту самую мёртвую точку, где было изначально. Ещё неделя подвисяния отца на телефоне, возвращение Леды и Миа — каждый раз Адамас пытался что-то исправить, кого-то примирить, но, кажется, никому из них не хотелось выбираться из того душного кокона, который они сплели себе в поисках спасения от недружелюбного мира.

А потом, в один далеко не прекрасный день Миа в своей неутраченной ревности отца к

брату заперола Рэксу важное совещание, подставив Адамаса, и отец и вовсе на почти неделю перестал его замечать. Это было последней каплей. Адамас понял: где бы ни была его собственная дорога, она точно не в этом доме.

Он решил сбежать. Даже не совсем из обиды, скорее из желания освободить родственников, которым он явно мешал, от своего присутствия — ну, и заодно понять, чего он действительно хочет. Друзей у Адамаса на тот момент не было, единственной ниточкой с другим, более благополучным миром была Дилайла и её «мицевский интернат номер двенадцать» в Ториту. Адамас очень постарался обустроить всё так, чтобы отец не успел хватиться его до приезда в этот город на поезде, поэтому в ночь конца июля отбыл на вокзал, зная, что мама спит, Миа у подружки, АНД настроен как надо, а отец, конечно, на работе.

И — его поймали на вокзале. Отец потом, по возвращении домой, так и не сказал, как он прознал о побеге, зато наговорил много чего другого, и некоторые его фразы врезались пристыженному и потерянному Адамасу в самую подкорку. Например, то, что, пока ему столь мало лет, он не имеет права на самостоятельные решения. Что пока он не представляет из себя ровным счётом ничего — и не будет, если и дальше продолжит так безответственно относиться к занятиям. Или что пока отец знает лучше, как себя правильно вести, а его мнение никого не интересует.

Конечно, Адамаса наказали: отец запер его в комнате, предварительно отключив Интернет и оставив только книги, на две недели без права контактов с семьёй. Так Адамас и не узнал, что Миа очень хотела извиниться, а Леда в лицо сказала Рэксу, что он окончательно превратился в тирана и подобное отношение грозит тем, что скоро он будет тиранствовать в гордом одиночестве. Этот неудавшийся побег удивительным образом примирил всю семью, потому что Рэкс ещё умел извиняться и признавать ошибки. Когда Адамас вышел из заточения, он не узнал своего дома: в нём больше не было ни ругани, ни взаимного недовольства. Жаль только, ему самому было уже всё равно.

* * *

Адамас усмехнулся своим воспоминаниям. За две недели так кардинально поменяться — а все они усиленно делали вид, что всё в порядке. Он ведь совершенно перестал чем-либо интересоваться, всё делал на автомате: зачем стараться, если твой главный авторитет тебя и в грош не ставит? Даже когда позже, лет так через пять, отец наконец начал просвещать его по поводу политики, ему не отзывалось и слова. Он уже жил своей жизнью, которую прятал от отца, потому что был уверен: он не поймёт. Буквально на следующий год после визита Дилайлы он сошёлся с Кристианом, и проблема друзей отпала сама собой. Кузен, а позже и присоединившийся с подачи Адамаса Вэлиант были такие же недопонятые: первый никак не мог смириться с тем, что прозорливости и памяти Страховых ему почти что и не досталось, и вечно жил под издёвками своего младшего брата, куда талантливее его; второй постоянно пытался впечатлить отца чем-нибудь таким, хотя даже Адамасу было видно, что Рафаэль любит сына любым. Три бунтаря, они постепенно откололись от общего течения их семей, а родители опомнились слишком поздно. Что ж, им же хуже.

И ничего из этого Адамас не собирался объяснять Дилайле сейчас. Неизвестно, как бы пошла его жизнь, если бы тогда она не заскочила к ним в дождливый вечер, но уже этим она сделала для него достаточно. Им не нравится выбранная Адамасом дорога, а вот его всё

вполне устраивает.

Так что, раз уж он на полдня оказался в тихом и спокойном месте, можно хорошенько распланировать сюрприз для Сати. Этот Новый год она на всю жизнь запомнит.

* * *

До празднества Адамас ходил притихший, на все издевательские взгляды Сати лишь улыбаясь, чтобы она окончательно уверилась в том, что он более не посмеет призвать на себя гнев старших. План был готов — и очень удачно совпало, что Новый год решили справлять за пределами базы, на недалёкой поляне в лесу, откуда было отлично видно ведущую в город дорогу. Кристиан долго не соглашался участвовать в затеянном братом, полагая такие «сюрпризы» уже откровенным перегибанием палки, но в конце концов Адамасу удалось убедить его. Он знал, на что надо нажимать, чтобы кузен его слушал: Кристиан был достаточно для этого внушаемым. Нужно было лишь дождаться подходящего момента.

Вокруг вывезенных с базы столов в эту ночь собрались почти все обитатели лагеря — кроме части охраны и завхоза, не имевшего права отлучаться со склада. Старшие основательно подошли к подготовке праздника: до наступления полуночи, 22 часов, были какие-то командные игры, благо эта часть леса к ним располагала, разнообразные закуски и напитки и, конечно же, размещение всех таким образом, чтобы ни один из бывших интернатовцев не вспоминал о своей принадлежности. Адамас даже невольно чувствовал себя чужим в этой огромной компании, впрочем, общий дух единения его не особо волновал. Веселье с Сати он запланировал на самое начало 1 января, когда будут бить фейерверки и легко окажется уйти от всех подальше, а пока просто наблюдал.

Особенно были любопытны подчинённые Бельфегора и сам он, с каждым днём, кажется, становящийся всё мрачнее. Как хорон ни старался, Эрех то и дело пресекал его попытки встать где-нибудь в сторонке — Бельфегору было видимо неуютно среди такого количества людей, и Адамас со смехом представлял, как сын Аспитиса с таким отношением будет однажды управлять МД: где он банально наберёт советников, если избегает даже тех, с кем вынужден жить в одном бараке? Солдаты его, наоборот, не упускали шанса развлечься: близнецы Шштерны, например, мелькали то тут, то там, войдя за прошедшую неделю наконец в жизнь лагеря (потому что Адамас им это позволил) и сейчас пользуясь возможностью пообщаться со всеми подряд. Даже Герберт развлекался за общим столом, пусть и усиленно игнорируя все попытки их эмдэшной эрбиссы Терезы привлечь своё внимание.

Но вообще время тянулось медленно. Когда наконец всех созвали в 21:55, Адамас даже не поверил своим ушам. Табита держала какую-то речь, он не стал слушать: его уже охватило лихорадочное возбуждение. Пробило полночь, и полетели фейерверки. Спустя некоторое время, когда общая радость несколько поутихла и все разбрелись праздновать в своей компании, он подошёл к их с Кристианом непосвящённой соучастнице, верае Егане.

— Так ты попросишь Сати вон туда? — он указал на участок границы поляны с лесом в нескольких десятках шагов отсюда, почти на всей протяжённости заставленный привезённой для празднования техникой: телевизором с большим экраном, колонками, бесперебойниками — и потому почти не просматриваемый отсюда.

Егана нахмурилась.

— Зачем тебе, ещё раз, это нужно?

— Я же сказал, — Адамас изобразил раздражённое смущение. — Извиниться хочу. Но, если ты ей об этом скажешь, она никуда не пойдёт.

— Да не буду я говорить, — закатила глаза верая. — Жди, через пять минут будем.

— Я твой должник, — облегчённо улыбнулся Адамас и, удостоверившись, что главная надзирательница за порядком Дилайла всё так же занята разговором с Эрихом, махнул Кристиану. По отдельности они крадучись скрылись в полутьме.

Эрих тем временем приобнял Дилайлу за плечи и осторожно вручил ей бокал с шампанским.

— Давай начнём сначала, — предложил он. — У нас ведь неплохо получалось, когда всё здесь только строилось... Что ты делаешь после праздника?

— Я по два раза не повторяю, — тера, дёрнув плечом, освободилась от одной его руки.

— А у тебя очень красивая рубашка, — решил зайти с другого конца пеланн. — Давно купила?

Дилайла невольно опустила взгляд на свою рубашку — чёрную, как её волосы, с воротником-стойкой и огромным ало-жёлтым бескрылым драконом на спине, чьи языки пламени протянулись через плечо до самого пупка, — и, тряхнув головой, развернулась к Эриху.

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросила она, потому что на сердце отчего-то было беспокойно. — В тот раз всё кончилось ничем, Эрих, забыл?

— Я так и не понял почему!

— Потому что ты не мой тип, я объясняла. Я ищу себе спокойного мужчину, серьёзного. Рядом с такими мне действительно хочется быть, как ты говорил, «беспокойным сгустком чистой энергии», — она хмыкнула. — Я это поняла на стажировке. Это правда вдохновляет, когда кто-то вот такой, как я, скачет вокруг кого-то наподобие Рэкса или моего отца — не люди, камни! — и наконец заставляет его улыбнуться. И потом был один... случай. А с тобой я... какая-то блёклая, что ли. Извини.

— Да как такое может быть? — поразился Эрих и залпом осушил свой бокал. — Я тебе в этом и в подмётки не гожусь.

— Мне неинтересно. Ты был последней моей попыткой иметь отношения с кем-то, кто похож на меня. Достаточно.

— Ну а если просто? Ну... — он заговорщицки приобнял её за талию, и Дилайла улыбнулась.

— Я подумаю.

Переведя взгляд обратно на пространство за столами, она перестала улыбаться: из леса как ошпаренные вылетели Доминик и Десмонд Шштерны. Они разделились: один подскочил к отдельно сидящему Бельфегору, и тот немедленно поднялся, выслушивая что-то. Второй, обогнув столы, подбежал к Дилайле и Эриху.

— Идёмте со мной, — почти не задыхаясь, потребовал он. — Это в вашей компетенции.

Видя, как Бельфегор вслед за первым терасом спешно устремляется в лес, Дилайла махнула Джею, приказала Эриху остаться на празднике и объяснить всё Табите и побежала за вторым близнецом в джунгли.

И тут хлынул дождь.

Как только Егана оставила Сати одну, обещая вернуться буквально через пять секунд и объяснить наконец, зачем она увела её в лес, Адамас и Кристиан выскочили из соседних кустов. Хорони не успела даже вскрикнуть: Адамас зажал ей рот и, подхватив под ноги, потащил в темноту, подальше от поляны. Когда место показалось ему подходящим, он повалил её на землю, и Кристиан сел рядом, тщетно пытаясь поймать бьющие во все стороны руки.

— Держи, так тяжело, что ли? — зашипел на него Адамас, в свою очередь, фиксируя отчаянно сопротивляющуюся Сати ногами и одной свободной рукой. Кристиан наконец свёл её запястья вместе, и Адамас, сорвав с её шеи платок, крепко завязал девушке рот.

— Ну что, поехали, девочка? — хищно улыбнулся он, одним движением задирая ей и рубашку, и жилет, и бюстгальтер. — Я тебя научу, как мне перечить...

Его вело: Адамас ранее и помыслить не мог, что способен решиться на такое. Извивающаяся Сати была вся перед ним, беззащитная, молчаливая, зримо его ненавидящая, и от стука собственного сердца у него двоилось в глазах. Проведя пальцем по её телу от солнечного сплетения до линии брюк, Адамас вернул одежду на место, чтобы рывком расстегнуть рубашку, а следом и бюстгальтер, и кивнул Кристиану:

— Вяжи руки.

— Может, всё-таки... — неуверенно начал тот, но смолк под его испепеляющим взглядом. Пока кузен несмелыми движениями перематывал лапы рубашки запястья Сати, Адамас наклонился к самому её лицу, заглядывая в глаза и вновь не находя в них ничего, кроме ненависти.

— Неужели ты совсем не боишься? — ухмыльнулся он и, опустившись головой к обнажённой груди, прошёлся по ней языком, от чего девушку всю заметно передёрнуло. — Впрочем, ничего странного: ты ведь с самого начала на меня заглядываешься. Мечты сбываются, Сати!

Его руки сами начали расстёгивать её брюки, сознание у хорона включилось, лишь когда пришлось приложить некоторые усилия, чтобы спустить их вместе с бельём до лодыжек, удержав при этом в нужном положении ноги. Терпеть уже сил не было, и он схватился за собственный поясной ремень.

— Стой, ты что? — как сквозь вату пробился к нему голос Кристиана. — Ты же только поугатать хотел... брат! Не надо!..

Адамас остановился лишь на мгновение, но желание пересилило. Последний раз перед тем, как наконец серьёзно заняться этой вздорной девчонкой, он посмотрел на кузена и увидел, как его лицо вытягивается, а в глазах к страху добавляется обречённость. В следующий момент кто-то сзади с силой дёрнул Адамаса за руку, и хорон кувыркком полетел на землю.

На ноги встать ему не дали — миг, и Адамас обнаружил, что накинувшийся сверху из воздуха соткавшийся Беккер настроен как камикадзе перед заданием и даже умеет драться. Пропустив пару болезненных ударов, Адамас вышел из ошеломления и яростной ответкой сбросил рейтера с себя. Подкатившая к горлу злость душила его так, что в глазах чернело, и он не стал сдерживаться, как в прошлый раз. Спустя несколько секунд он повалил Беккера на землю и, невзирая на попытки отбиться, от души прошёлся по всем важным точкам. От

его удара в голову рейтера отбросило на два шага от него, и он замер в одной позе, с усилием пытаясь вдохнуть и одновременно кашляя кровью. Ему не хватало явно ещё парочки тычков, чтобы отключиться, и кровавые мушки перед глазами Адамаса ясно сказали ему, что мучения страдальца пора заканчивать. Он замахнулся ногой для последнего удара — и второй раз за эти десять минут его с силой отдёрнули назад.

Этот нападавший оказался посильнее Беккера — Адамаса отбросило почти на два метра и ударило боком о ствол дерева так, что он задохнулся на какие-то мгновения и даже не заметил, как сполз на землю. Пока он глотал ртом воздух, неизвестный рывком поднял его, и сквозь черноту Адамас увидел ледяные жёлтые глаза Бельфегора.

— Мразь, — выдохнул он, снова кидая хорона к дереву. — Что ж ты творишь-то?

Что-то зашумело сверху, завыл ветер; приходящий в себя Адамас с замедлением осознал, что начался дождь. Бельфегор, буравящий взглядом и его, и в нескольких шагах лежащего неподвижно Беккера, за несколько секунд промок до нитки. Он обернулся на Сати, уже собираясь броситься к ней, чтобы развязать и укрыть от льющейся на них сквозь крону леса воды, но около хорони уже сидел кто-то — судя по видным тонким запястьям, девушка. Она быстро размотала ей руки, освободила рот и, на мгновение прикрыв собой, натянула обратно брюки. Потом вскочила и резко развернулась в сторону Бельфегора и Адамаса.

— Ты! — крикнула девушка и подскочила к Бельфегору в два прыжка. — Ты что себе позволяешь? Решил прибить его за компанию?!

Из темноты уже возникли другие старшие: Дилайла подбежала к Сати, Джей — к всё так же лежащему на земле Беккеру, — но Бельфегор совсем не мог на них сосредоточиться. Он смотрел на пылающую негодованием незнакомую девушку, чьи чёрно-белые волосы, мокрые, облепили лоб, яркие медные глаза были сощурены, а бледные тонкие губы искажены в гримасе, и осознавал, что именно её и встретил в баре.

— Бить моего брата имею право только я! — девушка оттолкнула его и опустилась возле Адамаса. — Подъём, чёрт подери! А то и от меня прилетит!

Адамас шатаясь встал, с немым недоумением глядя на непонятно откуда взявшуюся здесь Миа и остальных, поднимавших Беккера. Отдавший Сати куртку Десмонд хмыкнул:

— Странно. Мне казалось, их здесь было трое.

* * *

Кристиан не выдержал в тот момент, когда на Адамаса петухом накинулся Беккер. Страх перед всем происходящим — а особенно перед зашкаливающим осознанием его катастрофичности — заглушил в нём и чувство локтя, и желание хоть как-то помочь, и хорон, оставив Сати с ужасом наблюдать за избиением её лучшего друга, бросился вон из леса.

Ноги вывели его точно на дорогу в город, Кристиан ещё успел увидеть, куда идти, прежде чем небеса разверзлись яростным дождём. Спотыкаясь и оскальзываясь, хорон домчался до ближайших домов и кинулся во дворы, сам не зная, куда его несёт и от чего конкретно он пытается сбежать. В какой-то момент перед его глазами оказалась щербатая дверь с непонятной подписью и огромными светящимися зелёным буквами «Открыто», и он, не задумываясь, толкнул её, заваливаясь в дымный и душный бар.

Никто из собравшихся праздновавших не обратил на него внимания. Почти ничего не видя перед собой из-за закрывавших глаза волос, Кристиан добрёл до барной стойки и, едва не промахнувшись, взобрался на стул. Сидящий рядом парень в последний момент спас свой стакан от его локтя.

— В кредит не наливают? — задыхаясь спросил Кристиан у бармена, угрюмого и седого тамаса.

— Могу налить в залог, — хрипло отозвался тот, оскаливаясь жёлтыми зубами, и тут же рядом Кристиан услышал:

— Давай за мой счёт, Дрейк. Ну что, возьмёшь, симпатяшка?

Он повернулся к соседу — и оказавшийся им чёрно-серебряно-волосый аурис лет тридцати с намёком приподнял свой стакан, странно улыбаясь. В его малахитовых глазах было что-то нехорошее, и Кристиан вспыхнул.

— Я так похож на мальчика, которого можно купить за стакан выпивки?

Аурис недоуменно моргнул, вскидывая брови, и заговорщицки подмигнул.

— Для этого тебя придётся подсушить, красавчик. Но мне лень. Сегодня Новый год, я просто угощаю. Без обязательств.

Кристиан ещё сверлил его взглядом, а бармен уже по жесту ауриса наливал ему стакан джина. Аурис пододвинул его хорону и поднял свой.

— Давай за новое начало.

— У меня всё как-то больше походит на очередной конец, — проворчал Кристиан, наконец соглашаясь на угощение. Он за один глоток выпил половину, отбросил с лица прядку мокрой чёлки и исподлобья посмотрел на ауриса. — А ты тут мальчиков снимаешь, да?

— Святые ангелы, я тут просто пью! — рассмеялся тот и протянул ему руку. — Я Борхерт. А ты?

— Кристиан, — сомневаясь, хорон всё же пожал его играющую ладонь и допил джин. В голове приятно зазвенело, но даже это проверенное средство не могло изгнать жуткие картины, стоящие перед глазами.

— Так что у тебя случилось, Кристиан? — поинтересовался Борхерт. — Дрейк, повтори нам!

Кристиан невидящими глазами уставился на новый стакан.

— Мой кузен почти изнасиловал девушку, — тихо признался он, ощущая, что язык его уже едва слушается. — Но на него накинута её друг, и он наверняка его убил.

— А ты сбежал? — понимающе спросил аурис, пододвигая ему стакан. Кристиан медленно кивнул и обхватил голову руками.

— Да что я мог сделать? — плачущим голосом выдохнул он. — Это как с гранатой против танка! Я же видел, он уже вообще не... не осознавал, что делает! Я...

— Ну всё, всё, не переживай ты так. Твою причастность они не докажут, — Борхерт успокоительно хлопнул его по плечу. — Ты же убежал.

— Да ты не понимаешь! — Кристиан всё смотрел в одну точку. — Родители приедут... Кто поверит, что я не вино... ват? Накажут за компанию!

— Куда приедут? — искренне удивился аурис. Его собеседник опять залпом осушил стакан и, запинаясь, продолжил:

— На нашу базу. Это-то-там... в лесу, совсем б-близко. А та-таких родителей врагу не пожелаешь...

— Например?

Кристиан, которого уже било крупной дрожью, наклонился к его уху, чуть не свергнувшись со стула, и прошептал:

— Рэкс Страхов.

— Серьёзно? — охнул Борхерт. — И чей...

— Да его, — отмахнулся Кристиан. — Вот одно-знач-но приедут. Завтра к вечеру. Ну, т-то есть сегодня, первого, короче. Б-бросят всё и приедут, он так точ-чно. И всё...

— Вот бы взять автограф, — мечтательно вздохнул аурис, и Кристиан с упрёком воззрился на него, едва фокусируя взгляд.

— Как-кой к чё-ёрту автограф? Ничего ты не понима... ешь!

— Да не парься, ничего тебе не будет! Спорим, твой брат тебя не сдаст?

— Ну, может быть, — неохотно признал хорон.

— А больше и не докажут! Всё, не печалься, — Борхерт взял его за подбородок и повернул на себя голову. — Иди-ка лучше на базу, а то хватятся, точно влетит. Вот, держи.

Он положил на стойку между ними кластер с четырьмя таблетками ярко-синего цвета, и хорон, с усилием освободившись от его руки, подозрительно глянул на них.

— Эт-то что ещё такое?

— Отрезвитель, — подмигнул ему аурис и достал свой телефон. — Слушай, а дай свой номерок. Захочешь ещё выговориться, встретимся.

— Странный ты какой-то... — протянул Кристиан и, поскольку не мог сейчас делать два дела одновременно, просто вручил Борхерту свой сотовый и цапнул таблетки. Хмель ушёл мгновенно, стоило только разжевать одну, и в то же мгновение аурис вернул ему аппарат.

— Только не удаляй меня, — шутливо погрозил он хорону пальцем и опять рассмеялся. — Да ничего мне от тебя не надо, Крис! Просто ценю новые знакомства. Пошли, выведу на главную улицу.

Снаружи всё ещё бушевала буря, и Кристиан так и не сумел запомнить дороги до нужной ему окраины. Борхерт оставил его у самого леса и, прощально махнув рукой, скрылся в дожде. Глубоко вдохнув, хорон поспешил к базе.

Глава 4. Пришествие

Что-то осознавать Адамас начал примерно в тот момент, когда молчаливый Джей втокнул его во всю ту же комнатку в подвале и запер дверь. Хорон на непослушных ногах дошёл до тахты, опустился на неё и уставился на собственные руки, трясущиеся так, словно недавно он пытался поднять штангу весом килограммов в сто. На ладонях, локтях, предплечьях всё ещё остались следы от ствола дерева, о которое его треснул Бельфегор, и от грязной, размокшей земли, хотя вот именно они практически смылись, пока его вели до базы под хлещущим дождём. А ведь вроде не обещали ливня на новогоднюю ночь...

Со скрипом Адамас вспомнил подробности этого «путешествия». Старшие вынесли полуживого Беккера к дороге в город, где его подхватила спешно вызванная с базы машина (кажется, за ней сбегал один из близнецов-терасов) и отвезла в главную больницу. Весь лагерь согноли обратно в бараки, потому что сидеть на открытом воздухе под таким дождём, само собой, мало походило на праздник. Вроде никому при нём не сообщали о Сати и Беккере, но наверняка уже все в курсе. Адамас, кажется, даже слышал, как Дилайла перед административным зданием, куда отдельно ото всех зашли Сати и Миа (ведь там же была Миа?), сказала Джею, что немедленно поставит в известность о случившемся Рэкса. Жди гостей...

Адамас встал и, шатаясь как после бессонной ночи, прошёл в ближайший угол комнаты, чтобы сесть там прямо на пол и подтянуть к груди колени: с тахты пол казался чересчур уж далёким, и его мутило. Но даже в такой позе «карцер» то и дело начинал кружиться перед глазами, а закрыв их один раз ненадолго, хорон и вовсе на ближайшее время отказался от этой идеи: начинался подлинный «вертолёт», о котором когда-то рассказывал любивший напиться Кристиан, — и от этого «вертолёта» ощущение, что он падает в бесконечную чёрную бездну, становилось только реалистичнее.

Кристиан. Адамас ухватился за это имя, чтобы отвлечься от неприятных физических ощущений. Куда делся Кристиан? Он ведь был там с самого начала, Адамас отлично помнил, что кузен помогал ему, хотя всё остальное благополучно провалилось в памяти безвозвратно. Когда Кристиан успел исчезнуть с места преступления? С появлением Беккера — или раньше? И почему? Испугался последствий — или его самого, Адамаса? Как он мог оставить его одного?

Адамас зарылся лицом в колени, сжав ладони на плечах так сильно, как мог: чувство максимального напряжения в мышцах помогало спастись от бездны. С произошедшего он помнил тоже одни лишь ощущения, почти ни одной картинке не всплывало перед внутренним взором, когда он пытался восстановить нить событий и понять: что же всё-таки случилось с ним, что он абсолютно потерял контроль над собой? Сполохи, вспышки эмоций. Возбуждение — сердце бьётся в ушах. Нетерпение. Торжество. Злорадство. Желание сломить — потому что она ничуть не боится, она лишь ненавидит его, он вызывает у неё отвращение. Всеобъемлющая власть. И ни одной мысли, словно в те минуты его и не было там. Беккер — это уже не сполохи, а всплески. Ярость, слепящая и выматывающая, жажда крови, боли — чёрт побери, Адамас и правда собирался убить его! Если не Бельфегор, как бы он потом жил с этим? О чём он думал? Точнее, нет, почему он не думал?..

Это было невыносимо. Адамас попытался разжать пальцы, чтобы в привычной манере выместить накопившиеся чувства на стене, но оказалось, что руки свело судорогой от

перенапряжения, и ещё пять минут минимум он методично разминал их. Взгляд не желал фокусироваться, в голове всё так же была пустота, тянущая в себя, в беспросветный мир, где едва-едва билось сердце и почти не было слышно дыхания, — и, закончив с руками, Адамас принял прежнюю позу и наконец закрыл глаза.

Он потерял счёт времени и вздрогнул, когда дверь щёлкнула, открываясь. Подняв голову, Адамас увидел входящего Джей.

— Завтрак, — сухо проговорил хорон, ставя принесённый поднос на столик у тахты. — Стукнешь, когда закончишь. И, кстати, твоя сумка с вещами, переоденься в чистое, я сразу забыл принести.

Адамас проследил, как он роняет её на пол возле того же столика, разворачивается, уходит, закрывает дверь, и опять уткнулся лицом в колени. В мыслях чуть прояснилось: если Джей сказал «завтрак», значит, уже утро, а Адамас просидел в углу весь остаток ночи, даже не заметив этого. Уснул, что ли? И, наверное, сегодня прибудет отец. Странно, но по сравнению с предыдущей их встречей Адамас совсем не боялся наказания. Теперь он куда больше боялся самого себя — потому что больше не знал, на что ещё способен, если вдруг его снова поведёт.

Да и что он вообще о себе знает? Чего он хочет, куда идёт, на что надеется? Последние восемь лет жизнь больше походила на постоянное своё отрицание, чем на что-то другое. Когда он в последний раз испытывал нормальные чувства, без этой червоточинки, без злости, превосходства, ярости, недовольства? Уж не в визит ли Дилайлы? Даже забавно, как далеко человек может зайти в том, чтобы доказать всем, как ему всё равно...

Дверь опять щёлкнула, и Адамас опять очнулся. Вошедший Джей молча забрал нетронутый поднос, а в комнате с единственным окошком под потолком, кажется, стало ещё светлее, чем в прошлый его визит. Очередной провал во времени. Как только Джей исчез из «карцера», Адамас переполз к самой двери и уселся, привалившись к ней, чтобы больше никто не вошёл к нему без предупреждения.

Удаляющиеся шаги Джей было едва слышно, и Адамас снова было ушёл в себя, но встрепенулся, когда там, по другую сторону пустоты, кто-то спотыкаясь приблизился к двери и, судя по шуму, сел на пол. Неужели его караулят настолько бдительно? Считают, он попытается бежать? Впрочем, после такого Адамас и сам подозревал в себе преступника похуже Зебастиана и Азата вместе взятых.

Ощущение бездны отступило, и пришлось думать. Адамас чувствовал, что обязан понять, что с ним случилось, потому что иначе он может никогда не научиться делать то, что хочется, а не на что толкнёт первый попавшийся рефлекс. Он ведь и правда просто хотел поугагать Сати: раздеть, унизить, потом сказать что-нибудь вроде «ну, теперь понятно, почему никто из парней тобой не интересуется, кроме Беккера» — и одеть обратно. Она бы не посмела о таком никому рассказать — позор на весь лагерь, — а уж напавший Беккер и подавно. Да и он получил бы пару ударов, не до полусмерти же. Однако почему-то Адамас решил пойти дальше — почему, почему, почему?!

И почему Кристиан, чёрт возьми, его не остановил?!

Опять шаги. Адамас понял, что сжал ладони на плечах, кажется, до синяков — левому плечу и так досталось от дерева, — и, с усилием разжав пальцы, прислушался. Его сторож не шевельнулся, а вот подходивший — судя по шагу, точно не Эрих и не Бельфегор, мерившие его как истинные военные — остановился у самой двери и заговорил.

— Вот ты где, — Адамас узнал мягкий голос Табиты. — Мы тебя обыскались, Джей.

Давно ты тут?

— С самого начала, — глухо отозвался Джей.

— Думаешь, убежит?

После паузы хорон хмыкнул.

— Как мы видим со съёмки камеры скрытого наблюдения, разве что смоемся через трубу туалета. Нет, я не поэтому тут сижу. Просто, на всякий случай.

— На какой? — Табита, кажется, села рядом. — И как ты провёл съёмку на свой планшет?

— Охранник из видеонаблюдения оказал мне эту любезность. Есть у меня некоторые подозрения насчёт Адамаса, слежу, чтобы от них избавиться. С того момента, как я его сюда привёл, он сидит в одной позе, да и к завтраку не притронулся. Мне кажется, ему плохо, и вдруг... Впрочем, я уже ни в чём не уверен.

— Не один ты, — тихо сказала Табита. — Мне казалось, я знаю его. Что бы он там о себе ни думал, он не мог, по моему мнению, решиться на такое. Ты-то знаком с ним всего неделю, не грызи себя.

— Так заметно? — горько усмехнулся Джей. — Я полностью провалил порученное мне задание, не удивлюсь, если меня понизят в должности. Но не в этом дело. В том числе я с треском провалился и как «опытный» психолог, и как «талантливый» педагог — по крайней мере, так обо мне говорили. В моём детдоме меня слушались все, даже старшие. Мне казалось, к каждому, самому непонятому хулигану, можно найти подход и исправить его. Адамас же плевал на меня с высокой колокольни. Ничего удивительного, я же никто. А он — сын самого Рэкса Страхова.

— Вот уж чего никогда не замечала в Адамасе, так это бахвальства своей фамилией, — возразила Табита. — Скорее его, наоборот, это бесит. Не убивайся, Джей. Всякое случается. Нашла коса на камень. А если ему и правда плохо, он сделает для себя выводы.

— Интересно какие? — с непривычным сарказмом спросил Джей. — Может, что способен и на большее? А когда отец придумает ему наказание — так и вовсе обозлится и уйдёт к аркановцам? Я жду чего-то такого. Не пойдёт же он извиняться перед всем лагерем. Тем более что Рэкс, скорее всего, заберёт его отсюда. И, дайте ангелы, чтобы по статье не посадил в колонию за «попытку изнасилования» и «нанесение тяжких телесных»...

— Кстати, о Рэксе, — Табита определённо решила не дать Джею заниматься гаданием на кофейной гуще. — Он-то будет к пяти, а вот к четырём ожидается ещё один гость, только что Эрих передал.

— Какой?

— Аспитис собственной персоной. Очевидно, решил наконец пообщаться с сыном. Вряд ли ему сообщали об инциденте с Адамасом... Хотя, должна признаться, от Шштернов можно ожидать чего угодно. Зачем-то же они сказали нам о первой стычке Адамаса с Беккером, да и в лесу его отследили...

— Думаешь, его личные соглядатаи?

— Думаю. Он, в конце концов, должен контролировать, чему тут детей учат. К тому же Бельфегор.

— До сих пор любопытно, почему его сослали именно сюда.

— Наверное, сегодня узнаем. Ладно, Джей, не грусти тут. И сам не забудь поесть. Как только из больницы будут какие-то новости, я дам тебе знать. По мессенджеру, раз уж ты с планшетом.

По шелесту Адамас понял, что эрбисса встала. Спустя несколько секунд её шаги стихли, и хорон вдруг осознал, что, если с самого начала Джей следит за ним через скрытую здесь камеру, значит, он прекрасно видит, что Адамас сидит у двери. В то же время говорил Джей совершенно свободно. Был в его словах какой-то тайный смысл или ему уже просто всё равно?

И ведь Адамас и в самом деле жестоко его подставил, даже не задумавшись. Что уж тут говорить о Сати и Беккере, которых обоих он мог оставить калеками, не в физическом плане, так в моральном. Все возможные последствия вдруг так зримо встали у Адамаса перед глазами, что он со стоном впился зубами в собственную руку — до крови — и не почувствовал этого. Как же так можно было, зачем? Все эти восемь лет — зачем?..

Пока он не знал, что делать, но постепенно что-то вырисовывалось на горизонте. Нужно ещё встретиться с отцом. Адамас отпустил руку, вытерев кровь от прокуса о грязную рубашку, и вскинул глаза на электронные часы на столике: зелёные светящиеся цифры показывали 14:00. Не так долго осталось. А потом он решит. У отца наверняка что-то для него приготовлено.

В некой прострации, пытаясь представить, что придумал отец в ответ на такую выходку, Адамас просидел до тех пор, пока Джей за дверью не встал и не ушёл, очевидно, за обедом. На часах внезапно стало 15:50. Посмотреть на Аспитиса Адамаса, конечно, не пустят, а хотелось бы.

Спустя семь минут — потому что Адамас так и остановил взгляд на коробочке с цифрами — в дверь раздался стук, и хорон отполз к стене, крикнув:

— Открыто!

Выключился электронный замок, дверь отворилась, и в комнату ступил Джей с подносом.

— Обед, — он уже двинулся мимо Адамаса к столику, но вдруг остановился точно напротив. — Или ты опять не будешь есть?

Адамас пожал плечами. Джей отошёл ближе к середине комнаты и сел прямо на пол, опустив рядом поднос, на удивление штрафника, оказалось два столовых набора. Джей скрестил ноги по-турецки и спросил:

— А со мной поешь?

— Тебе это правда так важно? — фыркнул Адамас от своей стены.

— Я следую правилам. Иногда это оказывается полезным. В данном случае правило такое: от еды мозги работают лучше, а человек становится добрее.

— Ты ведь и сам с ночи не ел?

Джей в точности, как он недавно, пожал плечами, и Адамас перебрался к нему, садясь на ковёр боком к открытой двери.

— Не боишься, что я сбегу? — кивнул он на дверь, пододвигая к себе с подноса тарелку с супом и ложку.

— По моим подсчётам, пока я вёл тебя на базу, ты мог сбежать пять с половиной раз, — едва заметно улыбнулся Джей. — Сейчас-то какой смысл?

— А почему с половиной?

— Этот раз был бы полнейшим безумием, но мог удалиться.

— Жаль, мне это не пришло в голову, — Адамас поднял к себе тарелку и попробовал супа. Желудок как будто очнулся: впервые с ночи ему действительно захотелось есть.

Джей молча съел свой суп и перешёл ко второму. На Адамаса он больше не смотрел, и

тот решил сам продолжить разговор.

— Я знаю, что у тебя будут из-за меня проблемы, Джей, — виновато проговорил он. — У кого только здесь их из-за меня не будет... Прости. Мне стыдно, веришь? Не знаю, что на меня там нашло. Я хотел совсем не этого.

— И чего же ты хотел? — Джей пристально посмотрел на него, доказывая всем видом, что даже рыжий веснушчатый парень может выглядеть грозно, и Адамас отвёл взгляд.

— Просто унижить её. Отомстить за донос...

— По-твоему, это лучше?

— В сравнении с тем, что произошло на самом деле, определённо.

— Но тоже не ахти что. Нет?

— Об этом, по крайней мере, никто бы не узнал, и ничего бы тебе не было.

— Ты серьёзно считаешь, что меня так волнует наказание? — Джей отставил тарелку. — Кажется, оно даже тебя не волнует, хотя тебе наверняка достанется круче, чем мне. Ты правда думаешь, что можно делать что угодно, пока не спалили? Вроде как «вообще нельзя, но, пока не видят, можно»?

— Я уже вообще ничего не думаю! — рассердился Адамас. — Я запутался, понятно? В кои-то веки мне совершенно не понравился результат моих трудов, и я пока не разобрался, что с этим делать!

— Уже прогресс, — криво улыбнулся Джей и потянулся обратно за тарелкой. Однако в прилегающем коридоре вдруг послышался топот сразу двух пар ног, и его рука замерла на середине пути. Адамас оглянулся на дверь, прислушиваясь.

— Отец, ну ты можешь меня хотя бы выслушать, прежде чем куда-то идти? — с отчаянием в голосе спросил кто-то, и Адамас узнал Бельфегора.

Ему не ответили. Адамас с Джейем только и успели что недоуменно переглянуться, когда на пороге комнаты появился мужчина-хорон, на вид лет сорока, в походной форме северного образца — то есть всех оттенков коричневого, — с яркой эмблемой МД на рубашке напротив сердца. Черты его гладко выбритого лица были чёткими, острыми, кожа смуглой, рост и высокий лоб выдавали примесь вельков, зачёсанные назад короткие, цвета воронового крыла волосы не имели и намёка на седину, а бледно-жёлтые, насмешливые глаза были точь-в-точь как у Бельфегора, появившегося спустя секунду сзади.

Проще говоря, за те два года, что Адамас видел Аспитиса Пикерова последний и единственный раз в своей жизни — и при весьма впечатляющих обстоятельствах, — глава МД разве что сменил облачение, но сам не изменился ни на йоту.

— И это в вашем пансионе называется карцером? — с ухмылкой поинтересовался Аспитис, обзрев комнату и сосредоточив взгляд на оторопевшем Адамасе. Джей поспешно встал, отдавая честь.

— Моё почтение, Мессия, — дрогнувшим голосом сказал он, и Бельфегор позади отца закатил глаза.

— Посмотрел? Может, пойдём? Адамасу, — он пронзил сероволосого хорона взглядом, — запрещены посещения.

— Бельфегор, не зуди, — Аспитис уже не улыбался и изучал молча смотрящего на него Адамаса с некоторой отстранённой задумчивостью. — Ты всё больше становишься похожим на Квазара, Адамас, хотя я не видел его в такой глубокой молодости вживую. Даже любопытно, как тебя повернуло на подобную дорогу, если вспомнить, что ты сделал для меня...

— Оно вообще никак не связано, — сощурил глаза Адамас, и Аспитис рассмеялся.

— Ну да, где я, а где какая-то безродная девчонка! Ладно, поговорили, пора и делом заняться. Ещё одна звезда выходит на небосвод...

Чуть склонив насмешливо голову, он отступил обратно в коридор, отстранив рукой пылающего негодованием Бельфегора, и степенно двинулся прочь из подвала. Его сын так и остался стоять у двери.

— Джей, — он смирил гнев и повернулся к ничего не понявшему в произошедшем разговоре хорону, — Рэкс уже на подъезде, решил, наверное, не упускать шанса застать здесь моего отца. Позаботься, чтобы главный виновник его приезда вышел его встречать.

— Да, конечно, — наконец изгнав из глаз ошеломление, кивнул тот, и Бельфегор тоже ушёл. Джей опустил обратно на пол.

— О чём говорил Мессия? — он пристально посмотрел на Адамаса. Тот передёрнул плечами.

— Если ты не в курсе, не мне тебе рассказывать... Давай лучше ближе к делу. Пока мы ещё здесь, ответь, как там... Беккер и Сати?

Джей ещё пару секунд буравил его взглядом, потом, взяв стакан с уже остывшим чаем, сделал глоток.

— Беккер в отделении интенсивной терапии, у него разрыв печени, отбиты почки, сотрясение мозга и несколько переломов. Пока не приходил в сознание, но жить будет.

— Мне казалось, ещё пара ударов, и я убью его...

— Вполне вероятно, — безжалостно признал Джей. — Один осколок ребра прошёл в опасной близости от сердца, плюс он чуть не захлебнулся кровью из-за повреждённого лёгкого. Бельфегор прибежал вовремя. Хотя твоя сестра и утверждает, что тоже почти успела.

— Значит, мне не привиделось, что она там была, — с некоторым облегчением выдохнул Адамас. — А где она сейчас? И как вообще в лесу оказалась?

— На последний вопрос она не отвечает принципиально, а всё своё время на данный момент проводит с Сати. Они в административном здании, на втором этаже. Понятия не имею, зачем ей понадобилось брать на себя роль психолога, но, кажется, выходит у неё неплохо... — Джей допил чай и поставил пустой стакан на поднос. — Давай доедай и пощи. Табита мне только что прислала сообщение, что Рэкс и в самом деле будет вот-вот.

Согласно кивнув и осознав вдруг, что его начинает трясти от нервов, Адамас втолкнул в себя последние две ложки второго, залпом выпил чай и, составив посуду на поднос, встал. Джей убрал поднос на столик, мельком проверил ещё раз на предмет сообщения и планшет, и сотовый и первым пошёл на выход.

Уже в коридоре дрожь настигла Адамаса вплотную, и ему пришлось хвататься за стены, чтобы не потерять ориентацию. Реальность снова поплыла вокруг, и, если бы не вовремя подскочивший Джей, он бы опять сполз на пол и так бы там и остался. Это было даже смешно: в своё время Адамас проходил курс на выживание и заработал там достаточное количество очков, чтобы не сомневаться в собственной стойкости. Разве может всего один срыв так подкосить?

Усилиями Джея вскоре Адамас оказался на улице, и на свежем воздухе его немного отпустило. Хорон вывел его к асфальтированной дороге, проходящей через весь лагерь и по случаю приезда высоких гостей сейчас окружённой всеми его обитателями. На них с Джем повернулись сразу все — как будто ждали. Они остановились у левого конца толпы, где

стоял Эрих, — напротив через дорогу у самой её кромки на стуле расположился Аспитис со свитой, состоящей из двух близко к нему находившихся охранников: светловолосого велька лет сорока пяти и примерно того же возраста внушительного вида тераса, также знакомого Адамасу по тому памяtnому эпизоду, отца Десмонда и Доминика Цезаря Шштерна. С правой руку от Аспитиса был Бельфегор, мрачный как туча, дальше — его отряд, весь, кроме как раз-таки близнецов-терасов. Посмотрев вперёд, туда, где дорога упиралась в КПП, Адамас увидел, что ворота открываются, пропуская в лагерь военную машину наподобие тех, что уже стояли на парковке. Доехав медленным ходом до начала левой части толпы, машина остановилась, и к ней тут же подошли Табита и один из охранников.

Почти не осознавая, Адамас отделился от общего скопления народа и вышел на середину дороги, неотрывно глядя на творящееся впереди. Из машины первым появился личный телохранитель его отца Керен Камов, широкий и одновременно максимально подвижный хорон, следом — Рафаэль, и Адамас боковым зрением заметил, как Джей невольно сделал шаг от дороги. Почти одновременно с хиддром на асфальт ступил Рэкс — примерно в такой же форме, как Аспитис, только с гербом ГШР на рукаве, — и Адамас почувствовал, как деревенеет.

Коротко поздоровавшись с Табитой и Дилайлой, Рэкс развернулся и неспешно двинулся в сторону сына. Шепотки в толпе, до его появления сыпавшие предположениями, почему в лагерь решили нагрянуть сразу оба мировых лидера и не связан ли хотя бы приезд Рэкса с тем, что натворил подопечный от ГШР, немедленно смолкли. Адамас же смотрел в его лицо, каменное, с глубоко залёгшей у подбородка складкой, в почти чёрные глаза и больше всего хотел сорваться с места и бежать как можно далеко. Но он остался стоять, пока отец не подошёл к нему вплотную, и даже не опустил взгляда.

Адамас ожидал чего угодно, но к тому, что в следующую секунду произошло, оказался не готов. Не сказав ни слова, Рэкс поднял руку и почти без размаха отвесил ему затрещину — такой силы, что Адамаса снесло с ног, и он повалился на асфальт, рефлекторно хватаясь за вспыхнувшее ухо и щёку одновременно. Рэкс присел рядом на корточки.

— Я жалею, что ты мой сын, — едва слышно, но оттого не менее значительно процедил он сквозь зубы, и Адамас уткнулся лицом в мокрый асфальт: у него вдруг не оказалось сил, даже чтобы подняться. Кто бы мог подумать, что эти слова от человека, которого, как он думал, он давно разлюбил и только лишь резонно побаивался, так больно отзовутся ему и так легко всколыхнут в душе бурю чувств, мнившихся ранее похороненными и забытыми?..

Рэкс уже вставал, более не глядя на сына, когда в мёртвой тишине лагеря раздался насмешливый голос Аспитиса:

— Полегче, Страхов! Ты же не хочешь угробить своего сына, так же как раньше чуть не угробил моего?

Подростки забурлили, не удержавшись от обсуждения такой невероятной новости, и, пересиливая себя, Адамас поднялся на ноги, гордо держа голову. А Рэкс, развернувшись от него, зашагал к Аспитису.

— Я уж и забыл, как звучит ваш голос, Мессия, — ровным тоном проговорил Рэкс, остановившись в шаге от него и никак не реагируя на торжествующий взгляд и нежелание встать навстречу, как полагалось по этикету. — В честь нашего первого нормального разговора с глазу на глаз за последние пятнадцать лет мне бы хотелось надеяться, что он получит своё продолжение ближе к ночи. Есть некоторые моменты, которые необходимо обсудить.

— Как скажешь, старший советник при президенте ГШР, — сверкнул улыбкой Аспитис, видимо наслаждаясь происходящим. — Думаю, в моём плотном расписании найдётся для тебя свободный час.

— Буду весьма благодарен, — Рэкс отвесил лёгкий поклон и немедленно потерял к нему интерес. Совсем близко уже стояли все старшие, и он отошёл к ним, игнорируя и всё так же смотрящего на него Адамаса, и побледневшего Джея.

— Прежде чем мы перейдём к обсуждению более серьёзных проблем, я хочу увидеть пострадавшую девушку, — сказал он Табите, — и потом мою дочь.

— Какая удача, — улыбнулась Табита, кажется, тоже слегка ошарашенная: то ли его методами воспитания, то ли поступком Аспитиса, то ли и тем и другим сразу. — Они в одной комнате в главном здании. Миа утешает её. Я провожу.

— Хорошо. Рафаэль, разберись пока со своим стажёром, — Рэкс мельком глянул на вздохнувшего хиддра и остановил взгляд на подобравшемся Джее. — Так, как мы договорились, и никак иначе.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Рафаэль.

— А с тобой, сын, — Адамас ощутил, как проваливается в те чёрные колодцы, в которые превратились глаза его отца, опять повернувшегося к нему, — я пообщаюсь позднее. Где, кстати, Кристиан?

— Понятия не имею, — выдавил Адамас, оглядев толпу.

— Надеюсь, хотя бы он в этом не замешан. Идём, Табита, показывай.

Когда вся компания скрылась за углом административного здания, а Эрих и Дилайла начали разгонять возбуждённых увиденным курсантов по баракам, Бельфегор кашлянул, привлекая внимание неотрывно следившего за Рэксом отца.

— Второй акт твоего выступления кончился, — с сарказмом напомнил он. — Мы можем теперь поговорить?

— Это о чём же? — Аспитис с интересом взглянул на него.

— Например, о том, какого чёрта я тут забыл! Или ты меня в няньки к младшему Страхову нанял?

— Ах, это... Знаешь что? Принеси-ка мне кофе. А я тебя здесь подожду, — Аспитис сделал рукой жест, как будто отгонял от себя надоедливый поклонник, и, моментно вспыхнув, Бельфегор сердито пошёл в административное здание.

Стоило миновать гостиную, как навстречу ему вынырнула сочувственно улыбающаяся Табита — из коридора, ведущего прямо к кухне с заветным кофе. Надо было задуматься ещё при её появлении, ведь он своими ушами слышал, что она провожала сюда Рэкса, но Бельфегор был в слишком растрёпанных чувствах, чтобы вовремя осознать, что Главнокомандующий от ГШР вместе со своей дочкой и Сати находятся в той единственной комнате, которая располагалась в этом коридоре. Уловив голос Рэкса из-за прикрытой двери, хорон невольно затормозил и прислушался.

— Я не имею права просить об этом, но всё же надеюсь, что со временем ты сможешь простить его, Сати, — непривычно виноватым тоном говорил Рэкс. — И меня тоже. Это я где-то ошибся, раз он посчитал, что может поступить с кем-то вот так.

— Вы здесь ни при чём, — тихо отозвалась Сати. — Мы все почти совершеннолетние. Он несёт за себя ответственность сам. И просить прощения тоже должен сам. Не тратьте своё время.

Бельфегор мысленно охнул от такой дерзости, а Рэкс вполне слышимо усмехнулся.

— Адамас придёт, я ручаюсь. Но со своей стороны, если я что-то могу сделать, чтобы хотя бы частично загладить произошедшее...

— Мне ничего не нужно. А что делать с ним, решайте сами.

— Ладно, договорились. А... он там был один?

— Этого мало?

— Нет, в смысле, ему никто не помогал? Брат, например, тоже сероволосый?

— Нет, совершенно один, — отчеканила Сати, и Рэкс с сомнением хмыкнул.

— Чудеса... Хорошо, раз тут мы разобрались, теперь ты, Миа. Каким ветром тебя так далеко занесло? Ты вроде должна быть в горах со своими друзьями?

— Я и так в горах, — усмехнулась Миа, и от звука её голоса сердце Бельфегора предательски дрогнуло. — А за друзьями дело не станет. В чём проблема?

— В том, что тебя здесь не планировалось, — сухо сказал Рэкс. — Вы оба решили посмеяться надо мной? Наверное, можно на камеру снимать и в Интернете выкладывать, как над глупым отцом шушукается пол-лагеря во главе с Мессией-Дьяволом!

— О, брось, папа! Ты совершенно не умеешь стыдить, если честно. Я же знаю, что тебе далеко побоку чужое мнение, особенно каких-то подростков. Ну а Аспитис по-любому будет тебя подкалывать, хоть ты ему самому жизнь спасёшь... Я хочу остаться здесь, понятно? Или воевать. Что ты из меня всё принцессу сделать пытаешься?

— Это где же? — саркастически поинтересовался Рэкс.

— Да везде! Может, напомнить, что в ГШР я поступила в обход тебя, а ты меня прочил в юристы, как мама?

— А юристы часто бывают принцессами?

— Ты понял, о чём я! — негодуяще фыркнула Миа. — Не пытайся вставать у меня на пути, всё равно сбегу!

— Вырастил на свою голову, — вздохнул Рэкс, и голос его тут же посуровел. — Завтра утром вы трое отсюда уезжаете. Разговор окончен.

— Но, папа!..

Бельфегор отступил от двери, подозревая, что Рэкс не будет тратить много времени на препирательства с дочерью, а ему самому совсем не улыбалось признаваться, что он подслушивает. И в основном потому, что никак не может эту вздорную девчонку выбросить из головы...

На кухне тоже оказалось неожиданнолюдно, и Бельфегор нерешительно остановился на пороге, заведя сидящего за явно нетронутой чашкой чёрного кофе опустившего голову Джей и стоящего напротив него по другую сторону стола Рафаэля.

— Я за кофе, — хорон кивнул в сторону кофемашины, и хиддр отмахнулся.

— Проходи, ты не мешаешь, Бельфегор.

Бельфегор быстро прошагал к аппарату и полез в шкафчик за чашкой для отца. Сегодня явно был день чужих разговоров, а никак не его собственного, потому что Рафаэль продолжил свои, как сказал Рэкс, «разборки» с Джейем невзирая на его присутствие.

— Джей, правда, будь моя воля... Я же понимаю, что ты тут абсолютно ни при чём. Но приказ сверху, и я должен передать, как твой куратор...

— Бывший куратор, — отстранённо напомнил Джей, и Рафаэль вздохнул.

— Если ты не хочешь тут больше работать, я сделаю так, чтобы тебе нашли более подходящее место, — предложил он, и оглянувшийся на хорона Бельфегор увидел, как тот сжимает кулаки.

— Проще меня уволить, чем искать подходящее место, — бросил он. — Налажал с Адамасом, налажаю с кем-нибудь ещё. Рано вы меня приблизили, Рафаэль, я явно пока такой чести не заслужил.

— Перестань, ради всего святого. Что ты мог с ним сделать — следовать по пятам?

— Да хоть как-то наставить на путь истинный!

— За неделю? Смешно же. Рэкс отойдёт, и тебя реабилитируют. Помяни моё слово, — Рафаэль наклонился, чтобы положить ему руку на плечо, и следящий за этим Бельфегор чуть не проворонил момент, когда кофе в чашке стало слишком много.

— Обязательно, — процедил сквозь зубы Джей. — Не тратьте на меня свои нервы. А здесь я постараюсь быть полезным. Здесь дети беспроблемные. Самое место для стажёра-преподавателя.

— Я сам решу, — улыбнулся Рафаэль и вышел. Секунду посмотрев на чашку и осознав, что отец наверняка и не собирался его дожидаться, Бельфегор сел рядом с Джейм.

— Не переживай ты так, — участливо проговорил он, и рыжеволосый хорон вскинул на него горящие скепсисом глаза. — Всё образуется. Мне ли не знать, что такое вечно биться в закрытую дверь. Но за тебя хотя бы есть кому вступить. Мой отец слушает только себя.

— Если ты не заметил, — фыркнул Джей, — Рэкс тоже слушает только себя. И что-то мне подсказывает, что проблемы с сыном у него начались именно из-за этого... А тебя что, за кофе послали?

— Я бы сказал, отослали. А тебя забрали из стажёров?

— Понизили на уровень. Стажёры — само собой, — Джей с чувством отхлебнул кофе. — Но злюсь я почему-то не на Адамаса.

— Да я тоже. Эти двое — упёртые бараны, ничего не поделаешь. Я думаю, ты ещё реабилитируешься. И не с помощью Рафаэля, а сам, — Бельфегор ободрительно хлопнул Джея по плечу. — Ты удивительной выдержки человек. Там, в лесу, я едва сдержался, чтобы Адамаса не прибить за содеянное, а ты с ним вместе обедаешь.

Хорон в ответ только улыбнулся и обратно погрузился в себя. Подхватив кофе, Бельфегор попрощался и пошёл к отцу. В комнате Миа и Сати уже было тихо, а дверь плотно закрыта — значит, Рэкс успел уйти.

Выйдя на улицу, Бельфегор убедился, что его отца также след простыл. Он остался стоять на веранде, попивая кофе и решая, где лучше всего выловить его, чтобы наконец нормально пообщаться, и стоит ли вообще тратить на это силы. Его отшили уже дважды — с Аспитиса станется избегать разговора вплоть до отъезда.

Может, лучше расспросить об этом Энгельберта? Как его наставник и человек, фактически заменивший отца, он не сможет отказать.

* * *

Всё время с ночи Кристиан не то чтобы прятался, его просто подчёркнуто не замечали — и он умело этим пользовался. На базу он попал примерно в то же время, что и последние курсанты, оставшие или намеренно подзадержавшиеся, пока старшие сгоняли остальных, почти сразу узнал, что Адамаса вовремя остановили, что успокаивать Сати взялась Миа, а Беккер в реанимации, — и с этого же момента каждый обитатель мужского барака предпочёл сделать вид, что Кристиана не существует. Спасибо, как говорится, и на этом:

хорон резонно опасался, что за случившееся негодование будут вымещать на нём за неимением истинного виновника.

Ну а к игнорированию ему было не привыкать: рядом с Адамасом все и всегда обращали внимание только на него, хотя по внешним данным Кристиан ощутимо выигрывал. В свете произошедшего лучше было лишний раз не отсвечивать — по крайней мере, пока не придет дядя — и, дайте ангелы, чтобы не с отцом на пару. Большую часть времени Кристиан до его приезда провёл в бараке, отлучившись разве что в уборную да столовую — занятий в первый день нового года после таких потрясений, конечно же, не было. Потом, когда сообщили, что Рэкс на подъезде, а Аспитис из-за этого даже не успел переговорить с Эрихом, Кристиан вылез на свет божий и присоединился к толпе со стороны МИЦа, встав так, чтобы меньше всего бросаться в глаза.

Его всё ещё потрясывало, но, раз за столько часов никто так и не пришёл к нему с обвинениями, ни Адамас, ни Сати не упомянули о его участии в инциденте. Окончательно Кристиана отпустило, когда он увидел, что дядя прибыл без своего брата рядом, — значит, тот странный аурис из бара оказался прав и его пронесло. Кристиан, наблюдая за тем, как Рэкс даёт оплеуху сыну на глазах у всех собравшихся, а Аспитис, также при всех, раскрывает их главный секрет, всё пытался вспомнить хоть какие-то подробности о незнакомце из бара, но, кроме имени, в памяти не всплывало ровным счётом ничего. Волшебные таблетки? Может, там было что-то ещё, о чём он забыл благодаря этому инновационному «антиопьянину»? Да и зачем Борхерту понадобился его номер сотового?..

Как только все начали разбредаться, Кристиан тоже ушёл — подальше от здания администрации, чтобы не навлечь случайно гнев Рэкса или, например, Рафаэля: с них станется при виде него высказать, почему он не уследил за братом. Почти все курсанты набились в комнату отдыха, чтобы обсудить то, чему стали свидетелями на дороге, потому у жилых барачков было тихо и спокойно. Кристиан уже миновал, кажется, пустой, с дверью нараспашку, барак Бельфегора и завернул за угол, к входу курсантского, когда именно оттуда послышались голоса, и он осторожно выглянул из-за стены строения.

Из барака как раз выходил тот самый светловолосый вельк, кто стоял по правую руку от Мессии на встрече с Рэксом, а следом, определённо разъярённый, спешил Бельфегор.

— Стой, Энгельберт! — крикнул он, и вельк, изобразив лицом смирение, немедленно остановился на последней ступеньке. — Ты, так же как мой отец, будешь молчать до последнего? Что за страшные тайны, чёрт подери? Гриф «Сверхсекретно»?!

— Давай ты просто успокойся, Бэл, — Энгельберт повернулся к нему, выставляя ладони с длинными тонкими пальцами. — Я вроде сказал, что...

— Что? Что сказал? Вот именно, ты ничего не сказал! — Бельфегор обвиняюще вытянул руку, указывая куда-то в сторону дороги. — С ним мне давно всё понятно, но ты-то!.. Мне нужен всего один ответ на один вопрос: зачем я тут сижу! Что в этом такого?

— Аспитис поручил молчать всем вовлечённым, — вздохнул Энгельберт, и Бельфегор покраснел от злости ещё больше — что вызвало у подглядывающего Кристиана смешок.

— С какого...

— Не злись. Он сказал, ты не поймёшь. Рано или поздно тебе объяснят, пока отдыхай. Ты же на войне с самого начала, и...

— Да, и вполне мог бы ещё пригодиться! Мне совершенно ничего не понятно! — Бельфегор нервно заходил туда-сюда по веранде. — Отодвинул, чтобы не провоцировать повторного нападения диверсантов Азата? Не поверю, ему это было бы очень на руку! Ловит

на живца? Какого чёрта, это наша территория, Брутуса здесь и днём с огнём не сыщешь! Что за дурость? Шштерны — зачем? Ферахха, Кнели — что за свита? В чём смысл?..

— Я пойду, хорошо? — Энгельберт поймал хорона за локоть, когда тот в очередной раз проходил мимо. — Не трать силы, всё равно никто не расколется. Приказ Мессии — сам знаешь.

— А я — пустое место, что ли?!

— Вот именно, что нет. Прости, Бэл, мне пора.

Под испепеляющим взглядом Бельфегора и уже откровенно сдерживающего смех Кристиана Энгельберт двинулся прочь от барака в сторону здания администрации, и Кристиан спрятался обратно. Беззвучно отсмеявшись — уж очень забавно выглядел «великий и ужасный» сын Аспитиса, которого отшили, похоже, все кому не лень, — хорон развернулся к дверям своего барака и наткнулся на стоящего в двух шагах от него из воздуха возникшего там одного из близнецов Шштернов.

— Подслушиваем? — осклабился тот, шагнув к оторопевшему Кристиану. — Наконец-то ты абсолютно один, уже надоело тебя выслеживать.

В следующую секунду без предупреждения терас выбросил кулак, и Кристиан, охнув от обжигающей боли в переносице и потеряв от силы удара равновесие, свалился на землю. Шштерн презрительно посмотрел на него сверху.

— Трус, — выплюнул он. — Я видел тебя там, и пусть остальные решили тебя не сдавать, всё тебе ещё аукнется. За тобой следят, имей в виду, принцесса!

Развернувшись и напоследок отшвырнув ногой в лицо Кристиану горсть мокрой, грязной земли, терас ушёл, а хорон, стряхнув её с глаз и губ, поднялся. Под носом было мокро — тронув это место рукой, Кристиан увидел на пальцах кровь и, зажав нос, поспешил в барак за ватой в аптечке. Сидящего на своей кровати Адамаса он не заметил, роясь в тумбочке, и вздрогнул, когда тот прямо над ухом заговорил:

— Как живётся беглецам, Крис?

Кристиан резко повернул голову: брат уже вставал, грозный, с чёрными глазами, сжатыми кулаками, и он отступил на шаг, спешно соображая, как оправдываться. Однако Адамас вдруг выразил удивление на напряжённом лице и тут же остыл.

— Что у тебя с носом?!

— Налетел на косяк, — хмуро отозвался Кристиан, опять возвращаясь к тумбочке: гроза миновала. — В этом трудовом лагере столько дверей в самых неожиданных местах, ты даже не представляешь...

— А на самом деле? — Адамас сел обратно, наблюдая за ним.

— Шштерн, — признался Кристиан.

— Шштерн? Он тебя побил, что ли?

— Просто дал в нос. За то, что бросил тебя, — Кристиан наконец нашёл вату и зажал нос. Он повернулся к Адамасу, рассматривающему его с некоторым сочувствием. — Я не знаю почему, не спрашивай. Меня оттуда как ветром сдуло. Ты был совсем не похож на себя, и я... В общем, помешать всё равно бы не смог, да и вообще...

— Ладно, забыли, — Адамас отмахнулся. — Хотя я бы попытался хоть как-то помешать.

— Ты нас не сравнивай. От Страховых у меня только фамилия, — окрысился Кристиан. — У Эдмона и то всё лучше получается, а у нас три года разницы. А что Рэкс сказал?

— Что завтра мы уезжаем.

— Отлично!

Адамас покачал головой.

— Я хочу остаться.

— Что? — опешил Кристиан. — Зачем? Ты не меньше меня не хотел сюда ехать!

— Кое-что поменялось, — неуверенно хмыкнул Адамас, и Кристиан решительно полез на свою кровать.

— Не желаю это слушать! У тебя ещё есть время передумать, да и отца ты не переубедишь! Всё, меня не кантовать!

Адамас невесело усмехнулся и отправился в душевую, чтобы наконец избавиться от всех следов своего пребывания на земле за последние сутки. Время и правда было — чтобы придумать достойное обоснование для отца своего желания остаться здесь доучиваться.

* * *

Уже стемнело, и лагерь стоял в свете белых прожекторов, располагавшихся в четырёх точках периметра, когда Аспитис подошёл к плацу, где они должны были встретиться с Рэксом. К его удивлению, почти точно посередине там развернули походный штаб из палатки, широкого стола и двух стульев у двух его узких сторон. На столе включёнными стояли три ноутбука, явно на бесперебойниках, каждый с картой той или иной части Севера, позади них кофемашина и наверняка какая-нибудь сахарница, в палатке же, судя по видимому мотку проводов, была припасена ещё какая-то техника.

Сам Рэкс сидел за столом, щёлкая мышкой, но, конечно же, встал по его приближению; двое его сопровождающих заняли места неподалёку, выполняя роль молчаливой охраны, хотя Аспитис был уверен, что истинный охранник из них только один — почти наголо бритый шкафоподобный хорон: о хиддре, Рафаэле Талайсибаре, он точно знал, что тот является при Рэксе советником, но, наверное, размеры и видная физическая подготовка позволяли ему выступать иногда и в качестве телохранителя. Керен Камов отдал Аспитису честь, Рафаэль лишь кивнул, когда Аспитис проходил мимо (его собственная охрана, Энгельберт и Цезарь, тоже отошли на удобные для наблюдения места), Рэкс же приветственно улыбнулся.

— Признаться честно, дел у меня накопилось больше, чем на час, — кивнул он на ноутбуки. — Ты как, найдёшь для меня время?

— Как я могу отказать Главнокомандующему союзнической стороны? — фыркнул Аспитис, усаживаясь на свой стул и кладя на стол личный планшет. — До утра — тебе повезло — я абсолютно свободен.

— Это радует, — Рэкс тоже сел. — Поразительно, прошло пятнадцать лет, а ты внешне совсем не изменился.

— Да уж, от старости я не умру! — рассмеялся Аспитис.

— А хромота? Неужели вылечили?

— Роза постаралась. Какой бриллиант вы упустили...

— Упустил Эдриан, а я не стал мешать друзьям заниматься любимым делом. Надеюсь, ты не сильно их эксплуатируешь?

— Смешно, — Аспитис с усмешкой качнул головой. — Если кто их и эксплуатирует, это приёмный сын Алан и его невеста, дочка твоего лучшего друга. Он как, перестал уже

волосы на голове рвать?

— Он по поводу близких людей придерживается моего мнения, — хмыкнул Рэкс. — Если ей там хорошо, почему нет?

— А ты как? — Аспитис кивнул в сторону затихшей базы. — Ещё парочка седых прядей?

— Давай об этом потом, — Рэкс пододвинул ближе один из ноутбуков. — Кофе?

— Я серьёзно. Если твоему сынку захочется дебоширить и дальше и он будет от этого счастлив, ты так же самоустранишься?

— Всё лучше, чем когда он, взрослый, бегаёт за тобой хвостиком, а у тебя слишком много других важных дел, — углом губ улыбнулся Рэкс, и Аспитис встал, чтобы сделать себе кофе.

— Останемся каждый при своём мнении. Тебе налить?

— Да, спасибо.

Поставив перед каждым кружку, Аспитис сел обратно и включил свой планшет.

— Что ж, поехали. Пока этого сверхэлитного связующего отряда нет, недопонимание между твоими и моими солдатами, а также излишнюю наглость аркановцев придётся устранять нам. С чего начнём?

— С начала. С южной границы, — Рэкс развернул к нему ноутбук и, включив интерактивный режим, начал объяснять свою позицию.

Про время они забыли оба, а ровно светящие прожекторы ещё больше обманывали ощущения. Очнулся Аспитис, когда кончился кофе — на часах было полвторого ночи.

— Если учесть, что сегодня в утро я спал четыре часа, это несколько забавно, — заметил он, вставая, чтобы размяться, и Рэкс, помассировав виски, последовал его примеру.

— Вживую мы работаем вместе лучше, чем через советников, — отозвался он. — Кстати, кто со мной беседовал в последний раз?

— Марк. Он сейчас держит эту войну из столицы.

— Ты доверяешь ему? Если вспомнить...

— А если не вспоминать? — Аспитис развернулся к нему всем корпусом, сощуривая глаза, и Рэкс поднял ладони на уровень груди.

— Молчу-молчу... В общем, пока выходит неплохо. Может, связующий отряд ко времени их выпуска нам и не понадобится.

— Я не стал бы на это рассчитывать: Азат хорошо окопался. К тому же эти постоянные внутренние стычки. Диверсантов Брутуса вроде и не видно больше, а всё так же. Уж и не знаю, как на своих воздействовать.

Рэкс многозначительно промолчал, явно имея в виду свою статистику по более спокойным мицевцам и генштабовцам, а Аспитис, переведя взгляд с Цезаря, пристально рассматривавшего ближайшую охранную башню, на совсем близкое административное здание, заметил на его плоской крыше две тёмные фигуры.

— Кажется, там твой бывший протеже, — указал он. — И явно один из подростков. За что ты, кстати, с ним так жестоко? На мой взгляд, наказывать в первую очередь стоит Адамаса, не маленький уже.

— Просто хочу избавить от излишней доброты, — Рэкс тоже разглядел на крыше Джея и зачем-то вставшего Герберта. — Он слишком уж ко всем лояльный. Думает о людях слишком хорошо. Пусть перестаёт надеяться, что каждый способен одуматься вовремя. Ему ещё работать. А ты бы что сделал?

— А то ты не знаешь, — ухмыльнулся Аспитис. Рэкс закатил глаза, уже собираясь поделиться очередным саркастическим замечанием, как мимо его уха просвистела, исходя густым белым дымом, граната, после приземления на стол с уже закрытыми ноутбуками хлопнувшая и испутившая целое облако странно пахнущего газа. Рэкс замер, а гранаты посыпались на базу буквально градом.

— Цезарь! — крикнул первым опомнившийся Аспитис — обернувшийся на него терас уже зажевал майлер, а Энгельберт, прикрывая рот и нос платком, отступал ближе к командиру.

Где-то, сразу в двух местах базы, грохнуло, зазвенело, все прожекторы, за исключением одного, погасли, и за заволочшим всё обозримое пространство дымом не стало видно ни зги. Аспитис выхватил оружие, оглядываясь на Рэкса: тот, так же как Энгельберт недавно, закрыл пол-лица рукавом и, в отличие от тяжело свалившегося прямо под ноги велька, ещё стоял. Рафаэля и Керена уже тоже было не разглядеть — Аспитис не смог определить, что за газ пополам с дымом по ним пустили, но он точно был рассчитан сразу на все расы, и они с Рэксом устояли только за счёт генетических особенностей — причём последнему осталось недолго. Цезарь в состоянии берсерка продержится чуть дольше него.

А значит, сейчас подойдёт живая сила.

Они показались спустя полминуты после взрыва в других частях лагеря, одновременно четверо, в форме «Аркана», с чёрными изолирующими противогазами последнего образца, с автоматами наизготовку, но находящийся в режиме скоростного реагирования Цезарь не дал им опомниться: в два прыжка он подлетел на достаточное расстояние, чтобы оружие скорее мешало, чем помогало, и сразу вступил в рукопашную. Аспитис кинулся следом, однако пока его куда больше интересовали противогазы.

Цезарь несколькими захватами обездвигил двоих, завязнув временно на оставшихся, Аспитис же с одного из упавших содрал противогаз вместе с оборудованием и бросил в сторону Рэкса. Запас сил у Цезаря на фоне усыпляющего дыма кончался катастрофически быстро, поэтому Мессия в следующий же удобный момент отеснил его от сражения в сторону второго свободного противогаза, а сам с удовольствием вспомнил молодость, благо что соперники оказались не такими уж умелыми, как он предполагал.

Не успел он самолично поворачивать шеи захватчикам, как позади, там, где располагалась парковка, грохнуло ещё раз, и молочно-белое пространство вокруг тут же превратилось в пожарное зарево. Аспитис развернулся корпусом: Рэкс и Цезарь уже натянули противогазы, а прямо за ними к самым небесам поднимался рвущийся в неутолимой жажде огонь, и по количеству очагов можно было с лёгкостью заключить, что ни одной рабочей машины в лагере не осталось. На фоне полыхающей парковки с двух сторон к ним троим уже спешили аркановцы: двое от склада и четверо от здания администрации.

— Что ж, добро пожаловать, — сплюнул в сторону Аспитис, так и распираемый азартом боя, и, подхватив с земли автомат, открыл огонь.

В них в ответ, конечно, не стреляли: захватчикам оба мировых лидера нужны были целыми и невредимыми, так что, как Цезарь ни рвался в битву, Аспитис не пускал его до тех пор, пока не сражённые пулями аркановцы не приблизились на расстояние рукопашной. Сбив одного прикладом, краем глаза Аспитис увидел совсем близко напружиненного Рэкса и порадовался, что газ не успел отравить его. В следующий миг рука хорона поймала чужой приклад в нескольких сантиметрах от головы Мессии, воспользовавшись моментом,

Аспитис сделал подсечку, помогая Рэксу расправиться с ним, и удовлетворённо выдохнул:

— С тобой приятно работать, Страхов!

Рэкс, явно отреагировавший лишь на улыбку, не слыша слов, отдал ему двумя пальцами честь, опять исчезая в бою, где-то возле волчка-Цезаря, у которого как будто открылось второе дыхание, и Аспитис взял на себя подкравшегося справа другого аркановца. Их количество таяло на глазах — если так пойдёт и дальше, их план провалится, даже не начав исполняться.

Когда он наконец остановился, полной грудью вдыхая плотно висящий над землёй дым и с триумфом осознавая, что, как и всегда, на него это не оказывает никакого эффекта, все напавшие аркановцы валялись на асфальте плаца без движения или признаков жизни. Шатающийся рядом Цезарь стряхнул с ножа кровь — когда только достал? — Рэкс озирался, не выпуская автомата, и, похоже, с остальными захватчиками, если они были, справились так же не подверженные отравлению Бельфегор с Десмондом и Домиником, получившими от отца связку с майлером (достойная смена растёт!), — потому что более ни одного силуэта в дыму видно не было. Аспитис обернулся на своих соратников, махнул рукой, призывая двигаться в глубь базы, — и именно в этот момент со стороны стены выступила ещё одна чёрная тень.

Никто не успел среагировать: неизвестный вскинул дрововый пистолет, спустил курок, и схватившийся за шею Рэкс рядом с Аспитисом начал валиться. Поймав его, хорон увидел, как аркановец, оказавшийся невысоким аурисом с чёрными волосами в длинном хвосте, в полупрыжке проскочивший мимо него, подступил к Цезарю. В свете последнего фонаря сверкнули металлические «когти» на перчатке правой руки ауриса, пропустивший удар Цезарь согнулся, когда они, вонзившись в его бок почти у бедра, прошли до груди, и аркановец оттолкнул его от себя на асфальт, чтобы в ту же секунду возникнуть позади. Он двигался слишком быстро для человеческого глаза, ошеломлённый Аспитис так и осел на земле с уже недвижимым Рэксом рядом, наблюдая, как его лучшего, непобедимого гвардейца — да и просто хорошего друга, — кровь которого уже заливала плац, вздёргивают обратно на ноги, чтобы двумя руками, на одной всё те же «когти», ухватить за голову и шею — и, очевидно, в следующую секунду одним движением свернуть её.

Однако аурису помешали. В самый последний момент позади него из дыма и тумана соткался ещё один мало опознаваемый солдат: его руки с закатанными до локтя рукавами, серые, все в нитях тёмно-синей татуировки, в свою очередь, взяли его за плечи и с силой дёрнули на себя, вынуждая отпустить Цезаря. Спустя секунду аурис с искаженным от злобы лицом схватился с уже знакомым Аспитису эрбисом, Стасом Рассильером, а возникший сзади самого хорона сильвис с короткими и белыми, как снег, волосами — Аспитис только и успел что оглянуться, — с размаху ударил его в затылок прикладом, и мир перед глазами Мессии на некоторое время потух.

* * *

Когда на базу со всех сторон полетели гранаты, ещё не упав уже распространявшие вокруг себя дым и газ, Джей и Герберт, как раз спорящие на тему того, что последнему пора бы идти лечь спать, а не прохлаждаться на крыше, не договариваясь укрылись за выступом вентиляционной трубы, до поры до времени наблюдая за происходящим. Они видели, как в

стене между административным зданием и учебным корпусом благодаря направленному взрыву образовался разлом и аркановцы расширили его, устремляясь в лагерь, часть — к жилым баракам, часть — к плацу. Дым уже добирался до второго этажа, и, прикрыв лица воротниками, хорон и эрбис поспешили вниз, чтобы по указанию Джея захватить в хранилище администрации старые учебные противогазы, а затем двинуться к месту сражения с захватчиками Бельфегора и его команды.

Они застали момент, когда все четверо аркановца уже были повержены, а Бельфегор вместе с надевшими чужие противогазы близнецами-терасами бежали к жилым баракам, явно намереваясь убедиться, что с курсантами всё в порядке, и только потом продолжить бой. Герберт первым подхватил себе амуницию с аркановца, и Джей, хотя его уже ощутимо тянуло в сон, последовал его примеру. Он ещё лихорадочно размышлял, кому идти помогать, когда эрбис, подняв автомат, бросился к плацу.

— Да куда же ты! — крикнул хорон, осознавая, что его никто не услышит. Герберт, конечно, даже не оглянулся, и пришлось тоже брать оружие и, собравшись с мыслями — это всё-таки был его первый настоящий бой, — устремляться вперёд.

Он наткнулся на Герберта за углом администрации: тот стоял столбом, неотрывно глядя на творящееся на плацу. Крепко схватив его прежде за локоть, Джей тоже присмотрелся и охнул: все, кто прибыл вместе с мировыми лидерами, а также они сами, друг подле друга, лежали на плацу, а сражение шло между кем-то с то и дело сверкавшими металлическими лезвиями в руке и ещё двумя примерно в такой же форме. На глазах Джея боец с лезвиями распорол ими живот одного из противников и, пока тот падал, кинулся на второго. Герберт резко дёрнул рукой, замотал головой, пытаясь что-то сказать Джею, но тот понял лишь, что им необходимо вмешаться. Хорон потянул эрбиса на себя — с чего они должны помогать непонятно кому, точно не относящимся к их базе? — однако Герберт вдруг с силой вырвал руку и побежал к плацу, на ходу открывая огонь.

Кем бы эрбис ни был в этом лагере, он находился под ответственностью Джея — да и не мог он дать Герберту так бесславно погибнуть! Чертыхнувшись, хорон тоже побежал, видя, как очередь из автомата эрбиса прошивает руку бойца с лезвиями, как раз замахнувшегося, чтобы всадить их последнему сражавшемуся в горло, и он вздрагивает, оборачиваясь. Герберт уже был в нескольких шагах от него — боец, вблизи оказавшийся черноволосым аурисом, один в один как тот, с фотографии во время неудавшегося нападения на Бельфегора, поймал его за ствол автомата и, увернувшись от какого-то приёма, резко дёрнул на себя, прямо на уже выставленные лезвия. Герберт тоже увернулся, но Джей понял, что более медлить нельзя, и начал стрелять.

К собственному удивлению, он оказался метким: Брутус Сетте, судя по вздрагиваниям всем телом, поймал все четыре пули, одна из которых прошла ему грудь, и начал отступать. Кто-то из совсем близкой смотровой башни сбросил ему верёвочную лестницу, под уже не попадающими в цель выстрелами Джея он молниеносно взобрался по ней и скрылся на площадке. Джей опустил автомат и обернулся.

Зрелище было то ещё. Джей только сейчас увидел, что Цезарь лежит в луже крови с разодранным в клочья боком, Рэкс и Аспитис, к счастью, видимых повреждений не имели — наверное, их добил газ. Из сражавшихся с Брутусом тоже текла кровь: Джей хмуро рассмотрел кашляющего сильвиса-альбиноса (кажется, Дилан Криссо), неизвестного Управлению татуированного эрбиса, возле которого сидел Герберт, держащий руку у него на плече, и подошёл к ним, чтобы хотя бы движениями заставить Герберта отойти от странных

захватчиков и уже потом с ними разбираться.

Однако реальность преподнесла сюрприз. Стоило подступить к Герберту вплотную, как он вскочил на ноги и выбил у Джея автомат. В следующую секунду хорон обнаружил, что на него наставлен ствол. Он застыл, ничего не понимая, а Герберт свободной рукой указал поочерёдно на сильвиса и эрбиса, потом на открытые настежь ворота в отдалении, кажется, перегороженные чем-то снаружи, со стороны леса, а затем — на самого Джея. Джей отрицательно замотал головой, но Герберт в ответ выразительно качнул автоматом, и почему-то показалось, что спорить с ним не стоит. Вздохнув, хорон выбрал более тяжёлого на вид сильвиса (с эрбисом они в мускулатуре отличались разительно, и эрбис в сравнении с ним казался даже мельче) и, взвалив его себе на плечи, потащил к воротам.

Джей оглянулся лишь раз: Герберт шёл за ним, помогая эрбису — вблизи он оказался не менее повреждённым, чем его соратник, хотя на губах кровь его уже запекалась — да и на остальных частях тела вроде тоже. За воротами, перегораживая вход, стоял большегруз, из открытого водительского окна которого свешивался труп тамаса в аркановской форме.

— Мы обеспечили отход, — едва слышно проговорил Дилан на ухо Джею, и хорон вздрогнул. Подошедший Герберт свободной рукой вытянул водителя из машины и распахнул дверцу, кивнув Джею.

— Дай догадаюсь, ты не умеешь водить, — сам себе с сарказмом сказал тот, помогая сильвису забраться в кабину на второй ряд сидений. Герберт обошёл машину и с другой стороны посадил своего раненого, забираясь следом. Джей сел за руль, захлопнул дверцу и, приподняв респиратор, осведомился у заднесидящих: — Ну, куда рулить?

— В город, — почти не размыкая запёкшихся губ, отозвался эрбис, и Джей, пожав плечами, включил зажигание.

На въезде в город, остановившись на светофоре, Джей окончательно снял противогаз и обернулся к тоже освободившемуся от него Герберту, сосредоточенно смотрящему на дорогу.

— Не хочешь объяснить? — поинтересовался Джей, чувствуя, как его начинает колотить. Прощай, адреналин, здравствуй, осознание реальности...

— Это мой кузен, Стас, — негромко сказал Герберт. — Я не мог позволить Брутусу убить его и захватить Аспитиса с Рэксом. Стас, куда нам?

— Зеленая улица, дом пять, — хрипло ответил сзади эрбис, и Джей защёлкал навигатором. — Подвал. Вход со двора.

До места назначения они добрались через пять минут — в полнейшем молчании. Оставив машину под фонарём на сонной и безлюдной окраинной улице, Джей вытащил потерявшего сознание Дилана, и они с Гербертом, следуя указаниям Стаса, нашли вход в подвал. Свет включался одним тумблером, внутри из мебели было два небольших дивана, кресло — всё как будто со свалки — и стол со стульями. Сгрузив защитников базы на диваны, Джей выжидательно уставился на севшего на пол рядом с кузеном Герберта.

— И что теперь? Нам следует вернуться.

— Нам следует им помочь, — упрямо мотнул головой эрбис. — Стас, что вам нужно, чтобы залечиться? Вы ведь уже не обычные люди?

— В каком-то смысле, — усмехнулся Стас, который при свете оказался не только татуированным на каждом возможном месте, но и записингованным по самое не могу: Джей бросил считать количество колечек и гвоздиков на одном только его лице на двадцати пяти. — Я продиктую. Деньги на столе. Дилан живой?

— Дышит вроде, — оглянулся на сальвиса Герберт.

— Тогда пиши.

Герберт с готовностью достал смартфон, и, подождав, пока он внесёт в список лекарства, часть из которых легко можно было достать в аптеках, а часть явно продадут только по генштабовскому удостоверению, Джей кашлянул.

— Так что, купим лекарства и пойдём?

— Ты пойдёшь, — непривычно мягко улыбнулся Герберт, вставая. — Заодно отгонишь машину. А я останусь.

— С ума сошёл?

— Ты просто молчи. Маме я что-нибудь сокру. Ты пойми, Джей, я сюда только ради этого и приехал. Я давно ждал, когда о Стасе и Игнате будет известно хоть что-то... Стас? А Игнат?..

Стас прикрыл глаза, отворачиваясь, и у Герберта задрожали руки.

— Ну вот как-то так, — торопливо сказал он, пряча смартфон. — Пошли в аптеку? Мне не всё продадут. Стас, а еда, вода?..

— О, и правда, — отозвался эрбис. — Забыл. Мясо, картофель, овощи. Бери, на сколько хватит, у нас ещё деньги есть. Хочешь поработать нянькой, братик?

— А то, — усмехнулся Герберт, подскочил к столу, чтобы забрать деньги, и повернулся к уже смирившемуся Джею. — Ну что, пошли?

Хорон махнул рукой и поспешил за ним к выходу из подвала.

* * *

Аспитис очнулся от того, что кто-то хлопал его по щекам. Сквозь вату в ушах прорвалось:

— Отец! Ты живой? Отец!..

Аспитис открыл глаза, и сидящий над ним Бельфегор немедленно прекратил своё занятие, озарясь облегчённой улыбкой.

— Аминь! Как ты?

Потирая шишку на затылке, Аспитис приподнялся и огляделся. Сыновья Цезаря сидели около тераса, но, судя по тихому разговору, настроение было не похоронное. Рэкс всё так же лежал на асфальте. Дым слегка рассеялся, машины в отдалении едва тлели, и ни одного живого аркановца, включая Брутуса с его смертоносными лезвиями, видно не было.

— Все разбежались? — хмуро спросил у сына Аспитис, мельком оглядев его и убедившись, что серьёзных ран тот не получил.

— Кто мог, — фыркнул Бельфегор. — Часть убиты, часть, похоже, проглотили суицидальные капсулы. Вся база спит. Аркановцы захватили башни, потом проббили стены, почти завладели складом, но мы успели его отбить. Хорошо, что вы справились сами.

— Как же, сами. Брутус чуть не убил Цезаря, но на него напали его бывшие соратники, Дилан и Стас. Дилан, кстати, меня и вырубил, понятия не имею зачем. Вы скорую-то вызвали?

— Две станции, — широко улыбнулся Бельфегор, уже начиная раздражать отца своей жизнерадостностью. — Цезарь должен продержаться, у него высокая свёртываемость крови, так что он потерял не всё, что было. Так здесь был Брутус? Он вёл отряд?

— Я бы сказал, он прикрывался отрядом, — Аспитис сел, не отрываясь глядя на Цезаря и всё пытаясь избавиться от фантазмагорического образа бойца, передвигающегося быстрее, чем мог уловить человеческий глаз, и со сверкающими когтями наголо. — Ты-то сам в порядке, Бельфегор?

— В полном! Мой отряд, конечно, почти сразу слёг спать, но Десмонд и Доминик воспользовались майлером, а потом и скоростью. На нас пришло всего-то четверо, да на склад двое, остальные пошли к вам, похоже, Брутус не ожидал, что столько человек выстоит против газа...

— Хватит тараторить, — поморщился Аспитис, у которого начинала раскалываться голова. Бельфегор тут же изменился в лице, ожесточаясь и холодея.

— Да я уж заметил, что тебе противен звук моего голоса, — ледяным тоном заметил он. — Если, отправляя меня сюда, ты надеялся уберечь меня от Брутуса, как видим, ты просчитался. Поэтому такой злой?

— А, ты всё ломаешь голову, почему ты тут сидишь, как принцесса в башне? — закатил глаза Аспитис и встал. Тон Бельфегора довёл его в секунду до состояния холодной ярости, так легко охватившей его в основном за счёт осознания горечи очередного поражения в поимке Брутуса, и он распростёр руки, сверху вниз глядя на сверлящего его взглядом сына. — Позволь, объясню наконец, сын! Уже который раз главные враги, сражающиеся с тобой, уходят живыми и свободными! Тогда ты выпустил ситуацию из-под контроля, заставив ГШР себя спасать, спасибо, хоть сейчас сам справился! Пришёл бы ещё сюда вовремя — цены бы тебе не было!

Близнецы Шштерны вскинули на него напряжённые лица, Бельфегор же медленно поднялся, сжимая кулаки и сощуривая глаза.

— Так это — наказание? — осведомился он подчёркнуто официальным тоном, и Аспитис захлопал в ладони.

— Bravo! Мои аплодисменты! Продолжай вести себя хорошо, и, может, когда Брутус больше не будет представлять для тебя угрозы, я верну тебя на войну! Если, конечно, до этого опять не провалишься!

— Я приношу свои извинения, Мессия, — Бельфегор склонил голову, прикладывая руку к сердцу. — Я был и остаюсь вашим верным солдатом и надеюсь рано или поздно вернуть ваше доверие.

За стенами базы уже заливались сиренами скорые, спешащие к ним, а Аспитис смотрел в лицо своего сына, кажется, обиженного сейчас до глубины души, и понимал, что сказал чересчур много лишнего, чтобы быстро это исправить.

— Куда ты денешься, — проворчал он, отворачиваясь. Свет от фар прибывших на первой машине медиков затапливал лагерь, и Аспитис пошёл встречать их, гадая, сообщили сыновья Цезаря о необходимости прихватить противогазы или всё-таки нет.

* * *

Рэкс пришёл в себя только к утру. Собравшиеся у его постели в одной из комнат административного здания бурно порадовались: Адамас, Миа, Рафаэль с Кереном, даже Джей, уставший и как будто потухший, угадывался где-то в углу. Промелькнула и скрылась Дилайла, и, как только приветственные возгласы утихли, Рэкс поинтересовался:

— Чем всё кончилось?

— Атаку отбили, — отозвался Рафаэль. — Мы мобилизовали обе ставки в городе, чтобы снарядить группы для прочёсывания близлежащей местности и заново отстроить стены. Ещё придётся восполнить персонал: всю охрану перебили, плюс заведующий складом — он-то жив, а вот заменявший его в эту ночь главный повар нет...

— Чудеса в решете... — Рэкс скривил губы и посмотрел на Адамаса: — Ты готов ехать домой?

Его сын отрицательно качнул головой, и хорон вскинул брови в удивлении.

— Что значит «нет»? Не все планы по подрывной деятельности воплотил в жизнь?

— Я хочу доучиться, отец, — заявил Адамас, и все, кто были в комнате, уставились на него — разве что кроме Миа, с усмешкой наблюдающей за Рэксом.

— А ты учился? — саркастически осведомился тот.

— Почти нет, согласен. Но всё впереди. Я извинюсь перед каждым, особенно перед Беккером и Сати. Уж не сомневайся, созову на собрание весь лагерь. Я не хочу остаться в их памяти сволочью.

— А как, по-твоему, они отреагируют на то, что сын Главнокомандующего ГШР вот так запросто избежал наказания за уголовные преступления?

Адамас пожал плечами.

— Это я тоже включу в речь... Мы военные, и судить меня должен трибунал. А кто верховный судья трибунала? Всё зависит только от тебя. Ты можешь меня помиловать, а я постараюсь оправдать твоё доверие.

Рэкс привстал на локтях, насмешливо разглядывая его и отмечая, что сын не отводит взгляда.

— Тебя подменили там, в лесу? Я уже и не помню, когда ты в последний раз так со мной разговаривал. Что произошло?

— Нет, не подменяли и даже не били по голове, — рассмеялся Адамас. — Ну, кроме тебя... Просто у меня было время подумать. Ты говорил, что хочешь, чтобы я следовал себе, именно этим я и собираюсь заниматься. Я чувствую себя частью этой войны и хочу принести пользу. Почему нет?

Рэкс некоторое время молча смотрел на него, потом перевёл взгляд на Рафаэля, пожавшего в ответ плечами, Керена и остановил его на Миа.

— Миа, очевидно, тоже хочет взять учебный отпуск? — поинтересовался он, и его дочь фыркнула.

— Скажем так, все теордисциплины до конца года я уже сдала, можешь спросить в Академии, а по практическим меня за эти полгода обещала натаскать Табита. И Дилайла не прочь присоединиться. К тому же кто-то же должен присматривать за этим вот, — она обвинительно ткнула в сторону брата, и Рэкс хмыкнул.

— Особенно когда будет повторное нападение...

— О, папа, я в тебя верю, ты сделаешь так, что Брутус больше сюда не сунется! А сунется, так мы его встретим как подобает, помяни моё слово!

— Встретили уже. Если бы не особенности Аспитиса, неизвестно, чем бы это кончилось.

— Ну так Бельфегор тоже пока здесь. Мини-копия со всеми плюсами... и минусами, — Миа схватила его за руку. — Мы уже не маленькие, разберёмся! Пожалуйста!

Ещё пару секунд Рэкс напряжённо размышлял, явно прикидывая варианты, потом

вздохнул, сдаваясь.

— Я точно об этом пожалею... Ладно. До первого крика о помощи со стороны администрации.

— Ну хоть какие-то преференции в том, чтобы быть дочкой Рэкса Страхова! Спасибо, папа! — быстро поцеловав его в щёку, Миа упорхнула из комнаты. Рэкс услышал успокаивающий голос Рафаэля:

— Не переживай, у меня уже есть одна идея. Муха без приказа не проскочит, гарантирую.

Глава 5. По ту сторону

Джей не выдержал к вечеру следующего дня. Эти таинственные Стас и Дилан, способные разговаривать один со вскрытым животом, второй со вспоротой грудью и вообще огромным количеством рваных ран; так и вовсе исчезнувший Брутус — боец с лезвиями, — чьи фотографии теперь висели в администрации, каждой учебной аудитории, у охраны и чуть ли не в туалете; без зазрения совести сбежавший жить в город к своему кузену Герберт... Джей утром же осторожно осведомился у Табиты, почему нигде не видно её сына, а она лишь отмахнулась. «Он всегда был очень самостоятельным, — по секрету сообщила эрбисса. — Мы пытались бороться, правда. В итоге достигли компромисса: он может идти куда хочет, но обязан раз в день о себе заявлять, в одно и то же время. Если сигнала не поступает, мы отправляем наряд, и, если что, сам будет перед ними объясняться. Ты не думай, у него всегда с собой маяк». Подобное доверие, похоже, было обоюдным — Герберт, получается, тоже ничуть не опасался, что к нему и бывшим аркановцам вдруг нагрянут гэшээровцы. Поразительно. Но куда больше Джея поражало то, что он никак не мог их троих выбросить из головы в течение всего следующего дня.

А день между тем выдался насыщенный. Когда Джей вернулся из города, как раз светало, и ему пришлось очень постараться, чтобы никто из бодрствующих не заметил, как он шатается по территории базы. Успел только он скрыться в административном здании, как из Шалкара приехали — из ГШР и МД поровну, и до того момента, как пришёл в себя Рэкс наведением порядка на базе занимался преимущественно Аспитис. Притворявшийся всё время до прихода в комнату шатающейся Дилайлы спящим Джей слушал его отрывистые крики за окном и пытался предугадать, что теперь будет с лагерем. Перенесут или просто увеличат охрану?

Аспитис дождался, когда Рэкс очнётся, коротко переговорил с ним и немедленно отбыл, и любопытство Джея было удовлетворено в полной мере. Конечно, закрывать базу смысла не было — это стало понятно ещё при первой беседе Рэкса с его неожиданно пожелавшим остаться сыном, потом лидеры лишь согласовали количество отрядов, которые отныне будут на постоянной основе пребывать в лесу рядом с ней. Буквально спустя час Рэкс тоже уехал, и бразды правления перешли к Табите — по крайней мере, что касалось восстановления защитных стен и охраны базы. Воспитанников передали Дилайле: первой задачей её было срочным образом наладить работу столовой, так как подходило время завтрака, а их единственный повар, как правильно отметил Рафаэль, в эту злополучную ночь вышел взамен работника склада и погиб от пули захватчика.

Завтрак, конечно, припозднился, но зато за это время Джей и Эрих успели разъяснить всё произошедшее всем обитателям бараков. В столовую Дилайла пригласила их почти в полдень, замотанная, как и её помощники, двое ассистентов повара, — и почти сразу началась следующая часть шоу.

Сидевший за столом для старших в компании Эриха, Миа и отряда Бельфегора, лидер которого по не известной никому причине проигнорировал завтрак, Джей, за всеми тревожными ночами и думать забывший о произошедшем до нападения, тут же увидел, как Адамас встал со своего места и начал обходить каждого присутствовавшего в столовой. Пришёл он и к ним — и оставил возле тарелки записку. Джей немедленно очнулся, другими глазами посмотрел на заинтересованно вчитывавшуюся в неё Миа, на зал, наполненный

гомонам, и тоже развернул её. Адамас пригласил всех после завтрака в их единственную учебную аудиторию, рассчитанную на большое количество народа, — неужели так скоро собрался выполнять обещанное отцу?

Спустя час там собрались все. Как только Адамас прошёл к огромной доске, аудитория погрузилась в мёртвую тишину, и он начал говорить. Джей слушал его с чуть ли не открытым ртом: сын Рэкса уже надёжно отпечатался в его представлении как ершистый, всем недовольный, немного себялюбивый и очень своенравный подросток, и даже в страшном сне хорону не приснилось бы, что он способен так ладно, а главное эффективно, выступать перед теми, в чьих глазах он отныне был преступником. Нет, конечно, Адамас во время разговоров с Джейем в поезде и вправду держал неплохие речи, но одно дело рассуждать с одним человеком на знакомую тебе тему, а совсем другое — у более чем тридцати человек просить прощения...

Аудитория тоже впала в оцепенение на время его речи и избавилась от него, лишь когда Адамас закончил и склонил голову. Вот тогда-то и посыпались комментарии — и по общему настрою Джей понял, что хорону дают ещё один шанс. Это были удивительные дети — неужели и правда есть вероятность, что Адамас станет одним из них? Джей уже не узнавал его: он, как змея, будто сбросил старую кожу, чтобы засверкать на солнце чем-то новым, давно возвращаемым, и вдруг оказался совершенно иным человеком — с едва ли не прямопротивоположными приоритетами, целями и взглядами на жизнь, кстати, куда более подходящими сыну Рэкса Страхова.

Из аудитории Джей выходил в полнейшем недоумении и одновременно злости на себя — ведь раньше у него и мысли не проходило, что Адамас может быть или стать таким, особенно после столь страшного проступка. Сразу двух. Что было бы с ним, если бы он добрался до Сати? Или случайно убил Беккера? Во что бы он тогда переродился?

И почему нельзя было стать таким раньше?

Впрочем, творящееся на базе быстро избавило Джея от философских вопросов: подъехали бригады строителей, охранные отряды, а им с Эрихом под общий шум ещё надо было вести занятия. До обеда, полноценная версия которого обещалась лишь через шесть часов и по времени больше подходила для ужина, Джей почти что выпал из реальности, проводя лекции и за себя, и за Дилайлу (спасибо, хоть на кейко и стрельбах наконец объявился Бельфегор), и, благополучно забыв в течение всего этого времени взять приготовленные в качестве перекуса бутерброды, очнулся только ближе к вечеру, в столовой у окошка выдачи, где ему улыбался во все тридцать два зуба совершенно незнакомый молодой человек.

— Не можешь выбрать между супом и супом? — понимающе подмигнул он хорону, смотрящему на него круглыми глазами. — Я, конечно, рекомендую суп. Но можешь прихватить и котлету.

Это был терас, может быть, чуть старше Джея, и весь вид его говорил о том, что его буквально утром прикомандировали сюда из ближайшего же интерната для трудных подростков. Он был острижен почти под ноль, а в ярко-жёлтых волосах в рваное чёрное пятно выбриты извилистые бессистемные линии. Количество разнообразного пирсинга — в брови, ушах, носу, подбородке — тут же напомнило Джею о Стасе. Один зуб в неугасавшей улыбке тераса оказался железным — это, что ли, сейчас модно? Джей перевёл взгляд ниже: у парня была на шее цепочка почти под горло, из-под рабочего халата выглядывала футболка с каким-то страшилищем, а закатанные по локоть рукава открывали руки полностью в

цветных тагуировках — совершенно ошеломлённый Джей успел разглядеть там русалку, фею, дракона, а потом кто-то подтолкнул его под локоть.

— Джей, чего встал, очередь задерживаешь! — недовольно проговорила рядом Дилайла, и хорон очнулся.

— Да, прости... Можно мне...

— Чего такая раздражённая, красавица? — перебил его терас, поворачиваясь к Дилайле и сверкая восхищёнными жёлтыми глазами. — Чуть ли не первый раз в жизни вижу чёрную теру!

— Смотри, чтоб не в последний, — бросила ему девушка и объяснила Джею: — Это наш новый повар, Скотт Шшлаге. Наверху сказали, цитирую: «Прошу любить и не жаловаться».

— Зато я готовить умею! — Скотт провернул в пальцах поварёшку и ткнул ей, к счастью, сухой, в Джея: — Так мы тебя перебили. Что будешь заказывать?

— Суп и котлету с картошкой, раз ты так рекомендуешь, — улыбнулся Джей, и терас с готовностью поставил на его поднос тарелку с супом и вторую с котлетой и гарниром.

— У меня всё вкусное, не ошибёшься, — подмигнул он Джею, и Дилайла со стоном закатила глаза.

— Ещё один клоун, что за напасть! Не забудь познакомиться с Эрихом, вы идеально сойдётесь! А пока давай работай, у нас аврал, а вы в любезностях распинаетесь!

— О, только не повышай на меня голос, я же умру со стыда, если такая прелестница будет мной недовольна! — Скотт всхлипнул и театрально прижал к груди поварёшку, а Джей, увидев, что Дилайла закипает, поспешно ретировался.

Когда он сел за совсем близкий стол для старших, Эрих хмуро рассматривал Скотта и что-то яростно выговаривающую ему Дилайлу.

— Как думаешь, это он так к ней клинья подбивает? — спросил он у Джея, и тот пожал плечами.

— Я уже вообще ни о чём не думаю.

Это было почти правдой: после воспоминания о Стасе Джей больше не мог сосредоточиться ни на чём, кроме них троих. Как зомби он проходил до конца вечера, то помогая Табите, то знакомясь с новыми охранниками, то изучая ориентировку на Брутуса, составленную из единственной существующей фотографии и памяти Аспитиса (их собственные камеры были на момент вторжения уже отключены), и, когда будущих связных отправили спать, наконец решился. Отпросившись у совершенно вымотанной Табиты в город — настолько уставшей, что она даже не спросила зачем, — в уже упавшей на окрестности темноте Джей пошёл искать то самое здание, где должны были отлёживаться Стас и Дилан.

Дорогу хорон помнил не так чтобы очень хорошо — в каком, в конце концов, он тогда был состоянии, к тому же его вели, — но что-то в памяти осталось, и он предпочёл отключить голову и довериться ощущениям. Пару раз на пути эти самые ощущения говорили ему, что за ним следят, и тогда он, не сбавляя шага, резко оборачивался, сначала в лесу, полном неопознаваемых теней, потом уже в городе, малолюдном и ярко освещённом фонарями и новогодними гирляндами, однако так никого и не заметил.

Наконец ноги привели Джея в промышленный район, и ещё минут двадцать он бродил среди зданий, одинаковых почти до мельчайших деталей, определяя нужное. В итоге разрозненные воспоминания объединились, и хорон остановился точно напротив того входа,

куда совсем недавно они с Гербертом затаскивали бывших аркановцев. Только вот незадача: вход оказался надёжно завален ящиками, выглядящими так, словно они пролежали тут год, и, всё ещё будучи уверенным, что он пришёл по адресу, Джей двинулся обходить здание по кругу, надеясь найти другой путь.

Ещё две стены оказались глухими, а в третьей нашлась дверь в работающий бар — в глаза Джею сразу ударил яркий свет таблички «Открыто». Он толкнул дверь, сразу погружаясь в дымную и шумную атмосферу небольшого и не очень светлого помещения. Здесь наверняка где-то был ход в подсобку, нужно было только отыскать его.

Миновав столики с компаниями мужчин — возможно, здешних работников, — Джей рассеянно подошёл к стойке и, заказав бокал некрепкого пива, начал оглядываться. Отсюда вёл один-единственный коридор: с места хорона было видно лишь дверь с надписью «Туалет», но, конечно, там было что-то ещё. Допив пиво, Джей отправился на разведку.

Рядом с туалетом оказалась ещё одна дверь, судя по надписи, в какое-то «служебное помещение». Цивилизация досюда явно ещё не добралась — ни одного электронного замка, — так что хорон, недолго думая, открыл её: за ней была небольшая комнатка со шкафчиками для персонала и опять две двери: «Хозяйственная» и без названия. Поиски начинали напоминать игровой квест, и, со смешком над собой вздохнув, Джей дёрнул на себя безымянную дверь.

Это оказался спуск в подвал, освещённый всего одной лампочкой и заваленный всяческим хламом. Спустившись, Джей оглянулся — и в самом тёмном углу, за поломанными швабрами и вёдрами, обнаружил ещё одну дверь. Ручка её отозвалась лишь на третье сильное нажатие, петли заскрипели, по всему выходило, что ей давненько не пользовались, но Джея уже разбирал азарт, и он не мог остановиться. Притворив её за собой, хорон зашагал по тёмному пыльному коридору на далёкий свет и едва слышимые голоса.

Коридор упёрся в последнюю на пути хорона дверь, и он встал перед ней, прислушиваясь. Кажется, он нашёл: за дверью определённо разговаривали Герберт и Стас.

— Братишка, ты меня поражаешь! — весело сказал Стас. — Мы тут почти сутки, а ты всё не спрашиваешь меня, как я оказался в «Аркане» и вообще где был без малого десять лет!

— Во-первых, хватит меня так называть, я уже не маленький, — недовольно фыркнул Герберт. — Во-вторых, я не хочу, чтобы ты повторялся. Вот подойдёт Джей, сразу обоим и расскажешь.

Джей удивлённо втянул носом воздух. Стас за дверью вкрадчиво поинтересовался:

— А ты так уверен, что он вернётся?

— Ну конечно! — тон Герберта звучал безапелляционно. — Его барьер уже сломался. Когда один раз попрёшь против системы, потом очень сложно остановиться. К тому же ему определённо этого в жизни не хватает.

— Ты говорил, он вроде приближённый вашего лидера?

— Он стажёр. Ему ещё приближаться и приближаться, а уж после истории с Адамасом Джей точно посмотрит на всё другими глазами. Тут подлаживайся либо под них, либо под себя. Люди куда охотнее делают последнее.

— Какая мудрость в шестнадцать лет! Ты строчками из книг-то ещё не отплёвываешься, не лезут из ушей?

— Издевайся, Стас. Я рад, что ты не изменился.

— Да ты тоже не особо. Ну что, спросим мнение самого Джея?.. Джей! — крикнул Стас, и хорон вздрогнул. — Заходи, чего встал? Я тебя ещё от входа в подвал слышал.

Джей нерешительно толкнул дверь и шагнул внутрь. Стас всё так же валялся на диване, весь в бинтовых повязках, и насмешливо сверкал на него рыжими глазами. Дилан обосновался в глубоком кресле, улыбка у него была приветливая, но в то же время напряжённая. Сидевший на полу привалившись спиной к дивану Герберт вскочил при его появлении на ноги и победоносно воскликнул:

— Я ж говорил, что придёт! Как ты вырвался, Джей?

— Да никак, просто отпросился, — пожал плечами хорон, проходя и неуверенно садясь в свободное кресло. — Почему тот вход оказался завален?

— Он не завален, — хмыкнул Стас. — Там есть проход, видный только изнутри, дверь-то тоже внутрь открывается. Нам нельзя светиться, сам понимаешь.

— Я посмотрю, вы чувствуете себя уже лучше?

— Ну конечно. Ещё несколько дней — и совсем на ноги встанем. Только вот Брутуса мы из-за этого потеряли...

— У меня столько к вам вопросов, — Джей вздохнул, совершенно не зная, как себя вести и за чем конкретно он сюда заявился. — Правда, сначала надо определить границы, в которых вы будете готовы отвечать откровенно...

— И это я тоже говорил, — рассмеялся Герберт. — Что он зануда! А что там с героем Нового года, Джей?

— Остался доучиваться.

— Ого! И как лагерь отреагировал?

— Пока настороженно, но, я думаю, его простят. Их ведь учат этому, если ты не заметил.

— Да вообще семинария какая-то, — Герберт упал обратно на пол и откинул голову на диван, глядя на брата. — Так что, Стас, в каких границах ты будешь с нами откровенен?

— Во всех, — закатил глаза тот. — Нам скрывать нечего, мы и так в полной... Раз уж Джей никого не привёл сейчас, потом вряд ли что-то изменится.

— Твоя легкомысленность всегда меня поражала, Стас, — вздохнул наконец подавший голос Дилан. — Кстати, во многом поэтому Брутус нас там чуть не порешил...

— Спасите, ангелы, в ком это осторожность заговорила! — съязвил Стас. — Что ж ты с ним не остался, предусмотрительный ты наш?

Дилан сломал зубочистку, которую до этого вертел в пальцах, и недобро сощурился.

— Лучше сдохнуть, сражаясь против него, чем за него, — процедил он, и Стас перевернулся на бок, чтобы лучше видеть его лицо.

— Во как я его вышколил, — с удовольствием проговорил он и посмотрел на Джея. — Спрашивай, что хочешь. Мы тут со скуки помираем.

— Ладно, раз вы закончили, — Джей собрался с мыслями. — Что вы вообще такое? Я видел, как двигался Брутус, обычный человек на это не способен. Плюс эти быстро затягивающиеся раны, свёртываемость крови...

— А мы и не обычные люди, — хмыкнул эрбис. — Мы — особенные люди. Можно просто Особенные. Живое воплощение голубой в веселенькую розовую полосочку мечты Аспитиса Пикерова. Это он когда-то начал химичить с синайским вирусом альмегой, чтобы он превращал любого человека в сверхчеловека. Синайцы нам и в подмётки не годятся, у них только повышенная регенерация и иммунитет, а у нас ещё куча чего другого.

— Но вы же не эмдэшники?

— Мы — нет. А вот родители Брутуса в ней состояли, пока не перешли на сторону Азата, а потом и «Аркана». Прежде альмегу с двух сторон изучали они и Берссы, но Инай Сетте убил Берссов, и его родственники оказались в опале. Они были нужны Азату для синтеза некоторых наркотиков, так что он их пригрел. А впоследствии позволил продолжить эти исследования, потому что они без них в буквальном смысле хирели. К 2656 году Сетте добились того штамма альмеги, который делает людей Особенными. — Стас начал загибать пальцы: — Сверхъестественная скорость любых реакций. Почти полное отсутствие болевого порога. Максимальная устойчивость к отравляющим веществам. Быстрая регенерация. Улучшенная восприимчивость в плане органов чувств. Хотя сейчас в зоологический музей!

— Была только одна загвоздка, — мрачно добавил Дилан. — Берссы занимались тем, чтобы запретить альмеге бесконтрольно размножаться, когда в том нет необходимости. Их наработки остались в МД, а Сетте так ничего и не придумали. Поэтому где-то раз в месяц мы должны принимать один препарат, который защищает от образования опухолей. Иначе спустя недельку от какого-нибудь жизненно важного органа у тебя останется только нечто смутно его напоминающее — и радуйся, если это произойдёт не с мозгом.

— И сколько у вас осталось времени? — напряжённо спросил Герберт, во все глаза глядя на кузена. Тот нарочито беззаботно уставился в потолок.

— Примерно месяц. Перед побегом мы как раз себе по дозе вкололи. Как узнали, что Брутус планирует нападение на базу с захватом мировых лидеров, так и дали дёру — чтобы помешать ему.

— Откуда он узнал про базу? — поинтересовался Джей, которого после объяснений Стаса и Дилана не отпускало ощущение ожившего ночного кошмара.

— Кто-то сказал ему в баре. Он не распространялся. Он никогда не был с нами особо откровенен.

— А тот вельк на фото с нападения на Бельфегора? Он ведь такой же, как вы? Он на стороне Брутуса?

— Ове-то? Нет, он с нами. Просто остался пока там на всякий случай.

— Расскажи нам всё с самого начала, — попросил Герберт. — Вы с Игнатом уехали в 56-м на Север — якобы разузнать про убийц родителей — и пропали. Потом, в 60-м, я мельком видел вас в одной лаборатории в Кулое, поэтому при первой же возможности напросился с наступлением войны сюда...

— Надо же, — присвистнул Стас. — Ты был в той лаборатории? Мы видели только дядю...

— Они никогда не умели мне отказывать. Ты ведь должен был убить его, но не стал?

— Верно... Ладно, у нас впереди целая бессонная ночь — поспишь тут с этим заживлением... Я начинаю?

— Начинай, — похрустел пальцами Дилан. — А я, если что, дополню.

Джей и Герберт обменялись взглядами — одним опасливым и одним восторженным — и приготовились слушать.

* * *

года, уже, конечно, всю работал оперативником. В честь этого знаменательного события он взял отпуск, и они вместе отправились на машине на Север — глотнуть напоследок свободы (а чтобы не брать с собой ещё совсем юного Герберта, без зазрения совести соврали, что едут на очень опасную миссию — побольше разузнать про убийц родителей). Была запланирована экскурсия по местам памяти, связанными с прежней жизнью, до дяди Богдана, и первым делом эрбисы приехали в Седу, к этому времени окончательно занявшую пьедестал бизнес-сердца региона. На месте когда-то подорванного главного здания «Ориона» давным-давно функционировал другой офисный центр, его наследник, целиком и полностью принадлежащий МД, корпорация «Астра дицит», и, вволю насмотревшись на её блестящие хромом и стеклом окна, Стас и Игнат поехали дальше. Вторым пунктом назначения был относящийся к «Ориону» шахтёрский посёлок у склона Дракона, когда-то управляемый Инаем Сетте и спонсируемый Домино Кирсте, нынешним секретарём президента ГШР, и Азатом, погибшим, как тогда все думали, при взрыве в 2650-м.

На удивление эрбисов, посёлок оказался разрушенным почти до основания. Здесь не осталось ни единого целого дома и, конечно, ни одной живой души — лишь пыль и развалины. Шахты были завалены или подорваны, провода обрезаны, люди либо сами оставили его, либо были выгнаны, — и ни разу ранее в новостях Стас и Игнат не встречали об этом упоминания. Они побродили немного среди остовов, теряясь в догадках, что и когда могло произойти с посёлком, и уже было собралось уезжать, как за одной из скал заметили неясное шевеление.

Поохотиться на северную живность также стояло в программе развлечений, так что братья, недолго думая, разделились, обходя этот участок скал с разных сторон, чтобы застать зверя врасплох. Однако, когда они синхронно выскочили на него с оружием, зверем неожиданно оказался человек.

Человек, а точнее сильвис-альбинос примерно возраста Стаса, представлял из себя жалкое зрелище: был худ, оборван и дик. Поскольку бежать было некуда, ему пришлось отвечать на вопросы, кто он и что здесь делает. Так Стас и Игнат выяснили, что сильвиса зовут Дилан Криссо, что его родители были управленцами посёлка — до тех пор пока два года назад сюда не пришли бандиты и не поломали всё, до чего смогли дотянуться. Старших они убили, остальных, похоже, угнали в рабство — на этом моменте эрбисы недоуменно переглянулись: на Севере давно уже были искоренены и рабство, и какие-либо бандиты, но сильвис продолжал утверждать, что это точно был не карательный отряд МД: он знал, как выглядят их форма. Во время нападения мать загнала его в подвал, и за ним так никто и не пришёл. Дилан вылез оттуда спустя сутки — чтобы увидеть мёртвый посёлок и тела убитых, оставленные лежать на песке. Похоронив их, он остался жить в подвале, используя найденные в нём вещи для охоты и приготовления пищи и всё время боясь, что убийцы вернутся.

Это была жутковатая история, но эрбисам она показалась нелепой — особенно этот скальный маугли, добровольно обрёкший себя на печальное существование лишайника на ближайшем камне. Они так и не добились от Дилана ответа, почему он не захотел дойти до города и там отдать себя социальным службам — ведь враги стопроцентно были уверены, что никого в живых не осталось, и не стали бы его искать спустя два года, — поэтому просто решили сами его туда отвезти.

Дилан сопротивлялся отчаянно, так что пришлось его связать. Засунув сильвиса на заднее сиденье машины, Стас и Игнат отправились в ближайший город.

— Это я потом себя оправдывал, — вздохнул Стас, стараясь не смотреть на сверлящего его тёмным взглядом Дилана. — Что мы хотели помочь и всё такое. Но на самом деле нам просто показалось это смешным — насильно привезти человека туда, где он до смерти боялся находиться.

— Даже Игнату? — не поверил Герберт.

— Игнат только с тобой был такой паинька. На самом деле мы не сильно с ним различались, а какой я, ты знаешь. Тем более мы оба всегда считали, что свои страхи надо побеждать, а не сбегать от них поджав хвост. Дилан думал по-другому, но кого интересовало его мнение? Мы его закинули покамест в первый же попавшийся отель вместе с собой, кричал громко, пришлось ещё и рот завязать: в машине-то за музыкой его не было слышно. Стали думать, куда его сдать: в патруль или ещё куда. Спорили час почти, больше отвлекаясь, чем советуясь. А потом в дверь постучали...

Отправившийся открывать Игнат с шумом свалился на пол, и Стас вскочил с кровати, узревая вламывающихся в номер троих мужчин в гражданской одежде — все трое сормахи с одинаковым выражением лица, не предвещающим ничего хорошего. Он схватился за пистолет, но один из сормахов тут же наставил свой на неподвижно лежащего Игната, и Стас без предисловий бросил оружие. Двое сормахов пошли к нему — эрбис ещё успел увидеть, как один из них сдёргивает со стула связанного Дилана, а потом другой с размаху зарядил ему в висок, и Стас отключился.

Очнулся он примерно таким же связанным, как когда-то Дилан. На глазах была повязка, во рту кляп, поэтому оставалось только прислушиваться в надежде узнать хоть что-нибудь полезное. Почти сразу зазвучал брезгливый мужской голос:

— А это что?

— Генштабовцы, — кто-то пнул Стаса под бок. — Что-то там вынюхивали. Забрали сильвиса. Мы приехали — нет никого, смотрим камеры, а два эрбиса час назад с ним усвистали. Пришлось догонять.

— Маяки сняли?

— Да, в отеле оставили. И машину их там же.

— Вороне как-то бог послал кусочек сыра... — задумчиво проговорил, очевидно, лидер тех сормахов. — Что ж, тогда пусть первыми будут у Сетте. Доставьте. Остальные указания будут потом.

— Командир, вы серьёзно полагаете, что гэшээрровцы согласятся работать на нас? — изумился сормах, и зазвучал ещё один голос, более молодой:

— А мы их уговорим. У всех есть за что сражаться...

После этого Стаса поволокли по полу в неизвестном направлении. Путь оказался не таким уж долгим — уже совсем скоро его взгромоздили на плоскую металлическую поверхность, освободили руки и ноги и тут же привязали их ремнями в вытянутом положении. Кто-то в помещении, усталый и равнодушный, спросил:

— Планы поменялись?

— Сначала экспериментируйте на них, — отозвался сормах. Его шаги стихли где-то в отдалении, и первый голос проговорил:

— Элиша, бери старшего.

— Да без разницы, — фыркнула женщина, и Стас почувствовал, как в вену ему вонзается игла. Мгновенно по телу его растёкся холод, и он опять провалился в темноту.

Когда он во второй раз пришёл в себя, ни повязки, ни кляпа, ни ремней не было. Всё тело невыносимо ломило — как будто каждая мышца задумчиво растягивалась и сокращалась обратно, — голова налилась свинцом, в ушах звенело, но он заставил себя открыть глаза.

Вокруг была почти обычная комната, только без окон и с яркими, режущими глаз, дневными лампами. Повернув голову на едва различимое дыхание, Стас увидел Игната, тоже ошарашенно осматривающегося. Каждый из них лежал на отдельной кровати, в той же одежде, в которой были прежде, да и выглядели вроде так же. Стас привстал на локтях и немедленно заметил сидевшего в кресле напротив соломенноволосяного ауриса лет тридцати пяти. Эрбис так и остолбенел: если бы не ровный нос, это был бы точь-в-точь Домино Кирсте.

— Замечательно, что вы очнулись, молодые люди, — улыбнулся им аурис. — Как самоощущение?

— Что вы с нами сделали? — грозно спросил Игнат, вставая и пошатываясь отходя к брату. — И что вам от нас нужно?

— Всё вместе весьма занимательная история, — подмигнул аурис, закидывая ногу на ногу. — Давайте знакомится, Игнат и Станислав Рассильеры. Я...

* * *

— Это был Азат? — севшим голосом спросил Герберт, и Стас кивнул.

— Собственной персоной. Лично пришёл вербовать нас в ряды своих сторонников. Мы-то были уверены, что он давно погиб, а вон как получилось. Он нам всё и рассказал. И во что нас Сетте превратили, и зачем.

— Чем он вас купил?!

— Ты всегда умел выбирать слова, братишка... — хмыкнул Стас, всем лицом выражая сожаление. — Он много чего нам наговорил. Ему был нужен отряд для выполнения очень важной миссии, которая в случае успешного выполнения должна была привести к тому, что ГШР и МД опять будут вынуждены объединиться против него, только уже по-настоящему. И рано или поздно он заставит одного из лидеров организовать полное слияние. А потом вместе со своей северной армией вольётся в него сам — и не будет больше ни противостояния, ни войн.

— И вы ему поверили?! — в ужасе спросил Герберт.

— Это в худшем случае, — как будто не слыша его, продолжил Стас. — А в идеале всё кончится ещё раньше. Азат хотел завладеть Пикором: если наше промышленное сердце будет подчиняться только ему, организациям уже ничего не останется, кроме как сложить оружие и установить общее мировое правление — и необязательно под его главенством. Два года тренировок для Особенных, ещё три-четыре для выяснения, кто там на Пикоре главный

и как к нему подкатить, — и непосредственная операция по захвату материка. А точнее, по передаче его полностью в руки союзника Азата.

— Я не понимаю! — Герберт вскочил, раскрасневшийся от ярости, и ткнул пальцем в кузена. — Почему вы согласились?! Он враг, всегда был и им останется, а вы...

— А нам надоело вот это всё, ясно?! — тоже взорвался Стас. — Одно и то же полтысячи лет! Даже Аспитис сломался, и всё опять чёрт знает куда покатилося! Лучше уж один, чем трое или двое! Меньше соблазнов, меньше смертей! Зебастиан не взял бы Север, если бы ГШР и МД не передавали друг другу право первым войти в открытую дверь! И наши родители были бы живы!

Герберт сел, резко став неуклюжим, как кукла. Дилан откуда-то достал кубик Рубика и сосредоточенно складывал его, даже не двигая зрачками. Стас тихо сказал:

— Поэтому и поверили. К тому же не улыбалось умереть, просто не посещая с месяцечек лабораторию. Игнат ещё возражал, но я убедил его. Азат после всех историй, с ним связанных, казался нам пусть и сволочью, но хитроумной сволочью, и все его интриги могли сработать, если мы немного вложимся...

* * *

Как только переговоры были окончены, Азат предложил им, если нечего делать, пошататься по лаборатории: например, найти столовую. Комната, в которой они очнулись, была за ними зарезервирована — до тех пор пока не будут обращены в Особенных остальные трое членов отряда и они все вместе не отправятся на обучение. Общее знакомство — и друг с другом, и с учителем — планировалось на вечер, и о нём должны будут известить.

Оставшись одни, какое-то время Стас и Игнат ещё недолго спорили на тему заключённого соглашения, но, поскольку Игнату было нечего предъявить, спор затух сам собой. Эрбисы решили последовать совету нового босса и действительно найти столовую.

Она оказалась неподалёку, и, отобедав вместе с одним из сормахов, заботливо спросившим, не болит ли у них голова, Стас и Игнат пошли дальше исследовать коридоры. Лаборатория, очевидно, находилась под землёй, потому что нигде не было ни единого окна, а воздух поступал чересчур уж чистый для пыльного Севера, и было любопытно посмотреть, как выглядит выход на поверхность. Однако коридоры оказались настолько одинаковыми, что через полчаса братья были не в состоянии отыскать даже собственную комнату. Поторопившись проверить очередной поворот, Стас и не заметил, что Игнат отстал, а когда вернулся, осознал, что потерял в этом лабиринте и его. Оставалось только идти дальше в надежде встретить кого-то, кто подскажет дорогу.

Через пару поворотов эрбис наткнулся на распахнутую настежь дверь и, услышав за ней какой-то шум, притаился в её тени, заглядывая через щель в комнату.

Зрелище представилось интересное. На широкой кровати посреди комнаты, на чёрно-красном покрывале сидели двое: каштанововолосый бескосый вельк и серебряный аурис, ровесники или сверстники Стаса. Эрбис заглянул как раз в тот момент, когда аурис выбил у велька из руки пистолет — тот, звякнув, улетел в угол — и прижал его к кровати, садясь сверху.

— Что это ты удумал? — прошипел аурис, и вельк, не отводивший от него взгляда, криво усмехнулся:

— Ты подобрал отличное слово, Брутус. «Удумал»...

Аурис растерянно отстранился, и вельк торжествующе рассмеялся.

— Что, не ожидал такого эффекта? А можно было бы догадаться! Что теперь будешь со мной делать, мой господин? Не хочешь попробовать себя в роли раба?

— Не переживай, Ове, — Брутус взял себя в руки и нехорошо улыбнулся. — У меня на этот случай уже припасено средство, чтоб ты не передумал...

Он вдруг повернул голову в сторону двери — Стас уже и сам слышал шаги в другом конце коридора — и оживился.

— О, а вот и гости! Вы просто обязаны встретиться! Мы его два года искали...

Ове, посерьёзневший и настороженный, тоже посмотрел на дверь. Стас поостерёгся выглядывать, поэтому подождал, пока один из троих подошедших не оказался втолкнутом в комнату, а остальные не развернулись уходить. Стас беззвучно охнул: это был Дилан.

— Здравствуй, маугли! — Брутус встал с кровати и, широко улыбаясь, подошёл к отпрянувшему от него сильвису, переодетому в обычную одежду. — Думал, мы тебя не найдём? Старая компания должна собраться вместе, нас ждут великие дела! «И когда покажется тебе, что Тьма дышит за твоей спиной и больше нет дороги, твой ангел прольёт на тебя свет...»

— Я бы предпочёл, чтобы конкретно на тебя пролилось что погорячее, Брутус, — прервал его Дилан, однако Стас видел, что руки его дрожат. — На черта вы разнесли посёлок?

— Он вызывал дурные воспоминания, — отмахнулся аурис. — Но хорошо, что ты выжил, тогда у молодчиков Азата был приказ убить всех Криссво. Даже не хорошо, а очень удачно... да, Ове?

Ове закрыл лицо руками. Брутус подступил к Дилану совсем близко и нарочито небрежно отряхнул рукав его рубашки.

— А ты-то как? — вкрадчиво спросил он. — Готов послужить великой цели?

— Я скорее сдохну, — процедил сквозь зубы Дилан, и Брутус высоко вскинул чёрно-серебряные брови.

— Неужели? Мне кажется, ты торопишься с ответами. У меня есть ещё парочка аргументов...

Он вдруг схватил его правую руку и одним движением сломал указательный палец. Дилан с криком отдёргнул её, а Брутус зацокал языком.

— Представь: такое же, только в тысячу раз больше. Альмега будет пожирать тебя медленно и неотвратно, а мы не дадим тебе покончить с собой, если ты откажешься быть с нами. Зато, если согласишься, я научу тебя быть сильным. Не всё же Ове вступаться за тебя! Нам, в конце концов, уже не шесть лет и даже не одиннадцать... Ну, что скажешь? Всё ещё хочешь сдохнуть?

Дилан, баюкавший руку, замер на мгновение и замотал головой. Брутус ослабил.

— Чудно. Дай сюда.

Под ещё один характерный хруст палец Дилана вернулся в правильное положение, и аурис похлопал сильвиса по плечу.

— Полчасика его не трогай, всё срастётся. Можешь идти. Вечером у нас знакомство с теми эрбисами, что забрали тебя в человеческий мир, они тоже отныне Особенные. Ты не злился на них, мы тебя по-любому привезли бы сюда. Давай-давай, шагай.

Как деревянный, Дилан развернулся и вышел из комнаты. Он прошёл прямо мимо

Стаса, но не заметил его и вскоре скрылся за поворотом. Эрбис решил в последний раз последить за Ове и Брутусом: аурис явно будет лидером их группы, лучше заранее знать, что он из себя представляет.

В комнате Брутус уже сел обратно к Ове и погладил его по руке.

— Всё будет хорошо, — ласково проговорил он, и вельк пронзил его ненавидящим взглядом. — Мы наконец лучше любого человека, когда-либо рождавшегося. Тебе понравится. Всё... понравится.

Он наклонился и впился в его губы, одновременно опять прижимая руки Ове к кровати, и Стас отстранился от двери, не желая становиться свидетелем того, что должно было последовать после этой сцены. Он совершенно не понимал почти ничего из всего, что успел увидеть, но радовало хотя бы то, что этот определённо опасный Брутус уже нашёл себе любовника — а значит, ни к кому другому клеиться не будет. Скорее всего...

Стоило отойти от комнаты и повернуть за тот же недавний угол, как Стас наткнулся на разыскивающего его Игната, и они вместе отправились дальше бродить по лаборатории. По пути эрбис рассказал брату об увиденном и услышанном — после небольшого совета они решили по возможности не переходить дорогу Брутусу, так легко ломающему пальцы всем несогласным с ним, и пока вообще не высовываться.

Вечером к ним в комнату пришёл Азат и отвёл в небольшой зал на знакомство с будущими коллегами и учителем. Эрбисы, конечно, больше интересовались последним — им оказался угрюмый и неразговорчивый чёрный как уголь хаен около пятидесяти лет, с заметным шрамом поперёк левого глаза, захватывающим губу — так, что казалось, будто он вечно нехорошо ухмыляется. Азат представил его как Палаша, доверенного и профессионального инструктора по боевой подготовке, с ним, как выяснилось, последние десять лет занимался примерно тем же Брутус, сын тех самых учёных, кто сделали из них пятерых Особенных, — следующие два или полтора года, по словам Азата, Палаш должен был научить их этим пользоваться.

На следующее же утро они шестеро отбыли на базу дальше в горах. Поскольку вывозили их в наглухо затонированных машинах, Стас и Игнат так и не смогли увидеть, где располагается лаборатория, и до сих пор никто из противостоящих Брутусу не знал этого наверняка.

* * *

— Очевидно, где-то здесь? — спросил Джей, когда Стас сделал паузу, чтобы за раз выпить литр простой воды, и Дилан, успевший уже собрать свой кубик, ответил вместо него.

— Мы предполагаем так. Её невозможно увидеть с поверхности, и, похоже, попасть туда может только тот, кто знает, где она, в точности. Мы попробуем её поискать, когда залечимся, но шансов мало.

— Отряды ГШР и МД уже начали обшаривать всё в радиусе десяти километров от города. Думаете, и у них нет шансов?

— Однозначно, — Стас откинул куда-то в угол пустую бутылку. — Тут ведь уже искали. И, если при отвоевании Хайрова, Шалкара и всей этой зоны никто на них так и не наткнулся, она запрятана добротнo. Это просто рок какой-то: мы вчетвером приехали сюда всего-то на пару дней — Брутус заселил нас на съёмной квартире, — банально на Новый год

к родителям. Ну, то есть он приехал к родителям, мы так, сопровождение... И надо было ему в новогоднюю ночь встретить в баре языка! Он ведь и у родителей должен был задержаться, а сбежал намного раньше: сказал, нет сил их выносить, они уже как зомби со своей работой. Заглянул на часик в бар — и нате вам, пожалуйста! Пришёл к нам с горящими глазами: завтра в ночь мы захватим Рэкса Страхова, я всё согласую с Азатом. Ну мы отослали Ове его баюшки уложить, а потом сели думать, что делать с этим всем. Это хорошо ещё, что Аспитис так удачно взял ситуацию под контроль, будь там один Рэкс, уже сейчас был бы такой бардак...

— Подожди, — Джей нахмурился, — Рэкса? То есть про Аспитиса он изначально не знал?

— Про Аспитиса он узнал потом. Подкупил кого-то из охраны, он ему всё и выложил. Но предателя можете не искать: хоть Брутус и обещал ему, что кроме денег, заплаченных за предательство, ещё сохранит ему жизнь, он всё равно его убил, мы видели. Расходный материал...

— Стас, ты не отвлекайся, — строго сказал Герберт. — Давай по порядку, а то мы рано или поздно вообще потеряем нить. Дойдёшь до сегодняшнего дня, тогда про захват и расскажешь.

— Да, мамочка, — состроил гримасу старший эрбис. — Подготовка под началом Палаша была весьма занимательной. Мы и Брутус уже знали, как сражаться и вести себя в диверсиях, — ну, за исключением Игната, больше в теории, конечно. А вот Дилан и Ове ни слухом ни духом. Поэтому, когда мы трое делали всё на раз, они спотыкались на каждом шагу. Было забавно отпускать по этому поводу шуточки... прости, Дилан. Правда, однажды, когда я совсем уж едко прошёлся по Ове, которого Брутус то и дело зажимал в каком-нибудь уголке, от Брутуса мне досталось по полной программе, и я решил и его не задирать. То есть все шишки посыпались на Дилана. Короче, не сложилось у нас с командой — ни единения, ни дружеского плеча. Остальное зато выходило неплохо: альмега оказалась прекрасным подспорьем — даже Ове и Дилан, изначально выглядящие так, словно их лет пять не кормили, быстро всему научились. Куда сложнее было подчинить себе вечно буйствующий свой собственный организм. Первое время я, например, совершенно терялся от этого обилия всевозможной информации, которая поступала буквально отовсюду. Мозг ещё и пытался всю её обработать — а мне, может, совершенно не интересно, сколько трещин в соседней скале и с какой частотой капает вода в пещере за сто метров! Силу удара рассчитать не мог, ускоряясь, промахивался не то что мимо цели — мимо её радиуса в десять шагов. Но Палаш был отличным учителем. Уж не знаю, что у него было в прошлом — я так понял, что он состоял ещё в свите Домино — и, главное, как он может учить тому, что ему самому недоступно, но жаловаться было не на что.

За какие-то полгода мы полностью во всё это влились. Я даже с нашей командой смирился, пока опять случайно не оказался в ненужном месте в ненужное время...

* * *

Стас в тот день после очень уж измотавшей его тренировки жаждал добраться до душа и почти дошёл до него, когда вдруг заметил подходящего к нужной ему двери с другой стороны Брутуса. Общаться с аурисом вне учебной программы пока не входило в планы

эрбиса, и он замер за ближайшим углом, дожидаясь, пока Брутус хотя бы скроется в душевой, облиться горячей водой, в конце концов, можно было и попозже. Однако не успел аурис взяться за ручку двери, как в коридоре с его стороны появился запыхавшийся Ове.

— Брут, стой! Мне надо с тобой поговорить! — он схватил ауриса за локоть, и тот развернулся в сторону велька.

— Единственное адекватное сокращение моего имени, — с улыбкой закатил он глаза. — Что такое? Рассильер опять к тебе прикопался? Не прошло и двух месяцев с последнего пятого раза...

— Да при чём тут... — Ове отпустил его руку и замотал головой, явно нервничая. — Всё серьёзное. Это касается... нас с тобой.

— Нас? — изумился аурис.

— Нас. Я был бы очень рад, если бы ты перестал приказывать мне что-то, как Рассильерам, или требовать, как от Дилана. Тебе достаточно просто... попросить, — Ове пробежался пальцами от его пупка до груди, и Брутус, судя по выражению его лица, едва удержал собравшуюся отвалиться челюсть.

— Прости... что? Ты передумал? Я сделал что-то, что нарушило наше соглашение? Или... не я?..

— Спокойно, — тихо рассмеялся Ове, прижимая палец к его губам, и Стас от удивления чуть не протёр себе глаза. — Всё проще. Помнишь, ты сказал, что мне понравится? Так и получилось. Я постоянно думаю о тебе. И, если ты будешь чуть помягче, будет вообще замечательно.

— Я не понимаю, — Брутус впервые на памяти Стаса выглядел растерянным и беспомощным. В следующий миг Ове, насмешливо вздохнув, притянул к себе его голову для поцелуя, и эрбис резко отвернулся. Он тут же осознал две вещи: во-первых, отныне эти лобызания они будут наблюдать перманентно, а во-вторых, Ове банально стелется под него — очевидно, чтобы смягчить к себе отношение и ещё больше возвыситься в команде. Потому что как можно по-настоящему полюбить такого?!

Он уже собрался уходить, когда на сцене появилось ещё одно нежелательное лицо. От гневного окрика Ове вздрогнул и отстранился от совершенно ошарашенного Брутуса, чтобы посмотреть на подлетевшего к ним раскрасневшегося Дилана.

— Глазам своим не могу поверить! — выпалил сильвис. — Ты уже и сам с ним?.. Ты же ненавидел его! Когда ты успел измениться?!

— Меньше нервов, маугли, — поморщился пришедший в себя Брутус. — Тебе не обо всём рассказывают. Сколько нам тогда было, Ове, когда мы... десять? Что ты вылупился, Дилан, не все такие недоразвитые, как ты. Уж для оральной фазы хватило... и Ове уже тогда понравилось. Верно?

— Если честно, детство я по некоторым тебе известным причинам почти не помню, — улыбнулся вельк. — Но раз ты так говоришь, то конечно.

Дилан отшатнулся сразу на два шага и, не сказав более ни слова, убежал обратно. Брутус немедленно потащил Ове в душевую, а Стас так и остался стоять за своим углом. Теперь своей святой обязанностью он положил ясно показать Ове, что это такое — когда неуважение к себе вдруг превращается в неуважение со стороны твоих же будущих соратников.

Подходящий случай выдался на Новый год. Им разрешили поехать развлечься в город, и братья-эрбисы прихватили Ове и Дилана с собой чуть ли не насильно. Брутус с Палашом

отбыли к Азату, так что никто не мог помешать им выполнить задуманное. Высадив Дилана у автомата с газировкой, чтобы он взял всем по баночке, Стас при молчаливом согласии Игната отвёз Ове буквально на соседнюю улицу и там втолкнул в самый известный в городе гей-клуб. Пока вельк пытался понять, что происходит, Стас наострил в его сторону нескольких особенно внушительного вида парней и, пожелав коллеге не скучать, покинул заведение.

У их машины, конечно, уже стоял Дилан.

— Да не протухнет дело Брутуса на земле, — едва сдерживаясь, поприветствовал он Стаса, и они с Игнатом переглянулись. — Что вы творите вообще?!

— А в чём проблема? — пожал плечами Стас. — Согласен, он, похоже, долго не хотел сам себе признаваться, что он с другой башенки, но признался же. Все ходят в клубы.

— По своей воле, Рассильер! — Дилан схватил его за рубашку, и эрбис внутренне удивился обычно не присущей сильвису храбрости. — Ты из себя бога строишь, я не понимаю?! Откуда ты вообще взял, что имеешь право над всеми издеваться? Сильна память о школе?

— А ты, я посмотрю, совсем страх потерял, — осклабился Стас и одним движением освободился от его рук. — Тебе-то что? Не ты ли тогда кричал, что глазам своим не можешь поверить и когда это твой обожаемый Ове успел так измениться? Жаль, не добавил: стать подстилкой...

Дилан из ярко-красного вдруг стал бледным как смерть, и Стас даже не успел уловить момента, когда сильвис наскочил на него петухом и первым же ударом чуть не сломал челюсть. Но боли эрбис, конечно, не почувствовал и немедленно ответил — так, что Дилан свалился ему под ноги и приложился головой об асфальт.

От следующего удара его спас Игнат. Выскочив из машины, он поймал брата за шиворот и отодвинул на безопасное расстояние.

— Брейк, ребята, — он сделал знак Стасу, и тот неохотно подчинился. — Дилан, это же просто шутка. Мы же не устроили ему там групповое изнасилование. Вдруг он... встретит там кого лучше Брутуса?

— Оправдывайся, — прошипел Дилан, вставая и отряхиваясь. — Вот уж от тебя, Игнат, не ожидал: ты всегда мне казался адекватнее и человечнее своего отмороженного на всю голову братца. Вы его не знаете, ясно? Мне не известно, почему он решил быть с Брутусом, но это не повод считать его подстилкой!

Резко развернувшись, он скрылся в клубе. Игнат отвесил брату подзатыльник, кивнул на дверь, но Стас лишь отрицательно мотнул головой. Написав сообщение Дилану, что он может звонить, как только они захотят вернуться на базу, Игнат прошёл к водительскому месту, и они со Стасом отправились искать обычный клуб.

Что произошло той ночью с Ове и Диланом, Стас узнал лишь через несколько лет — когда Игната уже не было в живых. Но последствия их шутки давали о себе знать вплоть до конца обучения: их команда развалилась окончательно, и никакие приказы Брутуса не могли склеить её обратно. Впрочем, как оказалось, никто и не планировал делать из них сплочённого отряда.

Они разбились на две подгруппы сразу, как только начались полевые операции: Ове и Брутус, Стас и Игнат — и Дилан, которого прикомандировывали то к одним, то к другим в зависимости от миссии. За два года тренировок он, от отчаяния ли или от страха, нарастил себе немалую мышечную массу и всегда выполнял роль силовой поддержки. Азат рассылал

их по всему материка в попытке собрать достаточно информации о Пикоре и о том, кто мог бы купиться на его щедрое предложение. Первая часть его плана близилась к завершению: в каждой северной ставке вне зависимости от организации уже вошли в силу люди, ещё в начале 50-х годов насажденные туда на низшие должности, чтобы не вызывать подозрений у коллег, — и теперь ему нужно было оружие, чтобы однажды поднять Север и разом превратить его в полностью закрытый регион, способный и обороняться, и существовать за счёт собственных ресурсов.

Конечно, если не удастся подчинить себе весь Пикор.

К 61-му году рыбка оказалась на крючке — кусочки пазла, собранные по всему материка тайно и явно, указали на нового ставленника пикорского города Аньяна, только-только занявшего место главы клана после смерти отца. Азат вышел с ним на связь, сумел договориться о сделке — это было несложно, так как новый лидер, Ливей Гхелбара, только и мечтал, что об увеличении прибыли, причём в обход МД, с которым их клан и город традиционно сотрудничали, — и в скором времени была собрана делегация, в которую в том числе входили и диверсанты. Почти сразу в их качестве были выбраны Стас и Игнат: во-первых, потому, что они были очень похожими друг на друга братьями и пикорцы долгое время могли быть убеждены, что эрбис там всего один, во-вторых, из-за общей опасности миссии — Брутус ожидаемо не собирался рисковать ни собой, ни тем более своим любовником Ове.

С открытым лицом в свите Азата ехал Игнат — Стас до нужного момента скрывался на корабле. Объединились они, когда Игнат привёл на пристань пикорцев, желавших переселиться со своего материка на Милотен: у него был пропуск на возвращение к Азату, и Стас просто подменил собой одного из охранников в его сопровождении на обратном пути. Примерно на середине дороги эрбисы отделились от сопровождения и ушли вершить свои тёмные дела.

Командировка у них была затяжная, рассчитанная минимум на полтора года. Пикор в жилам смысле представлял из себя собрание городов-полисов, каждый под управлением одного конкретного клана и отвечающий за определённые заводы в глубине материка, — они были рассыпаны по восточному побережью и находились под защитой высокой горной цепи — единственной действенной преграды против загрязнённого воздуха и ядовитых паров тяжёлой промышленности. У каждого клана был свой глава и, через него, место в Совете, ответственном за весь материк. Задачей братьев-эрбисов было постепенно, путём подстроенных несчастных случаев, устранить всех глав кланов и людей, способных их заменить в Совете, чтобы за неимением кандидатур хотя бы на короткое время Совет единолично представлял Ливей. Он-то и должен был повернуть весь Пикор в сторону Азата и Севера и поставить ГШР и МД перед необходимостью сложить оружие и объединиться с ним в общую мировую организацию. Азат дорого заплатил союзнику за эту возможность — и, конечно, за молчание.

Стас и Игнат пробыли там чуть больше года. Они сумели устроить нечаянную, не вызывающую подозрений смерть четырём главам кланов, оставалось ещё два города и мелкие советники — Ливей уже и сам с прискорбием присоединял к себе осиротевшие полисы, пусть пока и формально, — но именно пятый, казавшийся проще всех предыдущих, стал для них роковым. Их накрыли, и, воспользовавшись расположением улиц, Игнат сделал так, чтобы заметили его одного.

— Я вообще ничего не смог, — глухо проговорил Стас, сжимая кулаки и глядя на них пустым взглядом. — Он всегда соображал быстрее. Охрана схватила его и ушла, Игнат даже не стал сопротивляться: никто не должен был знать про Особенных, к тому же сражение вынудило бы их призвать подкрепление, и тогда и я бы попался. Я смог уйти незамеченным. Потом стоял в толпе на центральной площади и слушал прямую трансляцию переговоров с «неназванным господином с материка» — Ливей, понятное дело, не захотел светиться своими связями с Азатом. «Господин» признал: да, с Милотена был заслан человек, очень хотел остаться жить у вас, вы бы, конечно, так быстро не разрешили, поэтому он сбежал тайно. Но лично этот «господин» никаких приказов ему не отдавал, это всё полностью его инициатива, и «господину» неизвестно, чего он собирался этим добиться. Поэтому за улаживание конфликта будет уплачено, сколько потребуется, а с убийцей... а с убийцей они могут делать что хотят.

На какое-то время в подвале воцарилось гнетущее молчание. Джей, сердце которого стучало в самых ушах, осторожно огляделся: Дилан беззвучно разминал суставы, неподвижно смотря прямо перед собой, Герберт глотал ртом воздух, явно желая заговорить, но никак не находя в себе на это сил. Стас с шумом выпустил носом воздух и продолжил:

— Мне некуда было деваться, поэтому я оставался в городе. На следующий день на той же площади, опять в прямом эфире, я слушал зачтение приговора Игнату — смертная казнь через расстрел. Этого, конечно, не показывали, я лишь знал по слухам, что активно курсировали в барах города, что в тот же день приговор привели в исполнение. Ещё пару суток я шатался по улицам — это был тот самый порт, который сообщается с нашим На-Риву. И в ночь меня нашёл посланный с Милотена человек, который провёл меня на корабль и доставил на родную землю. Как оказалось, здесь уже подсуетился Брутус. Следующий его посланник ждал меня в На-Риву, чтобы отвезти на базу.

— Как ты... как ты после этого мог продолжать служить Азату? — хрипло проговорил Герберт, поспешно вытирая глаза. — Он ведь предал вас! Пожертвовал вами ради своей цели! Если бы не Брутус, ты бы так там и остался!..

Стас пожал плечами и опять потянулся за водой — на столе стояла целая батарея неоткрытых бутылок.

— Может быть. Но мы и сами были виноваты. Это была общая цель, Герберт. И мы чуть не поставили под удар всё уже достигнутое. Провалили задание, всех подвели...

— Но отдавать на закляние-то зачем?! Неужели Азату настолько не важно количество Особенных? То есть, как завоевать полмира, он придумал, а как вернуть себе ценного солдата, нет? А если пикорцы раскопали вашу альмегу и Игната просто пустили на бесчеловечные опыты?! Если всё это была постановка и теперь они ждут подходящего момента, чтобы ударить в спину, — об этом Азат с Брутусом на пару не подумали?..

— Хватит, — оборвал его кузен, и Герберт резко замолчал, часто дыша. — Я понятия не имею, что там было на самом деле, а сейчас гадать смысла нет: слишком много лет прошло. Выкуп для пикорцев выглядел бы слишком подозрительно, вполне вероятно, что они разорвали бы договор, и можно было всё начинать сначала. Когда-то Генштаб и Мессия специально снабдили их всеми видами войск и дали разрешение на использование любого оружия, чтобы ни у кого из противостоящих организаций не было преимущества в торговле с

ними, так что они могут всем диктовать какие угодно условия. Не нашлось иного пути. Но менее больно от этого не становилось...

* * *

По возвращении на базу Стас отгородился от всех: он физически не мог разговаривать с людьми, которых и с Игнатом-то рядом едва терпел, а уж без него и вовсе постоянно находился на грани срыва. Почти сразу он сделал себе татуировку, покрывающую всё тело, — в первую очередь для того, чтобы собственное изображение в зеркале не напоминало ему о погибшем брате. Их операции, теперь уже направленные на разжигание межорганизационной розни, чтобы с началом войны ГШР и МД не смогли нормально объединиться и у Азата появился шанс однажды удачно надавить на слабое место, продолжались, и Стаса обычно отправляли на них вместе с Диланом. Поскольку заменить Игната он объективно не мог да и вообще привык выступать скорее подспорьем, чем равноправным партнёром, у эрбиса всё больше крепло ощущение, что он всё тащит один, и всё чаще он срывал на сильвисе, менее умелом, свою злость и не покидающее его чувство глухой безнадежности.

От Бругуса и Ове тоже было мало толку. Аурус ходил чёрной тенью, на все вопросы или просьбы отвечал цитатами из Писания и, кажется, преимущественно был занят тем, чтобы максимально угодить Азату, а не своими непосредственными обязанностями лидера и вдохновителя. Ове часто пропускал миссии, так как, похоже, они чересчур даже для Особенных зажигали в спальне: Стас почти каждый день видел велька выходящим оттуда шатаясь или хватаясь за стены, всего в синяках, подозрительно медленно заживающих, с разбитым лицом — Бругус, как правило, перед этим или после расхаживал, позвякивая сапогами с железной подошвой и чуть ли не с плёткой за поясом, — нашёл тоже себе занятие. Они бесили Стаса все вместе и каждый по отдельности — по разным причинам, — и, конечно, он не смог выдержать долго.

Тогда был осенний вечер 63-го — Стас и Дилан как раз вернулись с очередной миссии из Дельфии и свалились в их общей комнате на базе, отдыхать и зализывать раны. Дилана потрепало особенно сильно (в основном потому, что Стас не захотел в нужный момент прикрыть его), однако перелёт был долгим, и он уже вполне походил на человека. Глядя, как сильвис мёртво сидит в своём углу, прикрыв глаза и то и дело передёргиваясь всем телом, требующим энергии для заживления ран, до которой он сам явно уже не мог дойти, Стас медленно закипал. Миссия получилась почти провальная: Дилан, как обычно, во время операций превращавшийся в безумного маньяка, много чего недосмотрел, и Стасу пришлось сильно постараться, чтобы хотя бы уйти, — поэтому он вдруг ощутил в себе непреодолимое желание наконец основательно выбить из напарника дурь. Он уже встал, когда дверь в общую комнату со скрипом отворилась, и к ним шагнул Ове.

На этот раз он выглядел ещё плачевнее, чем раньше, по крайней мере лицом, потому что тело преимущественно скрывалось за глухой, застёгнутой под самое горло, белой рубашкой с длинными рукавами и джинсами. При виде напрягшегося Стаса вельк замер, чуть шевельнув разбитыми, окровавленными губами, и вся ненависть эрбиса моментально перенаправилась на него.

— Как у тебя дела, Ове? — поинтересовался он. — Твой видок — это, что ли, плата за

то, что работаю тут один я? А сколько нынче принимаешь? Дорожный конус уже влезает?

На лице Ове явственно отразилась боль. Стас шагнул к нему и поддёрнул к себе за воротник.

— Как думаешь, — вкрадчиво спросил он у велька, прямо смотря ему в глаза, — чтобы подружиться с Брутусом и начать наконец хоть какую-то выгоду получать от этого всего, мне тоже придётся ему задницу подставить? Или у тебя зарезервировано?

Ове молчал. Краем глаза Стас заметил шевеление в стороне Дилана, но уже не мог остановиться.

— Скажи честно, Азату и Палашу ты тоже прислуживаешь? Они всегда так к тебе снисходительны, ты офигеть как хорошо устроился. Может, и Особенным стал, чтобы не так больно было развлекаться?

— Оставь его, Стас, — Дилан, весь пылающий едва сдерживаемым гневом, стоял уже совсем близко, и Стас отпустил воротник Ове, нарочито демонстративно отряхивая руку.

— Ты мне ещё поговори, — почти ласково сказал он, поворачиваясь в его сторону. — Слабак. Трус. Мы бы там полегли, если бы не я! Так боишься сломать ещё один пальчик, плесень? Лучше бы ты ещё в своих скалах сдох, меньше бы проблем было!

Вывести Дилана из себя было как раз плюнуть, и Стас уже успел выучить признаки, свидетельствующие о том, что сильвис сейчас ударит. В этот раз всё было так же: от его последних слов Дилан побледнел, чуть отступил — и выбросил руку. Его кулак Стас перехватил ещё в воздухе, заломил сильвису запястье, и через переворот грохнул его на пол. Дилан не успел откатиться от его ноги и скорчился от прицельного пинка в живот — туда, где ещё не заросла главная рана. Обычный человек потерял бы сознание, а он лишь был обездвижен на две долгие секунды — достаточно, чтобы отбить ещё пару органов.

Налетевшего сзади Ове Стас, даже не задумываясь, стряхнул, одним ударом ноги сломал Дилану запястье и нацелился на голову, однако вельк опять повис на нём, и, полыхая ненавистью, эрбис обернулся, с силой отшвыривая его от себя. Ове впечатался в стену — оглушённый, он сполз по ней на пол, и Стас уже подскочил к нему, чтобы проверить, как он на самом деле умеет терпеть нечеловеческую боль, но в этот раз его удержал за ногу целой рукой Дилан. Это было невероятно — то, как они стояли друг за друга против него, две пародии на бойца, и мир перед глазами Стаса вспыхнул кровавым туманом.

— Хватит, Стас! — закричал где-то далеко Дилан. — Пожалуйста!..

Едва расслышавший его Стас заморгал, приходя в себя: рубашка Ове из белой превращалась в бордовую. Он посмотрел на свои руки, чистые от крови, опять на Ове, закрывшего глаза и прерывисто дышащего, и, обессиленный, опустился перед ним на пол.

— Что... что это? — спросил он у Ове, ткнув в сторону его рубашки, и тот, слабо улыбнувшись, открыл глаза и начал расстёгивать её. Спустя пару секунд рубашка оказалась на полу, а Стас и приподнявшийся Дилан молча рассматривали тело Ове выше пояса — всё в длинных и коротких порезах, сочащихся неостанавливающейся кровью.

— Как так? — выдохнул Стас. Ове откинулся на стену и глядел на него из-под полуопущенных век.

— Сетте специально для любимого сына разработали инъекцию, благодаря которой альмега на некоторое время впадает в шоковое состояние и Особенный становится обычным человеком со всеми... вытекающими. Ну и много чего другого по мелочи создали, только уже для Азата, чтобы нас контролировать, один эпизод мы с Диланом уже видели, пока ты был на Пикоре. Ко всему прочему, после наших «развлечений», — Ове скривил губы в

горькой улыбке, — Брутус хочет, чтобы я одевался в белое, чтобы эти самые последствия было лучше видно. Знал бы, что вы оба тут, не заходил бы...

— То есть ты... всё то время, что Брутус с тобой извращается, ты обычный человек?!

— Ну не постоянно. Но часто, да.

— Зачем ты это терпишь?! — Стас в ужасе расширил глаза, а Ове лишь вздохнул.

— За надо. У тебя было много предположений, выбери любое, какое тебе нравится. И пожалуйста, перестань срываться на нас. Это не вернёт тебе брата.

Стас оглянулся на Дилана: сильвис уже тоже сел, успев вправить себе запястье и аккуратно положив его на колени, — на Ове он смотрел чуть ли не с открытым ртом, снова бледный и, кажется, перепуганный.

— Давай начистоту, Ове, — Стас хрустнул шеей, восстанавливая некое подобие душевного равновесия. — Мои предположения явно и рядом не валялись с тем, что происходит на самом деле. Ни за какой статус в обществе таким истязаниям себя не отдают. Я... мне дико стыдно, что я тоже чуть не сделал тебе больно, когда тебе и так досталось. И мне как-то не хочется...

— А мне не хочется, чтобы тебе было ещё более стыдно, — хмыкнул Ове. — Забей. Это моя тайна и ничья больше. Даже Дилан не в курсе.

— Я догадываюсь, — глухо отозвался сильвис. — У меня были такие мысли при нашей первой за девять лет встрече. Но потом я увидел, как ты на него вешаешься, и...

— Какой я, — вельк с довольным видом погладил себя по голове, и Стас не выдержал. Поднявшись, он прошёл к аптечке, достал бинты и сел перевязывать его.

— Зачем, Ове? — повторил он вопрос. — Отвечай. Я не отстану, ты меня знаешь.

— Что ж, надеюсь, Брутусу ты это не скажешь, он нас всех троих прибьёт к стеночке... Зачем? — Ове, с лёгкой руки Стаса превращаемый в мумию, опять горько улыбнулся. — За вас. Сначала за Дилана, потом за тебя и Игната. Диланом Брутус меня с детства шантажирует, а он, думаю, не перенёс бы то, что могу перенести я. Ну а вам Брутус никогда не доверял и даже планировал от вас избавиться, вы же всё-таки из ГШР. Он не стал бы слушать меня в роли его игрушки, пришлось разыграть влюблённость и потом всё остальное. Я получил возможность влиять на него, он подобрел, потому что наконец добился от меня взаимности и безотказности, в общем, все счастливы. Уже не важно, какой ценой.

— Что ж ты в его честь косу заплёл? — вырвалось у ошарашенного Дилана, и вельк, коснувшись третьей косы возле ещё не заросшего пустого места, оставшегося после четвёртой, посвящённой когда-то Игнату, загадочно промолчал. Стас тряхнул головой.

— Так, теперь по порядку. Я присутствовал на этой вашей первой встрече после девяти лет разлуки и ни хрена не понял. Брутус выбил у тебя пистолет...

— Весёлая история, — улыбнулся Ове. — С того момента, как погибли Берссы и Сетте вынуждены были бежать из посёлка, меня посадили на сильные седативные препараты. Началась эта терапия, конечно, ещё раньше, когда пропала моя мать и мне совершенно расхотелось жить — особенно рядом с Брутусом. Но с переездом воли и сознания меня лишили почти полностью. Как только меня сделали Особенным, в голове прояснилось, я вспомнил большую часть того, что он со мной вытворял последние лет шесть, и... Брутус лежал на соседней кровати, я думал, он ещё спит и я успею. А вот не успел.

— Ты хотел убить его?

— Нет, конечно. Тогда я ещё не умел убивать людей. Я хотел покончить с собой. Но он опять мне помешал.

Стас потерял дар речи: Ове слишком просто говорил о таких недопустимых вещах. Дилану, однако, это было явно не в новинку — потому что он уже собрался и не выглядел таким выбитым из колеи.

— Значит, меня привели в лаборатории и сделали Особенным только для того, чтобы ты продолжал подчиняться Брутусу? — спросил он, и Ове медленно кивнул. Сильвис сжал кулаки: — Мразь...

— Если ты получил доступ к нему, — медленно проговорил Стас, — почему потом, когда научился, не убил его?

— Есть три причины, — Ове растопырил три пальца на правой руке и начал по очереди загибать их. — Во-первых, это было бы слишком просто. Не про его подгнившую душонку. Во-вторых, не так-то легко убить человека, которого ты видишь каждый день, пусть и ненавидишь его. Я много раз представлял себе это, ну, там, убью и сам застрелюсь, только вот... Сделать больно смог бы, да. Чтоб он землю грыз. Но не убить. Ну а третья причина опять же вы. Вас же немедленно пустят в расход — и стоит ли оно того? Я — того стою?

Стас и Дилан переглянулись и промолчали. Ове скрестил ноги и посерьёзнул.

— Впрочем, может, все наши жизни стоят того, чтобы их отдать за смерть Брутуса. Все эти суперидеи — они ведь не Азата. Азат не умеет так глобально мыслить, ему дайте Север — и он будет счастлив. Захват Пикора изобрёл Брутус — хотя сдал Игната и Азат. И, помяните моё слово, он ещё не то придумает. Помните Хаса?

— Сына Азата? — спросил Дилан.

— Да, его самого. Вы не замечаете, но он к нам наезжает всё чаще. Когда шла операция на Пикоре, Палаш дал мне полный доступ к видеонаблюдению за базой — даже за теми комнатами, которые наш царь и бог Брутус, как он думает, отключает от записи. Я за ним уже два года слежу. Когда Азат по полной программе отымел его за провал на Пикоре, он денёк походил злой и хмурый — а потом я наблюдал интересную картину в его комнате. Хас заявился его утешать. Шептал, что прямо здесь и умрёт, если его драгоценный господин не начнёт улыбаться. Пытался даже поцеловать его, но Брутус у нас хоть и по мальчикам, но постарше...

— Хас? — не поверил Стас. — Влюбился в Брутуса?! Ему же двенадцать тогда всего было!

— Я бы не назвал это влюблённостью. Это обожание, идолопоклонство. Азат так и не стал ему отцом, магушка тоже та ещё стерва. Один Брутус был с ним улыбочив и обходителен, вот и получилось. К тому же то, что и Хас серебряный, их сближает ещё больше. Ну а Брутус конечно, не упустит возможности через него добраться до Азата и сделать себя лидером Севера. — Ове презрительно хмыкнул. — По крайней мере, это он мне говорил, когда я пришёл к нему на разборки, с какого это перепугу он заигрывает с мальчишкой. «Это только бизнес, Ове, я люблю одного тебя...» Так я к чему, — он впился в них обоих взглядом. — Мы можем очень подпортить ему жизнь, если будем действовать сообща. И может быть, мир всё-таки не рухнет.

Стас и Дилан опять переглянулись, потом эрбис подтолкнул сильвиса под локоть, и тот, откашлявшись, начал:

— Мне думается, ты слегка преувеличиваешь, Ове. Он, конечно, по отношению к тебе и многим другим ведёт себя как последняя сволочь, да и в его стратегическом гении я не особо сомневаюсь, но без Пикора ничего он не добьётся. Даже если будет война, ГШР и МД его порвут — или Азата. Ну а против всеобщего объединения я лично выступать не собираюсь.

— Даже если твоим господином будет Брутус? — сощурился Ове.

— Ничего хуже того, что уже имеется, даже с ним у нас не будет, — заговорил Стас. — Мы в это ввязались, отступать некуда. Если надо будет прикончить Азата, всегда пожалуйста. Но конкретно Брутус лично мне ничего плохого не сделал. Благодаря ему, в конце концов, я здесь, а не на Пикоре.

— И как он защитил нас... забыл, Ове? — добавил Дилан. — Когда после провала Пикора Азат вызвал нас к себе всех троих и вручил Брутусу три инъектора со спецформулой, которая должна была даже нам сделать больно. Что он сделал? Вколол их все себе. А мог, например, мне...

— Уверен, он сделал это не из любви к тебе, Дилан, — рассердился Ове. — Как вы можете его оправдывать?! Вы не встретите большего зла, он же больной на голову! Он хочет власти, и не кусочек, а весь мир! С чего вы взяли, что при его захвате он пощадит вас?!

— Пока у нас есть только твои слова, — пожал плечами Стас, и вельк поднялся на ноги.

— Я достану вам доказательства повесомее. Пока вставайте в очередь за «милостями» от Брутуса — за мной будете! — бросил он и, хлопнув дверью, покинул комнату.

* * *

— Ну вы и дураки, ребята, — вздохнул Герберт, поочерёдно глянув на Стаса и Дилана, и последний горько усмехнулся.

— Однозначно. Жаль, что понимаешь такое обычно слишком поздно.

— То есть вы были рядом с ним ещё почти полтора года?

Стас кивнул.

— Мы даже не особо возражали против идеи захвата Бельфегора. Втянулись за время войны в это вечное вступление в объединённые отряды ГШР и МД, похитить сына Аспитиса чтобы что-то там, по мнению Азата, у него вытребовать, нам не показалось особо удачной идеей, но кто босс? Неудачу Азат, конечно, опять списал на нашу команду, хотя кто ж знал, что генштабовцы с таким самоубийственным упорством кинутся защищать его. Азат вообще в тот раз так едко проходил по нему, что даже его сыночка едва сдерживался, чтобы не наброситься на папку с кулаками... По рассказам Ове, они с Брутусом очень сблизились, а вот с Азатом совсем разошлись. Подходил Новый год, мы все приехали сюда, Ове с самого начала ходил какой-то жутко сентиментальный, и мы с Диланом всё допытывались, что он такого вспоминает там втихаря. Когда наконец раскололся, рассказал нам про ту ночь в гей-клубе...

— И что же там было? — чуть не подпрыгнул от нетерпения Герберт.

— Его соблазнила барменша, — улыбнулся Стас. — Вплоть до этого откровения мы были абсолютно уверены, что Ове другой ориентации, просто с Брутусом у него не сложилось, — оказалось, он такой же, как мы. Дилан тогда пришёл его забрать, но он распахнулся, и, пока Дилан соображал, что б такого сказать, барменша, по его словам, очень симпатичная велька, утщила его через чёрный ход на улицу. А там уговорила и к себе в квартиру над клубом подняться. Он всё отнекивался, что ему ничего не надо, ни с мужчиной, ни с женщиной, но она сумела на своём настоять. Ове сказал нам, что это был первый раз с одиннадцати лет, когда он почувствовал себя человеком, а не непонятно чем. Больше они, конечно, не встречались, а нам он оказался благодарен за эту глупую шутку...

Хоть какой-то грех с души сняли.

— Это всё здорово, — фыркнул Герберт. — Только почему же всё-таки вы после стольких собственных отнекиваний решили пойти против Брутуса?

— Ове принёс нам интересную видеозапись. Он дождался самого удачного момента: когда мы уже согласились на захват Рэкса Страхова, а потом, утром, — и Аспитиса Пикерова. Потом Брутус уехал в лаборатории подготавливать отряды, забрал с собой Ове — там же был и Палаш, он и сдал хозяина с потрохами. Ове вернулся — без Брутуса — и без предисловий включил нам его разговор с Хасом по поводу этой операции. Брутус рассказывал, что Азаг-то хочет лишь деморализовать армии, заставить сложить оружие, а вот они с Хасом планировали по доставке лидеров ко двору Азата просто убить всех троих — Рэкса, Аспитиса и Азата. А дальше, сами понимаете...

Герберт сдавленно охнул, Джей же лишь заставил себя вдохнуть воздух. Дилан отложил собранный вторично кубик Рубика и, странно улыбаясь, добавил:

— А в конце разговора Хас спросил: «Может, хоть в этот раз ты всё сделаешь сам? Они ведь опять всё испортят! Не понимаю, что ты вообще их рядом с собой держишь! Рассильера вытащил с Пикора — чуть себя не подставил. Ещё это наказание...» Брутус ответил, цитирую: «Рассильер на тот момент был нужен мне для чёрной работы. А инъекции эти двое слабаков могли и не пережить. Бизнес, мой мальчик...»

— Торжествующее лицо Ове надо было видеть, — рассмеялся Стас. — Пришлось извиняться. А потом и сматывать удочки — как только мы узнали все подробности операции. И всё равно чуть не опоздали...

— Раз вы Ове послушали, может, и меня послушаете? — напряжённо сказал Джей. — Всё это необходимо срочно сообщить Рэксу. Нельзя больше рисковать ничьими жизнями!

— Джей, ты просто вынуждаешь нас запереть тебя здесь и сделать заложником, — лениво зевнул Стас. — Вот уж кому-кому, а лидерам — особенно, я подчёркиваю, Аспитису — нельзя о нас знать. А то мир живенько наводнят наши недоделанные копии. Мы сами с ним разберёмся. Нам уже терять нечего.

— Вы не всеильны, Стас!

— Мы так же сильны, как Брутус. Этого хватит. Плюс там Ове. Мы договорились: в критической ситуации он что-нибудь сделает.

— И, простите, какой у вас план дальнейших действий?

— Пока никакого, — эрбис рассеянно почесал бородку. — Мы, откровенно говоря, не ожидали, что это-то нападение переживём... Ну, значит, сначала поищем лабораторию. А потом, когда не найдём, установим дежурство у вашей базы. Брутус ведь всё равно вернётся.

— Вы в курсе вообще, сколько человек уже дежурит у нашей базы? — Джей рассерженно воззрился на него, не веря, что можно столь спокойным голосом рассуждать о столь опасных вещах. Стас заговорщицки подмигнул ему.

— А ты в курсе, на что способны Особенности? Ни одна душа не заметит. Адекватно противостоять Брутусу можем только мы. Выбирай, Джей, с кем ты.

Джей обхватил руками голову и закачался в кресле. Все трое неотрывно наблюдали за ним, пока он не отпустил её и не сказал отрывисто:

— Ладно. Хорошо. Я зря пришёл, меньше знаешь, крепче спишь. И я ещё приду, если вы не против. Будут вам вести с той стороны стены. Кто я, чтобы кому-то указывать, как поступать правильно...

— Ты теперь наш друг, — улыбнулся ему Стас. — Мы справимся. А ты не переживай и

держи ухо востро.

Возвращался домой Джей в совершенно растрёпанных чувствах. С объективной точки зрения ничего предосудительного в сокрытии двух бунтовщиков из команды Брутуса не было: сами они не несли для базы опасности, а то, что Азат рано или поздно пойдёт к детям Рэкса и сыну Аспитиса Брутуса, было понятно и без них. Но на сердце Джея всё равно было беспокойно. Будь власть у него, Адамаса, Миа, Бельфегора и Кристиана просто отправили бы от греха подальше в Канари: нет человека — нет проблемы.

Однако с недавних пор Джей не имел не то что власти — даже права на собственное мнение. И всё, что он мог, это не чинить препятствий таким же безголосым, как он, и, по возможности, обеспечить и им, и вышестоящим достаточно места для манёвра и контроля ситуации. Почему-то же Главнокомандующий не побоялся оставить сына и дочь здесь?

Уснул Джей под утро и буквально через час был разбужен громкими криками из окна. Кажется, это была Дилайла. С гудящей головой Джей выглянул и поразился: он и не заметил ночью, что вся подходная аллея к административному зданию была засажена розовыми кустами с уже распускающимися бутонами.

— Ты на курорт, что ли, приехал, Скотт?! — ругалась Дилайла. — Как ты вообще до этого додумался? Откуда ты их достал? Мы военная база, никаких контактов с гражданскими без разрешения старших!

— Это очень военные розы! — отбивался Скотт, стоящий перед ней в одних лишь цветастых шортах. — Да и что такого, в конце концов? Я их сам привёз! Думаешь, террористы в корнях спрятались? Или в лепестках?

— И где это ты по ночам без разрешения шляешься?!

Не удержавшись от улыбки, Джей закрыл ставню, штору и лёг дальше спать.

Глава 6. Наследник

После публичного извинения отношение всех обитателей базы сразу стало к Адамасу ощутимо теплее — а вот Кристиан как не разговаривал после известия о том, что они остаются доучиваться, так и продолжал дальше. Прежде чем вновь находить себе компанию, необходимо было дождаться, пока кузен перестанет обижаться, и до этого момента Адамас предпочёл побыть один. У него был ещё как минимум день — а кое-кто из будущих связных не присутствовал при его покаянии, и это требовалось исправить.

Речь для Сати Адамас репетировал чуть ли не всю ночь следующего после нападения Брутуса дня и едва смог сосредоточиться на занятиях. Ведший последнюю пару Джей тоже, кажется, сильно не выспался — Адамас терялся в догадках, что заставило его так переживать, неужели то самое понижение в уровне, санкционированное его отцом? И был ли хоть какой-то шанс загладить эту часть его вины? Пообещав себе обдумать этот вопрос, хорон сразу по окончании занятия отправился стучаться к Сати и вечно присутствовавшей там эти два дня Миа.

На его осторожный стук первые несколько секунд ответом была лишь гробовая тишина, и, недолго подождав, Адамас стукнул ещё раз, подавая голос:

— Сати? Это Адамас. Ну, или Матиас. С тобой можно поговорить?

Кто-то там, за дверью, судя по звукам, соскочил с кровати и шумно прошествовал к порогу, но дверь открывать не стал.

— И по какому вопросу? — насмешливо поинтересовалась Миа, явно говорящая в замочную скважину, и Адамас закатил глаза.

— А то сама не знаешь, сестрёнка. Ты Цербером на полставки подрабатываешь? Может, откроешь дверь и оставишь нас двоих наедине на десяток минут?

— Нет уж, братик, больше ты с ней наедине не останешься, даже на секунду, — фыркнула Миа.

— Я просто хочу извиниться! Имею я на это право?

— О, конечно. Изложи всё, что желаешь сказать, на одном листке — я подчёркиваю: одном — и просунь под дверь. Мы ознакомимся и дадим тебе знать о возможности очной ставки.

— Ты издеваешься?! — рассердился Адамас. — Или боишься, что, как только Сати перестанет нуждаться в твоих услугах доморощенного психотерапевта, тебя в момент отсюда вытурят? Так это уже удержание заложника!

— Святые ангелы, что ты несёшь? — вздохнула Миа, а хорон уже слышал, что Сати тоже подходит к двери.

— Позволь, Миа, — различил он и почти перестал дышать, чтобы не пропустить ни слова. — Адамас, слушаешь? Твоих письменных извинений будет вполне достаточно, разговаривать с тобой я не хочу, понятно? Впрочем, можешь вообще не тратить чернила. Чтобы я тебя простила, должно случиться что-то поважнее, чем твои жалкие попытки выставить себя хорошим. Завтра я уже присоединяюсь к группе и искренне надеюсь, что ты не будешь меня преследовать. Свободен.

— Но... — попытался возразить обескураженный Адамас, однако Миа прервала его.

— Свободен, оглох там, что ли? — сурово сказала она, и хорон отступил от двери.

Развернувшись, чтобы пойти к выходу из здания, неожиданно для самого себя Адамас

чуть не столкнулся с торопящимся явно в сторону кухни Скоттом, их новым поваром, мокрым с ног до головы.

— Женщины, — закатил глаза терас, попутно хлопнув оторопевшего хорона по плечу. — Не бойсь, отойдёт. Они все отходят рано или поздно.

— У нас на территории где-то есть бассейн? — недоуменно моргнул Адамас.

— У нас есть шанг и взрывные женщины, — подмигнул ему Скотт и исчез за поворотом. Пожав плечами, Адамас двинулся на улицу — а вернее, искать Бельфегора.

От Дилайлы Адамас точно знал, что Беккер уже в сознании и даже доступен для посещения, а Бельфегор был единственным на их территории незанятым старшим, которого можно было попросить свозить его в город в больницу. Почему Аспитис даже после своего визита оставил сына здесь и что такого произошло между ними, что черноволосый хорон стал ещё мрачнее, чем был до него, Адамас был не в курсе, но отчего-то после своего «перерождения» испытывал к нему искреннее сочувствие. Поездка, пусть и недолгая, могла хоть немного развеять Бельфегора — если, конечно, он не откажется, как Миа, пускать его к Беккеру после того, что Адамас с ним сделал.

Всё произошедшее казалось ему дурным сном, хотя эти два дня он только и делал, что заглаживал его последствия. Словно тогда, в Новый год, преступно вёл себя не Адамас, а кто-то ещё, какая-то совсем малая его часть — ведь как бы до этого он ни бунтовал и ни дерзил взрослым, даже он прежний не мог совершить того, что совершил в ту роковую ночь. Бросив ещё тогда попытки разобраться в себе и ответить на терзавшие его вопросы, Адамас предпочёл принять именно эту мысль за аксиому: он ответственен за того себя, но более им не является и никогда не был им в полной мере. Оставалось только сделать так, чтобы и остальные в это поверили. Как, например, отец, которому даже толком не пришлось ничего объяснять.

Бельфегор нашёлся на заднем дворе своего барака — Адамас ранее не заглядывал туда и был удивлён, увидев, что и там устроено некое подобие спортплощадки. Конкретно в этот раз стояла деревянная круглая мишень, в которую отошедший на достаточное расстояние сын Аспитиса сосредоточенно метал ножи. К счастью, Адамас сразу зашёл с той стороны, где находился хорон, а не мишень, и потому успел остановиться почти у самого края барака.

— Бельфегор? — осторожно спросил Адамас, и хорон, с оставшимся в ладони последним ножом, обернулся. Глаза у него были холодные и как будто полумёртвые.

— Внимательно слушаю, Страхов, — сухо отозвался он, выжидательно глядя на Адамаса. Тот нервно хмыкнул.

— У меня вообще-то имя есть. Или, может, мне к тебе обращаться на «вы» и по званию?

— Ты пришёл выяснять этот вопрос?

— Этот тоже было бы неплохо выяснить. Но попозже. Сейчас я хотел спросить, не сможешь ли ты...

Адамасу не дали закончить: с правой стороны от него будто из ниоткуда появилась рассерженная Миа. Хорон осёкся на полуслове, и она тут же напустилась на него:

— Я не ищейка, выискивать тебя по всей базе! Куда ты так быстро слинял? Аудиенция у Его Высочества? — она ткнула тонким пальцем в сторону ошеломлённого Бельфегора, выражение лица которого уже немного походило на человеческое, и Адамас кашлянул.

— Вообще это наш преподаватель, можно и повежливее.

— Тоже мне преподаватель, — пренебрежительно хмыкнула Миа и, шагнув к хорону, отобрала у него нож, почти сразу не глядя запуская его в мишень. Адамас и Бельфегор с

одинаковым изумлением воззрились на нож, оказавшийся чётко в центре мишени, а девушка уже схватила своего брата за локоть. — Ну что, ты запомнил, как правильно? Теперь пошли, мне с тобой поговорить надо!

— А мне с Бельфегором поговорить надо, — выдернул руку Адамас. — Ты меня прогнала уже, обойдётся. Вечерком я тебя разыщу.

— Можете переговорить здесь, — хмыкнул Бельфегор, приваливаясь плечом к стене барака и складывая на груди руки. — Я подожду своей очереди, мне не к спеху.

— Вот уж любитель семейных разборок, — Миа усмехнулась и, полностью повернувшись к Адамасу, который уже мысленно клял себя за то, что сначала решил зайти к Сати, гневно сощурилась. — Мне интересно, как ты объяснишь своё поведение, брат. Вчера вышел на публичное покаяние, сегодня стучался к Сати. К чему это?

— В смысле? — не понял Адамас. — Это первая причина, по которой я упросил отца меня здесь оставить. Мне нужно хоть немного загладить вину...

— О, правда? Знаешь, как я это называю? Самопиар! Ты просто проверяешь, насколько люди готовы тебе верить! Только я-то тебя как облупленного знаю, — Миа угрожающе подступила к нему, и Адамасу ощутимо стало не по себе. — Ты перед взрослыми-то никогда не извинялся, хоть определённое уважение к ним отец в тебя и вдолбил. Что уж говорить про сверстников, да ещё и детдомовцев, да ещё и публично?!

— Ты хочешь сказать, что я всех обманываю?.. — оторопел хорон. — Но зачем бы мне это понадобилось?

— В очередной раз доказать себе, что ты можешь обвести вокруг пальца кого угодно, не только искательниц приключений из ночного клуба! Отец-то тебе тоже поверил, вот только меня ты не обманешь. Делай что хочешь, мне без разницы. Но подойдешь к Сати — по любой причине, — мало не покажется. Вопросы?

— Ты жуть какая нелогичная, — Адамас покачал головой, приходя в себя. — Если ты считаешь меня такой сволочью, зачем выступила на моей стороне, когда я попросил отца меня здесь оставить?

— Да затем, что я не хочу, чтобы Сати из-за тебя перестала доверять мужчинам и плохо думала о Страховых. Мне не привыкать разгребать за тебя проблемы. И будет очень мило с твоей стороны, если ты постарайся не создавать новых!

— Ты правда считаешь, что я не сожалею?

— Люди за одну ночь не меняются, Адамас, — процедила сквозь зубы Миа, неотрывно глядя на него, и хорон, перенимая её настроение, вкрадчиво поинтересовался:

— В самом деле? А может, тогда расскажешь мне, куда делась та моя ревнивая и вздорная сестрица, которая восемь лет назад так подставила меня перед отцом, что я решил сбежать из дома?

Это был удар не в бровь, а в глаз, и Миа, спадая с лица, отшатнулась от него. Адамас поощрительно похлопал её по плечу.

— Не переживай, это, очевидно, семейное. Поругались, и хватит, правда? Иди ещё поуспокаивай Сати, по-моему, ей пока немножко недостаёт ненависти ко мне — явная твоя недоработка.

Однако эта его фраза ушла в молоко: Миа уже восстановила самообладание. Сделав брату ручкой, а наблюдавшему за ними Бельфегору отвесив издевательский поклон, хорони развернулась и неторопливо двинулась обратно к зданию администрации. Адамас молча смотрел ей вслед, переваривая всё услышанное, и вздрогнул, когда Бельфегор нарушил

тишину.

— Так что ты от меня хотел, Адамас? — как будто насмешливо осведомился он. Адамас смущённо улыбнулся.

— После того, что моя сестра тут наговорила, наверное, нет смысла просить...

— О чём?

— Я хотел съездить к Беккеру в больницу. Но теперь и ты сочтёшь это самопиаром.

— Если я никому не скажу, пшик выйдет, а не пиар, — хмыкнул Бельфегор, отступая от стены. — Поехали. Когда?

— Было бы здорово сейчас, — у Адамаса отлегло от сердца. — У него как раз приёмные часы. Тебе же вроде предоставили машину?

— А то как же. Принц — и без кареты... Пошли, — Бельфегор махнул ему рукой, чему-то едва заметно улыбаясь. Адамас благодарно кивнул и следом за ним двинулся от барака к парковке.

У машины их уже ждали — Бельфегор затормозил в нескольких шагах от стоящих с двух сторон от автомобиля близнецов Шштернов.

— Мы с вами, — предупредил его вопрос правый из них, и Адамас усмехнулся.

— Из ниоткуда берушихся терасов на этой базе становится уже слишком много. Вы следили, что ли, за нами?

— Нет, просто были неподалёку и случайно всё слышали, — левый терас что-то щёлкал в телефоне. — Кстати, уже посмотрели путь до больницы. Тебе скинуть, Бельфегор?

— Вы меня просто изумляете, — признался тот, переводя взгляд с одного на другого. — Как вас сегодня различать?

— У Доминика цепочка, — отозвался тот же терас, кивая на брата.

— И зачем вам ехать с нами?

— Развлечём тебя, пока Адамас будет беседовать с Беккером, — ответил Доминик, и Десмонд добавил:

— И сами развлечёмся. А то тут тоска смертная.

— Как знаете, — пожал плечами Бельфегор и щелчком брелока снял со своей новой чёрной легковушки сигнализацию. Близнецы синхронно открыли себе дверцы задних мест, а хороны пошли занимать передние.

С момента выезда с базы Десмонд руководил их маршрутом, и путь до больницы прошёл под его указания. Адамас, правда, почти не обращал на него внимания: раньше он не думал, что мог бы сказать Беккеру, и сейчас было не так уж много времени, чтобы это решить. Доминик тоже сидел тихо, но дверцу машины после остановки возле больницы открыл первым, и Адамас увидел, что как раз отстёгивающий ремень безопасности Бельфегор вздрогнул: он, похоже, и забыл, что они тут не втроём, а вчетвером.

В холле больницы Адамас сразу отошёл к стойке регистрации, чтобы подробнее узнать про Беккера, и Бельфегор с сопровождающими сели на пластиковые стулья для посетителей максимально далеко от тех немногочисленных присутствующих в холле, что оказались вместе с ними в больнице в этот вечер.

— Отличная возможность наконец с вами пообщаться, — недобро улыбнулся хорон сразу обоим терасам, устроившимся напротив него, и те переглянулись.

— На тему? — поинтересовался Доминик, а Десмонд обернулся на уже спешащего к ним Адамаса.

— У меня к вам накопилось слишком много вопросов с этого нападения... Ну что там,

Адамас?

— Пойду к нему, — доложил приблизившийся хорон. — Вы тут будете?

— Куда мы денемся, — хмыкнул Бельфегор и, когда Адамас, махнув им рукой, направился к лестнице, опять сосредоточил всё внимание на терасах. — Итак, начнём? Готовы отвечать?

— Какая-то неподходящая атмосфера для столь серьёзного допроса, — усмехнулся Десмонд. — Не хватает наручников и яркой лампы в глаза.

— Тут все свои, обойдёмся без наручников. Поехали. Я видел, как вы сражались с захватчиками — отец явно натаскивал вас лет с шести. И я постоянно вижу вас либо возле себя, либо там, где происходит что-то интересное. Делаю вывод: вы моя охрана и шпионы моего отца. Верно?

— Ну почти, — не стал отпираться Доминик. — Только изначально мы отчитывались своему отцу, а уже он Мессии. Сейчас, сам понимаешь, обстановка несколько поменялась.

— И какое у вас конкретно задание?

— Конкретно никакого. Всё общее. Наблюдать за базой и теми, кто на ней живёт. Помогать тебе по возможности. Мы ведь оказались хорошим подспорьем, когда все рухнули спать под газом, а?

— Несомненно, — Бельфегор откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу. — Отсюда возникает следующий вопрос. Мессия предполагал, что на базу будет нападение? Или подозревает кого-то из преподавателей в предательстве? Зачем вы здесь, на абсолютно нейтральной территории? Остальные трое — зачем?

— Чтоб тебе скучно не было, — закатил глаза Десмонд. — Ну как бы ты тут в одиночестве жил, представляешь себе вообще?

— А от вас всех какой толк? Ни за что не поверю, что отец послал сюда вместе со мной, штрафником, ещё пятерых одарённых гвардейцев — или будущих гвардейцев, — чтобы те меня развлекали. Вас никого и не видно целыми днями, клоуны из вас так себе...

— Зато тебе не скучно, вон, загадки разгадываешь, — широко улыбнулся ему Десмонд, и Доминик продолжил:

— К тому же, конечно, он предполагал нападение или что-то подобное: эта база слишком лакомый кусочек для «Аркана», особенно после того, как на ней ещё и Страховы появились. Охрана всегда может продаться — мы вот до сих пор так и не знаем, кто навёл сюда Брутуса. А Аспитис всегда был перестраховщиком. Тем более по отношению к тебе.

— Смешно, — хмыкнул Бельфегор, напряжённо размышляя. — Вечно опасается, что я что-нибудь запорю... То есть вы вообще за всем следите?

— Ну конечно, — кивнул Десмонд. — Сейчас стало весело, с появлением этого Скотта. По нашим подсчётам, Дилайла отвергла его ухаживания за эти два дня уже десять раз. Упорный он.

— Да вы тоже те ещё... Я вот только не понял. То, что в лесу творил Адамас, вы, очевидно, наблюдали с самого начала. Почему не вмешались, когда ещё можно было спасти и Сати, и Беккера?

Близнецы опять переглянулись и одновременно пожали плечами.

— Это не в наших полномочиях, — сказал Доминик. — Мы просто наблюдатели. Мы увидели, что они задумали, и пошли докладывать тем, кто имеет власть.

— При чём здесь полномочия? Чисто по-человечески... — Бельфегор осёкся. — «Они»? Адамас был не один?

— Как бы да, — скучающе отозвался Десмонд. — Сати держал Кристиан. Он сбежал, когда Адамас схватился с Беккером, я видел краем глаза. Но, поскольку он кузена решил не сдавать, как и Сати, я тоже решил оставить это на его совести.

— Выборочно вы как-то докладываетесь, — Бельфегор почувствовал себя совсем запутавшимся.

— Скажем так, Страховы сами за себя. Пока не представляют для тебя или нашей организации опасности.

— Могу я рассчитывать, что отныне обо всём подозрительном вы в том числе будете сообщать мне?

— Договорились, — кивнул Доминик. — Хочешь послушать про Миа?

— Она делает что-то подозрительное? Мне казалось, эти два дня она просто настраивает Сати против своего брата...

— Ты сильно ошибаешься, — подмигнул Десмонд, и хорон воззрился на него в недоумении. — Как раз наоборот. Это раз...

— В смысле, наоборот?!

— В смысле, что Миа только и делает, что убеждает Сати в том, что Адамаса просто сорвало и на самом деле он хороший. Цитирую: «Все имеют право на ошибку». У неё это выходит до удивления завуалированно, исподволь, но пока на Сати не очень действует. Хотя по итогу можно будет надеяться, что она хотя бы не будет смотреть на него с ненавистью, а просто забудет. Не знаю, имеет ли это отношение к заботе Миа о репутации Страховых, но брата она покрывает однозначно.

— Кто бы мог подумать. При мне она костерила его на чём свет стоит.

— Странно было бы, если бы она этого не делала. Уж на всякий случай точно должна была пройтись.

— Ясно...

— Ну а ещё тебе наверняка интересно, что она думает о тебе, — тон Десмонда стал заговорщицким, и Бельфегор торопливо возразил:

— С чего бы?

— Брось, мы видели, как ты на неё смотрел за завтраком и обедом, — усмехнулся Доминик. — Кусок в горло кое-кому не лез. Хочешь послушать?

— Они серьёзно разговаривают обо мне?

— А о чём ещё разговаривать девушкам в той ситуации, в которой они оказались? Только её мнение тебя не обрадует, — Доминик извлёк из кармана телефон. — Стандартная характеристика — «ледяной принц». Также Миа считает, что ты чересчур уж зависим от отца: куда пошлют, туда и пойдёшь, и не имеешь собственной головы на плечах — а потому не представляешь из себя ровным счётом ничего. Цитирую: «Был бы он клоном Аспитиса, было бы хоть какое-то спокойствие за судьбу МД, а то ни рыба ни мясо, только и умеет, что дуться на папочку вместо того, чтобы...»

— Хватит, — оборвал его Бельфегор. — Я понял.

— Зато она считает тебя симпатичным! — вмешался Десмонд, явно желающий хоть как-то скрасить произведённое братом впечатление. Хорон скривил губы.

— Уже без разницы...

— Но она совсем тебя не знает. Я лично мог бы поспорить по каждому пункту. Думаю, если ты попробуешь с ней поближе пообщаться, она изменит своё мнение.

— А я бы не советовал, — хмыкнул Доминик, убирая телефон обратно. — Было бы ради

кого. Девушка-то явно чересчур высокого о себе мнения. С такой проблемой не оберёшься.

— Спасибо за советы, — отрешённо отозвался Бельфегор, не испытывая более никакого желания общаться с терасами. Он посмотрел в сторону лестницы и неожиданно для самого себя с радостью увидел сбегающего по ней Адамаса.

Близнецы тоже уже обернулись, лица их — у одного сочувствующее, у другого как будто злорадное — одновременно приобрели выражение приветливое и вместе с тем привычно внимательное. Адамас приблизился к ним, и Бельфегор спросил:

— Ты так быстро?

— Ему пока нельзя долго разговаривать, — улыбнулся хорон, выглядящий куда более счастливым, чем когда они вошли в больницу. — Если ты будешь не против, мы можем ещё съездить, недели через две.

— Обращайся, — кивнул Бельфегор и встал. — Тут вон недалеко кафетерий. Может, по кофе, и ты мне расскажешь, как всё прошло?

— Ну, если тебе в самом деле интересно... — Адамас пробежался взглядом по лицам всех троих и подмигнул терасам: — Только за разными столами, окей, господа Шштерны?

— Да без вопросов, — фыркнул Доминик.

Спустя пять минут они уже сидели в полупустом кафетерии: хороны отдельно, терасы отдельно, перед каждым по стакану — у кого кофе, у кого чай. Бельфегор, принципиально пьющий чёрный кофе без сахара, глотнул обжигающе-горького напитка, по вкусу совсем неплохого для больницы, и спросил у Адамаса, рассеянно крутящего на столе ложку:

— Что тебе сказал Беккер?

— Что он знал, что я приду, — отозвался хорон. — И знал, что на Новый год я обязательно устрою что-нибудь Сати, поэтому следил за нами с самого начала, просто в лесу ненадолго потерял. Этому человеку пора в экстрасенсы, он пугает меня своей догадливостью.

— Беккер просто очень наблюдательный и явно уже знает о тебе больше, чем ты сам. Ты попросил прощения?

— Ну я как бы ради этого приходил. Спасибо, хоть он меня не выгнал. Сказал, что прощает. Что у всех бывает, просто каждого срывает по-своему. Типа, не убил — и слава ангелам.

— Ну-ну, — хмыкнул Бельфегор. — Если бы не Шштерны и не я, кто знает...

— Я в курсе, — Адамас поднял на него чёрные глаза. — Мне и Беккеру очень повезло, что вы на базе. Хотя сама идея вот этой слежки меня не радует.

— Ты знаешь, что они следят?..

— А как они ещё в лесу оказались? Погулять вышли? Они беззащитно палятся, но им простительно, так как всё равно никто никогда не знает, где они появятся в следующий раз. А ты не в курсе?

— Скажем так, я не очень об этом задумывался, — замялся Бельфегор. — Я вроде как командир, а они все подчинённые, не мешают остальным, и ладно. После Нового года у меня, конечно, появились вопросы, да и то...

— Ты поразительно равнодушный для человека столь высокого чина, — усмехнулся Адамас, и Бельфегор разозлился.

— И что же ты нашёл в нём такого высокого? У нас с тобой тут почти одинаковые права, за исключением разве что преподавания и поездок в город. Мы оба штрафники, только ты отныне по собственному желанию, а я всё так же по принуждению.

— Тебя отец сослал сюда... в наказание? За что?

— За то, что позволил диверсантам во главе с Брутусом перебить весь мой отряд и вынудил гэшээровцев меня защищать, — Бельфегор в сердцах одним глотком допил кофе, даже не ощутив ожога. — Да только что-то мне подсказывает, что на этот раз отец точно посадил меня сюда в качестве живой приманки для Азата и его собак. Брутус обретается где-то неподалёку, вряд ли его отряд пришёл за неполный день через горы, как только стало известно про приезд твоего и моего отцов. Да и изначально расчёт наверняка был на то, что он снова придёт за мной и тогда моя охрана его поймает. Пожертвовать и мной, и базой — вполне в духе Мессии-Дьявола.

— Серьёзно? — усомнился Адамас. — Не очень складывается. Я скорее поверю, что он попытался тебя здесь уберечь. Если бы он знал, что враги рядом, всего пять человек он бы с тобой не отправил.

— А это для прикрытия. С Брутусом не было бы такого огромного количества солдат — и полного захвата базы, — если бы он пришёл за одним мной. Отличный шанс вызвать волка на флажки. Тем более, прости, «уберечь»? Ты плохо знаешь моего отца.

— Это ты, наверное, его не знаешь, — Адамас отпил кофе и скривился. — Не может быть, чтобы он настолько тебя не любил, чтобы вот так легко отдать тебя врагам с вероятным расчётом на то, что тебя спасут в последний момент.

— Он никого не любит. Я ничего не значил для него, даже когда чуть не погиб и был единственным живым свидетелем смерти мамы, — Бельфегор ощутил, как не отпускающая его обида на отца сдавливает его горло и голос становится надтреснутым. — Ратовавшим за то, что твой отец не был виноват в её смерти. Он не послушал и не поверил. Он верит только себе, и люди для него лишь разменные фигуры на доске.

Он увидел, как Адамас напрягся, и в глубине души удивился: неужели он не знает подробностей этого рокового столкновения своего отца — последнего с МД в качестве настоящего союзника?

— А как... там всё было? — тихо просил Адамас, и Бельфегор без сопротивления забрал у него чашку, чтобы смочить горло.

— Странно, что ты не в курсе. Мы с мамой и нашим телохранителем по случайности оказались в той лаборатории, куда твой отец с командой пришли за зебастиановским шпионом, на которого его навёл мой отец. Раскрытый шпион кинулся в нашу сторону, и Рэкс выстрелил по нему очередью, чтобы остановить его. А наш телохранитель под эту очередь толкнул мою мать вместе с собой. Всё. Они погибли на месте, шпион сбежал, а отец посчитал, что Рэкс это всё подстроил, чтобы деморализовать его и постепенно подчинить себе МД. Я был на том их совете. Защитникам Рэкса — командиру гвардии Цезарк Шшгерну, своему старейшему другу и главному советнику Бертелю Литых, приближённой Сэре Альиных — он верить не стал, и союз с ГШР скоростижно скончался. По моему мнению, Рэкс оказался заложником обстоятельств, но правду, очевидно, знает только он и — или — тот, кто его подставил, чтобы не случилось ожидаемого объединения двух организаций, — закончив, Бельфегор допил кофе и в ожидании уставился на своего визави — тот, кажется, ошеломлённо переваривал услышанное.

— Что ж, — наконец сказал Адамас, — теперь мне, по крайней мере, понятно, почему ты считаешь своего отца бессердечным. Жаль, я правды не знаю, никогда не интересовался, а теперь и спросить не у кого. Но почему ты позволяешь ему так помыкать тобой? Тебе двадцать три, не шестнадцать, как мне, ты уже выучился, имеешь звание, не последний

человек на войне...

— А кто у меня есть-то кроме него? — горько усмехнулся Бельфегор. — Да даже его у меня нет, со смерти матери моим воспитанием по большей части занимались его телохранитель Энгельберт со своей женой Сэрой. К тому же, знаешь, я, как и его женитьба, были лишь способом закрепиться на посту. Сомневаюсь, что он жену-то любил, что уж про сына «по расчёту» говорить. Я стараюсь соответствовать его ожиданиям, но они такие завышенные и непонятные, а он никогда ничего не объясняет...

— Как я тебя понимаю, — скривил губы в усмешке Адамас. — Мне отец тоже не считает нужным ничего объяснять, вроде как я не пойму. И я бы посоветовал тебе просто нормально поговорить со своим, если бы мне самому это хоть раз помогло...

— Вот я и молчу. Не вечно же тут прохлаждаться. А потом война кончится, и, может, у него наконец найдётся для меня время — и слова. Пусть хотя бы чётко обозначит свою позицию, чтобы я успокоился, если не нужен, так хоть буду точно это знать. Но тебе, я думаю, будет проще.

— Ну да, конечно! — Адамас нервно рассмеялся. — Ты уже познакомился с большей частью моей семьи. Отец унизил меня перед всеми — ну ладно, сам виноват. Сестра мне не верит. Беседовать с ними одно удовольствие!

— Сестра у тебя интересная, — весело подметил Бельфегор, нащупав почву и одновременно с облегчением отстраняясь от предыдущей неприятной темы. — Её парню не повезло: указывают, как жить, небось каждый день.

— Нет у неё парня, не нашлось несчастных, — отмахнулся Адамас и хитро глянул на собеседника. — Можешь попробовать им стать, если уж она тебе так понравилась. Я был бы не против, если бы вы встречались, но за неё не ручаюсь.

— С чего ты взял, что она мне понравилась?

— Да ты с неё глаз не сводишь. Согласен, Миа очень симпатичная девушка. Только характер держите четверо, говорю как источник, знакомый с ситуацией. Не сильно-то она поменялась за восемь лет, хотя после моего побега и стала добрее — точнее, совесть проснулась.

— И далеко ты убежал в восемь-то лет? — хмыкнул Бельфегор.

— До вокзала, но отец вернул обратно. Слушай, а ты-то мне веришь, что я раскаиваюсь в том, что сделал с Сати и Беккером? — взгляд Адамаса стал внимательным и острым, и Бельфегор успокоительно улыбнулся ему.

— Стал бы я тут с тобой откровенничать, если бы не верил. Слишком я наслышан про вашу семейную гордость, ты не стал бы публично унижаться даже ради обмана и каких-то далекоидущих планов. Хотя и до этого ты мне нравился больше твоего кузена. Почему ты не сдал его как соучастника?

— Настучали тебе всё-таки Шштерны... Да потому, что я за всё ответственен, и точка. Даже обсуждать не хочу. Кстати, — Адамас, только что обернувшийся на близнецов, усмехнулся, — они нам недвусмысленно намекают, что кофе кончился и пора бы домой. Пошли, что ли?

— Пошли, — Бельфегор поднялся. — Знаешь, это, наверное, судьба, что мы с тобой одновременно оказались в одном месте. Непримириемые лидеры благодаря этому впервые пообщались лично за пятнадцать лет — может быть, вновь появится шанс на объединение. Было бы замечательно, если бы ГШР и МД перестали воевать друг с другом и управляли миром вместе.

— Пожалуй, — признал Адамас и тоже встал. Шптерны уже направлялись к ним, и на сегодня откровений Бельфегору было даже слишком много.

По возвращении Бельфегора почти сразу поймала Табита и вручила новый лист с расписанием занятий без права обжалования. Изучив его за своим столом, хорон осознал, что у него назрела проблема, требующая скорейшего решения, и имя ей было Миа. Со следующего дня часть его свободного времени должна была быть посвящена ей — по крайней мере, в том, что касалось проведения учебных стрельб и обучения обращению с некоторыми иными видами вооружений, — а поскольку, закрывая глаза, он с момента их первой встречи в баре только и видел, что её точёное личико, с их возможными взаимоотношениями нужно было разобраться до первого занятия.

Бельфегору не была свойственна рефлексия: ещё в детстве, осознав, что от переживаний по поводу прошлого, будущего или самого себя в окружающем мире ровным счётом ничего не меняется, он научился не обращать внимания на события вокруг, которые не относились прямо к его жизни или не зависели чётко от его мнения. Так было, например, с отцом, вечно слишком занятым и самоуверенным, чтобы слушать кого-то в собственном окружении; с обучением и участием в войне: каким бы хорошим командиром Бельфегор ни был, он так или иначе выполнял чужие приказы; даже со Шптернами: не уловив явной нелогичности в поведении отца, отославшего его сюда в наказание, но со свитой, хорон так и не обращал бы внимание на то, что они делают в лагере. Однако, если возникшая проблема чему-то мешала, а он мог это исправить, Бельфегор отбрасывал в сторону все сомнения, строил план действий и немедленно ему следовал.

Без понимания, как на самом деле относится к нему девушка, которая не шла у него из головы, Бельфегор вряд ли смог бы правильно проводить с ней занятия (да и постараться забыть о ней, чтобы не отвлекала), поэтому он отправился к ней выяснить это самое отношение почти сразу, как только закончился его последний урок с курсантами — за час до обеда следующего дня после визита к Беккеру. Сати уже вернулась в женский барак, и отныне их общую с Миа комнату занимала одна только дочка Страхова — если она отошлёт его, по крайней мере, никто об этом не узнает.

Бельфегор уже вывернул в коридор, ведущий к её комнате и, через поворот, к кухне, когда увидел, как за Миа закрывается дверь. Удачно: очевидно, зайдя он на десять минут раньше, мог её и не застать. Остановившись перед дверью, Бельфегор выдохнул и постучал.

Миа открыла чуть ли не в ту же секунду, и Бельфегор в очередной раз ощутил, как при взгляде на неё у него невольно перехватывает дыхание. Однако чувство явно было не взаимным: заведя его на пороге, хорони скривила губы, тут же выражая ими вежливую и едва-едва насмешливую улыбку, и с лёгким поклоном поинтересовалась:

— Ваше Высочество? Чем могу быть полезна?

— Тебе определённо доставляет удовольствие насмешничать надо мной, — миролюбиво хмыкнул Бельфегор, старающийся пока ничего не принимать близко к сердцу. — Можно войти?

— Ну войди, ты ж не доставщик пиццы, чтобы тебя на пороге держать, — Миа отступила, шире открывая дверь, и он шагнул в комнату. На небольшом столике у окна дымилась чашка с кофе, окружённая тремя вазочками с различным печеньем, и хорони, явно соскребая с души остатки гостеприимства, предложила: — Кофе?

— Сказала бы, что занята, я бы зашёл попозже, — отрицательно мотнул головой Бельфегор. Пожав плечами, Миа отошла к столику, опустила на стул, протягивая длинные

и стройные ноги в светлых обтягивающих джинсах, и поинтересовалась:

— А с чем пришёл-то?

— Хотел кое-что узнать, — собрался с духом Бельфегор.

— Надеюсь, не по поводу моего брата? Страховы своих не сдают, имей в виду.

— Ты напрасно считаешь меня вашим врагом, хотя мне и понятно почему. Я хотел поговорить о тебе.

— Обо мне? — Миа закинула ногу на ногу, отпила кофе и потрянула чёрно-белой головой. — И что ты обо мне хотел узнать?

— Мне доподлинно известно, что сегодня вечером никаких занятий у тебя нет, — Бельфегор чуть не запнулся, но смог с собой справиться. — Приглашаю со мной съездить в город. Куда пожелаешь. В кино, кафе, парк. Что скажешь?

Миа вскинула одну, левую бровь, поставила на стол локоть, этой же рукой подпёрла голову, чтобы взгляд исподлобья и искоса получился максимально эффектным, и любопытствовала:

— И многие девушки на такой подкат покупаются?

— Не понял? — растерялся Бельфегор. Секунд пять Миа пристально смотрела на него явно пытаясь определить, что он вложил в эту фразу, потом прыснула со смеху.

— Зато мне всё понятно. Ладно, забей. Ты зовёшь меня на свидание?

— Это не очевидно?

— А с чего ты взял, что я соглашусь?

— Я ничего ниоткуда не брал, — терпеливо разъяснил хорон. — Я просто спросил и жду твоего ответа.

— Ты думаешь, раз я приехала сюда одна, пойду проветриваться с первым, кто предложит?

— Ничего я не...

— И правильно. Не пойду, — Миа опять рассмеялась, только на этот раз — куда обиднее, и ткнула в его сторону тонким пальцем. — Тем более с тобой. Что ты о себе возомнил, принц? Думаешь, раз ты сын Мессии-Дьявола, любая девушка — твоя, только свистни?

— Откуда у тебя в голове такие мысли?! Я лишь предложил. Я был бы не против познакомиться с тобой поближе, потому что ты мне симпатична, но, если ты не хочешь...

— Всё, хорош оправдываться, — она презрительно сморщила нос. — Пытаясь выглядеть лучше, чем ты есть, ты выпячиваешь свою никчёмность ещё больше. Папочка тебя надоумил ко мне подкатить? Сам бы наверняка не додумался, Твоё Высочество...

Бельфегор, на фоне общего непонимания ситуации только что ощутивший, как ему в сердце вонзили фигурный нож и в пару поворотов вырезали там розочку, взял себя в руки и подошёл к её столу, холодно глядя на Миа сверху вниз.

— Очевидно, умение разбираться в людях от Рэкса передалось не всем его детям, — заметил он и, достав из-за пазухи папку, а оттуда листок, положил его перед смотрящей на него с вызовом хорони. — Жду вас в четыре на занятие, принцесса. Моё почтение.

Отвесив ей примерно тот же издевательский поклон, которым она наградила его вчера после разговора с Адамасом, Бельфегор развернулся и, более не оглядываясь, вышел из комнаты, закрывая за собой дверь. Ему нужно было хотя бы несколько секунд, чтобы окончательно прийти в себя, однако ему не дали даже их: как по заказу, из-за угла к хорону вырулил чему-то улыбающийся Скотт, и в следующий миг Бельфегор обнаружил, что его

уводят от комнаты Миа, обнимая за плечи.

— Какая, однако, популярная комната на недобрых девчонок, — терас усмехнулся. — Всё жду, когда туда зайдёт Дилайла, чтобы и я получил там от ворот поворот. Можно будет тогда смастерить для неё табличку и приглашать людей за деньги порывать надоевшие отношения.

— Ты знаешь, Адамас прав: из ниоткуда возникающих терасов становится слишком много, — заметил Бельфегор, попытавшись осторожно вывернуться из-под его руки, но не преуспев в этом. — Куда ты меня ведёшь?..

— Тебе явно не помешала бы помощь психолога в этот трудный час, — подмигнул ему Скотт, из гостиной поворачивая в сторону жилых комнат. — Да и Джей сегодня какой-то нервный, вы друг друга нейтрализуете, и всем будет счастье.

— Моё мнение тебя, похоже, не интересует?

— Ты против? — кажется, он искренне удивился. Бельфегор тайком оглядел его с ног до головы: опять оделся, как будто прямо сейчас пойдёт играть в дворовый футбол с беспризорниками, и вкрадчиво спросил:

— Скотт, а что ты тут вообще делаешь? Ты вроде живёшь в помещениях рядом со столовой, как и весь рабочий персонал, к тому же до обеда всего-ничего осталось.

— О, да у меня стрелка с твоим коллегой по обители зла, хотел застать его врасплох, но, кажется, тут его нет, — они остановились у приоткрытой двери в комнату Джея, и Скотт, понизив голос до театрального шёпота, доверительно сказал хорону: — Представляешь, этот пеланн отчего-то вбил себе в голову, что Дилайла — его девушка, а я пытаюсь сделать его третьим лишним. Как бы, типа, ничего, что мы терасы, а он пеланн, на кого будут дети похожи?.. Ну, всё, поболтайте, вам полезно!

Бельфегор даже не успел заметить, как терас распахнул дверь. Он вдруг обнаружил, что стоит посреди комнаты Джея, больше похожей на казарму, Скотта из коридора и след простыл, а устроившийся за своим столом в окружении кипы листов хозяин комнаты недоуменно смотрит на него.

— Прости, меня тут занесло... пятнистым ветром, — виновато улыбнулся Бельфегор.

— Да, кажется, я видел какой-то вихрь, — согласился Джей. — И зачем он тебя принёс?

— Развеяться, — хмыкнул черноволосый хорон. — Но вообще у меня к тебе другое предложение. Чтобы Скотт не думал, что только он подслушивает интересные разговоры, не хочешь проследить за его стрелкой с Эрихом?

— То ещё будет зрелище, — Джей с готовностью встал, и Бельфегор заметил, как дрожат его руки, когда он откладывает в сторону листки. — Как думаешь, Эрих согнёт его в бараний рог или всё же пощадит?

— Это кто ещё кого согнёт. Я тут пытался от него вывернуться — он гораздо сильнее, чем кажется. На картошке, что ли, накачался?

Они вышли из комнаты, и, повинувшись смутной догадке, Бельфегор повёл хорона в другой конец здания, в сейчас пустующую угловую комнату, окно которой выходило на плац — в отличие от комнаты Джея, смотревшей чётко на стену, вряд ли Скотт без умысла затолкнул его именно туда. Если, конечно, ему вообще не было всё равно, увидит кто-нибудь их разборки с Эрихом или нет.

Расчёт Бельфегора оказался верным: уже на пороге хороны увидели из незашторенного окна, расположенного напротив двери, как Эрих сосредоточенно тащит почти не упирающегося Скотта к стене чуть поодаль. Бельфегор и Джей замерли по обе стороны от

окна и, затаив дыхание, стали наблюдать.

Эрих был выше Скотта на голову и в полтора раза шире в плечах, но, судя по усмешке тераса, его это ничуть не заботило. Пеланн прижал его к стене, собрав в кулаке ворот футболки, и, низко наклонившись к лицу, грозно спросил:

— Долго я тебя гонять буду, десертная ложка? Как тебе ещё понятно объяснить, чтобы ты не приближался к Дилайле?

— А тебе-то что до Дилайлы? — не опуская глаз, полюбопытствовал Скотт. — Она тебе жена, невеста, любимая неродная сестра? Где документ, что она твоя собственность?

— То, что мы с ней сейчас не встречаемся, не значит, что этого не будет позже!

— Долго запрягаешь, лучше постригись. А то сплошная ходячая реклама сход-развала.

— Скотт, ты точно напрашиваешься, — в голосе Эриха послышались рычащие нотки, и Бельфегор в первый раз за всё время, проведённое на этой базе, вспомнил, что до преподавания пеланн был засланцем в ГШР и даже, кажется, успел там от кого-то нежелательного избавиться. — Я не знаю, откуда ты такой вылез и почему считаешь, что тебе всё дозволено, но к ней и на пять метров не приближайся, понятно? Иначе никто не узнает, куда ты вдруг пропал, помяни моё слово!

Скотт, похоже, ничуть не впечатлённый, закатил глаза, тут же изображая, как сурово хмурит брови Эрих, и тот побагровел, хватая его футболку уже двумя руками.

— Ты меня плохо слышишь?! Что я сказал неясного?!

— О, ради всех святых, мне ясно каждое твоё слово, — нехорошо улыбнулся терас и движением, которое никто не успел уловить, вывернулся из его пальцев. Его голос изменился в следующую же секунду — из дерзкого и насмешливого стал вкрадчивым и как будто хищным. — Мне неясно только одно, Эрих. Как так получилось, что какого-то агента внедрения, не самого, между прочим, высокого уровня, назначили на такую особенную базу? Ты вроде не занимался раньше преподаванием? Это, типа, природный дар открылся? Или связи?

Обескураженный, Эрих отступил от него на шаг, и Скотт невозмутимо отряхнул футболку.

— О враге нужно знать всё, — подмигнул он пеланну. — Будут ещё интересные темы для разговора, ты знаешь, где меня найти. И, пока ты не запрёшь Дилайлу в какой-нибудь башне, я от неё не отстану. Успехов!

Козырнув ему и немедленно сунув руки в карманы шорт, терас насвистывая двинулся в сторону столовой. Какое-то время Эрих ещё смотрел ему вслед, явно переваривая услышанное, потом тоже ушёл. Джей первым нарушил тишину.

— Кто бы мог подумать, — как будто нервно хмыкнул он. — А Скотт опасный парень. Ты что-нибудь знаешь о нём?

— Как раз у тебя хотел спросить, — передёрнул плечами Бельфегор. — Он всё-таки от вашего командования сюда приехал. Хотя я не уверен. Табита точно знает.

— Было бы что интересное, уже рассказала бы... Ладно, — Джей спрятал руки за спину и отошёл от окна. — Мне пора возвращаться к работе, пара после обеда. Ты действительно ни о чём не хотел со мной поговорить?

Бельфегор хмыкнул.

— Меня отшила Миа, и Скотт почему-то посчитал, что мне нужна твоя психологическая консультация. Но я справлюсь.

— Ты позвал Миа на свидание? — не поверил Джей.

— Я считаю, что, если тебя что-то мучает, лучше с этим разобраться как можно скорее. Особенно если это касается беседы с живым человеком. Всё, разобрались, можно идти обучать её обращению с оружием.

— Ты так легко это воспринял... Большой опыт общения с девушками?

— Нулевой, — признался Бельфегор. — Обычно я их отсылал, потому что у меня не было на них времени. Пойду тоже, что ли, урок продумаю. Надо же хоть о чём-то думать.

Ободрительно кивнув ему, Джей проводил его взглядом до двери и привалился к стене, напряжённо размышляя. Бельфегор нечаянно озвучил то, о чём он сам думал не переставая с того самого момента, как вернулся от бывших спецбойцов Азата, отчего-то решивших доверить ему свою тайну. С каждым днём Джей всё больше уверялся в мысли, что о планах Брутуса он обязан предупредить хоть кого-то из его возможных жертв — или их защитников. В первую очередь Адамаса, потому что неизвестно, что он может выкинуть ещё, теперь уже в стремлении доказать всем, что он хороший, и ещё по той причине, что ему всего-то шестнадцать и его очень легко на чём-то подловить. Если Адамас будет точно знать, что за ним охотится кто-то опасный, он будет осторожнее.

До вечера, на который Джей приберёт этот разговор, хорон еле дожил, чуть ли не каждые десять минут поглядывая на часы. Ему нужно было время, когда на базе будет минимальное количество праздного или по делам шатающихся людей, и за полчаса до отбоя он прислал Адамасу сообщение, что через час после того, как его барак ляжет спать, он будет ждать его у дверей администрации для важного разговора. К этому моменту даже служащие должны были уже разойтись по комнатам, а уж управляющей и преподавателям Джей, если что, запросто объяснит присутствие Адамаса.

Ровно в час ночи Джей стоял на крыльце административного здания, нервно крутя в руках телефон. Сегодня у него всё валилось из рук — и он даже не удивился, случайно выпустив телефон из пальцев. Поднимали они его уже вместе с Адамасом и столкнулись головами, да так сильно, что Джей отшатнулся, пытаясь проморгаться от звёзд.

— Прости, — улыбнулся ему Адамас, протягивая телефон. — О чём ты хотел поговорить?

— Пойдём ко мне, — махнул ему Джей, совершенно забыв про сотовый. — Только постарайся не шуметь, старшие не в курсе, что ты не спишь.

— А о нашем сверхважном разговоре в курсе? — сощурился хорон, убирая пока его телефон в карман джинсов. Шедший впереди Джей только отрицательно мотнул головой, и Адамас решил повременить с расспросами.

Стоило им войти в комнату, как Джей заходил из угла в угол, явно собираясь с мыслями. Адамас встал недалеко от полузакрытой двери, с любопытством наблюдая за ним и ожидая, когда его бывший «надзиратель» подберёт слова. Наконец Джей резко остановился на середине пути и повернулся к нему.

— Мне нужно тебе кое-что сообщить, но ты должен пообещать, что выслушаешь меня не перебивая. Это правда очень важно, и...

— Не переживай ты так, Джей, — фыркнул Адамас. — Уж если ты ради этого нарушил правила этой базы, я выслушаю всё до последнего слова.

Мигом в памяти Дджея всплыли те слова Герберта — что очень сложно остановиться, раз уж «попёр против системы», — но он решил пока на этом не заикливаться. Выдохнув, хорон открыл было рот, чтобы начать говорить первую заготовленную фразу, как в дверь его комнаты осторожно постучали. Адамас обернулся, а к ним уже осторожно протискивался

Скотт.

— Хотя кто-то не спит, — довольно отметил он, поочерёдно обведя их обоих взглядом. — Извините, если помешал, я на секундочку. Джей, ты мою кружку не видел?

— Какую ещё кружку? — тупо спросил тот, не веря собственным глазам.

— Ну с щербатым солнышком, обычную такую кружку, я в ней кофе пью, — терас обрисовал пальцами в воздухе какой-то кривой горшок ученика первого класса скульптурной школы, и Джей, вернув самообладание, сухо спросил:

— Что ты вообще тут делаешь ночью? Ты живёшь в другом месте.

— Ну так кружку ищу! — раздосадованно разъяснил Скотт, а Адамас позади него извлёк из кармана сотовый, зажигая экран. — Раз не видел, можно я тогда твою возьму? Я пока ещё не выучил, кому какая принадлежит, а Дилайла или Эрих мне точно шею свернут, если...

— Джей, — прервал его Адамас, и хорон перевёл на него безумный взгляд, — я на пять минут отойду, Кристиан что-то хочет. Вернусь, честное слово.

Прежде чем Джей успел возразить, сероволосый хорон шагнул через порог и, явно торопясь, хлопнул за собой дверь.

— Не закрывай! — в отчаянии крикнул Джей, но опоздал. Скотт с недоумением посмотрел сначала на дверь, потом на него самого, сжимающего кулаки.

— У тебя, что ли, клаустрофобия? — осторожно спросил он, и Джей процедил сквозь зубы:

— У меня дверь, которая открывается только ключом, с обеих сторон. А ключ я где-то сегодня потерял.

— Ну ничего, он же вернётся через пять минут, разбудит кого-нибудь. А то сам позвони.

Джей похлопал себя по карманам.

— Мой телефон остался у Адамаса. Твой у тебя?

— Вот я ещё за кофе буду с телефоном ходить, — фыркнул Скотт. — Давай через окно вылезу. Или и оно у тебя за семью замками?

— Как ты угадал? — хорон устало вздохнул и сел на кровать. У него не было даже сил злиться: все, что когда-то имелись, ушли на переживания по поводу этого разговора, и теперь ему хотелось лишь тупо смотреть в пространство.

— Что, серьёзно? Как ты тут живёшь вообще?

— А ты с какого фи́га разгуливаешь по администрации? — неожиданно для самого себя вспыхнул Джей. — Как тут вообще могла оказаться твоя чёртова кружка? Ты на службе или где?!

— В моих должностных обязанностях не прописано, что я не должен совать носа дальше столовой, — с достоинством отозвался Скотт, приваливаясь к стене. — Как и в твоих, что ты обязан сидеть на базе. Иначе ты не расхаживал бы ночами по барам.

— А ты откуда об этом знаешь?.. — уставился на него Джей. Терас отрешённо крутил крупный перстень на безымянном пальце.

— Видел тебя в городе, когда ездил за саженцами, — сказал он. — Но, заметь, никому не сказал. Так что, отсюда правда никак нельзя выйти?

— Правда, — Джея опять отпустило, — но можешь взломать раму, если так уж невтерпёж.

— Нет, спасибо, я подожду возвращения твоего протеже, который неизвестно что делает тут после отбоя... О чём хочешь поболтать, чтобы не так скучно было?

Джей изучающе посмотрел на него, осознавая, что с каждым своим появлением Скотт

становится для него всё многограннее и загадочнее, и решил закинуть пробную удочку.

— Расскажи, как ты выбрался из драки с Эрихом живым, — предложил он. — У вас ведь была драка? Из-за Дилайлы. Вся база об этом говорит.

— О, всего-то делов, — пренебрежительно отмахнулся Скотт. — Прикинулся, что я и в него весь такой влюблённый, он и сбежал, только пятки сверкали. Не готов человек для экспериментов...

— Неужели? — усмехнулся Джей. — А я слышал...

— Ты мог слышать, что, например, я извалял его в грязи, потому что боец из него не ахти. Или что он избил меня так, чтобы следов не осталось, но на самом деле я еле хожу. Я уже не помню, кому что сказал. Не очень хотелось признаваться вот в таком.

— Да уж, я бы тоже не стал никому рассказывать, — кивнул Джей и мерным голосом продолжил, — что, будучи рядовым поваром в самых низах ГШР, я знаю всю подноготную агента противостоящей организации...

Скотт неопределённо хмыкнул и привалился к стене, устремляя на хорона странный, непонятный взгляд.

— У всех есть свои тайны, да, Джей? — тихо проговорил он. — Только у кого-то формальные, а у кого-то опасные.

— Ты сейчас про Эриха? — сохранил лицо Джей, ощутивший, как от вкрадчивого голоса тераса по его спине пробежали мурашки. Тот чуть качнул головой.

— Может, и про Эриха... Кстати, — он вскинул руку с часами. — Пять минут уже прошло. Где его носит?

— Понятия не имею. О чём ещё поболтаем?

Скотт возвёл глаза к потолку и сел на пол, обводя скептическим взглядом аскетичное убранство комнаты.

— Давай о том, как разукрасить жизнь начиная с поклейки обоев, — со смешком предложил он. — Я немного в этом разбираюсь. Интересно?..

Джей демонстративно заткнул уши.

* * *

В присланном от Кристиана сообщении большими буквами значилось «Срочно вернись к бараку», поэтому Адамас просто не мог его проигнорировать. Добравшись бегом до входа в их жилище, он застал кузена на его пороге полностью одетым и крайне взволнованным.

— Что случилось? — с ходу спросил Адамас, и Кристиан как-то заискивающе улыбнулся.

— Понимаешь, в новогоднюю ночь, когда я тебя оставил, я сбежал в город и в баре познакомился с одним парнем, — срывающимся на шёпот голосом начал он. — Борхертом. Я не помню, о чём мы разговаривали, но я дал ему свой номер сотового... И он только что написал мне, что ждёт тебя и меня на плацу у западной стены...

— Он на базе?! — не поверил Адамас, и его кузен нервно поскрёб ногтями левой руки локоть правой.

— Типа того... Он хочет с нами поговорить. Наверное, он из какой-нибудь ставки, раз смог сюда попасть через все эти кордоны...

— Ты веришь ему? — Адамас испытующе воззрился на кузена, и Кристиан вспыхнул.

— Конечно, верю! Идём?

— Ну пошли. Посмотрим на твоего знакомого.

Поскольку Кристиан видимо нервничал, Адамас должен был оставаться спокойным. Убедившись, что за ними нет хвоста — хотя, если бы и был, например в виде вездесущих Шшгернов, они вряд бы его заметили, — он первым поспешил к плацу, аккуратно передвигаясь точно по тем местам, которые не захватывали камеры.

На подходе хороны увидели две чёрные фигуры, почти сливавшиеся со стоящей недалеко от стены будкой, одна выше и крупнее другой, на первый взгляд бывшей роста и комплекции Адамаса и Кристиана. Братья остановились в двух метрах от незнакомцев, напряжённые и готовые убежать в любой момент, и те синхронно сняли с голов закрывающие лица капюшоны, в свете фонаря оказавшись серебряными аурисами: один — парень их возраста или младше на год-два, с блестящими зализанными назад волосами, в классических чёрных джинсах и новомодном коротком, до середины бедра, тёмно-синем камзоле с разноцветными застёжками, второй — взрослый лет тридцати, в военной форме без эмблем, волосами в пучке на затылке и жёстким острочертным лицом, которое вот уже три дня смотрело на обитателей базы со всех плакатов-ориентировок.

— Борхерт? — неуверенно спросил Кристиан, вглядываясь в ауриса и вдруг осознавая, кто перед ним на самом деле. Адамас уже отступал от чужаков, утягивая кузена за собой, и незнакомый им парень поспешно потянул к ним руку.

— Нет, пожалуйста, не уходите! Просто выслушайте меня! Разве стали бы мы вам открываться, если бы хотели причинить вам вред?

— А чёрт вас знает, — бросил Адамас. Ещё пара шагов — и можно будет бежать, даже Брутус не достанет, если повезёт, пусть пока думают, что они слушают...

— Я пришёл к вам с предложением, — младший аурис приложил руку к сердцу. — Как наследник к наследникам. Я — Хас Зехьте, сын Азата...

— Чудно. Пришли нам резюме, — дёрнув брата, Адамас резко развернулся, готовясь сорваться на бег, но Брутус, едва заметно улыбающийся, уже опять стоял перед ними. Хорон застыл, просчитывая варианты, и Кристиан вырвал у него руку, тут же обвиняюще ткнув в сторону Брутуса пальцем.

— Ты! Ты выследил меня до базы и пришёл сюда за моим дядей и Аспитисом! — прошипел он. — Как после этого вы смеете просить о переговорах?!

— Он тебя не выслеживал, Кристиан, — успокоительно проговорил сзади Хас, и Кристиан обернулся, пылая негодованием. — О месторасположении базы мой отец знал задолго до тебя. А Брутус всего лишь взял твой номер, чтобы обеспечить мою встречу с вами.

— Что ж раньше не пришли, до нападения? — окрылся Адамас, в отчаянии озираясь. Хас грустно вздохнул.

— Мы не могли помешать этой операции. Ваша охрана договаривалась с агентами отца в обход Брутуса и его группы, и я узнал обо всём в последний момент. К счастью, половина этой группы откололась как раз перед захватом, и с помощью их нападения мы смогли выставить всё как провал.

— Ты правда считаешь, что мы поверим в эту чушь? Он, — Адамас кивнул в сторону стоящего навытяжку и всё так же молчащего старшего ауриса, — почти убил Цезаря Шшгерна. Если бы не вмешалась эта ваша «вторая половина группы», Аспитис остался бы без лучшего гвардейца и его взяли бы без проблем. Рука, скажешь, соскочила?!

— Да не собирался он его убивать, — отмахнулся Хас. — Хотел бы убить, Цезарь бы и

минуты там не продержался, даже с этой своей суперскоростью. Брутус всёравно сильнее. Он просто ждал, когда эти бунтовщики появятся, чтобы якобы отступить перед превосходящей силой, солдат-то уже всех перебили или вырубил. Мы с ним давно объединились против моего отца, только группе сказать не успели. Они вечно сами по себе болтались.

— И чем же тебе так твой отец не угодил, что ты решил сорвать ему операцию века и потом прийти сюда, рискуя вместе со своей цепной собакой быть пойманными? — хорон сложил на груди руки, полностью взяв на себя роль переговорщика, так как Кристиан выглядел слишком уж выбитым из колеи.

На его специально дерзкие слова о цепной собаке Брутус не отреагировал никак, а Хас весело и открыто улыбнулся.

— У меня есть огромное желание спасти мир. Но один я ничего не сделаю, потому хочу попросить у вас помощи. О нас никто из ваших не узнает, не волнуйтесь, охранник северного входа — мой агент, и камеры тут он пока заморозил. Всё зависит от того, поверите ли вы мне.

— Пока не очень. И каким же образом ты желаешь спасти мир?

— Всё просто, — Хас заложил руки за спину и мерно заходил туда-сюда в пределах трёх метров, своим сосредоточенным лицом немедленно напомнив Адамасу кого-то из знакомых ему взрослых, правда пока непонятно какого. — Если у меня будет поддержка из людей, способных в нужном ключе повлиять на верхушку ГШР, я устрою отцу тёмную. Встану на его место как единственный наследник — с отличной силой за спиной, — он кивнул на Брутуса. — И — закончу войну.

— Как? — усмехнулся Адамас. — Пойдёшь сдаваться?

— Именно! Видишь, Брут, я говорил, они сразу всё поймут! Сдам весь Север без сопротивления, сэр Страхов, конечно, сохранит мне жизнь, я же не мой отец, не за что казнить. А вместе с Севером сдам наш канал поставки оружия с Пикора. ГШР автоматически получит перевес и легко подомнёт под себя МД. С Аспитисом, к сожалению, уже бесполезно договариваться, но Рэкс пощадит и его. И наконец будет одна организация над всем миром! Разве вы не хотите, чтобы вот это всё, — Хас развёл в стороны руки, словно охватывая ими всю базу, — наконец закончилось? Это дурацкое разделение на ту или другую сторону, хотя основа-то одинаковая. Постоянное возникновение таких, как мой отец, которых невозможно толком прищучить, так как, пока всё согласуешь, он уже треть мира захапает? И вечные войны из-за ерунды...

— Это всё здорово, — подал голос Кристиан. — План огонь. А мы-то тебе зачем? Можешь пойти прямо к «сэру Страхову», уверен, он тебе ещё и поможет Азата с трона столкнуть!

— А если нет? — Хас склонил набок голову, останавливаясь. — И если не захочет пойти против Аспитиса потом? У них там вроде какая-то древняя дружба, они и в этот раз сражались бок о бок. За эти пятнадцать лет с момента их ссоры с Мессией я лично насчитал пять раз, когда Рэкс мог воспользоваться его слабостью и захватить его, например, в плен. А затем продиктовать условия. Но он этого не сделал. А вот если ему и его приближённым советникам кто-нибудь нашепчет, что так будет лучше для всех, он послушает.

— А если нет? — повторил его недавнюю интонацию Адамас, тем не менее лоя себя на том, что слушает этого очередного «наследного принца» слишком уж внимательно. Хас в ответ лишь пожал плечами.

— Всегда есть какой-то риск. Но так мы хотя бы ликвидируем Север. У меня постоянное ощущение, что я сижу на пороховой бочке. Отца разгромят вот-вот. Как только Особенные перестанут действовать на его стороне...

— Особенные?

— Так называются все преобразованные с помощью специфического вируса люди из группы Брутуса. Особенные. У меня, кстати, в планах сделать такими же вас. И себя. Очень помогает, знаете ли, когда тебя хотят убить или поймать все кому не лень...

— Было бы это так круто, у Азата была бы уже целая армия. В чём подвох?

— У нас всего двое учёных, — хмыкнул Хас. — Несерийное производство. Плюс они только-только подошли к созданию блокиратора, который держит вирус под контролем. А то он без ежемесячных инъекций слегка ломает организм носителя. Но им осталось совсем чуть-чуть, идут уже последние испытания. И всё это достанется ГШР, а не Азату, если вы будете на моей стороне.

— Ты правда считаешь, что мы имеем влияние на своих родителей? — горько усмехнулся Адамас.

— У вас пока, наверное, не было весомого повода, чтобы взять их на цепочку. Это же родители! Даже мой — вроде и не общается со мной почти, и вообще зачал, чтобы было, но, когда я попросил не наказывать Брутуса за провал, согласился. Ваши-то точно добрее.

Адамас медленно кивнул, задумываясь. Они с Кристианом сейчас были в незавидном положении: если прямо откажутся, Брутус просто унесёт их под мышкой, и переговоры уже будут вестись с «сэром Страховым» — и страшно представить, сколько всего Азат может себе выторговать за их жизни. Можно, конечно, согласиться для вида, а в следующий их визит их сдать, но ведь они наверняка предполагают такой вариант...

— Вы можете взять тайм-аут на подумать, — как будто прочитал его мысли Хас. — Я понимаю, в такое сразу и не поверишь. Только прошу ещё раз заметить, если бы вы были нужны нам в качестве заложников, мы бы тут не разговаривали...

— А вы планируете соединиться с группой? — поинтересовался Кристиан, похоже, всё это время размышлявший о чём-то своём. Хас закачался, переступая с пятки на носок.

— Мы, скажем так, не совсем в них уверены, — наконец заговорил он. — Они прекрасно знали, что я против отца и за Брутуса, поэтому весьма показательно, что они решили выступить против нас именно на этой операции. Создалось впечатление, что они захотели выслужиться и захватить лидеров самостоятельно. Хотя, возможно, это просто так совпало. Не знаю пока, посмотрим, может, выйдут ещё на связь. К моему отцу, по крайней мере, они не возвращались.

Адамас с Кристианом обменялись одним на двоих недолгим взглядом, и длинноволосый хорон отвернулся. Адамас ответил за обоих:

— Нам надо подумать.

— Конечно, конечно! — закивал Хас. — Но как насчёт обменяться номерами телефонов? Это будет мой знак доверия вам: если посчитаете, что я обманул вас, сдадите номерок куда следует, нас с Брутусом живо вычислят. А там и до моего отца недалеко. Если честно, я уже готов на всё, лишь бы перекрыть ему кислород. Очень уж он... кгхм... опасный человек.

Адамас пожал плечами и достал телефон. Хас с готовностью продиктовал ему свой номер, и хорон сразу набрал его, чтобы убедиться, что всё честно. Номер Брутуса уже хранился у Кристиана, так что можно было расходиться.

— Я напишу в ближайшее время, — пообещал, прощаясь, Хас. — Захотите, ответите, нет — так нет. Но я очень надеюсь, что вы мне поверите. Это судьба, что вы оказались здесь. И что Кристиан зашёл тогда именно в тот бар, где буквально на пятнадцать минут задержался Брутус...

Кристиан неловко улыбнулся, пряча глаза, и Адамас обнял его за плечи, успокаивая. Ему было что выговорить кузену за то, что из-за его легкомыслия они, как беспечные кролики, забежали прямо в западню — и им очень повезло, что Хас и Брутус пришли с миром. Но идеи аурис высказал интересные, и выходила слишком уж сложная интрига, чтобы посчитать всё это обманом. Было бы здорово столь малыми жертвами закончить эту дурацкую войну — а заодно и все последующие. Да и стал бы Хас так подставляться с телефоном...

Ложась спать, Адамас твёрдо решил попытаться всё же пообщаться с Хасом хоть чуть-чуть, а уже потом точно определиться, стоит ему доверять или нет. Про так и не состоявшийся разговор с Джейм и его оставленный в джинсах сотовый он, конечно, забыл напрочь.

* * *

Хас и Брутус почти дошли до ворот, когда из-за одной из мишеней для ножей, оставленных на плацу после вчерашнего занятия Бельфегора с Миа, им преступили дорогу две одинаковые коренастые тени. Аурисы остановились — и близнецы-терасы в одно мгновение оказались по обе стороны от них, двигаясь так слаженно и быстро, что становилось понятно: майлер уже начал действовать.

— Вы тут разыграли отличную трагедию перед парочкой «я и мой брат дебил», — начал левый, и правый продолжил:

— Только с нами этот номер не пройдёт. Сдаётесь сами...

— ...или проверим, чего стоит один Особенный против двух Шштернов?

— Ребят... — начал Хас, но один из терасов уже вплотную подступил к Брутусу.

— Ты искалечил нашего отца, — прошипел он. Брутус поднял руки.

— Сдаюсь, сдаюсь, только без нервов.

— Отлично! — щёлкнул пальцами тот Шштерн, который караулил Хаса. — Тогда разворачивайтесь в сторону вон того здания.

— Ребят, — повысил голос младший аурис. — Я уверен, вы нас слышали от начала и до конца. А значит, в курсе, что Брутус не собирался его убивать и калечить.

— Это ты так говорил, — заметил сторож Брутуса, рассматривающего тераса с вежливым любопытством. — Но где гарантия, что это правда? Отец в больнице — вот факт, не подлежащий сомнению.

— Если вы до сих пор не стукнули нас по голове чем-нибудь тяжёлым, значит, тоже хотите переговоров. К сожалению, мне нечего вам предложить, кроме того, что я уже сказал Адамасу...

— И я даже знаю почему, — насмешливо фыркнул терас, стоящий в полуметре от Хаса. — Потому что МД вы собираетесь пустить в расход. А значит, союзники в нём вам ни к чему.

— Вот это точно неправда! — горячо возразил Хас. — Союзники от МД нам бы тоже

пригодились. Допустим, уболтать на что-то Аспитиса надежды нет. Но кто-то же должен будет осуществить безболезненное слияние МД с Генштабом? А ваш отец вроде всегда неплохо общался с Рэксом...

— То есть мы должны настроить своего отца против нашего обожаемого лидера? Отличный план, Хас! Тебе дать медальку или обойдётся?

— А вы сами, — вкрадчиво отозвался Хас, — не считаете, что ваш обожаемый лидер из-за собственных психологических проблем больше не способен адекватно управлять организацией? Пятнадцать лет назад объединение было так близко, но он почему-то предпочёл усомниться в человеке, который до этого ни разу его не обманывал, и поставить на всём крест. А ведь наверняка в его окружении есть кто-то, кому это объединение как кость в горле. Сейчас из-за войны Рэкс и Аспитис опять начали сближаться, где гарантия, что эта крыса в тылу МД не выступит, чтобы опять их разобщить? И тут уж под раздачу попадёт кто угодно. В том числе и Шштерны.

— Война кончится, как только мы вас повяжем, — уже без былой уверенности проговорил терас около Брутуса, и тот позволил себе усмешку.

— С чего вы взяли? Азат и пальцем не пошевелит, чтобы спасти из заложников собственного сына, деньги и власть ему важнее. Нет, можете, конечно, проверить...

— Если всё пойдёт к вторичному объединению, — прервал его Хас, — ваша крыса тут же покажет нос. Кто-нибудь — да хоть вы — её поймает, и тогда Аспитис поймёт, что был неправ. Уж он придумает, как повернуть всё так, чтобы в той последней стычке с Рэксом выставить виноватой эту крысу, а не собственное недоверие к Страховым. Вместе мы многое сможем сделать. Например, не поглощение, а слияние. Всем будет хорошо.

Шштерны переглянулись, и тот, что был у Брутуса, спросил:

— Про крысу — лишь твоё предположение или ты что-то знаешь?

— Я бы сказал, что уверен, но точно не знаю. Просто глупо это всё как-то смотрелось. Спросите у вашего командира подробности той операции, он всё-таки там присутствовал. Да и Адамас может что-то знать от отца. Или — узнать. Для своих союзников.

— Ладно, — терас около Брутуса помахал в воздухе телефоном. — Твой номерок у меня есть. Свободны. Если что, за вами придут.

— Спасибо! — расцвёл улыбкой Хас и неожиданно для своего надзирателя порывисто обнял его. — Это будет феерия! Вы не пожалеете, ребята!

— Я уже жалею, — отстранил его терас и кивнул брату: — Пошли, Десмонд.

Спустя долю секунды они невообразимым образом растворились в окружающем пространстве, и аурисы, обменявшись улыбками, продолжили свой путь к воротам.

Глава 7. Иной

Утром никакого телефона в джинсах Адамаса не оказалось, поэтому об их прерванной встрече он вспомнил только к ужину. Кляня всё на свете: и собственную забывчивость, и расписание, по которому сегодня у Джея не было ни одной их пары, и обстоятельства — только из-за них хорон не попался за весь день ему ни разу, — Адамас сразу после ужина прибежал к Джею в комнату. Выслушав историю о том, как он, сам того не зная, запер их со Скоттом на добрых полчаса, пока они не начали стучать в потолок выше живущей Дилайлы — и та в итоге весьма в недобром настроении пришла их спасать, Адамас извинился для верности четыре раза и наконец узнал, для чего вчера его вызывал Джей.

Наверное, если бы краткий пересказ походов Стаса и Дилана, а также справку о намерениях Брутуса Адамас услышал до разговора с последним и его верным протеже, они впечатлили бы его куда больше и уж точно заставили бы в ответ на откровения Хаса вежливо покивать, а по их отходе свистнуть Бельфегора и поймать их в лесу без лишних сомнений. Но сейчас поверить Джею до конца он так и не смог. Пообещав своему старшему быть осторожным и, если что, сразу звать на помощь, Адамас в задумчивости ушёл к себе — решать, кто из высказавшихся заслуживает доверия больше и, если Хас, стоит ли ему рассказать о том, куда делась половина его отряда, или всё-таки нет.

Неизвестно, до чего Адамас бы додумался (в гордом одиночестве, так как Кристиану он не сообщил и слова), но Хас опять успел заявить о себе прежде, чем могло бы стать поздно. Наступил следующий день, сокращённый по занятиям, так как был субботой, — и сразу, как они кончились, Адамас и Кристиан одновременно получили по смартфону приглашение в онлайн-стратегию на совместную поддержку юного государства с Хасом и, самое удивительное, Шштернами — так как именно с аккаунта в соцсети Десмонда оно пришло.

Немедленно отправившись искать внезапно вовлечённых в их тайну терасов, Адамас и Кристиан наткнулись на них между южной стеной и мужским баракком: близнецы вынесли со своего барака туда плед и удобно расположились на траве вместе со смартфонами.

— Играете? — заговорщицки подмигнул хоронам по их приближении один из Шштернов, и тем ничего другого не оставалось, кроме как принять приглашение в игру.

Адамас никогда особо не жаловал стратегии, предпочитая им шутеры или слешеры, но делать что-то в единой связке с близнецами Шштернами и пока ну очень неизвестной величиной Хасом оказалось слишком большим искушением, и он не смог устоять. Прежде чем принять решение, доверять ли сыну Азата в полной мере, нужно было понять, что он за птица, — а уж как он завлёт к себе вечно подозрительных соглядатаев самого Мессии, и вовсе казалось жизненной необходимостью.

Он и сам не заметил, как втянулся. Из Хаса был неплохой стратег — и они вдвоём замечательно спелись, в противовес терасам и примкнувшему к ним Кристиану. Сначала, первые два дня, это была просто совместная игра, потом Хас стал по чуть-чуть рассказывать о себе и вызывать остальных на ответную откровенность — и связывать их пятерых невидимыми и прочными нитями. Онлайн-игра была отличным местом для переписки, не предназначенной для чужих глаз, — там можно было любые темы загриковать под игровой сленг, — и постепенно Адамас узнал, что с Брутусом Хас всего-то последние два года, а до этого вместе с мамой постоянно разъезжал по Северу, чтобы никто не знал точно, где находится «резиденция» его отца. Азат всю жизнь считал сына неким придатком к

власти — чтобы, если вдруг что, было кому выступать от его имени, — поэтому ни о каких родственных отношениях в их семье и речи не шло. До момента случайного сближения с Брутусом Хас воспринимал всё, что было вокруг него, как должное и, только переехав к нему на базу, где когда-то Ове, Стаса, Игната и Дилана готовили к диверсиям, вдруг осознал, что из-за отца мир закономерно катится в пропасть и лишь они могут этому помешать.

Что-то, конечно, во всём этом не складывалось — например, вопрос Стаса и Дилана, которые по обеим версиям — и Джея, и Хаса — вели себя нелогично и чересчур уж легкомысленно, — но Адамас быстро перестал об этом думать. Уже по истечении первой недели их общения с Хасом — кажется, имеющим в жизни ровно те самые проблемы, что и сам Адамас — он окончательно поверил в возможность склеить этот давно лопнувший по швам мир и не мог думать ни о чём другом.

К тому же с ними были Шштерны. Благодаря общению в игре и вне игры Адамас даже научился их различать, что уж говорить о том, чтобы понять, что без весомых доказательств они бы и собственному отцу не поверили. По крайней мере Десмонд — он хоть и был намного мягче и добрее брата и вообще куда больше похож на подростка, тем не менее намного заметнее стоял за оправданность любых, рискованных или не очень, действий и потому вряд ли спустил бы Брутусу то тяжёлое ранение Цезаря, если бы не посчитал, что по-другому получиться и не могло. Впрочем, обоим братьям было свойственно тщеславие, отлично видное по их стилю игры, где они оба были готовы отдать последнее, лишь бы даже формально победить, и где-то на самом краю сознания Адамас всё же допускал, что они могли согласиться на союз с Хасом только для того, чтобы потом эффектно его скрутить, — не важно, правду говорят они с Брутусом или нет.

Однако, пока суть да дело, время шло, и разговоры о великом предназначении трёх «наследных принцев» и их верных соратников, которые наконец объединят вечно враждующий мир, всё глубже проникали Адамасу в сознание. Идущая война — уже не эта, энная по счёту с Севером, а всеобщая, многосотлетней давности — и в самом деле стала его частью: он жадно слушал Эриха на уроках истории, засыпал и просыпался с мыслями о политике ГШР и МД, стремясь верно понять закономерности, и всё хотел ещё разок поговорить с Бельфегором о той бывшей дружбе своего отца и Аспитиса, но никак не находил для этого времени. Его собственная избирательная память, благополучно отложившая на самое дно всё связанное с ГШР, что отец и его друзья сообщили ему за эти годы, неохотно отдавала информацию — и в какой-то момент Адамас осознал, что ненавидит того себя, жившего в нём до новогодней ночи. Так легко и безвозвратно отречься от своего наследия, фамилии, самой сущности, вполне успешно передавшейся от отца, — да как сам отец-то находил в себе силы с ним все эти годы разговаривать?!

Впрочем, кое-что продолжало цеплять его — слова Хаса в их первую встречу о том, что за прошедшие с момента ссоры пятнадцать лет у Рэкса было минимум пять шансов, чтобы подмять под себя МД, а он этого не сделал. Оказавшись утром в воскресенье спустя две недели после этой самой первой встречи в неожиданном одиночестве — Кристиана позвал в другую онлайн-игру Токкин, а Шштерны зависли на очередной тренировке с остальными членами отряда, — Адамас включил себе музыку в наушниках, растянулся на кровати и заставил себя вспоминать. Он тоже точно знал об этом — и не от третьих лиц, а видел и слышал собственной персоной, да и вроде совсем недавно даже с кем-то это обсуждал, — значит, этот эпизод имел место, когда он был в галереях ГШР второй раз — между посещением в восемь лет, благополучно забытым и так и не встававшим в памяти, и тем

недавним, после позорного провала в клубе. Как-то с этим ещё связан Вэлиант — ну да, они познакомились нормально именно там и тогда. Потому что приведший Адамаса на экскурсию отец оказался слишком занят — вот уж совпадение, — и его сын сбежал из кабинета и пошёл гулять по галереям. Но до Вэлианта было что-то ещё...

Воспоминание вспыхнуло перед глазами подобно фейерверку, яркое и невероятное по своей важности, и Адамас с чувством укусил себя за руку до крови — в наказание, что посмел похоронить это среди всякой мелочи типа цвета рабочего стола от 2658 года, и начал осторожно разматывать клубок деталей, чтобы не упустить ни одну.

Его второе посещение галерей состоялось, когда Адамасу было четырнадцать, то есть всего-то два года назад — а сейчас казалось, что в другой жизни. Рэкс собирался отвести его на более полную экскурсию лет с одиннадцати, но каждый раз, как ему удачно ложились звёзды, Адамас обязательно устраивал что-нибудь, чтобы не идти. Так они дотянули до 2662 года, когда хорон просто не успел узнать об экскурсии вовремя и отец оттащил его туда буквально за шкуру.

Они пришли в его кабинет в центре Канари — Адамас вспомнил, как демонстративно заслонился от отца школьной сумкой, в которой было что угодно, кроме необходимых в этот день учебников и тетрадей, и отец вежливо попросил его убрать этот отвлекающий предмет, чтобы он мог начать. Его сын, опять же напоказ, достал свой нетбук — «чтобы записывать», — с удовлетворением отметил, что улыбка у отца уже не такая вежливая, и тут у того завибрировал сотовый.

— Прости, — бросил сыну Рэкс и поднёс телефон к уху (гарнитуры он не признавал, так как даже от ИД-чипа у него часто болела голова). — Что-то срочное, Кит? Я... Что? Когда? По чьему приказу? Очень смешно. Уже иду.

— Опять очень важные дела? — притворно сочувственно спросил Адамас, и Рэкс спрятал телефон, хмурясь.

— Важнее некуда. У нас в казематах Аспитис Пикеров собственной персоной плюс один. То есть ещё с Цезарем Шштерном. Посиди пока тут, у тебя наверняка есть с собой развлечение.

— Ты пойдёшь зачитывать ему приговор? — уже искренне восхитился Адамас.

— Конечно. Всю тысячу, что уже накопилась, — с этим то ли саркастическим, то ли серьёзным замечанием Рэкс стремительно вышел из кабинета, и дверь с шумом задвинулась за его спиной.

Адамас тут же соскочил со стула, на котором сидел, и, поставив вместо него сумку, начал в ней рыться. Раз сейчас всё столичное Управление на ушах, он может пройтись по всем возможным местам — и ни у кого не найдётся времени поинтересоваться, куда это четырнадцатилетний подросток собрался. В крайнем случае можно будет сказать, что его отец велел ждать его здесь. А с той шгукой, которую ему на днях вручил Кит, ему откроются почти любые двери. Главное, на самого благодетеля не напороться.

Нужный девайс оказался на самом дне сумки — дешифратор, взломщик электронных замков, настроенных на опознание ИД-чипов, вживлённых в ладонь. Чипам как разработке был всего год, но с ними ходил уже весь мир — и очень много людей жаждали узнать, как бы так поменять себе личность без вызова спецназа ГШР к себе на дом. Как объяснил Кит самая действенная модель и её чертежи имелись только в распоряжении Генштаба — чтобы, как говорится, было с чем сравнивать кустарные или эмдэшные аналоги, — и именно её

прототип начальник службы собственной безопасности одолжил сыну своего лучшего друга в целях самообразования. Адамасу и правда неплохо давалось это самое «хакерство» и всё ему потворствующее (уж лучше это, чем политика), и до конца недели он должен был понять принцип действия взломщика ИД-сканеров и отчитаться Киту. Что ж, полевые испытания настали раньше, ничего не поделать.

С замком кабинета Рэкса дешифратор справился на ура, и, спрятав его в кармане рядом с телефоном, Адамас отправился на прогулку. Управление и правда бурлило — неужели это первый раз за долгое-долгое время, как в застенки ГШР попал сам лидер противоборствующей организации? Мимо с любопытством осматривавшегося хорона то в одну, то в другую сторону пробежали агенты — в одиночку, по двое, по трое, то взхлёб обсуждавшие новость, то переговаривавшиеся с кем-то по телефону, — и решительно никто не обращал на него внимания. Так Адамас дошёл до лифта, немного подумав, щёлкнул самый нижний этаж и в гордом одиночестве вышел из кабины в пустых, серых и как будто стылых помещениях без каких-либо табличек на стенах.

Коридор от лифта закончился за первым же поворотом — наглухо закрытой дверью. Подходя, Адамас уже достал дешифратор, хотя и сомневался, что от него в таких странных и явно секретных помещениях будет толк, однако он даже не понадобился: дверь оказалась незапертой, стоило только на пробу чуть толкнуть её. Начался ещё один, на этот раз очень длинный коридор с одинаковыми железными дверьми с небольшими окошками по обе стороны, тоже без единой живой души и звука, с ровным мертвенным светом ламп на невысоком потолке. Тут вряд ли имелось что-то интересное, но было бы забавно осесть где-нибудь в подобном месте, чтобы отец потом сбился с ног, разыскивая его, и потому Адамас дошёл до конца коридора, повернул в единственном доступном направлении — налево (правый ход перегораживала неоткрывавшаяся дверь без намёка на сканер), — там опять повернул, для разнообразия направо, — и вышел в куда более просторное помещение, противоположную сторону которого занимали определённо тюремные камеры с решётками — и в одной из них сидели люди.

Более того, с другого конца помещения к этой камере торопливо шёл уже знакомый Адамасу персонаж — главный безопасник ГШР и хозяин супердешифратора Кит Гаспаров. В этом коридорчике хорон был как на ладони, а послушать, о чём Кит будет разговаривать с заключёнными, хотелось очень, поэтому Адамас молнией метнулся за стоящий у ближайшей к нему стене стол со стулом и выключенным моноблоком, наверняка принадлежавший почему-то отсутствовавшему охраннику, и в следующий раз выглянул уже оттуда.

Кит в два щелчка отпер камеру и шагнул внутрь. Адамас различил, что оба пленника сидели в наручниках и дополнительных кандалах на щиколотках, цепочки от которых уходили в пол, причём тот, более удалённый от решётки, к которому приблизился силвис, кажется, за пояс был прикован ещё и к стене. Кит сделал какое-то движение руками — и заключённый дёрнулся, будто ловя что-то в воздухе.

— Развлекайтесь, — тихо сказал Кит. — Командир на подходе.

Он вышел из камеры, закрывая за собой дверь, и поспешил обратно, а ничего не понявший Адамас смог наконец нормально рассмотреть заключённых. Ближе сидящий к решётке был в чёрной форме с заметной буквой «М» на рукаве, ярко-алого цвета, голову он откинул на стену — на смуглом виске виднелась запёкшаяся ссадина, блестящие чёрные волосы рядом слиплись от крови. По профилю Адамас понял, что это хорон, лет сорока, — судя по то и дело раздувающимся ноздрям, дышал он тяжело и с усилием, и, осознав это,

Адамас получше присмотрелся к его форме: так и есть, на груди она вся была в крови.

Второй заключённый выглядел не лучше: у тераса примерно возраста хорона лицо было землистым, а над левой бровью свисал лоскут кожи, открывавший кровотокающую на лбу рану. Вся видная голая кожа — на лице, руках — была в крови, но, раз он отреагировал на Кита, значит, чувствовал себя более-менее приемлемо. Уж не... Аспитис и Цезарь ли это, из-за которых сейчас сходит с ума ГШР?..

Оторопев от этой догадки, Адамас вздрогнул, когда совсем близко от него, на этот раз справа, с лязгом открылась не видная с его места дверь. Это просто обязан был быть Рэкс — по всем законам удивительных совпадений, — но напротив камеры остановился совсем другой хорон, и его Адамас определил сразу, благо что его фото совсем недавно видел у отца в кабинете. Президент ГШР Эдриан Пикеров.

— Приветствую, брат, — с каким-то тайным смыслом поздоровался беловолосый хорон, выглядевший в сравнении с Аспитисом стариком. — Сколько лет-то уже не виделись? Двадцать восемь, если не ошибаюсь?

— Даже жаль, что нарушилась столь славная традиция, — со слабой улыбкой отозвался Мессия, и Эдриан распахнул дверь его камеры, делая ещё шаг, чтобы оказаться чётко напротив него. Аспитис вдруг встал — они были почти одного роста, только один солдат, пусть и ослабленный тяжёлой раной, а второй — просто высохший старик. Адамас припомнил цифры: Эдриану в этом году ровно шестьдесят, а Аспитису пятьдесят пять, невозможно, чтобы они настолько разнились во внешности.

— Всё когда-то прерывается, — со смешком заметил Эдриан. — Сегодня к традиции добавится и твоя жизнь, дорогой брат. Я многое сделал, чтобы твой вечный защитник Страхов дал нам эти пять минут побыть наедине, жаль, его прихода ты уже не увидишь.

— Ты собрался убить меня? — хмыкнул Аспитис. — Во мне уже три пули, а я всё ещё с тобой разговариваю. Хочешь добавить? А дыра в груди в связи с твоим визитом не будет выглядеть подозрительно?

Цезарь за Эдрианом дёрнулся, звякнув наручниками, и беловолосый — или уже седой? — хорон презрительно фыркнул.

— Я не ношу при себе огнестрельного оружия, я управленец, а не солдафон, как ты. Я вижу в твоей груди два металлических осколка, третий там будет к месту. Ну а до сердца он дошёл — вот же совпадение, — когда ты встал, чтобы поприветствовать меня...

Адамас увидел, как левая рука Эдриана потянулась к карману, и буквально задохнулся от осознания той подлости, которую президент собирался совершить. Да, Мессия — их злейший враг и лучше бы его не было, но не вот так же, когда он даже не может защититься! Вскочив, Адамас ринулся к камере.

Он толкнул Эдриана именно в тот момент, когда он уже поднёс тонкое металлическое лезвие к сердцу собственного брата, даже не отведшего взгляд, и оно лишь чиркнуло по нагрудному карману, выпадая из его узловатых пальцев. Эдриан резко повернулся к Адамасу, замахиваясь, чтобы затрециной отбросить от себя, но позади него снова звякнуло — и в следующую секунду освободивший руки Цезарь ударил президента в затылок. Адамас едва успел отскочить от рухнувшего на него тела, а Аспитис изумлённо присвистнул.

— Вот это бунт. Откуда ты взялся, мальчик?

— Мимо проходил, — Адамас отступил от него к решётке, развернулся — и натолкнулся взглядом на отца, впервые на его памяти выглядевшего по-настоящему ошарашенным.

— Что ты здесь делаешь, сын? — он оценил обстановку в камере и одним движением выдернул Адамаса из неё. — Цезарь, Мессия, насколько я помню, со мной не разговаривает, ты объяснишь, что произошло?

— Всего-то встреча двух родных братьев, — ухмыльнулся терас, обнажая розовые зубы. — Чуть не закончившаяся смертью младшего из них.

— Как и всегда бывает, кто-то не учёл подростка, — улыбнулся Рэкс. — Ключ у вас есть. Выбирайтесь. Ближайшие десять минут путь свободен.

Он достал что-то из кармана и, подойдя к Цезарю, вложил ему в ухо. Тот немедленно поморщился.

— Плохо, если перестанет пищать, — подмигнул ему Рэкс. — Означает, что вы идёте не той дорогой. Обезболивающие нужны?

— Нет, спасибо, — Цезарь мотнул головой и остановил взгляд на молча наблюдавшем за ними Адамасу. — И твоему сыну спасибо. Он похож внешне на Квазара. Ты специально?

— Конечно, сам сидел гены подбирал... Удачи. Это я забираю.

Нагнувшись, Рэкс поднял Эдриана с пола, взвалил его себе на спину и, махнув рукой Адамасу, пошёл в ту же сторону, где скрылся недавно Кит. Всё так же молчащий сын последовал за ним.

За дверью этого помещения их уже ждал личный телохранитель Рэкса Керен. Хорон передал ему бессознательное тело Эдриана и взял Адамаса за плечо.

— Керен, ты знаешь, что делать. Я сейчас к Киту, а там к Лемму, найдёшь меня. Адамас, пощи.

До лифта пришлось миновать в два раза больше коридоров, чем раньше, но больше Рэкс не проронил ни слова. Адамас тоже молчал, переваривая увиденное и услышанное, и только в лифте заговорил:

— Почему ты отпустил его?

— А почему нет? — отстранённо ответил смотревший в потолок Рэкс. — Лучше ты скажи, зачем ты сбежал, когда я сказал сидеть в моём кабинете?

— Вот затем и сбежал! Так почему ты его отпустил? Разве это не большая удача, что сам Мессия-Дьявол попал к нам в плен? Поднапрячься — и можно подмять весь МД за пару дней!

— Такой цели я не преследую, — Рэкс усмехнулся, подчёркнуто не глядя на уже сжимавшего кулаки сына.

— А какую ты преследуешь? — выкрикнул Адамас. — Сдать ГШР ему с потрохами? Ты поэтому всю власть забрал себе — чтобы более адекватный Эдриан тебе не мешал?

Двери лифта разъехались в стороны, открывая вид на коридор с синим полом и серебристыми стенами — в противовес зелёному ковру и белым стенам того этажа, где работал Рэкс, и он первым вышел из лифта.

— Любопытно, — сказал он Адамасу. — Раз он такой адекватный, что ж ты ему помешал захватить с потрохами МД?

— Потому что так не делается, чего непонятного?! Одно дело суд, другое вот такая подлость!

— В самом деле? Так я тебе больше скажу: в нашем общем договоре, заключённом с МД ещё в незапамятные времена, прописана недопустимость нападения на главу противостоящей организации. Никто, конечно, этого уже не помнит, да и Эдриан нарушал это правило — сегодня вот юбилей — десять раз... Может, конечно, так и надо, не знаю, я

не настолько адекватный, — Рэкс остановился перед двустворчатой серебристой дверью, коснулся ладонью сканера и втолкнул сына в открывшийся кабинет. — Только вот Аспитис, например, не нарушал договора ни разу — даже по отношению к своему брату. И я предпочитаю отвечать ему тем же. Принимай, Кит!

* * *

Адамас отвлёкся от созерцания лица своего отца и обернулся. Кабинет, в который его втолкнули, восхитил его: он весь был в мониторах, моноблоках, проводах и непонятных гаджетах — настоящая обитель истинного айтишника. Кит поднимался из-за одного из дальних столов, одновременно придавая пластичному лицу максимально страдальческое выражение.

— Гидом с этого момента работаю я? — со вздохом поинтересовался он, пока Рэкс с Адамасом подходили к его столу.

— Ты понижен до няни, — хмыкнул его друг. — Сам понимаешь, какой кипеж поднимется, когда все узнают, что Аспитис сбежал вместе со своим личным гвардейцем. Что осталось на камерах?

— О, ну, наш гениальный президент, конечно, расстарался, как перед проверкой, — усмехнулся Кит, усаживаясь обратно и разворачиваясь к одному из мониторов позади себя. — Звук не писался. Сканеры были отключены, чтобы никто не знал, что он приходил. Если бы ему дали уйти — дал, твой сын, — его наблюдатель и его посещение бы стёр. Но ты появился слишком быстро, он запаниковал и свернул удочки на первой же секунде триумфального падения Эдриана. Посему запись у меня. И вот такая.

Он щёлкнул, не глядя, по клавиатуре, и на мониторе появилось помещение камер. Эдриан пришёл, зашёл и почти сразу вышел, оставив незакрытой дверь и что-то обронённое на полу, — только заранее знающий обо всём произошедшем человек понял бы, что его заход просто прокрутился обратно. Ну, или очень внимательный — но таких сторонников у президента давно уже не было.

— Это так трогательно, — Кит вытер воображаемую слезу. — Двадцать восемь лет всё-таки не виделись. Ну поговорили, с кем не бывает, расчувствовались, подумалось, дверку закрыть забыл да ключик выронил. Удобоваримая версия, от Эдриана ничего нормального никто и не ожидает. А будет артачиться, я ещё и покушение туда добавлю...

— Спасибо, Кит, — с чувством сказал Рэкс. — Что бы я без тебя делал... А что на полу на самом деле?

— Ну ты даёшь, — с укором глянул на него сильвис. — То лезвие, которым он собирался заколоть Аспитиса. Просто другой кадр. Заработался, друг.

— Мой сын, в конце концов, спас жизнь Мессии-Дьяволу, я слегка не в себе от гордости. Ладно, последи за ним, я постараюсь вернуться побыстрее. — Кит возвёл глаза к потолку, шутливо вскидывая в молитве руки, и Рэкс улыбнулся Адамасу: — А ты не забывай, что твой нетбук у меня. Не скучайте!

Адамас с Китом синхронно проследили за ним взглядом, пока не закрылась дверь, потом сильвис прищурившись глянул на хорона:

— Как ты сбежал из его кабинета?

Адамас достал из кармана дешифратор, и Кит рассмеялся:

— Теперь я ещё и соучастник, ну спасибо!

— А на вашем кабинете сработает? — поинтересовался Адамас.

— Защита, конечно, тут моя, но и девайс мой. Я не проверял, — ухмыльнулся сильвис.

— Мне можно?

— Ну давай.

Адамас прошествовал к двери и поднёс дешифратор к сканеру. На этот раз гаджет реагировал дольше, но в итоге всё равно створки двери раздвинулись в стороны. Показав Киту большой палец, Адамас шагнул через порог и побежал прочь от кабинета.

Остановился он только после третьего поворота и второй лестницы вниз — от греха подальше Адамас решил больше не ездить на лифтах. Погони вроде не было, и он, отдышавшись, двинулся вперёд по коридору — широкому, с редкими бронзовыми дверьми с номерами и с одним только человеком у фальшивого окна. Ему даже стало любопытно: остановит его этот человек или нет?

По приближении человек оказался хиддром — долговязым парнем лет двадцати в рабочем белом халате с синей полосой поперёк рукава. Адамас замедлил шаг, вглядываясь в его лицо и гадая, правда ли он его уже где-то видел или ему это кажется, потому что хиддров он в жизни встречал мало и они все были для него на одно лицо. Парень сосредоточенно рассматривал картинку на окне — огромный водопад в скалах, кажется, даже издававший едва различимый гул — и даже не шелохнулся, когда Адамас был в шаге от него. Но стоило только его миновать, как в сторону хорона метнулась длинная рука и крепко ухватила за капюшон толстовки.

— Оп-па! — порадовался хиддр. — А мне только Кит позвонил с просьбой тебя задержать. Если бы я был тобой и бегал от властелина всех камер Генштаба, не попадался бы хоть людям на глаза.

— Я учту, — Адамас дёрнулся, но хиддр держал крепко, и пришлось смириться с неизбежным. — А ты вообще кто?

— А говорят, у Страховых память хорошая, — ухмыльнулся пленитель. — Когда тебе и Кристиану было одиннадцать, я с вами почти неделю нянчился. Неужели я был так ужасен, что ты предпочёл об этом забыть?

— Вэлиант?..

— Ну слава ангелам.

— И что ты тут делаешь? Ты вроде, — Адамас опять был вынужден вспоминать года рождения, — только в Академии учишься? Третий курс?

— Второй, — Вэлиант враз помрачнел. — Второй у меня курс. В первый год не прошёл по экзаменам.

— Сочувствую, — хорон похлопал его по руке, удерживающей толстовку. — И чего мы ждём?

— Сейчас мой отец подойдёт, заберёт тебя, ему всё равно к Киту... А вот и он!

Адамас повернулся: из-за того поворота, докуда он стараниями Вэлианта так и не дошёл, к ним приближались двое: хиддр и рейтер. Рафаэль и Теодор Цессейский — вот уж его Адамас не забыл бы, даже если бы захотел, слишком уж часто он к ним заходил год назад, когда был у отца стажёром.

— Меня просили тебе передать, — Вэлиант показал на Адамаса отцу, нарочито игнорируя с усмешкой рассматривавшего их обоих сводного брата. — Ты же к Киту?

— Я-то к Киту, — Рафаэль вздохнул и почесал подбородок. — А вот тебе придётся

заняться Адамасом на ближайший час. Святозар не смог подойти, а у нас сейчас сбор из-за случившегося в казематах. Может, слышал, Аспитис сбежал...

— И Теодор с тобой? — неприязненно спросил Вэлиант, и рейтер шагнул к нему, сощуривая синие глаза.

— А что такого, брат? Я вроде как лидер группы, которую курирует наш отец. А ты — инженер. Причём не очень-то успешный, прости за грубое слово.

— Да ты других и не знаешь, — окрысился хиддр, и Рафаэль поспешил их разнять.

— Спокойно. Вэлиант, прости, не получится по-другому. По истечении часа, обещаю, я найду тебе другого консультанта.

— Если кто-то посчитает нужным проконсультировать твои недоделки, — вставил Теодор, и старший хиддр прожёл его взглядом.

— Тео, я что-то непонятное сказал?.. Тут рядом кафетерий, идите хоть пообедайте. Я позвоню.

— Да, отец, — вздохнул Вэлиант и потащил Адамаса вперёд по коридору.

— Во-первых, — хорон предпринял ещё одну попытку вырваться, но опять не преуспел, — я и сам пойду. Во-вторых, Тео напомнил мне мою сестру в её лучшие годы.

— Серьёзно? — хмыкнул хиддр, выпуская его капюшон. — Она тоже смешивала тебя с грязью почём зря?

— Я ей не отвечал, но она пыталась. А чем у вас тут кормят?

— Чем ни попадя. Выбирай что понравится.

Вэлиант шёл размашистым шагом, и Адамас, сильно уступающий ему в росте, едва поспевал за ним. Совсем скоро они вошли в кафетерий, и хиддр сразу отвёл подопечного к стойке с меню. Без особых угрызений совести Адамас набрал себе максимальное количество той еды, которую его мать считала вредной и не очень желанной в их доме, и вместе с Вэлиантом, тоже взявшим себе целый поднос разнообразных блюд, устроился за одним из крайних столиков.

— Теодору вечно достаётся всё самое интересное, — пожаловался хиддр. — Иногда мне кажется, что родной сын моему отцу не я, а он. И это при всём при том, что отец как бы тоже не совсем оперативник, больше аналитик, но вон как спелись.

— Да ладно тебе, — не понял Адамас. — Консультанта тебе ищет. Чем плохо?

— Не нужен мне никакой консультант, я и сам отлично справлюсь! — Вэлиант треснул кулаком по столу, и тарелки, подпрыгнув, зазвенели. — Это же Тео придумал. Он как будто меня подставляет постоянно. Сам же называет мои гаджеты недоделками, и сам внушает отцу, что я заслуживаю взрослого консультанта. Чтобы выставить меня ещё большей бездарью!

Адамас тряхнул головой, пытаясь постичь прозвучавшую нелогичность.

— Если ты сам отлично справляешься, почему говоришь, что взрослого консультанта надо заслужить? — осторожно спросил он, и Вэлиант отмахнулся.

— Да это я оговорился, не важно. Тео из кожи вон лезет, чтобы меня унижить. Когда я не прошёл с первого раза в Академию, он чуть ядом не изошёл. Я что, виноват, что меня не понимают? По его мнению, я плохо стараюсь. А по-моему, если у тебя талант, книжки уже не нужны.

— А у тебя талант?

— Ну конечно, я же всё-таки поступил на самый сложный технический факультет, пусть не сразу, но там конкурс под сто человек на место! — Вэлиант с чувством откусил от

котлеты. — Правда, та же фигня начинается: если я буду книжки читать, когда мне творить?

— И что ты творишь? — Адамас уже искренне забавлялся с него.

— Вообще, у меня мечта усовершенствовать существующие механические заменители утраченных конечностей — в первую очередь рук. А там и остальными имплантами можно заняться. Ты вот — знаешь, что пока нет настоящего рабочего импланта для глаза? Если у человека осталось хоть какое-то подобие сетчатки, что-то видеть с помощью имеющихся будет, а вот до протеза, если глаза нет вообще, техника ещё не дошла.

— Ну, может, у тебя дойдёт.

— Ага, лет через тридцать... Самое обидное, что и отец считает меня посредственностью. Я знаю, он ждёт от меня большего, а у меня не получается. Пока. Поэтому он и ходит с Теодором, — опять помрачнев, Вэлиант отхлебнул чая. Адамас, покончив со своими сверхперчёными колбасками, полюбопытствовал:

— Что ты вообще его слушаешь? Слушать надо друзей, а не братьев с сёстрами. Или родителей. Семью не выбирают — и они этим пользуются.

— Нет у меня друзей, — хмыкнул хиддр. — Одни завистники. Или лизоблюды — я же как-никак сын одного из близких друзей Рэкса Страхова. Вот уж клеймо.

— Не говори... Слушай, а у меня идея. Присоединяйся к нам с Кристианом. Старшего друга нам как раз не хватает. Будешь годика через два сопровождать нас по клубам...

— Вот зачем я вам нужен, — хохотнул Вэлиант, но Адамас видел, что он заинтересовался, и продолжил тему:

— Конечно, не только для этого. Мне жизненно необходимо на кого-нибудь отвлекаться, когда Крис в очередной раз обижается на какую-нибудь мелочь. Ну а тебе будет повеселее: лебезятничать перед тобой нам смысла нет, мы сами с фамилиями, а для завистников будет Тео.

— Я подумаю. У тебя тут что, стандартная страховская экскурсия сорвалась?

— Типа того. Ну и походя я спас жизнь Аспитису Пикерову, — усмехнулся Адамас, и Вэлиант вытаращился на него.

— Серьёзно?! Расскажи!

Терять было нечего, и Адамас кратко пересказал свои приключения, спросив в конце:

— Почему он только его отпустил?

Вэлиант задумчиво помахал в воздухе вилкой с макарониной.

— Мне только одно приходит в голову. Отдал долг.

— В смысле?

— А ты не знаешь? Мне папа рассказывал. Это в 56-м, что ли, было. Твоему отцу тогда разнесли машину, но его телохранитель перед собственной смертью успел его вытолкнуть в последний момент. Только в плен к МД Рэкс всё равно попал. Его привели к Аспитису — и Аспитис почему-то его отпустил, хотя ему такое благородство несвойственно да и охота ещё продолжалась. Подробностей я не знаю, лучше у своего отца спроси. Вот, наверное, Рэкс его и освободил. Чтобы не быть должным.

— Дурость какая-то, — разозлился Адамас, слушавший до этого хиддра с открытым ртом. — Надо пользоваться ситуацией, а не в благородство играть! Вот уж стоят друг друга, что один, что второй. Потому весь мир в такой заднице!

— Ну повлияй на него, — хмыкнул Вэлиант. — Ты же его сын. Он тебя послушает.

— Часто твой отец тебя слушает?..

Хиддр промолчал. Адамас с ненавистью вонзил вилку в особенно поджаристую палочку

картошки фри и осознал, что теперь, кажется, презирает отца ещё больше, чем раньше.

* * *

Вспомнив эти свои чувства, Адамас вновь испытал непреодолимое желание дать себе тумака. Как только можно было понять всё настолько превратно? Тем более что отец объяснил вполне понятным языком свой поступок — а ведь тогда, у кабинета, его сын благополучно пропустил это мимо ушей. Дело было вовсе не в благородстве — хотя, конечно, и в нём тоже, — а в той самой дружбе, о которой им рассказывал Хас. Если даже Аспитис, объявивший после известных событий верхушку ГШР своими злейшими врагами, предпочёл помянуть её хоть каким-то добрым словом, что уж говорить о Рэксе, который все эти годы утверждал, что не воюет с МД, а лишь отвечает им на особо чувствительные выпады. Всё-таки к 56-му Мессия гонялся за семьёй Страховых и им приближёнными шесть лет, как ещё объяснить то, что, получив вдруг желанное, он тут же от него отказался?

56-й. Адамас прикусил губу. Интересно, пленение отца случилось до его собственного неудавшегося побега или уже после? И если до, не потому ли отец так разъярился — перепугался, например, что второй раз Аспитис уже не будет столь милосерден, если сын Рэкса попадёт в лапы его подчинённых? Впрочем, если и после, особенно ничего не меняется. Наверняка отца возмутило не неподчинение Адамаса, а его легкомыслие. Их семья в постоянных бегах — а он вот так запросто уходит на ночные улицы, один, в восемь лет. И как только раньше подобное объяснение не пришло ему в голову?

Рывком Адамас встал с кровати и пошёл к выходу из барака. С отцом всё более-менее понятно — осталось поподробнее выяснить обстоятельства, при которых Аспитис поступил так, как ему несвойственно и абсолютно неадекватно ситуации. С этой информацией будет легче потом строить стратегию по слиянию обеих организаций — вдруг окажется, что даже с Аспитисом можно договориться? Как именно всё тогда произошло, точно должен знать Бельфегор. К тому же у Адамаса свободна сегодня минимум половина дня, а с первого визита к Беккеру уже миновало две недели...

Утром в воскресенье Бельфегор, конечно, мог быть где угодно, но первым Адамас решил проверить его барак. У сидевшей на пороге Тинаш, заточивавшей нож, хорон спросил, где их командир, и получил исчерпывающий ответ: хаена показала отставленным большим пальцем куда-то за дом, очевидно на задний двор. Поблагодарив, Адамас поспешил к углу барака, от которого в прошлый раз заглядывал к Бельфегору, и, услышав разъярённый голос собственной сестры, как и тогда, остановился на повороте.

— Признайся честно, ты держишь меня за дуру?! — грозно спросила Миа, и Адамас осторожно выглянул. Хорони, вся напряжённая и раскрасневшаяся, стояла возле когда-то вынесенного стола, за которым Бельфегор, похоже, делал записи, а вольготно расположившийся на стуле вытянув под стол ноги сын Аспитиса с каменным лицом собирал пистолет.

— Мне не совсем понятна суть ваших претензий, госпожа Страхова, — отстранённо проговорил он. — Перед этим упражнением я обозначил все необходимые действия по правильному обращению с моделью АГР-93. То, что у вас заклинило затвор, целиком и полностью ваша вина.

— Да это ты мне его таким подсунул! — Миа хлопнула ладонью по столу в сантиметре

от Бельфегора, но тот не дрогнул и веком.

— Однако на ошибках учатся, госпожа Страхова, — продолжил хорон, будто его и не прерывали. — Теперь вы надолго запомните, что нужно делать, чтобы «агран» выстрелил. Какие-то ещё вопросы по занятию есть?

Адамас мысленно присвистнул: невероятно, неужели Бельфегор все эти две недели так общается с Миа? Вот это выдержка!

У Миа, однако, насколько он помнил, с выдержкой было хуже. От последней фразы своего преподавателя она всплеснула руками, топнула ногой и почти крикнула:

— Прекрати так со мной разговаривать!!! Это месть такая, что ли, за то, что я тебе отказала?!

— Это соответствующий вашему происхождению и поведению максимально корректный тон, требуемый для эффективной настройки вас на занятия, — Бельфегор закончил с пистолетом и повернулся к Миа, глядя ей прямо в глаза. — Вы можете подать письменное прошение о пересмотре нашего обращения друг с другом, обещаю ознакомиться с ним сразу по поступлении. А если короче, госпожа Страхова, — он позволил себе слабую улыбку, — не я это начал, и не мне это заканчивать.

Адамас кожей ощутил, как последние остатки терпения оставили его сестру: она оскалила зубы, сжала кулаки, будто вот-вот набросится на обидчика, но также он отлично знал, что обычно происходит после такого, поэтому не стал вмешиваться в их конструктивную беседу.

Миа не отступила от своих привычек: как и ожидал её брат, после этого максимального напряжения она расслабилась в ту же секунду и, так же как Бельфегор, вежливо улыбнулась.

— Я тебя поняла, Бельфегор. Вопросов по занятию нет. Я могу идти?

— Да, вы свободны. Расписание на следующую неделю у вас есть?

— Есть. До следующей встречи.

Мимо Адамаса Миа прошла в полуметре — и даже не заметила его. Покинув свой наблюдательный пост, Адамас двинулся к Бельфегору, уже готовясь поздравить его с тем, что тот умудрился грамотно поставить его взбалмошную сестрицу на место.

На звук шагов Бельфегор обернулся и ухмыльнулся, завидев его, так недобро, что Адамас в нерешительности остановился, так и не дойдя до его стола.

— Вы только посмотрите, кто пришёл, — Бельфегор встал и козырнул ему двумя пальцами. — Что такое? Шшгерны слишком заняты, а с Кристианом не о чем разговаривать, и ты решил зайти ко мне? Не прошло и двух недель, как говорится?

Адамас опешил от этой неожиданной атаки, и, пока подбирал нужные слова, Бельфегор сделал три шага к нему и холодно посмотрел сверху вниз.

— Ради всех святых, не списывай это на ревность или обиду, — высокомерно усмехнулся он. — Мне лишь любопытно, сколько стоит твоя дружба. В кафетерии больницы ты заставил этих следопытов отсесть подальше, а уже завтра — да и во все последующие дни — сам от них ни на шаг не отходишь. Могу сделать вывод: дружбой тут и не пахнет, ни в одном из случаев. Тебе что-то было нужно от меня, теперь — от них. Думаешь, раз я весь тут такой насквозь одинокий, буду ждать твоих визитов затаив дыхание?

— Бельфегор... — попытался вставить слово Адамас, но хорон вскинул руку, призывая его к молчанию.

— Я не закончил, Адамас. Я ничего не имею против взаимовыгодного обмена информацией: я рассказал тебе про то, из-за чего рассорились ГШР и МД, ты мне — о том

стоит ли попробовать увлечь твою сестру. К твоему сожалению, мне больше ничего от тебя не нужно. Но я дам знать, если что-то изменится.

Адамасу стало нехорошо. Они с Бельфегором вроде как и не клялись друг другу в вечной дружбе, но действительно неплохо сошлись во время того визита в больницу — и, не увлекись он так общением с Хасом и близнецами-терасами, он обязательно ещё зашёл бы к нему поговорить. Они ведь похожи, да и сколько можно было бы обсудить по поводу войн или Миа. А теперь своим выступлением Бельфегор загнал в тупик их обоих — ни одного отходного пути, что бы Адамас сейчас ни сказал, всё выйдет глупо и неискренне.

— Можешь не придумывать оправданий, — хмыкнул Бельфегор, кажется, хорошо читавший лица. — Что бы там ни было, ты не меня не впечатлишь. Прав был кто-то сказавший мне, что друзей надо искать в своей возрастной категории. Ты для меня ещё ребёнок, Адамас, пусть уже и совершеннолетний. Вперёд, играй в свои онлайн-игрушки. И вот это забери, много места занимает.

Он достал что-то из кармана форменных штанов и вложил Адамасу в руки, одновременно разворачивая хорона за плечи к тому углу, откуда он пришёл.

— С прошедшим днём рождения, — услышал хорон на прощание и посмотрел на предмет в ладонях — это оказался искусно выточенный нож с орнаментом по лезвию, видимым даже за кожаным чехлом. Адамас сунул подарок за поясной ремень и обернулся: Бельфегора на заднем дворе уже не было. С горящим лицом хорон пошёл обратно к себе.

Больше никаких занятий у Бельфегора в этот день назначено не было, и сын Аспитиса хотел было осесть в бараке почитать новости с фронта, но буквально на пороге оказался схваченным заскучавшей Тинаш и был вынужден уйти с ней потренироваться в кейко. Когда они оба выдохлись, вернулись и остальные — как Бельфегор ни отнекивался, пришлось отправляться на обед, а там Унур и Иму, примерно через час, решили устроить ещё один бой и позвали его судьёй, опять без права отказаться. Хорон и сам не заметил, как кончился этот день — в который он заставил задуматься над собственным поведением обоих младших Страховых и не принёсший ему самому ничего, кроме усталости.

Его жизнь вообще, кажется, окончательно стала смесью из тренировок и занятий. После того взрыва эмоций Миа, как это ни удивительно, превратилась в обычную девушку без провокационных шуточек и улыбок, и Бельфегор даже снизошёл до того, чтобы опять обращаться к ней на «ты» и по имени. Она всё так же снилась ему по ночам, и он иногда подвисал, наблюдая на обучении за её движениями и мимикой, но с детства у Бельфегора отлично получалось закрывать душу от причиняющих неудобства чувств — и свою влюблённость он тоже похоронил с успехом. Как и неслучившуюся дружбу с Адамасом, с этого момента ставшего для него просто одним из учеников — талантливым, исполнительным, корректным, перспективным, лучше чуть ли не всех, — но более никак из общей массы не выделяющимся.

От отца вестей не было, и Бельфегору начинало казаться, что он застрял на этой базе до самого выпуска курсантов. Этот факт он принял с честью и не пытался никак разбавить рутину: его подчинённые иногда ездили в город, посещали немногочисленные массовые мероприятия, частенько, подобно Шштернам, зависали в онлайн-играх, шумной компанией захватывая какую-нибудь военную базу, Бельфегор, в свою очередь, даже не искал разговора ни с кем из старших. Единственным его развлечением оставался Скотт, всё не оставляющий попыток расположить к себе Дилайлу.

Его было видно и слышно всегда, и постепенно Бельфегор втянулся в устроенную им

мелодраму с элементами чёрной комедии. Эриха от его выходов иногда срывало даже на людях — после их стычки, подсмотренной Бельфегором и Джейем, Скотт каждый раз придумывал что-нибудь новенькое, чтобы унижить соперника, — Дилайла же, наоборот, вроде как начала относиться к его настойчивым ухаживаниям как вседержимая мать Тереза. Нет-нет да к Бельфегору приходили мысли о том, что поведение эксцентричного повара первичной целью имело разозлить Эриха, а уже потом понравиться Дилайле. Проверая свои догадки, хорон старался оказываться в самой гуще конфликта и запоминать подначки и их последствия. Тем более что до сих пор Скотту ни разу не сделали сурового внушения за несоблюдение субординации, и рано или поздно терпение Табиты должно было лопнуть.

Дни для Бельфегора летели незаметно, и он даже не понял, когда успел наступить почти конец января. На 33-е число, пятницу, в честь Дня образования МИЦа, был запланирован особенный ужин для всех, и курсантов, чтобы получился сюрприз, попросили до объявления не приближаться к столовой, так что Бельфегор без сомнений выбрал это время для очередного участия в представлении Скотта. Терас не звал никого на помощь, более того, намекнул всем преподавателям, что лучше бы и им потерпеть до сюрприза, но не только Бельфегор решил проигнорировать эту просьбу. Подойдя за час до мероприятия к столовой, сын Аспитиса осознал с удивлением две вещи: во-первых, праздник будет проходить на улице, так как Скотт вместе с другими работниками кухни самозабвенно переносили столы, и, во-вторых, в нём будут участвовать все обитатели базы — потому что рядом с явно ошарашенным Джейем за одним из вытасенных столов сидел хмурый Герберт.

— Нет места лучше родного дома? — поинтересовался Бельфегор, усаживаясь рядом с Джейем и отмечая снежную белизну скатертей. Герберт отвернулся, глядя куда-то в пространство, а рыжий хорон растерянно хмыкнул:

— Не поверишь, я спросил у него то же самое, слово в слово.

— И что он ответил?

— Как и тебе, ничего.

— Ясно, — Бельфегор забарабанил пальцами по столу, наблюдая за Скоттом, лихо управляющим своим маленьким отрядом. — А что, справлять рождение МИЦа будем снаружи?

— Я был уверен, что внутри, — признался Джей. — Пришёл помочь, а тут уже перестановки.

— Они хоть санкционированы руководством?

— А вот сейчас и узнаем, — хорон кивнул на выходящих из-за административного здания Дилайлу и Эриха, пока слишком занятых собственным разговором, чтобы заметить перемены.

— Эрих, опять двадцать пять? — услышали хороны устало-раздражённый голос теры. — Я не хочу начинать всё с начала, я ещё на Новом году тебе сказала! Ты правда считаешь, что за четыре недели я могла передумать?

— Тогда ты даже согласилась на кое-что! — наступал Эрих. — Всё из-за этого чёртового повара, да?

— Я ни на что не соглашалась, я сказала, что подумаю! Тебе не кажется, что ночка на Новый год выдалась та ещё? И Скотт тут совершенно ни при чём! — Дилайла отошла от пеланна на шаг в сторону и наконец посмотрела вперёд. Наблюдавшие за ней увидели, как лицо её вытягивается, а глаза превращаются в узкие щёлочки. Тера выдохнула: — Что за?.. Скотт! Что ты тут устроил?!

— Мы с тобой ещё недоговорили, — Эрих успел поймать её за руку, когда она рванулась к Скотту, в честь праздника раскрасившему свой белый халат в цвета флага и эмблемы МИЦа — и через него явно действовавшему на Дилайлу как красная тряпка на быка.

— Отпусти меня! Если тебе всё равно на этот бардак, мне нет! — рванулась девушка, но пеланн только ближе поддёрнул её к себе. Переведший взгляд на Скотта Бельфегор увидел, как тот поставил на ближайший стол тарелки, которые изначально нёс дальше, и полностью повернулся в сторону парочки, как-то непонятно улыбаясь.

— Мне не всё равно на бардак в наших отношениях! — прошипел Эрих, не выпуская теру. — Ты бросила меня по совершенно надуманной причине, у нас всё было отлично! Теперь же только и слышно: Скотт, Скотт, Скотт! Может, ты на него запала?

— Нет у нас никаких отношений! Но, если тебе так будет проще обо мне забыть, да, я на него запала! Дай-ка докажу! — с ловкостью змеи Дилайла вывернулась из хватки Эриха и, в несколько торопливых шагов дойдя до так и стоявшего столбом Скотта, впиалась ему в губы. Кто-то из помощников чуть не выронил тарелки, другой споткнулся, а Бельфегору захотелось включить камеру на телефоне — настолько сражёнными наповал этой выходкой выглядели и Эрих, и сам Скотт.

— Ну а теперь, — Дилайла отстранилась и ткнула указательным пальцем в грудь часто моргающему Скотту, — может, в благодарность за чудесное мгновение ты мне ответишь, какого чёрта ты вытащил столы наружу?!

— А почему нет? — парировал тот, широко разводя руки. — Ночь тёплая, антикомариный спрей убойной силы «Тридцать три комара на кубический сантиметр пространства» расплён, чего в помещении сидеть?

— На каком основании ты занимаешься самодеятельностью? Я повторюсь, это военная база, и...

— О, ради всего святого, — Скотт досадливо сморщил нос, — прекращай строить из себя хранительницу правил. Мне рассказывали, что ты совсем не такая. Была, по крайней мере.

— И кто же это рассказывал? — грозно спросила Дилайла и вздрогнула, как и все собравшиеся, от прозвучавшего в стороне Эриха спокойного голоса.

— Я рассказывала. Отставить нравоучения, это моя святая обязанность.

Бельфегор с Джемем синхронно повернули головы: близко от пеланна стояла сложившая на груди руки недобро усмехавшаяся Табита. Дилайла отступила от подобрывшегося Скотта, и эрбисса медленно подошла к ним, оглядывая обстановку.

— Можешь ответить мне, Скотт, — разрешила она. — На каком основании самодеятельность? Планировалось украсить столовую, а не близстоящие столбы, которых у нас в явном дефиците, я вот вижу только один. И не уверена, что он был здесь раньше.

— Я приношу свои извинения, заведующая Багдассар, — Скотт вытянулся в струнку, вмиг посерьёзнев и как будто слегка погрубев голосом, и Бельфегор впиался в него взглядом: поза, тон, угол, с которого было видно его лицо, всколыхнули что-то в памяти, и он должен был понять что. — Мне хотелось сделать сюрприз и вам. К тому же блюда, выбор которых вы предоставили мне, обещают быть душистыми — им было бы лучше на открытом воздухе. Столб мы вкопали сами, наверху ещё должен будет висеть флаг МИЦа, если, конечно, вы разрешите продолжить подготовку здесь.

— А если нет? — хмыкнула Табита.

— В секунду всё уберём, — на лице Скотта не было и тени улыбки — Бельфегор и не

подозревал в нём умения быть серьёзным, пусть и исключительно с вышестоящими.

— Ладно, я сегодня добрая. Только не увлекайтесь, до начала меньше часа, а к готовке вы, кажется, ещё не приступали.

— Это вы так думаете, — наконец чуть ожил терас, подмигивая ей. — Основа будет в нашем распоряжении... — он вскинул руку с часами, и воспоминание в голове Бельфегора оформилось окончательно, — через тринадцать минут двадцать пять секунд. Всё под контролем.

— Отлично. Работайте, — Табита улыбнулась ему и неспешным шагом двинулась обратно к администрации. Дилайла посмотрела на Скотта как на зачумлённого.

— А как часто ты выпускаешь нормального себя из тюремной клетки? — с подозрением поинтересовалась она, и терас рассмеялся.

— Как только он оказывается мне нужен, — разъяснил он и хлопнул над головой в ладони, привлекая внимание помощников. — Господа, дамы, не отвлекаемся, время ограничено!

За тем, что происходило дальше, Бельфегор уже не следил. У него перед глазами было лицо того солдата-генштабовца, который вместе с командиром их отряда обеспечил поражение аркановских диверсантов во главе с Брутусом. Терас лет тридцати пяти или старше — он с лёгкостью, хотя, кажется, и сам был ранен, помог Бельфегору подняться с земли, когда их четверо врагов отступили. Ещё спросил: «Живой?» — таким тоном, как будто между ними нет различий, кто к какой принадлежит организации, будто и он не сын Мессии-Дьявола, а просто соратник-солдат, за которого и умереть не жалко — просто потому, что они оба на одной и той же войне.

И потом он же отчитывался через несколько часов перед приехавшим Аспитисом — сухо, в максимально корректных выражениях изложил всю ситуацию, единственный оставшийся с Бельфегором из генштабовского отряда, пошедшего дальше сопровождать на Дракон технику. И закончил отчёт словами: «Я приношу свои извинения, Мессия, что мы не смогли помочь спастись всему вашему отряду». Отец тогда высказал Бельфегору многое, чего раньше себе не позволял: в основном по поводу его легкомыслия, чуть его не погубившего, ведь он настаивал, чтобы в сопровождение к Бельфегору пошли его молодые гвардейцы, а тот вместо них взял более опытных бойцов. При этом нападении и полёгших, потому как опыт опытом, а способности и фанатизм иногда оказываются весомее. Бельфегор не хотел окружать себя фаворитами и несколько побаивался непохожести на обычных агентов навязываемых ему гвардейцев — забавно, что именно их ему сюда, на базу, потом и назначили. Свой монолог Аспитис закончил многообещающим: «Вопрос с тобой будет решён в ближайший час, я дам тебе знать», — и вышел из палатки, а терас шагнул к Бельфегору, положил руку ему на плечо и, сказав: «Держись, хуже он тебе всяко не сделает», — тоже ушёл.

Могут ли он и Скотт быть одним и тем же человеком? Рэкс обязан был что-то придумать, чтобы следить за происходящим в лагере, почему не поместить к ним доверенного соглядатая? Правда, такое разительное перевоплощение... Проследив, как Скотт в обнимку с одним из помощников уходит в столовую — уже точно готовить, — Бельфегор встал и, начисто забыв про Джея с Гербертом, направился к административному зданию, узнавать биографию тераса от Табиты.

Праздник прошёл на ура, и разошедшиеся курсанты, которым разрешили сидеть до последнего, даже помогли всё убрать и помыть посуду, прежде чем отправиться по баракам.

Весь ужин Бельфегор следил за собравшимися: веселиться у него настроения не было, хотя пару раз и пришлось спешно придумывать тосты. Адамас, конечно, сидел со своей старой компанией — хаен, тамас, тилон, — кажется, со Шштернами они с кузеном общались на меньшей публике. Миа не отходила от Сати: они неплохо сошлись за этот месяц — а больше дочка Рэкса ни с кем и не разговаривала, хотя и казалась компанейской донельзя. Эрих отсел ото всех и, кажется, даже толком не притронулся к еде — неужели и правда поверил, что Дилайла хочет быть со Скоттом? Праздник, по крайней мере, они проводили по отдельности, это определённо была разовая акция. Более того, после этого демонстративного поцелуя Скотт и вовсе избегал её, ужиная с другими служащими и почти не откалывая своих обычных номеров. Получил больше, чем хотел, и не знает, что теперь с этим делать?

Но ещё более интересными выглядели внезапно вернувшийся Герберт и Джей, по неведомой Бельфегору причине о чём-то тихо переговаривающиеся весь вечер напролёт. До пропажи Герберта хорон не замечал за ними собой дружбы, какие-то у них нашлись общие темы? Раньше эрбис в принципе ходил особняком, что поменялось за четыре недели — и не связано ли это с нападением Брутуса, в котором на стороне лагеря участвовал его кузен Стас?

Джей, конечно, вряд ли бы раскололся, но была надежда узнать хоть что-то косвенно, и Бельфегор проследил, куда по окончании ужина ушёл хорон, чтобы подойти чуть позже и пообщаться. Он видел, что Джей скрылся в административном здании, куда ещё раньше сбежал с уборки столов Герберт, и, вместе со всеми закончив с посудой, был уверен, что Джей улёгся спать в собственной комнате. Однако, когда Бельфегор по тёмным коридорам добрался до неё, дверь оказалась открыта, а сама комната пуста. Вся администрация уже закрылась у себя, погрузив дом в тишину, и, прежде чем уходить отсюда, нужно было проверить ещё одно место.

Ход на крышу, где раньше Бельфегор частенько видел Герберта, был через кухню по отдельной винтовой лестнице, сразу через два этажа, — пришлось подсвечивать себе дорогу сотовым, чтобы случайно не навернуться. Перед дверью хорон на несколько мгновений замер, прислушиваясь, но никаких разговоров на крыше не велось, и он толкнул дверь, открывая обзор.

Джей оказался здесь, один. Он устроился на самом краю, свесив ноги, и не шевелясь смотрел куда-то вверх стены и смотровых башен, напоминающих маяки, — то ли в тёмный лес, то ли вообще за горизонт, в синий бархат неба с яркими гвоздями-звёздами. Бельфегор нарочито шаркнул дверью — негромко, чтобы Джей от неожиданности не свалился с крыши, но достаточно, чтобы предупредить о себе, — и хорон обернулся.

— Можно к тебе? — спросил Бельфегор. Джей кивнул.

— Это общая крыша.

— Не настолько большая, чтобы комфортно сидеть по разные концы, — усмехнулся Бельфегор, проходя и садясь рядом с ним. — Я не мог не спросить.

— Да я понял. Тоже не спится?

— Обычно к ночи я валюсь с ног, но сегодня, видно, впечатлений было слишком много. Один Скотт чего стоит.

— Это да, вот уж устроили мыльную оперу, — хмыкнул Джей. — Похоже, теперь он совершенно растерялся. Небось думал, Дилайла никогда не ответит ему взаимностью, а тут такое. И не поймёшь, то ли она в шутку, то ли всерьёз. Как думаешь, она ему правда нравится

или так, чтобы было чем заняться?

— Я не думаю, я знаю, — мрачно усмехнулся Бельфегор. — Чтобы было чем заняться. И чтобы позлить Эриха.

— Это он тебе сказал?

— Нет, я сам так считаю. Иначе он вёл бы себя по-другому. Хотя посмотрим, что дальше будет... Ты-то что такой хмурый ходишь? Нежели до сих пор переживаешь из-за понижения?

— Да к чёрту это понижение, — вздохнул Джей. — Просто я работаю тут и с каждым днём осознаю, что совершенно не выполняю своих прямых обязанностей. Более того, я уже вообще смутно себе представляю, в чём они заключаются.

— А изначально какие были? — улыбнулся ему Бельфегор.

— Присматривать за Адамасом и преподавать. Доприсматривался, сам понимаешь. И вроде как с меня это сняли, потому что как вообще можно за ним присматривать, а мне всё равно кажется, что я чего-то недорабатываю...

Бельфегор хлопнул его по плечу.

— Ты слишком много на себя берёшь, Джей, — упрекнул он мягко. — У тебя есть задача, выполняй её. Ты не можешь сделать всего, особенно если этого не приказывали, ты просто солдат, прими это.

— Жизнь меня научила, Бельфегор, что, если не брать на себя больше положенного, ничего не добьёшься — или никто и не возьмёт, — скривил губы помрачневший Джей. — Не лезь я когда-то из кожи вон, не прыгай выше головы, стажёром Рафаэля Талайсибары не оказался бы. Теперь надо соответствовать. Да и сложно быть просто солдатом, когда в одной группе с тобой — синаец и гениальный программист...

— Неужели очередной алмаз вроде Кита Гаспарова?

— Не совсем, он больше механик, инженер, но в такой области, что там без программирования никак. Тоже у нас проходит некое подобие стажировки, чтобы потом уйти в более подходящий отдел. Как и Теодор Цессейский. Они все такие талантливые, у меня-то одно упорство да способности. А это совсем другое... Впрочем, не важно. С этим понижением я в группе уже не состою, что париться, — Джей подтянул к себе одну ногу и положил голову на колено.

— Слушай, преподавать у тебя получается очень уж неплохо, сам слышал, как курсанты что-то из тобой рассказанного обсуждают — да ещё и подробно. Может, на этом остановишься? Ты не всемогущ.

— А хотелось бы...

— Брось. Посмотри на меня, — Бельфегор ткнул в себя пальцем. — Выше, как говорится, только звёзды. И что? Сижу тут, тоже, вон, преподаю. Потому что когда-то так же решил взять на себя больше, чем мог, и отец меня за это наказал.

— Наказал? Он просто убрал тебя с войны, потому что вдруг осознал, что тебя могут убить. До того нападения он явно об этом не задумывался, — фыркнул Джей, и Бельфегор удивлённо посмотрел на него.

— Странно, Адамас сказал мне почти то же самое.

— Ну, это же очевидно. Ты правда считаешь, что ему настолько на тебя плевать, что он легко и обидит, и потеряет тебя?

— Знаешь, буквально с сегодняшнего дня я в этом уже не уверен, но всё равно, зачем тогда... Ладно, не будем. А как твоя семья отреагировала на твой карьерный взлёт?

— А у меня нет никого. Я оказался в детдоме после того, как мой отец, запойный алкоголик, на моих глазах зарезал мать и то же самое собирался сделать со мной. Совсем двинулся, — глаза Джея вспыхнули мрачным огнём. — К счастью, один из разбросанных им ножей попал мне под руку, я его выставил перед собой, он и напоролся. Мне шесть лет тогда было. До сих пор всё в мельчайших подробностях помню.

— Твой отец был из ГШР? — ошеломлённый рассказанным, Бельфегор постарался задать вопрос максимально осторожно. Джей мотнул головой.

— Нет, обычный смертный. И детдом обычный. Я тогда замкнулся в себе, меня вообще отставшим в развитии из-за психологической травмы посчитали — я ещё три года ни с кем не разговаривал, меня и вовсе перестали замечать. А я вот многое замечал. Например, что наш директор имеет какие-то связи с наркоторговцами — причём, когда объявили о начале КТО на Севере, сношения не прервались, а мы от Севера были очень близко, побоялся бы, что ли. Однажды к нему и нагрянули с проверкой — Рафаэль собственной персоной, один. Свой визит он замаскировал под генштабовскую помощь детдому с недостатком финансирования из-за близости к границе, но директор попрытал на всякий случай детей, которые что-то видели или слышали о его деятельности, благо у нас было куда. Всех, кроме меня. Не уверен, что он в принципе помнил о моём существовании. Я тогда с раннего утра сидел под столом на улице, шёл дождь — кто бы стал там смотреть? Рафаэль уже возвращался, решил пройти через площадку — и заметил меня. Директор долго извинялся, «прямо из-под носа убежал», говорил, сейчас меня высушат, уберут в тепло, я недоразвитый, бедный ребёнок, ничего не понимает. И так меня всё это взбесило, что я всё Рафаэлю и выложил, что знал о дружках директора. Гэшэровцы в момент как из-под земли выскочили.

— И потом ты решил пойти к ним работать? — спросил Бельфегор, донельзя заинтригованный этой историей.

— Я вообще не мог думать ни о чём другом, — улыбнулся Джей. — Рафаэль остался в моей памяти как ангел-судия, чуть ли не в доспехах, я был обязан увидеть его ещё хоть раз. Нам поменяли управляющего, подлатали детдом — и я начал учиться. Я знал, что агент был из столицы, значит, надо было поступать в столичную Академию, а конкурс там о-го-го. Но я поступил, к аналитикам. Жил в общежитии для иногородних, из-за учебников вообще не вставал. На практике всё спрашивал про Рафаэля, и мой куратор пообещал мне, что в случае успешной сдачи экзаменов он сведёт нас поговорить. Я был лучшим учеником факультета, ни капли не сомневался, что сдам на отлично и диплом защищу с блеском. А как узнал, что Рафаэль будет в комиссии, чуть опять не онемел...

— Но защитился? — подмигнул ему Бельфегор, и Джей возвёл глаза к небу.

— Не мог же я перед ним опозориться. Я рассказывал, а он не отрываясь смотрел на меня, как только у меня голос не сорвался. Когда все защитились, он подошёл ко мне, поздравил и спросил, не встречались ли мы раньше. Ну а потом пригласил в свою группу, которой как раз недоставало аналитика с функциями оперативника, Теодору на подхват. И конечно, на стажировку.

— Лучший студент Академии... и ты считаешь, ты хуже их?

Джей пожал плечами, опять поникая и мрачней. Бельфегор понял, что подбадривающие слова у него кончились, — спросить что ли, в лоб про Герберта? Может, Джей из-за всего этого и переживает и ухватится за шанс исповедоваться? Хорон уже открыл рот, но позади зашуршало, и знакомый голос весело спросил:

— Ночные мужские посиделки? Можно к вам?

Они с Джемем опять обернулись одновременно: у двери на крышу стоял Скотт в очередных драных джинсах и аляпистой футболке с широким воротом. Джей поприветствовал его первым:

— Проходи, третьим будешь. Хочешь поделиться впечатлениями от Дилайлы?

Терас неопределённо хмыкнул и сел по другую сторону от Джея, сразу нагибаясь, чтобы посмотреть вниз.

— Это вы правильно место выбрали, — одобрил он. — Табита с другой стороны, а Эрих и упомянутая тобой Дилайла, к счастью, уехали в город. Мне бы не хотелось обсуждать кого-либо прямо над их головами.

— И куда они собрались на ночь глядя? — усмехнулся Бельфегор.

— А это, знаете ли, не моё и не ваше дело, отпустили, и слава ангелам. Боязно у неё интересоваться.

— Даже после того, что она сделала? — удивился Джей. — То есть вы больше не разговаривали?

— Я же знаю, что она это сделала, только чтобы позлить Эриха, — Скотт почесал отросшую за этот месяц жёлто-чёрную бородку. — К тому же я никогда не планировал дальше. В смысле, что делать, если вдруг она ответит мне взаимностью.

— А что делать, если она узнает, кто ты на самом деле, планировал? — сощурился Бельфегор, и Скотт непонимающе посмотрел на него.

— То есть «кто я на самом деле»?

— Можешь больше не притворяться, Скотт. Давай хотя бы между нами тремя признаем, что ты — агент I уровня Стиан Шшварцзее. Под прикрытием. Следишь за Эрихом и охраняешь Адамаса, — хорон торжествующе улыбнулся, но заслужил в ответ только поощрительную ухмылку.

— Много же тебе понадобилось времени, чтобы наконец заинтересоваться моей биографией. Я рассчитывал минимум на две недели раньше. Совсем вы тут расслабились, господа.

Он вмиг неузнаваемо переменился: голос стал ниже, лицо жёстче, мимика сдержаннее. Теперь Бельфегор видел перед собой и вправду того самого солдата, кто спас его, хотя и отлично загримированного — даже пятна на лице и руках были на других местах. И намного моложе.

— Мы просто полностью полагаемся на руководство, — парировал Бельфегор, пока Джей отходил от этой новости. — Тебя с фронта, что ли, сюда забросили?

— Как и вас, поездом, — кивнул терас. — Ещё вопросы?

— Какие у вас претензии к Эриху? И почему я не в курсе?

— Он всё-таки не твой подчинённый. А претензий есть парочка. Подозрительное поведение и не менее подозрительные контакты со странными лицами, а если учесть, что он бывший шпион, отношение к нему особенное. И ваше, и наше Управления всегда стараются следить за такими людьми, они очень легко могут перейти на третью сторону. Или четвёртую.

— Есть и четвёртая? — сглотнул Джей. Стиан поощрительно улыбнулся ему, а задумчивый Бельфегор уточнил:

— Я правильно понимаю, что в первую очередь это связано с его новым местом работы? Связующий отряд, поэтому ты... Чёрт, — хорон потёр виски, — тогда, после нападения, я не мог говорить с тобой никак иначе, чем на «вы». Это панибратство...

— Оставь, Бельфегор, — отмахнулся терас. — Мне не принципиально. Кстати, ты неплохо держишься здесь, молодец. Вот уж вышколили наследного принца.

— И ты туда же...

— А можно я ещё спрошу? — опять подал голос Джей, и Стиан повернулся в его сторону. — Сколько тебе... вам на самом деле лет? I уровень в двадцать четыре...

— Мне тридцать пять, — улыбнулся терас, и глаза хорона стали ещё шире. — Это долговременный грим, расчёт на месяц. Потом, если так ничего и не случится, придётся обновлять.

— А что-то должно случиться? — насторожился Бельфегор.

— Ну конечно. Половина отряда Брутуса выступила против него, а по нашим данным, их особенности находятся в прямой зависимости от вовремя сделанных инъекций. К концу января кто-то точно активизируется. Я бы даже поставил на то, что именно Брутус. Он подстроит всё так, чтобы выманить их примерно в то время, как они уже ослабнут от своего вируса, и с кое-кем на базе это тесно связано.

— Откуда данные? — краем глаза Бельфегор заметил, что Джей занервничал.

— Я же шпион, — хмыкнул Стиан. — У меня прослушка повсюду. Твои Шштерны, правда, постоянно портят мои жучки, если замечают, они, похоже, уже давно знают, кто я, и не желают посвящать меня в свои тайны. Особенно если учесть, во что они вляпались...

— Ты знаешь, почему они вдруг сблизилась с Адамасом?

— Знаю. А вы почему-то всё пустили на самотёк, солдаты. Так уведут кого-нибудь из-под носа, а вы и не заметите. Не забывайте, что вы тоже глаза и уши вышестоящих, а в силу возраста имеете возможность расположить к себе потенциальные цели захватчиков и предупредить диверсию. Особенно это касается тебя, Джей, — Стиан прожёл хорона взглядом, и тот отвёл глаза. — Что бы ни случилось, ты на службе. Не расслабляйся. Ты можешь мне ответить, где пропадал Герберт?..

— Я не настолько близко с ним общаюсь, — тихо отозвался Джей, не поднимая глаз, и Стиан неодобрительно цокнул.

— Плохо, Джей. К нему толком не подобраться, а противостоящий Брутусу Особенный — всё-таки его любимый кузен. Но у тебя есть время это исправить.

— Особенный? — переспросил Бельфегор.

— Это их кодовое название, всех, кто сверхъестественно двигается. Брутус, Стас, Дилан, Ове. Джей, ты слышал меня?

— Я постараюсь, — Джей, всё так же не глядя никому в глаза, под внимательным и острым взглядом Стиана вдруг поднялся. — И мне, пожалуй, пора. Голова кружится, как бы не сверзиться случайно с крыши... Доброй ночи.

Бельфегор и Стиан проследили за тем, как он слегка рассеянной походкой скрывается с крыши, потом терас непонятно усмехнулся и задумчиво уставился на горизонт. Хорон, выждав паузу, заметил:

— Ты спугнул мне его. Я искал Джея, чтобы как раз про Герберта узнать. Но сначала меня отвлекли драматической историей про детство, а потом ты... Это специально?

— В кои-то веки нет, — отозвался Стиан. — Я тоже искал его для этой цели. Однако, похоже, в том, что грызёт Джея на протяжении всего времени, что я здесь, он признается только под пытками. Неудачно.

— Целый месяц?..

— Примерно с нападения. А я никак не могу ни на чём его поймать. Когда Брутус тут

недавно на территории появился, чтобы с Адамасом поболтать, я специально завалился к Джею в гости — проверить, имеет ли он с ним сношения, глянуть, так сказать, в лицо. Но эти самые сношения оказались только у Адамаса через Кристиана... Не переживай, так надо, — Стиан подобрал ноги, почти весело глядя на затревожившегося Бельфегора. — Ты спать или ещё вопросы по каким-нибудь другим поводам остались?

— Да, есть, — согласился тот, заставляя себя отстраниться от ранее обозначенной темы и переключиться на другие интересующие его. — С моим отцом так же бесполезно обсуждать щекотливые темы, как с Джеем... так что спрошу тебя. Как ваш отряд во главе с Сейей Лоргеном так вовремя подоспел тогда мне на помощь? Вы мимо проходили или вас заранее направили по такой траектории, чтобы со мной пересечься?

— Второе, — углом губ улыбнулся Стиан, после ухода Джея взявший более лёгкий и дружелюбный тон. — Твой отец связался с Сейей и попросил заглянуть к тебе на огонёк. На всякий случай, мы всё равно было недалеко.

— Мой... что? — Бельфегор заморгал, пытаясь постичь непостижимое.

— Тебя удивляет, что Аспитису небезразличны твои жизнь и здоровье?

— Я на войне с самого начала. И это первый раз, как...

— Может, об остальных ты просто не знаешь?

Хорон молча уставился на собственные колени: если Стиан говорит правду, а по-другому быть и не может, всё дальнейшее поведение Аспитиса объясняется лишь одним... но как сложно в это поверить! Желая отвлечься от мыслей, грозящих перевернуть его мировосприятие с ног на голову, Бельфегор поспешно задал второй важный для него вопрос:

— А ты почему потом со мной остался? То есть я понимаю, очевидно, побег Брутуса и компании воспринялся вами болезненно, но по большей части в этом был виноват я... И, если уж на то пошло, можно было обойтись рапортом или обычным солдатом, который передал бы твои слова...

— Ты столь красноречив, — хмыкнул Стиан, весело блестя глазами. — А хватило бы фразы: «Не многовато ли для меня чести?». Ну, сам посуди, как я мог оставить тебя одного на растерзание твоему отцу? Я, как и Рэкс, отлично знаю его характер. Конечно, вместо ободрения он свалил бы на тебя все грехи, просто чтобы не выбиваться из собственного образа. А так я перенаправил его гнев. При мне он не мог тебе что-либо высказывать, а после поостыл и познакомил уже с действительно важными вещами, а не своим ценным мнением...

— Ну а тебе-то что до этого? — приподнял бровь Бельфегор. — Распёк бы и распёк, как будто первый раз. Знал бы ты, чего я наслушался, когда не признал вины Рэкса в смерти мамы...

— Кажется, ты совсем не хочешь смотреть глубже, дорогой наследный принц. Верхушке ГШР — а я их верный вассал — важнее воздуха как отношение Мессии к Генштабу, так и лично твоё. Но если его мы обрабатываем по привычке, потому что война и так далее, то ты — другое дело. Ты крайне лоялен к Рэксу, к идее объединения, ты даже способен, если понадобится, воздействовать на отца — ну, или хотя бы вовремя остановить его...

— Пока у меня не очень выходило на него воздействовать, — перебил тераса Бельфегор. — Особенно останавливать. И, признаться честно, даже не могу представить, чем можно восстановить меня против отца!

— Не руби с плеча, Бельфегор, — Стиан чуть сощурился, излучая физически ощутимые спокойствие и силу, и Бельфегор заставил ярость, вспыхнувшую в нём, временно улечься. —

Может, ты пока ещё не познакомился толком с методами работы лидера ГШР и его команды, но, если мне веришь хотя бы на пару грошей, позволь донести главный принцип. Рэкс не действует с помощью обмана и, конечно, не собирается переманивать тебя на нашу сторону или, того хуже, делать из тебя крысу в собственном Управлении. Ты и сам прекрасно понимаешь своего отца и совпадаешь с нами во взглядах на жизнь. Мы, как можем, охраняем тебя — и от физических, и от моральных потрясений. Кстати, будь Аспитис с этим не согласен, сюда он бы тебя не отослал... Ты — наша надежда, Бельфегор. И твоя неожиданная дружба с Адамасом — тоже.

— Дружба, как же, — Бельфегор ухватился за это слово, потому что остальное слишком потрясло его и он пытался спешно понять, что на самом деле Стиан имел в виду. — Он легко променял меня на ровесников и ещё чёрт знает что, как только узнал всё, что хотел.

Стиан вздохнул, закатывая глаза.

— Бельфегор, ты вроде взрослый лоб уже, через полгода двадцать четыре будет, а не понимаешь простых вещей, — от сквозящего в его голосе упрёка хорону на мгновение стало жарко. — Он же сейчас растерялся совсем. Раньше ему было просто, ненавидеть и презирать вообще легче, чем о чём-то или ком-то заботиться. Он выдумал себе девиантную личность и успешно просуществовал в ней восемь лет, во всех проблемах виня других, а не себя. А тут на минутку заглянул в бездну, до которой таким макаром докатился, и отшатнулся. Только рядом-то никого нормального нет. Собственная сестра вон кидается. И как легко оказалось врагам в таких условиях его сманить. Ты ведь тоже подумал сразу, что неладно что-то там, у них со Шшгернами? Ему надели на шею верёвочку и повели, как телёнка, в якобы светлое будущее...

— И куда, прости, враги его сманили? — напрягся Бельфегор. — То есть они действительно что-то мутят с «Арканом»? И поэтому приходил Брутус?!

— Давай на этом остановимся, — мотнул головой Стиан. — Пока я не могу разглашать эту информацию — тебе. Твой отец получит подробный отчёт, но ты со своими высокоморальными принципами можешь мне как нефиг делать всю операцию запороть. — Видя, что Бельфегор опять порывается что-то сказать, терас выставил ладонь и посуровел: — Нет, даже не уговаривай. Ты вроде слушаешься старших? Всё под контролем. А по поводу Адамаса имей в виду: ему очень нужен друг, который будет освещать правильную дорогу. Не в ГШР или МД, в конце концов, не так уж сильно мы отличаемся. Вообще правильную. Сейчас ты не вернёшь его, да. Но однажды вам стоило бы ещё раз сойтись.

— Это вот так у вас незаметно используют людей? — криво ухмыльнулся хорон, отворачиваясь. Стиан вдруг рассмеялся и, поднявшись, хлопнул его по плечу.

— Знаешь, когда меня впервые познакомили с подобными методами, я тоже был удивлён. Правда, не со всеми срабатывает... Ну что, остались ещё вопросы или я пойду наконец спать?

— Один, — Бельфегор вскинул на него голову, испытывая некоторое злорадство от осознания того, что сейчас-то он точно смутит этого самоуверенного и всезнающего шпиона. — Что собираешься делать с Дилайлой? Она, кажется, запала в душу не только Скотту, но и тебе?

— Откуда такая информация? — вскинул брови Стиан, совершенно невозмутимый. Бельфегор с преувеличенным интересом посмотрел в небо.

— Как человек, с месяц страдающий неразделённой и абсолютно ненужной любовью, я начал замечать признаки того же в других людях. Особенно ярко видно, когда эти другие

люди уверены, что на них никто не смотрит.

— Уж поверь мне, я всегда знаю, смотрят на меня или нет. От этого порой жизнь зависит.

— Останемся каждый при своём. Так что будешь делать? Например, если окажется, что она и вправду решила ответить Скотту взаимностью?

— Это будет только на руку, — самодовольно усмехнулся Стиан. — Тогда Эрих точно сорвётся и выдаст все свои секреты.

— А потом ты уедешь и Лемм Шптерн не оторвёт ли тебе голову за разбитое сердце дочки?

— Не ищи проблемы там, где её нет, Бельфегор. Если это всё, я, пожалуй, пойду, обращайся, если что.

«Непрошибаемый», — оценил Бельфегор, для вида согласно и прощально улыбаясь козырнувшему ему терасу и устремляя взгляд обратно на небо. Почему все потрясения вечно сваливаются на него одномоментно? И главное, что прикажете теперь делать с полученной информацией по поводу Адамаса? Просто довериться им — как и всегда? Пожалуй, сейчас любое неповиновение может вдруг обернуться катастрофой — как верный «вассал», он просто не имеет права допустить подобное. Во что только Адамас умудрился вляпаться?..

А по поводу «надежды» и прямо-таки материнской заботы старших ГШР о нём, сыне Мессии-Дьявола, Бельфегор подумает как-нибудь потом, в более спокойной обстановке.

* * *

По лестнице в кухню Стиан сбегал не глядя, озабоченный и несколько хмурый: здесь не перед кем было притворяться, а неудача с Джеем и каверзные вопросы Бельфегора по поводу Дилайлы заставляли его беспокоиться. Он быстро прошёл всё административное здание, по-прежнему тихое и тёмное, вышел на улицу, чтобы наконец добраться до своей комнаты в постройке между столовой и «отдыхальной», но, заметив у одного из высаженных им в начале января розовых кустов знакомую стройную фигурку, торопливо надел обратно маску разгильдяя Скотта. Кусты благоухали чуть ли не на всю базу, и обычно демонстративно игнорирующая их Дилайла, сейчас задумчиво рассматривающая один из особенно крупных цветков, явно стояла здесь не просто так. Стиан неслышно приблизился к ней сзади и озвученным далее вопросом заставил вздрогнуть.

— Вот ты и спалилась, Лала! Всё-таки они тебе нравятся?

Обернувшись на него Дилайла состроила кислую мину.

— Тебе на лбу, что ли, выбить, что меня нельзя так называть?

— А что такого? Что имя, что прозвище — сплошная музыка для ушей! — Стиан промурлыкал первую же пришедшую в голову мелодию и склонил набок голову, разглядывая обхватившую себя за плечи теру, серьёзную и как будто печальную. — А что на самом деле, красавица, ты тут делаешь?

— Жду тебя. Хотела поговорить. Дома тебя не оказалось, но я увидела тебя на крыше с Бельфегором и решила подождать, когда вы закончите беседу.

— Мне казалось, ты уехала сегодня в город вместе с Эрихом?

— Да, но на въезде мы в пух и прах разругались, и я пошла обратно одна и пешком. Так ты не занят?

— Подожди-подожди, мне интересно, — Стиан выгадывал время, пытаясь успеть просчитать все варианты предстоящего им разговора. — Вы ещё перед праздником разругались, было в принципе удивительно, что ты не отказалась от поездки... Что ж потом передумала? Где ваше постоянство, женщины?

— Там же, где ваше, — недобро улыбнулась Дилайла. — Я уезжала, потому что хотела наконец обстоятельно с ним поговорить, особенно после... ну, ты понял. Но у него зазвонил телефон, очаровательное женское имя на дисплее, и ещё такой громкий динамик, и такая истеричная девушка, жаждущая его вот прям сейчас... В общем, я многое поняла. А он покотился зализывать раны.

— О, — Стиан прикусил губу и за себя, и за Скотта: очередная неудача, чёрный день, впрочем, от даты поглощения когда-то мятежного МИЦа Генштабом, наверное, не стоило ждать ничего хорошего. — Сочувствую, Дилайла. Нет, я не занят. Пойдём общаться?

— Пойдём. Надеюсь, тебе подружки звонить не будут.

Стиан галантно пропустил её вперёд и пошёл следом. Он уже догадывался, что сумрачная и тихая Дилайла собирается ему сказать — никакой Эрих не довёл бы её до такого состояния, к Скотту она была куда лояльнее... и сейчас следовало как можно быстрее придумать, что ей отвечать, чтобы хоть как-то покрыть поражения этого вечера.

У двери в свою служебную комнатку Стиан нагнулся за ключом, спрятанным под коврик, по ходу проверяя по специально зарубленным на косяке щепкам, не входил ли кто к нему в его отсутствие (предосторожность на всякий случай, чтобы найти среди его вещей что-то компрометирующее, нужно было очень постараться), и, отворив дверь, вошёл первым, включая свет. Дилайла, на удивление никак не прокомментировавшая хранение ключа в неподобающем месте, переступила порог, проходя на середину комнаты и оглядываясь, а Стиан, заперев за ней дверь, так и остался стоять у неё. Больше выходов из комнаты не было: для окон здесь не нашлось места, и от осознания этого ему стало чуть-чуть спокойнее.

— Внимательно слушаю тебя, — терас вырвал Дилайлу из созерцания его хорошо заваленной всякими разностями комнаты. Девушка, опять вздрогнув, обернулась к нему и вздохнула.

— Это... касается того поцелуя, — начала она, и Стиан, вполне в манере Скотта, её весело перебил:

— Да я уж догадался! Пришла договориться о продолжении?

— К твоему сожалению, нет... Впрочем, мне тоже жаль, Скотт. Я это сделала, лишь чтобы его уколоть, нервы не выдержали. Ты неплохой, правда, как бы неуставно ты себя ни вёл, но я не вижу для себя возможности ответить тебе какой-либо взаимностью, — нервничая, Дилайла перешла чуть ли не на официальный тон, а растерянно улыбающийся Стиан мысленно делал ставки, исполнит ли она сейчас худший из предполагаемых им сценариев.

— Почему? — спросил он, не дождавшись продолжения.

— Потому что ты такой же, как Эрих, и...

— Я - такой же, как Эрих?!

— В плане поведения по отношению... ну, к обществу, не вообще. Я и с ним порвала из-за того, что он, как я и ты, яркий, буйный, а я не хочу больше...

— Думаешь, и я бы стал тебе изменять? — опять перебил её Стиан, скреживая на груди руки и показывая лицом, как он оскорблён и обижен.

— Да при чём тут это... — Дилайла совсем поникла. — Ты мне нравишься как человек,

в конце концов, твоей настойчивости можно позавидовать, да и фантазия на высоте. И я уверена, что ты носил бы меня на руках...

— Конечно! Тысячу раз говорил!

— Я тебя и цитирую...

— Так в чём проблема? Хочешь доказательств?

— Скотт, пожалуйста! — она возвысила голос, и Стиан осознал, что вот он — финиш. — Я прошу оставить меня в покое. Я всё для себя решила. Хочешь, будем просто друзьями? Я устала от этого всего, понимаешь?

Да, хуже быть и не могло. Эрих со своей любовницей, с которой встречался, как знал Стиан, ещё во время налаживания работы базы в декабре — и, конечно, так же за спиной у Дилайлы, — само собой, прокололся, но он приполз бы к ней просить прощения: станет он упускать такую партию, как дочь начальника оперативного отделения всего ГШР. Но как провоцировать его на агрессию и в итоге на ошибку, если Дилайла не позволит Скотту и близко к себе подходить? Да, Эрих всего лишь половина его миссии здесь, но это не означает, что от неё можно отказаться.

И, недолго думая, Стиан рухнул на колени, сцепляя пальцы и воздевая их в мольбе к ошарашенной таким поворотом Дилайле.

— Ну неужели я ничего не могу сделать, чтобы уговорить тебя дать мне шанс? — с отчаянием спросил он, и тера, отойдя от изумления, поджала губы.

— Тебе, как и Эриху, всё по пятьсот раз объяснять? — сухо спросила она. — Я вам что, мёдом намазана? Свет клином сошёлся?

— Я не знаю, почему Эрих за тебя цепляется, но я-то... я тебя люблю, Дилайла, — как будто с усилием признался терас, и она расширила глаза. — Не могу больше ни о ком думать. Как увидел, так всё...

— Странно слышать признания в любви после месяца шапочного знакомства, Скотт, — безжалостно отозвалась Дилайла. — Мы не пара, пойми. Даже если не принимать в расчёт то, что мне не нравится в твоём характере, подумай сам, кто ты и кто я.

— Когда это статусы разделяли людей? Ты ведь даже не знаешь, на что я ради тебя способен...

— Очевидно, задирать моих друзей и знакомых? Или сеять вокруг хаос? Не впечатляет. И последнее, ты меня младше на четыре года. Считаешь, нормально? По тебе видно, что ты подросток ещё, а взросление может затянуться очень надолго... Прости, нет. Я пойду?

Уже рассерженный, Стиан встал и скорее демонстративно, чем по необходимости, отряхнул колени. Он осознал, что умолять Дилайлу бесполезно — на собственном опыте когда-то убедился в силе её упрямства, — и выход оставался один.

— Нет, пока нет, — отрезал он, возвращаясь к себе из шкуры Скотта, и тера, поражённая и его отказом, и непривычно холодным тоном, невольно отступила на шаг. — Позвольте представиться по форме, госпожа Шштерн. Агент I уровня ГШР Стиан Шшварцзее, нахожусь здесь под прикрытием, осуществляю разведку в целях выяснения настоящей личности Эриха Мариавеля и охрану Адамаса Страхова. В связи с нынешними обстоятельствами я вынужден потребовать вашего содействия для успешного выполнения первой части моего задания.

Оторопевшая, молча выслушивающая его Дилайла, вскинув бровь при упоминании его настоящего имени, к концу тирады пришла в себя. Глаза её зажглись злым огнём, и она гордо приподняла голову, надменно улыбаясь.

— Содействовать вам, агент Шшварцзее — кстати, спасибо, что представились, не прошло и месяца, — я буду лишь по прямому приказу моего непосредственного руководства. Думаю, вам следует подать письменное прошение Табите Багдассар.

— Госпожа Шштерн, — сдержанно проговорил Стиан, — смею напомнить, что однажды вы уже чуть не сорвали мою миссию своей легкомысленностью и нежеланием подчиняться старшим. Урок не в прок?

— Смею со своей стороны напомнить, агент Шшварцзее, — ядовито улыбнулась Дилайла, — что в ту самую нашу первую встречу ваша так называемая миссия оказалась успешной не вопреки, а благодаря моей легкомысленности.

— Да в самом деле? Как и всякая случайно пойманная на слабости женщина — мной пойманная, Дилайла, — ты поторопилась хоть как-то вырасти в моих глазах и потому поступила так, как поступила, без согласования с вышестоящими. И слава ангелам, что всё кончилось хорошо. Вот уж девушка-проблема...

— Уже нет, Стиан, если ты позволишь. Не ты ли давеча сказал, что я строю из себя хранительницу правил, которой вроде как не являюсь?

— А я строю из себя влюблённого в тебя раздолбая-повара, и лучше бы оно так дальше и оставалось, — криво улыбнулся Стиан, видя, что тера всё больше закипает. — Так что, госпожа Шштерн, раз мы закончили с обменом любезностями, может быть, вы будете последовательны и докажете на деле, что вы более не та легкомысленная особа, которую я помню? Или всё же мне обратиться к вашему руководству?

Ему очень хотелось с ней договориться по-хорошему. Сверлившая его взглядом Дилайла, ещё крепче сжавшая зубы после слов «легкомысленная особа», должна была обидеться, уйти, хлопнув дверью, Стиан не стал бы её задерживать, зато отлично воздействовал бы на её чувство гражданской ответственности — это было бы её собственное решение и его не в чем было бы винить.

Но, конечно же, Дилайла вновь поступила непредсказуемо для него. Сощурившись, она вдруг видимо расслабилась и многозначительно хмыкнула.

— А ты ведь опять кем-то прикидываешься, Стиан, — медленно качнула головой она. — Если бы тебя так уж бесила моя, как ты выражаешься, легкомысленность и ты действительно хотел меня обидеть, ты бы просто выставил меня, а наутро помахал перед носом приказом от Рэкса «о содействии». Почему тебе так важно, чтобы я сама отсюда сбежала? Не хочешь выглядеть в моих глазах циничной сволочью? А кого ты строил из себя тогда, восемь лет назад, в кладовке моего интерната, когда успокаивал меня?

Стиан ухмыльнулся, припоминая. Восемь лет назад, в кладовке её интерната... Единственный за всю жизнь момент слабости. Никогда, ни до ни после, ни в школе, ни в Академии, ни на службе он не считался с чувствами других людей. Люди были лишь объекты, которыми можно было успешно манипулировать, подстраиваясь, втираясь в доверие или, наоборот, раздражая, провоцируя. И с ней он рассчитывал поступить так же. Последний обход перед общением с начальством — нужно было сообщить, что хода на нужный этаж нет, и спросить, в каких пределах он может действовать. Приглушённые рыдания из-за приоткрытой двери кладовки в хозяйственной части интерната. Он заглянул проверить, не ребёнок ли забился туда — их тут хватало, несчастных, брошенных, третируемых, он потому и приехал, — а увидел дочку начальника. Ход на тот самый этаж был близко, и надо было убрать её в жилые комнаты, чтобы не мешалась под ногами.

Стиан сел рядом, представился, объяснил, что он здесь делает — ей незачем было

врать, — и вначале и вправду утешал, лишь чтобы она успокоилась и самостоятельно покинула стратегически важную территорию. Дилайла, глотая слёзы, рассказывала, что творят с детьми учителя, воспитатели и директриса, главное зло, — бесценная информация, но, памятуя истории Лемма о его безбашенной и морально сильной дочке, сложно было поверить, что она способна вот так отчаянно плакать от бессилия. И ему стало её жаль, ему по-настоящему захотелось, чтобы она вновь улыбалась, а виновные в её печали получили по полной программе.

Ну а потом, притворившись, что убегает к детям, Дилайла с имеющимся у неё пропуском, никому ничего не сказав, ушла на закрытый этаж и, гордая собой, вернулась с флешкой, на которой хранились все нужные ему документы. Не переносивший вранья в ответ на доверие Стиан высказал ей всё, что думал о её легкомыслии (и «легкомыслие» было там самым мягким словом), забрал флешку и уехал. И больше никому из своих объектов не давал и намёка на свободу действий.

Кроме Дилайлы. Сказал бы по приезде Табите, чтобы она объяснила тере, и кто он, и специфику его миссии, насколько всё было бы проще. Но Стиану, наверное, слишком хотелось вновь попасть в её ураган непредсказуемости, чтобы играть «циничную сволочь».

— В кладовке я никого не строил, веришь? — ответил он Дилайле. — Мне правда было жаль, и я хотел помочь. И тебе, и детям, и штрафникам — покаяться. А ты меня обманула. И сейчас зачем-то выкаблучиваешься.

— Обманула? — вскинула чёрные брови Дилайла. — Я тоже хотела помочь. Ты не говорил, что мне нельзя туда соваться, я и поспешила, пока ты занят беседой с моим отцом. Хотела тебя удивить. Я ведь в тебе... кгхм... — она смутилась, — почувствовала того человека, какого хотела видеть около себя. Вы с папой и Рэксом похожи, я подумала, ты оценишь такой жест и, может быть, потом вернёшься.

— Допустим, — Стиан скрыл удивление. — А сейчас-то что? Почему не хочешь мне подыграть?

— Зачем подыгрывать? Мы можем сделать всё по правде, — Дилайла вдруг подступила к нему и погладила небритую щёку, и теперь уже Стиана охватила дрожь от её прикосновения. — Знаешь, мне почему-то кажется, что у Управления и тогда и сейчас хватало талантливых шпионов, чтобы ко мне засылать. А отец и Рэкс уже второй раз отправляют тебя... Долго к нам ехал?

— Шесть часов... Так, стоп, — терас тряхнул головой, стараясь избавиться от магнетического влияния её хитрых изумрудных глаз. — Что опять за самодеятельность? Во-первых, ты совершенно не знаешь, какой я...

— А ты сам-то помнишь, какой ты? — грустно улыбнулась Дилайла. — Я знавала таких, как ты, «людей без лица», у меня бурная жизнь была в Академии и на стажировке, куча знакомых... Агенты твоего профиля, приходя домой или в свою компанию, снимают чужую личность, как плащ, и вешают на крючок до востребования. А ты, кажется, со всеми ними сросся кожей. Ты разный для каждой ситуации, ты всегда знаешь, что кому сказать, кого сыграть, чтобы своего добиться. У тебя хоть друзья есть, с которыми можно говорить не задумываясь? Семья?

— В друзьях я не нуждаюсь, — высокомерно отозвался Стиан, не понимающий, к чему клонит эта девушка. — У меня есть ведущие меня — я их слушаю и подчиняюсь — и ведомые мной, что у меня там в душе, их не должно интересовать. С ведущими я общаюсь достаточно свободно, что ещё надо? А семья... Мать, отец — прекрасные, добрые люди,

жаль, слегка эгоцентричные и консервативные. «Ах, Стиан, милый!», — он вспомнил мать и легко подделал её мимику и слегка истеричную интонацию. — «Почему опять стул посередине комнаты? Нет, тебе не может быть так удобно! И когда ты, наконец, женишься?» Или вот отец, — он нахмурил брови, переходя на глубокий бас и некую рассеянность, — «Сына, я забыл, в каком ты классе?» — «Я в университете учусь на втором курсе, отец». — «А, да. Слушай, ты же нам на даче поможешь?» — «Пап, это не дача, это ферма, ещё сотка — и можно в Тезорский край переезжать. У меня экзамен в понедельник по специальности, готовиться надо». — «А ты не все экзамены в школе сдал ещё?», — Стиан раздражённо закатил глаза, фыркнул, успокаиваясь, уже и сам не замечая, что все чужие личности сошли с него холодным душем, а показываемые Дилайле чувства — свои, собственные. — Как-то так. Потом своими вопросами о женитьбе они меня настолько достали, что я нашёл заштатную актрису, заплатил ей и представил как мою невесту, потом жену. И из себя заодно сотворил нечто ими более удобоваримое. Так и приезжаем иногда. Зато все счастливы. И не надо больше думать, что сломать себе внутри, чтобы кому-то понравиться. Постоянство — то, что тебе так нравится во мне и Лемме с Рэксом — как раз и означает, что человек держится одного направления, несмотря на обстоятельства, а особенно мнения окружающих людей. Других шатает от любого дуновения, вон, возьми Адамаса...

— Адамасу просто надо дать ещё один шанс, — Дилайла, тесно прижавшаяся к нему и молча слушавшая до этого, положив голову на грудь, вскинула глаза, мягко улыбаясь. — Научить, показать, понимаешь? А тебе — начать прощать. Снисходить даже, более подходящее слово. Если всех судить только по поступкам, половину населения надо отправить в трудовые колонии, а вторую, во главе с тобой — помнишь, как началась твоя карьера под крылом Рэкса? да, я читала твоё «особое» досье! — сразу казнить. Скажешь, это правильно?

— Вот уж спор воспитателя с обманщиком, — хмыкнул Стиан, и тера хихикнула.

— Тебя если не убедить вовремя, выйдет, как в том стихотворении: «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...»

— Не знаю, откуда это, но ты явно намекаешь на то, что я однажды сдохну в одиночестве. Я понял твою мысль, спасибо. Кто только мне это не говорил, ты бы знала...

Дилайла прыснула, попыталась сдержать смех, не смогла, расхохоталась, уткнувшись ему в футболку, и Стиан возвёл глаза к потолку, тоже улыбаясь.

— На самом деле, — отсмеявшись, она вновь подняла на него свои огромные сильвисские глаза, — там в оригинале дерево было мужского пола, и на своей скале он мечтал о дереве женского... Но да, ты верно уловил мысль! И ты наконец настоящий, как тогда было: сначала тоже разлился мёдом, «не переживай, всё будет хорошо», а потом как припечатал: я её лично вздёрну, выбери материал для верёвки... Думаешь, я забыла? У меня отличная память, Стиан! Особенно на то, что меня впечатлило... — Дилайла нахмурилась, вглядываясь в его левый висок, протянула руку, проводя пальцем по нему и сразу скуле. — А тут пятна заgrimировали, да? Качественно работаете...

Стиан перехватил её руку, приложил к губам — впервые в жизни не для какой-то высшей цели, а потому, что по всему телу поднималась незнакомая прежде жаркая волна и нужно было хоть как-то её выразить. Свободной рукой Дилайла притянула к себе его голову, затажно поцеловала, потом вдруг отстранилась, вся, и, заложив руки за спину, прошествовала к кровати, с которой одним взмахом скинула на пол всё там валявшееся.

— В общем, я согласна оказывать содействие, — известила она, присаживаясь на самый

край и вытягивая ноги. — Эрих по-любому будет и дальше крутиться вокруг меня. Помучаем его ещё месяцок, а там можно будет нанести удар в самое сердце и для всех сойтись, а?

— Я так посмотрю, ты уже всё продумала, — усмехнулся Стиан, гася основной свет — остался только побочный, вроде ночника — и шагая вперёд, на две жёлтые звезды глаз теры.

— Ты ждал чего-то другого? Я настолько, по твоему мнению, легкомысленная?!

— По моему мнению, ты иногда слишком много болтаешь...

Дилайла протестующе фыркнула, но он уже целовал её, и никакие слова никому больше не были нужны.

Глава 8. Тернии

После разговора со Скоттом, из разгильдяя-повара в одно мгновение вдруг превратившегося в опытного спецагента, Джей так и не смог заснуть ночью — и слава ангелам, что следующим днём была суббота, на которую у него не стояло по расписанию занятий. Стиан определённо знал что-то об Адамасе, его кузене и неожиданно примкнувших к ним Шшгернах, также выполняющих функции шпионов, только от МД. И например, Джей в эти тайны посвящать не собирался — лишь сообщил малость, чтобы пожурить и напомнить о его обязанностях. Сколько из их беседы с Бельфегором он слышал? И знал ли о Стасе с Диланом то, что знал Джей?

Бельфегор ведь тоже пришёл к нему на крышу не просто так: Джей понял это сразу, потому и предпочёл увести разговор в сторону от опасных тем, рассказав самую шокирующую историю о себе, которую мог. Вопрос только, сумел ли он обмануть этим Стиана. Зачем он спрашивал про Герберта: чтобы вывести Джея на чистую воду или и в самом деле рассчитывал получить эксклюзивную информацию? В ту ночь он проследил за ним только до бара — или до их убежища тоже? Хотя, наверное, Стас услышал бы его так же, как самого Джея.

Значит, более вероятно, что всё-таки Стиан не знает о них — ни адреса, ни намерений. Из-за вернувшегося неожиданно для всех Герберта (Джею он объяснил, что, так и не найдя лабораторию, его кузен и Дилан засели в лесу неподалёку от базы в ожидании Брутуса и он им там был уже не нужен) они оба оказались под подозрением, и теперь необходимо срочно решить, что с этим делать. Если Брутус уже имеет какие-то дела с Адамасом, совсем скоро он может попытаться его вывести с охраняемой территории — например, чтобы впоследствии использовать в качестве заложника, как то предполагалось в случае с Бельфегором. Или для воплощения в жизнь ещё более хитроумных планов. Управление явно на это рассчитывает — так что любая неучтённая деталь может развалить всю стратегию по кирпичику. Рэкс не стал бы рисковать жизнью своего сына, не продумав его спасение до последней мелочи.

И здесь, как правильно сказал Бельфегор, Джей должен действовать как солдат. То есть, не тратя времени на не приличествующие его роли размышления, сдать старшим факт существования тех, кто имеет все шансы им помешать успешно провести операцию.

В общем-то, за этот шаг было всё. После того как ещё Скотт в начале января вскользь упомянул, что видел Джея в баре в городе, хорон поостерёгся дальше навещать своих нечаянных друзей и лишь изредка общался с ними через сверхзашифрованный мессенджер, не отслеживаемый ни одной правительственной или антиправительственной структурой. В свой единственный визит, увлечённый их невероятной историей, Джей так и не задал Стасу самый главный вопрос, потому сделал это через два дня, окончательно переварив этот эпизод своей жизни. Почему, зная о диверсии, которая случится вот-вот против двух самых важных людей на планете, они не предупредили их же, а самоубийственно, с весьма малыми шансами на победу выступили сами? Стас ответил просто: это их война. И повторил ранее сказанное: нельзя, чтобы он или Дилан угодили в руки учёных ГШР или МД — особенно МД, где одержимый идеей создания сверхлюдей Аспитис мигом разберёт их по молекуле и на их основе сконструирует кого-нибудь ещё более смертоносного. Очевидно, это представлялось им куда опаснее, чем возможное

полное поражение мировых организаций в этой войне.

Но, так как Джей в том числе отлично понял, что Особенные не хотят какой бы то ни было победы Брутуса, боязнь плена и его последствий стояла лишь на втором месте. На первом, похоже, была гордыня. То ли Стас не считал кого-либо способным в принципе справиться с Брутусом, то ли слишком много мнил о себе — но устранять аурису он определённо собирался самостоятельно. А куда двоим бойцам — пусть и таким умелым — против целого оплота? Несколько специализированных отрядов ГШР и МД под предводительством Стиана и Бельфегора смотрелись бы там куда лучше. Для их же безопасности нужно сдать их Стиану.

Однако Джей просто не мог так поступить. Он не смог тогда, в самый первый раз, выбрав вместо этого возможность приобщиться к тайне, не смог потом, уже осознавая, кто они на самом деле и на что готовы пойти ради своих целей — в том числе пожертвовать не только своей головой, но и любой чужой, — не может и сейчас. В конце концов, это была не его тайна — и даже в те, к которым он здесь, на базе, косвенно относился, он не был посвящён. Прямого приказа докладываться обо всех странностях больше не было, Джей формально не предавал своих вождей. Кто знает, вдруг Стас и Дилан и вправду одни сработают лучше, чем в команде со спецназом? Тем не менее и отойти в сторону у него не находилось сил. Стиан прав: их время истекает, а если Брутус и в самом деле такая сволочь, как о нём говорил Стас, он не упустит шанса наказать их за предательство. Джей обязан их предупредить, чтобы они знали, с чем могут столкнуться.

Почти до самого вечера субботы промучившись терзаниями совести, Джей наконец определился с действиями. С этой же ночи он начал неусыпное наблюдение за видимой из своего окна частью лагеря: по счастливой случайности, это была дорога к северному входу — именно оттуда когда-то пришёл Брутус через подкупленного охранника, там было больше всего «тёмных» для камер мест — и, скорее всего, именно туда уйдёт Адамас, когда и если его позовут. Джей сообщит о нахождении где-то в окрестностях базы Брутуса, Стас с Диланом перехватят его — а там подключится и Стиан, и, может быть, удастся спасти всех.

К концу следующей недели, едва-едва успевая хоть немного восстанавливать сон в послеобеденные часы, Джей уже толком не ощущал себя, однако всё-таки сумел засечь тот момент, когда под покровом ночи к северному входу перебежками двинулись три фигуры — одна низкорослая, с широкими плечами и узкими бёдрами, явно принадлежащая Адамасу, и две повыше, более пропорциональные, почти синхронные по движениям, — Шшперны. Странно, что с ними не было Кристиана, но это была уже не забота Джея. Дождавшись, когда хорон с терасами беспрепятственно минуют КПП, Джей написал Стасу сообщение о случившемся, заодно предупреждая, что со стороны лагеря войну будет вести опытный агент, отряды которого в лесу только и ждут отмашки, и через в кои-то веки сразу подчинившееся окно покинул комнату.

Его охранник тоже выпустил без проблем: в последнее время Джею отлично удавалось изображать измученного переживаниями парня, который готов в любой момент сорваться и среди ночи отправиться напиваться в первый же попавшийся бар. Дальше было дело техники и слепой удачи. Ещё только отсылая хорона присматривать за Адамасом, Рэкс построил в сотовый последнего следящий чип, подающий сигналы в приложение на смартфоне Джея, — на случай если Адамас сумеет сбежать с базы и придётся искать его по всему Шалкару.

То, что во всех своих опасениях и подозрениях Джей оказался прав, хорон понял, когда

тёмный лес перед ним расступился, открывая заросшее редкими деревцами плато и, вместе с ним, с десятков человек в полном обмундировании, вповалку лежащих на земле. Почувствовав странный запах, Джей, только-только остолбенело остановившийся, поспешно закрыл нос воротником рубашки и чуть не подпрыгнул, ощутив резкий толчок сзади.

— Чему ты удивляешься? — услышал он знакомый, чуть приглушённый голос за спиной. Джей обернулся: у дерева, тоже закрывая пол-лица какой-то тканью, стоял мрачный Герберт. — Сам же им всё рассказал.

— Это сделали Стас и Дилан?!

— Подозреваю, что да, хотя не могу сказать на сто процентов. Бругус скорее применил бы тот газ, которым забрасывал базу, а у него запах другой. Ты-то зачем за ними идёшь?

— А ты?

— Я хочу подождать Стиана и разъяснить ситуацию: в той обители зла, куда все так стремятся, мне делать абсолютно нечего, — Герберт на миг закатил глаза. — Нужно стараться быть полезным, понимаешь, Джей? Не можешь помочь, так хоть не мешай.

— Боюсь, я уже помешал, и ты, к слову, тоже, — нервно фыркнул Джей. — Я не могу там оставить Адамаса. Не знаю, что они ему наговорили, раз он поверил и пошёл против отца, но, может, с моим появлением и пошатнётся в обратную сторону. Так что я пойду.

— Удачи. Прости, что втянул тебя в это.

— Сам втянулся. Что ж теперь.

— Постарайся соблюдать дистанцию. Они слышат самые незначительные звуки на расстоянии до пятидесяти метров, а громкие — до ста.

— Спасибо, Герберт, — улыбнувшись, Джей хлопнул его по плечу и спешно двинулся дальше за значком на дисплее смартфона.

Стаса и Дилана впереди себя он увидел лишь раз — как раз вышла одна из лун, и их смутные силуэты мелькнули в самом конце плато, едва отличающиеся от деревьев и камней. Потом ещё минут пятнадцать была только гористая местность со множеством препятствий, и пришлось включить фонарик, чтобы случайно не расшибиться из-за вдруг подвернувшегося под ноги камня.

Вход в лаборатории возник перед Джейем неожиданно: подъёмная площадка со столбами в чёрно-жёлтую полосу, на пустом плато выглядящая как ворота посреди пустыни. Очередная странность: почему они не закрыли за собой вход? Заблаговременно вытащив пистолет, с которым Джей когда-то приехал на базу, хорон ступил на металлическую поверхность и нажал на панели управления одну из двух кнопок — «вниз». Лифт бесшумно и резко ухнул на глубину примерно двух этажей и так же внезапно остановился в начале пустого коридора, освещённого мертвенным светом редких потолочных ламп. Стоило сойти с площадки, как она безо всяких указаний опять ушла вверх — похоже, кто-то здесь специально настроил её так.

Лабиринты лаборатории, в которых даже Особенные иногда бродили по часу, лежали перед Джейем. Он нерешительно двинулся вперёд.

* * *

Как только от Хаса пришло заранее подготовленное кодовое сообщение, о котором они условились ещё два дня назад, говорящее о наконец наставшем моменте следующей стадии

их общего плана, Адамас без единого звука соскочил с кровати — спустя секунды рядом оказался и Кристиан. У него была пока другая задача, тоже обговорённая ранее, — отвлечь Скотта каким-нибудь пустым разговором, чтобы Адамас и близнецы-терасы смогли спокойно выйти за пределы базы, а он не успел вызвать своих лесных загонщиков. О том, что их повар — гэшээровский шпион, Шштерны рассказали ещё в середине января, и с тех пор они впятером с Хасом хорошенько обдумали, как устранить его на время с дороги. За Кристианом Хас обещал вернуться позднее: как только будет готов преобразователь-контроллер для вируса и они все станут Особенными, это не составит проблемы.

Адамас разошёлся с кузеном у входа в их барак и почти сразу встретился с Домиником и Десмондом, лихорадочный блеск глаз которых был замечен даже в полутьме, куда приходилось нырять, скрываясь от камер. Никому не верилось, что они стоят буквально на пороге нового мира — и новых себя. Всего-то нужно было, что дойти до лаборатории Сетте, — а решать проблему со шпионом Скоттом они будут после.

Охрана выпустила их без проблем, на полминуты отключив внешнее освещение этой стороны базы, чтобы смотровые с башен их не заметили. Хас и Брутус, опять во всём чёрном, ждали дальше в лесу: по Хасу тоже было прекрасно видно, что он чуть ли не прыгает от предвкушения. Брутус, как всегда, хранил молчание и по одному ему известным признакам вёл их мимо всех засевших в этих джунглях солдат. Хас объяснил шёпотом, что до лаборатории буквально пара километров и она так хорошо запрятана, что без приглашения её не отыскать даже самым опытным ищейкам. Миновав лес и плато, они пятеро обогнули один из склонов Дракона, и Брутус наконец остановился. Не глядя он достал телефон, на мгновение прислонил к уху, сказав едва слышно: «Открывай», — и спустя несколько секунд из-под земли появилась подъёмная площадка. Один резкий скачок вниз — и они оказались в лаборатории.

Дальше их повёл уже Хас, по-хозяйски рассказывая, что и где здесь расположено. Мимоходом Адамас и почти ничего не отвечающие Шштерны узнали, что Брутус уже опробовал на себе преобразователь, созданный его гениальными родителями, и теоретически теперь сильнее всех существующих Особенных — например, так и не давших о себе знать Стаса и Дилана, похоже, предпочётших вместе с предательством и позорную смерть от заражения старым вирусом.

— Вот мы и пришли, — широко улыбнулся Хас, открывая наконец одну из дверей и приглашая гостей в большую круглую комнату с диванами у стен, на одном из которых сидел худой сухопарый каштанововолосый вельк, тут же поднявшийся при их появлении. Первым вошедший Адамас узнал в нём четвёртого Особенного, Ове Терных, любовника Брутуса.

— Можете пока рассаживаться, — продолжил Хас. — Мы сейчас сообщимся с родителями Брутуса, как только у них будет всё готово, начнём преображение. Кстати, знакомьтесь: Ове. Ове, это Адамас, Доминик и Десмонд. Правда, кто Доминик, кто Десмонд, я сегодня не в курсе.

— Я Десмонд, — поднял руку терас в жёлтой майке в противовес чёрной у брата.

— Очень приятно, — странным голосом проговорил Ове, сощуренными жёлто-кариими глазами рассматривая их.

— Ты вколол себе преобразователь, который я тебе дал? — поинтересовался у него Брутус, и вельк кивнул.

— Конечно, ты сомневаешься во мне?

— Я знаю, что от скуки ты многое забываешь. Чем докажешь?

— Брут, ради всех святых...

— Ладно, поверю на слово, — ухмыльнулся аурис и обвёл взглядом собравшихся. — Что стоим? Садитесь, ещё точно придётся ждать, мы поразительно легко и быстро дошли.

— Кристиан хорошо работает, — кивнул Хас. — Ты позвонишь родителям или...

— Я разберусь, — оборвал его Брутус. — Не стойте столбом.

В их отношениях что-то поменялось, Адамас ощутил, что по какой-то причине Хас больше не командует их парой. В лаборатории хозяином явно был Брутус — и Брутусу определённно что-то не нравилось.

— Я позвоню, — решил Хас, выуживая из кармана телефон, но Брутус его уже не слушал. Он отошёл к стене, провёл рукой по её поверхности — и на уровне его глаз выдвинулся экран, на котором, как увидел уже тоже напрягшийся Адамас, отображался, похоже, полный план лаборатории.

— У нас гости, — отрывисто бросил Брутус и обернулся. — Кое-кто решил оставить лабораторию открытой. Надеюсь, что тоже по забывчивости. Вы, — он указал на Шшгернов, — идите до комнаты видеонаблюдения и, если её сотрудник решил нас предать, заставьте его пожалеть об этом. Вот навигатор.

Пока терасы переглядывались, аурис опять достал телефон и, быстро что-то там набрав, перебросил ближайшему близнецу. Доминик, поймавший его, с недоумением воззрился на Брутуса.

— Имейте в виду: это хаен, старый наёмник. Вперёд, не стоим! — аурис хлопнул в ладони, и терасы подчинились. Как только за ними закрылась одна из дверей — а их тут было три, на равном расстоянии друг от друга, — Брутус повернулся к Ове, в отличие от всех выглядящему абсолютно спокойным. — Будь добр, пригляди за Адамасом.

— Без проблем, Брут, — вельк в одно движение поддёрнул к себе мало понимающего в происходящем хорона и одной рукой обнял его за плечи.

— Хас, отойди к стене, — Брутус сделал жест рукой, и младший аурис неохотно отступил в пространство между диваном и креслом. — Отлично. А теперь встречаем.

В ту же секунду самая дальняя дверь отодвинулась в сторону, и порог перешагнули двое, также знакомые Адамасу по фотографиям: татуированный эрбис, Стас, и мускулистый сильвис-альбинос, Дилан. При виде собравшихся на лице эрбиса появилась нехорошая улыбка, сильвис же ещё больше помрачнел.

— Добро пожаловать, блудные овечки, — поприветствовал их Брутус, уже натягивая на правую кисть полуперчатку с металлическими «когтями»-лезвиями. — Так и знал, что идея объединения вам противна. Кстати, как вы на ногах-то до сих пор держитесь?

— Твоими молитвами, — отозвался Стас. — А любая твоя идея плоха по определению.

— Как странно, что вы с этим мнением в меньшинстве. Что ж, миром мы явно не разойдёмся. Или ещё есть вероятность, что вы передумаете?

— Проводи вот его наверх, — Стас кивнул в сторону Адамаса, — и мы с удовольствием пойдём следом миром.

— Боюсь, все тут слегка против, — притворно сожалеюще цокнул языком Брутус.

— Тогда хватит трепаться, — оскалился Стас. Они с Диланом бросились к аурису одновременно, Адамас лишь раз моргнул — и обнаружил, что сражение, в котором Брутус очевидно был и быстрее, и сильнее, уже в самом разгаре.

— Ты только не дёргайся, — услышал он вдруг над ухом шёпот, и тут же рука Ове молниеносно скользнула вдоль его тела, на какие-то доли секунды остановившись у

переднего кармана джинсов, после чего он ошутимо потяжелел, и немедленно возвратившись обратно. — Это преобразователь. Если кто-то выживет, отдашь ему.

Адамас поостерёгся подавать какие-то знаки: он ровным счётом ничего не понимал и только и мог, что следить за рукопашным боем, равных которому он не видел даже у самых маститых знатоков кейко. Брутус наносил удар за ударом своими лезвиями — Стасу и Дилану явно стоило обзавестись такими же, прежде чем приходить сюда, потому что их собственные удары ничуть не замедляли его. Они слишком часто ошибались, они были не так расторопны, не так ловки — то ли из-за того, что их, как и предсказывал Хас, губил вирус, то ли из-за преобразователя в крови Брутуса. В какой-то момент Стас неудачно подставился, аурис воспользовался этим — и от его удара наотмашь лезвиями по шее голова эрбиса отлетела в сторону. В ужасе Адамас зажмурился, чувствуя, как к горлу подступает тошнота и подкашиваются ноги, но даже через звон в ушах услышал тот тяжёлый, отвратительный в своей окончательности звук, с которым обезглавленное тело Стаса рухнуло на пол.

Когда он спустя несколько секунд опять открыл глаза, Дилан уже тоже падал — со вспоротым животом, истекающий кровью, но, кажется, ещё живой. Даже не сбивший дыхания Брутус отступил от него, со злым торжеством улыбаясь и стряхивая с лезвий тягучие капли крови, а в шею, почти под подбородок, самого Адамаса вдруг ткнулось что-то твёрдое и холодно-металлическое. Стоящий поодаль Хас сдавленно охнул, и Брутус рывком обернулся.

— Что ты делаешь, Ове? — неожиданно хрипло спросил он. Адамас скосил глаза сначала вниз: к самому его кадыку было приставлено дуло пистолета, потом вверх: Ове рассеянно и одновременно вызывающе улыбался.

— Рушу твоё светлое будущее, Бруг, — отозвался он. — Примерно, как ты, когда после пропажи моей матери посадил меня на таблетки, чтобы я ничего не понимал и стал твоей полной собственностью.

— Уж, наверное, лучше это, чем самоубийство?

— Не сказал бы.

— Тогда давай по-другому. Твоя мать не пропала и не сбежала. Её убил Домино Кирсте, потому что она узнала его, а ему не были нужны свидетели. Ты, — Брутус ухмыльнулся, — выбрал себе не того врага.

Рука Ове даже не дрогнула от этой новости, но Адамас услышал, что на какие-то мгновения дыхание его сбилось.

— Да пусть так, — согласился он. — Того, что делал потом ты, это не извиняет. Лучше смерть этого несчастного мальчишки, чем тот мир, который ты построишь с его помощью.

— Ове, ты пытаешься заставить меня поверить в то, что способен убить беззащитного мальчика? — Брутус сделал шаг к нему, и Ове прижал Адамаса к себе ещё теснее.

— Не сомневайся, — осклабился он. — Проверим?

— Почему ты считаешь, что наш мир будет плохим? — аурис широко развёл в стороны руки. — Адамас пришёл сюда сам, а недоверчивость и умение думать наперёд присущи ему, как и всем Страховым. И...

— О, ты всегда отлично умел манипулировать чужими умами, — прервал его вельк. — Меня, например, ты шантажировал Диланом — чего только не приходилось делать, чтобы ты его не трогал! А я ведь совершенно не такой, как ты, и мне не нравилось ничего из того, чем мы занимались. А когда пришли Стас и Игнат, пара намёков была кинута и в их

отношении. Я был просто вынужден притвориться, что люблю тебя, лишь бы ты отстал от остальных. Даже якобы в твою честь косу заплёл вместе с остальными, хотя на самом деле она посвящена одной милой девушке из бара, сумевшей дать мне на целый час почувствовать себя человеком...

Брутус спал с лица, и, как бы Адамасу ни было сейчас страшно, он поразился тому, что даже этого убийцу можно чем-то пронять — и, чем именно, Ове знал отлично. Он рассмеялся.

— Представляешь, а ты поверил! Сбылись все мечты, а? Классный я актёр, правда? Ничуть тебе не уступаю. Ты когда-то сделал из своего дяди педофила, потому что тебе было банально скучно. Отрабатывал навыки. Что бы ты мне ни говорил, уверен, ты ничего к нему не испытывал — иначе не отрёкся бы от него так легко, когда застал его со своей матерью. А, ну да, дядя ведь посмел скрыть от тебя, великого и всемогущего, целых два факта: что он решил покончить с Берссами и что спит с твоей матушкой. Впрочем, на последнее тебе было плевать, важно, что он без твоего указания подставил наш посёлок под гнев Мессии, как он посмел! И ты выгнал его, зная, что от горя он перестанет думать и запросто попадётся врагам. Скажи, а на Хаса с Адамасом у тебя те же планы?

Адамас посмотрел на Хаса: тот с окаменевшим лицом переводил взгляд с Ове на Брутуса, и нельзя было сказать, на чьей он стороне. Аурис же хранил молчание, только глаза всё больше наливались кровью. Поведение Ове из понятного перестало быть таковым: зачем он говорит это всё, если собирается убить Адамаса? Хорон ощутил, что страх отпускает его.

— Какие на этот раз тайны ты хранишь от своих марионеток, Брут? — вкрадчиво спросил Ове. — Своему новому адепту ты уже сказал, что, захватив Рэкса и Аспитиса, ты собирался привести их к Азату и убить всех троих? И кстати, сняв всю верхушку с помощью Адамаса, ты разве не планируешь избавиться от него, чтобы единолично править новым миром? И, наверное, заодно от Хаса, чтобы не мешался, хотя насчёт него не знаю, врать не буду. Ну, отвечай!

— Откуда у тебя такая информация? — почти спокойно спросил Брутус, мельком оглянувшись на тут же позеленевшего Хаса.

— Он, должно быть, уже мёртв, — хмыкнул Ове. — Ты ведь убиваешь всех, кто делает не так, как хочется тебе... Впрочем, наговорились, и хватит. Последнее, что я скажу тебе, Брут: ты в своём религиозном припадке считаешь себя одной из реинкарнаций Вершителя, по мне, так скорее в тебя попала при рождении крупинка души самого первого Мессии-Дьявола, Ионы. Ну а я тогда, чтобы не отступать от темы, назову себя Иеремией, его возлюбленным другом. Прощай.

Адамас не уловил момента, когда дуло пистолета ускользнуло от его горла. Услышал только оглушительный выстрел — прямо над ухом, и тут же с макушки до пояса оказался забрызган кровью. Ове, полголовы которого разлетелось от выстрела в подбородок, свалился рядом, и он отшатнулся от его тела, желая и не в силах оторвать взгляда от него.

В тягучей, мёртвой тишине, присущей самым страшным кошмарам, когда даже движения воспринимаются замедленно и словно сквозь кисель, раздался прерывистый вздох Брутуса, и хорон наконец сумел повернуть голову в его сторону. Аурис посерел, осунулся, сжатые в кулаки руки мелко дрожали, а взгляд был прикован к Ове. Две-три секунды — он моргнул и выдохнул.

— Что ж, — сипло проговорил аурис. — Нехорошо разлучать старых друзей...

Он развернулся к Дилану, приподнятая голова и расширенные глаза которого говорили

о том, что он ещё жив, и думать, переживать опять оказалось некогда. Адамас метнулся Брутусу наперерез — удар лезвиями наотмашь, долженствующий и сильвису снести голову, пришёлся ему по глазам и лбу. Отчего-то он оказался не таким уж сильным, потому что за вспыхнувшей, обжёгшей его почти непереносимой болью последовала лишь тьма, но не тишина. Высокий болевой порог помог хорону не отключиться, и, схватившись за голову, он откатился на несколько шагов по полу, замирая там.

— Брут! — отчаянно крикнул где-то за зазвеневшими колоколами Хас. — Подожди, не надо! Шптерны пришли!

— Что ещё? — прорычал Брутус, и где-то дальше прозвучал прерывистый голос одного из терасов.

— Запущено самоуничтожение. У нас есть семь минут.

— Вы убили его?!

— Да, — после короткой паузы сказал тот же голос, и Брутус рывкнул:

— Отпусти меня, Хас!

— Пойдём, пожалуйста! До другого хода далеко!

Больше криков не было, и по шуму двери Адамас догадался, что аурисы и терасы ушли. Всем своим существом, кроме ещё работающего рассудка, он хотел упасть в уютную тьму, чтобы только не терпеть боль, но это значило сдаться.

— Дилан? — позвал он, с усилием заставляя губы шевелиться, и услышал впереди усталое:

— Я тут.

Превозмогая слабость и тошноту, Адамас дополз до сильвиса и достал из кармана то, что положил туда Ове, определив на ощупь, что это средних размеров цилиндрический иньектор.

— Вколи, — он протянул иньектор Дилану. — Это преобразователь.

— Прости, но мы пришли сюда, чтобы покончить с этой заразой, — запинаясь на каждом слове, проговорил Дилан, и Адамас разозлился.

— Прости, но я пожертвовал зрением, а Ове — жизнью не для того, чтобы мы все тут подохли! Дай руку!

— Адамас...

— Я сказал: дай!

Он почувствовал, как у него вырывают иньектор, потом прозвучал щелчок, и сильвис застонал.

— Надеюсь, ты счастлив...

— Быстрее! — приказал Адамас, на время пробуждая внутри того себя, которому было всё равно на страдания других, — хотя выходил ли он из него на самом деле? Около минуты он прождал, сцепив зубы и заставляя себя считать, чтобы не отключиться, а затем Дилан рядом с шумом встал.

— Давай-ка сюда, спаситель, — проворчал он, поднимая Адамаса и закидывая одну руку себе на плечо. — Если повезёт, выберемся. Только потерпи.

— Ове слишком для тебя старался, чтобы мы не выбрались, — хмыкнул Адамас, и они так быстро, как могли, побрели к выходу из комнаты.

Джей, конечно, заблудился. Минут пять он прощатался по коридорам, всё надеясь наткнуться на хоть какой-нибудь план помещений, но в итоге лишь вывернул в длинный коридор, в конце которого услышал знакомые голоса, и затаился за углом. Разговаривали Шштерны, один раздражённый, другой испуганный.

— Пожалуйста, пойдём! — просил последний. — Мы сделали достаточно, он и так отсюда не уйдёт! Восемь минут!

— Ты что, вечно будешь рохлей, Десмонд?! Чёрт знает, что он ещё может сделать, если мы его оставим! Не можешь сам, дай это сделать мне! — зло огрызнулся Доминик.

— Я вообще не уверен, что нам стоит это продолжать! С чего ты взял, что всё, что говорит Хас, правда?

— Если и неправда, мы будем рядом, чтобы повязать его, как это изначально и планировалось!

— Только раньше нас сочтут предателями!

— Пусть думают, что хотят! Нас тренировали быть на стороне сильных, а Аспитис опять даёт слабину! Если будет объединение без вот таких, как Брутус, в верхушке, его вообще сместят, а нас с тобой на физмат отправят! Ты так видишь наше будущее, брат?!

— Доминик...

— Ладно, если мы уйдём, ты заткнёшься?!

После паузы послышался топот ног, Джей осторожно выглянул: выскочившие из самой дальней двери близнецы бежали до поворота, за которым и скрылись, не оборачиваясь. Хорон поторопился к оставленной ими комнате.

Здесь располагалось видеонаблюдение, только все экраны показывали одно и то же — тот самый: сейчас едва различимый в темноте выход, через который вслед за Адамасом пришёл Джей. На полу хорон обнаружил скорчившегося в луже крови чёрного как смоль хаена лет пятидесяти-шестидесяти — по этой расе всегда было трудно определять возраст. Подлетев к нему, Джей услышал, что хаен дышит: воздух с шипением вырывался через разбитые губы, все в розовой пене.

— Вставайте, — хорон подхватил его под руку, видя, что у него рваная рана на правой стороне груди, откуда толчками идёт кровь.

— Оставь... — прохрипел хаен, но Джей не стал слушать. Он огляделся и под самым потолком увидел панель с бегущей строкой, на которой алыми буквами значилось: «Запущено самоуничтожение объекта. Расчётное время: 07:45».

— Направляйте меня, я тут ничего не знаю, — распорядился хорон. — Держитесь.

Напрягшись, Джей вытащил хаена из комнаты и пошёл в ту же сторону, что и близнецы, стараясь не думать о том, насколько тяжёл хаен, крупнее его в полтора раза. Стоило им повернуть, как тот едва слышно сказал:

— Первый поворот налево, до конца.

Последовав указаниям, Джей донёс проводника до того, как нужный коридор опять разветвился, и опять услышал чьи-то шаги. Он дёрнулся к первой же попавшейся двери — к счастью, она открылась по приближении, и он спрятался в полутёмной комнате, полной высоких стеллажей. Несколько человек прогрохотали мимо, потом справа, откуда они с хаеном только что пришли, раздался шум резко отодвинувшейся двери, и голоса, перебивающие друг друга, мужской и женский:

— Брутус, что происходит?

— Почему включилось самоуничтожение?

— Чтобы вы наконец обрели покой! — рявкнул, очевидно, Брутус, и так и не умолкшие голоса слились в один крик боли.

— Что ж ты делаешь?! — отчаянно воскликнул кто-то явно младше даже Адамаса, и Джей услышал звук звонкой оплеухи.

— Будешь много возникать, останешься с ними! Пошёл!

Джей осмелился выглянуть, лишь когда шаги в коридоре окончательно стихли. У одной из дверей лежали, истекая кровью, мужчина и женщина, серебряные аурисы в белых халатах, — оба сжавшиеся в комок, подобранные искалеченные ноги, представлявшие собой сплошное кровавое месиво из ткани и плоти. Наверняка они остались живы, но их спасти хорон бы уже не смог. Отвернувшись, он вытащил в коридор хаена.

— Высокая плата за верность, — кашляюще рассмеялся тот. — Сейчас налево. Второй поворот, направо.

Примерно на третьем следующем указании Джей почувствовал, что выдохся. Он никогда не был атлетом, да и в группу Рафаэля его взяли скорее аналитиком, и теперь это сказывалось. Хаен как будто почувствовал.

— Чуть-чуть осталось, — вдыхая на каждом слогe, приободрил он, и Джей кивнул, собирая последние силы. Он избежал Брутуса, что ж теперь, умереть под завалом?

Ещё одного звука шагов он не услышал и за поворотом натолкнулся на невероятную пару: Дилана и Адамаса, залитых кровью с ног до головы, — у первого была видна рваная рана на животе, почти такая же, как в их прошлое знакомство, у второго же вся верхняя часть головы, с четырьмя следами от лезвий, вскрывших кожу почти до кости и по ходу выбивших оба глаза, в силу собственной нереальности больше походила на качественный грим, чем на травму. От неожиданности хорон чуть не выпустил хаена, но Дилан сориентировался сразу.

— Меняемся, — он отпустил Адамаса, тут же зашатавшегося, и подхватил хаена. — Я думал, тебя убили, Палаш.

— Кишка тонка, — отозвался тот.

Джей кинулся к Адамасу, с ужасом и содроганием глядя на его рану — следствие его собственной самонадеянности и некомпетентности — и в то же время с облегчением осознавая, что хорон способен идти сам.

— Слава ангелам, ты здесь, — сказал он Адамасу, устремляясь вслед за Диланом, и тот удивлённо спросил:

— Джей? Что ты тут делаешь?

— Пришёл по твоему следу. Держись.

— До выхода продержусь.

Им и вправду осталась пара коридоров, минута — и Дилан уже давил на кнопку вызова подъёмной площадки. Вчетвером они поднялись на поверхность и прямо с платформы ступили в собравшуюся у входа толпу.

— Отходим! — зычно крикнул Дилан. — Сейчас всё обвалится!..

Джей шёл следом за ним — мимо уже разворачивавшегося Стиана, с каменным лицом смотрящего на них, посеревшего Бельфегора, Тинаш, Иму, Унура и ещё человек десяти отряда тераса. Как только они отступили от так и не ушедшей вниз площадки, глухой подземный взрыв, прозвучавший сразу в нескольких местах, сотряс землю и та часть плато, под которой лежала лаборатория, с шумом и взметнувшейся пылью осыпалась вниз, под кусками породы и песком хороня и помещения, и оставшихся там живых и мёртвых.

— Где Шштерны? — отрывисто спросил Бельфегор, стоило наступить относительной

тишине.

— Ушли с Брутусом. Стас и Ове погибли, — ответил ему Адамас. Джей нашарил глазами Герберта — он, бледный, вдруг вынырнул из-за одного из солдат и тут же схватился за него, чтобы не упасть.

— Прекрасно, — сплюнул Стиан. — У нас две машины. Я везу Адамаса в больницу ГШР, Бельфегор, возьмёшь Дилана и этого хаена?

— Конечно, — смуглый хорон уже раздавал команды. Подчиняясь взмаху руки Стиана и стараясь не смотреть ему в глаза, Джей потащил наконец отключившегося Адамаса к поодаль стоящей машине.

* * *

Разбор полётов состоялся в обед этого же дня, когда в местное отделение ГШР, куда переселились Джей, Стиан, Миа и Кристиан, приехал спешно вызванный Рэкс Сопровождение на этот раз у него было многочисленнее, чем на Новый год, однако вместо Рафаэля прибыл Теодор, и Джей не мог не отметить этого факта. Пока ещё никто не знал, какую роль во всём произошедшем он сыграл, и хорон тщательно готовил подробный рапорт — и формулировал причины, объясняющие его поведение. Только скрупулёзный подбор правильных слов помогал ему не замечать того камня на сердце, что образовался там после ранения Адамаса и известия о смерти Стаса. От его груза было тяжело дышать и думать, но Джей очень старался: его руководители должны были понять, что он не желал предавать никого вокруг себя, и в итоге согласиться с решением, которое он собирался озвучить на их встрече.

По приезде Рэкс сразу отошёл в больничное отделение, но Адамас ещё не пришёл в себя после проведённой ночью операции, частично восстановившей целостность его лица выше глаз, и его отец буквально через десять минут был готов слушать доклады ответственных за произошедшее Стиана и Джея.

Стиан выступал первым. Из его рапорта Джей узнал, что в то время, как Адамас вместе со Шштернами покидали базу, Кристиан постучал в его личную комнату и тут же завёл нервный разговор о друзьях и девушках. Активно отвечавший ему терас тогда же текстовыми сообщениями отдавал приказы отрядам, которые должны были на безопасном расстоянии проследить за пятёркой ушедших и выяснить, как запрятана лаборатория. Как только фантазия Кристиана иссякла, Стиан со всеми возможными напутствиями отослал его обратно спать, а сам поспешил вслед за отрядами — и нашёл их усыпленными газом, действия которого хватило на все расы без исключения на полчаса. Там же его встретил Герберт, коротко рассказавший о том, кто это сделал, и о том, что по месту назначения также идёт в гордом одиночестве Джей. Пока присоединились бойцы из других охранных групп лагеря, драгоценное время было упущено. Они пришли ко входу в лабораторию именно в ту минуту, когда все пострадавшие уже покидали её.

Рэкс и Теодор — Джею не очень было понятно его предназначение на этом собрании, потому что Главнокомандующий не нуждался в таких молодых советниках, а в общей группе никто из здесь присутствующих более не состоял — выслушали его молча, потом рейтер начал что-то записывать в блокноте, а хорон перевёл пригласительный взгляд на Джея. Стиан сел, тоже начиная смотреть на него — выжидательно и хмуро, — и, поднявшись и

откашлявшись, чтобы голос не подвёл в нужный момент, Джей начал докладывать.

Он не собирался утаивать ровным счётом ничего из всей этой ужасной истории, потому рассказал о событиях с самой ночи нападения, после которой он поддался искушению и отправился навестить Стаса и Дилана. С каждой новой деталью лица слушавших его менялись, а у него самого всё больше сдавливало горло. Когда хорон закончил, все трое смотрели на него по-разному: Теодор с искренним изумлением и неверием, Стиан с пробирающим до самых костей упрёком, а Рэкс, почти не моргавший, изучающе и неподвижно. Пришла пора объясняться.

— Прежде чем вы составите какое-то мнение о моих поступках и примите решение, — Джей глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в голосе, — я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Я делал всё не из какого-то злого умысла или в надежде получить выгоду для себя или других. Я осознаю, что предал ваше доверие и не выполнил ни одну из возложенных на меня задач. Но я считал тогда и считаю сейчас, даже видя, к чему всё привело, что поступал правильно. Точнее, по совести. Я надеялся, что всё обойдётся. Стас и Дилан со своей историей были совершенно другим миром, и у меня не было иного мерила по отношению к ним, кроме собственной морали. Я просто не мог кому-то о них рассказать. Я правда полагал, что они знают, что делают, и смогут справиться. Ну а потом, когда всё достигло апогея, я решил помочь им выжить, хотя сами они на это не рассчитывали. Не ожидал, что Стас готов обездвижить двенадцать человек, только чтобы самому разобраться с врагом. Я осуждал его за гордыню, а сам оказался не лучше. Не знаю, почему я считал, что знаю, как будет правильнее...

— Не в этом дело, Джей, — прервал его Рэкс. — Похоже, ты просто пока не научился доверять старшим.

Хорон кивнул.

— Возможно. Я рано попал так высоко. Вот доказательство того, что я это понял, — он достал из прозрачной папки один лист и положил его перед Рэксом. — Я готов принять любое наказание, которое вам покажется соответствующим. И также настаиваю на том, чтобы всю ответственность за случившееся нёс я. Герберт тоже укрывал Стаса, но он несовершеннолетний и не состоит на службе. Я отвечал в том числе и за него.

— Худшего наказания для тебя, чем ты сам придумал, я подобрать не смогу, — Рэкс достал из кармана ручку и поставил свою подпись под его прошением об отставке. — Но хотел бы кое-что сказать напоследок. Ты пытаешься сделать хорошо всем, кто тебе безразличен, и это главная твоя ошибка. Так не бывает, Джей, обязательно пострадает кто-нибудь ещё. Люди должны служить одной общей цели, только тогда все окажутся одинаково удовлетворёнными — или одинаково недовольными. Общее выше частного. Доверие доверием, а верность верностью. Ты верен Управлению, но не доверяешь до конца, иначе легко отдал бы всё в руки тех, кто способен этим правильно распорядиться. Если вдруг когда-нибудь ты осознаешь, что согласен с моими принципами и готов без оглядки служить мне, я приму тебя обратно.

— Неужели все люди вокруг вас также считают, что ради общей цели можно поступить чем и кем угодно? — недоверчиво спросил Джей. — Вы так безошибочно выбираете приближённых? Ведь верхушка — все ваши старые друзья, и каждый готов, если понадобится, рискнуть жизнью и здоровьем своих родных и близких ради утверждённой вами великой цели?

— В политике нет друзей, Джей, — углом губ улыбнулся Рэкс. — Они мои соратники.

Именно — общая цель, вот что нас объединяет. Прежде чем уйдёшь, загляни в архивы, подсчитай количество фамилий людей, которые лишились своих высоких постов — потому что перестали или не пожелали разделять мои взгляды. Я тоже ошибался. Из-за одного моего друга, хотевшего что-то для себя, а не для мира, в декабре 49-го мы порвали с МД. Тогда же я чуть не выгнал Лемма, потому что не был уверен в нём. Но есть и обратные примеры. Через три года после моего вступления на пост старшего советника Стиан Шшварцзее лез из кожи вон, чтобы отодвинуть меня от руля — желательно методом физического устранения руками собственной же организации. Поднял пол-ГШР в оппозицию и ещё три года успешно уходил от раскрытия личности, как мы ни старались его вычислить. А, Стиан?

Джей недоуменно воззрился на тераса, и тот отсалютовал обоим хоронам двумя пальцами.

— Я был молодой и непонятливый, а также очень верный президенту, — разъяснил он. — Рэкс представлялся мне узурпатором трона. Но в один прекрасный день мне наглядно пояснили, кто есть кто, и я самостоятельно перешёл на его сторону. После такого обычно больше не передумывают.

— И ты будешь готов на всё?

— Я знаю, что бы ни случилось, так или иначе оно кончится так, как должно. И не имеет значения, сколько придётся за это заплатить, — твёрдо сказал терас, и Джей поджал губы, отводя взгляд.

— Каждый верит во что-то своё, Джей, — мягко сказал Рэкс, и невыносимо было видеть понимающую, мудрую улыбку на устах того, чьего сына Джей совсем недавно оставил калеккой и чьи ожидания он не задумываясь втоптал в грязь. — Не может быть одной единственно правильной точки зрения. Я свою выбрал и от тех, кто имеет доступ ко мне и тому, что я строю, требую того же. Мы будем ждать твоего возвращения.

Молча Джей протянул Стиану папку с оставшимися листами — письменным изложением ранее им сказанного, — поклонился, кивнул сожалеюще следящему за ним Теодору — похоже, его взяли для служебной и психологической практики — и покинул кабинет.

Билеты на поезд в Канари он взял ещё утром, и до отправления оставалось четыре часа. Забрав из выделенного ему кабинета сумку, Джей пешком пошёл на междугородный автобус до Хайрова.

Самое страшное осталось позади, теперь всего-то нужно было решить, как жить дальше.

Первым, что Адамас увидел, проснувшись, был абсолютный, непроглядный мрак. Ему подумалось, что он забыл открыть глаза, но он никак не мог почувствовать век, чтобы поднять их. Остальное тело тоже почти не отвечало на привычные приказы, более-менее сносно работал только слух: справа что-то монотонно пицало с интервалом в две-три секунды и, ещё дальше, знакомо щёлкало, будто кто-то непрерывно давил на сенсорные клавиши смартфона. Это был какой-то жуткий, никак не уходящий сон, когда ты не можешь пошевелиться, а каждый звук заставляет обмирать от ужаса, и Адамас в подступающей панике начал по внутренним ощущениям искать собственную левую руку. С замедлением отозвался один палец, потом второй, наконец он с усилием сумел поднять её и ущипнуть себя за предплечье другой, тоже уже осознаваемой им руки.

Ничего не изменилось. Адамас поднёс руку к голове, нащупал повязку, но, так и не поняв, что это значит, заводил кистью перед глазами, надеясь уловить хоть какую-то смену

света и тени.

Щёлканье справа прекратилось, и кто-то резко схватил хорона за движущееся запястье.

— Хватит! — зло потребовали от Адамаса, и он прекратил шевелить рукой, с удивлением узнав говорящего.

— Кристиан? — недоверчиво спросил хорон. — То есть это не сон?

— Разве что кошмар, который никогда не кончится, — нехорошо хмыкнул Кристиан, выпустил его запястье, и рука, на этот раз не пожелавшая послушаться Адамаса, тяжёлым грузом свалилась ему поперёк груди.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду, когда ты придёшь в себя, дорогой кузен. Чтобы прежде, чем остальные убедят тебя в том, какой ты несчастный святой мученик, открыть тебе глаза... Ой, прости, я не хотел напоминать тебе о твоих глазах! — он пугающе глумливо рассмеялся, и Адамас всё вспомнил.

Осознание того, что всё по-настоящему и что отныне он на всю оставшуюся жизнь слепой, чуть вновь не стоило ему сознания. Лихорадочно он начал ощупывать голову, наполовину замотанную и в тон звучащему рядом писку монотонно гудящую, однако нашёл всё ту же плотную повязку — и глухую боль в тех местах, где по глазам и лбу прошлись лезвия Брутуса. Чтобы не закричать от отчаяния, он впился зубами в собственный кулак, и Кристиан опять заговорил:

— Что, боль недостаточно чувствуется? Всегда знал, что ты мазохист. То есть нет, садомазохист, потому что ты всегда делал так, чтобы ни себе, ни людям!

— Они ведь ушли? — заставил себя отпустить руку Адамас. — Брутус, Хас, Шштерны?

— Да, ушли. Кто бы сомневался! А ты — ты всё запорол!

— Я - запорол?

— Да а кто же ещё? Небось принял в последний момент старую сторону, вот тебя Брутус и наказал! Скажешь, я не прав?.. — шипящий голос кузена вдруг зазвучал у Адамаса над самым ухом. — Мы столько к этому шли. Я — шёл! Зачем ты всё испортил? Опять себя выгораживаешь?

— Кристиан...

— Что — Кристиан?! Мой единственный шанс наконец поучаствовать хоть в чём-то великом — и ты передумал! Знаешь, слепота — это дешёво ты отделался! Лучше бы он тебе спину переломил, предатель!

У Адамаса закружилась голова: он и не подозревал в своём брате, лучшем друге такой ненависти. Судя по шуму, Кристиан встал со стула, на котором сидел, резко отодвинув его, и заходил из стороны в сторону.

— Мы могли стать правителями нового мира! — распаялся он. — Я мог стать! Как меня достало вечно быть в твоей тени! Вечно оглядываться на твоего невозможно высокого папочку — почему, почему мой его терпит? Ты же предал все наши общие идеалы и теперь даже не чешешься! Что они тебе такого наговорили, эти отступники? Почему ты их послушал?!

— Брутус хотел забрать мир себе, — Адамас сжал пальцы на одеяле. — А до этого — убить и моего отца, и Аспитиса, и Азата. Хас — лишь его марионетка, слепо следующая за ним. И мы могли стать только такими же.

— Это он тебе сказал?

— Это сказал Ове. Он много чего сказал...

— И ты ему поверил?!

— Кристиан, он застрелился на моих глазах! — крикнул Адамас, и его и без того слабый голос сорвался. — Как я мог не поверить? Он пожертвовал собой, чтобы Брутус не смог воплотить свой план! Стас и Дилан пришли туда на смерть, лишь бы помешать ему! И мне после того, что я увидел и услышал, надо было и дальше подчиняться ему?!

— Можно было хотя бы попробовать! — Кристиан опять подступил к нему, только уже с другой стороны, вдруг схватил за ворот пижамы, легко приподнимая верхнюю часть его тела над кроватью, — и Адамас с ужасом осознал, что сейчас он бесконечно сильнее. — Это ведь всё слова! Мы стали бы почти бессмертными, не чета им! Ты же сам говорил, что твой отец не прав! Почему ты всё бросил, Адамас?!

— Я уже не знаю, кто прав, — прохрипел хорон. Кристиан ненавидяще выдохнул и отпустил его.

— Как бы там ни было, — процедил он, — я более не собираюсь поддерживать ни тебя, ни всю твою семейку. Ты достаточно маячил у меня перед глазами — и вечно выходил сухим из воды, в то время как я огребал по полной! Я бы сказал что-нибудь вроде: «Ты меня больше не увидишь», — но это нам понятно обоим и так, ха. Пойду позову твоего папочку, небось уже все ногти себе обгрыз за то, что с его сокровищем приключилось. Приятной тебе темноты!

Адамас вздрогнул от звука с силой захлопнувшейся за ним двери и вновь остался наедине с писком. Очнувшееся от дрёмы сердце билось в ушах, и он закрыл их руками, отворачиваясь на бок и подтягивая колени к груди. Зачем всё это время Кристиан был с ним, если не мог выносить его превосходства или, как он утверждает, элитарности? И почему он сам продолжал доверять ему после многочисленных случаев его трусости в самый ответственный момент — как это было с Сати? На сколько ещё вещей он закрывал глаза?

Что ж, теперь закрывать нечего.

Впервые за всю жизнь Адамас почувствовал себя по-настоящему беспомощным. Каждый раз, как он начинал верить во что-то обстоятельное, незыблемое, оно рушилось. Авторитет отца, собственная способность к равнодушию, возможность что-то исправить. Что он вообще может? Особенно начиная вот с этого момента, когда он ослеп? Реально ли научиться с этим жить, стать собой, стать... полезным? Да и кем — собой? Какой он? Как угадать правильно?

И как у отца всегда это получалось — несмотря на поражения всё равно вставать раз за разом и, не разочаровываясь, идти дальше к своей цели?

Сколько Адамас пролежал так, в одной позе, не шевелясь, бесконечно обдумывая одни и те же мысли и не приходя ни к чему, он не знал. Его окутывала темнота куда хуже той, что подступила вплотную после новогодней ночи, и он не хотел из неё выбираться. Но, как и в тот раз, должен был появиться отец, и ради разговора с ним — ему так много нужно было сказать! — Адамас не позволял себе пока провалиться в неё по-настоящему.

Наконец щёлкнула входная дверь, и Адамас, с усилием подчиняя себе затёкшее тело, перевернулся обратно на спину. Вошедший к нему в три быстрых, размашистых шага приблизился — и хорон не успел и понять, как оказался прижат головой к груди того, кто знакомо пах порохом, гарью, бензином, войной, — собственного отца.

— Ох, Адамас, — голос Рэкса, на памяти его сына никогда не звучавший так виновато, послышался в районе затылка. — Прости меня. Я не должен был тебя отправлять сюда.

Он отпустил его и аккуратно уложил обратно на подушку. Адамас замотал головой.

— Я сам виноват. И, если честно, я и сам жалею, что являюсь твоим сыном. Тебя, наверное, никогда ещё не отрывали от важных дел так часто — и по таким позорным причинам...

— Собственное увечье ты называешь позорным? — горько усмехнулся Рэкс, садясь к нему на кровать. Адамас пожал плечами.

— За что боролся, на то и напоролся. Я ведь был готов предать тебя и всё, за что веками стояла наша семья. Ещё легко отделался, как кое-кто недавно мне сказал...

— Кристиан?

Поразмыслив с десяток секунд, Адамас согласился:

— Кристиан. Кажется, он больше не хочет быть Страховым. Если ты считаешь, что я тоже недостойн носить эту фамилию, я тебя пойму.

— Я знаю одно: ты хотел как лучше. Стиан предоставил мне запись вашего первого разговора с Хасом, он высказывал очень увлекательные идеи...

— Идеи идеями, а верность верностью, папа, — Адамас и сам не заметил, как с языка сорвалось слово, которого он не употреблял лет с шести. — Я ещё готов поверить, что Шшгерны пошли за ним из чистого честолюбия — чтобы потом с красным бантиком преподнести Мессии. Подзатянули, конечно. Но я-то искренне хотел сломать всё то, что ты построил, — и это даже толком не понимая, какой ты заложил фундамент!

— Кстати, о Шшгернах, — Рэкс сделал паузу. — Ты не возражаешь, если мы ненадолго прервём нашу беседу? Приехал Цезарь, хочет узнать от тебя подробности о своих сыновьях. Впрочем, чтобы не тратить зря время, можешь рассказать всё, чему стал свидетелем, я всё равно хотел спросить.

— Он так быстро восстановился?

— В организации, где на благо лидера и его круга трудится Роза Зорина, не бывает по-другому. Так я могу его позвать?

Адамас внутренне усмехнулся: они с отцом, не сговариваясь, одинаково делали вид, что его вечная слепота — это нечто не стоящее отдельного обсуждения. Как если бы он сломал руку или ногу, катаясь на доске с высокого холма. Как будто всё пройдёт...

— Да, конечно, — не стал возражать он. — Последствия наркоза меня почти отпустили, я уже могу говорить не запинаясь на каждом слове, как это было при Кристиане.

— Кристиан почти всё время провёл здесь, около тебя, — со странной интонацией проговорил Рэкс, и Адамас хмыкнул.

— Ничего удивительного.

— Об этом можешь Цезарю не рассказывать, — разрешил его отец. — Одну секунду. Я позвоню. Можешь входить, Цезарь.

Дверь открылась спустя две секунды. Терас подошёл к ним военным чеканным шагом и поздоровался:

— Как себя чувствуешь, Адамас?

— Сойдёт по бедности, — отозвался тот. — Вы хотите узнать только о своих сыновьях или всё с самого начала?

— Основное о своих... сыновьях, — Цезарь как будто споткнулся на этом слове, — я знаю, осталось выяснить причины. Был бы очень признателен, если бы ты посвятил и меня в ваши... приключения. Только прежде... Рэкс, возьми.

— Что это? — с интересом спросил хорон, зашуршав, кажется, прозрачным файлом для хранения бумаги.

— Официальный документ от Аспитиса. Он извещает тебя о том, что Дилан Криссво и Хорст Виехха, также известный как Палаш, отныне находятся под его юрисдикцией. Если у тебя есть какие-то возражения, можешь подать апелляцию в письменном виде в течение двадцати дней. Ну, там всё написано. Распишись о вручении.

— Я даже не могу так сразу сказать, хорошо это или плохо, — хмыкнул Рэкс, черкнув ручкой. — Прощу. Могу я через тебя передать, что за жизнь Дилана мой сын, который спас когда-то Аспитиса от позорной смерти, отдал своё зрение и было бы неплохо это учесть, что бы он там на его счёт ни задумал? Эту важную подробность нам сообщил Бельфегор после первого неофициального допроса Дилана.

— Я постараюсь, — серьёзным тоном отозвался Цезарь и спустя ещё пару шагов оказался справа от Адамаса, где и остался стоять. — Я готов слушать, Адамас.

Адамас честно вспомнил всё, даже самые неважные подробности их недолгого общения с Хасом и того, чем оно кончилось. Его опять замутило, когда он воскресал в памяти смерть Стаса и самоубийство Ове, но хорон мужественно справился с собой. По окончании рассказа первым заговорил Рэкс:

— От себя ещё хочу добавить, Цезарь, мой бывший агент подслушал их разговор, когда они возвращались от Хорста обратно к Брутусу. По словам Доминика понятно, что он разочаровался в вожде и выбрал себе нового. Про Десмонда ничего определённого сказать не могу.

— Я приношу вам обоим мои глубочайшие извинения, — глухо ответил Цезарь. — Мои сыновья подвели и вас, и наше общее дело. Я брошу все свои силы на то, чтобы лишить Брутуса таких союзников.

— Молодёжь имеет право на ошибки, Цезарь. Не требуй от них слишком многого.

— Что бы там ни было, они понесут наказание, — отрезал терас и поднялся. — Результаты полного допроса Хорста и Дилана я пришлю тебе по электронной почте, как только они у меня появятся. Удачной тебе дороги домой, Адамас.

Когда за ним закрылась дверь, оба хорона некоторое время молчали, потом Адамас подал голос:

— Десмонд — ведомый в их паре, но тем не менее у него несколько другие понятия о жизни. Доминик всегда казался мне более эгоистичным и безжалостным. Может быть, кто-то из них ещё передумает. Даже Доминик может что-нибудь не то углядеть в Брутусе.

— Ты же передумал, — согласился Рэкс.

— Я... Знаешь, я даже не уверен, почему именно. Наверное, и вправду из-за Ове. Он умер за свою правду, я же на такое был не готов.

— В смысле? Брутус мог убить тебя.

— Это немного другое. Я спасал Дилана...

— А Ове спасал тебя. Он выбрал наилучший момент, чтобы умереть за правду.

Адамасу страстно захотелось сейчас увидеть лицо отца: слишком уж много незнакомых ноток всю эту беседу появлялось в его голосе — горечь, печаль, боль, — ничего общего с его обычно сухим, приказным или саркастичным тоном. Неужели он и в самом деле так переживает из-за того, что случилось с ним?

— Я должен ещё кое-что сказать тебе, Адамас, — как будто прочитал его мысли Рэкс. — После того происшествия в новогоднюю ночь я оставил тебя на базе не только потому, что поверил, что ты сумеешь исправить всё, что натворил. Мы, используя тебя, расставили ловушку для Брутуса...

— Я это понимал, ещё когда просил меня там оставить, — улыбнулся Адамас, перебивая его. Рэкс сдержанно вздохнул, как будто даже с облегчением, и продолжил:

— Я послал на базу самого лучшего агента, которого мы с Рафаэлем и Домино только смогли найти. Он должен был обеспечить твою полную безопасность в случае, если Брутус захочет поймать тебя так же, как Бельфегора. И пусть операция сорвалась из-за того, что Джей не сообщил о ещё одном факторе, который мог повлиять на успешное выполнение нашего плана. Всё равно мне не стоило рисковать тобой. Ты бы не... лишился глаз, если бы я придумал что-нибудь другое.

— Папа... лучше скажи вот что. Наверняка, я почти на сто процентов уверен, ты предполагал, что Брутус может не только силой увести меня, но и просто сманить. Ты... — Адамасу на мгновение сдавило горло, — хоть немного сомневался в том, что я не послушаю его и буду за тебя, а не за... светлое будущее?

Он ощутил невыносимую ненависть к себе и с ужасом ждал ответа на заданный вопрос. Рэкс невесело усмехнулся и положил ему руку на плечо.

— В первую очередь я думал о захвате, потом уже об остальных вариантах. Когда Стиан сообщил мне о разговоре, который произошёл между вами с Кристианом и Брутусом с Хасом, я предоставил тебе право самому решать. В дальнейшем Стиан должен был лишь выяснить расположение лаборатории. Или, на крайний случай, задать тебе самый последний вопрос, уверен ли ты, что хочешь быть с ними, а не со мной. Если бы хоть какой-то шанс был, что Брутус способен построить что-то новое, не ломая до основания старое и не проливая океаны крови, я бы его послушал. Но, как видишь...

Адамас отпустило. Он криво улыбнулся:

— Странно, что ты настаиваешь на том, что в произошедшем виноват ты, а не я. Ладно. Прежде чем я опять усну, я ещё хочу задать пару вопросов. Кто обусловил смерть Луизы Пикеровой?

— Если прямо, то Марк, дневной секретарь и один из главных советников Аспитиса. Косвенно — покойный муж Забавы Альфред, — неопределённо хмыкнул Рэкс. — А если по совести, то я. Не сблизься я с Аспитисом, никому бы не понадобилось убивать его жену, чтобы меня подставить.

— Это точно?

— Ну, глаза в глаза он не признавался, конечно, но доказательства имеются.

— И президентское кресло ты не занял, чтобы подозрение не пало на тебя? Чтобы оставить хоть какой-то шанс на будущее объединение?

— Как, оказывается, много человек может понять за месяц, — без тени сарказма похвалил Рэкс. — Но почему ты так уверен, что это не я всё подстроил с прямопротивоположной целью?

— Мне рассказал подробности Бельфегор. В отличие от отца, ни тебя ни меня он не считает врагами, — слабо улыбнулся Адамас.

— Я почему-то и не сомневался.

— Не понимаю, папа, как ты всё ещё можешь что-то говорить с неуверенностью. Кстати, когда домой?

— Ты — завтра, вместе с Миа. Кристиан попросился сегодня, я не смог ему отказать. Ну а я — пока побуду на войне, сам понимаешь.

— Береги себя, ладно? А мне надо подумать.

Полностью расслабившись, Адамас с облегчением нырнул глубоко во мрак. Отец ещё

звал его, говоря что-то, упрашивая, требуя, но он не хотел больше реагировать. Всё и всегда остаётся словами. Когда-то отец говорил, что ему пора определиться, какой он и чего хочет. За эти восемь лет и этот памятный месяц он перепробовал целых три своих ипостаси, но ни база, ни жуткие события, которым Адамас был причиной или свидетелем, так и не помогли ему в этом. Может, хотя бы в отрешённости он случайно наткнётся на самого себя?

* * *

— Почему ты не убил его?

Брутус раздражённо поднял голову, а вместе с ним — и Хас с Десмондом. Доминик смотрел на ауриса остро и недобро, вслепую перебрасывая из одной руки в другую небольшой складной ножик. В том подвале, где они четверо через несколько часов осели после ночного отступления с лаборатории (ушли так далеко, как смогли, — и от границы военных действий, и от ищеек объединённого отряда ГШР и МД), и до неожиданного вопроса тераса было тихо, но теперь повисла совсем уж мёртвая тишина.

— Пожалел, — оскалился Брутус, и Доминик хмыкнул, вставая. Десмонд напряжённо проследил за тем, как он будто лениво подошёл к аурису, сидящему прислонившись к грязной стене.

— Пожалел? — повторил Доминик. — То есть оставить родителей на смерть не пожалел, а предателю всего только глазки выбил? Даже если Дилан так и пропал там, Адамас сто процентов выбрался. И все обо всём в курсе. Это часть твоего гениального плана, господин Особенный?

— А если и так?

— Кого ты пытаешься обмануть? Мы все знаем, что дело в другом, — Доминик вдруг ухватил его за шиворот и в одно движение поднял на ноги. Брутус дёрнулся, но терас уже безжалостно подтянул его к себе, сближая их глаза и ухмыляясь. — Ты слабее даже этого замухрышки Хаса. По-моему, нам пора сменить командира.

— Ник, оставь его! — Десмонд подлетел к брату в мгновение ока, одновременно со всполошившимся Хасом, но Доминик выставил в их сторону свободную руку, и они были вынуждены остановиться.

— Хотя бы сейчас не перечь мне, Десмонд, — процедил терас сквозь зубы, не отрывая взгляда от буравившего его ледяными зелёными глазами Брутуса. — Нужно выяснить всё сейчас. Есть ли у господина Особенного план? Куда мы идём? И не проще ли будет вас сейчас сдать с потрохами?

— Что ж сразу не сдал, как ваши пришли? — осклабился Брутус. — Побоялся, что загребут вместе со мной?

Он почувствовал, как буквально на один миг рука, держащая его, дрогнула, и вновь ощутил себя на вершине.

— Мы теперь в одной лодке, Шштерн, как бы тебе ни хотелось обратного, — снисходительно улыбнулся Брутус. — Вы уже не отмоетесь, даже если приведёте меня лично Аспитису. Вам не простят. Не та организация.

— Мы и не собирались, — сохраняя лицо, Доминик отпустил его, но не отошёл. — Однако ты сам должен понимать, что твоей силы у тебя больше нет. Пока или вообще, я не в курсе, но меры принимать надо. Что предложишь?

— Искать союзников, — Брутус невозмутимо поправил рубашку. — Она так или иначе вернётся, и...

— Это из-за Ове, да?! — в порыве чувств Хас оттолкнул Доминика и сам оказался перед аурисом, сжимая кулаки и блестя мокрыми глазами. — Ты из-за него?! Он же не любил тебя, сам слышал! Зачем ты...

— Зачем я что? — холодно поинтересовался Брутус.

— Грызёшь себя?!

— Сам догадался или кто подсказал?

— Твои родители говорили... — тихо начал Хас, и Брутус за руку поддёрнул его к себе.

— Что говорили?

— Что вирус... что альмега, новая версия, тесно завязана на психическое состояние. И, даже если по человеку не видно, а внутри он переживает из-за чего-то, она тут же отреагирует! — выпалил Хас, и Доминик с Десмондом переглянулись.

— Почему же они не сказали этого мне? — вкрадчиво осведомился Брутус, ощущая, как его захлёстывает паника: он едва держался на ногах после их долгого перехода и сейчас последние силы покидали его — а ведь на нём не было ни одной серьёзной раны, лишь ушибы!

— Они не успели, нам уже нужно было уходить. Я думал... я думал, что на Адамасе ты выбрал неудачный угол, а устал сейчас из-за этих напряжённых суток... — Хас несчастно улыбнулся. — Но твои раны не затягиваются. Пожалуйста, забудь о нём! Он умер, он лгал тебе, он тебя предал! Из-за него сорвался наш план! И, если отец случайно напорется на нас, мы даже не сможем защититься! Приди в себя!

Собрав остатки сил, Брутус бросил его на пол и мельком посмотрел на терасов.

— Я выйду проветриться на пять минут, — известил он и, более не оглядываясь, пошёл к лестнице, ведущей наверх из подвала.

Как только шаги его стихли, Хас встал с пола, брезгливо отряхнулся и вынул из кармана телефон. Доминик поймал его за руку.

— Что ты собираешься делать?

— У меня есть человек, который нас не предаст, — прямо глядя ему в глаза, отозвался аурис. — Нам нужно пересидеть где-то, пока Брутус не станет опять собой.

— И кто же это? — сощурился Доминик.

— Моя гувернантка. Она проводила со мной больше времени, чем мать и отец вместе взятые. Она приведёт нам помощь. К тому же она очень не любит моего отца и сделает всё, чтобы мы ему не достались.

— А твой обожаемый Брутус не оторвёт тебе за это голову?

— Когда они приедут, будет уже поздно, — улыбнулся Хас.

— Это просто прекрасно, — Доминик отпустил его и поднял руки в знак капитуляции. — В группе один-единственный взрослый опытный солдат, а решения принимает пятнадцатилетний мальчишка. Недолго как пятнадцатилетний.

— Дверь открыта, Доминик, тебя никто здесь не держит, — елеинным голосом напомнил ему Хас и ушёл с телефоном в самый дальний угол. Братья-терасы молча прослушали, как он сообщает своей гувернантке их координаты, и Десмонд одними губами спросил:

— Может, уйдём?

— Пораженец, — фыркнул Доминик и вернулся на своё место.

Когда обратно в подвал пришёл Брутус, никто из них троих не подал виду, что что-то не так. Сообщив всем, что с наступлением следующей ночи они пойдут дальше, а за день он придумает, к кому обращаться в первую очередь, аурис отправил Десмонда дежурить у входа в подвал, а сам, максимально далеко устроившись от побитой собакой смотрящего на него Хаса и подчёркнуто его игнорирующего Доминика, лёг спать.

Оказавшись на поверхности, Десмонд начал прохаживаться туда-сюда, по привычке совмещая обеспечение собственной незаметности и наблюдение за окрестностями. Он легко мог коротать время, ничего не делая, но на этот раз ему было о чём подумать, и он решил воспользоваться подвернувшейся возможностью, чтобы без лишних людей в окружении обмозговать их и лично его положение. Однако, как он ни старался, мысли крутились вокруг лишь одного — их предательства. Изначально они планировали всего-то узнать планы Брутуса и, через него, Азата, а потом эффектно взять его — настоящая, профессиональная работа под прикрытием, точно как у Стиана Шшварцзее. Как так вышло, что отныне они на стороне своего злейшего врага? И возможно ли вообще исправить то, что они натворили, или Брутус прав: что бы они ни сделали, их уже не простят? Если бы только напороться на что-то поважнее Брутуса...

Дом, в подвале которого они прятались, стоял на окраине небольшого городка, не имеющего ни одной правительственной ставки, и был под снос, потому людей здесь и близко не появлялось. На какие-то часы Десмонд даже расслабился, поверив, что они так и уйдут отсюда, никем не замеченные четыре всеобщих врага (вот это достижение для них с Домиником, в семнадцать-то лет), — но, не успело на его наручных часах выстроиться 11:00, как где-то неподалёку зашуршали шины сразу двух машин. Нырнув за ближайшую грудку мусора, терас стал следить за дорогой.

Машины появились у их подъезда сразу с двух сторон — и остановились, полностью перекрыв собой отходные пути. Только завидев неспешно выходящих из них молодчиков в гражданской одежде, каждый достающий из багажника по автомату, Десмонд понял, что сопротивляться бесполезно. Заложив руки за голову, он вышел из своего укрытия и покорно дал себя сковать и первым затолкать в машину.

Интересно, а на такой поворот событий у Хаса найдётся план?..

* * *

Сквозь рвущую голову боль, отзывающуюся раскалёнными иглами чуть ли не в каждой клетке его тела, Брутус услышал, что солдаты Азата наконец уходят из подаренной ему самим командиром камеры пыток. Они оставили его подвешенным за руки на тонких цепях к низкому потолку, которые ранее он мог порвать одним лишь движением, — такие же сковывали его щиколотки и были закреплены на кольце в полу. Азат, похоже, специально подготовил эту комнату для своего в очередной раз проштрафившегося слуги и явно успел за то недолгое время, что их четверых везли в нынешнюю его резиденцию, потому что ранее он не мог знать, что Брутус более не представляет для него опасности.

Или мог?

Как они вообще их выследили? Брутус точно знал, что ни у него, ни у Хаса не было следящих устройств в телефоне или где-либо ещё, неужели он не учёл чего-то? Или кого-то? Могли ли, например, Шштерны на самом деле работать на Азата? Вероятно. МД так легко

не предадут, особенно будущие гвардейцы по происхождению. Кто бы мог подумать. А он сам пока только и может что огрызаться. Потому что, как ни старайся, Ове, мёртвый и изувеченный, Ове, всё время их любви ненавидящий его, продолжал стоять перед его глазами, стоило только закрыть их.

Удержать мысли в нужном русле Брутус тоже не мог. Больше всего ему сейчас хотелось отключиться: палачи Азата не оставили на нём ни единого живого места, а он уже отвык чувствовать настоящую боль — но нельзя было доставлять Азату подобного удовольствия. Рано или поздно он заявится — и должен будет увидеть, что пусть Брутус и схвачен, но — не побеждён.

Спустя какое-то время, не разбиваемое на отрезки и полное то затухающей, то вновь вспыхивающей болью, и в самом деле за тяжёлой железной дверью раздалися шаги. Брутус с усилием вскинул голову: её замок уже щёлкал, отпираясь. И, когда в его камеру вошли с ухмылкой разглядывающий его Азат и едва-едва сохраняющий холодное выражение на лице Хас, он всё так же продолжал держать её поднятой.

— Как приятно наконец видеть тебя в подобающем месте, — с удовольствием в голосе отметил Азат, подходя к панели с кнопками на противоположной стене. — И положении. Осталась самая малость...

Он щёлкнул по одной из кнопок — и Брутус ощутил, как натяжение верхних цепей ослабевает. Он был вынужден встать на пол ногами под собственным весом и, конечно, не удержал равновесия из-за того, как плотно они были примотаны друг к другу. Аурис упал на колени, и Азат наконец отпустил кнопку, оставив его руки висеть в нужном ему положении.

— Вот, самое оно, — он подошёл к Брутусу, глядя на него сверху вниз. — Не всё ж тебе людей подвешивать... На месте Ове я бы застрелился ещё лет в одиннадцать, всё лучше, чем тебе прислуживать, но он, видно, решил, что месть надо подавать максимально охлаждённой. Что ж, могу его понять! А теперь Расскажи-ка мне, много у тебя ещё в запасе таких гениальных провальных планов?

Брутус промолчал, нарочито смотря мимо него и презрительно кривя разбитые губы. Азат хмыкнул и, неспешно надев на руку кастет, с размаху ударил пленника в челюсть. Брутус чуть не задохнулся от обжёгшей его боли — но больше от унижения, которое вынужден был терпеть.

— Дорогой мой, — Азат резко повернул на себя его голову за окровавленный подбородок, — я не советую тебе молчать. Мои мальчики не наигрались, только и ждут отмашки, чтобы проверить, точно ли от твоих особенностей в тебе ничего не осталось. Говори. Как ты опять всё провалил? Или так и планировалось? Может, это такая задумка, чтобы в больших подробностях донести Страхову обо мне? Поделись своим гением, пока есть чем!

Брутус ещё никогда так сильно не ненавидел его — не бойца, вообще ничем не похожего на командира, торговца, чёрного бизнесмена, алчную, жестокую, бездушную тварь, до которой он никак не мог добраться, чтобы придушить собственными руками. Но к чему было сейчас геройствовать, кто-нибудь из них четверых всё равно расколется...

— Что ты надеешься от меня услышать? — прохрипел он. — Ты знаешь про Ове. Из-за его смерти сын Страхова понял, что его обманывают. Всё.

— Меня больше интересует, как ты — ты, Брутус — мог хоть кому-то настолько верить, — с притворным сожалением вздохнул Азат, поигрывая кастетом. — Сейчас ты наконец стал идеальным солдатом, без единого слабого места — ну, как только тебя

отпустит твоя тоска. Жаль, что мой кредит доверия к тебе исчерпался. Зачем ты уничтожил лабораторию? Ты посчитал, что Особенные мне больше не нужны? Подумал, что можешь решать за меня?

Он опять ударил — на этот раз без предупреждения, уже с другой стороны, и Брутус услышал, как выбитый зуб отлетает на бетонный пол. Заставив себя вдохнуть, он ответил:

— Это Палаш. Он запустил...

— Окей, верю. Со всеми своими плюсами наш наёмник мог в последний момент передумать. Но почему ты вышел оттуда без Рогеро и Элиши? Почему оставил их там, Брутус? Неужели нельзя было использовать Шшпернов в качестве выючных осликов? Да, кстати, спасибо за них, я найду им достойное применение...

На этот вопрос ответа у Брутуса не было, и Азат отлично это знал. Выдержав паузу, он покровительственно улыбнулся.

— Я оценю по достоинству твой последний подарок — может быть, даже позволю тебе умереть безболезненно. Ты же осознаёшь, что больше мне не нужен, как тебе оказались не нужны твои родители?.. Но не радуйся раньше времени, мы ещё не закончили. Хас!

Брутус наконец посмотрел на Хаса, так и стоявшего у двери. От окрика отца тот вздрогнул всем телом, слишком сосредоточенный на Брутусе, и повернул к Азату ставшее землистого цвета лицо. Аурис поманил его к себе одним пальцем, и он деревянно приблизился, старательно и очень натурально искривляя губы в насмешливой улыбке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— У тебя к нему тоже хватает претензий, сын. Держи, — Азат вручил Хасу кастет и подтолкнул к Брутусу. — Я понял по твоему рассказу, что большую часть переговоров вёл ты. Разрешаю наказать его за это использование неоплачиваемого детского труда. Покажи, чему ты у них научился.

Хас посмотрел на кастет в руке, на ухмыляющегося ему Брутуса, потом на ожидающего его действий отца и поджал губы.

— Я... не хочу марать о него руки, — сухо отозвался он, и Азат вскинул брови в удивлении.

— Это что-то новенькое. А может, тебе его просто жаль? Ну, например, — он наклонился к сыну и театральным шёпотом заговорил на ухо, — сдружились, сблизились... Брутус у нас легко увлекает симпатичных мальчиков...

— Ещё чего! — вспыхнул Хас. — Я не рассматриваю рабов в таком... качестве, отец! Ты полагаешь, я — такой же, как Ове?!

— О, нет, конечно, — Азат обнял его за плечи. — Но вдруг...

— Оставь меня с ним наедине минут на десять, — Хас надел кастет и ослабил. — Раз тебе так принципиально, я отведу душу.

— Стесняешься при свидетелях?

— Ты вроде говорил, что он и мой слуга тоже. Имею я право пообщаться с ним без твоего судейства на скамейке?

Азат посмотрел на наручные часы, на сына, уже почти кровожадно изучавшего то кастет, то лицо Брутуса и очень напоминавшего своего отца в этот момент, и неохотно согласился.

— Возьми ключ. Потом можешь распоряжаться его временем как тебе угодно. Решение на его счёт я приму вечером, — он протянул Хасу вынутую из кармана карточку, и тот с вызовом отозвался:

— Или я.

— Посмотрим. Развлекайся, но не увлекайся.

Похлопав на прощание сына по плечу, Азат вышел из комнаты. Пока стихали его шаги, Брутус неотрывно смотрел на застывшего в одной позе Хаса, потом открыл было рот, но аурис не дал сказать ему и слова. Упав рядом с ним на колени, он порывисто обнял его и, безмолвно плача, начал целовать его покрытое синяками и ссадинами окровавленное лицо.

— Я вытащу нас отсюда, обещаю! — выдохнул Хас, на несколько секунд отстраняясь. — Я виноват, я вызвал её, доверился... Но я исправлю всё, Брут! А отец поплатится за то, что с тобой сделал!

Пока лишь кивнув, Брутус закрыл уставшие глаза и позволил Хасу и дальше извиняться так, как тот считал правильным. Этот мальчишка давно был на его крючке, очень полезный — змея в тылу у ничего не подозревающего Азата, — но и иногда чересчур самостоятельный. Как только они выберутся, надо будет хорошенько проучить его, чтобы больше он и моргнуть не смел без его разрешения.

И, в конце концов, сломать.

Глава 9. Прозрение

После разговора с отцом было много смен обстановки и окружающих лиц, но Адамас выхватывал из окружающей реальности либо что-то из ряда вон выходящее, либо случайное, вдруг попавшее в те секунды, когда он был на поверхности своего личного чёрного омута, а не в самой его глубине. Через несколько дней, слившихся в один, он обнаружил себя дома, в собственной комнате — об этом сказали с детства знакомые запахи и что-то пытавшиеся донести ему мама и сестра — и обе с левой стороны, — так больничная палата почти без перерывов на поезд или самолёт сменилась домом, где они жили последние семь с половиной лет. Поскольку больше потрясений вроде как не предполагалось, Адамас предпочёл скользнуть обратно в свой защитный кокон, где реальность, может быть, и не была реальной, зато вполне себе зримой и постигаемой.

Ещё до беседы с Рэксом он зацепился мыслями за одни значимый вопрос, и теперь, плавая среди знакомых и когда-либо просто виденных лиц, окружённый понятными и не очень образами, иногда что-то имеющими под собой, но чаще лишь представляющими неидентифицируемые в полной мере воспоминания, хорон пытался его решить. Поражения и отец. Что помогало ему всегда, несмотря ни на что, продолжать идти выбранным ранее путём? Откуда он знал, что именно так и надо, что не стоит пробовать что-то другое, где будет легче, проще или просто более ему подходяще? Как жаль, что они так мало разговаривали за эти шестнадцать лет, сейчас приходилось воскрешать в памяти когда-либо рассказанные им эпизоды из его жизни и самостоятельно делать выводы.

Взять, например, смерть Квазара, после которой отец оказался совершенно беззащитным перед собственным начальством, к тому же жаждавшим отправить его вслед за наставником, их главным бунтарём. Примерно в такой же ситуации Фаас, прадед Адамаса, предпочёл стать тише воды, ниже травы, лишь бы не провоцировать Пикеровых (потому Страховы и выпали из управления ГШР на долгие годы), — Рэксу тоже было что терять, но он не отступился. Не отступился, и когда врагом стал бывший союзник, человек с ещё большей властью, чем непосредственный президент Генштаба, — и в итоге, через пятнадцать лет, добился-таки того, что враги опять начали становиться друзьями. Так же как и тогда сумел вывести Эдриана на чистую воду и выбить себе высокий пост в руководящих кругах. Полжизни отца говорит о том, что, если идти и верить, рано или поздно мир ляжет у твоих ног. Долго и трудно, но...

А он ведь с самого детства знал свою судьбу: Адамас припомнил, что Квазар, в отличие от Патрокла, внушал Рэксу, что Страховы не простые солдаты, а управленцы, вожди, лидеры (хотя история, кажется, отдавала им всегда место советников — серых кардиналов). И отец ни разу в этом не засомневался. Даже друзей выбрал себе под стать, точнее сначала только одного друга, тоже умевшего вставать после любых падений. Адамас когда-то спрашивал Кита по этому поводу: «Почему вы не сворачивали?» — и он отвечал, пожимая плечами: «А смысл?» Кажется, именно это и называется «идти по жизни смеясь»?

Впрочем, нет, был как минимум один раз, когда отец отступился, осознанно, потому что ничего не получалось, как он ни старался, — в расследовании поджога их самого первого дома, в результате которого якобы погиб его родной брат. Адамасу пока так и не рассказали, смог ли после встречи с Рейном его отец разобраться в виновных в этом преступлении, но то, что в какой-то момент, по просьбе принимавшего во всём этом участие

Кита, он бросил искать поджигателя, хотя очень хотел его найти и наказать за Рейна, — было точно. Наверняка и там имелась какая-нибудь суперважная причина, благодаря которой поражение даже не выглядело поражением, как то всегда и случалось, если дело касалось Рэкса Страхова. А ведь ему было тогда, кажется, тринадцать или четырнадцать лет? Адамасу однозначно никогда не стать даже вполтину таким, как он. Но на кого ещё равняться, кроме как не на родного отца?

С друзьями-то ему явно не повезло. Кристиан объявил Адамаса своим врагом и наверняка уехал за тридевять земель, как и обещал, — уж такие обещания он выполнял всегда. О Вэлианте ни слуху ни духу. Смешно, говорят же, что семью не выбирают, а вот в друзьях вполне можно покопаться, чтобы уже сто процентов был за тебя и в огонь, и в воду, — тем не менее семья возле Адамаса и даже отец простил его за явное предательство, в то время как друзей и след простыл...

В чём же всё-таки было дело? Почему, что бы он ни делал, всё оказывалось в итоге неправильным? И что делать теперь — просто смириться? Начать совсем новую жизнь, открыть ещё какую-нибудь версию себя? Но где гарантия, что и та, и возможная последующая, и ещё три, десять, двадцать не подведут его? Да и если отныне он для всех лишь обуза, совершенно бесполезен и сейчас-то точно не сможет стать настоящим Страховым, к чему трепыхаться?

Адамас думал, отказывался думать и снова думал — каким бы он ни полагал себя, он не мог сдаться просто так, не осознав чего-то одного в полной мере. Имело смысл признать, что его вторая линия поведения — равнодушного, агрессивного ко всем подряд подростка — пока представлялась наиболее удачной: следуя ей, по крайней мере, не составляло труда достигать своих целей, чаще всего — простых и без подвоха. Вот только Сати...

Постепенно от всех сомнений Адамас перешёл к самобичеванию: стоило только ненадолго перестать разбирать по кирпичику собственную жизнь, как всё окружающее пространство занимали ужасные, кровавые сцены, которым он стал свидетелем. Он был уверен, что все случившиеся смерти — на его совести: Ове, Стас; что, возможно, у него был шанс отобрать у Брутуса Хаса (дураку понятно, кто из них настоящий злодей), что надо было сделать что-то, чтобы удержать на нужной стороне Шштернов, что Джей из-за его легкомысленности ушёл из ГШР, не перенеся, очевидно, позора. Да, Адамас частично за это расплатился, но, наверное, куда лучше было бы, если бы Брутус не остановился в последний момент и убил его за компанию с остальной частью его бывшей команды. Он даже Дилану, кажется, умудрился сделать плохо — спас его только для того, чтобы тот оказался в загребущих руках Аспитиса и рано или поздно стал основой для тысяч и тысяч таких же, выступающих под чёрно-алым флагом...

Нет, это было невыносимо. Адамас тщетно пытался разогнать вдруг сгустившиеся вокруг него чёрные грозовые тучи, подступающие всё ближе и ближе, бурлящие разноголосицей тысяч и тысяч людей и сменяющих лица с Ове на Стаса, потом Дилана, потом Брутуса, Кристиана... Защитный кокон стал ловушкой, но в реальности было ещё хуже, и он бесконечно барахтался в тягучем беспросветном киселе между сном и явью, никак не решаясь выбрать хотя бы сейчас что-то одно. Пытаясь отвлечься от этого всепоглощающего чувства обречённости, Адамас начал пытаться разобраться, о чём говорят люди в его кошмаре, и вдруг с изумлением уловил едва слышный голос, которого прежде ни разу не слышал тут и который, в отличие от всех остальных, не нёс околесицу, а обстоятельно, с разных сторон доказывал одно и то же.

С усилием Адамас выделил золотую нить этого голоса и заставил себя слушать — и с каждым словом хаос его собственного болота всё замедлялся, терял в очертаниях, сливался с темнотой — а вместе с ним приходили и ощущения. Раз этот человек разговаривает с ним, может быть, ещё не всё для него кончено?

— ...Ну в самом деле, Адамас, это же смешно. Честно, до тебя я даже не догадывался, что такое вообще бывает — что человек существует на автомате, ест, спит, всё остальное, но в то же время будто в коме на искусственном обеспечении. Я-то думал, хоть сейчас нормально пообщаемся, без мешающих свидетелей и посредников. Чтобы получить разрешение на беспрепятственное общение с тобой, Адамас, мне пришлось согласиться на полное подчинение отцу, а ты его знаешь. Всё равно что ползать за ним на коленях и предупредительно обмахивать пыль с его ботинок, не поднимая глаз. Я только-только начал бунтовать, и на тебе...

Адамас почувствовал под пальцами тонкую простынь, под спиной — мягкий матрас, под головой подушку, а совсем близко, по знакомому запаху, как и у отца, с отголоском войны, — того, кого здесь просто не могло быть.

А он тем временем продолжал:

— Но ты не подумай ничего лишнего. Я здесь не потому, что пожалел тебя или что-то такое. Сугубо из меркантильных, глубоко корыстных побуждений. Например, подстеречь где-нибудь твою сестру и вволю ей налюбоваться, пока она не заметит и снова не обрушит на меня свой гнев. Я знал, что нашей семье свойственно зацикливание на чём-то или ком-то, но и не подозревал, что оно возможно до такой степени. Этот треклятый лагерь вообще открыл мне много нового... Однако и даже это не все причины. Знаешь, что ещё осталось?

— Что? — слабо улыбнулся Адамас, и Бельфегор фыркнул:

— Банальное чувство справедливости. Ты пострадал от них всех в наибольшей мере, а теперь вынужден сидеть тут один. А я никогда не мирился с несправедливостью.

— Это уж точно, — Адамас тряхнул головой, чтобы окончательно осознать, что он опять в реальности, и, подтянувшись, сел на кровати. — Но ты не прав. Не так уж я пострадал. Другие пострадали, а я — тот, кто всё это начал и не смог нормально закончить.

— Что ты, интересно мне, понимаешь под этим? Нормально закончить — это уйти, что ли, с Бругусом и Хасом вершить великие дела? Тогда спасибо, продолжай в том же духе!

— Нет, Бельфегор. Просто не останавливаться, раз уж начал. Я же не знаю, вдруг они были правы. Вдруг я правда мог помочь этой вечной войне кончиться...

— Уж без них как-нибудь справимся, — хмыкнул его собеседник. — Каждый должен быть на своей стороне, нечего челночным бегом заниматься. Шптерны вот меня разочаровали, да. А ты всё равно вернулся, это главное. Дилан рассказал нам, что там было. Если бы после Ове ты поступил по-другому, тебе абсолютно не за что было бы себя уважать.

— А что с Диланом? — восторженно спросил Адамас, намеренно переводя болезненную тему.

— Совсем прям подробности мне неизвестны, отец забрал его на исследования в сверхсекретную лабораторию, о которой, похоже, толком не знает никто, даже его первый и главный секретарь. Но, поскольку я имею некоторое влияние на его личного телохранителя — а он сопровождает отца повсюду, — кое-какие сведения мне перепали. Альмега в нём уснула. На данный момент он обычный человек, и, как наши учёные ни бьются, понять принцип её работы не могут. Вирус совершенно неактивен и включаться не собирается.

— Но он работал, когда мы выходили...

— Без сомнений, я самолично убедился, что тяжёлые раны Дилана постепенно

зарастают, — обычный человек там бы и скопытился. Однако стоило доставить его в лаборатории... В общем, отец теперь вымещает свою злость на войне.

— А тебя отослал опять? Или ты сам решил?

— Кто бы дал мне что решать, — саркастически усмехнулся Бельфегор. — Без права обжалования приказ с такого-то числа такого-то месяца состоять на городской службе. У меня было много идей, как тут всё Управление на уши поставить, а то по первому же дню стало понятно, что отныне именно Марк — их царь и бог, а не Аспитис и его отпрыск, но я прошёлся по ним совсем чуть-чуть. Через сарафанное радио узнал, что Адамас Страхов ушёл в какое-то добровольное отрешение, подобно монахам, и решил напомнить тебе о своём существовании. Как на это отреагировал отец, я уже говорил.

— И что Аспитис подразумевает под полным подчинением?

— Делать везде, кроме этого дома, всё, что он прикажет. Например, отстать от Марка. И не задавать своему отцу очередных вопросов на тему того, чем я опять так провинился, что меня сослали в Канари... Ладно, я пойду сообщу твоей маме, что ты с нами. Жди здесь, — строго сказал Бельфегор, судя по шороху, вставая со стула. Адамас кивнул, и хорон вышел в коридор.

Бельфегор был в этом доме гостем, поэтому не собирался шататься по всем комнатам в поисках хозяйки. Он задал вопрос АНД:

— Где можно найти госпожу Страхову?

— На данный момент она в вольерах для собак, — немедленно отозвался живой голос. — Следуйте за сигналами.

Мысленно поразившись тому, что у Страховых где-то во дворе есть вольеры для собак — во множественном числе и то и другое, — Бельфегор пошёл к загоревшемуся в конце коридора зелёному диоду АНД на стене.

Таким образом умный дом вывел его со второго этажа на первый, а потом, через гостиную и небольшую комнатку, к плотно закрытой двери. По приближении хорона дверь отодвинулась, открывая вид на огромный задний двор, большая часть которого была уставлена различными приспособлениями для тренировки и развлечения собак, и, слева, на одноэтажное сооружение из камня и дерева с покарябанной чьими-то когтями дверью. В почти абсолютной тишине — удивительно, ведь совсем рядом должны были содержаться собаки — Бельфегор прошёл к этой двери и, толкнув её, вступил в светлое и чистое помещение.

Собаки здесь и правда были: хорон поймал взгляд, внимательный и настороженный, сразу двух справа, ему по середине бедра чёрного и серого псов с тяжёлой челюстью и полосой шерсти, растущей в обратную сторону, от холки до опущенного тонкого хвоста, — они стояли друг подле друга на пороге одного из открытых вольеров и, не двигаясь, следили за ним. С собаками Бельфегор всю жизнь общался не очень, поэтому постарался не делать резких движений, пока шёл вперёд по коридору мимо открытых и закрытых дверей других вольеров, в конец помещения, где слышался чей-то невнятный разговор. Стоило миновать этих двух собак, как они след в след пошли за ним, беззвучные, зловещие и всё так же не отрывающие от него взгляда небольших жёлтых глаз. Вот уж где настоящая обитель Страховых...

К счастью, Леда оказалась совсем близко. Завидев её, что-то высматривающую у смиренно стоящей поджарой суки угольно-чёрного цвета, Бельфегор остановился в нескольких шагах и негромко кашлянул. Хорони обернулась и стремительно поднялась на ноги.

— Что-то случилось, Бельфегор? — обеспокоенно спросила она, как будто повзрослевшая копия Миа (дочка от отца, кажется, взяла только цвет волос, и то лишь половину), и Бельфегор с усилием отогнал от себя наваждение, начиная успокоительно улыбаться.

— Случилось, — подтвердил он. — Кое-кто решил наконец пообщаться с миром, начиная с меня. Он вас ждёт.

— Просто невероятно! — Леда всплеснула руками, мгновенно расцветая и молодея. — Я так и знала, что именно тебя ему и не хватало, чтобы перестать... как вы, молодёжь, это называете? Загоняться? Они с отцом два сапога пара!

Из ближайшего вольера тем временем вынырнул незнакомый Бельфегору хетт лет на десять старше его самого — невысокий, невзрачный, с чересчур уж выступающим носом и как будто ассиметричным лицом, на котором двумя огнями горели яркие голубые глаза, — кивнул хорону и коснулся руки Леды.

— Хватит болтать, иди к сыну, — велел он, и Леда торопливо кивнула.

— Да, конечно... Закончишь с Метрессой? Кстати, Бельфегор, знакомься — это совладелец питомника Платон Дюссон, партнёр Сейи Лоргена.

— Очень приятно, — улыбнулся Платону слегка обескураженный Бельфегор и вновь посмотрел на хорони. — Я тогда дождусь здесь вашего возвращения?

— Приходи сам минут через пять! — подмигнула ему Леда и тенью исчезла из помещения вольеров. Оглядываясь ей вслед, хорон опять наткнулся на разошедшихся в стороны, чтобы её пропустить, собак, вновь сомкнувших ряд, и Платон, тоже заметивший их, строго приказал:

— Князь, Барса, свои!

Собаки тут же сели, вываливая языки и чуть ли не виновато смотря на Бельфегора. Ещё не стих голос Платона, как вольеры ожили: первыми начали переругиваться оставленная Ледой Метресса и кто-то из-за перегородки, откуда пришёл хетт, потом где-то за поворотом затаивали щенки, и названная Платоном Барсой серая собака чинно удалилась в ту сторону. Князь же встал и, подойдя к совсем растерявшемуся хорону, ткнулся ему в ноги округлой головой, начиная помахивать хвостом.

— Расслабьтесь, сэр Пикеров, — улыбнулся Платон. — Они у нас так воспитаны. Охранники, ищейки... Если хозяин есть, просто следят, если нет — молча валят на землю и не пускают, пока кто-нибудь не придёт. По тому, что все замолчали, мы и поняли, что вы пришли, — ну, Леда, может, и не заметила. Можете теперь его гладить, не тронет.

— Я не разбираюсь в собаках, — признался Бельфегор, нерешительно проводя рукой по голове Князя, так и стоящего около него.

— Не страшно. Князь — наш главный, любимчик Адамаса, кстати. Барса — его верная подруга, а сейчас ещё и гордая мать. Значит, Адамас пришёл в себя?

— В полной мере. Не знаю, что это было, но... И да, можете ко мне на «ты», на гражданке как-то непривычно, что человек, старше меня...

— Тогда и ты давай на «ты», — перебил его Платон и отступил к покорно ждущей его Метрессе. — Все, как говорится, свои.

— Ладно. Я... — Бельфегор попытался собраться с мыслями. — Я не очень много общался с Сейей, но благодаря его грамотным действиям как командира избежал вражеского плена. Даже не ожидал, что здесь встречу его... а, извини, в каком смысле вы партнёры?

— В том самом, — рассмеялся хетт. — Причём в самом что ни на есть официальном.

Когда мы с ним познакомились, я был твоего возраста, они тогда в нашем городке небольшую встречу с местным правительством организовывали. Слишком долго на него смотрел — не встречал прежде настоящих военных, куда мне, провинциальному репортёру, — он и заметил. Сейчас-то уже не насмотришься: мне сообщили, опять загремел в госпиталь. Это только Рэкс как заговорённый. Хотя тоже много лезет, куда не надо...

— Заговорённый — это мой отец, — заметил Бельфегор, неосознанно продолжая гладить Князя. — На него за всё время правления было бессчётное количество покушений, а на войне он и вовсе суётся в самое пекло. Наверное, от таких отчаянных смерть сама бежит.

— Жаль только, война никак не кончается, — вздохнул Платон. — Надоело, мочи нет. А ты ради Адамаса вернулся?

— Отец меня выслал. К Адамасу я уже приехал сам.

— Бережёт — это хорошо. Может, потому и суётся, как ты выразился, в пекло, раз знает, что ты в безопасности.

— Лучше бы пожил ещё. Я пока не очень готов принять бразды правления, — с сомнением фыркнул Бельфегор, изумляясь тому, что уже третий по счёту человек, только услышав о поведении его отца, предполагает в нём заботливость о собственном сыне. Платон с усмешкой закатил глаза, хлопнул Метрессу по бедру, и та с облегчением убежала, судя по звонкому лаю, куда-то к самому входу в помещения вольеров.

Так и не дождавшись ещё какого-нибудь замечания, Бельфегор спросил первое, что пришло ему в голову:

— Как вообще люди сходятся? Мало ведь просто... влюбиться?

— О, иногда вполне достаточно, — хмыкнул Платон, прислоняясь к закрытой дверце вольера. — Если, конечно, далее предпринимать какие-то шаги. А то можно любить вечно, а человек так об этом и не узнает.

— А если он пресекает любые попытки сближения?

— Надо быть настойчивым. Ну, или поискать кого другого. Всё зависит от того, как сильно чего-то хочется, — хетт многозначительно сверкнул глазами, и Бельфегор, совершенно растерявшись и кляня себя за то, что вообще поднял эту тему, опустил на корточки, заслоняясь от него собакой.

— У неё... какие-то предрассудки против моей семьи, — тихо сказал он. — Я её в этом отлично понимаю, сам был к её семье такой же. Но...

— Но ты не вся твоя семья. Попробуй ей это доказать. Бывает трудно переубедить человека, особенно если он что-то крепко вбил себе в голову, но попытаться стоит.

— И в чём ты переубедил Сейю?

— Что нельзя вечно быть одному. И что одна неудачная попытка построить отношения не означает, что на себе можно ставить крест, — улыбнулся Платон, и Бельфегор хмыкнул.

— Ясно. Буду иметь в виду. И, наверное, пойду уже обратно.

— Заходи, мы с собаками тут чуть ли не двадцать два часа в сутки семь дней в неделю, — пригласил хетт, и хорон кивнул, вставая.

Князь проводил его до самой двери, напоследок боднув в поджилки и тем самым окончательно выведя Бельфегора из прострации. До комнаты Адамаса он дошёл по памяти и застал там сидящую на кровати и всё ещё обнимающую сына Леду.

— Прошу прощения, зайду попозже, — отступил он к двери, и хорони отпустила Адамаса.

— Нет-нет, это хорошо, что ты пришёл, а то я что-то задумалась, — улыбнулась она, и

её сын откашлялся.

— Я тоже. Например, о том, сколько я ещё смогу не дышать.

— Ну всё, всё, сел на любимого конька! Чтобы больше не уходил, понятно? — грозно спросила Леда. Адамас пожал плечами.

— Искренне постараюсь.

— Будь так любезен. Пусть рекорд отца, который просидел в этом отрешении месяцев пять, останется при нём! Тем более ему было девять, а тебе уже семнадцать.

— То есть это наследственное, — с удовлетворением в голосе подметил Адамас, чем заслужил от матери лёгкий щелбан.

— Лучше бери хорошее. Бельфегор, — она повернулась к хорону, уже севшему на свой стул, — ты на сколько у нас? На ужин останешься?

Бельфегор открыл было рот, чтобы ответить, но Адамас выступил первым.

— Мне бы очень хотелось, чтобы Бельфегор временно у нас поселился, — почти смущённо проговорил он. — Если, конечно, ты не очень занят. Мне же совершенно нечего делать, да и придётся некоторым вещам обучаться заново...

— Ну, — Бельфегор перевёл взгляд с его серой повязки, прикрывающей верхнюю часть лица (Леда сказала ему, что примерно через пару недель должна быть последняя пластическая операция, которая позволит хорону в дальнейшем не прятать лоб и брови), на Леду, — вообще на службе мне появляться абсолютно необязательно, а жить одному в огромном доме не улыбается. Вот только Миа не будет ли против? Мы с ней не очень ладили.

— Миа круглые сутки на обучении у нашего начальника оперативного управления, — отмахнулась хорони. — А в единственный выходной отсыпается, так что ей просто некогда будет быть против. Комната у меня для тебя найдётся, хочешь — оставайся, сколько будет угодно.

— Спасибо, — кивнул Бельфегор, чувствуя, что с головой погружается в совершенно новый для него мир.

— Не за что, — улыбнулась ему Леда. — Если подопечный будет капризничать, сразу находи меня, я вправлю ему мозги. Любые вещи, какие понадобятся, запрашивай у АНД. Когда поедешь свои из дома забрать?

— Ближе к ночи.

— Тогда развлекайтесь, пойду обрадую родственников, что хоть что-то у нас наладилось, — сказав это, хорони в знакомом уже Бельфегору стремительном темпе покинула комнату — только ветром обдало, — и Бельфегор поинтересовался у улыбавшегося Адамаса:

— Твоя сестра не в маму ли своей эксцентричностью пошла?

— У Миа тормозов нет совсем, — усмехнулся тот. — Ну как, ты рад, что отныне у тебя есть возможность случайно сталкиваться с Миа каждый раз, как она дома?

— А, то есть тебе я не особо-то нужен?

— Ну что ты, просто как бонус... Надеюсь, ты тут не заскучаешь?

— Всё зависит от того, в насколько ты глубокой депрессии, — Бельфегор закинул ногу на ногу, останавливая взгляд на собственных тёмно-синих джинсах: он уже и не помнил, когда в последний раз одевался по-штатски. — Тут, конечно, всяко лучше, чем в Управлении, где сейчас властвует Марк и некоторые агенты почему-то считают, что получили в связи с этим право не отдавать мне честь... Но, какой бы я ни был зануда, если

ты начнёшь нить, сомневаюсь, что у меня получится в чём-то переубедить тебя.

— Я не буду нить, обещаю, — горячо проговорил Адамас и тут же тихо сказал: — Но я ведь совсем не знаю, что теперь с собой делать, Бельфегор. Кому я нужен? На что я способен без... зрения? Всё, чему меня отец учил...

— Тебя необязательно становиться солдатом, — прервал его Бельфегор. — У Страховых много других достоинств. Ты можешь стать советником для отца, не бывает недостатка в людях, которым можно доверять.

— У него и без меня хватает советников...

— По-моему, ты невнимательно меня слушаешь. У моего отца тоже хватает верных солдат — тех, заметь, которые не отвернулись от него, когда он объявил войну ГШР, а они надеялись на объединение. Но я всё равно служу ему, пусть иногда он это и не ценит.

— Как он вообще тебя сюда отпустил?

— Мы же вроде как пока союзники, — пожал плечами хорон. — Если бы я начал бегать за Рэксом, вот тогда он бы точно высказал недовольство. А за его сыном... Чем бы дитя ни тешилось. Наверное.

— Ладно, хорошо, — Адамас подтянул под себя ноги, скрещивая их. — Я не уверен, что представляю себя в подобном качестве, но можно попробовать. Есть кое-что, о чём мне бы хотелось в этом плане поговорить. Ты хорошо знаешь Священное Писание?

— Прости, что? — поразился Бельфегор.

— Писание. Библию. Основы ангелизма. Про Иону, Ментифера и Иеремию.

— Тебе это зачем?

— Это были последние слова Ове. Он сказал, что Бругус полагает себя реинкарнацией Вершителя, но на самом деле является Ионой. А он сам в таком случае «его возлюбленный друг» Иеремию. Я же из религии знаю только два мировых праздника и что самого главного ангела-судию, то есть Вершителя, зовут Ментифер. То, что Иона — первый Мессия-Дьявол, для меня стало новостью...

— Он не то что первый, — поправил его Бельфегор. — Просто его так нарекли за то, что он сделал. Иона должен был стать всеобщим спасителем, то есть мессией, но поддался Злу и явился дьяволом. Основатель МД, Александр Стамесов, получил эту кличку за жестокость и радикализм, так оно и пошло. Среди наших много народу, кто полагает, что поведение Ионы было истолковано неверно и на самом деле не стоило Вершителю его распылать на атомы. За эту правду они и стоят, а уж в теологические и идеологические споры с такими лучше не вступать...

— Короче, ты в теме, — порадовался Адамас. — Расскажешь поподробнее?

— Признаться честно, полностью Писание я читал лет десять назад, в рамках общего образования, — Бельфегор задумчиво почесал подбородок. — Если у тебя есть терпение, в ближайшее время я его по-быстрому пересмотрю и тогда смогу полностью удовлетворить твоё любопытство.

— Ладно, потерплю. АНД, Писание! — скомандовал хорон, и спустя пару секунд на стол у стены легла толстая книга в чёрном кожаном переплётё с отпечатанным на обложке позолотой и серебром знаком ангелизма — в виде прямоугольника сложенными, повёрнутыми друг к другу стилистическими изображениями чёрного и белого крыльев, между которыми в обратном порядке располагались две такие же контрастные жемчужины. Бельфегор проследил за манипулятором и поинтересовался:

— Что ты надеешься понять из него, Адамас?

— Бругуса, — хмыкнул тот. — Мы почти ничего о нём не знаем. Нет, уверен, Дилан рассказал вам много чего интересного — надеюсь, ты меня с этим познакомишь. Но, кажется, религия свята для него и во многом в своих действиях он будет опираться на неё. Можно будет попробовать предугадать его поведение на будущее. В конце концов, сейчас он потерял человека, которого любил, я видел, его это задело, а уж слова Ове точно врезались в самую подкорку. Он вполне может предпринять что-то согласно какой-нибудь притче, а его будут ждать с распростёртыми объятиями.

— Мне это кажется несколько странным, но от нас не убудет, так что как скажешь. Дилан и в самом деле упоминал, что Бругус повёрнут на религии. Конкретно и с детства. Они, оказывается, чуть ли не с младенчества вместе росли, пока Сетте не увезли...

— Это Хас рассказывал, — кивнул Адамас и, видимо поборовшись сам с собой, спросил: — Бельфегор... а почему ты всё-таки ко мне приехал? Если честно?

— Если честно, не знаю, — усмехнулся Бельфегор. — Да, я много чего тебе тогда сказал, но потом один человек разъяснил мне, что у тебя в душе было с наибольшей вероятностью. Когда всё это с лабораторией случилось, я вдруг осознал: и правда, тебя просто увлекли, а ты поддался. Тебе, в конце концов, всего семнадцать. Старший друг тебе явно не помешает. Хотя, конечно, у меня никогда не было друзей и я с трудом представляю, как себя вести.

— Надеюсь, ты рано или поздно раскроешь мне эту таинственную личность... Но пока у тебя неплохо выходит «быть старшим другом». Кристиан не простил мне разворота обратно, а второй мой друг что-то и носа не кажет... В общем, добро пожаловать! — Адамас неловко улыбнулся.

— Расскажешь мне про них? — попросил Бельфегор, и хорон, кивнув, начал рассказывать.

Поскольку в эпизод знакомства с Вэлиантом входило и то самое спасение Аспитиса от родного брата, о котором Бельфегор слышал от Цезаря в очень скупых выражениях, по окончании рассказа, больше похожего на исповедь и затянувшегося на добрые полтора часа, он заметил:

— Тот день был знаменательный — для всех участвующих. Отец не обмолвился ни о чём и словом, Цезарь на месяц слёг в больницу... Но Марка прочихвостили неплохо. Я до сих пор подозреваю, что он это подстроил — в надежде, что Рэкс под давлением общественности не сможет отпустить Аспитиса.

— Ты совсем не веришь ему, да? — полюбопытствовал Адамас, даже побледневший от длинного сбивчивого монолога. — Несмотря на то что у тебя нет прямых доказательств?

— Он мне откровенно не нравится. Я в принципе верю очень малому количеству людей, слишком уж опасное у меня положение как у сына главы МД, проводящего противоречивую политику... Слушай, — Бельфегор отвлёкся, заметив перемену в комнате, — а почему диод АНД замигал зелёным?

— Какие-то гости пришли, — пояснил Адамас. — Сейчас кто-нибудь ка-ак...

Он не успел договорить: дверь в их комнату отъехала в сторону, и порог перешагнул невысокий хорон-подросток, сильно младше Адамаса, но неуловимо похожий на него. Пока Бельфегор удивлённо разглядывал его короткую и кудрявую каштаново-рыжую шевелюру, прямую осанку, школьную форму, состоящую из белоснежной, без единой складки рубашки и жилета с брюками светло-коричневого цвета, и примерно того же оттенка портфель в руке — с золотистыми пряжками, — хорон поочерёдно оглядел самого Бельфегора,

повернувшегося на звук двери Адамаса и наконец остановил взгляд на Писании на столе.

— Поверить не могу! — он опустил портфель на пол. — Дорогой кузен, ты ударился в религию?

— Конечно, Эдмон, — отозвался Адамас. — А это мой духовник, пришёл наставлять меня на путь истинный. Знакомься: Бельфегор Пикеров. Бельфегор — Эдмон Страхов, мой младший кузен.

— Неужели Страховы бывают кудрявыми? — поразился Бельфегор, и Эдмон, умело скрывший собственное удивление от столь неожиданной встречи, возвёл глаза к потолку.

— А я вообще уникам, — с видимым удовольствием сказал он. — Проведённые в детстве тесты показали, что интеллектом я совсем ненамного уступаю Адамасу, а я, на минуточку, младший сын младшего Страхова! Природа на моём братце отдохнула, зато на мне у неё начались тяжёлые рабочие будни.

— Мне пока не приходилось судить людей по степени их интеллекта, — попытался остудить это самовосхваление Бельфегор, однако Эдмон оказался крепким орешком. Он посмотрел на сына Аспитиса почти снисходительно:

— Не та организация. В МД, насколько мне известно, ум ценится у учёных, в то время как приближенные к власти в первую очередь должны отличаться способностью красиво и вовремя умереть за вождя. Серые кардиналы вроде Страховых у вас не приживаются... Но это ничего не меняет! Можете судить меня, как вам угодно, сэр Пикеров, для меня честь познакомиться с таким человеком, как вы!

— Каким, например? — ухмыльнулся Бельфегор, видя, что и Адамас с усмешкой прислушивается к их разговору.

— У меня есть в знакомых младший брат одного из тех, кто видел вас в бою. И знает, как вы обращаетесь с подчинёнными. Контраст особенно ярок, если вспомнить некоторые эпизоды поведения моего брата и его лучшего друга...

— Эдмон, — преувеличенно ласковым тоном оборвал его Адамас, — во-первых, хватит уже паясничать, надоел. Во-вторых, если ты пришёл сюда надо мной посмеяться, избавь хотя бы Бельфегора от собственного ценного мнения.

— Да за кого ты меня принимаешь? — оскорбился тот, с шумом пододвигая себе от стола ещё один стул. — Кем бы я был, придя над тобой после случившегося издеваться? Ты не перепутал меня с Кристианом? Кстати, могу заверить, после того, что я из его уст услышал о тебе, моё мнение о тебе кардинально поменялось. Я всегда так находил хороших людей: чем громче Крис ругается, тем человек ближе к совершенству.

— Не понял, — медленно проговорил Адамас.

— А ты за столько времени общения с ним так и не заметил, как упорно он отталкивает от себя всё хорошее? Папа говорит, возраст, типа, я в шестнадцать-семнадцать такой же буду, а то и хуже. Но папа добрый и старается видеть и помнить в людях только хорошее... — Эдмон откинулся на спинку стула, закладывая руки за голову. — А я вот злой и на память не жалею. Крис с детства такой. Ну, или с того момента, как осознал, что истинным Страховым ему не быть. Начал отказываться от всего, что хотя бы косвенно с нами связано, а даже сэр Пикеров подтвердит, что большинство общечеловеческих понятий о добре утверждается твоим отцом и моим дядей — а также всеми его приближёнными — в качестве основополагающих. Плюс, по мелочам, уважение к старшим, чувство такта, да и вообще этикет...

— Эдмон, — восхищённо заговорил Бельфегор, не сразу распутавший его мудрёную

фразу, — сколько, чёрт возьми, тебе лет?

— Скоро будет четырнадцать, — с достоинством отозвался Эдмон. — Вы наблюдаете перед собой ту версию Адамаса, которая была бы реальностью, если бы не тлетворное влияние моего старшего брата.

— Вот не надо всё на Кристиана сваливать, — огрызнулся Адамас. — Я стал другим ещё до сближения с ним. И я бы, наоборот, сказал, что это он из-за меня стал хуже, чем мог бы быть...

— Ну конечно, дорогой кузен! Подумаешь, он начал искать в себе хоть какие-то таланты только после твоей обработки. А до этого, конечно же, не тыкал меня циркулем, зажав в углу с шипением: «Рано или поздно я сдую тебя, воздушный шарик...» Не рвал мои книги, в которых ничего не понимал, и не грубил моим учителям, не наговаривал на меня. Да, мне было от четырёх до шести, но я это помню. И припомнил уже не раз. Умотал в На-Риву — туда ему и дорога...

— В На-Риву? — поймал его на слове Адамас, пока Бельфегор переваривал сказанное. — И что он собирается там делать?

— Понятия не имею. Но фамилию вроде как собрался сохранить. А там как карты лягут. Назад возвращаться не планирует — и слава ангелам! — Эдмон молитвенно сложил руки, опять зыркнул на Писание и подхватил с пола портфель. — О, совсем забыл! Я же тебе привёз развлечение... Точнее, вам, у меня, к сожалению, нет много времени, чтобы тут зависать, экзамены в лицее жёсткие, хоть тебе четырнадцать, хоть десять, хоть семнадцать... Возьмите, сэр Пикеров!

Бельфегор принял увесистый том с рельефными точками на обложке и подписью снизу: «Обучение шрифту Брайля».

— Не всё же вам ему вслух читать, — подмигнул хорону Эдмон. — Могу раздобыть и Писание в версии для слабовидящих, если надо будет. У меня много знакомых. Зря ты, Адамас, отказался от лица.

— Я не хотел обижать Кристиана, — покачал головой Адамас, по мнению Бельфегора, выглядящий совершенно растерявшимся. — Мне всё равно не очень понятно, Эдмон... Всё наше взаимное общение до этого момента заключалось во взаимных оскорблениях, я был искренне уверен, что ты меня на дух не переносишь...

— Так и было, — спокойно признал Эдмон. — Правда, я надеялся, что ты вернёшься к себе. Подобно Кристиану, ты самозабвенно отвергал собственную сущность — не знаю зачем и не хочу знать. Но после того, что было в лагере... Я изменил своё мнение. Я бы поступил там так же. Это было правильно.

— А идти на поводу у врагов было правильно?!

— Хочешь, я приглашу к тебе Домино? — участливо предложил Эдмон, глядя, как Адамас в злости сжимает кулаки. — О, или Рафаэля по телефону. Они тебе объяснят всё по поводу ошибок и их исправления, ты только отца об этом не спрашивай, он не любит повторяться, сам знаешь...

— У тебя и с Домино связь есть?..

— Проще сказать, с кем у меня её нет. Ладно, господа, мне пора, доклад сам себя не подготовит, — Эдмон встал со стула и, сделав шаг к Адамасу, положил ему руку на плечо. — Адамас, что бы ни случилось, ты помни, пока есть люди, которым на тебя не наплевать, можно и нужно сражаться. А у тебя их завалишь.

Легко поклонившись Бельфегору, Эдмон исчез за дверью. Почти сразу там послышался

удивлённый женский голос, узнав который Бельфегор напрягся.

— Ого, я тебя тут лет пять не видела! Какими судьбами, Эдмон?

— Примерно теми же, что и ты, сестра, — ответил серьёзным тоном хорон. — Если ты к Адамасу, имей в виду, у него гости.

— Какие ещё гости? — на этом моменте Бельфегор сам себе задал вопрос, случайно ли Леда не сообщила своей дочери о его присутствии, но не сумел на него ответить. — Ну, ничего страшного! Пока, Эдмон!

— До встречи, Миа, — явственно усмехнулся тот, и дверь в комнату открылась, пропуская девушку. Бельфегор немедленно поднялся, а она так и застыла столбом, завидев его.

— Вот это гости, — протянула она и тут же недобро сощурилась. — И что это ты тут делаешь, интересно мне знать?

— Миа, давай без сцен, — подал голос Адамас, и хорони с готовностью кивнула.

— Как скажешь, братик! Выйди, Бельфегор, мне нужно с ним поговорить наедине.

— Всё, что ты хочешь мне сказать, говори при нём, — сухо вставил Адамас, и Миа с раздражённым вздохом закатила глаза.

— Хорошо, Адамас. Больше нас с мамой так не пугай, ладно? Я-то знала, что ты рано или поздно очухаешься, хотя и не ожидала, что от его приезда, — она метнула в сторону Бельфегора недобрый взгляд, и он невольно залюбовался ей. — Но вот мама способна надумать себе что угодно, она и так из-за отца как на иголках... И ещё: постарайся не выбалтывать сэру Пикерову наших семейных тайн. Я уверена: он пришёл сюда точно не для того, чтобы тебя поддержать.

«Сэр Пикеров» прозвучал в её устах так уничижительно, что Бельфегор, по старой привычке — реакции на оскорбления, одновременно снисходительно и с вызовом улыбнулся ей. Сейчас Миа казалась ему ещё прекрасней, чем на базе, хотя и не была накрашена, и выглядела вымотанной донельзя — дядя Цезаря явно не давал ей в обучении поблажек. И тем более было слышать от неё такое отношение к себе.

— Миа, ты меня утомляешь, — раздражённо вздохнул Адамас. — Не знаю, что у тебя за претензии к Бельфегору, а главное, на каком-таком основании, но, о чём с ним говорить, я буду решать сам! Если ничего доброго сказать не осталось, попрошу на выход.

— Ты всегда самоотверженно защищал свои игрушки, какими бы странными они ни были, — хмыкнула Миа. — Неудивительно, что Князь тебя обожает. Не забудь к нему зайти, когда решишься покинуть комнату, он очень скучает по тебе, даже я заметила. А твою сиделку попрошу не попадаться мне на глаза. Ужин готов, не пропусти.

Дверь за ней закрылась, и Адамас виновато проговорил:

— Прости. Раньше Миа была добрее. Не знаю, что на неё находит в твоём присутствии.

— Я дурно влияю на некоторых людей, — хмыкнул Бельфегор. — Особенность Пикеровых. Миа меня не обижает.

— Хотел бы я в это поверить.

— Придётся. Я схожу за ужином. Ты не против?

— А ты правда, что ли, моя сиделка?

— А кто ж ещё? — усмехнулся хорон и, стараясь не думать о Миа, пошёл к Леде.

Бельфегор и сам не заметил, как из гостя стал в доме Страховых чуть ли не полноправным членом семьи — и за несколько дней у него в жизни вдруг образовалось целых два места, которые он мог бы назвать родным домом. Несмотря на когда-то сказанное Стианом обида на Адамаса была ещё в нём жива, как он ни старался её проглотить, но тем серьёзнее он относился к своей роли — сиделки, жилетки и учителя новой жизни для сына Рэкса. Бельфегор чувствовал, что нужен и в Управлении — хотя бы для того, чтобы оставшиеся вне войны агенты не забывали, кто их истинный лидер (даже удивительно, как Марку так легко удалось переключить всеобщий фанатизм на себя), — но Адамасу пока он определённо был нужнее. Потому что, как усиленно тот ни делал вид, что с успехом идёт по пути смирения с собственной внезапно обрётённой инвалидностью, слишком много в его поведении выдавало, что всё совершенно не так.

Адамас отчаянно цеплялся за Бельфегора, выражая всем видом постоянную готовность разговаривать о чём угодно, лишь бы его не оставляли одного, — Леда, жалея гостя и частенько непререкаемым тоном требуя абсолютно ненужной ей помощи, что означало его обязательный спуск на первый этаж, чаще всего в вольеры для собак, в эти их встречи рассказывала, какой Адамас был раньше, — и, по её словам, никогда он не зависел от окружающих его людей. Да и особой разговорчивостью не страдал, в отличие от, например, Вэлианта, до которого всё так же было не дозвониться. Бельфегору даже пришлось в итоге окончательно переселиться в комнату к Адамасу, и отныне они и спали на соседних кроватях — только бы он не заикливался на темноте и тишине.

Но Бельфегор, конечно, был совершенно не против. Он и сам никогда в жизни так много не общался, к тому же ему льстило столь повышенное внимание к собственной персоне, прежде вечно оказывающейся где-то на задворках у всех попадавших на пути людей. Исключение, пожалуй, составляли лишь выращившие его Сэра и Энгельберт, но как раз в тот год, когда Бельфегору исполнилось семнадцать, у них появился собственный ребёнок, и он без выяснений отношений самоустранился, переведя того же Энгельберта в разряд наставников. Меньше всего хорону хотелось маячить у кого-то перед глазами — а здесь, в обители Страховых, этого настоятельно требовали — и как он мог отказать?

С Адамасом же они и вправду сошлись отлично — как будто и не было того перерыва из-за Хаса и Бругуса. Несмотря на очевидные различия в воспитании и взглядах на жизнь (сыновья лидеров двух противостоящих организаций по определению не могли соглашаться во всём), они оставались на одной волне, и Бельфегор часто задумывался, точно ли он беседует с тем самым человеком, который не так уж давно чуть не изнасиловал девушку и избил до полусмерти собственного сокурсника. Это было внове для него — что люди способны так кардинально меняться, пусть им и семнадцать лет, — и он просто обязан был разобраться в этом феномене. Хотя бы для того, чтобы ясно понимать, с кем он имеет дело и чего от этого человека можно ждать.

Однако, как он ни спрашивал — завуалированно или в лоб, — Адамас не смог сказать ничего конкретного. Бельфегор внимательно выслушал его историю с неудавшимся побегом, после которого он поменялся в прямопротивоположную сторону в первый раз, потом сводку переживаний и потрясений, испытанных в новогоднюю ночь, и только ещё больше утвердился во мнении, что таким людям, как Адамас или Рэкс, которые имеют над собой более чем полный контроль, просто нельзя болтаться, как лист на ветру. А что такого сделать или сказать, чтобы Адамас окончательно зацепился за одну конкретную мысль и следовал ей ещё как минимум лет десять, пока в голову не приходило.

— Ожидать ли от тебя ещё чего-то подобного? — осведомился Бельфегор, когда Адамас закончил свою исповедь, и тот пожал плечами.

— А я знаю? Хотя вряд ли, конечно, со мной сможет случиться что-то более потрясающее, чем... это, — он показал на повязку и неловко улыбнулся. — Разве что Брутус доберётся до меня и здесь. А я после его нападения выживу и останусь, например, полностью парализованным. Знаешь, он из всего прошлого снится мне чаще всех.

Уже наступал вечер, в комнате, где они пока не включали свет, сгущались сумерки, и последние слова хорона прозвучали несколько зловеще. Бельфегор хмыкнул:

— Не в мою смену. К тому же мы вроде как уже сошлись во мнении, что он, скорее всего, наподобие Дилана, остался без силы. Если, конечно, смерть Ове действительно так его задела.

— Ты бы видел его в тот миг! А новостей, кстати, никаких нет? О Дилане, лагере... Уже почти месяц прошёл.

— С Диланом всё по-прежнему, и, судя по всему, Роза с Борисом этому только рады, — весело отозвался Бельфегор. — Из лагеря мне обещал писать Стиан, если произойдёт что-то из ряда вон выходящее. Но, стоило тебе оттуда уехать, как там стало тихо и спокойно.

— Это наверняка заслуга Стиана! — рассмеялся Адамас. — Странно, что твой отец позволил ему продолжать наблюдение за собственным агентом, когда узнал, что ГШР организовал это без согласования с ним.

— После Шштернов отец явно решил, что верить нельзя вообще никому. Если бы он ещё Марка прощмонал... Как будто упёрся рогом в собственную правоту и пусть всё хоть адским пламенем горит, главное, что он был прав!

— О, к слову об адском пламени, — Адамас лёг поперёк кровати, спуская ноги с её края и складывая руки на груди. — Я, конечно, и сам забыл за всеми твоими: «Пошли на задний двор», «Поиграй с собаками», «Пей таблетки», «Учись читать по точкам», «Не забывай трость»... Но ты-то что? Ещё в первую неделю обещал пересказать мне Библию! Или это такой хитрый способ заставить меня отказаться от глупой, по твоему мнению, идеи?

— Ну конечно, — закатил глаза Бельфегор. — Я же тоже не мнемोगраф, у меня просто вылетело из головы. Я тогда к выходным её перечитал, а пересказать так и не пришлось к слову. Мне начинать?

— Я весь внимание. Только ответь прежде: ты сам в ангелов веришь?

— Вся правящая верхушка знает, что эта религия была выдумана, записана и преподнесена когортой талантливых профессионалов. Как, имея это знание, можно в них верить?

— Ну, во что-то же надо верить... Тем более этой самой когорте высшие силы могли нашептать текст.

— Да, однозначно. И шрифт за них выбрали, — от души расхохотался Бельфегор. — Оставим этот животрепещущий вопрос на попозже, ладно? И так надо успеть разобраться с Писанием до ночи...

— Давай-давай, — подбодрил его Адамас. Бельфегор собрался с мыслями.

— Итак, как утверждает Библия, изначально ангелы существовали просто так, не выполняя никаких функций. Люди в те времена жили звериными инстинктами и, даже если и умели уже разговаривать и держать палку, не обладали разумом в полной мере. Их не за что было судить, понятия Добра и Зла были размыты, Земля — колыбель человечества — пребывала в этаккой серой жиже в ментальном плане, чёрное плюс белое всегда даёт серое,

сам знаешь. Ну а ангелы были лишь ещё одной формой жизни — неизвестно когда возникшей, вечной и неуязвимой, попирающей все физические законы. И всё там было тихо и тухло, пока один беспокойный ангел не решил добавить в мир немного огоньку...

— Это был Ментифер?

— Да, он самый. Имени у него не было, ангелы в них не нуждались, это потом люди обозвали каждого, чтобы хоть как-то и различать. Ментифер разжёл в тех первобытных людях искру разума, потому и получил имя Несущий Разум. Человечество приобрело свободу воли, смогло бросать вызов судьбе и резко начало развиваться, вдруг заинтересовавшись вопросами, которые ранее никого не беспокоили. Добро и Зло, Свет и Тьма начали размежёвываться, и Ментифер, ожидавший и рассчитывавший примерно на это, взял контроль над Небесными Сферами — это, конечно, условно, ангелы всегда жили в метафизическом пространстве, потому они есть и у нас, на иной планете — и разделил всех ангелов на две части. Одни, наиболее приверженные Свету и сокрушавшиеся по поводу того, что у людей с разумом появилось столько проблем, стали Проводниками. В их обязанности входило подталкивать людей к Добру, если злой рок вёл их не по той дорожке, разжигать в них Свет, если тяжёлые условия жизни заставляли его меркнуть. Заметь, на волю они всё так же не влияли, это оставалось священным, и Ментифер строго-настрого запретил подчинённым вмешиваться в свободу выбора. В Библии есть притчи, рассказывающие, что стало с отступниками... Тех же людей, кто собственной волей, так сказать полностью осознанно, несмотря на усилия Проводников продолжал идти кривой дорожкой в объятья Тьмы, ждало наказание. Второй институт ангелов — Карателей, или Судий — посмертно взвешивал поступки всех людей и в соответствии с их поведением выбирал им следующую жизнь. Полегче, повеселее для добряков, бедную, с физическими или моральными страданиями — для злодеев. Ментифер — он уже успел получить кличку Вершитель — был в этом случае последней инстанцией. Бывало, что он сглаживал или, наоборот, утяжелял наказание, если считал это правильным...

— Подожди, — перебил его Адамас. — А ад, рай, чистилище? Они где были, если души сразу уходили на следующий круг?

— Чистилищем как раз называлось место, где души ожидали Суда. А вот ад и рай признаются лишь в ответвлении ангелизма, они упоминаются во всего лишь одной притче, но некоторые предпочитают верить в то, что за свои грехи или добродетели люди получают сразу, пока о них ещё помнят, а на «следующий круг» душа идёт абсолютно чистой и новая её жизнь выбирается рандомом. Собственно, в аду обитают порождённые Судиями черти — бесплотные, но очень изобретательные на наказания сущности, помогающие разгрузить обилие грешников, чтобы очередь на отбывку не застаивалась.

— Ты хорошо рассказываешь, спасибо! Прости, что прервал. Можешь продолжать.

— Благодарю, — построил мину Бельфегор. — Опять же до определённого момента всё шло так, как было задумано, пока Ментиферу снова не вступило в голову. Где-то в астрале — ну, ладно, в медитации и думах о великом, охватывающих весь Космос — ему явилось нечто вроде пророчества. Говорилось в нём, что рано или поздно на земле появится человек, в котором накопится так много Зла, что, если его не остановить вовремя, он сумеет захватить весь мир и обратит его во Тьму — причём такую, что никакое разжигание никаких искр уже не поможет. Вершитель и без того всё своё свободное время между судами отдавал на то, чтобы собирать по свету излишки Зла (как-то оказалось, что плохих людей примерно столько же, сколько и хороших, а ненавидят все вместе куда чаще, чем любят), и ему совсем

не хотелось, чтобы столько усилий было потрачено зря. Ладно, это шутка, Ментифер и сам был Светом и не мог допустить, что Тьма победит. У него ещё было время до начала исполнения пророчества, и он решил подготовить своего диверсанта с тем, чтобы тот однажды сошёлся с этим «сосудом Зла» и уничтожил его прежде, чем тот успеет осуществить свои злодейские планы. Вершитель собрал своих Судий и предложил любому из них уйти на некоторое время к Проводникам, чтобы правильно понять сущность Света, а потом, в нужное время, переродиться на земле человеком, дожить до взросления и избавиться от переносчика Тьмы.

— Что значит «правильно понять сущность Света»? — Адамас повернул голову на Бельфегора, как раз воспользовавшегося паузой и большими глотками осушавшего кувшин с водой. — И они ведь были Светом. Чего они в нём не понимали?

— Вообще, никто из ангелов в прямом смысле не был Светом. Некоторые радели за него и осознавали — чётко, — чем он отличается от Тьмы и что надо делать, чтобы он горел. Эти стали Проводниками, как я уже говорил. Вершитель был из их числа. Остальные же, кто стали Судиями, могли лишь судить по факту. Но Проводника в мир людей Ментифер послать не мог: ни у одного из них не поднялась бы рука убить человека, пусть и истинное воплощение Зла. Только и была надежда найти алмаз среди своих. Долго никто на ратный подвиг не вызывался: Судии, подобно Вершителю, здраво рассудили, что раз за века Света не поняли, общение с Проводниками не поможет. Но наконец один предложил свою кандидатуру — это и был Иона. Жаль лишь, ему не столько хотелось спасти мир, сколько стать выше других — даже командира, — а Ментифер предпочёл закрыть на это глаза. Иного выбора всё равно не было.

Учеником Иона показал себя неплохим, по крайней мере, Проводники не жаловались. Время подходило, и Вершитель, надеясь, что его посланнику достаточно вправили мозги, отправил его перерождаться в человека. Домом для будущего мессии стали предместья Иерусалима — где чуть позже родился Иисус Христос, основатель одной из мировых земных религий, у нас признанный не пророком и Сыном Божьим, а обычным человеком. Израиль, столицей которого являлся Иерусалим, был на тот момент одним из древнейших государств, известных и влиятельных, и именно в нём, согласно пророчеству, должен был появиться «антимессия». По достижении двадцати лет Иона вспомнил, кто он и что должен сделать, и пешком двинулся в Иерусалим, чтобы сразиться там с «сосудом Зла», уже известным как талантливый военачальник, готовившийся установить свою власть над столицей и всем государством. Звали его, кстати, Лейб, прости, что не сказал сразу.

По пути Иона собирал свою маленькую армию последователей. Поскольку честолюбие никуда из него не делось, о своей миссии он кричал на каждом углу — и далеко не все сочли его обычным сумасшедшим. Одним из первых к нему присоединился Иеремия — хромой бывший вор, вынужденный из-за травмы завязать с ремеслом и заодно встать на путь исправления. В Ионе он увидел Свет, но и Тьму тоже и всю дорогу старательно поправлял его в неверных словах и помыслах. Из двенадцати сторонников, в итоге скопившихся вокруг Ионы, один Иеремия был по-настоящему готов ради него и в огонь, и в воду — ради него и как человека, и как святого ангела, который должен был наконец принести мир на землю. Иона же совершенно не воспринимал его всерьёз и даже почти не слушал: Иеремия был для него на правах брехливой и надоедливой, но всё-таки любимой собачонки.

Когда они наконец прибыли в Иерусалим, слава бежала впереди Ионы. По пути он творил чудеса, пользуясь своей ангельской силой, занимался тем же и в столице, чтобы как

можно больше людей было на его стороне, если вдруг перед решающим боем с Лейбом придётся выступать против его армии. Впрочем, население было против захватчиков и за законную власть, потому Лейб, прослышав о пришедшем по его душу то ли солдате, то ли самом Сыне Божьем — люди тогда ещё верили, что у Бога есть личность и возможность породить детей, — был вынужден действовать против него скрытно. Двенадцать апостолов и Иона собрались тем же вечером в одном едальном доме за столом и трапезой — и Лейб с потрохами сдал их властям как якобы свою свиту. Солдаты кесаря напали на них со всех сторон, и, пока апостолы — а с оружием там умел обращаться каждый — сражались, Иеремия вывел своего возлюбленного друга через чёрный ход, чтобы спасти его, хотя Иона так и рвался в бой. И на первой же открытой улице их поджидал Лейб со своими солдатами.

— Зря я не читал, — восхищённо покачал головой Адамас. — Не книга, боевик какой-то с чудными главными героями.

— Эдмон принёс тебе Писание Брайлем, — хмыкнул в ответ Бельфегор. — У тебя все шансы ознакомиться с ним самостоятельно.

— Я подумаю. Так что же было дальше?

— Самое интересное. Лейб, как истинный «сосуд Зла», хотел подленько схватить соперника и самолично отсечь ему голову — что они вдвоём, в конце концов, могут сделать против десятка человек? Однако Иона ощутимо так прокачал за свои хождения навык красноречия и сумел вызвать врага на одиночный поединок. Иеремия понял, что более у него нет шанса ещё хоть как-то донести до друга, что он не сможет выполнить миссию, потому что не имеет в себе достаточно Света, и прибёг к последнему средству. Когда Иона и Лейб, обнажив мечи, встали друг напротив друга, Иеремия заслонил собой Лейба и сказал, что не уйдёт, пока Иона не откажется от боя. Он надеялся, что в такой ситуации друг будет вынужден подчиниться, а потом он попробует ещё раз наставить его на истинный путь, однако Иона лишь рассмеялся. Одним движением он отшвырнул Иеремию в сторону, даже не заметив, как тот налетел головой на каменную стену и упал уже бездыханный, и бросился в бой.

Лейба он заколол в первую же минуту, а вот того, что последовало после, не содержалось даже в самых страшных пророчествах. Со смертью «сосуда» Тьма не ушла в пространство, а избрала себе новую посуду — ближайшую подходящую. И ей стал Иона. Иеремия оказался прав: его собственного Света не хватило, чтобы одержать победу в этом бою — наверное, недостаточно шатался по земле, — и Зло поглотило его без остатка. На глазах у людей он превратился почти в копию Вершителя — кстати, все эти детали сообщил в своём Евангелии один из его апостолов, успевший на самое интересное. Иона опять стал ангелом, но ангелом тёмным, извращённым, и на кожистых крыльях, присущих всем ангелам-Судиям в качестве отличительного знака, появились острые загнутые когти, сам он вырос в полтора раза, получив нечеловеческую силу, глаза заалели, зрачок стал вертикальным, как у кошки, а каждый зуб — заострённым клыком. Прежде чем начать захватывать мир, Иона решил вернуть себе свою, как он полагал, собственность и отправился в Чистилище, где всё ещё пребывала душа убитого им Иеремии.

Там его ждали. Вершитель никогда не отказывался от исправления собственных ошибок любой ценой и был полон желания уничтожить отступника. Однако в какой-то момент душа Иеремии — чистый, ничем не замутнённый Свет — чуть не оказалась в лапах Ионы, и Ментифер понял, что не может ей рисковать: без тела она не имела защиты от силы Зла. Сумев отвлечь новоиспечённого Мессию-Дьявола, Ментифер зашвырнул Иеремию

прямоком к Проводникам — туда воплощённому Злу хода не было. Это отняло у него остатки сил, и сражаться он более не мог. Не получив желаемого, Иона впал в последнюю степень неистовства и вознамерился поработить землю не как царь, но как носитель Тьмы. Он знал, что Ментифер заключал собранные им излишки Зла в собственный каменный трон, поэтому, отправившись в его обитель — останавливать его было некому, — разнёс его по камушку, а камни рассеял над землёй. На долгое время мир канул в пучины войн, насилия, жестокости и исполнения всех смертных грехов по очереди, а он, появляясь то тут, то там, вносил в творившееся ещё больше смуты. Что ещё раз убеждает нас в том, что переть против пророчеств — пустая трата времени.

Но, конечно, Иона не был в курсе, что и на это у его бывшего друга нашёлся ответ. Оказавшись в обители Света, Иеремия воплотился в ангела — так велики были живущие в нём любовь и жертвенность, преумноженные последним подвигом Вершителя, и его собственный истинный Свет. Пока в Чистилище Вершитель восстанавливал силы, Иеремия организовал Проводников и отослал их продолжать работу — они, растерявшиеся, подавленные, чуть было не уверовали в то, что Свет на земле погас насовсем. И стал ждать. Иона ведь оставался человеком, а значит, смертным, рано или поздно тело его должно было умереть — да, даже такое преобразованное, — и нужно было позаботиться о его отравленной Тьмой душе.

Когда же Мессия-Дьявол наконец почил, Ментифер уже восстановился. Вместе с Иеремией они запечатали его душу особой печатью, чтобы не дать ей переродиться и продолжать нести Зло. Однако в мире нет совершенства, и иногда крупца Ионы вырывается и пробуждается в очередном ребёнке — с надеждой, что он станет новым Ионой и мир наконец по-настоящему погрузится во Тьму.

— Интересно, — протянул Адамас. — Много что стало, конечно, понятней, но... Получается, крупцы души Вершителя тоже способны возрождаться, раз Ове это упомянул?

— В одной из притч говорится, что душу его изрядно потрепало во время боя с Ионой, так что некая часть ушла в свободное плавание. Получается, возможно, — признал Бельфегор. — А Ове, если так посмотреть, отлично ударил сразу по всем больным местам Брутуса... Правда, не думаю, что чем-то в Писании можно руководствоваться, чтобы строить планы. Особенно если он полагает себя реинкарнацией Ментифера.

— Никогда не знаешь, когда что может пригодиться, — хмыкнул Адамас. — Я ещё сам всё изучу, правда, это займёт очередную кучу времени... Слушай, как насчёт ужина? Надо прерваться, к тому же ты наверняка устал. Поражаюсь, что ты до сих пор рядом со мной...

— Да где же мне ещё быть? — искренне удивился Бельфегор, вставая и нарочито не обращая внимания на искривившиеся в сомнении губы Адамаса. — Пойду спрошу, что там с ужином.

Выйдя из комнаты, он чувствовал себя выжатым как лимон — но в то же время на духовном подъёме. Невероятно, как воспетые в притчах подвиги всё ещё встречаются в реальной жизни, когда почти каждый заботится только о себе, — наверное, стоит поблагодарить отца за то, что он без суда и следствия отправил его в этот лагерь, иначе Бельфегор не познакомился бы ни с Адамасом, ни с этой невозможной в их время историей и продолжал бы жить в их обители интриг и обманов, полагая, что так и надо. Агенты МД никогда не отличались благородством и самоотверженностью, да и смерть наверняка может считаться подвигом не за каждые идеалы.

Бельфегор был уже в начале лестницы, когда ближайший к нему диод АНД знакомо

замигал — и тут же раздался звонок во входную дверь. Из гостиной вынырнула Леда, спеша открывать, и он остановился на ступеньках, не желая мешать ей. На пороге оказались Эдмон и, очевидно, его мать — по крайней мере, кудряшки у этой женщины-хорони и вздёрнутый нос на странно сосредоточенном лице были точь-в-точь как у него. Леда отошла в сторону, начиная улыбаться.

— Айрис, рада видеть, добро пожаловать! Что-то случилось или ты просто ненадолго в гости?

— И то и другое, — сухо отозвалась названная Айрис, вслед за сыном проходя в прихожую. — Эдмон хочет остаться у вас ночевать, я не могла отпустить его ехать сюда одному так поздно. Ну, и хотела кое о чём поговорить с тобой.

— У нас через десять минут ужин, может, после? — несмотря на то что Леда продолжала гостеприимно улыбаться, Бельфегор видел, что она напряглась из-за тона своей снохи.

— Нет, давай прямо сейчас. Ты иди, Эдмон, Адамас небось тебя уже заждался, — Айрис махнула сыну рукой, но тот, сняв ботинки, остался стоять у вешалки, всем видом выражая недовольство. Мать, кажется, даже не обратила на это внимания, полностью сосредоточившись на Леде. — Ты, Леда, мне вот что скажи. Ты, твой великий муж, твой сын-бедняжка, вы хоть какое-то чувство вины испытываете за то, что мой Кристиан из-за Адамаса отрёкся от семьи и уехал чёрт знает куда? Хоть какая-то совесть вас грызёт, Леда?! Я даже слова извинения не услышала за то, что случилось! Я понимаю, у тебя теперь инвалид на руках, но ведь по собственной глупости...

— Прости, я тебя перебую, — Леда похолодела и лицом, и голосом, и Бельфегору сразу стало понятно, почему её муж, несмотря на свой высокий чин, всё ещё считается с её мнением. — Значит, твой сынок не по собственной глупости во всём этом участвовал? И, видно, от чистого сердца собирался предать свою фамилию и всё ей сопутствующее? Такой он у тебя умный и добрый?

— Я пришла не своего сына обсуждать, а твоего! — сорвалась на крик Айрис. — Он у них всегда был заводилой! Он сказал, и Кристиан пошёл, как покорная овечка! Он вообще не давал ему решать самому!

— Что ж ты его таким вырастила, Айрис, что каждый его за собой утащить может? Поменьше бы пылинки сдувала, побольше мозгов бы в голове обрелось! Или скажешь, пить по клубам ему Адамас придумал? И в На-Риву уехать тоже он на ушко нашептал?

По щекам Айрис уже лились слёзы, но слов в ответ она найти не смогла. Бельфегору даже стало жаль её: в конце концов, она была просто матерью, в упор не замечающей недостатков собственного ребёнка. Эдмон же, как он видел, смотрел на неё с презрением — с него явно пылинки не сдували.

А Леда наступала:

— Где, скажи мне, Айрис, твой чудный мальчик был, когда у Адамаса снесло крышу и он почти оступился? Почему не отговорил, совесть не грызла его, нет? Где он сейчас, когда Адамасу нужны друзья, обиделся, сбежал? Это он умеет, да! А ты вместо того, чтобы мне ту своё негодование высказывать, лучше бы сыночка своего разыскала и разъяснила на пальцах, что означают слова «трус» и «предатель». Надеюсь, он всё-таки откажется от нашей фамилии — не хватало ещё в роду Страховых такого позора!

Айрис закрыла лицо руками и разрыдалась. Эдмон подошёл к ней, что-то шепнул на ухо, взял за руку, но она отдёргнула её, и он, поджав губы, отступил обратно на своё место.

— Ладно, всё, — Леда обняла её за плечи, и на этот раз вырваться у Айрис не получилось. — Бывает, что ж теперь. Может, хоть так из Кристиана человек вырастет, когда его не поощряют за каждый шаг, правильный или неправильный...

— Он же не виноват, — заикаясь проговорила Айрис, — не виноват, что родился не таким. И...

— И точно виноват, что завидовал. А мог бы в себе плюсы поискать. Я это проходила уже. Пошли, буду тебя чаем отпаивать. Эдмон, скажи мальчикам, пусть до ужина ещё полчаса потерпят.

— Конечно, Леда, — отдал честь Эдмон и, не оглядываясь на мать, размашистым шагом направился к лестнице. Бельфегор так и остался ждать его наверху, не двигаясь с места.

Когда Эдмон миновал его, женщины уже ушли из прихожей, и, убедившись в этом, младший Страхов отрывисто сказал Бельфегору:

— Поверь, я отлично понимаю, что это такое, когда родитель тебя ни во что не ставит, а думает о чём-то совершенно другом. Иногда даже удивляюсь, как при всём при этом мы оба с тобой не пошли в отместку организовывать оппозиционную партию с целью захвата власти.

— Кристиану ты и так достаточно жизнь подпортил, — усмехнулся Бельфегор. — А против матери разве партию создашь?

— Допустим, про власть в основном касалось тебя... Как ты своего отца терпишь?

— Есть одна причина. Адамас уже тоже не раз спрашивал, но у меня всё руки не доходят рассказать.

— Как соберёшься, дождись меня! И кстати... не говори Адамасу о том, что слышал, ладно? Незачем ему опять вспоминать этого... — недоговорив, Эдмон моментно оскалился и пошёл к комнате брата. Бельфегор двинулся следом. Он снова взял на себя обязательство раскрыть тайны, и, к счастью, ещё было время верно подобрать слова. Может, хоть этот эпизод из его прошлого сделает туман вокруг Адамаса немного реже.

Подходящий случай представился через несколько дней, когда у них опять гостил Эдмон и разговор в который уже раз зашёл о взаимоотношениях ГШР и МД. Конечно, с этой темы они перешли на личности — конкретно, мировых лидеров, — и Адамас высказался:

— Мне до сих пор интересно, что вынудило Аспитиса в 56-м году прекратить за нами охоту, хотя он так толком никого и не поймал. Помню, примерно за полгода до этого отец сказал, что Мессии хватит максимум на как раз полгода, — откуда он мог знать? И в промежутке между тем и этим отец попал к ним в плен и был отпущен. Это же как-то связано, Бельфегор? Ты что-нибудь об этом эпизоде знаешь?

— Я об этой охоте почти всё знаю, — отозвался хорон. — Отец как раз сбаврил меня своим гвардейцам и всё своё свободное время тратил на поиски координат Рэкса Страхова и его приближённых.

— Что же он его выпустил, когда наконец нашёл? — усмехнулся Эдмон. — Не понравился труд своих рук?

— О, если бы своих... — загадочно улыбнулся Бельфегор. — Это, кстати, к вашим вопросам о том, почему я верен отцу, хотя не разделяю его взглядов и ведёт он себя не очень красиво. Могу рассказать всё, если интересно.

— Очень интересно! — подбодрил его Адамас. — То есть это ещё в 50-м началось?

— В декабре 49-го, в ночь после смерти моей мамы и того памятного совета, на котором было решено объявить ГШР войну, — уточнил Бельфегор и начал рассказывать.

После того как кончился совет, Бельфегора забрала к себе домой Сэра: по большей части не потому, что так велел Аспитис, а из сочувствия к вдруг оказавшемуся никому не нужным восьмилетнему мальчику. До этого они общались не часто, однако всё ещё пребывавшему в шоке после случившегося Бельфегору было всё равно, куда идти, и он не стал возражать.

В тот вечер в квартире Сэры собрались, за исключением Бельфегора и кошки Веснушки, трое: сама Сэра, Энгельберт и Бертель, Цезарь же уехал последний раз нормальнось переговорить с дядей, Леммом. Засиделись за полночь, обсуждая перемены и степень катастрофичности решения Аспитиса, а заодно и методы мягкого ему противодействия, — Бельфегор тоже присутствовал, пока у него не начали слипаться глаза. Наслушавшись их, тогда он впервые осознал, насколько его отцу повезло с приближёнными: так и не согласившись с ним, они продолжали его поддерживать, оберегая от фатальных ошибок, а ведь могли воспользоваться его расхристанным состоянием и посадить на его пост кого поудобнее...

Увидев, что Бельфегор почти что спит, Сэра увела его в единственную комнату в своей однушке (переезжать к Энгельберту она отказывалась принципиально, ссылаясь на кошку, которая якобы не выдержит переезда без потерь, а замуж не выходила явно из чисто женской мести за три года пренебрежения) и вместе с ним легла спать. Энгельберт и Бертель остались разговаривать на кухне, и именно они оба пошли открывать входную дверь, когда в неё раздался долгий, всех разбудивший истеричный звонок.

Из кровати Бельфегор увидел, что это его отец, и даже ущипнул себя, чтобы убедиться, что действительно проснулся. Одним движением руки с зажатой в ней пустой бутылкой из-под вина Аспитис отодвинул в сторону заступившего ему дорогу Бертеля и, шагнув в прихожую, сразу двинулся к комнате.

— Выйди, — велел он Сэре. — Мне надо поговорить с сыном.

— Вы что, пили? — заморгала та. — А так бывает?!

— Я сказал: выйди! Считаю до трёх!

Надо отдать Сэре должное: примерно до двух она ещё сомневалась. Однако на слове «три» — голос Аспитиса становился всё опаснее — вскочила и вылетела из комнаты, оставляя Мессию с сыном наедине.

Бельфегор тоже встал: в кровати он не чувствовал себя в безопасности. Отец, глаза которого смотрели непривычно мутно, наступал на него шатающейся походкой, и в такт его шагам хорон отходил пятясь к стене, пока не коснулся её спиной и не замер, неотрывно глядя на отца.

— Отвечай честно, Бельфегор, — навис над ним Аспитис, поставив одну руку на стену, а во второй всё так же держа пустую бутылку. Где-то на заднем фоне, на пороге комнаты, угадывался Бертель, которого дальше не пускала, похоже, насмерть перепуганная Сэра. — От чего умерла твоя мама, Бельфегор?

— Эдвард её толкнул... — едва слышно отозвался Бельфегор, не знающий, как спрятаться от тяжёлого взгляда ставшего ему сейчас совершенно чужим отца.

— Врёшь! — рявкнул Аспитис. — Её убил Страхов, ведь так?

— Нет, — Бельфегор не мог пойти против правды, хотя и боялся чуть ли не до

обморока. — Так получилось... Если бы Эдвард её не толкнул...

— Да что ж такое! — Аспитис грохнул бутылку об стену, и один из осколков рассёк Бельфегору щёку. — Что ты несёшь?! Ты же был там! Зачем ты мне врёшь?!

— Я не вру! — Бельфегор наконец не выдержал и заплакал. — Не говори так! Это всё Эдвард! А почему он так сделал, я не знаю, папа!

— Я тебе больше не папа, — процедил сквозь зубы Мессия. — Вы против меня, ты на стороне Страхова, ты...

— Хватит, Аспитис! — оказавшийся сзади Бертель с неожиданной силой свёл обе его руки за спину, вынуждая хорона выгнуться, и оттащил от всхлипывающего и дрожащего сына. — Приглушил каким-то химическим составом свою устойчивость к алкоголю — думаешь, теперь всё можно? Тоже мне лидер организации! Решил из себя Эдриана построить: нападаешь на тех, кто не может защититься?

— Предатель, — с ненавистью выдохнул Аспитис и безумными глазами обвёл всех собравшихся. — Вы все предатели! Ни одного человека, не знавшего Квазара! Вы никогда не будете на моей стороне по-настоящему!

— Ты попугал, — почти спокойно возразил Бертель, начиная толкать его к двери. — Энгельберт не знал Квазара, впрочем, что тебе сейчас доказывать... Пошли-пошли, давно я не вправлял тебе нормально мозги...

Стоило за ними захлопнуться двери, как бледная Сэра бросилась успокаивать Бельфегора, которого всё ещё трясло так, что зубы с клацаньем бились друг о друга. Никогда раньше он не видел отца таким — и ясно понял, что с этого дня жизнь его изменилась безвозвратно.

* * *

— Ну а поскольку Мессия никогда не отступает от собственного слова, так дальше и покатило, — вздохнул Бельфегор в гробовой тишине комнаты. — Меня сбросили на Сэру, Энгельберта и, за компанию, Бертеля. Даже проспавшись, отец повторил, что, пока я не признаю, что в смерти мамы виноват только Рэкс Страхов, мы с ним даже не дальние родственники. А я просто не мог. Я вообще никогда никому не врал, ни до ни после, и начинать не стоило. Почему-то этот факт про Рэкса казался мне принципиально важным, как будто от него зависела моя жизнь или что побольше, и я был намерен стоять до конца. Однако отца я тоже любил и был готов на всё, чтобы он перестал от меня отказываться. Я пообещал себе, что, кроме этого признания, буду стоять за любые его идеи и во всём его поддерживать, я уже в детстве на всём зацикливался...

— И только из-за этого ты продолжаешь терпеть его выходки? — поразился Эдмон.

— О, нет, не только, — хмыкнул Бельфегор. — Я как раз хотел перейти в рассказе к той части, ради которой его начал. Захват вашего общего родственника. Я стечением обстоятельств оказался именно в то время в Управлении, в приёмной отца, судьба, наверно. Мне было пятнадцать, и по факту мне абсолютно нечего было там делать, но Энгельберту, который забрал меня с лица, нужно было решить какое-то срочное дело, и он закинул меня по пути в ближайший же кабинет, где я никому не мог помешать. В приёмной был только Марк — настолько занятой, что даже не заметил моего появления. Я подслушал, о чём он разговаривает по телефону, весь взвинченный, вспотевший, с бегаящими глазками: он

спрашивал, какого чёрта происходит, требовал, чтобы кого-то «их» задержали, чтобы какого-то «его» убили, только не позволили попасть сюда. Я тогда ничего не понял, прошмыгнул мимо него к двери кабинета отца — очень уж хотелось его увидеть впервые за почти семь лет, — и оказалось, что сканер двери настроен и на мою сетчатку, так что я тут же зашёл в кабинет.

Отец тоже был очень занят — ходил среди своих экранов, ничего не видя и не слыша, и я притулился в уголке, чтобы немного понаблюдать за ним, всё равно рано или поздно он бы меня заметил и выгнал. Не прошло и пяти минут, как без предупреждения дверь его кабинета открылась и трое агентов втащили Рэкса. Они радостно кричали что-то, и отец обернулся, выглядывая из-за голограмм, а они уже бросили Рэкса почти к его ногам, на колени, со скованными за спиной руками, с ссадиной на виске... Из ниоткуда вынырнул Бертель — он, оказывается, был здесь всё это время и, может быть, даже заметил меня, только не стал говорить. У них с отцом при виде Рэкса выражение лица было примерно одинаково ошеломлённым, только Бертель выглядел более сосредоточенным. Отец же холодно поинтересовался, что это. Пока его псы вразнобой рассказывали, как они воспользовались случаем, подстерегли Страхова, грохнули его телохранителя — хотя рассчитывали и его в той же машине подорвать — и схватили его, чтобы подарить своему обожаемому лидеру, я смотрел попеременно то на Рэкса, то на отца. Первый был поразительно спокоен, даже на полу сел поудобнее, у второго же нет-нет да промелькивала на лице растерянность. Когда агенты закончили, он всё так же холодно сказал им: «Я не приказывал. Свободны». Понутившись и, кажется, разозлившись, они ушли, а отец повернулся к Бертелю. Секунд десять они молча смотрели друг на друга, и отец велел: «Разберись с ним». Бертель и Рэкс испарились в одно мгновение, оба торжествующе ухмыляясь. И тут он заметил меня. Не скажу, что на лице у него отразилась вся гамма эмоций, но он определённо пережил ещё несколько не очень приятных мгновений. И — улыбнулся как раньше, до смерти мамы. «На экскурсию пришёл, сын? Ну подходи, буду всё показывать». Вот так.

— Ничего не понял, — замотал головой Адамас.

— Да, согласен, сложно, — рассмеялся Бельфегор. — Вышло так, что конкретно этого приказа — о подрыве машины, о захвате — отец и вправду не отдавал. И, насколько я могу судить, Марк тоже. Марку очень принципиально было, чтобы новость о поимке Рэкса не дошла до отца, он был даже готов убить его по дороге, лишь бы не допустить их встречи. Потому что, получив его от верных агентов, отец осознал, что его солдаты так уверены в том, что плен Страхова — его голубая мечта, что даже готовы заниматься самодеятельностью, чего он никогда не терпел. Вся организация поняла, что он одержим, и пошла кто во что горазд. За эти шесть лет охоты он почти упустил бразды правления, и хорошо, что понял это вовремя. Подозреваю, что Рэкс тоже об этом догадывался, потому и предрёк в 56-м, что максимум через полгода охота кончится. Его плен лишь ускорил процесс.

— А отпустил его Аспитис потому, что убить означало бы, что подчинённые и дальше могут делать что хотят?

— Ну конечно. Он потом основательные чистки провёл, убирая чересчур уж самостоятельных...

— Они с отцом и правда похожи, — задумчиво проговорил Адамас, качаясь на стуле из стороны в сторону. Эдмон поднял руку, и Бельфегор кивнул ему.

— А тебя он простил, потому что на твоих глазах поступил примерно так же, как ты,

показал, что Рэкс ему не враг? — уточнил Эдмон. — И тем самым признал твою правоту?

— Думаю, так. Отец редко признаёт свои ошибки, но, как говорится, метко. Ну а я ещё раз убедился, что, если долго гнуть свою линию, рано или поздно это окупится.

— Над этим надо подумать, — медленно сказал Адамас, откинулся на стуле и почти до самого ухода Эдмона не проронил более ни слова.

Уезжал Эдмон поздно, на этот раз самостоятельно, явно успев выбить из матери разрешение на это, поэтому Бельфегор сразу ушёл в душ, собираясь затем лечь спать. Возвращаясь, он увидел, что дверь в их с Адамасом комнату приоткрыта, а приблизившись, услышал голос Миа. Она тихо, смущённо и одновременно твёрдо говорила:

— Ты должен меня выслушать. Я понимаю, ты превозносишь его, он носится с тобой как с писаной торбой, и я почти признала, что это от доброты душевной. Но неделю назад начало происходить кое-что, ты обязан знать, чтобы понимать...

— Что, сестра? — странным голосом спросил Адамас.

— Бельфегор, он... — она как будто всхлипнула. — Он был в моей комнате, когда я вернулась с тренировки. Ты уже спал. Он... приставал ко мне. Не знаю, зачем я ему так нужна, я думала, после того отказа он успокоится, но... Он подбирается к нам обоим, ты пойми. Союз союзом, но, если у Мессии будут дети Рэкса: ты как восторженный друг, до которого снизошли в трудную минуту, и я как... ну, не знаю, невеста? — отец уже не сможет возражать. В последний свой визит Бельфегор сказал, что, если я не подчинюсь ему, он сумеет сделать тебе так больно, что ты больше не оклемаешься...

Бельфегор стиснул зубы, борясь с желанием влететь в комнату и взащей вытолкать эту клеветницу. За что она так с ним, он ведь даже повода не давал так думать о себе! Или это проклятое клеймо Пикеровых?..

— Миа, — тем временем ласково сказал Адамас, — зачем ты врёшь?

— Ч-что? — оторопела та. — В смысле? Зачем мне о таком врать?

— Вот и я спрашиваю. Зачем? С чего ты взяла, что я поверю?

— Может, с того, что я твоя сестра и меня ты знаешь дольше, чем его?! — Миа вспыхнула гневом. — И в курсе, что он жаждет добиться меня?!

— Это всё правда, отрицать не буду. Но и Бэла я знаю достаточно, чтобы быть уверенным, что на такую подлость он даже ради отца не пойдёт. Этим вы, кстати, отличаетесь, хотя фанатизмом очень схожи...

— Адамас, чёрт подери, зачем ты пригреваешь эту змею?! — судя по грохоту, Миа вскочила со стула и уронила его. — Да на фига ты ему нужен, малолетка, калека? Ты не представляешь из себя никакой ценности, кроме того, что ты Страх, и...

— Слушай, а я понял, — перебил её Адамас, кажется, даже не уловивший смысла сказанного. — Жизнь, как нарочно, сталкивает меня с людьми, готовыми на всё ради собственной правды. Даже ты одна из них. Несёшь полнейшую чушь, и пусть — что угодно, лишь бы отстоять то, во что ты веришь. Оно всем кажется глупостью, кроме тебя, а ты всё равно стоишь на своём, похвально, сестрёнка... Я-то сбежал сразу, что тогда, совершив ещё и обычный побег, и потом, когда отец меня наказал... Неудивительно, что мы с Кристианом сошлись, он почувствовал во мне такую же боязливую душонку, а я себе на его фоне казался великим. И, только когда всё зашло слишком далеко, я начал задумываться и исправляться. Я же не совсем плохой, да?

— Нормальный, — буркнула Миа. — Бывает и хуже. За друзей вон, горой стоишь, какие бы они ни были ган...

— Ну да! — обрадовался Адамас. — И почему бы не продолжать в том же духе? Гнуть свою линию, как сказал Бэл. Спасибо, сестра!

Пять секунд — и Миа вылетела из комнаты. Бельфегор, слишком радостный от того, что до Адамаса наконец-то дошло, что значит верить, не мог на неё злиться и помахал хорони рукой.

— Эй, красавица, хочешь, сделаем твою ложь правдой? — хмыкнул он, и Миа, топнув ногой, убежала в конец коридора. Бельфегор прошёл в комнату, заставил дверь за собой задвинуться и кашлянул.

— О, вот и ты! — Адамас ходил от стены к стене, взбудораженный и счастливый. — Много слышал?

— Думаю, с самого начала, — усмехнулся хорон, начиная расстилать себе кушетку. Адамас резко остановился и виновато проговорил:

— Прости, я называл тебя «Бэл», я случайно. Больше не буду, ты говорил, это важное слово...

— Тебе можно, — разрешил Бельфегор. — А сестра твоя не перестаёт меня удивлять.

— Это наверняка не всё, на что она способна! Но именно её дурости мне и не хватало, чтобы перестать задавать глупые вопросы... Надо доучиваться и поступать в Академию. Хоть где-то я отцу да пригожусь. К тому же можно ведь и слепому научиться сражаться?

— Конечно. Рад, что ты всё понял, — Бельфегор улыбнулся и лёг. — Спасибо, что не поверил ей.

Громко фыркнув, Адамас хлопком в ладони погасил свет, и Бельфегор закрыл глаза, почти сразу погружаясь в сон.

Разбудили их совсем рано: проснувшись от стука в дверь, хорон увидел, что за окном только-только светает. Адамас крикнул:

— Входите!

Дверь мягко отъехала в сторону, и удивлённый Бельфегор узрел на пороге взлохмаченную Леду в домашнем халате и стоящего позади неё рослого худого хиддра с бледным лицом, огромными мешками под двумя углями горящими глазами и тоже в каком-то халате вроде рабочего, на рубашку и брюки — всё явно бывшее чистым примерно с месяц назад.

— Я прошу прощения, мальчики, — зевнула Леда. — Но к вам тут — внезапно — Вэлиант. Наверное, прибыл из другого часового пояса...

— Вэлиант?.. — не поверил своим ушам Адамас. Хиддр шагнул в комнату, кивнул не менее ошарашенному Бельфегору так, словно видел его каждый день, и обратился к Адамасу:

— Прежде чем я извинюсь за то, что меня так долго рядом с тобой не было, друг... а заодно и за столь ранний визит, я хочу заявить всем, что этот месяц я прожил не зря! Совместно с коллегами, в том числе из противостоящей организации, мы сумели создать рабочую модель... — он, выдерживая паузу, обвёл взглядом сосредоточенно слушающих его Леду и Бельфегора и непонимающе склонившего набок голову Адамаса и с торжеством в голосе закончил, — бионических глазных имплантов! И, если вы не очень хотите спать, приглашаю на обследование и вероятную операцию прямо сейчас!..

Глава 10. Вздох

На какие-то долгие секунды в комнате повисла мёртвая тишина: Леда и Бельфегор поочерёдно переводили взгляд с Вэлианта друг на друга и обратно, одинаково задаваясь про себя вопросами, не сон ли это, Адамас же так и замер в той позе, в которой встретил известие о появлении пропавшего друга, и больше походил на искусно сделанную восковую статую, нежели человека. Не дождавшись в нужное время оваций или хотя бы допроса, Вэлиант решил разрядить обстановку сам. Подойдя к Бельфегору, он протянул ему руку.

— Не имею чести быть знакомым, — улыбнулся хиддр, и очнувшийся хорон, как загипнотизированный, ответил ему на рукопожатие. — Вэлиант Талайсибара, студент III курса Академии ГШР.

— Очень приятно, — Бельфегор окончательно пришёл в себя и не удержался от усмешки. — Бельфегор Пикеров.

Вэлиант, явно не ожидавший здесь, в доме Страховых, таких гостей, отшатнулся от него — и попал точно в руки вскочившего с кровати Адамаса.

— А ну рассказывай! — потребовал он, начиная трясти хиддра. — Хватит вести себя так, как будто ты зашёл поговорить о погоде!

— Погода солнечная, — расплылся в улыбке Вэлиант, быстро приходя в себя. — Ты присаживайся. И вы, Леда, тоже, а то вы что-то бледнее обычного. Скажу пару слов.

Адамаса он усадил на кровать почти насильно, поудобнее устроившийся у себя Бельфегор пронаблюдал, как продолжавшая молчать Леда прошла к сыну и опустилась на простынь рядом, и подбодрил чуть не приплясывающего Вэлианта:

— Мы слушаем.

— Да, конечно, — хиддр заложил руки за спину и, с размётываемыми в разные стороны лапами халата, заходил туда-сюда по комнате. — Я давно лелеял эту идею, ведь до сих пор не существовало протезов или имплантов, которые бы не просто играли декоративную функцию, но при полном отсутствии глазных яблок позволяли видеть мир. Всё имеющееся на данный момент работает лишь в случае наличия сетчатки и, конечно, сохранившегося тройничного нерва. Главная проблема состоит в преобразовании получаемых из внешнего мира сигналов — нельзя просто вставить в глазницы камеры и установить цифровой обмен между ними и мозгом через нерв: разные среды, сами понимаете. Вот этот самый преобразователь я и изобретал с тех пор, как заинтересовался данной темой. Особой мотивации не было, но, как только я услышал о случившемся с Адамасом, я всё бросил и начал доводить до ума свои наработки...

— И за какой-то месяц ты создал то, до чего не могли додуматься двести-триста лет? — скептически поднял брови Бельфегор. Вэлиант резко остановился, вскидывая вверх указательный палец и весь зажигаясь, подобно фонарю.

— Именно! Ну так я трудился не один! Подключил всех кого мог, в том числе и друзей семьи из МД, а вы в курсе, какие там гении...

— Роза и Борис?.. — слабым голосом спросила Леда.

— И не только их. Алан и Салли тоже помогли. Со стороны инженерии мы работали с Борисом и Киллианом — это бывший член группы под курированием моего отца, тоже руки откуда надо растут. Ну а с нейробиологией разбирались Роза с Аланом и Салли. Оказывается, если месяц не спать, можно достичь очень многого!

— То есть там камеры плюс преобразователь? — напряжённо спросил Адамас, вцепившийся пальцами в край кровати и весь обратившийся в слух.

— Именно, мой друг! А если точнее, несколько преобразователей, — Вэлиант мимолётно огляделся, явно надеясь что-то найти, но, похоже, отказался от этой идеи. — Подробнее я смогу объяснить в лаборатории, получишь возможность их потрогать, чтобы пока иметь представление, как это выглядит. Станешь у нас на какую-то часть киборгом...

— Я услышала достаточно, — Леда поднялась. — Последний вопрос, Вэлиант, и пойдём. Какие шансы, что всё это приживётся и будет нормально работать? И есть ли риск для здоровья во время операции и после неё?

— Мы будем проводить её первый раз в жизни, — развёл руками хиддр. — Лучше, конечно, спросить об этом у Алана с Салли, они главные хирурги. Я точно знаю, некоторые эксперименты на животных по этому поводу ставились, но, конечно, для полной уверенности нам нужен не месяц, а года полтора, сейчас, с войной, непозволительная роскошь. Тем не менее никто из нас не предложил бы, если бы очень сомневался в успехе. Решайте сами. Вы знаете, кто не рискует...

— Да, — хорони отмахнулась и посмотрела на Бельфегора. — Ты пойдёшь с нами, Бельфегор?

— В лаборатории ГШР? — сделал большие глаза тот. — А меня пустят?

— Ну Берссов же пустили, — подбодрил его Вэлиант. — Собирайтесь, буду ждать в прихожей, все пройдут, куда надо, обещаю!

Он исчез из комнаты в мгновение ока, и Леда шумно выдохнула.

— Что ж, раз там участвовала Роза, шансы неплохие, — сказала она сыну. — Ты сам-то как, готов попробовать?

— То есть в талант Вэлианта ты не веришь? — углом губ улыбнулся тот.

— Создать машинку — это одно, а вот вживить её в человека — совсем другое...

— Ну да, пока я имел счастье столкнуться лишь с супервирусом, делающим своего хозяина чуть ли не бессмертным, мало, согласен. — Бельфегор так и не понял по его тону, сарказм это или нет. — Тогда мы одеваемся, мама.

— Пойду разбужу Миа, — кивнула Леда. Как только дверь за ней закрылась, Адамас повернул голову к Бельфегору.

— Как считаешь, сработает?..

Уловив в его голосе страх, Бельфегор решил пока скрыть свой скептицизм.

— Там же почти цвет учёной нации собрался. Должно. Да и попытка не пытка.

— Конечно. Если случайно овощем не сделают... Ладно, где я оставил джинсы?..

Хмыкнув, Бельфегор наконец встал с кровати и начал помогать другу одеваться.

С момента сногсшибательной новости от Вэлианта его и самого слегка потряхивало, но за отсутствием иных взрослых мужчин роль старшего в их маленькой компании выпала Бельфегору, и он просто не мог позволить себе высказывать терзающие душу сомнения. Может, Рэкс потому и пустил его в свой дом — чтобы он был необходимой поддержкой Леде, оставшейся одной с детьми и той катастрофой, что случилась с Адамасом? На тему всех возможных рисков Бельфегор собирался потрясти при встрече Алана — уж этот глядящий на всех свысока холодный сальвис ему врать точно не станет. И кстати, братья за обречённую на неудачу хотя бы в пятьдесят процентов вероятности операцию тоже, так что надежда оставалась.

Вэлиант приехал к ним на машине, поэтому они четверо, включая растрёпанную

невыспавшуюся Миа, не проронившую с момента пробуждения ни слова, тоже загрузились в автомобиль — семейный паркетник «Пеликан», принадлежащий Леде — и вслед за легковушкой хиддра двинулись по улицам.

Всю дорогу до нужного входа в галереи Адамас и Бельфегор на заднем сиденье тихо переговаривались, обсуждая импланты, Леда и Миа же, наоборот, хранили молчание. Удивительно, но последняя даже ни разу не высказалась по поводу проведения сына Мессии-Дьявола в Генштаб: не хватило злости с утра или, после разговора с братом накануне, наконец смирилась? Бельфегор нет-нет да поглядывал на белое неподвижное лицо девушки, которую даже после вчерашней подставы продолжал любить (если, конечно, его чувства можно было назвать любовью), и гадал, о чём она думает сейчас.

Им пришлось добраться почти до центра города — к счастью, в этот ранний час машин на дорогах было немного. Вэлиант впереди наконец дал условный сигнал о близком спуске под землю, и оба их автомобиля свернули на пустую тупиковую улочку — глухая стена какого-то промышленного здания в её конце раздвинулась им навстречу, по опознании машин пропуская их в круто уходящий под землю туннель. Забавно: совсем близко здесь располагался и вход в МД, которым Бельфегор частенько пользовался, — если когда-нибудь две организации всё-таки объединятся, не окажется ли, что всё это время они могли запросто перестукиваться через стеночку? Или ходили по головам друг у друга? Надо будет найти планы галерей...

После парковки Вэлиант повёл всю компанию в лаборатории. Бельфегор, помогавший Адамасу идти, не мог отказать себе в удовольствии поподробнее познакомиться с галереями противостоящей организации — к слову, куда более светлыми и приветливыми на вид, чем его собственной. Аспитис и сам не очень любил чёрно-красную гамму, в которой были выдержаны их коридоры, потому и переоборудовал свой кабинет и перекрасил в сине-серебряный, но всю обитель МД переделать без очередной революции, конечно, было нельзя. Жаль: у Бельфегора и самого имелся уже внушительный список людей, которых пора было отправить в отставку (а то и сразу на казнь), и нововведений, долженствующих улучшить их общую жизнь. Первым и в том и другом списке стояло имя Марка. Если операция пройдёт успешно, Бельфегор обязательно вернётся на службу и добавит пару литров дёгтя в заваренную этим прощельгой амброзию.

Наконец, после парочки лифтов и некоторого количества одинаковых коридоров, в которых все попадающиеся люди приветливо кивали Вэлианту, хиддр остановился перед серебристой дверью с длинным номером и провозгласил:

— Добро пожаловать в мой кабинет! Его мне щедро преподнёс Киллиан, хотя я ни за что не поверю, что ему было здесь так уж одиноко.

Он провёл правой рукой над считывателем чипа, и дверь отодвинулась в сторону, открывая вид на небольшую комнатку со множеством разобранного на части оборудования, двумя столами, стульями и ещё одной, открытой, в самом конце дверью в светлое помещение средних размеров с широкими проекционными экранами — возле одного из них стояли и обсуждали отображаемые непонятные детали двое сильвисов в рабочих халатах. Навстречу же гостям из-за ближайшего стола поднялся внушительного вида хиддр лет тридцати пяти, больше похожий на спецназовца, чем инженера: с широкой грудью, туго обтянутой белоснежной рубашкой, идеальной осанкой, могучими плечами — и копной распущенных рыже-чёрных волос, будто из рекламы шампуня, немедленно напомнившими Бельфегору об Эрixe. Вэлиант рядом с ним выглядел субтильным подростком, что уж

говорить о хороне, резко засомневавшемся в собственном статусе не просто сына Мессии-Дьявола, но и одного из ведущих офицеров войны.

— Рад видеть! — зычно провозгласил хиддр, сверкая яркими жёлтыми глазами. — Разрешите представиться: Киллиан Экхобара, агент IV уровня!

Он поклонился сразу всем присутствующим и первым делом поцеловал руки немедленно заулыбавшимся Леде и Миа. Когда Киллиан переключился на обмен рукопожатиями с Адамасом и Бельфегором, Вэлиант как раз успел всех представить, и хиддр, крепко сжимая ладонь черноволосому хорону, не преминул отметить:

— Удивительное у вас сочетание, сэр Пикеров. Меньше всего ожидал увидеть возле Страховых кого-то из вашей семьи. Может, ещё есть надежда, а?

— Она всегда есть, пока мы живы, — улыбнулся Бельфегор и помахал входящим в их комнатку сильвисам. — Алан, Салли, как жизнь?

— Вот это встреча, — оценил холодно-голубо-глазый Алан. — Как тебя пустили? Нам не ждать наряда?

— Раз уж здешние безопасники посчитали, что вам можно тут находиться, рядом с ценными научными разработками... и сотрудниками, — Бельфегор кивнул в сторону Вэлианта, — что уж про меня говорить.

— Не просто «здесьние безопасники», — вставила Салли, которую хорон видел последний раз два года назад — с тех пор она выпрямила вьющиеся белоснежные волосы, окрасила кончики прядей в ярко-зелёный и вообще стала выглядеть намного увереннее в себе (одни так же крашенные в зелёный губы чего стоили). — За всем лично наблюдает мой отец, Кит Гаспаров. О, Миа, привет, триста лет не виделись!

Миа уже успела повиснуть у неё на шее — бледная, блёклая и замученная по сравнению с этой девушкой, которая вроде как должна была после напряжённой работы едва держаться на ногах.

— Да уж, совсем меня забросила! — капризно проговорила хорони. — Один раз только твоя сестрица заявлялась, правда, радости от неё никакой.

— Рекорд по мужикам ещё не поставила моя сестрица, нет? Слава ангелам, родители наконец завели себе сына, хоть какая-то надежда, что роду Гаспаровых будет чем гордиться, — Салли фыркнула, тряхнула волосами и стрельнула взглядом в сторону Бельфегора. — А ты жениха себе нашла?

— Юмористка, — вспыхнула как хворост Миа, отстраняясь от неё. — Раз все познакомились, может, расскажете уже нам подробности? И где вы будете проводить операцию, не прямо тут же, правда?

— А что, отличный свободный стол, — рассмеялся Киллиан и простёр руку в сторону смежной комнаты. — Проходите туда. Сейчас быстренько разъясним принцип работы и, если все согласны, уведём Адамаса в медчасть.

Стоило войти, как оказалось, что комната намного больше, чем выглядела из кабинета. Бельфегору сразу бросилось в глаза схематическое изображение того самого бионического импланта на одном из проекционных экранов, который должны были установить Адамасу: судя по форме, он полностью закрывал собой глазницу и даже учитывал наличие надбровных дуг, на которых у хорона благодаря счастливой случайности сохранилась почти вся кожа и сами брови. Вэлиант усадил Бельфегора рядом с Адамасом и указал на изображение протеза:

— Пока рассказываю всем по картинке, потом, уже в операционной, дам их на

ознакомление пациенту. Пространство глазницы будет забрано в металлопластик, в гнездо установлен подвижный шар с видеокамерой. Также предусмотрено некое подобие век, для постоянной очистки зрачка камеры от пыли и любых других загрязнений. В идеале за движение шара в обоих глазах, равно как и за работу «век», будет отвечать нерв, ответственный за родные глаза. Наша главная задача — убедить мозг, что импланты — часть организма, как вы понимаете, это здесь самое сложное. Но, если получится, разница между живыми глазными яблоками и этими будет лишь в качестве изображения. Плюс ночное зрение и многократное увеличение — пока мы планируем запускать его с помощью прикосновения к отдельным пластинам над ухом — если говорить о правой стороне, там, где сейчас ИД-чип. В них же располагается беспроводной аккумулятор, ориентировочное время работы без подзарядки — около года.

— Выглядеть будет жутко, — восхищённо выдохнул Адамас, явно не обделённый воображением, и Вэлиант хмыкнул.

— На этот случай у нас есть одно временное решение, а вообще шокировать народ довольно весело, вы не находите? Сына Рэкса Страхова не узнает только слепой... Так, что я ещё не сказал? Ну, собственно, преобразователи вживляются прямо в мозг и подключаются через нерв к камере. Устройство камер полностью герметично, можно погружать в воду, температуру переносят ту же, что и человеческий организм. Биноклярное зрение — само собой. Видео, к сожалению, не записывает...

— Обойдётся, — Леда перевела взгляд на сосредоточенно рассматривающую изображение Салли. — Так какие риски, хирурги расскажут?

— Может не прижиться. Мы будем вести первую неделю круглосуточное наблюдение, — отозвалась та и, отойдя к имевшемуся в комнате компьютеру, вывела на один из экранов увеличенное трёхмерное изображение мозга. — К тому же преобразователь, сами понимаете, не проходил почти никаких испытаний, так, на крысах кое-что проверили — но чересчур уж специфический эксперимент. Адамас будет нашим главным подопытным кроликом... Боишься, Адамас?

— А то, — несколько нервно усмехнулся хорон. — Сделаете мне случайно лоботомию, а всем скажете, что так и было...

— И разницы никто не заметит! — поддержал Алан, и Бельфегор, ожидавший от Адамаса взрывной реакции на такую шутку, удивился тому, что Алану вдруг всё спустили. — Не переживайте, мы нашли уже для ассистирования хирурга тут, в ГШР. Киллиан оказал нам любезность, покопался и в данных, и в людях...

— Если ты сомневаешься, — Вэлиант подступил к Адамасу и положил руку ему на плечо, — ты можешь дать нам ещё хотя бы месяц. Вдруг найдём что исправить, и рисков будет меньше. Куда, в конце концов, торопиться?

— Нет, — твёрдо сказал Адамас. — Я же спать не смогу. Лучше пусть сейчас окажется, что ничего не получится, чем я прожду ещё месяц. После того, что было с Брутусом, я уже ничего не боюсь, правда.

— Ну как скажешь, — решил Алан. — Тогда мы отправляемся. Остальным рекомендую остаться пока здесь, мы сообщим, как можно будет подойти, кто-нибудь да проведит.

— Удачи, — одними губами шепнула Леда, порывисто обняла сына и подтолкнула его к Алану. Бельфегор пронаблюдал, как все пятеро — сильвисы, хиддры и Адамас, ими ведомый — скрываются за дверью, и перевёл взгляд на Леду.

— Всё будет хорошо, — улыбнулся он, и хорони кивнула.

— Мне не привыкать. Я и так вечно в ожидании, что кто-то откуда-то не вернётся. Тебе, наверное, это знакомо.

— Пожалуй, — признал Бельфегор, вспоминая, как сильно зашлось его сердце, когда сообщили, что его отец вместе с Цезарем взят в плен генштабовцами. Где-то в глубине души он верил тогда, что Рэкс не допустит, чтобы с Аспитисом случилось что-то плохое, но, в конце концов, он не президент...

— Пойду разбужу Лемма, — Миа встала и потянулась. — Сегодня я вряд ли попаду на тренировку. Слягу где-нибудь по дороге, какая ему от этого польза?

Не рассчитывая ни на какой ответ, она исчезла за дверью в коридор, и Бельфегор откинулся на спинку кресла, прикрывая глаза. Оставалось только ждать.

С обдумывания предстоящей Адамасу операции он незаметно для самого себя переключился на Миа, решив наконец определиться, как эффективно забыть её, раз уж ему всё равно ничего не светит, но, в какой-то момент потерявшись в собственных мыслях, неожиданно утративших даже подобие логики, непостижимым образом вдруг обнаружил её в своих объятиях — соблазнительную, стреляющую ему глазками, с уже сползающей бретелькой с плеча — и с зыбким, как будто слепленным из пластилина лицом. Кукла с пустым взглядом, готовая отдаться ему прямо сейчас, — а Бельфегору всего-то хотелось для начала хотя бы одну искреннюю тёплую улыбку. Он решительно столкнулся с собственными колен этот морок, однако чувство приближающейся катастрофы, острое, как и всегда в снах, подступило внезапно к самому горлу — и Бельфегор проснулся.

— ...Да нет, ничего такого, о чём стоило бы беспокоиться, — услышал он совсем рядом незнакомый мужской голос. — Ты же знаешь его, скорее враги будут бегать, теряя штаны, чем с ним что-то случится.

— Или кто-то просто очень искусно врёт, — мрачно отозвалась Леда. — На пару с лучшим другом, да, Кит?

— Я всегда был с тобой предельно честным! А если это касалось работы...

— ...то в тобой самим определённых пределах, я знаю.

— Ну хватит, Леда. За годы охоты все мы находились в куда большей опасности, чем Рэкс сейчас на войне. Там же почти курорт! А длится она так долго лишь из-за того, что выгрызть кусочки территории приходится не кровопролитными боями, а диверсиями. Если бы Пикор был на нашей стороне, Азата бы вздёрнули уже давно...

Леда пренебрежительно фыркнула, и Бельфегору показалось, что они оба с Китом уже не в первый раз проводят этот разговор и каждый заранее знает реакцию собеседника. Леде просто нужно было хоть иногда выговариваться — и Кит, похоже, был не против предоставить эту возможность когда угодно.

Однако подслушивать чужой разговор и дальше было уже невежливо, и Бельфегор открыл глаза, обнаруживая, что за время сна успел далеко откинуть голову на спинку стула. Вернув её в исходное положение, он увидел почти прямо перед собой вольготно расположившегося на одном из стульев зеленоглазого рыжеволосого сильвиса возраста Рэкса, в форме особого кроя, никогда прежде не встречавшегося Бельфегору на иных агентах Генштаба, и, ко всему прочему, серебристо-голубого цвета. Поставив локти на колени, а ладонями поддерживая голову, Кит чуть сощурившись рассматривал хорона.

— Рад познакомиться с тобой вживую, Бельфегор. Позволь представиться: начальник службы собственной безопасности ГШР Кит Гасспаров, — поприветствовал его сильвис протягивая для рукопожатия играющую сухую ладонь. — Тебя было особенно тяжело

спрятать от системы. Но когда я не отвечал на вызов!

— Вы же вроде главный безопасник, — не понял Бельфегор. — Что-то в системе вам не подчиняется?

Кит состроил язвительную гримасу, возводя глаза к потолку.

— Разный уровень доступа. После того незабываемого приключения с участием твоего отца и Адамаса наш светлейший президент распорядился создать оповещение для всех его личных врагов — и попутно оказалось, что у него есть несколько очень неплохих программистов, так что моя помощь ему не понадобилась. Так с тех пор они и окопались — ничего удивительного, рядом с Рэксом кто угодно параноиком станет. Я же вставляю им максимально длинные и сучковатые палки в колёса. В общем, не только у вас в организации раздрай.

— А вы откуда об этом знаете? — поднял брови Бельфегор и заслужил в ответ снисходительный взгляд.

— Связи между нашими организациями куда крепче, чем предполагает твой отец... Что ж, вот и время подошло! — Кит встал и подал руку Леде. — Адамас должен прийти в себя с минуты на минуту. Идёмте, я провожу.

— Это что, я всю операцию проспал?! — ужаснулся Бельфегор и глянул на часы — те нахально показывали, что с момента их появления в этой комнате прошло чуть больше трёх часов. Хорон повернулся к улыбающейся Леде: — Что ж вы меня не разбудили?

— Да мы все тут спали, пока Кит не пришёл. Вэлиант выбрал отличное время, чтобы совершать что-то связанное с огромным количеством переживаний... Миа вон до сих пор дрыхнет, — хорони кивнула на стол у соседней стены, на который задрала ноги расположившаяся в кресле сопящая Миа. — Разбуди-ка её, и пошли.

Бельфегор с готовностью встал и, шагнув к креслу, подвинул ту руку девушки, которая в немислимой позе держала её голову. Миа, успевшая проснуться до того момента, как голова полностью перевесила тело, схватилась за подлокотники, закачалась на кресле и, перепуганная, вскинула глаза на Бельфегора.

— Подъём, принцесса, — хорон указал ей на уже выходящих из комнаты взрослых. — А то самое интересное проспайшь.

— А ты самого интересного лишишься, если будешь так со мной обращаться! — тут же рассердилась Миа. — Ещё бы кувшин воды на меня вылил, умник!

— Не нашлось, — сокрушённо вздохнул Бельфегор. Вскочившая с кресла Миа пронзила его испепеляющим взглядом и поторопилась за матерью.

Путь до больничного отделения занял почти десять минут, и, несмотря на спокойное поведение Кита, к концу его Бельфегор был весь на нервах. Леда тоже заметно побледнела — шедшая рядом с ней Миа то и дело касалась её руки и говорила что-то успокоительное и почти неразличимое. Наконец вслед за Китом они трое прошли в светлую просторную палату, посреди которой на кровати неподвижно лежал Адамас, а вокруг собрались остальные плюс незнакомый врач — пожилая кункана со строгим морщинистым лицом, что-то размеренно и настойчиво втолковывающая кивающей ей Салли.

— Вот и вы, — обрадовался Вэлиант и указал на Адамаса. — Несколько минут — и должен прийти в себя. Пока мы можем сделать только предварительные выводы, но операция прошла удачно. Посмотрим, как будет работать.

Бельфегор вместе с Миа и Ледой подошли к спящему хорону поближе и замерли, разглядывая его. Там, где до Брутуса у Адамаса располагались глаза, а позже — лишь

наращённая кожа, которую из-под повязки он показывал всего-то один раз, теперь были чёрные матовые импланты — как будто солнечные очки с толстой оправой, но без дужек и перемычки и с очень объёмными непрозрачными стёклами. Если присмотреться, можно было заметить место, где смыкались новые «веки», и Бельфегор осознал, что с нетерпением ждёт того момента, когда Адамас проснётся и установленные ему камеры откроются во всей красе.

— Первое испытание было проведено ещё во время операции, — подала голос Салли, успевшая уже выпроводить кункану-врача. — Да, веки воспринимаются и нервом, и мозгом, по крайней мере на уровне безусловных рефлексов. Осталось выяснить, подчинятся ли они воле... как и сами камеры.

Равномерно пищащий измеритель ритма сердца, подключённый к Адамасу, сменил частоту и тональность, и хорон заворочался. Все учёные немедленно столпились в полушаге от его кровати, отодвигая к самым ногам не участвовавших в операции — но даже оттуда Бельфегор увидел, как веки на новых глазах его друга синхронно расходятся вверх и вниз, уходя за рамку импланта — как в фильмах про андроидов, — и на почти такой же чёрной выпуклой поверхности оказываются линзы видеокамер, по размерам совпадающие с радужкой обычного глаза.

— Смотрится и правда впечатляюще! — первой нарушила тишину восхищённым возгласом Миа, и Адамас часто заморгал.

— Какое странное ощущение, — чуть растягивая слова, признался он. — Чувствовать век я не чувствую, а управлять ими выходит... так и должно быть? И голова — так и должна болеть? То есть раскалываться?

— Скорее всего, это от анестезии, — разъяснил Алан, весь светящийся торжеством — Бельфегор чуть ли не в первый раз в жизни увидел на его лице хоть какие-то эмоции. — Едва подобрали нормальную. Кто ж знал, что у Страховых такие специфические отношения с обезболивающими...

— Чуть прямо так резать не начали! — хрустально рассмеялась Салли, а Вэлиант взволнованно спросил:

— Так ты видишь что-нибудь, Адамас?..

— Всё вижу, — улыбнулся тот. — Фокусировки ноль. Изображение прыгает. Но, бывало, при мигрени и с обычным зрением такое случалось.

— Вот поэтому ты тут минимум на неделю. А цвет, качество?

— Не могу пожаловаться, — губы Адамаса сами собой расплывались в широкой улыбке.

— Отлично на первый раз, — Вэлиант, решительно отодвинув от изголовья кровати Алана, повернул голову хорона набок, чтобы продемонстрировать собравшимся чёрную пластину над ухом на выбритой коже. — Это хранилище аккумулятора правой камеры, вот, слева, то же самое. Зум настроен на твои отпечатки пальцев, но пока оставим его, остальное ещё отрегулировать надо. Чип, конечно, мы убрали, они вместе там не уживаются. Можем вживить основной в левую руку, если надо.

— Одним обойдусь... Брови, кстати, больше почти не двигаются.

— Внизу, у глаз, больше нет растяжных мышц. Учись выражать эмоции по-другому.

— Как нефиг делать! — пообещал Адамас. — А... зеркало можно? И почему все молчат? Мама, сестра, Бельфегор? Что скажете?

Леда, наконец не выдержав, бросилась обнимать его. Алан с Салли отступили к монитору, отображающему активность мозга, Киллиан, шепнув что-то на ухо Киту, исчез

вместе с ним из палаты, Вэлиант, сложивший на груди руки, весело улыбался — и оторопел, когда Миа повисла у него на шее.

— Мы — вечные твои должники, Вэл! — всхлипнула хорони. — Прости, что не очень хорошо о тебе думала... Теперь я даже готова признать, что ты и правда талантливый и непонятый, а не ленивый и самовлюблённый...

— Ну спасибо, — рассмеялся хиддр. — Первое доброе слово лет за пять, и то ты подпортила эффект!

Бельфегор, аккуратно обойдя их, сел на кровать с другой стороны от Адамаса — мать его уже отпустила и лишь молча смотрела на лицо сына неподвижными глазами.

— Поздравляю, — улыбнулся Бельфегор другу. — Будь я тобой, воспринял бы это как награду за главное прозрение в своей жизни... произошедшее куда раньше, чем установка этих имплантов.

— Как ты угадал? — усмехнулся Адамас, поворачивая в его сторону не только голову, но и чуть отблёскивающие глазки видеокамер. — Именно так я и думаю... Вэлиант, так найдёшь мне зеркало, я же сейчас умру от нетерпения, и вся ваша работа насмарку!

— Прости, твоя сестра меня отвлекла, — Вэлиант, уже освободившийся от объятий Миа, устроившейся рядом с мамой, покаянно улыбнулся. — Да и после такого недосыпа я вне работы почти не соображаю. Сейчас схожу к медсёстрам.

Как только дверь за ним закрылась, Адамас кивнул в сторону уже горячо спорящих Алана и Салли.

— По общим данным, эту неделю я безвылазно здесь, потом полдня меня будет дома исследовать Вэлиант — сказал, хочет совместить приятное с полезным и написать по мне свой дипломный проект... В общем, тебе больше нет нужды тратить на меня весь свой день, Вэл. Но я был бы очень признателен, если бы ты хоть иногда заходил.

— Ты правда считаешь, что я так скоро от вас съеду и оставлю тебя Вэлианту? — хмыкнул Бельфегор. — Нет, если откровенно прогоните, то, конечно...

— Ты ведь уже не вернёшься на войну? — взволнованно спросила Леда, и хорон пожал плечами.

— А чёрт его знает, я всё ещё не в курсе, зачем и почему меня с неё выслали, так что в любой момент отцу может взбрести в голову и моё возвращение. Но вот почаще появляться на службе я был бы не прочь. Там давно пора кое-кому подпалить хвост.

— Жить можешь всё так же у нас, — улыбнулась хорони, а Миа, громко и демонстративно вздохнув, отвернулась. — Хотя бы пока не кончится война и твои все не вернутся либо тебя не... не позовут.

— Спасибо, я с удовольствием. К тому же кто-то должен подготовить Адамаса к вступительным экзаменам в Академию. Адамас, как тебе перспектива наверстать упущенное за восемь лет в течение полугода?

— А то у меня есть выбор, учитель, — рассмеялся хорон.

— Значит, полдня будешь с Вэлиантом, полдня со мной. Как взоешь, устроим тебе выходные, часа на два, — хлопнул его по плечу веселящийся Бельфегор, и тут дверь в палату отворилась, являя вернувшихся Кита и Киллиана с фужерами и двумя бутылками шампанского.

— Прости, тебе не наливаем, — сразу извинился Кит, проходя первым и призывно звеня хрусталём. — Наркоз, сам понимаешь. Господа, дамы, подходим праздновать!

С новыми глазами Адамас ужился быстро, хотя первую неделю голова нет-нет да вспыхивала болью без явных причин — наблюдавшие его в это время Алан с Салли признали, что дело явно в установленных на коре чипах-преобразователях, и ещё дважды устраивали ему вскрытие, чтобы добиться верного их сообщения с мозгом. Тогда же была настроена и фокусировка, без которой оказалось невероятно сложно правильно обрабатывать увиденное даже на сознательном уровне. Удивительно, но самым тяжёлым стало привыкнуть именно к новому, более чем стопроцентному зрению: Адамасу постоянно казалось, что окружающая его реальность не более чем фильм или яркий осознанный сон, но упорства ему в борьбе с самим собой было не занимать. Домой он вернулся уже без явных проблем в обращении с имплантами и сразу был взят в оборот изнывающим по экспериментам Вэлиантом.

Дни для них троих стали пролетать на крейсерской скорости. После участия в тестах и опросах неистощимого на фантазию друга-хиддра, плотно окопавшегося со всеми приборами в специально выделенной ему Ледой комнате, Адамас, едва успевая вдохнуть воздуха, уходил к возвращающемуся после обеда Бельфегору — и тот гонял его по всему, чему только мог. В нём опять возродился талантливый руководитель и строгий педагог, так что от обоих друзей долгое время не было совершенно никакого спасения. Впрочем, Адамас и не возражал: он слишком много упустил за время своего отрицания собственной судьбы и жаждал как можно скорее восстановить утерянное.

Война, конечно, продолжала его интересовать, и вечерами, когда выдохшийся Вэлиант заваливался спать (занятия в Академии у него после Нового года кончились, и он работал лишь над дипломом), Адамас неизменно спрашивал Бельфегора о новостях с фронта. Ничего утешительного тот рассказать не мог: из месяца в месяц Азата пытались теснить всё ближе к центру Севера, отрезать от снабжения с Пикора на Северо-Западном побережье, так как перехватывать корабли в океане было себе дороже ввиду специфических отношений с Пикором, совершить хоть какой-то перелом, но всё было тщетно. Север окончательно перешёл на полное самообеспечение, оставив в городах приличное количество мирных жителей и слишком хорошо настроив ПРО, чтобы можно было без особых потерь уничтожить хотя бы основные центры на враждебной территории. Тем не менее лидеры готовили большой поход со всех сторон начиная с центра границы — для его осуществления всего-то требовалась слаженная работа всех ключевых приграничных ставок. И хотя Брутуса больше никто не видел и иных диверсантов Азат вроде не подсылал, именно единения всё так же недоставало в этих самых ставках, поровну управляемых ГШР и МД. Ждали выпуска связующего отряда с базы в Шалкаре — и Адамас всё чаще поглядывал на календарь, на котором никак не желал наступать июнь.

В самом МД, по рассказам Бельфегора, тоже было не всё ладно, и он из кожи вон лез, чтобы указать некоторым особо зарвавшимся агентам их место. Вместе с Адамасом они решили допустить тот факт, что одной из главных причин возвращения Бельфегора в Канари было именно желание Аспитиса иметь в столичной ставке доверенного и достаточно авторитетного человека для наведения там порядка, хотя Мессия и не признавал, что Марк способен так откровенно подсиживать его. Бельфегор регулярно отправлял ему и Цезарю донесения об атмосфере в ставке и растущем неприятии чересчур затянувшейся войны, но в

ответ получал лишь сухие отписки в духе «Продолжай наблюдение». Доверять в ставке было почти что некому: вся гвардия, за исключением совсем молодых кадров, также пребывала на войне, и Бельфегор, не в силах достать веские доказательства измены главного секретаря Мессии, лишь бессильно скрежетал зубами и тоже не мог дождаться июня и того, что должны были привнести в ключевые штабы воспитанники Дилайлы и Табиты, уже получившие официальное наименование отряда — Посланники доброй воли.

Наконец, когда Вэлиант закончил основные эксперименты и с головой ушёл в суммирование данных на бумаге, Бельфегор почти примирился с собственным бессилием, а Адамас с удивлением осознал, что с его помощью и вправду стал походить на будущего студента, пришёл июнь. Со второй его половины начинались вступительные в Академию, и, готовясь к ним, Адамас каждый день спрашивал приезжавшего со службы Бельфегора, как обстоят дела в связи со вступлением в должность Посланников. Поразительно, но известия были лишь хорошие, а ведь они оба были уверены, что кто-нибудь да попытается помешать их успешному внедрению. Наблюдатели сообщали, что ключевые ставки постепенно самоорганизуются, всё шло к тому, что совсем скоро Рэксом и Аспитисом будет предпринят тот самый большой поход, в результате которого Азат будет если не побеждён, то хотя бы обескровлен, и у Адамаса немного отлегло от сердца.

Экзамены в Академию дались ему неожиданно легко, и, сдав последний на один из высших баллов (а мог бы быть и лучшим, как отец в своё время, если бы не профилонил столько лет), Адамас не сомневался, что будет зачислен. Сразу после экзамена — ещё было два часа до обеда — он уехал отмечать к Эдмону, чтобы не маячить перед глазами у остервенело подсчитывающего последние цифры в дипломе Вэлианта. Но не успели они выпить по первому бокалу слабоалкогольного шампанского, как на пороге комнаты появился сумрачный Бельфегор, судя по форме, сразу со службы.

— Ты пришёл поругаться, почему мы не пригласили тебя на этот маленький сабантуй, или что-то случилось? — осторожно спросил Адамас.

— Мне теперь не до сабантуев, ни больших, ни маленьких, — отозвался хорон, проходя в комнату и садясь в кресло. — Два дурдома за три дня. И в связи с этим новость: через несколько часов я отправляюсь на Север.

— Ого, — присвистнул Эдмон, отставляя бокал. — Что там такого произошло?

— Много интересного. Во-первых, позавчера взлетела на воздух одна из ключевых объединённых ставок, выживших нет. Среди погибших — два Посланника и хорошо знакомый тебе, Адамас, Эрих Мариавель, — после этих слов Адамас тоже убрал с глаз долой шампанское. — Во-вторых, сегодня было совершено нападение на другую ставку — и всего-то одним, так и не пойманным диверсантом. Убиты начальник ставки со стороны МД и отвечающий за него же Посланник. А также, — Бельфегор пристально посмотрел на внимательно слушавшего его друга, — тяжело ранен Посланник от ГШР, Беккер Златовский. Поскольку в организации диверсии подозревается командующий ставки от ГШР, а Посланник не имеет возможности высказаться в его защиту, среди солдат Мессии вот-вот вспыхнет бунт. Это — одна из важнейших наших ставок, горная, южная оконечность Гадюки, неприступный — раньше — форпост, удерживающий именно там особо зубастые войска «Аркана» от полного захвата побережья. Если там начнётся бардак, сами понимаете... Поэтому мне поручили занять место управленца от МД и установить дисциплину.

— Можешь рассказать подробнее? — поскольку Адамас толком уже не мог

нахмуриться, за эти месяцы он научился выражать озабоченность голосом. Бельфегор сплёл пальцы в замок и, странно ухмыляясь, заговорил:

— Тёмная там история. Уже лет как десять эта ставка, Родана, управляется одним человеком — изначально она принадлежала только Мессии, и он отрядил туда одного из самых суровых своих агентов. Люк Кейтода, сормах, в этом году ему исполнилось бы пятьдесят шесть лет. Пограничники у него всегда по струнке ходили, возражений он не слушал, перечить не позволял, но был справедлив, так что подчинённые его хоть и боялись, но и уважали одновременно. С началом войны ставка стала объединённой, к нему прислали гэшээрвца — и тут-то и начался цирк. До этого момента Люк выжил троих начальников, причём непонятно, то ли это они не смогли найти с ним общий язык, то ли он просто не способен терпеть Генштаб. С последним, Миланом Фортоем, у них отношения не сложились особо — Люк даже составил на него совсем недавно жалобу в высшие инстанции о непочтительном отношении и стремлении к перевесу на стороне Генштаба. И это, кстати, всё на фоне уже работающих с ними Посланников. Последнее донесение от Беккера было, что между Люком и его коллегой вроде как налажен диалог, хотя Милана в результате жалобы не глядя понизили на уровень и в припадке злости он много ласкового наговорил оппоненту. Собственно, некоторые его слова, а именно: «Почаще теперь оглядывайся, Кейтода!» — и расценивают теперь как доказательство его участия в диверсии. Буквально на следующий день во время проводившихся переговоров между двумя командующими и присутствовавшими при них Посланниками к ним ворвался неопознаваемый солдат и в упор из автомата расстрелял Люка, Посланницу Дайану, обоих секретарей, то ли случайно, то ли специально лишь зацепил успевшего спрятаться Беккера и исчез через окно. В общем, поеду разбираться. Фортой сейчас под стражей, Беккер в больнице, так что Родана осталась без управления.

— Можно с тобой? — без особой надежды спросил Адамас, и Бельфегор, конечно, отрицательно качнул головой.

— Ты уже навоевался, учишь, студент... Кстати, по какому поводу-то сабантуй?

— Общий балл за три экзамена — 298, - ответил за кузена Эдмон. — Без сомнений, он поступил.

— Мои поздравления, — улыбнулся Бельфегор и встал. — Тогда я поехал. Спишемся ещё, Адамас.

— Удачи, Бельфегор, — искренне пожелал ему тот и, проследив, как он стремительно выходит из комнаты, перевёл неподвижный взгляд на Эдмона.

— Ты ведь собираешься ехать? — угадал тот.

— Если ты мне кое в чём поможешь, — кивнул Адамас.

— Это без вопросов. А глаза как спрячешь?

— Что мне, зря очки подарили? На улице же не шарахаются, — хорон извлёк из кармана специально созданные для него Вэлиантом и Киллианом плотно прижимающиеся к глазам совершенно непрозрачные внешне очки, держащиеся на ушах не только за счёт дужек, но и магнитных креплений к пластинам в голове, и надел их. — В них я гораздо больше похож на человека.

— А если ещё и смастерить такой приказ, чтобы не задавали лишних вопросов, вообще будет замечательно, — задумчиво кивнул Эдмон и немедленно зажёгся воодушевлением. — Что ж, включаем мозги, брат!

Необходимый приказ о назначении агента II уровня Орсона Капитанова в упомянутую

Бельфегором ставку за подписью Рэкса Страхова Эдмон составил в два счёта — Адамасу только и осталось, что подивиться, как легко он перенял канцелярский стиль Рафаэля, от которого в обычное время и рассылались подобные приказы. Расписывался за отца он сам: его подпись хорон умел подделывать с девяти лет, когда начал частенько прогуливать школу и придумывал для себя объяснительные. Поскольку у состоящего на хорошем счёту у Домино Эдмона был доступ в архивы, фальшивый приказ получил настоящий номер и не должен был вызвать вопросов ни у пограничника при въезде на Север, ни у дежурного на КПП Роданы. Чтобы уж совсем было не подкопаться, в приказ Эдмон внёс и номер личного автомобиля кузена, на котором тот в ближайшее же время отправлялся в путь — ну а права на вождение Адамас получил ещё в прошлом году, как только перешёл шестнадцатилетний рубеж. Если удача не отвернётся от него, афера должна была прокатиться.

Для мамы Адамас пока якобы оставался с ночёвкой у Эдмона (машина — чтобы покататься по городу), в дальнейшем — его так или иначе вычислят на Севере и, скорее всего, отправят домой под конвоем. Но к этому времени он успеет пообщаться с Беккером. Собственно, по большей части ради этого Адамас и рвался туда: ему казались странными эти последовательные нападения на Посланников, когда прежде на Севере было относительно тихо, к тому же конкретно ему Беккер мог рассказать о диверсантах что-то такое, что не поймут не проживавшие на базе, и он вдруг может оказаться полезным.

Быстро собрав всё могущее пригодиться ему в дороге, перенастроив единственный ИД-чип так, чтобы и там значилось, что он Орсон Капитанов, и выслушав все приличествующие случаю наставления Эдмона, вывалившего на него, кажется, чуть ли не весь свой педагогический потенциал, Адамас последний раз пригладил волосы, чтобы меньше в глаза посторонним бросались его пластины над ушами, закрепил очки (примерно ещё плюс пять к возрасту — а меньше двадцати ему никто и не давал) и поехал от дома Эдмона к главному шоссе, ведущему на северо-запад.

У границы он был к вечеру — единственная невоенная машина на пропускном пункте. Молодой пограничник, уважительно принявший из его рук приказ (Адамас очень старался держаться как выдавший жизнь агент высокого уровня), пропал с ним где-то минут пятнадцать, но по возвращении лишь отдал честь и пропустил на территорию Севера. С облегчением выдохнув, Адамас двинулся вперёд, к Родане, постоянно сверяясь с навигатором. Теперь, преодолев первый рубеж, он волновался только по двум поводам: отследят ли фальшивый приказ до того, как он достигнет ставки, и кто первый появится там — он или Бельфегор?

От выбранного Адамасом пограничного пункта ставка располагалась не так уж далеко — только-только успела опуститься темнота, как он остановился на нужном КПП и, так и не дождавшись появления дежурного, просигналил. Спустя полминуты из окошка высунулся хмурый солдат-сильвис в форме МД.

— Чего надо? — резко спросил он, внимательно оглядывая машину и уже покинувшего её Адамаса, за время пути успевшего переодеться в позаимствованную из шкафа Рейна обычную гэшээровскую форму. Хорон чуть приподнял подбородок и с сарказмом отозвался:

— Сам как думаешь?

— Заявлений о новых солдатах не поступало. Все вопросы завтра утром к старшему, — сильвис замолк, к чему-то прислушиваясь, и помрачнел ещё больше. — А лучше вали отсюда подобру-поздорову.

— А если я к старшему? Совсем разболтались, — подошедший к нему близко Адамас

чуть ли не под нос сунул свой приказ. — Читай, что написано, солдат? Будем ждать старшего или так меняпустишь, без свидетелей?

— Нам тут уже всыпали по первое число за то, что кое-кто пробрался без свидетелей... — дежурный вчитался в строчки и сморщил нос. — Ладно, проезжай. Парковка справа. Подожди, дай номер пробью.

В отличие от первого пограничника этот возился всего пять минут. Получив обратно свой приказ, а вместе с ним и пропуск по территории и подробно расспросив неприветливого сильвиса, где что в этом военном городке, Адамас отправился ставить машину, чтобы сразу после этого поспешить к недалеко расположенной больнице.

Здесь всё стояло рядом с друг с другом — так, двигаясь в сторону небольшого трёхэтажного здания больницы, Адамас прошёл мимо главного штаба, о чём свидетельствовали стоящие навтытяжку у его дверей двое солдат с автоматами. Окна в штабе, занимавшем длинную, в два этажа кирпичную постройку, из-за летней степной духоты были нараспашку, и из одного хорон услышал знакомый голос: уже прибывший Бельфегор распекал кого-то последними словами. Он даже притормозил, прислушиваясь: с трудом верилось, что всегда сдержанный при нём, холодный, цедящий слоги Бельфегор способен так на кого-то орать. Наверное, для военных и низших подчинённых у сына Аспитиса имелся свой тон (и вокабуляр, по большей части состоящий из нецензурщины), призванный вгонять их в ужас, — и он успешно пользовался этим, когда было нужно. Не повезёт, так и по другу тем же утюгом пройдётся...

Поёжившись, Адамас торопливо ступил в холл больницы, сразу отыскивая взглядом уставшую медсестру за приёмной стойкой.

— Здравствуйте, — с улыбкой поздоровался он, держась максимально непринуждённо. — Как мне найти Беккера Златовского?

— Второй этаж, двадцать пятая палата, — медсестра, явно невыспавшаяся аурисса, кивнула в сторону лестницы справа позади себя. — Лифт только грузовой. Пациент в тяжёлом состоянии, вы хотите переговорить с его врачом?

— Нет, вообще-то с ним. Приказ руководства.

— Ну попробуйте. Если что, его врач сейчас в столовой, я сообщу, что вы на визите. Имя?

Адамас назвал, расписался первой же придуманной закорючкой в регистрационной книге и, поблагодарив, пошёл к лестнице. Плана на тот случай, если Беккер окажется без сознания, у него не было, но пока ему везло и надо было этим пользоваться.

Как минимум половина палат на втором этаже оказались пустыми, с открытыми дверьми, как и расположенная у самой лестницы ординаторская. Очевидно, покойный Люк Кейтода и правда неплохо держал свою границу, раз к ним почти не поступало раненых — или хотя бы тяжелораненых, как Беккер. Найдя нужный номер, Адамас осторожно отворил дверь и сразу увидел лежащего на койке подключённого к капельнице и нескольким уже знакомым хорону по их прошлой встрече приборам рейтера — совершенно одного в четырёхместной палате.

Подойдя ближе, Адамас мягко потряс бывшего однокашника за здоровое левое плечо — через правое у него шла бинтовая повязка от туго перетянутой груди. Беккер почти тут же открыл глаза и, с полминуты недоверчиво поизучав Адамаса взглядом, закрыл их обратно.

— Вот и галлюцинации от наркоза, — удовлетворённо проговорил он, и Адамас усмехнулся.

— Если бы, Беккер.

— Да какие реальные. Раньше глюки со мной не разговаривали, — приоткрыв один глаз, рейтер насмешливо уставился им на хорона. — А летать умеешь?

— Летать нет. Могу попробовать выпустить лазерные лучи, — Адамас снял очки, демонстрируя свои импланты, и Беккер расширил уже оба глаза в ужасе. — Правда, тут всё уже зависит от твоего воображения.

— Такого мне даже в кошмарах не являлось, — рейтер осторожно коснулся его руки и тут же отдернул пальцы. — Так ты настоящий?! И эти шуки — тоже?

— В нашу прошлую встречу я обещал заехать через две недели... Прости, чуток подзадержался, — виновато проговорил Адамас, надевая очки обратно. — Как ты?

— Живой — и слава ангелам, — хмыкнул Беккер. — Так тебе вернули глаза?

— В каком-то смысле. Это — лучше, чем живые, только вот смотрится жутковато... Слушай, я тут совершенно незаконным путём и, как только до Бельфегора дойдёт с КПП приказ о новом солдате, он пойдёт его искать. А потом мне оторвут голову. Пока я ещё способен слушать, расскажешь, что с тобой и остальными случилось?

— Тебе с начала конфликта или с середины?

— Мне интересен сам диверсант. И твоё мнение — ты наблюдательный.

— Эх, а я-то думал, повидаться приехал... — закатил глаза Беккер и немедленно закашлялся. Придерживая его, краем слуха Адамас уловил где-то внизу грохот взрыва. Поперхнувшийся собственным кашлем рейтер замер, напрягаясь: в наступившей в их палате тишине уже отчётливо различались идущие снизу истошные крики, неясный шум и стрёкот автоматных очередей.

— Думаю, это за тобой, — отрывисто проговорил Адамас, оглядываясь. — Спрячься пока за приборы, я попробую что-нибудь сделать.

Быстро освободив рейтера от капельницы и проводов приборов мониторинга, Адамас чуть отодвинул от стены аппаратуру и кивнул на образовавшееся пространство. Как только подчинившийся Беккер оказался там, хорон вылетел из палаты, притворяя за собой дверь, и, мельком осмотревшись, в два прыжка достиг ординаторской, из которой открывался отличный вид на расположенную напротив палату рейтера. Схватив первый попавшийся под руку тяжёлый металлический предмет (явно какой-то прибор, потому как сверху была приклеена записка со словом «нерабочий»), Адамас выглянул в коридор: судя по приближающемуся шуму, захватчики шли с другой лестницы и вот-вот должны были в нём появиться.

Расчёт оказался верным: не прошло и минуты, как с лестницы в отделение влетел высокий и широкий в плечах солдат с закрытым маской лицом — было видно лишь небольшие глаза и губы, — автоматом наперевес и в уже знакомой Адамасу северной форме МД. Пальнув в воздух, он с ноги распахнул первую же палату, направляя внутрь ствол.

— Хватит всё вешать на МД! — безумно расхохотался он, начиная стрелять по полукругу. В палате закричали, но, как только очередь стихла, а явно двинувшийся рассудком солдат от МД зашагал дальше, Адамас понял, что внизу больше не слышится ни единого свидетельства присутствия напавших на больницу. Что же, он пришёл один?

Во второй раз расстреляв уже пустую палату, солдат наконец добрался до Беккера. От его удара дверь чуть не слетела с петель, однако очереди не последовало — на первый взгляд палата казалась пустой. Пользуясь замешательством врага, Адамас подскочил к нему сзади и изо всех сил обрушил на голову одолженный у врачей под десяток килограмм весящий

прибор. Солдат с резким выдохом закачался, выпуская автомат, хватаясь за голову и одновременно пытаясь развернуться. Оружием хорон завладел как раз в ту секунду, когда взгляд нападавшего опять стал осмысленным — рывком довершив разворот, он с рычанием ударил Адамаса в живот, выбивая его в коридор вместе с автоматом.

Хорон долетел до самой стены, так что к дикой боли в животе прибавилась ещё и повторная потеря дыхания, чуть не стоившая ему сознания. Он сполз по стене на пол — чтобы подошедший к нему чужой солдат схватил его за ворот футболки и приблизил его голову к самому своему лицу.

— Это что, очки? — глумливо поинтересовался он. — Больничные лампы глазки режут? Дай-ка проверим!

Он ткнул основанием ладони Адамаса в переносицу — хорон почувствовал, как у него хрустят позвонки на шее, когда голова с силой откинулась назад — а уж очки и вовсе слетели на пол несмотря на хвалёные магнитные крепления. Но продолжения не последовало; повернув обратно лицо, Адамас увидел, как ошарашенный солдат хватается ртом воздух.

— Это что ещё за чёрт?..

— Пришёл по твою душу, предатель, — улыбнулся ему Адамас, чувствуя, как кровь из носа заливает нижнюю половину его лица, и, отпущенный, рухнул на пол. Всё ещё буравящий его взглядом захватчик резко повернулся в ту сторону, откуда пришёл, — посмотрев туда же, Адамас увидел, как с лестницы в коридор ломятся военные в полной амуниции — их ведущий уже вскинул автомат.

В два быстрых шага противник Адамаса скрылся в ближайшей к ним обоим палате, и через секунду послышался звон разбиваемого стекла. Военные прогрохотали мимо Адамаса к той же комнате, потоптались там, потом, судя по звукам, выломали окно и бросились следом. Кто-то остался в палате — именно он отдал по радиации отрывистые приказания прочесать всю территорию, а затем вышел к Адамасу.

Хорон, борющийся с тошнотой, как раз поднимал по счастливой случайности не раздавленные ничьими сапогами очки. Когда он вскинул на командира отряда голову, тот, уже стащивший шлем и оказавшийся почти наголо бритым терасом лет тридцати пяти, рассматривал Адамаса с усмешкой.

— Кого это нелёгкая принесла... И что вы здесь забыли, господин Страхов? — он протянул Адамасу руку, и тот, с благодарностью улыбнувшись, поднялся с её помощью.

— К другу приехал, — разъяснил он, надевая очки. С обеих лестниц уже кто-то бежал — и Адамас был готов поклясться, что один из спешащих сюда точно Бельфегор.

— К какому из? — ухмыльнулся терас. К ним справа вынырнули сразу трое врачей, и он указал им на палату Беккера и ту, единственную, что разворотил очередью нападавший. Слева в коридоре появился запыхавшийся, безумно вращающий глазами Бельфегор — при виде Адамаса он встал как вкопанный, и хорон, заискивающе улыбаясь, помахал ему рукой.

— Какого... что ты тут делаешь?! — выдохнул Бельфегор и без перехода спросил у тераса: — А ты с какого момента в ставке?

— Чуть раньше тебя приехал, помочь навести порядок, — терас перебросил автомат на одно плечо. — Не успел заявить о себе: ты так хорошо всех распекал, грех было вмешиваться. Вообще я приехал обсудить с тобой кандидатуру нового ставленника от ГШР, но, кажется, теперь у нас образовалась ещё одна проблема...

Адамас почувствовал себя неудобно — слишком уж недобро смотрели на него и

Бельфегор, и этот незнакомый, но явно очень высокого чина терас. Сын Аспитиса первым взял себя в руки.

— С какой конкретно целью ты тут, Адамас?

— Просто хотел поговорить с Беккером, — пожал плечами тот.

— Тогда иди разговаривай. Заодно скажешь, чтобы тебе ссадину обработали. А потом подходи к главному штабу: будем решать, что с тобой делать.

— Какой-то ты добрый, — сощурился терас.

— Это просчёт вашей системы, что он смог миновать границу, — отрезал Бельфегор. — Я отправлю запрос, если там ещё кто не очухался. А у нас сейчас куча других дел.

— Однозначно. Не вздумай потеряться по пути, Адамас! — терас погрозил хорону пальцем и вслед за Бельфегором ушёл на левую лестницу. Порадовавшись, что пока гроза миновала, Адамас поторопился к Беккеру.

Уложивший обратно рейтера врач уже собирался уходить, но, увидев хорона с содранной на переносице под очками кожей, затормозил на пороге. Кровь из носа у Адамаса успела остановиться, но врач всё равно внимательно осмотрел его и покинул палату, лишь убедившись, что больше травм на случайном пациенте нет. Адамас присел на стул у кровати Беккера и с шумом выдохнул.

— Всё-таки ты в рубашке родился, — заметил он, и рейтер заулыбался.

— А то. Тогда тоже всех родных перестреляли, а до меня даже шальная не долетела... Что сейчас произошло, знаешь?

— Пока нет. Но, если учесть, что совсем скоро меня ожидает увлекательный разговор с Бельфегором, может, и узнаю. Если, конечно, с мешком на голове бандеролью сразу домой не отправят.

— Думаешь, могут? — усомнился Беккер. — В конце концов, ты мне жизнь спас.

— Полгода назад я тебя чуть не убил. Это просто восстановление вселенской справедливости.

— Ты ещё детский сад вспомни! Кстати, знаешь, что интересно? — рейтер задумчиво цокнул языком. — Этот мститель за МД ну очень похож на того, кто расстрелял главный штаб.

Адамас напрягся.

— Почему ты так думаешь?

— Слушай, ты же сам сказал, что я наблюдательный, не буду спорить. Я их обоих видел недолго, но фигура, комплекция, да и голос. К тому же какой смысл тому диверсанту возвращаться за моей головой? Кого надо, тех убил, а Посланник...

— Да, очень похоже на подставу, — согласился хорон. — Только теперь МД, а не ГШР.

— Мне почему-то кажется, что кто-то решил обустроить дело так, будто от Посланников нет никакого толку. Или просто нас извести — а попутно опять всех перессорить. Я успел заметить лицо Милана, когда началась эта канонада, — он явно ничего не понимал. А уж поверь мне, интриганом он никогда не выглядел, — Беккер опять закашлялся, и Адамас придержал его за плечи.

— Ты отдыхай, — сказал он и встал. — Я старшим передам твои догадки. Рад был повидаться, Беккер.

— И я рад, что мы смогли... повидаться, — подмигнул ему рейтер. Махнув ему на прощание рукой, Адамас покинул палату.

Приёмная больницы представляла собой жалкое зрелище — следы очередей виднелись

здесь буквально повсюду. Прощмыгнув мимо осматривающих стены и коридоры солдат и дважды показав свой пропуск, Адамас вышел из больницы и под ярким светом оранжевых фонарей поспешил к главному штабу. Патрули всё ещё рыскали во всеобозримом пространстве, но на территории штабного здания Адамаса встретили двое из четырёх часовых, и в его сторону больше не косились. Под молчаливым конвоем хорон добрался до комнаты командующего ставки и сел на стул в приёмной ожидать, как сказали ему солдаты, вызова.

Почти ровно через десять минут дверь отворилась, и появившийся на пороге военный-терас из больницы поманил Адамаса внутрь. Бельфегор стоял у широкого стола и рассматривал какой-то листок.

— Ювелирная работа, — поприветствовал он Адамаса, махнув листком. — Рафаэль сказал, что сам бы не отличил от собственных приказов. Эдмон постарался?

— Ну не я же, — усмехнулся хорон.

— Если бы там, — Бельфегор ткнул пальцем в потолок, — не проверяли на соответствие электронных копий бумажным оригиналам в том числе и личные приказы Рэкса Страхова, долго бы ты у нас по Северу бегал... Ты серьёзно приехал просто к Беккеру или ещё какие планы были?

— Пока просто к Беккеру. Кстати, он сказал мне, что, скорее всего, напавший на штаб и разнёсший больницу — один и тот же человек.

— Правда? — Бельфегор облокотился на стол и начал обмахиваться приказом как веером. — Интересно. Что ещё он сказал?

— А ты не хочешь сначала нас познакомить? — Адамас кивнул на закрывавшего собой дверь тераса. Хорон ухмыльнулся.

— Хочу. Чуть позже. Давай пока про Беккера.

— Он сказал, что он лично не считает Милана организатором этой диверсии. Всё произошедшее больше похоже на возродившееся стравливание ГШР и МД чужими руками.

— Управление склонялось скорее к тому, что всё подстроил Милан, — до нападения на больницу. На самом деле, ты очень вовремя появился, Адамас, не спаси ты Беккера, мы окончательно уверились бы в том, что это просто ставка такая гнилая. Никаких прямых доказательств того, что Милан своего коллегу не заказывал, нет, зато полно косвенных не в его пользу. По спискам Роданы как раз пропали два солдата: гэшэровец, вельк, и эмдэшник, хиддр. Однако, раз Беккер говорит, что пришедший по его душу убийца очень похож на того, кто расстрелял штаб, можно и вправду сделать вывод, что человек был один и тот же. Велька с хиддром не спутаешь при всём желании. Осталось только этих солдат найти — очевидно, уже их трупы, — и всё подтвердится. Засланный молодчик. Хорошо, что ты его спугнул.

— Но вы его не поймали?

— Он вёл себя как истинная крыса, — подал голос терас. — Пришёл в больницу из канализации, туда же и сиганул при побеге. Наверное, и в первое выступление использовал тот же приём. Теперь-то ему будет потруднее, всем ставкам разослали предупреждение.

— Ну а со мной что решили? — Адамас выжидательно посмотрел на Бельфегора, и тот простёр руку в сторону тераса.

— Отныне все вопросы будешь задавать ему. Знакомься: Стиан Шшварцзее.

— Это и есть Стиан?! — не поверил хорон. — То есть бывший наш повар? Вот это была маскировка!

— Спасибо, стараюсь, — неопределённо хмыкнул терас и посмотрел на Адамаса крайне

неприязненно. — Твой отец решил, что ты поступаешь в моё распоряжение. Я иду на охоту за диверсантом, а в условиях всеобщего недоверия слово сына Главнокомандующего может дорогого стоить. Рэкс, очевидно, посчитал, что бороться с тобой бесполезно, и назначил меня твоей военной нянькой. Не было печали...

— Я не такой уж плохой, — искренне возмутился Адамас. Бельфегор обошёл стол и, в два движения развернув над ним огромную карту, махнул им обоим рукой.

— Идите сюда, будем думать, какая ставка пойдёт под нож следующей.

Покашливанием пропустив вперёд Стиана и заслужив за это снисходительный взгляд, Адамас осознал, что поездка предстоит запоминающаяся.

Советовались Бельфегор и Стиан недолго: буквально спустя десять минут нового руководителя ставки со стороны МД спешно вызвали для решения очередных вопросов, и терас остался с внимательно слушавшим все их догадки Адамасом наедине. Увидев, как Стиан молча замер над картой и открытым ноутбуком с информацией, хорон осторожно подошёл к столу.

— Вы выбрали? — негромко поинтересовался он. Стиан указал на точку на южной границе, почти ровно посередине зигзагообразной линии, протянувшейся от основания Гадюки до подошвы Дракона.

— Всё-таки остановимся на этой, — объяснил он. — Абруд. Через два дня из него начнётся движение вместе с тяжёлой техникой в центр Севера — если все будут действовать по инструкции, Азат будет отсечён от двух важных городов, — он по очереди ткнул ещё в две точки, помеченные жёлтыми флажками. — А как только он потеряет их, ему и всё по соседству отдать придётся. Техника уже на подходе к ставке. Плюс прибывают солдаты, почти все молодые и буйные, к тому же мало знакомые друг с другом. Диверсанту окажется легко их зажечь.

— Вы считаете, этот диверсант в первую очередь пытается переломить ход войны?

— Ну как сказать, — Стиан заложил руки за спину и задумчиво уставился в потолок. — Даже взлети на воздух эта ставка, в которой мы с тобой, плюс та, куда мы поедем, сил у союза ещё много. И даже по отдельности, хотя бы договорившись не нападать друг на друга, ГШР и МД сделают Азата. Медленнее, но сделают.

— То есть всё-таки просто стравливание? — уточнил Адамас. — Помнится, Хас говорил мне, что в стане МД может быть кто-то не желающий настоящего объединения. Больше шансов, что это его диверсант или Азата?

— Пока доводов хватает в пользу обеих версий. Разве что несколько напрягает лёгкость, с которой диверсант пробирается в ставки, — и подробности, которые он знает. С той, подорванной, ставкой тоже было не всё гладко. Хотя и у Азата всегда имелось достаточно соглядатаев. Вечная проблема большого контингента и расплывчивости идеологии.

— Это просто человеческая природа, — пожал плечами Адамас. — Каждый выбирает, что ему ближе и дороже. Кто-то готов пожертвовать всем ради чего-то высокого, а кто-то нет.

— Нечего тогда соваться в опасные места, раз ты не готов, — скривил губы в улыбке Стиан. — Что ж, прежде чем ты пойдёшь спать, а я искать Бельфегора, сообщу тебе ещё кое-что важное об Абруде. Из Посланников там — твоя бывшая знакомая Сати. И её молодой человек Петер.

— Вот как? — Адамасу очень хотелось изумлённо вскинуть брови, но это, к сожалению, более ему доступно не было, а голос скорее выразил вежливое удивление. — А Посланникам

разрешили работать по личным пристрастиям?

— Лишь двум парам, с очень особенными случаями. Сати и Петер с того момента, как сошлись, представляли собой единое целое — их отправили в Абруд, потому что на тех буйных потоках, что там текут во все стороны, их невозможно будет посорить. Однако, если мы встретим там диверсанта, много что придётся пересмотреть...

— А вы позволите мне походить послушать настроения?

— Подумаем по приезде. Идём, ночевать будешь в моей машине, места там хватит.

Мысленно поразившись, какой у Стиана ровный, безэмоциональный голос — особенно в сравнении с фонтанировавшим энергией, постоянно разным Скоттом, — Адамас послушно последовал за новым командиром за пределы кабинета.

Глава 11. Человек без лица

Эту ночь Адамас спал беспокойно: слишком много в голове теснилось мыслей. Первые по важности касались отца: почему он, несмотря на все предыдущие промашки своего сына, вдруг назначил его на такое важное задание? Как и тогда, внедрив на базу Стиана и позволив Адамасу уйти с врагами, надеялся извлечь из этого выгоду? Или наконец решил дать ему искупить свои грехи? Или... проявить таланты? Эта фраза про «голос сына Главкомандующего» — неужели и в самом деле Адамас, если что, сможет кого-то за собой повести, успокоить лишь потому, что носит фамилию Страхов? Напугать-то точно сможет — стоит только снять очки, даже этот таинственный диверсант оторопел...

Потом — Стиан. Он явно не особо доволен очередным назначением в качестве «присматривателя» за семнадцатилетним, уже дважды проштрафившимся подростком. Да и, кажется, к самому Адамасу относится не очень-то хорошо. Одна надежда на его исполнительность — может, и даст ему обелиться, подчиняясь приказу вышестоящих. Забавно: ещё полгода назад Адамасу было бы абсолютно всё равно, что там о нём думает какой-то агент, пусть и приближенный к верхушке власти, пусть и несомненно талантливый. А сейчас он готов из кожи вон лезть, лишь бы Стиан начал нормально с ним разговаривать. Хотя бы как с подчинённым, а не преступником.

И, наконец, Сати. Он так надеялся больше никогда не попадаться ей на глаза — пусть и приходилось признавать, что эта девушка стала для него в каком-то роде занозой из-за так толком и не принятого извинения, — а теперь придётся буквально мешаться у неё под ногами. Невероятно, что она сумела так быстро отойти от случившегося — похоже, Миа неплохо постаралась. Как бы только появление Адамаса не вернуло всё обратно.

Или это всё-таки шанс наконец нормально извиниться?

Примерно в такой мешанине из предположений, желаний, воспоминаний Адамас и подремал те недолгие пять часов, что отпустил ему на сон Стиан, и проснулся от первого же шороха. Садящийся рядом на водительское место терас сунул ему в руки свёрток с одеждой.

— Иди переодевайся в нормальную форму, — велел он едва успевшему сфокусировать на нём взгляд Адамасу. — Где умывальни, видел? Как вернёшься, наскоро перекусим и поедем в Абруд.

— Думаете, мы не опоздаем?

— Не факт, что мы вообще предположили правильно. Вверх по Гадюке ему, конечно, идти некуда, но и в Абруд необязательно. Вдруг побоится светиться — после такого-то провала — да и вообще откажется от следующих диверсий, — Стиан хмыкнул. — Что терять время на пустые разговоры, приедем, увидим. И ты не залипай, соня.

Проглотив это снисходительное обращение, Адамас поторопился к умывальным.

До ставки Абруд оказалось ехать около четырёх часов. По пути Стиан всё с кем-то созванивался: то с одним солдатом, то с другим, не называя ни имён, ни званий, — только голос неуловимо менялся. Он прощупывал обстановку в ставке, но пока там вроде было относительно спокойно. Когда, по его словам, им осталось меньше получаса дороги, терас наконец обратил внимание на всё это время молчавшего и смиренно изучавшего окрестности Адамаса, который внутренне поражался своему новообретённому (или возвращённому?) терпению.

— Что ж, ты как в воду глядел, — одним углом губ усмехнулся Стиан, и Адамас повернул к нему голову. — Первым мы засылаем туда тебя. Пока ничего подозрительного в ставке не происходило, а нападать с автоматом на полную оружия и часовых базу диверсант, конечно, не станет. Скорее будет провокация. Я договорился: тебе сделали приказ и дистанционно поменяли кодировку на чипе, войдёшь туда как один из проверяющих. К полудню прибудет большая партия оружия, пройдёшься по складам, по запасникам, да хоть по казармам — никто и слова не скажет. Будешь слушать, как ты выразился, настроения. Я бы сам пошёл, но я тяну на контролёра, при мне дышать будут бояться, а на маскировку ни средств, ни смысла. Сможешь, если что, избежать ненужных нам подозрений?

— Когда люди не видят глаз, их гораздо проще ввести в заблуждение, — улыбнулся сдерживающий нахлынувшую радость Адамас. — К тому же на поведении «я тут мимо проходил» я уже собаку съел.

— Ты, главное, не снимай очков, а то собака вперёд ногами ползет, — кашлянул Стиан и, оставив на руле лишь одну руку, вторую раскрытой ладонью протянул хорону. — Забирай. Одно в ухо, второе — за воротник.

Адамас ещё не видел таких крохотных наушника и микрофона. Пока он осторожно прилаживал их на нужные места, Стиан разъяснил:

— Если что, просто касаешься на микрофоне кнопки — видел там? — и сообщаяешь мне всё, что считаешь важным. Или молчишь, а я слушаю и принимаю решение. Наушник можешь больше не трогать, он включается и выключается сам. Вопросы?

— Они не будут возражать, если я с глубокомысленным видом буду расхаживать по складам, ничего не спрашивая?

— Вот и проверишь, — чуть ли не по-настоящему улыбнулся терас. — Думал, легко работать агентом под прикрытием? Но, опять же, всегда можешь попросить меня о помощи. Я буду недалеко от базы.

— Я раньше думал, что быть обычным оперативником — мой потолок, — хмыкнул Адамас. — Отцовской способности к интригам мне не передалось. А тут вон что. Я очень постараюсь оправдать ваши общие ожидания.

— Я дам тебе планшетку. Любую неудобную фразу можно оборвать отчёркиванием чего-то в чек-листе.

На горизонте уже было видно стены Абруда и скопление военной техники с сопровождением у ворот. Адамас мысленно поздравил себя с первым серьёзным заданием и приготовился к высадке.

Стиан остановился прямо перед воротами, загородив дорогу высокому, с крытым брезентом кузовом грузовику. Пока терас и его водитель вяло переругивались, Адамас, надев на плечо выданную ему сумку, покинул машину и пошёл к КПП.

Приказ подействовал на дежурных магнетически — хорону даже не стали задавать лишних вопросов. Вежливо и холодно улыбнувшись выдавшему ему пропуск парню-кункану, явно не намного старше его самого, Адамас наконец оказался на базе. Она не имела ничего общего ни с их учебным лагерем на Драконе, ни со ставкой на Гадюке — разве что ворота и стена с пущенной по верху колючей проволокой были похожи. Здесь царствовала степь: на сухой по случаю лета земле были разбиты палатки новоприбывших и совсем рядом высились серокаменные одноэтажные постройки, некоторые — облицованные блестящими листами железа. Почти у каждой по машине. Простиралась база насколько хватало глаз, и, чтобы разглядеть, что в её конце, Адамасу пришлось применять редко используемую функцию

приближения в имплантах. Осмотревшись и убедившись, что он примерно понимает, где главное здание ставки, где в основном собираются мицевцы и гэшээровцы, а где эмдэшники — и где, самое главное, стоят оружейные склады, — Адамас решил наконец поиграть в ревизора. Он поймал за руку первого попавшегося солдата и сурово спросил дорогу к основному складу. Просмотревший его приказ мицевец, оказавшийся одним из офицеров, любопытствовал, не хочет ли господин проверяющий сначала представиться руководству — хотя бы его гэшээровской половине, потому как эмдэшная только-только отбыла до вечера, — и, получив в ответ сухое «Нет необходимости», указал на ту самую постройку, которую хорон и сам определил как свою первую цель. Как только мицевец пошёл дальше, Адамас коснулся кнопки микрофона и тихо сказал Стиану:

— В Абруде только главный от ГШР. Вы в курсе?

— Уже да, — отозвался в ухе терас. — МД буквально десять минут назад пришёл приказ, согласен, подозрительно. Слушай всё внимательно, Адамас.

Склад был уже в нескольких шагах, так что хорон отключил передатчик, представился постовому и шагнул в приятную прохладу ярко освещённого здания, до отказа забитого разными видами вооружений.

Имевшиеся охранники смотрели на Адамаса во все глаза — неудивительно, по фальшивке ему прописали в чине II уровень, почти высший чин, тем более что основное здание по большей части охраняли гэшээровцы. Из грязи в князи — отец умеет развлекаться. Для вида побродив среди комнат, стеллажей и бронированных дверей и как будто слегка недовольно поотчёркивав строчки в «чек-листе», Адамас так же молча покинул склад и к следующему пошёл между палаток и казарм, прислушиваясь к разговорам.

Однако ничего не предвещало. Солдаты готовились к выступлению, по очереди отправляясь на лекции, стрельбы и тренировки, знакомились с новыми соратниками, обсуждали недавние бои, состоявшиеся на севере Дракона: у Азата отобрали ещё десятки квадратных километров, и кто-то предлагал делать ставки, когда «великий вождь всего Севера» наконец сдастся. Они вроде неплохо ладили друг с другом — и в пределах одной организации, и за ними, — но минимум дважды за свои неторопливые проходы между складами помельче Адамас стал свидетелем резко вспыхнувших и почти сразу затухших стычек между солдатами двух сторон. Стиан был прав, здесь один косой взгляд мог легко развязать гражданскую войну в миниатюре. Особенно если учесть, что к Посланникам относились не так уж лояльно, как могло показаться на первый взгляд.

На четвёртом по счёту складе Адамас остановился в тёмном углу, за столбом, чтобы подумать: тут, по причине небольшого размера и малой важности, не было охранников и зависать можно было сколько угодно долго. То, как обычные солдаты отзывались о Сати и Петере, поразило хорона: им банально, по-человечески завидовали. Похоже, это была специфика чисто степной ставки — солдаты были вынуждены терпеть некоторые лишения, связанные с жарой и общей оторванностью от цивилизации (ближайшие города принадлежали Азату, и на много километров вокруг простиралась одна лишь сухая, выжженная степь), и потому поселенные рядом с руководством в комфорте Посланники, имевшие доступ почти ко всем возможным благам первее всех и при этом уступавшие всем по боевому опыту и возрасту, вызвали закономерное недовольство. Никто не роптал по-настоящему — в конце концов, они честно выполняли свои обязанности и за месяц пребывания здесь успели бескровно разрешить уже с полтора десятка конфликтов (а также совершить почти невозможное — примирить в прах разругавшихся руководителей ставки),

но кто помешал бы тому же диверсанту использовать именно эту зависть для разжигания розни? День сегодня был нервный, много новоприбывших, близость боя, да и ставленник МД куда-то отбыл...

Уже решив, что надо срочно сообщать всё Стиану и, вероятно, бежать разыскивать бывших однокашников, Адамас вдруг услышал, как открывается тяжёлая дверь склада. Замерев на своём месте, он осторожно повернул голову, чтобы увидеть вошедших, и обомлел: ими оказались Сати и Петер, высокий мускулистый вельк, которого с лагеря Адамас запомнил разве что тем, что он никогда не участвовал ни в каких конфликтах.

— Ну и зачем мы сюда? — вздохнула Сати. Адамас с удивлением осознал, что любит её: она обрезала свои длинные пушистые хвосты, сотворив на голове причёску почти точь-в-точь такую, как носила Миа, и очень шедшую ей, и своим нынешним образом совершенно не соотносилась с той девушкой, которую по лагерю запомнил хорон. В строгой тёмной форме с яркой белой полосой от ключицы до пояса, с белой же оторочкой, воротником-стойкой и эмблемой с левой стороны груди — аббревиатура ПДМ белыми буквами на голубом фоне — Сати казалась взрослее и значимее.

Правда, похоже, только для Адамаса: Петер явно было всё равно как минимум на чистоту её формы. Он аккуратно, но без всякого почтения оттеснил Сати к стене и, приобняв, заговорщицки улыбнулся.

— У нас ещё около часа до следующего совещания. Не хочешь провести их с пользой?

— А ты не хочешь начать разграничивать личную жизнь и работу? — парировала девушка. — Пропустим что-то важное, кто будет виноват?

— За всем не уследишь, Сати! Все с оружием сейчас носятся, Сандро сам нас отпустил. Что ты вечно такая серьёзная?

Сати несколько раздражённо закатила глаза, но Петера это уже не волновало: он начал целовать её в шею, охватывая ладонями бёдра, туго обтянутые брюками, и Адамасу очень захотелось отвернуться и зажать уши. Однако прежде, чем он на это решился, Сати попыталась убрать с себя руки велька — особенно ту, что уже перекочевала на грудь, — и он не стал поддаваться ни этому простому желанию, ни вдруг пахнувшему ревностью намерению избавить Сати от Петера силой.

— Я же просила: не надо, — тихо, но твёрдо проговорила она, и Петер чуть ослабил хватку.

— Сюда никто не зайдёт, я дверь закрыл. За двадцать минут управимся, — пообещал он и вкрадчиво добавил: — Ты вроде говорила, хочешь по-особенному...

— В первую очередь я говорила, что сама решу, когда и как! Тебе неймётся, что ли? Я же объясняла, почему... — голос Сати сорвался, она поджала губы, буравя велька сердитым и одновременно обиженным взглядом, и он отступил от неё на шаг, складывая на груди руки и вскидывая подбородок.

— Сколько можно ломаться, Сати? Я уже четыре месяца жду! Ну, ладно, три. Мы же пара! Или в этом плане я тебя не привлекаю?

— Тебе ещё раз сказать про личную жизнь и работу?..

— Наша работа личной жизни не мешает! Нас чуть ли не единственных отправили вдвоём, а ты мне от ворот поворот? До скольких в девках ходить собираешься?

— Я что-то не пойму, — в голосе Сати зазвучал тот самый металл, который Адамас слышал, когда она объясняла ему через дверь, что не примет его извинений. — Ты ради секса начал со мной встречаться? Или, может, из жалости? Типа, на порченую никто больше

и не взглянет, а я, такой насквозь герой, научу её любви? Когда свинтить собираешься — после первого секса или всё-таки второго?

— Что ты такое говоришь? — опешил Петер.

— Что есть! Подождать сложно? Сам знаешь, у меня с этим проблемы! Силой тут ничего не изменишь!

— Ну мы же не проверяли, — вельк хмыкнул, глядя на неё сверху вниз.

— Попрактикуйся на ком-нибудь ещё. А лучше — просто подожди.

— Слушай, у меня тоже есть потребности, ты просто меня, получается, не уважаешь. Я для тебя всё, а ты...

— На каком языке мне с тобой разговаривать, чтоб ты меня понял?.. — злость Сати прошла, и теперь она казалась усталой и несчастной. — Не могу я пока. Не можешь ждать — уходи, я пойму. Только не принуждай меня.

— Да я не собирался, что мне потом, как Адамасу, ходить перед всеми извиняться? На нас и так косо смотрят. Кстати... — Петер чуть склонил набок голову, сощуриваясь. — А может, ты просто надеешься, что где-нибудь Адамаса встретишь? Все знали: он тебе нравился...

— Пошёл вон, — выдохнула Сати, и вельк выставил руки вперёд ладонями, ухмыляясь.

— Ухожу, зайка. Если что, ты знаешь, где меня найти.

Дверь за собой он закрывать не стал. Сати ещё с минуту постояла на одном месте, глядя куда-то в пространство, потом привалилась к стене, закрывая глаза и откидывая голову. Адамас увидел, как по левой щеке её сбежала одна-единственная слеза, миновавшая плотно сжатые губы и скрывшаяся где-то за воротником, и только ещё больше захотел впечатать Петера носом в эту самую стену — желательно до хруста. Что ж, и здесь обман? Какое же единство из них с такими-то ссорами? Или милые бранятся — только тешатся?

Пока Сати была здесь, он уйти не мог, и оставалось лишь ждать. Пользуясь случаем, Адамас рассматривал её — и почему только до новогодней ночи ему казалось, что она замухрышка? Или он это только говорил, а не думал? Да что он тогда вообще думал? Если бы думал, она бы не подверглась с его стороны насилию и точно не имела бы сейчас проблем с собственным парнем. Хотя тот тоже хорош...

В течение следующих полчаса Сати так и не шелохнулась — превратилась в статую самой себя, и Адамас боялся лишней раз вдохнуть, чтобы вдруг не выдать себя. Похоже, она собралась провести на этом складе, подальше ото всех — а главное, Петера, — всё время до упомянутого им совещания, но по истечении тридцати минут в дверь сунулась голова так же короткостриженной девушки-вераи лет двадцати пяти.

— Вот ты где, Сати! — воскликнула она, и хорони посмотрела на неё рассеянным взглядом. — Идём к главному зданию. Там Рустем какую-то речь держать собирается, полбазы собрал...

— Что? Рустем? Наш «я знаю всё, что вы пытаетесь скрыть в Сети»? — Сати уже широко распахнула глаза, и Адамас увидел в них неподдельное беспокойство.

— Да, вроде как раскопал что-то сверхважное и компрометирующее... Пошли-пошли! — верая проскользнула на склад и ухватила Сати за руку. Вдвоём они почти бегом покинули помещение, и Адамас, выдержав для верности с десятков секунд, в предчувствии готовящейся провокации поспешил за ними.

Главное здание здесь было недалеко — длинное, со множеством окон, с двумя рядами военных машин на парковке у парадного входа, с тремя флагштоками — МД, ГШР, МИЦ

Совсем рядом с машинами, напротив флашгоков, расположился стенд с проекционным экраном, перед ним — стол с включённым ноутбуком, а в шаге от него — вихрастый кейер лет двадцати, со стандартно для их расы половинчато окрашенными волосами — корни соломенные, кончики тёмно-каштановые — и узким, почти тилонским лицом. Вокруг него как раз и собиралась толпа — как понял Адамас по эмблемам, эмдэшники и мицевцы с гэшээрвцами отдельно, причём солдаты МД занимали первые ряды — а ближе всех к кейеру стоял презрительно смотрящий на него Петер.

Адамас встал в самом конце, Сати и приведшая её верая, наоборот, пробились к столу. Завидев свою девушку, Петер наконец подал голос:

— Что ты там раскопал, Рустем? Можно как-то пошустрее, у некоторых тут совещание совсем скоро! У тебя к нам обоим претензии или только к Сати? Всё пытаешься ей кровь подпортить, раз она тебе отказала?

— Судя по твоему настроению, отказала она не только мне, — ухмыльнулся названный Рустемом кейер, а Адамас проверил, точно ли он включил микрофон, осторожно стукнув по нему ногтём: предупредить Стиана он не догадался. «Слышу я!» — раздалось в ухе, и хорон сосредоточил внимание на происходящем у флашгоков.

— Что случилось, Рустем? — строго спросила Сати, и бурлящая толпа наконец угомонилась. Кейер отступил к ноутбуку, улыбаясь.

— А это ты нам сейчас расскажешь... Коллеги, прошу внимания! — Рустем повысил голос. — Как вы знаете, я слежу за интернет-трафиком в нашей ставке. Подметив одно подозрительное письмо, я был вынужден взломать ящик одного из наших руководителей, Сандро Яногала. И хотя все мы имеем право на личную жизнь, кое о чём найденном там я просто не могу промолчать. Пожалуйста, посмотрите на экран.

Адамас прочёл первые две строчки из отображённого электронного письма и сразу понял, что в Абруд они со Стианом приехали не зря. И что диверсант, которого здесь наверняка уже и духу не было, откуда-то отлично знал слабые места каждой атакуемой им ставки.

Выдержав паузу — толпа в мёртвой тишине читала, — Рустем с плохо сдерживаемым торжеством продолжил говорить:

— Как все могут увидеть, наш любимый и уважаемый командир на протяжении всего письма рассыпается перед не менее уважаемой Сати в любезностях. Кое-где даже признаётся в глубокой и искренней любви и благодарит за незабываемую ночь. И, чтобы не ограничиваться словами, обещает сделать для неё и её верного друга что-нибудь ещё кроме того, что уже для них сделал. Например, наконец обеспечить им кондиционер в комнате, хотя она и так выходит окнами не на солнечную сторону, к тому же там растёт единственное на всю базу дерево...

— Что... — Сати наконец оправилась от изумления. — Откуда ты это взял? Это всё ложь — до последнего слова!

— Скажешь, не твой адрес? — Рустем нарочито отвлечённо рассматривал собственные пальцы, барабанившие по столу.

— Может, и мой, да только долго ли такое подделать? Неужели вы все ему верите? — она резко развернулась к толпе и увидела то же, что уже заметил Адамас, — что гэшээрвцев солдаты МД замкнули в кольцо и совсем оттеснили от импровизированной сцены. И каждый представитель МД смотрел далеко не добро — особенно девушки.

— А с чего ещё вам такие предпочтения? — хмуро спросила одна, больше похожая на

парня, аурисса.

— Это какие предпочтения?.. Комнатка два на два по соседству с руководством? Бьющее ветками о стекло высохшее дерево? Да я лучше бы в палатке жила! Только кто-то наверху решил, что нам по чину не положено! — взорвалась Сати, и другой солдат громко фыркнул.

— Тоже мне чин. Кто вы вообще? Едва из детсада выпустились — уже людьми руководить? Я тогда тоже могу, можно и мне рядом с Сандро поселиться?

— Но мы же не сами... К тому же Сандро женат, у него ребёнку два года! Стал бы он... — Сати, уже явно в отчаянии, повернулась к до сих пор молчащему Петеру. — Хоть ты скажи им! Я же ничего от тебя никогда не скрывала, ты же знаешь, я никогда бы...

— Понимаешь, в чём проблема, — нехорошо улыбнулся вельк, — мне и самому всегда всё это казалось странным. Сандро вечно с тобой такой обходительный, любую просьбу выполняет. Секретаря, между прочим, из этой комнаты выселил для нас. Или для тебя, чтоб была поближе? Жена, ребёнок — война, сама знаешь, жизни хочется, он-то молодой ещё. Да и не верю я в твои вечные отговорки. Ты говорила, любишь меня, а физически, так сказать, любви у нас не случается. Ну, теперь понятно почему...

Сати отступила от него, побелев до синевы и опять видимо сцепляя зубы. Рустем поддержал Петера:

— Она и мне постоянно отказывала. Вон где, как ты сказал, жизнь-то была...

Хлопнула парадная дверь, все дружно повернулись к спешно вышедшему к толпе статному огелю в командирском мундире. Оглядев собравшихся, он сурово спросил сразу у всех:

— Что за митинг, солдаты?

— Позвольте один вопрос, командир, — елеинный голосом попросил Рустем, и Сандро, явно ничего не понимая, кивнул. — «Веспер-аманея, легас точка ми» — ваш электронный адрес?

— Мой, а что? — поднял брови огель, и толпа загудела. Рустем простёр руки, выкрикивая поверх возрастающего гула:

— Решайте сами!

— Казнить сволочь! — пронеслось над толпой. — Скрывал это, скроет что-нибудь ещё!

— Держи девчонку! Проверим, насколько её хватит!..

Всё закрутилось даже быстрее, чем Адамас предполагал. Толпа разделилась на три части: одни зажали в клещи не слишком-то сопротивляющихся солдат Генштаба, другие кинулись на оторопевшего Сандро, мгновенно скрутив его, третьи — на так и не сдвинувшуюся с места Сати. Рустем первый схватил её за руки, заводя назад, и тогда она забилась, пытаясь вырваться. Сандро потащили прочь от администрации, кто-то из этой группы бросился к складу за оружием, а к Сати уже подступали со всех сторон зло и многозначительно улыбающиеся парни. Петер ушёл за флагштоки, и Адамас понял, что пора брать ситуацию в свои руки.

— Отставить казнь!!! — закричал он, вылетая на пространство примерно посередине между двумя группами, и, к его удивлению, все участники внезапного бунта застыли, оборачиваясь.

— Это кто ещё? — первым спросил один из сторожей генштабовцев, внушительного вида сормах, и тот самый офицер, который указывал Адамасу на главный склад, неуверенно отозвался:

— Вроде как проверяющий...

— Ты в каком качестве хочешь поучаствовать, проверяющий? — заготовил один из солдат из группы волокших Сандро. — Судьи или подсудимого?

— Судьи. Меня зовут Адамас Страхов, — хорон снял очки, и смешки вокруг него захлебнулись. — А теперь вернули мозги на место, посмотрели мне в глаза и ответили: что за самосуд вы тут собрались устраивать?

Внутренне его било крупной дрожью, но показывать этого было нельзя. Сколько Бельфегор рассказывал ему историй о том, как животные инстинкты толпы умирялись под уверенным взглядом человека, умеющего держать себя в руках, когда вокруг бушевал хаос. Если он сейчас их не остановит, вернуть ставку накануне важного боя будет почти невозможно. Что уж говорить о Сати и Сандро...

— Ещё один молокосос вылез... — недовольно начал кто-то, но окружающие заткнули его на полуслове. Убедившись, что ещё какое-то время его будут слушать, Адамас приподнял подбородок и продолжил говорить.

— Я на сто процентов уверен: вас предупреждали о возможных провокациях со стороны «Аркана». Вы наверняка знаете о случившемся вчера и позавчера на Гадюке. И вот так запросто покупаетесь на непроверенную информацию, явно подброшенную кем-то, чтобы здесь всё развалилось по камушку? Ты, — Адамас указал в сторону Рустема, часто заморгавшего, — во-первых, отпусти Сати. Во-вторых, не хочешь ли нам рассказать, откуда на самом деле эти любопытные письма?

— Я всё сказал! — огрызнулся кейер, но Сати тем не менее выпустил. Адамас пошёл к нему через молча расступающуюся толпу, стараясь не думать о том, как быстро она может вновь сомкнуться вокруг него. Когда до Рустема ему осталось несколько шагов, тот отступил к столу, упираясь бёдрами в его край, и Адамас остановился на расстоянии шага.

— Уверен? — вкрадчиво поинтересовался хорон, и кейер не выдержал давления (а может, вида чёрных имплантов вместо глаз).

— Ладно-ладно, — заюлил он. — Пришло письмо на адрес Сати от Сандро с очень бросающейся в глаза темой, я и полез проверить, вдруг вирус какой. А там — это...

— И никого, особенно главного проверяющего трафика, конечно, не смутило, что подобные компрометирующие письма приходят на официальную почту, я понял. И наверняка больше ни у кого у участвующих никаких писем на почте не обнаружилось. Сандро, — Адамас отвернулся от кейера, выскивая взглядом пленного командира ставки, и державшие его солдаты переместили огеля так, чтобы они с хороном видели друг друга, — вам так и не объяснили, из-за чего весь сыр-бор... назовите, пожалуйста, по буквам свой электронный адрес. Со всеми деталями.

— «Веспер»... — Сандро сплюнул кровь: за те несколько минут, что он провёл в руках солдат, его успели ощутимо избить. — «Амания, легас точка ми». Только в первом слове «с» с тильдой, не обычная...

— Есть там тильда? — опять повернулся на побледневшего Рустема Адамас. — Ну, отвечай, язык, что ли, проглотил?

— Н-нету, — заикаясь, признал тот, и царящая вокруг тишина наконец кончилась. Солдаты МД зашептались, сторожа гэшэровцев отступили от своих пленных, Сандро отпустили и стали смущённо отряхивать.

— Рустема на гауптвахту, — распорядился Адамас — куй железо, пока горячо. — С тобой, Петер, кто-нибудь из главных офицеров поговорит отдельно. Посиди пока в этой вашей шикарной комнате под охраной, тебе сообщат, когда примут решение. Остальное —

на Сандро.

— Я Люмину подожду, — мрачно сказал огель. — Пусть сама со своими разбирается. Я буду думать насчёт тех моих солдат, которые ни слова не сказали в мою защиту... Я всех запомнил, имейте в виду! Адамас, я... ничего, что по имени?

— Без проблем, — улыбнулся хорон, обратно надевая очки и услышав в ухе тихое и сдержанное «Молодец».

— Я сейчас в медпункт, через полчаса подойдёшь ко мне? Совещание сорвалось, а провести надо. Ты один приехал?

— У меня на связи Стиан Шшварцзее. Знаком вам?

— Да как же нет... Значит, с вами буду советоваться. Сати, идём со мной, — Сандро махнул рукой усевшейся прямо на стол всё ещё белой как полотно хорони, и та, шатаясь, встала. Адамас проследил, как она идёт к огелю, едва переставляя ноги, с разорванным воротом, взлохмаченными волосами, но он галантно подхватывает её под руку. Те же солдаты, кто прежде подступили к Сати, уже споро утаскивали помертвевшего Рустема, пряча глаза, другие заламывали руки Петеру, гордо держащему голову и подчёркнуто игнорирующему Адамаса. Гэшээровцы разбредались кто куда. Невероятно, но у него получилось. Выдохнув, Адамас вслед за конвоем Петера на негнущихся ногах пошёл в главное здание, чтобы притулиться там где-нибудь в уголке и наконец нормально поговорить со Стианом.

Да и хотя бы просто перевести дух.

Велька потащили вправо от главного входа, Адамас же повернул налево, надеясь в нескольких коридорах найти нужный закуток. Система хитросплетений у одноэтажного, казавшегося не таким уж большим здания была на зависть гэшээровским галереям: не следивший за дорогой хорон запутался почти сразу и в итоге упёрся в тупик — за очередным поворотом была наглухо закрытая дверь без надписей. Но по пути сюда он не встретил ни души, а перед дверью стояла небольшая скамеечка, так что можно было осесть и здесь.

Тяжело опустившись на скамейку, Адамас обхватил голову руками и закрыл глаза. Чувство триумфа, гордости за самого себя отступило, оставив лишь усталость и запоздалый, схвативший за самое горло страх. Надо было сговориться со Стианом — странно, что он сам так и молчит с тех пор, — надо было попытаться представить, что будет дальше, оценить действия диверсанта, но у него просто не было сил. Интересно, если бы тогда он не отказался от себя и после не бегал восемь лет от судьбы, было бы сейчас легче? И чего им с отцом стоило не поступать так категорично? Вот уж яблоко от яблони...

Минут пять Адамас просидел в душной, давящей тишине и опустошённости, по капле восстанавливая самообладание, потом в начале того коридора, откуда он пришёл, послышались неторопливые шаги. Заявился хозяин закрытой комнаты? Может, если Адамас будет и дальше сидеть неподвижно, к тому же не показывая глаз, не придётся ни с кем объясняться? Он затаил дыхание, остановив взгляд на видимом кусочке покрытого тёмным линолеумом пола и ожидая, когда человек пройдёт мимо. Шаги, не сбивавшиеся ни с темпа, ни с ритма, становились всё ближе и наконец стихли — точно напротив Адамаса. Вволю насмотревшись на военные, выдавшие виды сапоги и так и не услышав ни слова в свою сторону, хорон молча поднял голову — и наткнулся взглядом на меланхолично подбрасывающего и сразу ловящего одной рукой чёрную гранату Стиана.

— Вы как здесь?.. — Адамас едва удержался от желания протереть глаза — с их заменителями подобный трюк всё равно бы не сработал. Терас ухмыльнулся углом губ.

— А ты думал, я тебя без поддержки оставлю? Мало того что Рэкс бы мне голову оторвал, я и сам бы себе такой халатности не простил. И так всё ещё из-за твоих глаз пеплом обсыпаюсь...

— Вы же не были там виноваты, сам напросился. А с какого момента вы на базе?!

— Минут через десять после тебя вошёл, заодно засёк два слабых места в охранной стене. Ну а на территории вообще никого не проверяют, с пропуском ты, без... — Стиан убрал за пояс гранату, к ещё трём таким же, Адамас же продолжал неподвижно смотреть на него, подыскивая правильные слова.

— Почему... почему вы заранее не сказали? — наконец нашёлся он: какое счастье, что от усталости злость и раздражение не могли разжечься основательно, а то потом за многие пришедшие на ум выражения пришлось бы извиняться.

— Веришь, хотел тебя испытать, — безмятежно отозвался терас. — Так-то каждый дурак может, когда рядом есть кто-то способный утихомирить толпу, уверенность появляется, тыл... Ну а потом грохнули бы меня где-нибудь, что б ты делал, плакал бы в углу?.. Должен признаться, ты восхитил меня. И дальновидность твоего отца тоже, хотя этому я уже давно не удивляюсь.

— В смысле, «дальновидность»?

— Да до меня только тут, у штаба дошло, — Стиан сел рядом с ним, усмехаясь. — Мы же тут все вместе совсем недавно были, буквально неделю назад, когда та, самая первая ставка, ещё цела была. Рэкс с Аспитисом, я в сопровождении, ещё куча народу. Этот поход-то давно планировался, они и прибыли вместе, чтобы у солдат не осталось сомнений, что ГШР и МД заодно — особенно лидеры. Что Аспитис более не считает Рэкса врагом. Поэтому отец твой тебя со мной и отослал, как жареным в отношении Абруда запахло: знал, что тебя они послушают, как его бы послушали. А вот меня вряд ли.

— Кто бы сомневался, — Адамас постарался скрыть очередной всплеск ошеломления. — Я и не думал, что он это от доброты душевной...

— А я думал. Сколько с ним работаю, а всё никак не привыкну, что у него даже для самых странных действий находится минимум одна жизненно важная причина. Ну, радуется, что мы хоть правильно ставку угадали с Бельфегором. А ты как, хочешь полчаса тут просидеть?

— Нужно немного отдышаться, — улыбнулся Адамас, хотя вместо этого очень хотел спросить, сколько именно Стиан работает на главного советника президента и почему он впервые узнал о таком доверенном агенте только в этом году. — А какие у нас дальше планы?

— Поболтаем с Сандро, я созвонюсь с Управлением, если ничего странного за это время не случилось, ночь проведём здесь, а поутру двинем куда-нибудь на выбор. Нужно ещё понять, откуда этот Рустем письмо своё получил. Там посмотрим, — терас встал. — Ладно, зайду через полчаса, сиди пока. Лично допрошу главного преступника.

Чуть склонив голову, он удалился тем же неспешным, чеканным шагом, чуть ли не насвистывая себе под нос. Адамас ещё минут пять не отрываясь смотрел терасу вслед, пытаясь определить для себя, сколько примерно надо прожить, а главное пережить, чтобы вот так легко воспринимать случившееся или неслучившееся и, подобно отцу, знать обо всём возможном заранее, но, остановившись на ничего не значащих словах «очень много», опять зарылся пальцами в волосы. Пусть пока думают старшие...

По истечении ровно получаса Стиан появился вновь и провёл Адамаса за собой в

кабинет к Сандро, где должно было состояться совещание по видеосвязи по поводу приближавшегося похода — в том числе и с лидерами организаций. Адамас, спрятавшийся в углу, так как главную роль на себя взял Стиан, жадно слушал и не отрывал глаз от так давно не виденного им отца. За прошедшие месяцы с их последней встречи он обзавёлся заметным шрамом от глаза до подбородка по левой стороне лица и, кажется, ещё больше посуровел, о чём свидетельствовали новые морщины у губ, но он был жив и в твёрдом уме — и именно это давало Адамасу ощущение того самого тыла, о котором говорил Стиан. Рэкс посмотрел за время совещания на сына всего лишь дважды и то как будто мельком, но во взгляде читались одобрение и благодарность, а значит, наконец он хоть что-то делал правильно.

По окончании совета Сандро пригласил гостей на приёмку прибывшей самой крупной партии оружия, и по пути они со Стианом обсуждали возможность остаться до завтрашнего утра, а также стоит ли наказывать отвернувшихся от командира в ответственный момент гэшээровцев. Адамас яростно выступил в их защиту — кем бы они предстали, одобрив столь предосудительное поведение назначенного служить им примером? — и под его давлением и при молчаливой поддержке Стиана Сандро согласился не применять в их отношении санкций. В конце концов, всё выглядело достаточно правдоподобно, чтобы поверить, — особенно для обычных, не привыкших к многоступенчатым подставам солдат. Единственное, в чём сам Адамас был готов их обвинить, это в том, что они не пришли на помощь собственной Посланнице, но при желании и здесь можно было найти достаточно вразумительных оправданий.

Подстава в принципе была организована очень грамотно, как и предыдущая, приходилось признать, что они столкнулись с опасным противником. За обедом сразу после затянувшейся на два часа приёмки оружия Стиан рассказал Адамасу, что перед отправлением провокационного письма диверсант взломал почту самого Рустема, где хранились его объяснения в любви Сати, — так объяснялся его выбор глашатая. А вот откуда он знал, чем именно ударить по казавшейся нерасторжимой паре Посланников, чтобы она в момент рассыпалась как карточный домик, как выведал про недовольство солдат по поводу их якобы «преференций» и как подгадал момент с вызовом со ставки руководителя от МД, которая в силу характера не купилась бы на подобную провокацию, оставалось загадкой — так что следующего удара можно было ждать где угодно. По мнению Стиана, на Севере не существовало ставки, где ГШР и МД жили бы в мире, даже с Посланниками — всё-таки работали они всего месяц и слишком много оставалось ещё неразрешённых конфликтов, — поэтому, посоветовавшись с командирами, он решил действительно до утра остаться в Абруде. К этому времени диверсант должен был показать себя — в любой другой ставке, не такой важной, как эта, сейчас сосредоточившей на себе всё внимание их врагов.

До вечера Адамас и Стиан сопровождали Сандро то в одном сверхважном деле, то в другом, похоже, выполняя роль отсутствовавшей Люмины, и к ночи хорон уже валился с ног. Сандро отрядил солдат со всеми почестями проводить его в выделенную ему комнату в административном здании, а сам ушёл со Стианом встречать свою коллегу по руководству и наконец решать вопрос с проштрафившимися.

Оставшись один в комнате — неширокая койка на одного человека у стены, накрытая пледом, узкий шкаф по соседству, дверь в крохотный санузел и окно, вот и всё убранство, — Адамас без сил упал на кровать и достал планшет с уже открытым доступом в базу. Должны быть хоть какие-то зацепки в том, куда диверсант пойдёт дальше, может быть, у него получится их найти? Однако, как он ни старался, мозги работать отказывались — слабые

места и правда были у каждой базы, будь Адамас сам таким диверсантом, он просто пошёл бы по порядку после срыва намечавшегося большого наступления. Сатиан был прав — проще подождать утра и действовать по ситуации. Провисев ещё час в Интернете и почти ничего из попадавшихся шуток не запомнив, Адамас решил ложиться спать. Он включил микрофон, чтобы попросить своего старшего не будить его до рассвета, если, конечно, не будет сообщений о взрывах, и почти коснулся кнопки отключения, когда в комнату неровно постучали.

— Кто там? — крикнул хорон, и в приотворившуюся дверь сунулась короткостриженная бело-рыже-волосая девичья голова, в которой он с изумлением узнал Сати.

— О, ты не спишь, это здорово, — как-то странно ухмыльнулась она. — Один ночуешь? Я войду?

— Да, конечно, — Адамас так и остался сидеть на кровати, не веря в происходящее. Сати шире отворила дверь, переступила порог — уже в целой форме, с нормальным цветом лица и, самое удивительное, бутылкой вина и двумя бокалами в руках. Дверь была на доводчике и закрылась сама, а хорони, чуть пошатываясь и рассеянно улыбаясь, неровным шагом дошла до кровати и опустилась на неё.

— Вот, — она кивнула на бутылку, — пришла тебя отблагодарить, герой... Будешь?

— Откуда ты его достала на военной базе? — с подозрением спросил Адамас. Сати закатила глаза.

— А это не я. Это эмдэшники извиняться пришли, джентльмены. Чуть ноги не целовали. Такие смешные: почти групповое изнасилование устроили, а потом так смущённо: «Ну ты прости, мы, это, ну...» — Она рассмеялась и начала неловко доставать пробку. — Так будешь, нет?

— Если скажу «нет», в гордом одиночестве выпьешь? — Адамас сощурившись посмотрел на Сати, пытаясь понять, какова истинная причина визита этой, совсем, кажется, не знакомой ему девушки. Сати фыркнула, поставила бутылку и бокалы за кровать, перегнувшись через спинку и чуть не потеряв равновесие, потом, раскрасневшаяся, с горящими глазами, как будто нервно облизала губы.

— Да я уже вообще не гордая. Смотри, как могу!

Адамас даже не успел ничего понять, как девушка оказалась у него на коленях. Нахмурившись, она с пяток секунд рассматривала его импланты, с трудом фокусируя взгляд, потом хихикнула.

— Слушай, а классно! Вечно ты сухим из воды выходишь. А рефлексy работают? — она вдруг заводила указательным пальцем прямо перед зрачками камер, и Адамас, ощутив, как они против его воли следят за ним, перехватил её руку.

— Что ты делаешь? — с максимальной строгостью, на какую был способен, спросил он, но Сати, кажется, его не услышала.

— О, ещё вспомнила! А когда чихаешь, тоже зажмуриваешься, как с обычными?

— Сати, зачем ты?..

— А то ты не догадываешься, — она опять возвела очи горе и многообещающе улыбнулась. — Часть первая...

В одно мгновение Сати расстегнула форменную куртку и скинула её на пол, оставшись в одной лишь белой майке, отчётливо обрисовавшей грудь. Впервые Адамас был рад, что его глаза более не способны сами по себе расширяться или вылезать из орбит — ситуация была из ряда вон выходящая, но, если он будет молчать, о его ошеломлении никто не узнает.

— Мечты сбываются, Адамас, — таинственно прошептала Сати, кладя руки ему на плечи и приближаясь к губам. — Ты, кажется, весь декабрь этого хотел, радуйся, я сама к тебе пришла, уже никто не осудит...

Он опять не успел среагировать и машинально ответил на последовавший за последними словами поцелуй. Сати взъерошила ему волосы, отстранилась, глядя зазывно и одновременно словно на собственного палача, и обратно сложила губы в соблазнительную улыбку.

— Начало положено. Продолжим? Мне раздеться или ты хочешь сам?

— Я уже боюсь спрашивать, — Адамас попытался освободиться от её рук, но она только крепче сжала пальцы. — Если ты так хочешь отблагодарить меня, я отказываюсь. Давай обойдёмся словами.

— Ладно, давай начистоту, — Сати недовольно сморщила нос. — Сам видел, до чего докатились мои отношения с первым в жизни бойфрендом из-за того, что я ему в своё время не дала. А я, понимаешь, как до этого дело доходит, закрываю глаза и вижу перед собой ту поляну в лесу. И тебя. И начинаю задыхаться. Надо вышибить клин клином. Ты виноват, ты и исправляй. Уверена, у тебя отлично получится, у тебя вроде девушек штук сто было?

— Сати, я... — Адамас ещё даже не определился, чем хочет переубедить её, а хорони уже грозно прижала палец к его губам.

— Я точно знаю, это поможет, — тихо проговорила она. — Весь день это планировала. Устала я вспоминать. Видишь, сижу сейчас с тобой, а мне нормально. Значит, и дальше... будет нормально. Всё замечательно сложилось. Давай, приступаем.

— А если я откажусь? — предпринял последнюю попытку спастись Адамас.

— Начну кричать, — хищно сощурилась Сати. — Тут совсем рядом секретарь Сандро живёт. На базе, может, ещё и усомнятся, а вот твой Стиан сто процентов заподозрит тебя.

— Понял. Ладно. Тогда так: я отойду на десять минут в ванную привести себя в порядок, а ты пока оденься. Я предпочитаю раздевать девушек сам. И лучше ещё выпей, чтобы ничего не сорвалось, договорились?

Адамас уже и забыл, как хорошо умеет управляться с девушками. Впечатлѐнная его наполовину приказным, наполовину просящим тоном, Сати согласно кивнула и, пересев на кровать, потянулась за курткой. Поцеловав её для убедительности в щѐку, хорон неспешно ушѐл в ванную и захлопнул за собой дверь.

Кто бы мог подумать. Адамас сполз на кафель, пытаясь успокоить бившееся в ушах сердце. Теперь оставалось только ждать. Либо всё будет так, как он надеется, либо через десять-пятнадцать минут Сати начнѐт звать его и тогда придѐтся придумывать что-то другое, чтобы выйти из этой щекотливой ситуации с честью...

Прошло десять, пятнадцать, потом двадцать минут, а в комнате всё так же было тихо. Адамас осторожно приоткрыл дверь: Сати, свернувшись клубком, спала на кровати. От сердца отлегло, и хорон беззвучно проскользнул к ней, по пути выключив горящую в потолке лампу. Глазные камеры тут же перешли на ночное зрение — с его помощью он, ни разу не потревожив девушку, пробрался на оставшееся на кровати свободное место у стены и, отвернувшись к ней же, тоже лёг спать.

Спал Адамас всегда чутко, даже до смерти уставшим, и потому проснулся от первого же шевеления рядом. Он повернулся проверить, как там Сати, и наткнулся на сонные, мутно смотрящие на него бронзовые глаза. В следующее мгновение Сати с ойканьем резко отодвинулась от него и, свалившись на пол, по инерции проползла ещё пару шагов.

— Никогда больше так не делай! — выдохнула она, тряхнув головой. — Ты хоть сам представляешь, как вблизи выглядишь?!

— Видел пару раз, — уклончиво отозвался Адамас, привставая на локте. Сати с пару секунд смотрела на него с негодованием, потом заморгала, оглядываясь.

— Так... а что я тут делаю?

— Зашла вчера в гости, наверное, не захотела на новом месте спать, — хорон скрыл улыбку. Вспомнит или нет?

Сати медленно встала на ноги и, поморщившись, начала массировать виски.

— Странно, что я этого не помню. Весь день помню, а вечер нет... Ты — знаешь почему?

— Кажется, перед приходом сюда ты распивала вино с солдатами МД. Я так толком и не понял, как это случилось.

— Ви... но? — Сати застыла, беззвучно шевеля губами и неподвижно глядя на спокойно созерцавшего её Адамаса. Потом, всполошившись, торопливо пробежалась руками по форме, зачем-то отвернула воротник и, как будто успокоившись, поставила обратно.

— Я ведь села тебе на колени, — утверждая, а не спрашивая, проговорила она, и Адамас кивнул. — И... целовала тебя. Да?

— Было дело, — он улыбнулся.

— И требовала... о, ангелы небесные, — она прижала к губам руки и, резко развернувшись, отошла к окну, за которым уже занялся рассвет и просыпалась база. Адамас поднялся и осторожно подступил сзади, ожидая продолжения их безусловно любопытного диалога. Сати отстранённо проговорила, глядя в окно: — Хоть здесь нет этого дебильного дерева...

— Неужели оно действительно такое стрёмное?

— Это в другом крыле, отсюда не увидишь, а то бы понял... — хорони обернулась на него, недоверчиво хмурясь. — Почему ты... не воспользовался?

— А ты так в этом уверена, что я не воспользовался?

— Да, уверена. Тут, на воротнике, тайная петелька, одевая меня ночью, ты бы не стал её застёгивать... Почему — ты?..

— Та часть моей жизни, в которой я настолько близко общался с пьяными девушками, кончилась первого января 2665 года, — пожал плечами Адамас. — Я говорил тебе, что изменился.

— Но я ведь тоже не с бухты-барухты... Специально выпила, чтобы так страшно не было... — Сати закусил губу и, уже полностью повернувшись, опустила глаза. — Ты же...

— Слушай, в следующий раз просто приходи трезвая. Сделаю, что скажешь. Да и неужели всё настолько плохо?

— Да, настолько! — она чуть топнула ногой, напомнив Миа.

— Может, к психологу?

— Была я у психолога... один раз. Это — один из вариантов, шуточный, конечно, но вчера показался мне наиболее подходящим. Петеру я довериться так и не смогла, и, наверное, правильно...

— Я вообще удивлён, почему вас считали такой крепкой парой, если всё это время у него было только одно на уме.

— Да кто ж знал-то, я в этих делах не искушённая, — Сати ухмыльнулась и сощуренными в задумчивости глазами посмотрела на Адамаса. — А может, дело в другом, а?

Не в благородстве, Адамас? Просто я, как ты говорил, замухрышка. Банально не захотелось?

— Я много чего наговорил такого, за что уже не вымолю прощения, — хмыкнул хорон. — Особенно когда ничего не выразить глазами...

— Это твой отец тебе устроил? Куда же сыну важнейшего человека ходить слепому в семнадцать лет...

— Нет, мой друг постарался. До него аналогов таких протезов не существовало. Я был уверен, что останусь слепым навсегда. И, если бы ко мне не приехал Бельфегор, ещё и в депрессии бы просидел, слабак...

— Бельфегор? — Сати в изумлении расширила глаза. — Бельфегор приехал тебя вытаскивать? Как мало я о тебе знаю...

— А я о тебе, — улыбнулся Адамас, невольно опять любуясь её хрупкой фигуркой на фоне свечения из окна. — Хотя то, что ты храбрая, было ясно давно.

— Да уж похрабрее твоего кузена, — хмыкнула хорони. — Почему он с тобой не сидел?

— Не простил кое-чего. Посчитал, что я его предал и слепота — даже мало за предательство.

— Нам не рассказывали подробностей...

— Как-нибудь расскажу.

Сати в ответ рассеянно улыбнулась, как будто о чём-то напряжённо размышляя, а Адамас всё не мог оторвать от неё глаз — да что же это с ним, в конце концов, творится с того момента, как он увидел её впервые за полгода? Даже удивительно, что на фоне этого он нашёл в себе силы отказаться от её ночного предложения — уже сейчас воображение на эту тему работало на полную мощность, и он никак не мог его утихомирить.

— Мне понравилось с тобой целоваться, — вдруг выпалил он: слова сами слетели с языка. Сати неопределённо хмыкнула.

— Сколько по шкале от одного до десяти?

— Может, ещё место в топе спросишь?

— Нет, мне больше интересно, какая я у тебя по счёту за последний месяц.

— Первая, — фыркнул Адамас, отворачиваясь. — И не за месяц, а за полгода.

— Удивительно... — Сати сделала шаг к нему, неуверенно, явно ещё сомневаясь, потянулась губами — и от этого Адамас уже отказываться не стал. Ни разу в жизни у него не было честных, нежных поцелуев, не украденных, не выторгованных, не сорванных, как было устоять? Тем более перед ней...

— Ладно, признаюсь, — сказала Сати, когда они наконец оторвались друг от друга, и Адамас ощутил, как у него непривычно кружится голова и заходится сердце. — Я наврала тебе. В конце концов, настоящие дипломаты не рождаются из правдолюбцев...

— В чём наврала? — часто заморгал хорон.

— Да во всём. И не только тебе. Про невозможность с кем-то там спать в связи со случившимся в январе — это такая специальная байка для Петера, чтобы не лез, пока я не готова. Ну, и для тебя тоже, конкретно вчера. Надеялась, ты согласишься — и всё само собой пойдёт. И тем самым докажешь мне...

— ...что я и в самом деле совершенно тебя не стою? — закончил за девушку хорон, начинающий понимать, к чему она клонит. Сати ухмыльнулась, покаянно и с вызовом одновременно.

— Именно. Я же в тебя втюрилась по уши, как только первый раз увидела на базе, это Беккер правильно разгадал. Он меня как облупленную знает — мы и с ним сошлись когда-то

потому, что, в отличие от большинства тихонь в нашем интернате, он не желал ни с чем мириться. И всех строил. Это потом с моей помощью его отпустило, там причина не в его характере была, а в тех обстоятельствах, при которых он к нам попал. Скажем так, если бы он не оказался моим другом, я сто процентов ходила бы с Токкином и компанией. У таких самовлюблённых людей, как вы, есть то, чего нет у меня, — вот это наплевательское отношение к жизни. Мне его всегда не хватало.

— То есть я — самовлюблённый?

— Тогда был, по всем канонам соответствовал. Я очень старалась тебя выбросить из головы. Когда то произошло — ну, в январе, — это стало только ещё одним пунктом в списке причин, почему стоит о тебе забыть. Я согласилась встречаться с Петером: он пиарился за мой счёт, кто бы стал на него смотреть и превозносить, если бы не его отношения с девушкой, которую чуть не изнасиловал сам Адамас Страхов? — на этих словах Сати зло усмехнулась. — А я была не против. С ним оказалось удивительно легко работать в паре, потому нас и поставили вместе сюда. Жаль, в самом главном не сошлись. Собиралась я, собиралась, вешала ему лапшу на уши про «глубокую психологическую травму» — и что выяснилось? Впрочем, я не особо-то сомневалась, что он найдёт повод мне отомстить за оскорблённую мужскую гордость. Вы только очень уж строго его не наказывайте, пожалуйста, у него и достоинств хватает.

— Это не мне решать, сами там наверху разберутся, они умеют. Значит, ты, получается, всё ещё... — Адамас запнулся, впервые при обсуждении таких тем засмутившись, и Сати в ответ опять его поцеловала, на этот раз куда смелее и увереннее. Краем уха хорон услышал, как кто-то единожды стукнул в дверь, потом скрипнул створкой, и, оторвавшись от девушки, Адамас обернулся. На пороге, по всем, как недавно выразилась Сати, канонам, конечно, стоял, держа в одной руке папку и привалившись к косяку, ухмыляющийся Петер. Русые брови издевательски взмыли вверх, руки скрещены на груди, губы — в презрительной ухмылке. Сати выглянула из-за плеча Адамаса и присвистнула.

— О, гляньте, кого выпустили под залог! Извиниться пришёл, волчик?

— Было бы за что, — закатил глаза Петер. — Да и не буду я выпендриваться перед твоим хахалем, зайка, а то вообще в ссылку сошлют... Искал тебя, чтоб попрощаться. Буду теперь работать с Беккером. Что ему передать?

— Чтобы побыстрее выздоравливал, — вместо Сати ответил Адамас, и вельк, смерив его непонятым взглядом, едва заметно поклонился и исчез за дверью. Сати прижалась лбом к обнажённому предплечью хорона, едва слышно хихикая.

— Как-то он... слабенько так по нам прошёлся. Твой статус явно сказывается. А ещё ты хорошо приложил его своим близким знакомством с моим лучшим другом. Небось думает теперь, что весь мир против него, такого красивого!

Она расхохоталась, потом прошествовала к кровати и села, вытягивая ноги. Адамас сел рядом, уже без сомнений обнимая её и мысленно торжествуя так неожиданно доставшуюся ему победу, которая раньше в принципе не входила в список нужных и даже осознаваемых. Впрочем, извинения, кажется, его приняли, а остальное — дело определённо не сегодняшнего дня.

— Вы нашли, кстати, кто виноват в этом подлоге? — спросила Сати.

— Ищем, — отозвался Адамас. — В ставке, где работает Беккер, в Родане, эта сволочь тоже вносила хаос и смуту, так толком и не засветившись. Сегодня поедем куда-нибудь ещё.

— Ты-то как в это ввязался?

— Приехал вопреки всем правилам проведать Беккера в больницу. И как раз в тот час, когда диверсант вломился туда с автоматом и пошёл стрелять всех подряд. Встреча с моими протезами несколько выбила его из колеи, а там и Стиан подоспел. Жаль, не поймали...

— Стиан... Дилайла рассказала мне по секрету, что он и Скотт — один человек. Я их случайно застучала вдвоём, хотя вся база была уверена, что они не являются влюблённой парочкой, — Сати опять хихикнула. — Собственно, тогда выяснилось много интересных вещей. Например, что мы встречались восемь лет назад...

— Это в смысле? — поразился Адамас, пытаясь переварить только что сказанное.

— Они тогда познакомились. Стиан приезжал в наш интернат через месяц примерно после того, как туда назначили Дилайлу, вынюхивал что-то. А Беккер как раз запер меня в подвале и сидел у двери, слушая, как я плачу и прошу меня выпустить. Ну, я говорила тебе, что вначале он был далеко не такой душкой и паинькой, как сейчас. Стиан проходил мимо и в одно движение сунул Беккера ко мне в подвал и запер на замок дверь. Сказал, что через час вернётся, и отчалил. Мы поругались, поругались и пошли другой выход искать. Командная, так сказать, работа. Там незакрытое окно под потолком было. С тех пор и подружились.

— Не могу представить Беккера хулиганом. Даже несмотря на то, что верю тебе, — усмехнулся Адамас. Сати прислонилась к нему.

— Причём хулиганом похуже тебя. Он всех ненавидел, даже некоторым старшим доставалось. Как я потом поняла, когда агенты МД пришли за его семьёй, его тётя рыдала, валялась у них в ногах и просила её не убивать. Её одну, хотя там были дети, в том числе Беккер. Один утащил её в другую комнату, а остальные всех перестреляли. Беккера, правда, лишь зацепило, но никто не заметил. Они ушли, тётя сбежала, а он оклемался и пошёл вызывать ГШР. Я её видела один раз, она приезжала на родительский день, когда мы уже дружили, пыталась то ли извиниться, то ли ещё что. Беккер просто развернулся и ушёл. И больше никогда не упоминал о её существовании.

— Он обозлился только из-за тётки?

— Все по-разному потерю семьи переносили. Я вот до знакомства с ним почти не разговаривала, плохо спала, ела и вообще походила на ходячий труп. Стала его главной жертвой как самая слабая. Жаловаться духу не хватало, да и некому было, при старой директрисе хороших воспитателей, кроме новенькой Дилайлы, не было, в общем-то. А её тоже третируют...

— Вы, получается, уравнивали друг друга? — улыбнулся Адамас, ловя ладонь девушки и мягко сжимая в своей, смакуя это новое для него чувство трепетной нежности.

— Примечательно получилось, — кивнула Сати. — Он научил меня уверенности, а я его... ну, доброте, что ли. Точнее, заставила вспомнить себя старого и забыть нового. К тому же синяки поднадоели...

— Какие тайны открываются...

— Вот так. Поэтому ты был для меня далеко не новостью. Я всё пыталась понять, к какому разряду хулиганов, если брать Беккера и Токкина, тебя отнести и на фига тебе это вообще надо, когда и так весь лагерь в рот смотрит...

— Не весь. Ты не смотрела. Меня это бесило.

— Ну прости. Мне всегда нравилось таких, как ты, провоцировать, вдруг человечность проснётся, как в Беккере и, кстати, Токкине в какой-то мере. Потом Миа говорила мне, что на самом деле ты нормальный... по крайней мере, был. И точно уже стал. А я не могла ей сказать, что не это главное, что вообще дело в другом, язык не поворачивался, она так из-за

нас с тобой переживала. М-да.

Она замолчала и, переплетя пальцы с той ладонью Адамаса, что лежала на её колене, прикрыла глаза. «Кончай трепаться, герой-любовник, — вдруг раздалось в ухе Адамаса, и он вздрогнул, холодея. — Жду тебя у парадного входа». Микрофон... он ведь так и не выключил его с вечера! Значит, Стиан всё слышал с момента появления Сати здесь?

— Ты чего? — хорони подняла на него обеспокоенный взгляд, и он смущённо улыбнулся.

— Мне пора ехать. Я думаю, тебе найдут хорошего напарника. А мы увидимся ещё, обещаю.

— Ну смотри. Я на память не жалуясь, не вспомнишь обо мне, сама вспомню.

Получив на прощание ещё один поцелуй, Адамас покидал комнату почти что пьяным. Сати смотрела ему вслед, пока не закрылась дверь, и улыбалась.

К парадному входу ноги вывели хорона сами. Стиан стоял у флагштока, обзревая базу и едва заметно хмурясь, но повернулся, только заслышав шаги.

— Ты просто вынуждаешь меня за собой шпионить, — поприветствовал он Адамаса. — Я на это не подписывался. Тебе нужно быть внимательнее.

— Простите, — Адамас почувствовал, как лицо заливают краска. — Вы же... всё с вечера слушали?

— Да, — Стиан медленно кивнул и вдруг улыбнулся. — И в связи с этим хочу сказать две вещи. Во-первых, ты умудрился поразить меня ещё раз за один день. Во-вторых, разрешаю обращаться ко мне на «ты».

— Спасибо, — только что и смог сказать хорон и заставил себя собраться с мыслями. — Мы куда-то едем?

— Да. Военная база Серебрено. Ночью было нападение, расскажу по дороге. Ехать часа три, это южная оконечность Дракона, ко времени нашего приезда как раз должны прибыть следователи — будут заниматься примерно тем же, что и мы, только от имени МД. Идём к машине. Там завтрак.

В молчании они прошествовали через базу, куда менее сейчас людную, нежели вчера, кивая по пути приветствовавшим их солдатам и офицерам, попрощались у КПП с появившимся их проводить Сандро и спустя минуту наконец оказались в машине. Адамас, полный самых разных чувств и вопросов, пока утихомиривая себя, впился зубами в бутерброд из «завтрака», оставленного на заднем сиденье, Стиан же, заводя машину, начал рассказывать.

— Серебрено — это база возле Серебряной горы. Знаешь, что там на Драконе?

— Заводы? — поспешно проглотил кусок Адамас.

— Именно. Два завода при серебряных шахтах. Один из владельцев — старый знакомый Домино Кирсте, Трой Регулов, второй — Ксант Тессэруа. В сороковых годах они были под Зебастианом, потом быстренько переметнулись на сторону ГШР и МД — почуяли, куда ветер дует. К Азату так и не переходили. Ставка, что там существует, охранная, и не объединённая, а союзная, то есть каждому по своей территории. К войне они имеют мало отношения, но Север совсем близко, и в 64-м к ним направили ещё солдат, чтобы «Аркан» не захватил заводы. А недавно и Посланников до кучи. С некоторых пор руководителем ставки от МД являлся старший брат Ксанта — Элоф Тессэруа. Собственно, их обоих и убили в ходе ночного нападения «Аркана». Это сообщили гэшээрорцы: якобы их часовой заметил Тессэруа на территории МД беседующими с «Арканом» — причём как раз о давнс

продолжающейся работорговле, для прикрытия которой используется завод. Часовой подсобрал народу, включая руководителя, все дружно выпрыгнули на преступников из-за кустов и предложили сдаться. По ним, что вполне ожидаемо, хотя и не очень рационально, был открыт огонь. В результате ставки остались без руководства, МД — без владельца завода, а отступивший «Аркан» — без одного солдата, труп которого они бросили на месте сговора. Свидетельств со стороны МД, понятное дело, нет. Поэтому поутру старшие офицеры Генштаба решили отправить проверяющих на завод Тессэруа в надежде найти компромат, а заодно и Посланника своего прихватили. Вот только-только отбыли. Нас ждёт увлекательное расследование — совместно со следователями от МД, которыми могут оказаться кто угодно.

— Ты считаешь, этот отряд от якобы «Аркана» связан с нашим диверсантом? — Адамас легче, чем он ожидал, перешёл со своим старшим на «ты». Стиан фыркнул.

— А ты сомневаешься? Очередная многоходовка, в которой кто-то явно очень много врёт. Нападение было на территории МД, а участвовали в нём генштабовцы. Причём вместе с руководителем. Тебе это не кажется подозрительным? Заметь, со стороны МД ни одной жертвы, кроме самого ставленника, — что неудивительно, так как они с владельцем завода родные братья. Тёмно там, очень тёмно. Да и Посланники под прицелом сейчас, они теперь управляются с базой, пока замену руководству не прислали.

— Нам пора их переименовывать, — мрачно заметил Адамас. — Доброй воли в свете произошедшего они уже точно не посланники. Скорее, смертники...

— Авось успеем кого спасти, — подмигнул ему Стиан, явно ничуть не впечатлённый. Хорон отвернулся к окну, следя за почти не сменяющейся степью вокруг и размышляя, стоит ли наконец задать Стиану все интересующие его вопросы по поводу его биографии, раз уж он так снизошёл до него (и, ко всему прочему, состоит в отношениях с Дилайлой), и, всё же решившись, посмотрел опять на ведущего машину тераса.

— Стиан... сколько ты уже доверенное лицо моего отца?

— Девять лет, — немедленно отозвался тот, не отрывая взгляда от дороги.

— Скажи, а почему я до сих пор о тебе не слышал?

— Агенты внедрения — очень незаметные люди, — Стиан усмехнулся. — Чем меньше о нас знают, даже свои, тем лучше. Особенно о таких, как я.

— Ты вошёл в круг приближённых благодаря тому, как ты талантливо изображаешь всех подряд?

— Этого мало?

— Мало. У отца только преданные фанатики в окружении. К тому же очень необычные. Он бы не отослал на базу Посланников, к тому же ко мне, Миа, Бельфегору и Шштернам, кого попало.

— Я не понимаю, что тебя не устраивает? — терас скосил на него глаза. — По-моему, по мне отлично видно, что я преданный фанатик. Талантливый и необычный преданный фанатик. Заметили и приблизили, что тут такого?

— Сложно объяснить, — Адамас закатил глаза. — Ну не попадают к нему вот так запросто! Что у нас, талантливых мало? Плюс сразу по окончании охоты меня скрупулёзно познакомили со всем кругом — ты должен был там быть, но тебя не было. Не захотел общаться? Ты какой-то уж чересчур особенный даже для окружения моего отца!

— Жемчужина, согласен, — Стиан уже откровенно улыбался.

— Мне, может, твоё досье раскопать, раз сам не хочешь признаваться?

— Ты мне угрожаешь?

— Я предупреждаю!

— Раскапывай. Кто у тебя в окружении преданный талантливый фанатик?

— Сам напросился, — Адамас, осознавая, что его откровенно понесло и он уже ничего не может с этим сделать, достал телефон и начал писать Эдмону: его связей должно оказаться достаточно, чтобы найти личное дело даже такого скрытного агента, как Стиан Шварцзее.

Эдмон отозвался сразу, коротко: «Сделаем», — и ещё через десять минут пришёл файл. Адамас видел, с каким подозрительным интересом за ним наблюдает Стиан, и его причину понял по прочтении первой же страницы: там не сообщалось ничего, кроме того, что Адамас и так знал. Дальше следовали описания некоторых особо важных миссий, выполненных Стианом выше всех похвал, тоже ничего особенного, таких хватало у каждого агента, дослужившегося в почти тридцать шесть до I уровня, и подобные уникамы встречались и вне доверенных лиц Рэкса.

— Ладно, копнём глубже, — пообещал Адамас, не поднимая головы, и опять принялся строчить Эдмону. Стиан хмыкнул, отворачиваясь.

На этот раз пришлось ждать дольше, но кузен справился. Второе досье оказалось куда тяжелее и в тысячу раз интереснее. С замиранием дыхания Адамас прочитал две первые страницы и посмотрел на переставшего улыбаться тераса.

— Теперь я понял, почему ты вначале со мной так холодно разговаривал и вообще не был рад, что будешь со мной работать, — растерянно проговорил он. — Я, оказывается, своим побегом в восемь лет сорвал тебе важное задание, первое лично от моего отца. Вот кто меня до вокзала выследил...

— Нет, не поэтому, — Стиан нехорошо ухмыльнулся. — Ты что, не помнишь, как всё было? По какой, по-твоему, причине отец так разозлился на тебя?

— Ну, я его не послушался, хотел сбежать...

— Ты серьёзно сейчас? Вспоминай. У Страховых хорошая память, и ты не исключение. Как тогда было?

— Ладно, как скажешь, — Адамас вздохнул, восстанавливая детали. — Я тормознул первую попавшуюся машину почти у ворот нашего дома, хотел добраться побыстрее. Сильвис лет тридцати, водитель, спросил, кто я и куда мне. Я ответил и ещё добавил, что мама смотрит из окна, ну, чтобы он не думал, что меня легко похитить. Меня пригласили садиться, я ушёл на заднее сиденье, рядом с водителем ещё был терас примерно того же возраста — ты, теперь понятно, внедрился к агенту МД, я случайно на вас наткнулся. Меня высадили на вокзале, и там меня уже ждал отец. Ты сообщил, да?

— Я сообщил, да. Ты всё правильно помнишь. Осталось сделать правильные выводы. И в чём прокололся, и как миссию мне запорол...

Адамас непонимающе смотрел на него, чуть ли не по слогам прокручивая в голове только что сказанное. Тормознул машину... водитель спросил... ответил... мама из окна... От внезапной догадки он испытал почти физическую боль.

— Я же наш адрес сдал, — сипло произнёс Адамас. — Вот так запросто. Назвал своё имя и фамилию по привычке, упомянул маму — и эмдэшник сразу понял, что Рэкс Страхов живёт здесь...

— И мне пришлось его убить, — согласно качнул головой Стиан. — А я почти подобрался к нужной информации. В этой стычке он меня тоже чуть не грохнул, потом в

штаб я приполз, капая кровью на свежевывмытый пол кабинета твоего отца. И конечно, всё рассказал. Сорвался, помянул тебя последними словами — восьмилетняя мелочь, знаешь же, что идёт охота, а полез куда-то, чуть всю семью не угробил, я слишком много пережил, чтобы Эдриан вновь правил ГШР... Накрутил, короче, твоего отца как смог. Он и пошёл вершить правосудие. А Кит и Лемм, которые там сидели тоже, переглянулись и предложили командировку в Ториту, чтобы я пока глаза старшему советнику не мозолил. Да и сам... не выступал. К Дилайле и отправили. Ещё вопросы?

— О, у меня есть парочка, — Адамас перевёл дух, больше не решаясь смотреть на так и горящего холодным гневом Стиана. — Тут написано, в круг приближённых ты вошёл 26 июня 2656 года — как раз в этот день Дилайла заявила к нам вечером перед отправкой в Ториту, и мой отец, несколько дней до этого без устали решавший какие-то очень важные вопросы, с радостью убежал на работу. Уж не тебя ли принимать в «гвардию»?

— Так вот почему он наконец появился в Управлении, — задумчиво проговорил Стиан, остывая.

— Расскажешь подробнее? До этого, как тут в досье сказано, ты был идейным вдохновителем оппозиции против него — и за Эдриана, — как так получилось, что ты в один день перешёл на их сторону?

— А это, Адамас, связано с тем, что ты лично за один месяц пытался совершить дважды, — с подлостью, — странно улыбнулся Стиан и начал рассказывать.

* * *

В тот памятный год, когда вскрылась страшная тайна синайцев и Рэкс в один день захватил власть в ГШР в свои руки, Стиан как раз с отличием выпустился из Академии и проходил стажировку у опытного разведчика, не сказать чтобы с восторгом встретившего перемены, как и ещё минимум треть столичной ставки — и половина мирового контингента организации. Впрочем, Стиан никогда не был зависим от чужого мнения и восшествия Рэкса на пост старшего советника не принял по собственным причинам. Вся вина за случившееся лежала на казнённом бывшем советнике Тэнне Грехове, президент Эдриан же был тяжело болен — и, как считал Стиан, слепой бы заметил, что Страхов власть попросту узурпировал, воспользовавшись немощью главного противника. Конечно, у него нашлись сторонники, и немало, но без них Рэкс и не смог бы ничего сделать. Он уже давно опутал своей паутиной канарийскую ставку — ничего удивительного, что никто не посмел выступить против.

Первые два года Стиан разведывал обстановку. Его никто толком не знал, он не светился даже своими несомненными талантами, лишь бы не вызывать подозрений у всевидящих безопасников узурпатора. Со стажировки его в итоге чуть ли не вытолкали взащей (наставник сказал: «Я очень, очень разочарован в вас, агент Шшварцзее»), но Стиана это ничуть не волновало. От него больше ничего не ждали — а значит, не будут ожидать и осведомлённости. Заработав подряд два понижения — до IX уровня, почти дно, — Стиан выполнял черновые миссии, а в свободное время смотрел и слушал. Настроения. Процентное соотношение. Истинное положение дел. И, спустя ещё год почувствовав наконец себя во всеоружии, создал оппозицию.

Специально для соратников Стиан сотворил яркого, вдохновляющего, харизматичного лидера — и пошли даже те, кто сомневался. Он знал, на что нажимать, что говорить, что

вспоминать, — и хотя в глубине души сам призывал, что с Рэксом в Генштабе стало лучше, вот такого подлого удара в спину действующему президенту он простить не мог. И с помощью верных соратников жалил и без того загоняемого Аспитисом в угол Рэкса, сколько хватало сил.

Главной целью, конечно, было попасть на глаза Эдриану — в его доверенном кругу у Стиана были бы развязаны руки и появился бы доступ к куда большему количеству ценной информации, которая помогла бы однажды окончательно вывести узурпатора поста и всю его шайку-лейку на чистую воду. Долго для Эдриана стараться не пришлось: полгода подпольной борьбы, и президент сам вышел на него. Так Стиан стал его личным телохранителем, создав при этом ещё одну личность с поддельным прошлым, чтобы безопасники Рэкса не нашли к чему придраться. Один лишь Эдриан знал, что неуловимый лидер оппозиции Домеус Шшарк и молчаливый суровый боец-телохранитель президента Авраам Шшена — один и тот же человек.

Про то, что оба они являются на самом деле неприметным и бесталанным Стианом Шшварцзее, он не сказал даже Эдриану. И, как потом оказалось, был совершенно прав.

Отныне Стиан был в самом центре их негласного противостояния — дьявольски умного Рэкса Страхова и притворно подчиняющегося ему Эдриана Пикерова со змеёй-женой в собственном тылу. Эдриан предложил Стиану подстраивать узурпатору опасные операции для его преданных сторонников, лить дезинформацию, даже как-нибудь натравить на него лично эмдэшников: охота на всех подряд сразу кончится, как только Аспитис получит своего злейшего врага. Но Стиан не обладал такой властью, да и было это чересчур, как бы сильно он ни жаждал справедливости. Не уподобляться же, в конце концов, в поведении Страхову.

Стиан много подпортил им крови за эти три года. Он знал, что страховская команда ищет его всем миром и средствами, но он отлично умел подчищать следы, к тому же не так-то просто сопоставить троих совершенно разных агентов, пусть и терасов. Стиан был причиной минимум трёх удачных покушений на приближённых Рэкса (жаль, не смертельных) — особенно он гордился тем, что на четыре месяца сумел вывести из игры Кита Гаспарова, его больше всего следовало опасаться. Один раз сфальсифицировал измену одному незначительному агенту, стороннику Страхова, больше для смеха и шоу: смотрите, даже его верные солдаты готовы продать своего командира за бесценок! — но был неприятно удивлён последовавшей реакцией. Всё происходило на людях, с более чем исчерпывающими доказательствами, со свидетелями и обвинениями — однако Рэкс не поверил. Просто не поверил, что конкретно этот агент может его предать, и никто из его банды не поверил. Ледяным тоном он потребовал у президента отпустить его под «его личную ответственность», и тот, конечно же, подчинился, что ему до таких мелочей. А Стиан чуть ли не впервые задумался, почему его враги так уверены в лояльности собственных солдат — и почему те и вправду его не предают, как он ни старается нарыть доказательства обратному.

Ну а летом 56-го на Стиана наконец вышли. Чтобы стубить Рэкса, он уже не прилагал почти никаких усилий — осоловевшие от безнаказанности эмдэшники и сами отлично справлялись. И потому очень удивился, когда в один далеко не прекрасный день по приходе в Управление на подступах к кабинету президента, где пока дежурил его сменщик, его схватили дюжие молодцы из сторонников Рэкса и с криками «Изменщик!» втолкнули к президенту. От невероятности происходящего (они должны были привести его к Рэксу, раз уж вычислили) Стиан потерял дар речи и молчал всё время, что Эдриан выслушивал доклад

свалившихся к нему агентов. Обвинения были притянуты за уши, доказательная база хромала, и к концу Стиан восстановил самообладание: президент просто не поверит такой чуши. И онемел вторично, когда Эдриан презрительно сощурился и, сказав лишь одно слово — «Казнить», — вновь уставился на свои бумаги.

Потом у Стиана не нашлось сил сопротивляться. Его, оглушённого, провели мимо странно улыбающегося секретаря, главного осведомителя Страхова, бывшего бандита Домино Кирсте, мимо зашедшего как будто невзначай начальника оперативного отдела Лемма Шштерна, наоборот непонятно печального, и утащили в казематы. Произошедшее дальше ещё лет пять после являлось Стиану в кошмарах. С казнью тянуть не стали: быстро нашёлся и палач, и способ — смертельная инъекция, — и подходящая камера, всё определённо было приготовлено заранее. Задёргавшегося было Стиана в два счёта привязали к стулу кожаными креплениями, в круге света появилось ухмыляющееся лицо палача, сверкнул шприц с серебристой жидкостью, левую руку на мгновение обожгла боль — и под напором расползающегося по крови холода попрощавшийся с жизнью Стиан провалился в темноту.

Спустя неизвестное количество времени пустота и тьма начали приобретать форму. Сквозь вату прорезались голоса, гулкие, словно из пустого помещения, и до боли знакомые — это, что ли, тот самый ад?

— Неужели нельзя было проще? — как будто задумчиво спросил кто-то с едва заметной хрипотцой. Другой саркастически хмыкнул.

— Тебе его, что ли, жалко? Мне вот ничуть. Один сантиметр влево — и за компами я сидел бы в инвалидном кресле. Этого ты хочешь от своего третьего глаза?

— Ты, скорее, мой второй рот. Много разговариваешь, в ушах звенит.

— А ты на работу приходи почаще, смогу показывать. Я тебя дома, что ли, запер? Ещё и сейчас злой как чёрт. Где ворох благодарности? Где восторженные крики? Где поцелуи ботинок, в конце концов?

— С ботинком могу что-нибудь устроить, — многообещающе произнёс первый говорящий, и Стиан, наконец осознавший, что у него есть все части тела, в том числе глаза, рискнул открыть один из них.

В помещении было темно, но он всё равно различил стоящих перед собой — и чуть не распахнул рот от изумления. Третий из собравшихся подтолкнул соседа, указывая на очнувшегося Стиана, и тот обратил на тераса взгляд казавшихся почти чёрными глаз.

— Приятно познакомиться, Стиан Шшварцзее, — как-то совсем по-доброму улыбнулся он Стиану. — Заставил ты нас побегать. Ну что, готов вести конструктивный диалог?

— Не понял, — медленно проговорил терас, обводя взглядом насмехающегося над ним Кита Гасспарова, чуть склонившего набок голову Рэкса Страхова, знающего не только о его оппозиционной деятельности, за что, по идее, его и повязали, но и настоящее имя, и сощурившего чайные глаза Рафаэля Талайсибару. Из темноты вдруг выступил Домино.

— Ещё бы он вам что понял, застращали парня, — проворчал он и, в два шага приблизившись к терасу, так и сидящему привязанным к креслу, освободил его от ремней. Машинально Стиан начал растирать запястья, неотрывно глядя на всех четверых.

— Водички? — заботливо спросил Рафаэль. Это был финиш — Стиан расхохотался, уже не в силах переживать из-за того кошмара, который с ним приключился стараниями этого сумрачного гения. Он был жив, жив и, кажется, свободен — и как они его сделали! Вот уж анекдот!..

— Здоровый смех — первый шаг к исцелению, — хмыкнул Рэкс, когда Стиан отсмеялся и изъявил готовность слушать. — Как себя чувствуешь, оппозиционер-внештатник?

— Голова кружится, — признался терас. — Как вы меня вычислили?

— Наш Зоркий Глаз постарался, — хорон кивнул в сторону оскалившего заметные клыки в улыбке превосходства Кита. — Два дня сопоставлял кадры с видеосъёмки из-за одного показавшегося ему подозрительным. Все рано или поздно палятся, сам знаешь.

— И чего вы от меня хотите? — с незнакомым самому себе восторгом спросил Стиан.

— Окончания подрывной деятельности. У меня и так забот по горло, ещё возобновления опалы в собственной организации не хватало.

— Возобновления? — нахмурился Стиан. — Я вроде не делал перерывов.

— Ты-то не делал, а вот Эдриан взял паузу на целых три года, пока не спелся с тобой. До того как все узнали про его близкое, вена в вену, общение с синайцами, за моей головой охотился не МД, а пол-ГШР. Очень уж президент боялся, что я отберу у него власть.

— Ну, — подхватил Кит, — как видим, не зря!

— Но синайцы — это же Тэнн, — возразил Стиан. — Ты казнил его, зачем власть-то захватывать? Страховы всегда были правой рукой, а не головой!

— Во-первых, не Тэнн, — усмехнулся Рэкс, скрещивая на груди руки. — Он помогал, да. Организовывал. Но идея шла от династии Пикеровых. Это очень длинная история, и ты мне всё равно не поверишь. Я не прошу тебя перейти на мою сторону, хотя такой талантливый перевёртыш нам бы пригодился. Я лишь ищу способы договориться. Назови свою цену за моё спокойствие — и мы разойдёмся миром.

— Наверное, не стоит спрашивать, что ты сделаешь со мной, если я откажусь?

— Не люблю угрожать, — Рэкс чуть поморщился. — Недолгая это гарантия. Мы устроили всё это шоу, чтобы разговаривать на равных. Я мог бы просто намекнуть парочке особо обиженных тобой агентов, кто виной их бедам, и проблема решилась бы сама собой.

— Почему же нет?

— Я не Эдриан. Надеюсь, ты увидел, как он ценит своих верных солдат. Так было и с моей семьёй: до определённого момента Страховы ни за какие блага не возжелали бы власти, их и так всё устраивало. Но кто-то что-то там себе надумал... Не мы начали эту войну, но я бы с удовольствием её закончил. Тебе нужно время, чтобы подумать?

— Я хотел спросить, — Стиан сцепил поставленные на колени руки, — почему ты не признал измены своего сторонника? Я на сто процентов уверен: он и в самом деле предал. А ты — съел?

— Я знал, что он не мог, — пожал плечами Рэкс. — Доказательств не было, но мы знакомы, а я пока не ошибался в людях. Это ведь ты сфабриковал?

Стиан кивнул, размышляя.

— Талант, — одобрительно хмыкнул Домино. — Рэкс, ты точно не имел доказательств?

— Ты на чьей стороне, Домино? — вскинул брови хорон, и Кит рассмеялся первым. Стиан смотрел на всех них и пытался понять, как же раньше он не увидел, кто чего стоит — они и Эдриан. Почему иногда надо оказаться в полной заднице, чтобы осознать что-то важное?

— Получается, и от Аспитиса ты ждал, что однажды он отвернётся? — опять спросил он, но уже тише. — Вы вроде были соратниками, а потом эта странная история, и всё. Или это планировалось изначально?

— А ты сам чему веришь? — глаза Рэкса превратились в подлинные колодцы, и Стиан

замаялся.

— До этого момента в одно, теперь, похоже, в другое. Так ты знал, что он отвернётся?

— Я был к этому готов. Он — сложный человек, — Рэкс вздохнул. — Я знал его с молодости. Он всегда был один и всегда ожидал подставы, даже от близких друзей. Поэтому и поддался так легко. Но это поправимо. Не сразу, но...

— Ясно, — Стиан встал. — Я бесплатный, Рэкс. Бери и пользуйся. Только подтасуй как-нибудь мне хотя бы VI уровень, а то много пользы я не принесу.

Рэкс в ответ только улыбнулся — немного радостно и с большой благодарностью,

* * *

— Вопросы? — поинтересовался Стиан, закончив свой рассказ, и пребывающий в каком-то полузабытии Адамас моргнул, возвращаясь в реальность.

— Сколько ни слышу историй про приближённых отца, каждый раз что-то восхитительное, — признался он. — А через месяц тебя, получается, отправили проверить интернат, где работала Дилайла. Сати рассказывала, в своих хождениях по дому ты наткнулся на неё и Беккера в подвале... Чем ты там занимался?

— Проверял один звонок папе от слегка расстроенной дочери. Надо было перерыть все бухгалтерские документы интерната сверху донизу. А Дилайла ведь даже не жаловалась — так, всего-то мимолётное предположение. В итоге вопиющий случай коррупции, из-за которого равно страдали как не участвующие воспитатели, так и — особенно — дети. Заодно познакомился с Дилайлой, со слов Сати ты знаешь, какие у нас сейчас отношения, — Стиан улыбнулся.

— Надо же, как на одном человеке всё сходится, — протянул Адамас. — Но ты прав. Это было подлостью. И то, что Эдриан тебе сделал. И то, что почти сделал я. Я начал это хорошо видеть... после Нового года. Поэтому очень стараюсь быть полезным.

— У тебя ещё будут шансы проявить себя в большей степени. Раз Рэкс тебе доверяет, я тоже.

Адамас, почувствовав, что вновь краснеет, побыстрее отвернулся от весело разглядывающего его Стиана и вновь стал смотреть на бегущую за окном степь. В списке подлостей, которые он твёрдо сказал себе исправить любой ценой, была ещё одна, к её искуплению он собирался приступить чуть позже, но о ней терасу знать пока не стоило.

Глава 12. Улыбайся

Солнце шло к полудню, всё больше накачивая тяжёлой жарой, ощутимой даже здесь, на второй границе Дракона, едва шевелящийся воздух и каменные стены главного здания эмдэшной ставки, — ни от ушедших разбираться на завод гэшээрцев, ни от Лихослава не было никаких вестей, и Эжен начинал беспокоиться. Он не спал с самой ночи, когда начался весь этот кавардак, вынужден был стоять не сгибаясь в навалившейся на их ставку душной даже без солнца атмосфере взаимного недоверия, постоянно норовящего перейти в открытую враждебность, и вполне отдавал себе отчёт в том, что сейчас мог раздуть из мухи слона. Эжену давно не было так страшно — возможно, со смерти родителей и, возможно, именно потому, что, как и тогда, он боялся не за себя, а за кого-то другого — в данном случае Лихослава...

Офицеры заглядывали к нему чуть ли не каждые десять минут, тоже все на нервах, старающиеся и всё равно не способные поверить словам своего Посланника о том, что, как бы что ни повернулось, их никто не посмеет назвать предателями. Хоть бы одна весточка — было бы легче. Хоть что-то дающее ему право действовать, звать на помощь, сражаться, погибать, но только не ждать, прокручивая в голове всевозможные ужасы. Пусть уже возвращаются и обвиняют бывших союзников во всех смертных грехах — Эжен и не надеялся на другой исход. В других ставках, говорят, тоже уже неделю или больше творится чёрт-те что, Посланники знали, на что подписывались.

С дрожью он подумал, что даже известие о смерти Лихослава воспримет сейчас с облегчением — потому что у любой силы есть предел...

Шаткий шаг Эжен услышал, даже стоя у окна, в двух метрах от двери, и рывком обернулся. Дверь открывалась — он подлетел к ней прежде, чем она сделала четверть раствора, и поймал не успевшего схватиться за косяк вдруг ослабевшего Лихослава.

— Тоже форму запачкаешь... — со знакомой подначкой улыбнулся сильвис, пока Эжен поспешно втаскивал его в кабинет и, уложив в кресло, запирает на замок дверь. Левое плечо Лихослава всё было в уже потемневшей крови, медленно сочащейся из пулевой раны чуть ниже ключицы, сам сильвис — бел почти как полотно, но, раз разговоривал, ничего ещё не кончилось.

— Я позову врача, — оценив на глаз ранение, Эжен понял, что не справится сам, вскочил с колен, намереваясь метнуться к двери, но рука Лихослава успела схватить его за рукав, и он замер, оборачиваясь.

— До врача я и сам бы дошёл, — сильвис смотрел на него серьёзно и недобро. — Никто не знает, что я тут. Я сбежал, Эжен. И по пути меня пытались... убить. Так что давай-ка без врача.

Эжен согласно кивнул, отступил к шкафу, где хранилась аптечка, начал разматывать бинты и подбирать инъекторы. Следивший за ним Лихослав хрипло рассмеялся.

— А знаешь, что самое забавное? Заперли меня мои же, когда поняли, что я знаю их грязные секреты. А застрелить почему-то пытался эмдэшник...

Эжен, как раз приступивший к разрезанию ткани на его плече, замер на секунду, потом, сощурив глаза, напоминавшие цветом синий лёд, сосредоточенно продолжил. Лихослав, наблюдавший за ним с усмешкой, хмыкнул.

— А Беккер когда-то правильно изобразил тебя айсбергом, который молча топит

ледокол... Тебе вообще по фигу, да?

— А тебя встопорщенным соколом, — огрызнулся артау, — запутавшимся в собственных крыльях. Для тяжелораненого ты слишком много болтаешь!

— Да потому что мне до последней жилки страшно, Эжен. Я боюсь, что замолчу — и всё...

Эжен, вздрогнувший от его глухого, напряжённого голоса, ободрительно улыбнулся, быстро, но с чувством поцеловал в покрытый испариной и слипшимися русыми волосами висок и, уже не отвлекаясь, занялся раной. Лихослав, сцепив зубы, наконец замолчал. Когда на его плечо легла последняя лента бинта, артау отодвинул под кресло распотрошённую аптечку, положил голову сильвису на колени и, глядя снизу вверх, максимально спокойно спросил:

— А можно теперь подробнее? Пока действует анальгетик...

— Я и так могу! — Лихослав попытался сделать широкий жест, зашипел от боли, прорвавшейся через анестезию, и поумерил пыл. — Меня отослали, но я подслушал. Они советовались, как выпутаться. Как так обвинить твоих, чтобы на них не подумали. Всю эту историю про встречу Тэссера с агентами Азата они придумали. На самом деле это была стандартная встреча торговцев с охранниками для обмена деньгами. И из ниоткуда появились аркановцы, которые всех и перестреляли. Оставили... одного убитым и... сбежали...

Эжен услышал, как он задыхается, и сжал его целую руку, призывая к молчанию. Посеревший Лихослав слабо кивнул, и артау сам продолжил:

— Значит, и у нас диверсия. Кто-то об их незаконном бизнесе узнал и решил всех стравить. Конечно, они не признаются. И конечно, никто и в бреду не помыслит, что генштабовцы — не эмдэшники — связались с криминалом здесь, в стратегически важном месте. Я сообщу нашему куратору. Пусть они решают.

— А они... поверят? — выдохнул сильвис, и Эжен улыбнулся.

— Конечно, поверят. Кому им ещё верить, как не нам?

Лихослав опять кивнул. Артау извлёк из кармана сотовый и набрал номер Рафаэля. Хиддр отозвался сразу же, следующие две минуты Посланник излагал ему произошедшее во всех возможных подробностях, со всеми своими догадками и тревогами.

— Комиссия с нашей стороны уже едет, — сказал Рафаэль после короткой паузы. — Лихослава пока никому не показывай. Управление на тебе, Эжен, справишься?

— Я, может, всю жизнь об этом мечтал! — с вызовом усмехнулся артау.

— В следующий раз мечтай о чём попроще, а то тоже исполнится, не дай небо. Мои люди всё будут знать о вас, МД мы пока не скажем...

— Я им верю, господин советник!

— Я твоим — тоже. А вот чужим не совсем. Продержись ещё часок.

— Понял, до связи.

Стоило убрать телефон, как в дверь забарабанили.

— Эжен! — раздался из-за неё взволнованный голос одного из офицеров. — Часть уехавших вернулась. Хотят нас линчевать!

— Иду, Могон, — Эжен в последний раз успокоительно сжал ладонь Лихослава, смотрящего на него с болезненной неподвижностью и страхом, и встал. Кто бы мог подумать, что от его умения держать лицо перед целой группой озлобленных взрослых, вытренированного ещё во времена бродяжничества в десять лет, когда-то будет зависеть

куда больше одной жизни.

Вместе с Могоном, взъерошенным, тоже невыспавшимся кейером, они выбежали во двор перед главным зданием, где стояли несколько офицеров и простых солдат от МД — чуть ли не лоб в лоб с уже взявшимися за оружие четырьмя генштабовцами из тех, кто утром отбыл на серебряный завод Тэссеруа.

— Я призываю к тишине! — строго возвысил голос Эжен, останавливаясь позади своих, и те неохотно расступились, открывая проход к скалящемуся офицеру Генштаба. — Пока нет руководства ни у той ни у другой стороны, я главный. Вы отказываетесь подчиниться?

— Своих покрываешь, Посланник? — злобно сощурился генштабовец-вельк, весь в тонких, со скрученную ленту, косах, разметавшихся по широким плечам. — Мы привезли доказательства, что это вы всё организовали!

— Польщён. А где мой коллега для большей легитимности грядущего обвинительного процесса? — усмехнулся Эжен, высоко держа голову. Вельк сплюнул в сторону.

— Твоего любовничка мы оставили на заводе, чтобы не мешался под ногами. О какой беспристрастности может идти речь, когда вы спите в одной постели, Посланники?

— Старшим виднее. Кстати, независимые эксперты к нам уже едут. Будьте добры их дождаться. А то как бы поспешными действиями сами себя не скомпрометировали.

Вельк — Эжен так и не смог вспомнить, как его зовут — на мгновение обернулся на соседа, выслушивающего артау с нахмуренными и сдвинутыми к самой переносице бровями, и, вновь взглянув на Посланника, нехорошо осклабился.

— Мы подождём. Крепка надежда, да не вечна.

Эжен молча смотрел, как генштабовцы уходят, потом разъяснил своим всё по поводу ожидавшейся комиссии и решил вернуться к Лихославу. Кого, интересно, Рафаэль пришлёт к ним восстанавливать справедливость? Уж не Адамаса ли со Стианом, которые уже успели засветиться в распутывании двух не менее взрывоопасных ситуаций?..

* * *

Почти два часа после их знаменательного разговора Адамас молчал, глядя в одну точку и никак не реагируя ни на редкие ухабы, попадавшиеся на дороге, ни на горы, быстро вынырнувшие из-за горизонта и неумолимо надвигавшиеся на них. Стиан тоже в своей обычной ипостаси не был любителем пустой болтовни, поэтому не трогал его, размышляя над тем, что пока было известно о случившемся в Серебрене. Факт вскрытия подобной аферы был поразителен вне зависимости от того, кто проворачивал её всё это время, и от ставки стоило ожидать чего угодно. Были ли напавшие на Тэссеруа аркановцы связаны с предыдущими диверсантами? И если да, откуда, чёрт подери, у Азата столько эксклюзивной информации: о слабых местах Посланников, о психологии ГШР и МД? И чем всё-таки так не угодила внешне ничем не примечательная ставка, в подрыве которой погиб за полгода так и не выдавший себя Эрих?

Когда они завернули по направлению к горам, Адамас как будто очнулся. Он тряхнул головой, явно избавляясь от ненужных или неприятных мыслей, и повернулся к Стиану.

— Это кто-то из своих, — тихо проговорил он. — Не Азат. Азат не смог бы так красиво всех подставить. Раньше его диверсанты просто срамливали объединённые отряды, почти без разбору, мешая продвигаться или разрывая неожиданные связи. Сейчас у них бы не

получилось, Бельфегор говорил мне, что за месяц работы Посланников взаимная враждебность почти сошла на нет. А для сложных интриг у него агентуры не хватит. Было бы по-другому, столько времени ГШР и МД в дружбе бы не продержались.

— Согласен, — кивнул Стиан. — Верхушка давно подозревает, что есть кто-то внутри, например, МД, действующий сразу против всех. Наладившиеся отношения твоего отца и Аспитиса ему ни в рог не упёрлись.

— Если МД — почему все шишки на него валятся? Почему не по очереди или только на ГШР? Какая разница?

— Есть у меня некоторые догадки... но их я выскажу, когда и если мы выйдем живыми из Серебрена. Ты хорошо общался с Эженом и Лихославом? Я редко имел возможность наблюдать за ними.

— Если ты следил за мной, мог заметить, что после знакомства с Хасом я вообще мало с кем общался, — хмыкнул Адамас, и Стиан скептически вскинул бровь. — Ну, ладно, может, поверхностно... Но с ними я старался не заговаривать, они же никого не видели, кроме друг друга. Спокойный нетерпимый Эжен, задиристый резкий Лихослав — единственное, что могу сказать определённого, до обмана они ни разу не унижались. Может, и здесь врать не будут.

— То есть считаешь, они в этом не замешаны?

Адамас отрицательно качнул головой.

— Они даже умалчивать об этом не стали бы. В том числе под угрозой расправы. В том числе друг над другом...

Стиан промолчал. Он тоже за время своей работы на учебной базе начал думать в отношении артау и сильвиса о чём-то подобном — удивительно, что Адамас понял это всего-то за рваный месяц своего пребывания там. Он сам-то осознаёт, как чувствует людей? Вот уж страховская проницательность...

Следующую треть дороги они вновь не обменялись и словом. Стиан отвлекался лишь на блокпосты, учащающиеся по мере приближения к Дракону, да позже на горную дорогу. За час до подъезда ему позвонил Рафаэль, и Стиан включил громкую связь, чтобы Адамас тоже послушал.

Краткому изложению пересказанного хиддру Эженом терас и хорон внимали в гробовой тишине. Как только Рафаэль закончил, Стиан поинтересовался:

— Кто будет от МД, уже известно?

— Пока нет, — хмуро отозвался хиддр. — Я даже не уверен, что этот вопрос будет решать Аспитис. Не удивляйся, если окажется, что этих людей ты видишь в первый раз.

— Я удивлюсь скорее обратному, Рафаэль, — со злой весёлостью отметил Стиан. — Какие у нас полномочия?

— Разумные. Но равные с экспертами от МД. Делай, что считаешь нужным. Номер приказа пришлю, как всё будет готово. И имейте в виду, туда уже подъехал сын покойного Ксанта Тэссеруа. Мешаться будет вряд ли, но он однозначно считает виноватыми ГШР.

— Понял, Рафаэль. Разберёмся.

Он отключил телефон, и Адамас загадочно улыбнулся.

— Кажется, становится всё интереснее...

Через час они были у ворот ставки Серебрено со стороны МД — почти такого же городка, куда уехал править Бельфегор, разве что чуть поменьше, раскинувшегося на широком плоскогорье между высоких скал. Вход на часть города, принадлежащую ГШР, был

дальше на восток, но управленцем в ставке был сейчас Посланник МД Эжен, и встречали гостей в его вотчине. На КПП Стиан сообщил дежурному присланный номер приказа — их пропустили без лишних вопросов. Один из охранников показал парковку, потом проводил до главного здания, по случаю жары стоящего с окнами нараспашку, — именно у него, как и в Абруде, собрались почти все.

Первым Адамас увидел Эжена. За недолгий месяц обучения он запомнил артау худосочным, лёгким, похожим больше на призрака, чем на живого человека, — теперь это был уверенный в себе парень с жёстким лицом и очень холодными, цвета снежной тени глазами. Длинные белые волосы он собрал в тугой низкий хвост без единой выбившейся пряди и, несмотря на отлично видные мешки под глазами, держался прочно и с достоинством.

Основная толпа, разделившаяся надвое, отстояла от него и ещё троих на несколько шагов, и можно было хорошо рассмотреть их ещё на подходе. С невысоким тамасом и молодым эрбисом в метре от ожидавшего Стиана и Адамаса Эжена переговаривался ещё один эрбис, примерно возраста Бельфегора, с тёмно-серой кожей, короткими волосами, в гражданской, даже деловой одежде. Когда он почти с ненавистью глянул на уже приблизившихся «экспертов от ГШР», Адамас обнаружил, что глаза у него бледно-голубые, почти как у Алана, и очень опасные.

— Рад вас видеть, — сдержанно улыбнулся Эжен. — Вы четверо почти одновременно приехали. Позвольте представить: следователи от Мессии-Дьявола Ноум Вайссер, — молодой и вместе с тем неопределённого возраста рыжеглазый эрбис оскалил в улыбке зубы, — и Гай Ленной, — тамас лет тридцати с тёмно-коричневой полосой, почти полностью окрашивавшей нос и половину каждой глазницы, и смуглой кожей холодно кивнул. — Следователи от ГШР: Стиан Шшварцзее и Адамас Страхов...

— Ведь не однофамилец? — вскинул брови Ноум, и при звуке его голоса Адамас неосознанно напрягся.

— Нет, он самый, сын Главнокомандующего, — ровно отозвался Эжен. — Как и ваш напарник, выполняет роль ассистента. И — сын покойного Ксанта Тэссеруа, Роар. Выразил желание участвовать в расследовании.

— Скорее в опровержении наговора на организацию, которой моя семья служит с момента образования, — процедил сквозь зубы Роар.

— А торговать рабами ваши предки тоже начали с момента образования? — ухмыльнулся Стиан, похоже, решивший избрать тактику доведения до белого каления. — Кстати, чего: семьи, МД, Севера?

— Какие смелые вопросы для человека, который отлично знает, что в рабовладении в своё время по уши измазался управленец второго здешнего завода! И почему-то Троя Регулова за это даже не посадили!

— Это вы намекаете, что начал всё Трой, а ваш отец изо всех сил сопротивлялся?..

— Господа, — вмешался Эжен: Роар как раз сжал кулаки, зашкаливающе пылая праведным гневом. — Мы всё-таки собрались здесь не для общих оскорблений...

— Я всего лишь хотел уточнить у господина Тэссеруа, — скучающе пожал плечами Стиан, — имел ли он хоть малейшее представление о том, чем занимались его отец и дядюшка. А заодно знает ли он, чем грозит дача ложных показаний.

— Вы вроде следователь, а не дознаватель! — взорвался эрбис. — Или в вашем стане это одно и то же?!

— Я попрошу слова, — на этот раз разогревающуюся ссору остановил Ноум. — Мы как раз к вашему приходу обсудили с господином Тэссеруа этот вопрос. Нет, он не знал. Он также уверен, что ни один из бизнес-партнёров его отца не догадывался об этом криминале. Господин Тэссеруа, вы подтверждаете мои слова?

— Подтверждаю, — мрачно отозвался Роар. — И был бы очень признателен, если бы все вопросы поступали дальше от вас, а не от...

— Без проблем, — вежливо улыбнулся эрбис. — Что-то ещё желаете узнать, прежде чем мы приступим к непосредственному изложению дела?

Здесь, в горах, было не так жарко, как в открытой степи, к тому же двор перед парадным входом в здание находился в тени от раскидистых деревьев с широкими, в пять «пальцев», листьями, но жара всё равно чувствовалась. Адамас мельком подумал, почему нельзя было провести этот увлекательный разговор в каком-нибудь кабинете, но, оглядев напряжённые лица собравшихся справа от Эжена солдат МД, а слева — ГШР, понял, что до определённого момента их просто туда не пустят.

— Да, будьте так любезны, — улыбнулся Ноуму Стиан. — Почему здесь присутствует только один Посланник?

— Лихослав Кахсс не вернулся с завода, мы так поняли, что офицеры от Генштаба предпочли оставить его там в качестве залога, пока расследование не кончится, — погрустнул эрбис. — Но до конца его судьба нам неизвестна. Сам он на связь не выходил.

— Наверное, узнал что-то не то, его и приколотили к стенке, — ощерился Роар. — Если, конечно, сам от расправы там не схоронился...

— Я ручаюсь за то, что Лихослав не имеет к случившемуся отношения, — холодно оборвал его Эжен. — Если вы подозреваете его в измене, значит, вы подозреваете и меня, и всю ставку МД. Будьте последовательны.

— Да кто вас разберёт... — Роар наконец отступил, сконфуженный, и Адамас понял, зачем Стиан распалил его — чтобы добиться равного отношения к ГШР и МД, хотя бы до окончания расследования. Если уж сын изменника не знает, на кого кидаться, что уж говорить об обычных солдатах. К тому же своей несдержанностью он возвёл подозрения и на самого себя, кто-то уже точно задался вопросом, не может ли быть так, что ни ГШР, ни МД здесь ни при чём.

— Это всё? — Ноум вопросительно посмотрел на Стиана, тот благодарно кивнул, и эрбис повернулся к Эжену. — Опишите нам, пожалуйста, в подробностях, что произошло. В общем мы в курсе, но вдруг вы вспомните интересные детали.

Артау начал обстоятельно рассказывать — один-в-один то, что Адамас утром слышал от Стиана. Никаких собственных мыслей или догадок Эжен не выразил, и по его лицу было невозможно понять, как он по-настоящему относится к случившемуся. Мог ли он быть виновен? Адамас склонялся к тому, что оба Посланника не знали об измене до этой ночи. Он покосился на Стиана: тот внимал Эжену благожелательно, более без единой лишней эмоции; на Ноума, всё так же лицом и взглядом вызывающего в памяти не желающие оформляться ассоциации: на лице эрбиса читалось неусыпное внимание и тоже ни единого признака того, в какую сторону он готов шатнуться. Его коллега-тамас же задумчиво смотрел на одно из открытых окон главного здания — и почему-то Адамас решил, что будь он сам повыше и желай замаскироваться, он бы тоже прикинулся тамасом: с их разнообразием лиц скрадывающая нос и глаза тёмная полоса представляла из себя отличную маску...

— Час назад четверо из отбывших на завод офицеров Генштаба вернулись и привезли документы, обличающие преступную деятельность ставки МД под руководством покойного Элофа Тэссеруа при пособничестве его так же покойного брата Ксанта Тэссеруа, — завершил рассказ Эжен. — Собственно, на них вы и должны взглянуть. Если они настоящие... что ж, учиним допрос среди всех агентов МД: уже сейчас вы можете проверить, что ни один из них не покинул базы. Если поддельные — очевидно, это придётся сделать с агентами ГШР. Из наших к ним пока никто не притронулся. У вас есть с собой подходящая аппаратура?

— Вы имеете в виду ноутбук с высоким уровнем доступа в базы, чтобы искать несоответствия? — улыбнулся Ноум. — Конечно. Поставите нам столы?

Кажется, Ноум тоже решил, что скрывать ход расследования от солдат не стоит. Пока под присмотром Эжена самые молодые из собравшихся носили из главного здания столы и стулья, видимо нервничающий Роар закурил, не отрывая взгляда от творящегося во дворе. Стиан чуть ли не по-кошачьи жмурился на солнечные лучи, пробивающиеся через крону деревьев, — Адамас дорого отдал бы, чтобы узнать, о чём он сейчас думает. В отличие от ставки Бельфегора или Сати ныне он совершенно не выглядел опасным приближённым к самой верхушке — скорее, просто острым на язык наблюдательным следователем. И вряд ли хоть кто-то в Серебрене знал о том, кто он на самом деле.

Наконец всё было готово, и эксперты расселись за столами, поровну поделив предоставленные Эженом документы в двух объёмных гроссбухах. Было странно, что столь компрометирующую информацию на заводе не упрятали в электронное, а не складское хранилище, но, возможно, хозяину показалось, что взломать компьютер проще, чем раскопать затерянный в цехах сейф.

— Что думаешь? — тихо спросил у Стиана Адамас спустя пять минут его молчаливого путешествия по базам — не только ГШР и МД, но всевозможных бухгалтерий гражданских компаний, а также учёта трудовой занятости населения и пропавших за последний год. Терас, не отрываясь от монитора личного ноутбука, быстро напечатал в открытом документе «Липа» и тут же стёр. Хорон прикусил губу. Если обвинение против МД несправедливо, значит ли это, что Роар прав и всё держали гэшээровцы? И неужели за время пребывания на заводе они умудрились сфабриковать такое количество документов? Впрочем, если работорговля шла через эмдэшный завод, но под управлением генштабовской ставки, много ли там подделывать...

— Может быть, сделать вам кофе? — осторожно спросил Эжен ещё через пять минут. — Сколько примерно времени займёт ваш поиск?

— Да мы уже почти закончили, — поднял голову Гай — его блёклые серые глаза нехорошо щурились. — Буквально чуть-чуть. Тут не очень подчищали хвосты. Ксанти явно не полагал, что покинет этот грешный мир столь скоро...

— И... — Эжен едва заметно напрягся. — Ваш вердикт?

Стиан снял руки с клавиатуры, внимательно и серьёзно глядя на поднимавшегося со стула Ноума, губы которого вытянулись в нитку.

— Мне не доставляет удовольствия это признавать. Но выдержки из чёрной бухгалтерии настоящие, и они прямо указывают на то, что отмывка денег от продажи рабов, регистрируемых на завод Тэссеруа в качестве фиктивной рабочей силы и поставляемых с Севера «Арканом», шла через МД, — сухо проговорил он. Подавившийся уже на середине его фразы третьей за эти пятнадцать минут сигаретой Роар кашлял и переводил дикий взгляд

с эрбиса на тамаса. Эжен сделал шаг назад, почти незаметно бледнея. Обе части толпы глухо зашумели, и Стиан тоже встал, складывая на груди руки.

— Простите, коллега, но вы ошибаетесь, — он пронзил Ноума взглядом. — Подойдите ко мне, я докажу.

— Мне не совсем понятно, зачем вы защищаете солдат противостоящей организации, особенно в таком деле, — хмыкнул эрбис. — Вроде как этим должен заниматься я.

— Сейчас мы союзники, и без разницы, кто за кого выступает. Давайте сравним результаты. Кто-то из нас точно что-то упустил.

— Чего тут сравнивать?! — из толпы выдвинулся дюжий вельк-генштабовец с несчитанным количеством кос. — Мы с самого начала утверждали, что, раз застали на их территории, МД и виноваты! Прогоним-ка всех через пытки — живо расколется!

— Под пытками кто угодно в чём угодно расколется, — усмехнулся Стиан, но глаза его уже опасно разгорались. — Даже в том, чего не совершал.

Ноум замахал руками, и дёрнувшийся было в сторону тераса вельк раздражённо остановился.

— Господа, давайте будем цивилизованными! — строго сказал эрбис. — Покажите, что вы нашли, Стиан.

Стиан с готовностью отступил от ноутбука, с неопределённой усмешкой наблюдая за подошедшим к нему Ноумом. С минуту тот изучал экран, потом покачал головой:

— К сожалению, я не могу считать ваши выводы достаточными...

Терас демонстративно прошёл к его месту и тоже проверил данные, мимоходом остановив взгляд на улыбающемся Гае.

— Как и я ваши, — резюмировал он, отступая от стола. — Будем голосовать или сыграем в камень-ножницы-бумага?

— О, ради всех святых, — поморщился уже слегка рассерженно эрбис. — Давайте рассуждать логически. Как бы целый отряд ГШР беспрепятственно проник на охраняемый МД завод, если бы их там не ждали? И не кажется ли вам странным, что вернулись лишь четверо, а Посланник остался там? Мне говорили, вроде вы, — он указал на велька, — привели оттуда троих своих солдат. Была ли там охрана Мессии? О чём вы с ними договорились?

— Это вы к чему? — нахмурился вельк. — Что они... что моих там нет больше?

— С вашей стороны даже соваться туда было опрометчиво, что уж говорить о том, чтобы кого-то там оставлять. Так была? Вы ответите на мои вопросы?

— Ну, была, конечно, — вельк неуверенно кивнул. — Договорились, что никто никого не тронет. Они же сами себя тогда подставили бы, мы и не боялись!

— И где хоть одна весточка от оставшихся? — с сожалением улыбнулся Ноум, но взгляд его, по мнению Адамаса, светился знакомым злорадством.

— Я вставлю слово, разрешите, — подал голос Стиан, подкидывающий и ловящий одной рукой беспроводную мышку ноутбука эрбиса. — Вы, господин Вайссер, как я понимаю, настаиваете не только на том, что во всём виноваты ваши коллеги, но и на том, что отправленных на завод солдат и Посланника более нет в живых. Однако, как верно заметил вот этот офицер, убивать их охранникам МД нет совершенно никакого резона. Так зачем же?

— А затем, что, когда тут начнётся война, говорить выгодную правду будут выжившие, — ухмыльнулся Ноум. — Мы все знаем, что по ставкам аркановцы бьют

диверсиями. Обычное стравливание. Не понимаю только, почему вы защищаете предателей...

— И вправду, — хмыкнул Стиан, зажимая мышку в руке. — Особенно если учесть, что мы с Адамасом как раз предотвратили уже два таких бунта, а вас я вижу впервые.

— Бунты можно предотвращать по-разному. Точнее, с разной целью. Может быть, вас не устраивает, что диверсии уже третий раз против ГШР, и вы решили слегка уравновесить положение. Как вы уже сказали, мы все тут союзники...

Стиан скептически поднял одну бровь, в наступившей гробовой тишине сверля Ноума испытующим недобрый взглядом, а Адамас лихорадочно соображал. Неужели история с работоторговлей была нужна, лишь чтобы выставить конкретно Стиана в невыгодном свете? Чтобы больше ни в одной ставке ему не поверили: чего стоит эксперт, разделяющий правых и виноватых по принципу шахматной доски? И ведь даже если сейчас они заявят, что Посланник на самом деле жив и находится в здании, воспримется это уже неправильно. Почему сразу не сказали? Что надеялись выгадать?

В создавшейся напряжённой обстановке никто и не заметил, как во дворе появился ещё один человек, обернулись лишь на звук заскрипевшей деревянной двери — и по толпе пронёсся удивлённый вздох.

— Хватит, — устало бросил держащийся за косяк сильвис возраста самого Адамаса, с короткими вьющимися русыми волосами, обнажённый по пояс и с перемотанным плечом. — Хватит, развели балаган. Живой я...

Эжен немедленно подбежал к нему, чтобы подхватить под здоровое плечо и удержать на ногах. Солдаты и офицеры МД начали негромко переговариваться, стреляя хищными взглядами в сторону резко скучковавшихся гэшээровцев. Ноум громко и вежливо поинтересовался:

— Позвольте узнать, что происходит?

— Это Посланник от ГШР, Лихослав Кахсс, — представил Эжен. — Он пришёл с завода сам, час назад, и я спрятал его до поры до времени, потому что опасался за его жизнь.

— Я сбежал оттуда, потому что узнал, что рабов водили под крышей ГШР, хотя в составе руководства этим делом в том числе был и командир эмдэшной ставки, — сипло сказал Лихослав. — А пока шёл, получил пулю от человека в форме МД, но незнакомого мне. Этот ваш эмдэшный эксперт прав: нас стравливают. Если бы меня убили, уверен, МД оклеветали бы окончательно. К счастью, он промахнулся.

— Удачно, что ты всех разоружил, Эжен, — хмыкнул вообще не изменившийся в лице Стиан, не отрывая глаз от молчащих гэшээровцев. — Что ж, господа... Вы, конечно, можете бежать, кто бы вас остановил. Кто-нибудь да убежит, кого-нибудь солдаты МД, которых вы пытались подставить, выловят. Но вам же будет лучше остаться, для смягчения приговора. У господина Вайссера есть возражения?

Под шум двинувшихся в сторону генштабовцев эмдэшников, так и светящихся облегчением и торжеством, Ноум, улыбаясь, негромко проговорил:

— Каждый может ошибиться, господин Шшварцзее. Я восхищён тем, что вы не стали выгораживать своих коллег.

— Изменники мне не коллеги, — ответно сверкнул улыбкой терас. — По поводу завода у меня также есть предложение. Я мог бы запросить карательный отряд от своих. Пока будет вестись выяснение степени вины всех присутствующих, завод будут охранять те, кого туда пустит ваше руководство. С полномочиями и так далее. Во избежание недопонимания и

повторных диверсий.

— Ничего не имею против. Но детали вам лучше уточнить у Посланника, — Ноум кивнул в сторону Эжена, следившего, как несопротивляющихся солдат от ГШР вяжут, и отчего-то щурившегося. — А мы, пожалуй, поедем. Роар, вас куда-нибудь подбросить или проводить? Или отряда дождётся?

— О, обязательно, — эрбис оскалился и резким движением спрятал пачку сигарет. — Всё мне здесь со всем ясно. Сам поеду. Может, ещё встретимся.

Посмотрев ему вслед, обозлённому, резко вышагивающему, Адамас осознал, что более ничего не понимает.

Ещё около десяти минут они со Стианом молча ждали, пока Эжен раздаст приличествующие указания своим солдатам, потом терас, коротко переговорив с ним, ушёл звонить начальству, а Адамаса Посланники утащили к себе — расспрашивать. Лихослав ради такого дела даже отбрыкнулся от своего возлюбленного, настаивавшего на немедленном вызове врача — или препровождении сильвиса наконец в медкрыло, — но всё-таки вынужденного отступить под его яростным «За час ничего не случилось, ещё потерплю!». По мнению хорона, эти двое отлично дополняли друг друга — и, наверное, как будущие дипломаты, могли бы сделать головокружительную карьеру. Если останутся живы к концу войны, и если МД и ГШР всё же объединятся. Насмотревшись на то, как легко вспыхивала между солдатами двух организаций непримиримая вражда, Адамас всё больше склонялся к мысли о том, что, пожалуй, и правда стоит отдать жизнь, если то потребуется для заключения окончательного, вечного мира.

Потом они со Стианом ушли в то место, где получил ранение Лихослав, — лабиринт заводских пристроек между гэшээрвской половиной и объектами охраны обеих ставок, имеющих общую обширную территорию. Как рассказывал сильвис, напавший в форме МД был в балаклаве, ненамного выше и крупнее его самого, но, кажется, относился, судя по овалу лица, к сильвисоидам. Он выскочил на торопившегося к Эжену Лихослава из-за одного из поворотов, выстрелил и исчез — и был удивителен тот факт, что на таком расстоянии умудрился промахнуться.

Стиан без труда нашёл описанное Посланником место в тени двух близко стоящих друг к другу двухэтажных зданий, на каждое из которых легко можно было забраться по пожарной лестнице. Всех рабочих убрали отсюда ещё с утра, когда серебряновские генштабовцы отправились проверять завод Тэссеруа, так что среди пристроек было тихо и пустынно. Стиан, в несколько шагов обошедший ближайшие повороты, чтобы понять, как стрелок появился и как исчез, наконец замер у стены, неотрывно глядя на несколько капель крови на асфальте под ногами и чему-то рассеянно улыбаясь. Адамас же, выдержав паузу и так и не дождавшись хоть каких-то комментариев, поинтересовался:

— Что думаешь?

— Скорбную думу, юный ученик, — хмыкнул терас, на некоторое время превращаясь в некое подобие Скотта. — Ибо угодили мы с тобой в такую задницу, что уже и фонариком светить бесполезно...

— Я так понимаю, произошедшее на этой базе подтвердило твои догадки, которыми ты обещал со мной поделиться? — Адамас старался говорить непринуждённо, но беспокойство уже обуревало его: если уж каменного, многоопытного Стиана проняло до таких заявлений, ему вообще надлежало биться в панике.

— Можно сказать и так, — кивнул терас и, повернувшись наконец к нему, сверкнул

неожиданной поддразнивающей улыбкой. — Ты, кстати, узнал их?

— Кого?

— Да следователей, кого же ещё. А точнее, твоих старых знакомцев Брутуса Сетте и Доминика Шштерна.

Адамас вовремя взял себя в руки, чтобы не распахнуть в изумлении рот.

— Ноум и Гай — Доминик и Брутус?!

— А то как же. Если бы в группе напавших на Тэссеруа аркановцев не было дюжегс солдата — то ли пеланна, то ли хиддра, — я бы подумал, что это атака с двух фронтов... Но скорее Азат тут и рядом не валялся. Все наши молодые гении. Под началом неизвестной нам крысы в Управлении — или МД, или ГШР.

Стиан мрачно усмехнулся, опять начиная смотреть в пустоту, и изнывающий от нетерпения разузнать подробности Адамас поспешил вывести его из этого состояния.

— Почему ты так уверен, что это они? Мне тоже показалось, что голос и некоторые интонации эрбиса мне знакомы, а уж под тамаса и вовсе очень удобно маскироваться, но...

— Учись наблюдательности, — закатил глаза терас. — У Доминика три родинки треугольником на шее — это, кстати, отличает его от брата, — которые он не стал прятать. Ну а Брутуса, как породистого рысака, я узнал по зубам. При основательной маскировке их форму и размер также стараются спрятать, но они вводили в заблуждение лишь солдат. От нас с тобой они не особо и скрывались.

— Может, стоило раскрыть их при всех? Минус два врага...

— Во-первых, это ещё надо было доказать, — Стиан хмыкнул. — Ты разве не видишь, с какой мощью мы столкнулись? Я заглядывал к нему в компьютер — там точно такой же доступ, как у меня. Как если бы, знаешь, мы приехали от Рэкса, а они от Аспитиса. Там и чипы, и документы переделаны, не спалются на такой мелочи. Во-вторых, какой смысл? Они тоже — лишь исполнители. От выбывания двух, пусть и крепких, кирпичиков стена не развалится.

— Мы могли бы выпытать у них всё о хозяевах, — Адамас сжал кулаки. — Даже без кровопролития. На каждого своя сыворотка правды найдётся. Или ты считаешь, у них за щеками — капсулы с цианидом и они такие же смертники, как и все на этой войне?

Стиан ухмыльнулся углом губ, и хорону совсем не понравилась эта ухмылка.

— Я думаю, Адамас, — медленно и чётко выговаривая слова, начал он, — что иногда надо пожертвовать малым, чтобы в итоге заполучить главный приз. Я всегда был азартным. Я хочу узнать, чем всё это кончится.

— Куда дальше? — не понял Адамас. — Мы почти на пороге раскрытия какого-то подпольного объединения изменников, имеющего доступ к любой информации и явно не желающего окончания этой войны. Ты прав, Азат со своими мелкими сепаратистскими замашками нервно курит в уголке. Чего мы ждём? Пока моего отца или Аспитиса, Бельфегора или меня распнут на фоне кровавого заката?

— Ты, конечно, прав, Адамас. Но нужно смотреть глубже. По окончании нашей деятельности наладчиков в Абруде я задался вопросом: будет ли следующая диверсия? И, если будет, зачем?

— В смысле, зачем? За тем же, зачем и предыдущие. Стравить, разделить, помешать...

— А какой резон? — Стиан всё так же непонятно ухмылялся. — Они знают, что мы идём за ними по пятам. Ладно в Родане твоё наличие могли списать на случайность. Но в Абруде ты вместе со мной появился чуть ли не одновременно с самой диверсией. И

предотвратил бунт. Логично, что и в третью, и в четвёртую ставки мы так поедём. Да, кто-то погибнет, но МД и ГШР всё равно не перессорятся окончательно. Если изначальная цель была подорвать институт Посланников — мы с успехом этому помешали. К чему же раз за разом в дождь поджигать запал?

— Ну... — Адамас ещё пытался сопротивляться его логике. — Если от кого-то из нас избавиться, мы уже не очень помешаем. Может, не такие уж они сильные, не подрывают же ставку за ставкой, в конце концов, а могли бы — для разжигания той же самой розни...

— Я, пожалуй, твоему отцу об этом разговоре рассказывать не буду. А то он расстроится — вроде учил, учил, а всё без толку, — безжалостно хмыкнул Стиан. — Если ты не заметил, наш оппонент действует тонко, подрывать ставки ему незачем. Опасайся он наших недюжинных следовательских способностей, как ты это предполагаешь, нас застрелили бы ещё по дороге сюда. С такими-то возможностями. Нет, мы ему явно нужны живыми. Осталось понять для чего.

Адамас чуть помолчал, укладывая в голове всё сказанное и по ходу дивясь сложности, потом добавил:

— Ещё было бы неплохо выяснить, в чём состоял великий смысл покушения на Лихослава.

— Да, мне это тоже любопытно, — кивнул Стиан. — Промануться с трёх шагов — специально, что ли, солдата подбирали? Ну а то, что в итоге получилось после разыгранного «эмдэшными» следователями спектакля, кажется мне уже чересчур хитроумным. Я, в общем-то, понимаю, на кого шла основная атака, но примерно того же и с меньшими усилиями они добились бы, просто пристрелив Посланника.

— И на кого же она шла? На твой авторитет?

— Частично. А вообще — конечно, на Роара.

— На... Роара? — Адамас мысленно взмолился о прибавлении ума: кажется, рано он полез на Север, раз каждая новая фраза Стиана приводит его в ступор.

— Ну да. Зачем-то им понадобилось, чтобы именно у Роара сложилось очень нехорошее впечатление и от меня, и от ГШР в целом. Конкретно здесь они не собирались никого стравливать, лишь показать ему, какие мы волки в овечьей шкуре. Возможно, после якобы промаха их убийцы они на ходу перекроили стратегию, но итог всё равно один. Может, в чём-то и удачней. Я продул вчистую. Утешает лишь то, что работает человек уровня твоего отца, а он меня в своё время тоже сделал...

— Он, я так понимаю, в смысле отец, тоже не знает, куда всё это ведёт?

— Он сказал, чтобы мы сами решали, готовы ли мы идти ва-банк, если потребуется, — Стиан улыбнулся, и в глазах его заплясали безумные огоньки. — То есть до конца. Даже если это смертельно опасно и очень мало шансов. Тебе, кстати, он тоже предоставил этот выбор. Рэкс всегда предупреждал смертника о том, что он смертник.

— Вот так... запросто? — Адамас почувствовал, как холодеют его пальцы, а в душу закрадывается липкий страх, — вдруг оказалось, что идти на смерть куда проще, чем соглашаться на это. — То есть он не уверен, выживем ли мы? Даже... — ему было стыдно говорить об этом, но он всё же сказал, — я?

Стиан вдруг рассмеялся.

— Забавно! — фыркнул он. — Вот уж после всего произошедшего — особенно твоих подвигов, и я без сарказма — не ожидал, что буду разговаривать со вторым Джейем! Ты тоже считаешь, что даже ради великого дела нельзя жертвовать всем?

— При чём тут Джей?..

— А он, видишь ли, предпочёл скрыть от своих старших факт наличия парочки Особенных, которые спали и видели, как бы уничтожить Брутуса. Причём, в отличие от него, готовых отдать за это не только свои жизни, но и чужие. Например, твою. Лес рубят — щепки летят...

— Поэтому его уволили? — сухо спросил Адамас. Стиан высоко вздел брови.

— Это была исключительно его инициатива. Сам признал свои ошибки, сам и пожелал за них расплачиваться. Посчитай он в своё время Стаса и Дилана отвлечённым принципом, а не «другой вселенной», как он выражался, может, и Ове бы жив остался, и ты при своих глазах.

— А ты оказывался в такой ситуации, Стиан? Когда две чашки весов одинаковые? Не пан или пропал, а вот так? Переходя на сторону моего отца, ты ведь уже ничего не терял, думаю, он специально всё так подстроил. Спасая наш дом, ты тоже рисковал разве что упущенным временем. Выбор между совестью и долгом вставал перед тобой хоть когда-то?

Адамас видел, что задел Стиана за живое. Терас смотрел на него не отрываясь, с каменным лицом, и лишь чуть сощурил жёлто-зелёные глаза, враз ставшие холодными, как лёд. Спустя несколько секунд заговорил:

— Признаю, не вставал. Но я также старался никогда не брать на себя слишком много ответственности. Я бы мог здесь и сейчас использовать тебя, обмануть, увести — в угоду собственному азарту и фатализму, кто бы потом стал разбираться. И, так же как Стас, кинуть тебя в жерло, лишь бы защитить то, что мне ценно и важно. Но я слушаю тех, кто умнее. Поэтому выбирай, со мной ты или нет. А не веришь, звони отцу, он подтвердит, что я не лгу.

— Знаешь, когда я поехал к Беккеру, я как-то и не рассчитывал, что буду в степи цветочки собирать, — улыбнулся Адамас. — Просто мне всегда говорили, что у юных нет права самостоятельно принимать столь важные решения. Поэтому странно, почему...

— Рэкс сказал: «Как окажетесь в тяжёлой ситуации, можете использовать все доступные средства. Если что, я рассчитаюсь по долгам». У него это девиз по жизни. Мы с тобой, — подобрёвший Стиан подтолкнул его под бок, — иногда тоже всего лишь средства. Слишком высокие ставки, понимаешь?

— Понимаю. Но и Джея понимаю, к тому же во всём этом он оказался из-за меня... как и Дилан сейчас, — Адамас поджал губы и, достав что-то из кармана форменных брюк, протянул Стиану. — Вот, держи. Я это нашёл в мусорной куче недалеко от того поворота, куда сбежал стрелок Лихослава. Уверен, оно тут не просто так.

— Что ж сразу не сказал? — хмыкнул Стиан, забирая листок из плотной белой бумаги, сложенный вчетверо и с печатными символами на обеих сторонах. Адамас пожал плечами.

— Хотел сначала твои выкладки послушать, мало ли, вдруг это просто случайность. Но, как только ты сказал, что там были Брутус и Доминик, стало понятно, что эту страницу нам подбросили. Да и промахнулся стрелок, наверное, тоже с умыслом, как ты и говоришь.

Стиан быстро пробежался глазами по переду и обороту листка — он был выдран из официальной Библии и представлял часть описания Последнего Собора — той трапезы, во время которой на будущего Мессию-Дьявола и его апостолов напали солдаты, а верный Иеремия сумел вывести его наружу без потерь. Адамас с нарочитым интересом рассматривал пожарную лестницу.

— Что ж, мои худшие опасения подтверждаются, — резюмировал Стиан, складывая листок обратно и пряча его за пазухой. — Значит, едем в Седу. Именно там завтра днём —

собрание всех видных северных бизнесменов, а также визит самого Аспитиса Пикерова. Есть информация, что собираются они, чтобы сдать свой бизнес с концами правительственным организациям, отрезав тем самым Азата от финансовых потоков. Ты точно со мной?

Адамас кивнул и поднял взгляд на ослепительно голубое небо. Со стороны Брутуса им помогали — он даже догадывался кто. Но, даже если у него не получится стать в нужный момент чёртиком из табакерки, Адамас не имеет права отказываться от шанса по-настоящему исправить своё почти свершившееся предательство.

Ему стало и весело, и страшно одновременно.

* * *

Покинув базу — так же беспрепятственно, как и приехав туда, — Брутус и Доминик подхватили ожидавших их в условленном месте Десмонда, всё ещё выглядящего как солдат МД, и того пеланна-диверсанта, с которым наконец довелось поработать бок о бок, и двинулись к собственному маленькому лагерю в горах. До определённого момента никто ни с кем не разговаривал: Брутус с Домиником уже своё отговорили и только довольно улыбались, глядя вперёд, на дорогу, сидящие же сзади оба не желали показывать своих настоящих чувств. Десмонд незаметно косился на соседа — тот, неплохо до этого выполнивший свою работу, пусть по факту и провальную (особенно его чихвостили из-за того, что в Родане он не сумел убить Беккера), отстранённо жмурился на ярком солнце и, по мнению тераса, не очень-то радовался предстоящему им всем последнему шагу в Седе. И сам по сути саботажник, Десмонд отлично чувствовал его настроение и всё ждал, последует ли за недавно свершённое им наказание.

До лагеря было полчаса горной дороги, но не прошло и пятнадцати минут, как Доминик кивнул Брутусу:

— Останови здесь.

Аурис, заулыбавшийся ещё злораднее, с готовностью тормознул у разросшегося на несколько стволов дерева в расщелине сыпавшихся скал, и терас обернулся на брата:

— Десмонд, на пару слов.

Вот и оно. Внутренне усмехнувшись, Десмонд следом за братом распахнул дверцу машины и, спрыгнув на каменистую почву, отошёл за Домиником на пару метров. Он знал, что Брутус и пеланн наблюдают за ними — хоть деньги требуй за предстоящее веселье...

— Объясни мне, братец, — Доминик смотрел на него свысока полумёртвыми рыбьими глазами — как же быстро человек протухает, дай ему только волю, — как с трёх шагов можно было промахнуться? Ты хоть осознал, сколько принёс нам этим проблем?

Десмонд развёл руками, искренне стараясь выглядеть виноватым и расстроенным.

— Он просто дёрнулся не вовремя, понимаешь? Вместо горла я попал в плечо. Бывает, кто не безупречен?

— Десмонд, — Доминик вздохнул и подступил к брату совсем близко, — если бы ты в первый раз пистолет держал, я бы понял, но... Я делаю вывод, что это не случайность.

— Ты... — Десмонд попытался в шоке отступить, но ухмыльнувшийся Доминик, уже наливавшийся силой, тут же схватил его за плечо и удержал на месте, — ты, Доминик, подозреваешь меня в том, что я пытаюсь вам всё испортить?

Тот весело передёрнул плечами.

— На первый раз прощаю, — неприятно улыбнулся он. — Будь отныне поосторожнее, тебе нет больше веры, сам понимаешь. Такое большое дело делаем... А чтобы было ясно, что я недоволен тобой, брат...

Десмонд успел уловить его движение и даже мог бы избежать его, но намеренно не стал уклоняться — пусть его брат и дальше думает, что сильнее его. Кулак Доминика, давно уже совсем не похожего на себя прежнего, с силой врезался ему в скулу, и Десмонд покатился по земле, якобы инстинктивно закрываясь рукой.

— Не надо, Ник! — вскрикнул он, видя, что брат неторопливо подходит к нему и наклоняется. — Я же правда случайно! Я больше не...

Его вздёрнули на ноги, и следующий удар пришёлся под рёбра, точно в печень, — Десмонд согнулся, пытаясь вдохнуть, а Доминик, нажав ему на шею, заставил переносицей налететь на выставленное колено и вновь свалил на камни. Когда его сапог, будто раскалённый прут, вонзился Десмонду в бок, в почку, терас лишь стиснул зубы, скорчиваясь клубком, — он знал, что так будет. Нужно лишь потерпеть...

— Мне так жаль, — откуда-то сверху, сквозь вязкую пелену боли, голос Доминика прозвучал совершенно безучастно. — Я, пожалуй, заберу у тебя гаджеты, чтобы не было каких-нибудь искушений.

Его руки быстро обшарили брата по карманам, на всякий случай перевернув на другой бок, — Десмонд смог лишь открыть один глаз: сидящий рядом на корточках Доминик смотрел на него как на падаль.

— Знаешь, — медленно и задумчиво проговорил он, — не хочу я, чтобы ты опять подставил нас в ненужный момент. Потерпи ещё секунд десять...

На этот раз Десмонд за ним не успел. Понял лишь, что теперь сапог брата прижал к земле его правый локоть, а кисти, будто железные тиски, схватились за руку чуть ниже — и затем пришла такая боль, что он прокусил себе чуть ли не до десны губу и, захрипев, уткнулся в землю. Вместо руки теперь был живым огнём горящий обрубок; прогнав из глаз черноту, Десмонд с усилием повернул голову и увидел, что лучевая кость торчит сквозь рукав, а всего его начинает заливать горячей кровью.

— Ну, всё, поигрались, и хватит, — Доминик без лишних сантиментов поднял брата на ноги, и того чуть не вырвало от взорвавшей всё тело боли. — Пора ехать.

До машины он Десмонда почти дотащил. Кинул на заднее сиденье — поймавший его оторопевший пеланн осторожно усадил тераса, прислоняя к дверце. Брутус одобрительно кивнул Доминику, трогая машину с места, и пеланн, по очереди осмотрев каждого, с нервным смешком поинтересовался:

— А вы всем что-нибудь ломаете, если он случайно споткнётся?

— Заткнись, а? — лениво попросил Доминик. Пеланн ещё раз смерил взглядом пепельнокожего Десмонда, безо всякого грима похожего сейчас на эрбиса, и робко предложил:

— Давайте хоть, может, шину наложим? Нельзя же так...

— Я сказал, заткнись, Эрих! — рявкнул терас, поворачиваясь к нему с искажённым в ярости лицом. — Тоже конечности лишние?

Эрих выставил руки в знак капитуляции и до конца поездки хранил молчание, лишь иногда сочувственно поглядывая на соседа.

Десмонд и сам не знал, как дожил в сознании до лагеря на такой неровной дороге. Когда они наконец остановились недалеко от разбитых на полянке в окружении деревьев и

скал палаток и весело пляшущего костра, он единственный остался пока сидеть в машине, наблюдая за тем, как к вышедшему на траву Брутусу подбегает, порывисто обнимая его, вскочивший с брёвнышка у костра Хас.

— Я вас уже заждался! — воскликнул он, отстраняясь от Брутуса и рассматривая его голову. — А тебе идёт быть тамасом... не хочешь им остаться?

— Я подумаю, — рассмеялся аурис, указывая на Доминика. — А вот Ник наш не очень сходит за эрбиса, как считаешь?

— Эрбисам необязательно щеголять широкими плечами, — хмыкнул Хас, почти не удостоив тераса взглядом и сразу переведя его на оглядывающего стоянку пеланна. — Это наш новый союзник?

— Тут ещё кто кому новый, — усмехнулся Брутус. — Знакомься: Эрх Мариавель. Он приехал в тот учебный лагерь с самого его строительства, чтобы хорошенько изучить Посланников изнутри. Потом съмитировал собственную смерть... и обусловил настоящую ещё полсотни человек в той ставке, к которой его в июне прикомандировали. И пошёл заниматься диверсиями. Как тебе, Эрх, понравилось? Это, кстати, Хас Зехьте.

— Сойдёт по бедности, — закатил глаза пеланн, неосознанно поглаживая жёлто-чёрную недлинную бородку. — Пожрать есть что у вас?

— О, конечно, проходи, Хас наверняка уже что-нибудь сварганил, — Брутус простёр руку в сторону костра. Хас, склонив набок голову, рассматривал оставшегося в машине Десмонда.

— А Десмонд чего не выходит? — любопытствовал он и призывно замахал рукой. — Десмонд, чего застрял? Выходи, моя мама прислала подробный план нашей завтрашней операции, я по пять раз зачитывать не буду!

Десмонд криво улыбнулся ему и, с усилием открыв дверцу со своей стороны, нетвёрдо ступил на поляну. Правую руку он придерживал плотно к ноющему животу, пытаясь зажимать пальцами чуть кровоточащую рану — благодаря их шптерновской свёртываемости о сильной кровопотере можно было не переживать, — и не удивился, когда при виде его Хас отшатнулся на шаг назад, расширяя до предела лучистые зелёные глаза.

— Это кто его так?.. Ты садись там, Десмонд, я сейчас! — он метнулся к своей палатке за аптечкой.

Десмонд был не против — он и сам уже оседал на траву, не находя сил стоять на ногах. На какие-то секунды солнце перед его глазами помутилось, потом из темноты вынырнуло озабоченное лицо Хаса, уже сидевшего рядом с ним и поспешно достающего из аптечки нужные инструменты. Брутус с Домиником так и не сдвинулись с места, с ухмылкой, одинаковой у обоих, наблюдая за ними, Эрх где-то совсем на заднем фоне отошёл к костру и шуршал закрытой целлофаном посудой.

— Потерпи, сейчас... — Хас недрогнувшей рукой сделал терасу подряд два укола — обезболивающего и антисептика, — и от его участливого, сочувствующего взгляда Десмонда всего пронзило сожаление — как жаль, что, скорее всего, ему не удастся вырвать этого мальчишку из лап Брутуса. — Действует анестезия, Десмонд?

— Я же без майлера, — сумев разомкнуть запёкшиеся от крови искусанные губы, отозвался тот. — Конечно, действует.

— Сейчас я её вправлю, а потом ссадину обработаю, — улыбнулся аурис и осторожно отнял его покалеченную руку от живота. Отрешённо Десмонд смотрел, как под его ловкими пальцами кость встаёт на место — и когда он успел освободить руку от ткани формы? да и

чем? — и пятнистая кожа с их знаменитой ровной цепочкой споро очищается от крови. Хас, отлично научившийся первой помощи за полгода их незаметной работы под эгидой собственной матери, вдруг оказавшейся главным врагом собственного мужа и одним из членов противостоящей всем остальным подпольной организации, в два счёта зашил его рану, наложил шину, устраивая перевязь, и, несколькими взмахами тампона с очищающей и заживляющей жидкостью обработав ссадину на скуле (на переносице лишь зрел синяк), начал осторожно стирать кровь с губ и носа.

— Что произошло? — он повернулся к Брутусу, гневно сверкая глазами. — Кто это сделал? Почему вы не помогли Десмонду?

— Аптечка потерялась, — усмехнулся аурис и ткнул пальцем в сторону холодно взиравшего на них всех Доминика. — А сделал — вот он. Результат физического внушения от брата брату за непрофессионализм.

— Вы сейчас прикалываетесь надо мной? — Хас закончил с Десмондом и вскочил на ноги, даже не заметив, как рука тераса в слабом движении потянулась за ним, силясь удержать. — Мы же союзники! Как так можно?! Каждый человек на счету! И ты, Доминик, он же твой брат, как у тебя рука поднялась?!

— Хас, солнышко, не зуди, — поморщился Брутус, но аурис его не услышал, ожидая ответа от равнодушно смотрящего на него Доминика, поэтому лишь Десмонд увидел, как глаза Брутуса превратились в опасные щёлочки.

— Доминик?.. — повысил голос Хас, и терас раздражённо выдохнул.

— Будешь мне ещё указывать, мелочь? Он нам чуть всё не сорвал, ясно? Имею я право его проучить? Думаю, да!

— За что проучить? Десмонд же не специально!

— А это ещё бабка надвое сказала... — хмыкнул Брутус, и Хас развернулся к нему всем телом. Уже примерно догадываясь, чем всё это кончится, Десмонд предпочёл посмотреть на Эриха, медленно вкушающего из кастрюли тушёные овощи с мясом. Интересно, он хоть вкус чувствует?

— Это ты серьёзно сейчас? — прошипел Хас, подступая к Брутусу со сжатыми кулаками. — Ты в чём-то его подозреваешь? Ты хоть кому-то веришь вообще? Напомню, это Доминик когда-то хотел встать над тобой, а не Десмонд!

— А Десмонд как-то умудрился вывести себя и тебя мимо своего отца и Аспитиса, — закатил глаза аурис. — Я понимаю, ты ему весь такой признательный... Но именно ранее упомянутый мной факт стоит постоянно держать в голове.

— Брут, а тебе не кажется, что за эти полгода у Десмонда было достаточно шансов нас всех сдать? И маму мою сдать, и всю нашу организацию. Сколько можно везде видеть врагов?

— Если бы в своё время я видел везде врагов, из лаборатории мы вышли бы победителями, а не проигравшими, Хас. И, если ты продолжишь мне перечить...

— То что? — Хас вскинул на него насмешливые глаза, и Десмонд понял, что опять смотрит на них двоих. Зачем, и так ведь всё ясно... — Что, Брут? Тоже мне что-нибудь сломаешь? Ты, я посмотрю, ничуть не лучше моего отца. Тебе люди тоже должны подчиняться из страха, а не из любви. И долго с такими протянешь?

— Любви тебе не хватает? — Брутус ощерился и, заломив ему руку за спину, подтолкнул в сторону от костра. — Сейчас всё будет. Только не жалуйся потом, солнышко!

Хас трепыхнулся, но Брутус вновь толкнул его, и аурис был вынужден идти, чтобы не

упасть носом в камни. Трое оставшихся на поляне неотрывно следили за ними: Брутус, не оглядываясь, отогнал Хаса к скальной гряде в десяти-пятнадцати метрах отсюда и там, отпустив руку подростка, перехватил его за длинный чёрно-серебряный хвост, резко дёргая на себя. Хас взвыл, выгибаясь, и в следующую секунду неизвестно откуда бравший силы Брутус швырнул его головой на камень с острой гранью. Десмонд вздрогнул, зажмуриваясь, открыл один глаз: Брутус, одной рукой намотавший волосы Хаса себе на кулак, второй, кажется, спускал ему штаны. Хас дёрнулся, и Десмонд отвернулся.

К его удивлению, Эрих уже сидел рядом с ним, а Доминик, наоборот, отошёл к костру: наверное, оттуда был вид получше. Вопреки ожиданиям, терас не улыбался, лишь напряжённо следил за творящимся в скалах. Вот Хас опять пронзительно вскрикнул и тут же захлебнулся собственным криком — похоже, Брутус вновь ткнул его лицом в камень.

— Наблюдаете второе изнасилование, Шштерны, а всё так же не вмешиваетесь, — негромко проговорил Эрих, в отличие от Десмонда, ловившего каждый глухой всхлип Хаса и переживавшего его как личную боль, но не поворачивавшегося в их сторону, не отводящий взгляда от двух аурисов. — Но, знаешь, я тебя не виню. Опасно для жизни к нему лезть...

— Я бы полез, — процедил сквозь зубы Десмонд. — Но Хас первый меня проклянёт...

— То-то, я посмотрю, он не очень сопротивляется.

— Эрих, тебе в самом деле всё равно или ты прикидываешься, заштатный актёришка?!

Эрих обернулся на него, вдруг вспыхнувшего, не выдержавшего собственного бессилия, и неожиданно подмигнул.

— Давай как-нибудь потом это обсудим, ладно?

Десмонд сумел преодолеть себя и вновь посмотрел на скалы. Брутус, кажется, уже заканчивал. Вот лицо его исказилось торжеством, он замер на мгновения, потом отпустил хлюпавшего носом Хаса. Подхватив штаны обратно ремнём, аурис взял свою жертву за подбородок и повернул на себя лицо.

— Что ж ты плачешь, малыш? — глумливо спросил он. — Сам же хотел. Бойтесь своих желаний, а, Хас?

Десмонд даже со своего места видел, какой крупной дрожью бьёт Хаса. Лицо его от носа до подбородка заливала кровь, губы были рассечены. Брутусу он ничего не ответил, и тот приблизил его к себе.

— Ты ведь всё ещё любишь меня? — он задал этот вопрос еле слышно, но расслышали его все. Хас едва заметно кивнул, и Брутус почти нежно поцеловал его в разбитые губы.

— Вот и хорошо. Надеюсь, больше неповиновения не будет. Иди-ка вымойся, ты знаешь, там тёплый ручей, выше по склону. Сейчас, подожди, — он в два счёта раздел Хаса донага, бросая одежду на камни, и, поставив его на ноги, вытолкнул за пределы скал. — Вперёд, мой верный вассал!

Спотыкаясь, Хас побрёл шатающейся походкой мимо костра и Доминика дальше, где склон гор заметно поднимался. Десмонд с болью смотрел на него, забыв обо всём остальном, и вздрогнул, когда Брутус крикнул:

— Доминик! Где моя «кошка»?

— Недалеко, — с готовностью отозвался терас, раньше всех понявший, что «забава» с Хасом была не единственной наградой его хозяину за сегодняшний день. — Сейчас принесу!

Он нагнулся как раз к той сумке, у которой стоял, и, выудив оттуда завернутую в кожу перчатку с лезвиями, уже как полгода неиспользуемую Брутусом, в несколько размашистых шагов достиг гряды.

— Пойду прогуляюсь, — сказал Доминику аурис, натягивая преподнесённую ему «кошку», и отсалютовал терасу. — Ты пока за главного.

Доминик кивнул, проводил его взглядом — Брутус в один лёгкий прыжок перемахнул через огромный камень, скользяще устремляясь в близкий лесок — и, на удивление Десмонда, поспешил вслед за медленно карабкающимся по камням в противоположной стороне Хасом. Прихватив из другой сумки большое полотенце, он оглянулся на Эриха:

— Возьми там в машине ноут, на рабочем столе наша иконка, ознакомьтесь с Десмондом с подробностями операции.

Эрих кивнул и встал. Десмонд смотрел на своего брата и ауриса, которого тот с дружеской лаской подхватил чуть ли не на руки, пока они не скрылись за высокими скалами, и лишь потом перевёл взгляд на пеланна. Тот, доставший ноутбук, устраивался рядом с ним, неуверенно улыбаясь:

— Я не понял, чего это Доминик такой добрый к Азатову сынку? Разве, по его логике, ему не следует унижать его и дальше?

— Даже странно, что ты проработал шпионом так долго: с таким пониманием людской психологии в ГШР тебя должны были загрести в первый же день, — фыркнул Десмонд. — Яснее ясного. Хас — собственность Брутуса. А Доминик — его верная цепная собачка. Особенно теперь, когда к Брутусу вернулась его Сила. Собственность беречь надо, если не хочешь палкой по загривку...

— Такой зоопарк мне ещё не попадался, — Эрих хмыкнул, открывая ноутбук. — В ГШР люди попрличнее. Да и у нас, чего уж тут.

— Серьёзно? Вон, один приличный ушёл на ручеёк. Сначала, правда, мне руку сломал, чтобы никто в его приличности не сомневался...

— Нечего было так подставляться.

Десмонд дёрнул здоровым плечом и вместе с Эрихом начал вчитываться в детали операции, предстоящей им завтра в Седе. Пока было известно лишь о том, что они помогут при захвате бизнесменов на собрании — это единственное, о чём терас смог намекнуть Адамасу со Стианом. Теперь же Селена излагала подробности, чуть ли не по секундам, и с каждой прочитанной строчкой Десмонд ощущал, как в душу ему прокрадывается тихий, обволакивающий всё его существо ужас, от которого становилось тяжело дышать, а перед глазами один за другим вспархивали и пропадали чёрные всполохи. С невообразимым усилием дочитав, терас украдкой посмотрел на Эриха: обычно так и пышущий уверенностью и здоровьем пеланн побледнел почти до синевы. Он замер истуканом, лишь ноздри раздувались от редкого, напряжённого дыхания, да зрачки неопределённо дрожали на последней строчке инструкции. Могло получиться. Без сопротивления отобрав себе на колени ноутбук, Десмонд открыл «блокнот» и, напечатав строчку, указал на неё Эриху. Взгляд того сдвинулся, пробегаясь по буквам.

«Ты ведь понимаешь, что меня и тебя там тоже, скорее всего, пустят в расход?»

Он медленно кивнул, и Десмонд опять принялся печатать.

«Если ты сможешь мне это предотвратить, я выбью для тебя прощение».

Эрих посмотрел на него с непробиваемым скепсисом: по нему читалось, достань он хоть луну с неба, Аспитис не примет его. Да и Десмонда вряд ли. Терас улыбнулся.

«Надо будет, я понесу наказание за нас обоих. Но тебя простят, обещаю. А я не справлюсь один».

Эрих отвернулся, видимо сомневаясь. Кляня свою неожиданно быстро подступившую

усталость, Десмонд заставил свою левую руку ещё раз пройтись по клавишам. Как жаль, что с этого ноута нельзя отправить послание в МД или ГШР...

«Даже если ты останешься жив, ты сможешь жить после того, чему помог свершиться?..»

Он подтолкнул пеланна под бок, и тот неохотно повернулся. Губы его скривились, когда он прочитал очередное сообщение Десмонда, он возвёл глаза к небу, глядя на него чуть ли не с ненавистью, потом, вздохнув, потянул руки к клавиатуре.

«Говори, что надо делать».

Десмонд поднял голову: Доминик и Хас уже возвращались. Потом, всё потом. Он закрыл «блокнот» не сохраняя и осторожно передвинул ноутбук к Эриху, касанием к тачпаду запуская обратно присланный Селеной план.

Кажется, Доминик не заметил. Если до завтра Десмонда ещё за какую-нибудь оплошность не придушат, у них есть шанс.

Глава 13. Последний собор

От базы Серебрено до Седы нужно было ехать почти строго на юг и лишь в нескольких километрах от бизнес-сердца Севера, ещё с середины войны формально к Северу не относящегося, свернуть на главную трассу на запад — в общей сложности два с половиной часа (не было бы тяжёлых переездов с одного склона Дракона на другой, вышло бы ещё быстрее). Поскольку конференция бизнесменов собиралась в полдень следующего за событиями в Серебрено дня, Стиан и Адамас выехали рано утром, рассчитывая остаток времени провести в седовской ставке, которой кроме непосредственного руководства заправляли Посланники Токкин и Юки Дикссон — сильвисса, о которой Адамас, как ни силился, так и не смог вспомнить ничего примечательного.

Всю дорогу хорона лихорадило — и он отчаянно завидовал внешне совершенно невозмутимому Стиану. Незнакомое чувство — и страха, и восторга одновременно, — нахлынувшее на Адамаса, ещё когда его только-только спросили, готов ли он пойти на любой риск ради неизвестного финала, за всё это время отпустило его, дай небо, дважды на час или два, а уж в пути и вовсе вцепилось так, что не отвяжешься. Он тщетно пытался понять причины, по которым его отец, уж куда как искушённый в заговорах, интригах и тому подобном и тем более предусмотрительный, допустил вот такое развитие ситуации с вовлечением собственного сына; пытался даже предугадать, что там, на конференции, может произойти, а главное, чего их неведомые враги пытаются всем этим добиться, но ни то, ни другое, ни третье ему, конечно, не удавалось. Отец, возможно, догадывался и имел какой-то отходной путь — ну как без него-то? — однако просвещать его не собирался, и всё, что Адамас мог, это сдерживать своё возбуждение и направлять его в удобные моменты на подготовку того состояния, которое в своё время помогло ему спасти от смерти Аспитиса и Дилана.

— В ставку не едем, — нарушил замкнутую атмосферу мрачных и не очень мыслей Адамаса Стиан, и хорон, вздрогнув, повернулся к нему. Терас как раз убирал в карман обычной, невоенной безрукавки (они оба уже переоделись в гражданское) телефон — то есть до этого он разговаривал с кем-то, а Адамас и не заметил. Надо избавляться от этого погружения в себя — разнесут, например, их машину из ракеты, а он и не поймёт, от чего умер.

— В смысле — не едем? — удивился он, внимательно изучая выражение лица своего старшего напарника. Из безмятежности оно перешло к чему-то вроде недовольства или злости — Стиан хмурился, явно о чём-то напряжённо размышляя.

— Твой бывший однокашник любезно сообщил мне, что у них совершенно нет места, чтобы приютить нас, обездоленных, до момента совместной отбивки в Седу. С какой-то стороны, это не менее примечательный факт, чем то, что Посланники — без, заметь, руководства ставки — будут присутствовать на этой конференции, ну да ладно. Когда всё готовится рухнуть, глупо обращать внимание на трещину у тебя под ногами.

— То есть остановимся в отеле в Седде? А почему бы, по твоему мнению, им там и не присутствовать? Там же все смешанные будут, а главы предприятий и вовсе с территории Азата приедут, хоть какой-то символ единства не помешает...

— Символ единства? Я тебя умоляю, — презрительно фыркнул Стиан. — В помещении будут одновременно находиться лидер организации МД с главой своей гвардии и главный

секретарь президента ГШР — и так понятно, что мир, дружба и пряники. Посланники там определённо не за этим. А зачем — по причине того, что нас не хотят пускать в ставку, нам никто и не расскажет.

— Почему бы не вломиться? Кто нам запретит?

— Из тебя точно не выйдет интригана, — неожиданно рассмеялся Стиан. — Всё хочешь решать радикально. Запомни главное, Адамас. Мы с тобой сейчас осознанно идём в специально для нас устроенную ловушку. А значит, должны следовать вражеским правилам. Ну нет места в ставке, чего рвать и метать-то? К тому же Токкин присоветовал такой отличный отель — «Негасимые огни Седы», поэзия...

Адамас закашлялся.

— Это разве не тот, где будет конференция?

— О, ну конечно. Чтобы далеко не ходить, ясное дело, что мы будем присутствовать, уже и приказ вышел. А ты думал, будем по-шпионски ползать по потолкам?

— Хватит, Стиан, я не такой дурак, — поморщился Адамас, и Стиан хлопнул его по плечу.

— Это я так расслабляюсь, с помощью дурацких шуточек, не обращай внимания... В общем, едем в отель «Негасимые», чтоб их, «огни» и сердечно благодарим Токкина за заботу. А там действуем по обстоятельствам.

— У вас с отцом точно нет никаких идей, что там может быть? — Адамас наконец задал мучивший его эти сутки вопрос: после нахождения послания от Десмонда так и не решился. Стиан загадочно улыбнулся.

— Разве что парочка. Обидно, что у Аспитиса этих идей нет, иначе он после предупреждения Рэкса и нос бы туда не сунул. Ну да это только на руку.

Адамас молча отвернулся обратно к окну. Он бы и эту страницу из Библии счёл ловушкой, этакой приманкой, чтобы они со Стианом пришли куда надо, — если бы не был уверен, что враги не могут быть о них настолько низкого мнения. Десмонд лишь сделал так, чтобы они не сомневались, что Седа — верный выбор и что опасность в первую очередь там будет грозить Аспитису, может, поэтому и отец не слишком переживает за их жизни. В свете этих обстоятельств, видно, их скорее возьмут в заложники. Но как же, чёрт подери, это всё сложно, хоть всю голову сломай — всё равно не дойдёт!..

Придя к этой мысли, Адамас неожиданно успокоился. Пока нет смысла пытаться постичь непостижимое. Они сейчас ничего не решают — раз уж вызвался быть наживкой, виси на крючке и не выпендривайся. Рыбаку виднее.

Ставку было видно на горизонте — почти укреплённый форт, чуть ли не единственный расположенный максимально близко к дислокации вражеской, в данном случае аркановской, армии. Адамас знал, отсюда до них от силы километр, Седу-то отбили, а соседние земли так и остались под Азатом, чересчур уж яростно пока он за них цеплялся. Ставка была в вечно военном положении — может быть, и имелся смысл в том, чтобы не соваться туда без веской причины. На дороге между ней и Седой оказался такой же суровый блокпост — в кои-то веки хорону и терасу пришлось показывать не приказы, а чипы, да ещё и усовершенствованным сканерам, распознающим почти любую подделку. Машину тоже тщательно обыскали, и прохождение блокпоста ощутимо затянулось.

Тем не менее через час они уже были в Седе — ярком, полном стеклянных и хромированных зданий, взмывающих шпилями в самые небеса, вылизанном до последней пылинке городе, за которым с одной стороны полгоризонта закрывал Дракон, а с другой

расстиралась пыльная жёлтая степь. Отель оказался почти в самом центре, и Адамас вволю успел налюбоваться седовской архитектурой и живыми зелёными островками с разнообразными деревьями. После посещения номера надо будет выйти прогуляться по здешним мостовым ногами — когда ещё выпадет такой шанс, тем более что до конференции оставалось целых два часа.

Администратор «Огней» встретил их с благодушной вежливостью в отличие от самого отеля, из которого в преддверии важного сборища явно выселили всех клиентов, а с ними и добрую половину обслуживающего персонала. В гулкой тишине — даже музыки в фойе не играло — администратор выбрал нужный Стиану номер (недолго думая, тот и вправду попросил поближе к конференц-залу, который оказался на одиннадцатом этаже), потом позвал своего помощника, крепкого молодого кейера с наполовину светло-русыми, наполовину ярко-рыжими волосами, чтобы их проводить, хотя, по мнению Адамаса, найти номер они могли бы и сами. Помощник показал им большой, полустеклянный лифт, в мгновение ока вознёсший их на десятый этаж — максимальная близость к главному для этого отеля мероприятию, к которому, казалось, ещё даже не начали готовиться. По такому же пустому, как и фойе, коридору помощник администратора проводил гостей до одной из закрытых дверей, сделанных под красное дерево, и, открыв её, первым вошёл в номер.

— Две комнаты, очень удобные кровати, у каждой — телевизионная панель, вот здесь пульт, смотрите, — начал рассказывать он, показывая руками то в одну, то в другую сторону. — Ванная, туалет, в шкафу тапочки, возьмите, кстати. Кондиционер, тоже с этого пульта, — в доказательство своих слов кейер взятым с одной из тумбочек пультом от телевизора включил расположенную у потолка вентиляцию, немедленно начавшую гнать умеренно прохладный воздух. — Если что, в тумбочке инструкция, но я могу всё показать сейчас, хотите?

— Неужели всё так... сложно? — Адамас и сам не понял, почему вдруг запнулся. Голос кейера донёсся до него как сквозь туман.

— Нет-нет, что вы, но не все сразу разбираются, люди, в конце концов, приезжают отдыхать, а не сражаться...

«...с техникой», — вроде были его последние слова, но хорон скорее догадался о них, чем услышал, к тому же и без них фраза звучала неплохо. Неверно, они-то прибыли как раз сражаться — вот и комната качается, как будто смотришь с разных ракурсов боксёрский поединок, и Стиан, точно как поверженный противник, лежит на полу, а в ушах — шум, звон, и в глазах — сплошные помехи, будто его собственные камеры поймали не ту частоту...

Перед тем как отключиться, Адамас ещё успел увидеть из ниоткуда появившихся около них двух плечистых то ли сормахов, то ли веров — их рост всё никак не определялся, — а потом дребезжащие помехи наконец сменились приятной чернотой.

Очнулся он уже со связанными за спиной руками и дурной головой — пришлось приложить некоторые усилия, чтобы понять, что вокруг происходит. Рядом, в шаге, такой же связанный, лежал Стиан, медленно моргавший мутными глазами, недалеко от него стояли те самые двое — теперь уж точно — сормахов, а чуть поодаль — помощник администратора, приведший их, как и предполагалось, в ловушку.

— Ну вот заодно и проверили, — удовлетворённо заметил он, показывая на свои блестящие невообразимо ярко в свете ламп тонкие часы с большим круглым циферблатом. — Всё отлично работает. Да и вы вроде падать не собираетесь.

— Только руки как будто дрожат, — согласно качнул головой один из сормахов. — Ладно, ты иди, с остальным мы разберёмся.

Кейер испарился из окружающего пространства — Адамас вроде только-только моргнул, — а второй сормах, ещё пока не сказавший ни слова, извлёк из-за пазухи тёмную прямоугольную коробку и достал оттуда два инъектора с прозрачной жидкостью. Один он отдал напарнику, со вторым подступил к Адамасу. Его, пока неспособного сопротивляться, чуть приподняли и укололи в шею рядом с правым ухом. Немедленно дурнота и слабость стали рассеиваться — и уже в куда большей детализации Адамас увидел, как получивший такую же инъекцию Стиан неожиданно для сормахов вскакивает на ноги и, совершенно не нуждаясь в руках, пытается оглушить сразу обоих.

Сормахи пришли в себя почти сразу. Адамас ещё не успел внятно ответить себе на вопрос, зачем Стиан сопротивляется, когда они вроде как должны играть по правилам, а враги уже вдвоём опять повалили его — судя по закатившимся глазам тераса, более качественно, чем пущенный в номер газ.

— Надеюсь, больше эксцессов не будет, — процедил сквозь зубы сормах, оставляя Стиана лежать на полу и поднимаясь на ноги. Его напарник меланхолично щупал синяк на скуле, заработанный во время разборок. — Надо будет сказать, чтобы ему вкололи что-то часа на два, а то каждые десять минут так бегать — увольте.

— Скажем, — кивнул второй. — Ну что, пошли?

Адамас безропотно позволил вздёрнуть себя на ноги и повести к выходу из номера.

* * *

Аспитис прибыл к «Негасимым огням Седы» за сорок минут до начала конференции и был далеко не первым. В фойе уже находился Домино Кирсте с двумя телохранителями — хотя один всегда выступал скорее прикрытием, слишком уж часто раньше Мессия слышал о появлении этого вёрткого риза, ровесника Цезаря, на важных операциях — и, конечно, свитой, раза в два меньше, чем у самого Аспитиса. В ответ на предупреждение Рэкса накануне о том, что лучше бы ему изменить планы и не приезжать на конференцию — и ещё одно, полученное днём ранее, от менее надёжного источника, — хорон просто добавил себе охраны. Что бы там кому ни взбрело в голову, устраивать перестрелки с таким количеством агентов, из которых как минимум половина выбрана им лично, а вторая не имела ни пятнышка на репутации, они вряд ли осмелятся. Рэкс — вечный перестраховщик, это давно известно.

Пока администратор где-то заполошно бегал, Аспитис поздоровался с секретарём президента ГШР и вторым доверенным лицом Рэкса после его главного безопасника и начал беззастенчиво разглядывать его окружение. Домино не появлялся на войне — ничего удивительного, учитывая его нелюбовь к Северу и то, что власть в ГШР в отсутствие Рэкса держалась главным образом на нём, и иметь представление о его охране было бы не лишним.

— Позвольте представить, Мессия, — безучастным голосом проговорил аурис, как и Аспитис, одетый в деловой костюм, а не военную форму, указывая на риза, так же бесцеремонно изучавшего поочерёдно сосредоточенного Энгельберта, внешне расслабленного, но чуть ли не приноживающегося к окружающей обстановке Цезаря и всех

остальных. — Моя правая рука — Крайт Фертцен. Обязательный сопровождающий на подобных исторических — пусть и без присутствия прессы — мероприятиях. И его помощник Мэтво Кэчедуи.

Вер лет тридцати, стоящий слева от Домино и в общей сложности представляющий собой примерно два ауриса, коротко склонил голову, странно сверкнув почти чёрными глазами. Держался он непринуждённо, почти поигрывая мускулами, но, на взгляд Аспитиса, хорошего телохранителя из него бы не получилось: чересчур уж любит себя. Странно, что Домино не взял кого посolidнее на «подобное историческое мероприятие».

— Последую вашему примеру, — улыбнулся Аспитис и кивнул сначала вправо, потом влево. — Начальник моей личной гвардии Цезарь Шштерн и мой личный телохранитель Энгельберт Соловьёвых. Остальных двадцать три человека состава, пожалуй, представлять не буду. Вы, я посмотрю, ограничились десятком?

— Понадеялся на вас, — усмехнулся Домино, как будто оживляясь. — Вы в каждом уверены на сто процентов?

— На сто процентов я уверен в себе, сыне и этих двоих. А вы?

— В каждом, — серьёзно кивнул аурис, и Аспитис лишь вскинул брови. Но Домино уже повернулся к вернувшемуся администратору, выглядящему так, словно он оббежал всю гостиницу.

— Простите, уточнял последние приготовления, — улыбнулся он, длиннорукий и длиннолицый тилон с идеально зализанными каштановыми волосами. — Я попрошу вас сейчас об одной формальности, надеюсь, вас не затруднит ей последовать. В случаях, когда гости приводят на банкет охрану, управление отеля очень просит отмечать охранников каким-либо бросающимся в глаза предметом, чтобы разносящие еду официанты не перепутали их с гостями. Обычно охране на банкете полагается не отвлекаться...

— А что, без этих предметов не отличите? — саркастически спросил Аспитис. — Участники конференции, насколько я знаю, тоже будут не в военной форме и бронежилетах.

— Я же говорю, это просто формальность, — развёл руками тилон. — Правила отеля. Возможно, вы уже сталкивались с подобным...

— Я сталкивался, — согласился Домино. — Как будет проходить процедура?

— Я попрошу всех по одному подходить ко мне для регистрации, после записи я выдам вот такой браслет, на любую руку, — администратор извлёк из-под стойки узкий, похожий на ленту, серебристый браслет с регулируемой застёжкой и круглой бляшкой посередине с зеркальной поверхностью и выгравированным на ней символическим изображением языка огня — почти полный реверс с символа самого отеля.

Аспитис не стал спорить, хотя и считал подобные формальности полнейшей глупостью. Они с Домино подошли для регистрации первыми, потом были телохранители и, вразнобой, — охранники. Некоторое время хорон молча наблюдал за процедурой «кольцевания» — каждому по браслету строго на оголённое запястье, — затем поинтересовался:

— Почему у кого-то значок огня серебристый, а у кого-то чёрный?

— У нас просто две версии браслетов, старые и новые, все вперемешку, — разъяснил тилон. — Больше никакой разницы. Что достал, то и надел. Извините, если это важно, я могу...

— Нет, мне всё равно, — отступил Аспитис, где-то на грани сознания отмечая, что их с Домино ближайшее сопровождение все без исключения получили серебристый символ, а не

чёрный. Любопытное совпадение.

Недалеко от него стоящий Крайт тем временем громко хлопнул своего помощника Мэтво по плечу, от чего тот содрогнулся всем телом, и кивнул на его браслет:

— Ну наконец хоть как-то тебя окольцевали! Я бы сфотографировал на долгую память, когда ещё такое увидишь, да что-то лень...

— Я же объяснял, Крайт, — вер с хрустом размял шею. — У нас слишком мало представительниц моей расы. Не из кого выбирать.

— Да? Вон, глянь, какую Аспитис симпатичную причёл, тут же Север как-никак! — Крайт ткнул его под бок, указывая на одну из охранниц Мессии, к слову получившую чёрный символ, жёсткую лицом вераи, и Мэтво слишком уж поспешно оттолкнул его руки.

— Ты бы ещё громче разговаривал, сваха, чёрт подери...

— А ты чего такой нервный? — сощурился риз, вдруг щёлкая у него перед глазами, и с интересом следящий за ними Аспитис увидел, что вер немедленно разозлился. Крайт закатил глаза. — Ясно всё с тобой. Опять под завязку стимуляторами накачался? Ты бы соскакивал, друг, и без них работаешь превосходно!

— Я сам решу, Крайт, — фыркнул Мэтво, отворачиваясь. Некоторые мышцы у него самопроизвольно дёргались — интересного всё-таки фрукта Домино взял себе в сопровождение.

Охрана меж тем заканчивала получать браслеты. Стоило администратору с облегчением выдохнуть и достать ключи от ВИП-лифта, как широкие входные двери в холл отеля распахнулись, пропуская ещё одну компанию — прибывших через седовскую военную ставку северных предпринимателей с дюжиной охранников — один из них, смуглый с чёрно-рыжими волосами и узкой полосой от носа тамас вызвал в Аспитисе по неизвестной ему причине смутное беспокойство, а ещё один, темнокожий молодой эрбис, — ощущение, что они уже встречались — и во главе с Посланниками: Токкином Холохха от ГШР и Юки Дикссон от МД. Лица у обоих были холодно-вежливые, но Аспитис не мог избавиться от ощущения, что оба Посланника находятся сейчас на противоположных краях настроения: в глазах хаена иногда мелькало нечто вроде страха или даже ужаса, хрупкая сильвисса же, наоборот, будто шла на главный бой своей жизни. При виде Мессии прозрачные серые глаза её полыхнули радостью и она немедленно подошла его поприветствовать. Токкин с Домино лишь обменялись кивками.

— С нами ещё кое-кто приехал, Мессия, — сообщила Юки, когда с приветствиями было покончено. — Он очень просил, и мы не смогли ему отказать. Всё-таки свой в отличие от этих северных дельцов... — она презрительно сморщила свой очаровательный носик и, обернувшись, помахала кому-то. Спустя несколько секунд из толпы, уже подошедшей к стойке под предводительством Токкина, выделился тоже по-деловому одетый тёмно-серо-волосый эрбис лет двадцати пяти с яркими, почти чёрными пятнами и угрюмыми голубыми глазами. Как только он приблизился, Юки обхватила его за плечи — выглядело смешно, так как она сильно уступала ему в росте — и представила:

— Роар Тэссеруа. Ныне единоличный владелец серебряного завода на Драконе. После вчерашнего он изъявил желание выступить на конференции с какими-то своими предложениями — какими, правда, пока держит в тайне.

— С вашим заводом уже разобрались? — поинтересовался у эрбиса Аспитис, слышавший подробности только о самой диверсии в Серебрене, но так и не удосужившийся узнать, чем всё в итоге кончилось.

— О, конечно, — с преувеличенной радостью закивал Роар, глаза которого всё равно оставались недобрыми и холодными. — Но не это главное. Главное — что я узнал до этого. Вы прислали замечательных следователей, спасибо за их непредвзятость. Жаль, что в итоге пришлось усомниться в честности Генштаба.

— Будь мы все кристально честными, «Аркан» не захватил бы Север, — пожал плечами Аспитис, жалея, что Домино со своей свитой отошёл к Токкину и не вставит в их задушевный разговор свои пять важных слов.

— Определённо, — многозначительно хмыкнул Роар, обозревая отступивших от своей охраны бизнесменов. — А я правильно понял, что, несмотря на войну, предприниматели, которые имеют головные офисы на территории «Аркана», тем не менее могут свободно перемещаться?

— Попробовал бы он им запретить. Вся власть держится на вас, как ни прискорбно это признавать. Хотя работа, само собой, ведётся взаимовыгодная.

— И не боятся, что их же собственная охрана их перестреляет, чтобы сильно много о себе не думали... — Роар непонятно усмехнулся и откланялся. Аспитис вопросительно посмотрел на Юки, надеясь на хоть какие-то объяснения в его отношении, но та лишь тоже неопределённо передёрнула плечами.

Ещё около десяти минут оставшийся наконец без воздыхателей Аспитис негромко переговаривался с Цезарем и Энгельбертом, одним глазом следя за регистрацией, потом администратор попросил всех следовать за ним к VIP-лифтам в другом крыле здания. Аспитис и Домино с телохранителями шли первыми, затем Посланники, предприниматели — ровно десять человек, как и ожидалось, — следом длинный хвост охраны, и почти никто не заметил, как отставший от своей группы Роар пропустил перед собой всех, на несколько секунд задержался в пустом фойе и присоединился ко всем чуть позже, оправляя рукав светлого летнего пиджака.

* * *

В конференц-зале, конечно, уже накрыли фуршет. Мельком оглядев средних размеров зал, занимающий два этажа, с огромными окнами со всех сторон — нижние имели выход на закруглённые балконы с кадками экзотических растений и нитями фонариков у входа, — Аспитис быстро расставил охрану там, где хотел её видеть. Столы с закусками и напитками разместили в пустой части зала, на противоположной стороне от невысокой сцены с трибуной посередине — напротив стояли по три ряда удобных кресел с широким проходом между ними. Домино, кажется, особо не заботило, как будут присматривать за всем его солдаты, поэтому те вместе с сопровождающими предпринимателей разбрелись кто куда, перемешавшись со снующими туда-сюда официантами, а сами участники конференции, официальной темой которой значилось «Укрепление связей между Севером и остальной частью материка в условиях войны и поиск путей выхода из войны с экономической точки зрения», отошли к столам.

Какое-то время Аспитис ходил от одной самообразовывающейся группки по интересам к другой, провокационными и хорошо завуалированными вопросами пытаясь выпытать из собравшихся признание, зачем на самом деле они сюда приехали — какое уж тут укрепление связей, когда всё и так неплохо работает, особенно если, как правильно выразился Роар, не

мнить о себе слишком много, — но так ничего и не добился. Они явно что-то готовили, что-то грандиозное — поэтому он и решил поприсутствовать здесь лично, — и желали сохранить интригу. Что ж, их право.

Наконец Роар постучал ножом по ножке бокала, призывая обратить на себя внимание, и все разговоры стихли в одну секунду. Эрбис улыбнулся.

— Я прошу всех рассаживаться. Первым по программе выступаю я.

Предприниматели послушно двинулись к рядам кресел — не договариваясь оставили первый пустым, и Аспитис с Домино заняли его каждый со своей стороны, с охранниками по обе руки. Напротив, у сцены, перед трибуной, соответственно им встали Посланники — всё такая же расслабленная, улыбающаяся Юки и напряжённый Токкин, зеркально отражающий притихших позади руководства организаций бизнесменов и бизнес-леди, и до этого-то, откровенно сказать, не являвших собой образец спокойствия. Охрана полностью рассредоточилась, перемешавшись, встала ровно, то и дело поглядывая по сторонам и особенно на окна и двери, официанты без напоминаний покинули зал до окончания непосредственного выступления и следующего банкета. Прошедший на трибуну Роар, не имевший при себе ни бумаги, ни даже планшета, стукнул пальцем по микрофону и, удостоверившись, что он работает, начал:

— Я ещё раз приветствую всех собравшихся. Как уже было сегодня в обиходе замечено, эта конференция — историческое событие, и не только в связи с тем, что собираются заявить на ней представители всех крупных северных предприятий, лежащих на данный момент на земле, которую оккупировал «Аркан». Сам я, к счастью, не имел удовольствия узнать, что это, когда все рабочие вопросы приходится решать через огромное количество посредников и за каждое решение отвечать перед террористами. Однако, так же как и прибывшие сюда джентльмены и леди, знаю, каково это — доверять своим покровителям, вне зависимости от того, к какой организации они относятся, и в один прекрасный момент получить нож в спину. Именно этой теме посвящено моё выступление — и, прежде чем выступят со своими предложениями по улучшению ситуации с Севером вырвавшиеся сюда от Азата мои коллеги, я хотел бы рассказать вам то, что узнал вчера и сегодня в связи с произошедшим в ставке Серебрено нападением и вскрытием ведущейся через мой завод посредством ГШР работорговли.

В зале было тихо настолько, что, казалось, можно было услышать стук сердца каждого присутствующего. Начало речи Роара заставило Аспитиса слегка озаботиться — слишком уж конкретно он расставлял акценты и подбирал слова для создания нужного настроения: например, не стал уточнять, что работорговлю вёл не сам ГШР, а такие же его предатели, как те, кто помогли Азату захватить на Севере власть, и, опять же, через не менее лояльных руководству агентов МД. Становилось всё интереснее, и Аспитис ощутил тот зуд, который сопровождал его перед важным боем.

— Как известно представителям военных ведомств, которых я имею честь видеть перед собой, — продолжал тем временем Роар, голос которого начал наливаться металлом, — примерно через месяц после начала работы совершенно нового военного института — я, конечно, имею в виду Посланников — на различных ставках на границе с Севером, где назначенные туда дипломаты смиряли настроения, аркановцами были совершены диверсии. Родана, Абруд и, соответственно, Серебрено. Насчёт ставки Кварц-1, в результате подрыва которой также погибли оба Посланника, до сих пор неизвестно, был ли этот подрыв диверсией в соответствующем моменту понимания или просто террористической акцией.

Последствия упомянутых мной диверсий смогли, как сообщается, предотвратить специально для этого отряженные агенты Рэкса Страхова — Стиан Шшварцзее и Адамас Страхов, с которыми я лично беседовал в Серебрене. И можно было бы сказать им спасибо и заканчивать эту военную сводку, если бы после вскрытия работорговли, которую вёл ГШР, я не озаботился одним вопросом и не начал его выяснять. Почему две диверсии выставляли в неприглядном свете организацию Мессии-Дьявола, а последняя вдруг выявила нечистоплотность ГШР? Второй в связи с этим вопрос: почему, когда агенты сэра Страхова пошли по следам диверсантов, те не оставили своё бессмысленное занятие? Я решил посоветоваться с разбирающимися в подобном людьми, и...

— Это они сообщили тебе такую секретную информацию, Роар? — насмешливо спросил Аспитис. — Мы услышим имена?

— В этом нет никакой тайны, — пожал плечами ничуть не обескураженный эрбис. — Они здесь присутствуют. Это — Посланники Токкин и Юки.

Мессия и Домино посмотрели на не опустивших взгляда молодых агентов одновременно, причём аурис, как подметил Аспитис, задумчиво и слегка рассеянно. Он вообще был слишком уж флегматичен и отрешён для творящегося вокруг, будто его позвали не для участия в важном мероприятии, а просто для стенографирования — любопытно, всегда он такой, этот главный секретарь, или только сегодня, только для вас?

— И на каком же основании Посланники раскрыли гражданскому лицу информацию стратегического значения? — спросил Аспитис, не желавший, в отличие от Домино, быть сторонним наблюдателем. Роар ухмыльнулся.

— Как-то само совпало. Иногда, знаете, ли, совесть оказывается сильнее долга. Среди прочего я узнал, что «предотвращать диверсию» Стиан и Адамас будут и сегодня. Точнее, должны были, но диверсии не состоится, так как главные её создатели пойманы заранее. Введите, пожалуйста, преступников.

Аспитис повернул голову в сторону дверей в конференц-зал, как раз распахивающихся, и встал. Двое сормахов в военной форме без нашивок вели под руки тех двоих, кого столь многозначительным и язвительным тоном упомянул только что Роар: Адамаса и Стиана, запомнившегося хорону по их совместному с Рэксом визиту в Абруд и потому легко узнаваемого. Руки у обоих, похоже, были связаны или сцеплены за спиной, однако Стиан и без этого не представлял ни для кого опасности: его почти волочили, голова болталась из стороны в сторону, хотя ран на теле видно не было. Сормахи с добычей замерли среди охранников, и Аспитис холодно поинтересовался у Роара:

— И что бы это значило?

— Ничего, кроме того, что я уже заявил, — отозвался эрбис. Аспитис, так и оставшийся стоять рядом с тоже вскочившими Цезарем и Энгельбертом, вскинул брови, взглядом требуя немедленных разъяснений, и Роар простёр в сторону тераса и хорона руку.

— Это — истинные диверсанты, Мессия. Токкин рассказал мне. Он с самого начала был обо всём в курсе, даже помогал готовить нападение на эту конференцию, но мой приезд и вопросы стали последней каплей для его совести. В общем-то, если вы готовы слушать, он сам сейчас вам всё расскажет.

— Значит, вы с Токкином утверждаете, что диверсии готовились не Азатом или кем-то там ещё, а самим Рэксом Страховым? Любопытно. А Посланники от МД знают? — Аспитис перевёл взгляд на Юки, и та замотала головой.

— Даже не все Посланники от ГШР в курсе. Я присутствовала при исповеди Токкина

потому здесь и согласна с каждым словом.

— Хорошо, — хорон быстро посмотрел на хмурящегося Домино и безмолвствующего Адамаса и кивнул Токкину, — я слушаю тебя, Посланник.

— Диверсии должны были прокатиться по всем ставкам, и не только тем, где есть Посланники, — глухо сказал тот, глядя в пустоту. — Чтобы никто не думал, что это специфическая атака на наш институт. Собственно, в Седе были планы убить почти всех предпринимателей, а вину повесить на нашу ставку, которая якобы продалась Азату. Причём под расстрел по большей части попали бы те, кто ведёт бизнес с МД, я думаю, не надо объяснять почему. Каждая диверсия была совершена с определённой целью — а Адамас и Стиан появлялись потом как герои, которые утихомиривают бунт... Я должен был молчать, — он поднял глаза, в которых не отражалось ничего, кроме отчаянного страха. — Я предатель, изменник, но я не смог всё так оставить. Слишком много народу погибло — и моих друзей в том числе. И погибли бы ещё...

— И с какой же целью совершались диверсии? — пытливо спросил заинтригованный Аспитис, мысленно уже начавший плести ту сеть, на которую ему Роаром и Токкином предлагались нитки.

— Она не изменилась за пятнадцать лет, — деревянно отозвался хаен. — Дискредитировать МД. Очернить в глазах как солдат, так и простых обывателей, до которых доходят некоторые новости с фронтов. Стиан был заслан к нам на базу специально для того, чтобы узнать слабые места Посланников и найти себе агентов. Я... я тогда тоже согласился, глупый был, восторженный, сдохнуть за Генштаб!.. Только сейчас понял, во что ввязался. Правда, меня, в отличие от Беккера, не успели уговорить не сдавать руководство...

— Наконец мы перешли к сути, — ухмыльнулся Аспитис, позволяя своим глазам полыхнуть холодной яростью. — Давай по порядку. Что там на самом деле было, в Родане?

— Наш лидер хотел избавиться от Люка Кейтоды, вашего ставленника. Слишком уж он был нетерпимый, ни один руководитель от ГШР с ним ужиться не мог. Сэр Страхов убил сразу двух зайцев: сменил чужими руками руководство ставки от МД и сделал так, чтобы его ставленник остался там сто процентов — кто ж его уберёт, когда его так красиво оклеветали, обвинили в покушении на убийство? Посланница от МД была всеми руками за Кейтоду, поэтому её тоже убили. А чтобы всё окончательно запутать и ввести в игру доверенных лиц — Адамаса и Стиана, — был организован ещё и налёт на больницу. Адамас приехал туда, чтобы до официального допроса Беккера успеть внушить ему, что ничего из случайно узнанного рассказывать не стоит. А Беккер видел, что не убили его намеренно, и заподозрил, что диверсия подставная. Адамас вместе с ним додумался до того, что это всё то же стравливание ГШР и МД, с которым срочно надо разобраться, и развеял остальные его подозрения. Будешь отрицать, Адамас?

На хорона повернулся весь зал, и он едва заметно усмехнулся:

— Что мы додумались до стравливания? Конечно, не буду.

Своим спокойным тоном, уверенной усмешкой и вот этим акцентированием на части фразы он так напомнил Аспитису Квазара — тот тоже, когда его пытались вывести на чистую воду, обращал уже сказанные слова против оппонента, не привирая при этом ни на гран, — что Мессии смутно захотелось тряхнуть головой, прогоняя наваждение. И как хорошо он держится для обвиняемого в столь тяжких преступлениях...

— Собственно, на фоне всего произошедшего Адамас и Стиан получили официальное разрешение на расследование, и даже, заметьте, ваш сын, его близкий друг, ни о чём не

догадывался и уж, конечно, не был поставлен в известность, — голос Токкина дрогнул, когда Аспитис недобро сощурился, но почти сразу вернул прежний ровный тон. — Следующим был Абруд. Откуда аркановским диверсантам было знать, как попасть в нашу сеть, и тем более, что один из безопасников неровно дышит к Посланнице от ГШР, которая к тому же имела нестабильные отношения со своим напарником? Да и кто сумел бы так вовремя выдернуть ставленницу от МД, когда её подчинённые решили устроить самосуд? Всё, что там в защиту Сати говорилось, было вывернуто наизнанку. Конечно, вскрылась её настоящая почта и реальные любовнические отношения со ставленником ГШР. Особо даже ничего придумывать не пришлось. И ничего удивительного, что Посланник от МД сразу в это поверил: он-то знал свою пассию как облупленную и не пожелал вступаться за неё. И грешить против правды... Солдаты МД такого непотребства терпеть не стали, показали себя прибывающим новичкам неадекватными психами, и тут, конечно, Адамас вмешался. Ещё бы его кто не послушался: сын лидера ГШР, зачем ему врать-то? Сэр Страхов для того его на это и отрядил. Цель была достигнута, кого-то показательно наказали, Адамас со Стианом собрали овации, — впервые в голос Токкина прорвалось что-то вроде ненависти. — Очень удачно уехала ставленница МД, на совещании было больше голосов от ГШР, то есть возможность незаметно повернуть всё так, как нужно Главнокомандующему...

— Замечательно, — мягко одобрил Аспитис. — Зачем же в Серебрене подставили ГШР? Один рабовладельческий караван — кому от этого плохо?

Хаен замотал головой — множество мелких косичек, заплетённых от самых корней волос, с лентами цветов Посланников — голубой и белый, — запрыгали во все стороны.

— Вы смеётесь, Мессия, — заметил он. — Никогда ГШР не относился к рабству лояльно. Да тут сэр главный секретарь не позволил бы, — он кивнул на всё так же пребывающего в непонятной прострации Домино. — Пришлось вскрывать у всех на виду в удобный момент — вообще планировалось сделать это после войны. Но тут звёзды сошлись: и отвлечение внимания от того, что вроде как все диверсии направлены против репутации МД, и необходимость сменить руководство, и очередной шанс показать, как Адамас и Стиан стоят за истину — им же ещё в Седе надо было выступать. Плюс возможность отобрать завод: оставшийся без наставника Роар, скорее всего, сблизился бы с Троем Регуловым, своим соседом по предприятию, а вы знаете, чей Трой протезе...

— Отлично! — Аспитис ощутил, как узор в его голове соткался полностью, красивый, с острыми, хищными выступами на краях, и повернулся на «сэра главного секретаря». — Домино, что же вы молчите? Мне крайне интересно послушать ваше мнение как одного из соучастников такой великолепной, тщательно продуманной интриги против моей организации!

— Я напому одно из основных положений, — безмятежно откликнулся Домино, улыбаясь, и Аспитис не поверил своим глазам: под маской его равнодушия вдруг открылась злая, мрачная весёлость. — Никто не обязан свидетельствовать против себя.

— Зачтём как признание, — кивнул хорон и опять посмотрел на Токкина, взиравшего на Домино с искренним недоумением. — А что там было про пятнадцать лет? То есть интрига ещё с тех времён, когда не к ночи будь опять помянутый сэр Страхов застрелил мою жену?

Токкин моргнул — немедленно вызвав ассоциации с получившей запрос вычислительной машиной.

— Ну да. За шесть лет вашей охоты в глазах обывателей имидж МД испортился

окончательно. Война оказалась отличным поводом, чтобы после повторного сближения с вами суметь красиво выставить вас и ваших солдат чудовищами. По окончании диверсий ваш авторитет должен был ослабнуть так, что никого не пришлось бы особо уговаривать о переходе в ГШР. МД бы развалилась, сама по себе. И всё.

— Ну каков наглец! — восхитился Аспитис. — Страховская кровь не вода, однозначно. Жаль, агентов так и не научился себе выбирать, особенно молодых. То родной сын чуть к «Аркану» не переметнулся, то доверенный Посланник пятнадцатилетнюю стратегию по ветру пустил... Это всё, Роар, Токкин?

— Ещё нет, — давно уже облокотившийся на трибуну Роар встрепенулся. — Но вы подтвердите сначала: вы верите нам?

— Я вас удивлю, — хмыкнул Аспитис и отрезал: — Нет.

Теперь весь зал смотрел на него. Даже Цезарь с Энгельбертом, кажется, едва сдерживались, чтобы не ущипнуть себя за какое-нибудь чувствительное место. Ошеломления не было только у Домино — он скорее выглядел довольным, суди по нему и точно подумаешь, что всё разыграл Рэкс — да Юки: она сжимала кулаки и вполне была способна прожечь взглядом.

— Почему? — в гробовой тишине ошарашенно спросил Роар.

— Признаться, мне лень называть все причины, поэтому я ограничусь главной, — Аспитис многообещающе шурился, и, похоже, Роара это продирало до костей. — Заключив военный союз с Рэксом, я уже признал, что верю ему. А не кому-то другому. И к вам в связи с этим у меня есть несколько вопросов...

— Подождите, Мессия, — Роар отступил от трибуны с видом идущего на эшафот. — Ладно. Я всего лишь донёс до вас то, что узнал. И мне могли соврать, сейчас некогда разбираться зачем. Я здесь, собственно, не для того, чтобы вбивать клин между вами и ГШР на основе того, о чём знаю только на словах. У меня есть то, в чём я полностью, безоговорочно уверен. Выслушаете меня?

— У нас тут всё-таки конференция, — усмехнулся Аспитис. Что, интересно, они ещё для него приготовили? — Говори, Роар.

— Изначально все предприниматели с территории «Аркана» прибыли сюда, чтобы сообщить, что готовы порвать со своими головными офисами все связи, если МД и ГШР предоставят им защиту, — эрбис указал на сидящих позади Аспитиса и Домино бизнесменов и бизнес-леди, и те согласно закивали. — Но в связи с происходящим у них есть к вам другое предложение, и мне поручили его озвучить. Не захотите ли вы... взять на себя все предприятия, представители которых приехали сюда?

Аспитис был вынужден признать, что в этот раз по-настоящему удивился. Всё предыдущее — размашистый, никому из участвующих не оставляющий отходных путей навет, пленные в качестве преступников доверенные лица Рэкса Страхова (да что уж там, и его собственные, если вспомнить, что они сделали для него и Бельфегора), неизвестно к кому относящиеся сормахи — было вполне себе закономерно, примерно об этом его и предупреждали. Да, если бы он хоть на каплю сомневался в честности Рэкса, который тогда, на учебной базе, без оговорок прикрыл его спину, он, конечно, и это предупреждение мог бы расценить как часть интриги. Однако чего нет, того нет.

Но это предложение было слишком щедрым, почти невозможным даром, чтобы вот так с ходу от него отказываться. Переход северных предпринимателей под крыло официальной власти так и так переключает Азату кислород: Аспитис подметил среди присутствующих как

минимум двоих имеющих контакты с Пикором — как только Пикор узнает, что бизнес отвернулся от «Аркана», он, вполне вероятно, поступит так же, тем более что всем уже известно, благодаря кому Гхелбара захватил полматерика. Войне осталось жить недолго. Они победят как нечего делать — и по завершении ощутимый перевес по влиянию будет у МД. Точнее даже, у него, Аспитиса, лидера МД. Чуть ли не впервые в истории кто-то из них получит этот самый перевес. Рэкс, конечно, не захочет более никакого объединения, но оно и не будет необходимо. Аспитис и сам справится с кем угодно. А то и поглотит ГШР с концами...

От последних мыслей так ощутимо пахло какой-то невообразимой, беспредельной подлостью, что Аспитис невольно вспомнил тот свой плен в ГШР, когда собственный брат собирался заколоть его, беззащитного, на глазах у лучшего гвардейца. Да, верно, так оно и будет выглядеть по отношению к Рэксу. Проще тогда уж было в бою развернуться и расстрелять его, дозатягивал мечь, ничего не скажешь...

— Спасибо, — мерно произнёс Аспитис, — но я, пожалуй, откажусь.

Он увидел, как Роар в неверии сделал шаг назад, как обречённо посмотрел на него Токкин, как скривила губы Юки — подумать только, сколь сильно злоба может испортить хорошенькую молоденькую девочку. Несколько секунд никто не решался задать ни единого вопроса, а потом...

Цезарь и Энгельберт рядом с Аспитисом свалились как подкошенные почти одновременно. Мессия повернулся на Домино, на участников конференции, на охрану — все, кто сидел, безвольными куклами распластались на сиденьях, солдаты же проредили ряды — сормахи с Адамасом и Стианом, например, остались стоять. Отключились все гэшээрвцы, примерно две трети сопровождающих предпринимателей, но чуть больше половины эмдэшников даже не шелохнулись. Явно насмехаясь над Аспитисом, они дружно вскинули кто левую, кто правую руку — зеркальная бляшка с чёрным языком огня у каждого блеснула в свете ламп, и Аспитис отвернулся обратно к Посланникам.

Токкин преувеличенно заинтересованно смотрел в сторону, демонстративно убрав за спину руки, Юки же, мельком оглянувшись на распростёршегося на сцене Роара, медленно пошла к Мессии.

— Это был неверный выбор, сэр Пикеров, — тихо проговорила она, остановившись в двух шагах. — Но, как видите, у нас и на него нашёлся ответ.

— У кого — у вас? — устало спросил Аспитис.

— У «Чёрного пламени», — ухмыльнулась сильвисса и, в секунду расстегнув китель и отодвинув в сторону футболку, показала хорону почти такой же знак, как на бляшках, только в виде татуировки наверху левой груди. — «Атра фламма» очень надеялась на ваше благоразумие. Что ж, раз не сложилось, больше нам разговаривать не о чем. С Рэксом как-нибудь и без вас разберёмся. Видите вон тот балкон?

Аспитис скосил глаза в сторону одного из балконов, на который кивнула Посланница, по виду ничем не отличающийся от других.

— Вас ждёт снайпер на соседнем здании, — серые глаза сильвиссы зловеще блеснули. — Я не буду тратить время на угрозы. Встретьте свою смерть достойно. Конкретно вы — уже проиграли.

Аспитис не стал спорить. Пройдя мимо почти бездыханных друзей, союзников — ему показалось или этот дёрганый вер шелохнулся? — и цепи охранников у балкона, Мессия шагнул на него и закрыл за собой дверь.

Адамас, с затаённым до боли в груди дыханием следивший за всем происходящим и уже понявший, что против собравшихся в зале применили тот же самый газ, которым на короткое время отключили их со Стианом — а потом вкололи, очевидно, противоядие, — хрипло спросил у Юки:

— И что ты со всеми нами собираешься делать?

— Всеми своё время, — мило улыбнулась та. — Подожди суда, Адамас.

Хорон, не отрывавший взгляда от смутной фигуры стоящего Аспитиса за резным стеклом, и не заметил, как обзор ему заслонил один из солдат — вскинув голову, Адамас почти без изумления узнал тамаса-следователя Гая, только на этот раз с полосой поуже и рыжими прядками в волосах, а другими словами Брутуса Сетте.

— Наконец опять встретились, — довольно ощерился аурис и одним движением сдёрнул с него очки. — Симпатичные глазки. Давай проверим, смогу я с первого раза, — он отвёл назад в замахе руку с лезвиями, — проткнуть один из них до самого мозга?

— Убери от него свои чёртовы когти, Брутус! — взвизгнула Юки, но аурис не обратил на неё ни малейшего внимания. Он улыбнулся Адамасу:

— Будут последние слова?

— Не сомневайся, — хмыкнул Адамас, именно сейчас полностью избавившийся от страха, и почти прокричал: — Кто восстанет, будет прощён!

В ту же секунду держащий его сормах с силой зажал ему рот, до хруста позвонков запрокидывая голову, но главное было сделано.

— Щенок... — прошипел Брутус, и рука его рванулась к лицу Адамаса. Тот даже не успел зажмуриться и потому сумел увидеть всё, что последовало за этим ударом.

За долю секунды до того, как лезвия должны были проткнуть не такие уж стойкие к подобному импланты, Стиан, всё это время качественно изображавший безвольное тело, бросился Брутусу в ноги, утянув за собой и промедлившего сормаха. Вместо глаза Адамаса «когти» ауриса по касательной прошли по лицу самого тераса, оставив четыре рваные раны от брови до губы — и, уже падая, оба они оказались под автоматным обстрелом. Брутус взвыл, получив подряд две пули, разнёсших его левое плечо и бок под рёбрами, Стиана ранили в верхнюю часть груди, но это не помешало ему ещё в полёте развернуться и подсесть ноги Адамасу, чтобы и он не стал мишенью. Хорон свалился мешком, не в силах соображать и на одних рефлексах прицельно пиная охранника Стиана, пытавшегося встать.

А ещё через миг сверху на них брызнуло тысячами и тысячами осколков от пробитых кем-то окон, и думать оказалось совершенно некогда.

* * *

Аспитису с самого детства было интересно узнать, как он умрёт. Начитываясь книгами — всеми подряд, без разбора, лишь бы не замечать унылую реальность вокруг, в которой у него не было ни прав, ни перспектив, — он раз за разом принимал на себя смерти персонажей. Тогда он не знал ещё, что, модифицированный одним из штаммов альмеги, его организм при благоприятных обстоятельствах пережил бы и несколько пулевых ранений подряд, и большую потерю крови, и отравление, поэтому представлять было достаточно занимательно.

Второй вопрос, который Аспитис пытался в то время для себя выяснить, это будет ли

его смерть справедливой. То, что в мире нет этой самой справедливости, он понял тоже очень рано: откуда бы она, в конце концов, взялась, когда любовь родителей и всевозможные лавры доставались его старшему брату лишь потому, что он старше — а не умнее, благороднее и ещё тысячи различных превосходящих качеств, которые Аспитис искал в нём и всё никак не мог найти. Но, раз уж здесь ему так не повезло, а судьба человека по всем канонам вроде как должна быть уравновешена, может, ему хотя бы достанется умереть так, чтобы претензий не было? Не просто выйдя, например, на улицу и получив кирпичом по голове, который все эти годы лежал на крыше и дожидался именно тебя, чтобы наконец упасть. А, допустим, проиграв могучему сопернику, с которым вы равны, но в какой-то момент он оказался умнее. Ты сделал всё что мог. И потерпел поражение. Всем спасибо, все свободны.

Постепенно желание именно такого окончания жизненного пути стало для Аспитиса его смыслом и личной, никому не понятной одержимостью. Может быть, потому он всегда и совался в самое пекло, что был полностью уверен: раньше, чем он посчитает, что сделал для себя и мира всё, на что был способен, он не умрёт. И даже пример Квазара, одного из лучших друзей, ушедшего слишком рано — хотя и достаточно красиво, как и многие Страховы до него, — ничуть не поколебал Аспитиса в этой уверенности.

Собственно, с честью приняв своё поражение от неведомого лидера «Атра фламмы» — «Чёрное пламя», надо же было придумать название, да ещё и по-латыни, — отказавшись в одно мгновение от всевозможных безумных попыток повернуть ситуацию себе на пользу и выйдя на тот самый балкон, где, очевидно, в голову ему должна была прилететь пуля, Аспитис думал именно о том, справедлива его смерть или нет. Вроде и проиграл вчистую, по всем статьям, шах и мат, как договаривались, а вроде и по-глупому всё получилось. Его ведь предупреждали не лезть в это змеиное гнездо. Что бы стала делать эта «Атра фламма», не заполучив столь благодарного зрителя? Домино и Адамаса можно было выловить и без такого количества шума, а на северных предприятиях свет клином не сошёлся. Перевес — это одно, тайное обладание совсем другое. Шоу однозначно было рассчитано именно на него.

А он просто позволил себя увести. Аспитис сощурился на яркое летнее солнце, так ослепительно отблёскивающее в стёклах стоящего напротив дома, что и не поймёшь, где конкретно там засел снайпер. Да, он поддался. Уже, наверное, не так уж важно кому: «Атра фламме» или собственной гордыне — поддался, подвёл союзников, да и погибнет как дурак. Стоило пятьдесят восемь лет трепыхаться, чтобы в итоге так бездарно сойти со сцены!..

Не давая бессильной злости охватить себя в эти последние минуты, Аспитис ещё раз пробежался взглядом по окружающим домам и едва сдержался, чтобы не посмотреть на часы. Это отдельная пытка, что ли, такая — дожидаться, пока тебя пристрелят? Кажется, он начал рано уважать своего нового врага, раз уж тот даже солдат своих вымуштровывать не способен. С другой стороны, кто потом будет знать, сколько тут с ним возились?

На самом деле времени с его выхода на балкон прошло не больше двух минут — именно поэтому Аспитис всё-таки вздрогнул, когда донёсшийся откуда-то сверху шорох тут же оказался рядом с ним, превратившись в высокого и крупного солдата в форме без нашивок и с винтовкой в руках. Свалился он почти бесшумно, в тот угол балкона, где не было дверного стекла, а значит незаметно для собравшихся в конференц-зале, вмиг встал на ноги, и Аспитис наконец сложил черты его лица в знакомую картину.

— Ну здравствуй, Эрих, — негромко поприветствовал он пеланна. — Пули для меня

пожалели? Восставший из мёртвых будет забивать живого прикладом?

— Обижаете, Мессия, — хмыкнул в усы Эрих. — Я не способен по природе производить столько шума. Вон, снял вашего снайпера, а вы и не заметили.

Аспитис вежливо вскинул в лёгком удивлении брови, но больше глупых вопросов задать не успел. Наверху грохнули вторые, подпотолочные, окна, он поднял голову — как раз чтобы увидеть, как четверо солдат в заметной аркановской форме на тросах, тянущихся с тринадцатого этажа, скрываются через ими же пробитые дыры в зале, — и тут же на них с Эрихом посыпались мелкие осколки, а внутри поднялся шум.

— Они на вашей стороне, — улыбнулся пеланн. — Судя по тому, что я видел сверху, воевать всем внутри недолго. Желаете подождать здесь или вместе со мной пойдёте помогать?

— Раз ты не принёс с собой кофе, придётся идти помогать, — усмехнулся Аспитис и, развернувшись, распахнул балконные двери.

Обстановка в зале была на загляденье. Одни солдаты смешались с другими — сразу и не разберёшь, кто кого пытается убить. Аркановцы, пришедшие сверху, отличались от находившихся в зале засланцев «Атра фламмы» разве что имевшимися на форме нашивками и находились здесь в количестве восьми человек — слабая помощь, если бы вдруг не оказалось, что как минимум треть ранее вскинувших браслеты с чёрным символом также сражаются против своих. В итоге противников было почти поровну, и стрелять всем оказалось совершенно бесполезно. Примерно полтора взглядами оценив расстановку сил среди солдат и решив не вмешиваться, Аспитис пригляделся к творящемуся у сцены. Над всё так же неподвижными телами Цезаря и Энгельберта сражались двое молодых парней: один, ярко-жёлто-волосый терас, в таких же штанах без опознавательных знаков, как Эрих, и футболке без форменной куртки — правая рука у него была в согнутом состоянии плотно примотана к телу; и второй ранее показавшийся Аспитису смутно знакомым той же комплекции и роста эрбис. Увидев их друг рядом с другом, Мессия сразу понял почти всё и кивнул на них смиренно ожидавшему указаний Эриху:

— Помоги Десмонду. Я разберусь с его соседями.

— Слушаюсь, командир, — отдал честь пеланн и в несколько прыжков оказался возле Десмонда. Почти вровень с ним двинувшийся Аспитис оббежал ряды с другой стороны, чтобы вклиниться в захватывающие разборки Токкина и Юки, которые те устроили как раз возле Домино и Крайта. Вера Мэтво, кстати, в зале не было — значит, всё-таки его стимуляторы не дали ему долго спать и он почему-то решил дезертировать. Интересно, а куда-то подевавшихся Адамаса, Стиана и Роара он не с собой ли прихватил?

Очувтившись в шаге от Юки, восседающей на сваленном на пол Токкине и с удивительной для такой хрупкой девчонки силой душащей его, Аспитис услышал её яростное шипение:

— Ты трижды предатель, Токкин! На что ты надеешься? Думаешь, раз спас Кирсте от меня, тебя пощадят за остальные преступления?!

Хаен уже почти не хрипел и далеко закатил глаза, так что Аспитис не стал мудрить и отключил Юки в одно движение — хорошо рассчитанным ударом по затылку. Потом оторвал её от немедленно начавшего кашлять Токкина и вскинул голову. Десмонд, заслонённый Эрихом, осел на пол возле отца, пеланн же хмуρο смотрел в сторону Доминика, скрывающегося за вторыми дверьми, находящимися недалеко от сцены и ранее вроде бывшими закрытыми. Бросаться в какую-то другую драку пеланн явно не собирался — но

выступавшие на стороне МД и ГШР аркановцы и бывшие фламмовцы и так справлялись неплохо. Оценивая ощутимо поредевшие в количестве стычки, Аспитис наконец углядел и Адамаса со товарищи: тот, вместе с Роаром, живее всех живых — а на него-то почему газ не подействовал? — и окровавленным Стианом, засел под одним из фуршетных столов — мудрое решение.

— Дышишь? — осведомился у Токкина хорон, услышав, что кашель почти прекратился. Хаен судорожно кивнул, разминая горло. — Это за кого ж ты был в самом начале, трижды предатель?

— За «Аркан», — отвёл глаза Токкин. — Как и вся ставка. И вся Седа. А бизнесменое этих Азат планировал тут всех расстрелять, если бы «Фламма» не вмешалась.

— Спасибо. Теперь мне стало всё понятнее ещё на десять процентов, — ухмыльнулся Аспитис и обернулся на грохот распахиваемых в конце зала дверей.

Да уж, давненько вид гэшээрловских и мицевских солдат не вызывал в нём столь огромного чувства облегчения. Их было около полутора десятка, в полной экипировке, — оказавшись в зале, первые пятеро слаженно пальнули в воздух, заставив потолок брызнуть крошкой, а всех ещё сражавшихся забыть друг о друге и повернуться к ним, и шестой крикнул:

— Никому не двигаться! Отель под контролем ГШР!

В наступившей тишине Аспитис поднялся с корточек и приветственно махнул командовавшему — конечно, им оказался Сейя, кого бы ещё сюда отослали? Риз кивнул ему и отдал следующее указание:

— Руки за голову! Соппротивление не оказывать!

Пока его солдаты ковали всех бывших на ногах без разбору и осматривали раненых и усыпленных, Сейя отошёл к Аспитису. Остро и быстро оглядел так и спавших в креслах Домино и Крайта, Цезаря с Энгельбертом и замерших рядом с ними почти белого лицом Десмонда и так и не бросившего оружие Эриха и, указав в сторону последних, спросил у хорона:

— Эти с вами?

— Сложный вопрос, — хмыкнул Аспитис. — Пока со мной. Сколько у тебя войска?

— Достаточно, чтобы навести в Седе шороху. Ставка на границе уже под союзным контролем, здесь пока только галереи взламываем, но за чем дело-то стало. Главнокомандующий ждёт вас у отеля.

— Даже так, — Аспитис приятно удивился. — Тогда мы пойдём, а вы тут разбирайтесь. Эрих, подбери, будь добр, Энгельберта и следуй за мной. Адамас, а ты Стиана на кого оставляешь?

— На медиков, — подошедший к ним Адамас был без очков и со свободными руками. — Он ранен и уже потерял немало крови. Роар сейчас его вытащит, а там уже пусть медики разбираются. Десмонд, ты живой?

— Не похож? — ухмыльнулся терас. Хорон подступил к нему, предложил плечо и почти без усилий поднял на ноги. Аспитис с той же лёгкостью взвалил на себя Цезаря, Эрих играючи подхватил Энгельберта, и вся их маленькая компания двинулась мимо Сейи к выходу.

Коридоры были всё так же пусты, но ВИП-лифты работали, и совсем скоро Аспитис вывел всех в фойе. Администратора, конечно, и след простыл, двери отеля стояли запахнутыми настежь и без стёкол — пожалуй, «Огни» не скоро оправятся от такого

переполоха. Рэкс, как всегда невозмутимый, с руками, убранными за спину, ждал внизу плоскоступенчатой лестницы, едва заметно покачиваясь с пятки на носок, — тоже, кстати, в полной амуниции. Неудивительно: с осязаемым изумлением за его спиной Аспитис увидел кроме нескольких скорых и военных машин небольшой танк. К очередному захвату Седы явно решили подойти с чувством.

— Приветствую выживших и непокорившихся! — с многозначительной ухмылкой сказал Рэкс, когда они остановились у него, спуская на уже нагретый асфальт Цезаря и Энгельберта. Десмонд немедленно упал на колени подле отца, начиная рыться у него по нагрудным карманам, Адамас, благодарно улыбнувшись отцу, сел рядом с терасом, Аспитис же кивнул Рэксу на сопровождение:

— Повторная оккупация?

— А что ещё прикажешь делать? — пожал плечами Рэкс. — Как оказалось, «Аркан» мы отсюда так и не выкурили. Ничего, второй раз снисхождения уже не будет.

— И когда ты это выяснил?

— После событий в Серебрене это стало ясно как день. Мы выжидали, чтобы никого не спугнуть.

Аспитис скривился и, оставив пока остальные терзающие его вопросы, повернулся к Десмонду с самым главным:

— Так ты выяснил, кто руководит «Атра фламмой»?

Терас, как раз разломивший на мелкие кусочки пластинку майлера, изъятую у отца, и по одному укладывая её Цезарю под язык, очевидно, надеясь таким образом привести его побыстрее в чувство, вздрогнул и поднял на Мессию испуганные и очень уставшие глаза.

— Мне не удалось, — признался он с явным усилием. — Никто ни разу не произнёс его имени. Я могу лишь назвать главных его агентов — здесь, на Севере.

— Плохо, Десмонд, — покачал головой Аспитис и увидел, как пальцы Адамаса сжались на плечах тераса. — Мы заключили с тобой соглашение — оно имело смысл лишь в том случае, если ты выведешь меня на кого-то поважнее Брутуса. Одним только изменником Эрихом ты своё прощение не купишь.

Десмонд прикусил губу, опуская взгляд на лицо отца, Эрих воззрился на Аспитиса с искренним, невыносимым в его положении, возмущением — и это даже могло бы показаться хорону смешным, если бы не вдруг зазвучавший спокойный голос Рэкса.

— Аспитис, этот мальчик совершил почти невозможное, чтобы спасти твою шкуру, будь же снисходителен. Особенно в свете того, что ему не пришлось бы брать на себя так много, если бы ты просто послушал и не ехал сюда.

Аспитис обернулся: Рэкс смотрел на него с незнакомым явственным неодобрением. Он уже собрался возразить, но хорон продолжил:

— Я не понимаю, почему ты вечно лезешь в самое пекло? Тебя предупредил я, до тебя сумел вовремя докричаться твой самоотверженный шпион...

Всевозможные возражения застряли у Аспитиса в горле. Он сощурился.

— Откуда знаешь?

Рэкс передёрнул плечами, улыбаясь углом губ.

— Птичка на хвостике принесла.

— Я бы по твоим птичкам садил из крупного калибра...

— По этой не выйдет. Слишком уж высокого полёта, даром что в отставке.

— Года проходят, а тёплые отношения между Рэксом Страховым и моим главным

советником остаются, — хмыкнул Аспитис, скрывая свои настоящие чувства. Рэкс поддержал:

— Меня и самого удивляет, что, продолжая делиться с ним важными новостями, ты считаешь, что некоторые из них не дойдут до меня. Жаль, что так поздно, но по большому счёту без разницы.

— Мне вообще ваши связи до лампочки. Не «Атра фламма», и слава небесам. Кстати, объясни-ка мне правомочность своих претензий поподробнее. Не ты ли прислал сюда на очень вероятную смерть родного сына и любимого секретаря? Моя жизнь, что ли, важнее?

Аспитис хорошо видел, что Десмонд, Адамас и Эрих все превратились в слух, но это уже не имело значения. Важен был лишь Рэкс — и те ответы, которые он должен был дать.

— Во-первых, они сами туда поехали, — безмятежно уточнил Рэкс. — Во-вторых, путём импровизации они внушали всем собравшимся, что никто и ведать не ведаёт, что эту блистательную интригу раскусили. Если уж так изумились твоему поведению, а появление аркановцев выбило их из колеи, представляешь, какие страсти творились в неокрепших душах, когда в нужный момент ещё и ГШР вломился? Думаю, если бы ты там остался, узнал бы много молитв...

— Папа, я пообещал им прощение, — подал голос Адамас, и Аспитис посмотрел на него безумными глазами. — В смысле, фламмовцам в зале. Я запомнил их по лицам, тех, кто передумал.

— Я был готов к подобным жертвам, — кивнул Рэкс. — Я же сказал Стиану: используйте все возможные средства.

— Так ты... знал? — процедил сквозь зубы Аспитис, чувствуя, как ярость против его воли охватывает его целиком. — Знал, перед какими откровениями и выбором меня поставят?!

— Догадывался. Не так уж сложно было сложить два и два. А ты разве не догадывался?

— Я... Так, стоп, — Аспитис заставил себя несколько раз вдохнуть и выдохнуть. — То есть ты меня использовал, я правильно понял? Чтобы эта «Фламма» показала всё своё могущество или даже где-нибудь прокололась? Напомню, ты не слишком уж активно настаивал, чтобы я не ехал. Надеюсь, после моей смерти напуганные предприниматели перепишут всё на тебя? Или, может...

— Как ты только что сказал: стоп, — Рэкс выставил руки вперёд ладонями. — Так можно, сам знаешь, до чего договориться. В вопросе, ехать или не ехать, я положился на тебя. Ты считаешь, мне стоило выслать к тебе специальный отряд, который запер бы тебя в штабе? Я не нанимался в няньки.

— Но, если ты о стольком догадывался, почему не рассказал?!

— А ты бы мне поверил?

— Может, стоило бы попытаться меня убедить?!

— А может, и так неплохо вышло? Воочию, так сказать. А уж какие интересные последствия всё это может иметь...

— С огнём играешь, Страхов, — почти прошипел Аспитис, не отрывая взгляда от ни разу не посмотревшего в сторону и как будто тоже слегка злящегося Рэкса. — Небось, и имя их лидера знаешь?

— Догадываюсь, — отозвался тот. — Но не скажу примерно по той же причине — и тем более, если ты сейчас превратишь меня в кучку пепла, Аспитис. У меня опять ни одного прямого доказательства, как и тогда. К тому же у него час назад образовалось отличное

алиби. К слову, — он наконец отвлёкся от пылающего негодованием Аспитиса и извлёк из кармана телефон. — Вот только-только мои защитники отчитались. Все покушения на твоих приближённых благополучно отбиты. Бельфегор, кстати, напавших ещё и задержал, а Сэра парочку убила, не знаю, кого хвалить больше. Пострадал только один, скоро наверняка звякнет тебе из больницы.

— Марк? — скорее сказал, чем спросил Аспитис, чувствуя, как ярость схлынула с него, оставляя лишь усталость. Рэкс удовлетворённо кивнул.

— Марк. Ты привык защищать его, так что я наговаривать не буду. Давай лучше условимся кое о чём. Сейчас все подозрения свалились на твоего главного безопасника — твои агенты уже весело его повязали и только и ждут отмашки, чтобы расстрелять. Ты отдаёшь его мне. И Эриха — тоже.

Аспитис посмотрел на Эриха примерно с тем же недоумением, что и сам пеланн на неожиданного благодетеля. Ухмыльнулся:

— Предателей коллекционируешь?

— А то. Присоединю к своему главному экспонату — вон, кстати, его ведут. Я уж думал, они там на фуршет остались, всей дружной компанией. Давай сюда, Сейя!

Показавшийся из дверей риз, ведший под плечо, как увидел Аспитис, располозованного лицом Стиана рядом со смиренно вышагивающим Роаром, как раз подносил к губам рацию. На призыв Рэкса он лишь кивнул, коротко переговорил с кем-то — и тут же захлопали двери недалеко стоящих скорых, выпуская медиков. Осторожно спустив Стиана в низ лестницы, Сейя остановился:

— Роара Тэссера, пожалуй, оставлю вам. Для Стиана уже есть карета. У вас как тут?

— Сейчас договорим, и Десмонда тоже отошлём в больницу, — Рэкс кивнул на тераса, которого уже заметно потряхивало и держался он явно из чистого упрямства, и, подступив к Стиану, с деланным прискорбием заметил: — Что ж, Стиан, кажется, с внедрением тебе придётся завязывать. Теперь тебя каждая собака узнает.

— Твоё счастье, что я тоже люблю глупые шутки, — оскалил розовые зубы Стиан. — Между прочим, твоего сынка от Брутуса спасал.

— Я уже даже придумал тебе награду. Выздоровливай побыстрее, мне недосуг разбрасываться отпусками.

— Есть, шеф, — одной рукой терас отдал честь, и выражающий лицом недовольство сразу всеми собравшимися Сейя потащил его к скорым.

Аспитис тем временем смотрел на Роара, усиленно делавшего вид, что он бы тоже куда-нибудь пошёл — да машину пока не подали.

— Ты-то как очнулся, вестник истины? — поинтересовался он у эрбиса, и тот без слов закатал рукав пиджака, показывая плотно обхвативший руку у локтя серебристый браслет с символом чёрного огня.

— Стащил, пока никто не видел. Когда пустили газ, он тут же сжался и выпустил иглу, очевидно с противоядием. Кстати, если тот тамас, которого я видел в Серебрене в качестве следователя от МД, и есть Брутус, то ему помог сбежать второй телохранитель господина главного секретаря президента ГШР, вер который. Я же только притворялся, что спал, — как будто какую-то мелочь, сообщил Роар, обратно спуская рукав. Аспитис усмехнулся.

— Таки из своих ста процентов Домино ошибся на восемь с четвертью. Я, правда, почти на пятьдесят... Теперь ещё думать, что со всеми ними делать.

— Хочешь, я за тебя подумаю? — весело предложил Рэкс. — У меня и на Роара есть

планы. Не переживай, завод пока трогать не будем.

Всё это время так и не шелохнувшийся Цезарь вдруг резко, с хрипами закашлялся, и все повернулись к нему. Десмонд, нагнувшись, не отрываясь смотрел ему в лицо, поэтому первым, что терас увидел, наконец открыв глаза, был его собственный сын, и он дёрнулся, отползая и переворачиваясь.

— Что... — Цезарь быстро оглядел окружающих его, потом остановил взгляд на Десмонде, обхватившем большую руку здоровой и поменявшем цвет лица с молочно-белого на серый, из-за чего его вчерашний синяк на скуле заиграл новыми красками. — Что с твоей рукой, Десмонд?

— Доминик сломал, — слабо улыбнулся его сын. — За малодушие и чтобы под ногами не болтался. Не угадал ни с тем ни с другим. Ты...

Цезарь порывисто обнял его — Адамас вовремя отстранился — и строго спросил:

— Почему ещё не у врачей? Давай вставай, ты же в обморок сейчас упадёшь, солдат, чтоб меня...

— Цезарь, — напомнил о себе Аспитис, и терас повернул к нему голову. — Знаешь, я ещё не определился, что с ним делать. А от этого зависит выбор машины скорой.

— Юки ведут, — подал голос Адамас, кивая на двери, и Мессия опять чуть не полыхнул яростью от того, что его мнение почему-то все считают нормальным игнорировать. Но, как всегда, сдержался и тоже посмотрел на конвой из двух генштабовцев, тащащих вниз отчаянно сопротивляющуюся сильвиссу. Где-то за ней угадывался совсем уж превратившийся в тень Токкин.

— Что, надеетесь меня разговорить? — хрустально рассмеялась Посланница, заведя Рэкса и Аспитиса. — Я знаю, знаю, как его зовут! Только вы не узнаете, никогда!

Она как-то немыслимо извернулась, дёрнула зубами собственный воротник и тут же забила в припадке, далеко закидывая голову. Спихватившиеся охранники остановились, пытаясь удерживать её в одном положении, но сильвисса уже и сама обмякла куклой с полуоткрытым ртом, из которого стекала кровавая, вперемишку со слюной, пена. Один из конвоиров поспешно схватил девушку за запястье и почти сразу отпустил, покачав головой. Рэкс присвистнул.

— Признаться, я даже рад, что среди моих не попадается таких фанатиков — с суицидальными капсулами в нужных местах... Кстати, вон несут ещё один экспонат моей коллекции, даже два. Меня бесполезно вразумлять, да, Аспитис?

— Забирай кого хочешь, — огрызнулся тот, отворачиваясь от мёртвой Юки и тем более не желая видеть Домино и Крайта — очередное свидетельство того, что Рэкс ошибается в людях куда реже, чем он сам. — Ты, Десмонд, тоже аркановцам пообещал моё прощение?

— Не только ваше, — тихо проговорил терас.

— Без разницы. Я видел восьмерых с тринадцатого этажа. Это они? Ладно, так и быть, казнить и сажать не буду. Адамас, — сероволосый хорон с усилием отвёл взгляд от Посланницы, — допрос Десмонда на тебе. Его отец мне нужен здесь. Поезжай, как только ему определят больницу.

— Понял, — улыбнулся Адамас.

Ещё раз оглядев их всех, смотревших на него — подумать только, даже всемогущий и всеведущий сэр Страхов! — с одинаковой благодарностью, Аспитис мысленно отмахнулся от этой слабости и вопросительно и немного надменно глянул на Рэкса:

— Ну? И что требуется теперь от меня?..

— Признаться, я даже не знаю, какой конкретно вести тебе допрос и как вообще это делается, — хмыкнул Адамас, когда Десмонда прооперировали и оставили одного в палате в главной больнице Седы. Если выглянуть в совсем близкое окно, ещё можно было увидеть идущие по улицам танки — операция по захвату продавшихся «Аркану» гэшээровской и эмдэшной ставок шла полным ходом, но почти без стрельбы и жертв: руководство определённо было намерено блокировать галереи до последнего, а разбрасываться подпольем ни Рэкс, ни Аспитис не собирались. Патруль и администрация уже подчинились, а для ставленников, похоже, готовили спецотряды под прикрытием.

Десмонд, лицо которого явно впервые за долгое-долгое время наконец по-настоящему расслабилось, но всё ещё было болезненно бледным, слабо улыбнулся.

— Спрашивай, что интересно. Часть Аспитис и так знает, а тебе сообщу любые детали. Ты же записываешь?

— Обращаю ваше внимание, что все разговоры записываются, — состроил серьёзную гримасу Адамас, показывая телефон и сразу кладя его на тумбочку микрофоном вверх. — Ладно. Я буду непоследовательным. За что тебе правда руку-то сломали? За то, что Лихослава не убил?

— Ну да. Им пришлось спешно переделывать весь сценарий, и Доминик мне этого не простил. Плюс заподозрил в саботаже. Потом врачевавший меня Хас раскричался на него и Брутуса, получил, конечно. Брутус его... — он сглотнул. — Медсестра из него, кстати, как показала практика, так себе. Врачи сказали, заражение пошло, перелом-то был открытый, хотя он вроде меня антисептиком обкалывал. Впрочем, проще всё будет сваливать на Доминика. Я его эти полгода вообще не узнавал...

— Десмонд, — с нажимом произнёс Адамас. — Ты договаривай. Брутус его — что? Что он сделал с Хасом? И что, Хас всё ещё имел право на него кричать? У них любовь, что ли?

— Я не думаю, что в отношении Брутуса резонно говорить хоть о какой-то любви, — процедил сквозь зубы терас. — Сплошное собственничество. Он долго Хаса терпел: всё это его морализаторство, мягкость, попытки воздействовать на себя. Вчера его терпение лопнуло. Он его изнасиловал. Сломал его. Хас не очень сопротивлялся. Эрих, кстати, тоже это видел. А Доминик так и вовсе чуть ли не аплодировал. И, самое удивительное, к нему тут же вернулась Сила. Полгода не было, не было, а тут — р-раз! — и...

— Сила, говоришь, вернулась... — Адамас на несколько секунд задумался, потом тряхнул головой. — Странно эта альмега работает, а спросить не у кого. А как давно ты с Аспитисом общаешься?

— Да чуть ли не с того, что в лаборатории было. Ты прости, что не вступился, я...

— Не отвлекайся. Стал бы я тут с тобой договаривать, если бы считал тебя предателем или врагом, — сказал Адамас и вдруг почувствовал себя Бельфегором. Десмонд благодарно улыбнулся, но радостнее выглядеть не стал.

— Хоть кто-то не считает меня предателем. Я сам из-за этого долго спать не мог. Там как было? Сбежав из лаборатории, мы осели в подвале дома ближайшего городка. Хас позвал на помощь в обход Брутуса свою няньку — так на нас вышел Азат, нас всех четверых там и повязали. К счастью, о любви Хаса к Брутусу его отец не знал, поэтому он остался на свободе. И обратился за помощью уже к маме. Тогда-то и выяснилось, что она — главный

агент «Атра фламмы» в «Аркане». Примерно в начале войны перешла.

— Посчитала, у них перспектив больше? — Адамас усмехнулся, неожиданно вспомнив, что когда-то сестра Домино так же выбрала Азата вместо него. Надо же, а он думал, что не знает таких подробностей.

— Именно, — скривил губы Десмонд. — Та ещё продажная дрянь, по моему мнению. Они с Домиником два сапога пара. Очень скоро нас быстро и тайно вывезли из аркановских казематов: в одной машине я и Хас, в другой — Брутус с Домиником. На тот момент «резиденция» Азата находилась очень близко к границе — до Хайрова буквально рукой подать, поэтому через тогда ещё принадлежащую ему седовскую ставку и соседнюю, гэшээрговскую, нас должны были доставить на невоенную территорию. «Атра фламма» — она же почти везде, понимаешь? Да только и Аспитис, как выяснилось, обладает даром оказаться в нужное время в нужном месте. Его отряд перехватил нас — меня, Хаса и наших сопровождающих — и, поняв, кто им достался, спешно отогнал машину в ближайший город. Аспитис там уже был, а мой отец подошёл позднее.

— И ты разговаривал с Аспитисом с глазу на глаз?

— Скорее, я его вынудил поговорить со мной с глазу на глаз, — мрачно усмехнулся Десмонд. — Умолял, угрожал, он соизволил меня выслушать, пока отец разбираться не приехал. Я пытался убедить его, что не собирался его предавать, что мой брат, да, теперь всей душой за Брутуса, потому что по какой-то причине считает его сильнее, но я-то нет. Что я готов на всё, чтобы это доказать, да хоть убить этого Брутуса и сдохнуть самому, но он не поверил. Сказал, что в моём положении можно ещё не так от страха изгаляться и для отступников очередь у него разве что на эшафот. Меня заперли отдельно от Хаса, потом пришёл отец. Никогда не забуду, как он на меня смотрел. Даже не с ненавистью — с презрением и таким, знаешь, невыносимым разочарованием...

— Знаю, — кивнул Адамас. — На меня так мой смотрел после истории с Сати. Если вспомнить, что я чувствовал, ты, видно, тоже решил из кожи вылезти, лишь бы опять завоевать уважение?

— Прощение, — педантично поправил Десмонд, обращая взгляд куда-то в пространство. — Да. Начал прямо там. Впервые в жизни сумел его вырубить. Со страху, наверное. Выдернул ключи — он, похоже, освобождать меня под личную ответственность шёл. Открыл камеру, выудил у него телефон — хорошо, что он не поменял пароль. Зазубрил личный номер Аспитиса и пошёл освобождать Хаса. А у дверей нас уже поджидали атрафламмовцы. Говорю же, никогда не знаешь, кто из солдат окажется вдруг не на той стороне. Они нас и вывели, замаскировав всё в итоге под нападение «Аркана». Следующие полгода мы уже работали на Селену. Хотя толку от трёх подростков и одного лишившегося Силы Особенного было немного, она нашла нам всякую мелочёвку. Эрих тем временем собирал данные о Посланниках на базе, а потом, как они выпустились, дал им месяцок поработать и начал свои диверсии. Под руководством Селены, само собой. Придумки были не её, но командовать у неё получалось неплохо.

— Вы подключились только в Серебрене?

— По идее, мы там вообще не планировались — кто же знал, что вы со Стианом так удачно пойдёте по следу. Хотя, конечно, всё запоролось ещё в Родане — твоим неожиданным визитом. Думаю, они почти сразу новую стратегию придумали, которая должна была кончиться в Седе. Уж не знаю, что изначально планировалось на этих предпринимателей-бунтарей, но потом их решили использовать как приманку для Аспитиса.

— Подожди, про Седу потом. Запомнив номер Аспитиса, ты, значит, с ним ещё раз по душам поговорил?

— Ну почти. Когда мы соединились благодаря Селене с Брутусом и Домиником, я улучил момент и прислал ему наши точные координаты, с припиской, кто здесь, сколько охраны и сколько мы ещё будем тут находиться. Думал, он захочет накрыть Селену, агента пока не названной при мне подпольной организации, Брутуса, сына Азата, в конце концов. Но он написал мне в ответ только «Продолжай наблюдение». Вот я и продолжал. Пока не понял, что одним наблюдением больше ограничиваться нельзя. Твой отец прав: я и в самом деле успел ему отправить предупреждение прежде, чем Доминик отобрал у меня все средства связи. Но тогда я ещё не знал, что Аспитиса планируют в случае отказа «сотрудничать» убить, а то бы и это написал, не сомневайся. Поскольку ехать Аспитис не передумал, пришлось искать спасения где попало.

— Как ты уболтал Эриха? — любопытствовал Адамас, и Десмонд пренебрежительно фыркнул.

— Ты бы видел его лицо, когда он прочитал весь план на Седу. У меня было почти такое же, но я успел прикинуться равнодушным. По какой бы причине Эрих им ни продался — а я, кстати, так и не знаю, чем они его купили, — собственными фактически руками убивать Мессию-Дьявола он не планировал. Я, в общем-то, так и думал, что он не такой уж злодей. Обиделся, наверное, что все посчитали его в МД неудачником после того единственного провала, вот и стал агентом «Флаамы». А тут припекло — побежал вместе со мной всех спасать. Для вида он за мной по приказу Доминика присматривал, на всякий случай, ему-то доверяли. Перед этой конференцией нас отослали проверить с ключами все номера, чтобы аркановской засады не было, ну вдруг. Азат оказался не такой уж дурак, прислал-таки резервный отряд, который должен был вломиться и всех, кого увидит, перестрелять. Ва-банк, так сказать! Наверное, не очень он своей жёнушке всё это время верил, раз подстраховался от себя, когда их делегацию её солдаты вели. Не знаю, что бы он от смерти Аспитиса и Домино выиграл, мы спрашивать не стали, ввалились к ним с кнопочной гранатой и стали договариваться. Половина согласилась и вторую половину тут же обездвигила. Потом, убрав снайпера, который должен был убить Аспитиса, Эрих дал им знак — а дальше ты знаешь. Что ещё хочешь уточнить?

— Договор с Аспитисом у вас, что ли, какой-то сам собой разумеющийся был? Он ведь не писал этого в том сообщении?

— Ну да, не писал. А кто посмеет упрекнуть Мессию во лжи? — Десмонд горько хмыкнул. — Если бы не твой отец, висеть бы мне где-нибудь сейчас...

— Думаю, и твой бы вступился, — улыбнулся Адамас. — Папина «птичка» вполне могла и ему сообщить, что ты на нашей стороне. К тому же это послание из Библии — я сразу понял, что это ты.

— Я верил и надеялся. Слушай, мне вот только непонятно... Вроде весь их увлекательный разговор с Аспитисом прослушал, а так в этих хитросплетениях и не разобрался, — терас смущённо почесал в затылке здоровой рукой, и Адамас, верно предугадав его вопрос, отключил запись. — Ну то есть с могущественной противостоящей организацией теперь все будут ещё осторожнее. Да и Роар пообщается с представителями северного бизнеса, и они переписут имущество на ГШР и МД без опаски. Но твой отец-то ещё что-то хотел, конкретно от Аспитиса. В чём он ещё пытался его убедить своим невмешательством? Про «Атра флааму» он и так знал, да и почти всю интригу разгадал...

— Да в нём самом, — усмехнулся Адамас. — Что они оба знают: они больше друг другу не враги, кто бы как бы ни пытался убедить их в обратном. Особенно Аспитиса. Отец показал ему, что о нём на самом деле думают в этой «Фламме», каким его видят с этими его древними обидами. Тем более что папа считает главным супостатом того же, кто смерть Луизы подстроил. Словам Аспитис бы не поверил — как тогда не стал верить. А вот так, наглядно... Теперь зато всем понятно, что они готовы на всё, лишь бы не было объединения, а Аспитис, наоборот, стал к нему на шаг ближе. Он упрямый, за собой не поведёшь, но сам может прийти запросто.

— Это ты самостоятельно понял? — восхищённо сверкнул глазами Десмонд. Адамас скромно пожал плечами.

— Сложил пятое, десятое. Но Стиан всё равно считает, что интриганской жилки во мне нет. Так только, везёт иногда.

— А Рэкс не боялся, что кто-то не успеет? Что у нас с Эрихом, например, не получится? Что тебя решат всё-таки пришить, раз такая петрушка?

— Наверное, тоже пошёл ва-банк. Или имел план насчёт смерти Аспитиса. Марк-то заранее обо всём позаботился, совершенно не сомневался, что всё удастся. Эти покушения на всех приближённых, включая его, скрещивание лучей на главном безопаснике — если бы Аспитис и в самом деле был убит, а гэшээровцы бы не охраняли того же Бельфегора, власть сама собой перешла бы к Марку.

— Кстати, слушай, — Десмонд загорелся, — а может, Рэкс рассчитывал, от одной пули Аспитис не умрёт? Отец говорил, у нас до сих пор очень ограниченное число людей знает, насколько его защищает альмега.

— Думаешь, снайпер стал бы стрелять куда-то, кроме головы? — усомнился Адамас. — Тут только на нечеловеческую удачу рассчитывать. Хотя не зря же он туда именно Домино послал, — он прыснул со смеху, и Десмонд воззрился на него в недоумении.

— При чём тут Домино?

— А это у нас старая шутка. Азат когда-то был уверен, что присутствие Домино вызывает вихрь всевозможных случайностей, не только же Брутус — мистик держите четверо. Но отец, конечно, вряд ли в такое верит. А вот смерть Аспитиса и переход власти к спасённому им Бельфегору, который совсем не считает Страховых врагами, был бы для него не таким уж ударом... Н-да...

Терас посмотрел на него чуть ли не со священным ужасом, и Адамас поспешил избавиться от таких кошунственных мыслей и перевести тему.

— Хотел вот ещё спросить, — торопливо сказал он. — Значит, Брутус и в самом деле потерял Силу после смерти Ове? Я гадал, почему его удар всего-то пришёлся мне по глазам, а не снёс полголовы... — Десмонд кивнул. — А вернул её обратно, когда возродил себе Ове в лице Хаса? Ну, или просто вновь получил человека, принадлежащего ему, как он думает, целиком и полностью. Я ведь вколол Дилану новую версию альмеги — этот их блокиратор, — когда вы ушли. Мне Ове тайно передал свой. Дилан теперь сидит в лабораториях у Аспитиса, его пытаются изучать, но не могут, так как его Сила тоже почти сразу отключилась. Как ты считаешь, что её могло бы вернуть?

— Уж точно не сидение в очередной клетке! — усмехнулся Десмонд. — Брутус, конечно, много про Дилана рассказывал, по его словам, он слабак с неустойчивой психикой и очень боится смерти. Как он говорил, если бы вместо Ове Брутус когда-то начал свои «игры» с ним, Дилан рано или поздно умер бы от разрыва сердца, ни на что другое его не

хватило бы. Сейчас, наверное, после смерти Ове и Стаса, он чувствует себя совсем ничтожеством. Может быть, если бы кто-то вывел его... в смысле, из этой тоски. Если бы он снова был не один. Я, к сожалению, с ним не общался...

— Ясно, — кивнул Адамас. — В общем-то, так я и думал. Спасибо. Последний вопрос и могу оставить тебя отдыхать. Откуда Юки такая фанатичная взялась? Я, как ни пытаюсь, не могу вспомнить про неё ничего такого, что бы её могло повернуть в сторону «Атра фламмы».

— Ну да, ты же не наблюдал за всем лагерем в бытность свою учеником... У неё случилась там несчастная любовь — к Лихославу, с первых же дней. Он ей, конечно, быстро разъяснил, что к нему с этим не по адресу, а утешения она побежала искать к Эриху, как к главному преподавателю МД. И ничего другого, ты не подумай, а то мы бы живенько их сдали. Судя по тому, что с появлением Скотта — то бишь Стиана — Юки постаралась внушить каждому, что на самом-то деле её лучшая подружка — Дилайла, а с Эрихом за тихими и очень тайными разговорами я лично застукивал её дважды, тогда-то он её и завербовал. Ну а полная самоотдача делу — это относится ко всем Посланникам, просто Юки ушла на тёмную сторону. Потом ещё и Токкина под себя подмяла как нечего делать. Застрашала рассказами о том, что с ним будет, когда Управление узнает, что они встали на сторону «Аркана», перетащить к «Фламме» уже удалось, наверное, чисто по инерции.

— Она и правда могла знать имя лидера? — нахмурился Адамас, и Десмонд задумчиво покачал головой.

— Я лично сомневаюсь, даже Эрих его не знал, но чем чёрт не шутит! Не вижу иных причин забавляться с суицидальными капсулами... Ладно, я посмотрю, ты уже засобирился уходить, — он вдруг заговорщицки, совсем как раньше, подмигнул. — Официально заявляю протест: ты ещё должен рассказать, откуда у тебя эти чудные импланты и что ты вообще делал эти полгода. А заодно и про житие-бытие Бельфегора, если знаешь.

— История резко сократилась наполовину. И никуда я не собирался, по правде-то говоря! — рассмеялся хорон и устроился поудобнее. — Тогда слушай.

Его, как и Десмонда, отпускало — не столько от приключений, интриг, вечной подозрительности и опасности, сколько от самого Севера. В той мозаике, которую Адамас пытался собрать здесь на месте старой, им лично разломанной и пущенной по ветру, оставался ещё один, последний элемент, но пока он ждал и можно было просто говорить, ни о чём не заботясь и не думая — словно бы ничего произошедшего за эти полгода никогда и не случалось.

Найти новое место работы Джея оказалось до смешного просто — Адамас даже задумался, почему за эти полгода ему ни разу не пришла в голову подобная мысль. Тем более что до разговора со Стианом он считал, что от работы Джея освободили насильно: Бельфегор рассказал, что он сделал и как в итоге всё повернулось, поэтому решение руководства за подобное предательство наказать его отставкой казалось вполне закономерным. Адамас вспомнил, что вроде бы решил не напоминать Джею собой о столь позорной странице его биографии — но чисто по-человечески неужели нельзя было проведать хотя бы раз, чтобы он знал, что зрение Адамасу успешно вернули и уж в этом точно можно себя не винить? А теперь он шёл к Джею по делу — приятно же ему будет осознать, что о его существовании вспомнили, лишь когда от него что-то понадобилось.

Да ещё дело-то какое непростое...

К удивлению Адамаса, новую карьеру Джей решил строить в одной из многочисленных кафешек южного пригорода Канари, где с февраля месяца трудился на ниве разноса еды и напитков. А он-то всё думал, как они так запросто сошлись с Диланом и Стасом — очевидно, оказалась общей эта жилка самоотречения, когда жизнь катится под откос. Вместо того чтобы выбираться из болота, эти трое лишь ещё веселее начинали барахтаться, чтобы не так скучно было идти ко дну. Оставалось надеяться, что Джей не откажется от коряги, которую Адамас намеревался протянуть ему с берега в качестве руки помощи.

Кафешка почти пустовала: завтрак давно кончился, а до обеда, на который должны были собраться студенты из недалеко расположенного университета, ещё было добрых полтора часа. Адамас выбрал себе столик у окна в дальнем конце зала и закрылся высоким вертикальным меню — чтобы, если к нему из двух имевшихся в помещении официантов всё же подойдёт Джей, которого он углядел чуть ли не с порога, он не сразу узнал его и не сбежал в ту же секунду. Однако к Адамасу подступила девушка — коротковолосая симпатичная хатти, — и тактику пришлось менять.

— Добро пожаловать! — поприветствовала она Адамаса. — Уже определились с выбором? Что будете заказывать?

— Прежде чем что-то заказывать, я бы хотел, чтобы ко мне подошёл ваш коллега, — Адамас состроил недовольную гримасу и пренебрежительно указал в сторону работавшего с кассой Джея. — Есть у меня к нему пара вопросов по моему предыдущему визиту.

— А... Да, хорошо, я позову его, — растерялась девушка — явно новенькая — и ушла к кассе. Адамас опять закрылся меню — оно отлично прятало лицо, а повязанная на голове чёрно-белая бандана — волосы — и с замиранием сердца стал ждать Джея.

Тот подошёл буквально через минуту. Адамас услышал за спиной мерные, так и не избавившиеся от налёта военной чёткости шаги, краем глаза увидел остановившегося напротив него Джея, но глаз от меню пока не поднимал.

— Все претензии по поводу моей работы, — равнодушно начал Джей, — вы можете выразить в книге жалоб и предложений, которая лежит возле кассы, но может быть подана вам прямо сейчас. Или же имеете право обговорить их с руководством.

— Боюсь, некоторые претензии, Джей, — Адамас вскинул голову, и Джей, узнав его, отступил на шаг, — я могу выяснить только лично. А с руководством я уже по самое не могу наговорился. Ты присаживайся, в ногах правды нет.

Джей молча опустил на свободный стул, и Адамас отложил меню, тут же с улыбкой приподнимая очки (уже третьи из пяти, что сделал для него Вэлиант) — ошеломление на лице Джея сменилось чем-то вроде облегчения. В остальном за полгода он не изменился, разве что пропала даже та тень уверенности в себе, что ранее была ему свойственна. Да и глаза как будто помертвели.

— Моя первая претензия, — так и не дождавшись от него хоть каких-то комментариев, Адамас продолжил говорить, — это что ты здесь делаешь? Почему не пошёл хотя бы в преподавание?

— Потому что я более не желаю нести ни за кого ответственность, — неожиданно резко отозвался Джей. — Здесь у меня есть все шансы однажды стать директором филиала. На жизнь хватит.

— Это ты так жизнь себе представлял, когда в Канари приехал?

— Ты объявился, чтобы читать мне мораль? — парировал Джей. — Этакая месть за те мои нотации?

— Злой ты, — Адамас сцепил пальцы в замке, пытаясь дружелюбно улыбаться: он никак не ожидал, что их беседа начнётся со взаимного недовольства. — Я, во-первых, должен извиниться. Мы вроде неплохо общались, а я получил эти протезы уже в конце февраля, но почему-то за всё это время так и не догадался найти тебя и поговорить...

— Знаешь, я бы тоже предпочёл забыть человека, по чьей милости мои глаза превратились в протезы, — фыркнул Джей. — Удивительно, что ты вообще приехал. Правда, не совсем понятно зачем. Успокоить меня, что ли? Нечто вроде: ты не переживай, я в порядке?

— С этим я приехал бы пораньше. Но я не очень понимаю, почему в моём увечье ты винишь себя. Я, например, довольно давно пришёл к мысли, что сам во всём виноват.

— Давай без этого философствования. Это уже не имеет значения. Я рад, что ты можешь появляться на людях и не держишь на меня зла. Выбрался, чтобы меня уведомить, — спасибо. А остальное пусть продолжается так, как есть. Тебе принести кофе?

— Подожди, — до Адамаса стало доходить, — ты считаешь, что я всё ещё слепой?!

— А что, нет? — вскинул одну бровь Джей. — Ты хорошо держишься, в общем-то, ничего другого я и не ожидал. Сумел же Дилана вывести, хотя тебе было примерно так же плохо.

— Джей, — Адамас полностью снял очки и моргнул, чтобы его собеседник убедился, что его протезы — рабочий механизм, а не просто странное украшение, явно для запугивания врагов, — я не слепой. Эти импланты — камеры с высоким разрешением. Всё, что они фиксируют, они отправляют в мозг, там установлены специальные чипы-преобразователи. Это Вэлиант постарался. Я даже в темноте вижу. Потому и извиняюсь, что не приехал раньше.

— Да ладно, — усомнился Джей и, после видимой короткой борьбы с самим собой, протянул руку, чтобы махнуть ей перед глазами Адамаса. Камеры ожидаемо сместились, и хорон отдёргнул её, вцепляясь пальцами в край стола. — Ну надо же... Значит, Вэлиант наконец превзошёл свою лень. Но на все его гениальные разработки здоровья не напасёшься...

— Это уж точно, — рассмеялся Адамас, радуясь, что Джея наконец по-настоящему отпустило. — Если захочешь, я расскажу тебе потом всё в подробностях. Неделю назад у нас, например, чуть Аспитиса не убили. А то, может, ещё и меня, Стиана и Домино с Крайтом за

компанию. Заварушка была что надо! Но — потом. Я же по делу приехал.

— Я ушёл из ГШР, — мотнул головой Джей. — Вряд ли чем смогу тебе помочь.

— Скажем так, именно то, что ты, как и я, не являешься агентом ГШР, одно из главных оснований для твоей помощи. Меня, конечно, уже зачислили в Академию, но это не делает меня агентом. Я собираюсь на одну политически опасную миссию, поэтому лучше быть гражданским лицом. Отец, по крайней мере, одобрил. И твою кандидатуру в качестве помощника, кстати, тоже.

— И что политически опасного ты собрался натворить?

— Ты же в курсе, что после сеттевской лаборатории Дилана забрал к себе на исследования Аспитис? Он до сих пор там сидит, бессмысленный и бесполезный. Очевидно, после заключения в очередную клетку его новая альмега стала неактивной. Как и у Брутуса после смерти Ове.

— Ну да, — Джей медленно кивнул. — Ты, очевидно, хочешь его украсть и пустить по миру?

— Как принцессу из заколдованного замка, — рассмеялся Адамас. — У Дилана, видно, судьба такая, чтобы за ним кто-то присматривал, один он определённо не справляется. Ты мог бы помочь мне его вытащить — есть у меня подозрение, что это будет не так уж сложно, — а потом, уже в моё отсутствие, а то моему отцу Аспитис голову отгрызёт, пообщаться с ним и придумать ему новую жизнь. Его Сила мне до лампочки, я лишь считаю, что нельзя вот так человека, как животное, держать за решёткой. К тому же он оказался там по моей вине, сам-то надеялся уйти вслед за Стасом. Это последняя моя подлость, которую я хочу исправить, но одному мне будет тяжело.

Джей молчал почти минуту, не отрывая взгляда карих глаз от лица Адамаса, потом тихо проговорил:

— Ты, наверное, и мой поступок считаешь подлостью? Если я правильно понял твои критерии определения этого понятия.

— С какой-то стороны, — пожал плечами Адамас, решив не отпираться. — Только не то, что ты сделал, а то, чего не сделал. Не вмешался. Не удержал Стаса от этой стычки. Про доверие руководству пусть и дальше отец со Стианом говорят, им эти метафизические высоты ближе. Они хотели, чтобы в нужный момент ты отдал им ответственность, а я считаю, что должен был взять её на себя. Из того, что ты им рассказывал, я понял, что ты почти сразу прочитал недостатки Стаса — но ничего в итоге не стал против них предпринимать. Если уж так не хотел отдавать их с Диланом Управлению, надо было хотя бы помешать им лезть на верную смерть.

— Какое я имел право им указывать? — еле слышно, но с явственной мукой спросил Джей.

— Да кто из нас по большому счёту имеет это право? Только не ты ли говорил, что, если сам не сделаешь, никто не сделает? Раз не сдал, надо было защитить. А ты пустил всё на самотёк. Да ещё и потом из ГШР ушёл. А ведь наверняка нашёлся бы человек, который постепенно научил бы тебя, как поступать правильно. Но — ладно. Коль не хочешь иметь с ними ничего общего, сейчас можешь выступить от себя. И хоть немного сгладить случившееся с Диланом. Он, в конце концов, за всех отдувается.

— Да, наверное... А ты всё-таки не перестал быть бунтарём.

— На этот раз всё согласовано. Аспитис, конечно, не в курсе, но не так давно я обсуждал Дилана с Десмондом, и он сто процентов об этом своему кумиру расскажет. Или

отцу, но это почти одно и то же. Просто так, я не говорил, что собираюсь его похищать. Нас могут там ждать — а могут и не догадываться. Попробовать стоит.

— Ладно, — Джей успокоительно махнул рукой той официантке-хатти, кто первой подошла к Адамасу, и забарабанил пальцами по столу. — Не скажу, что я не думал о том же. И о подлости ты верно всё понял, я себя по кусочкам начал есть, когда до этого додумался. Намного спокойнее было считать, что мы с Рэксом не сошлись характерами. Странно, правда, что они со Стианом мне этого сказали. Неужели это только твоё мнение?

— Может, хотели, чтобы ты сам всё понял, — улыбнулся Адамас. — И вернулся. С отца станется так обучать молодые кадры. И кстати, не только молодые... Так ты согласен?

— С одним условием. С нами поедет Герберт.

— Герберт? Зачем?

— Во-первых, — Джей начал загибать пальцы, уже совершенно вернувшись к себе прежнему и даже — к несколько менторскому тону, — я ещё похож на человека только благодаря ему. Заезжает иногда, не даёт мне в полной мере ощутить беспросветное одиночество. Я ему должен. Во-вторых, он непредсказуемый, а значит, способен совершенно случайно что-то такое сказать Дилану, что тот побежит жить вприпрыжку. И в-третьих, если он узнает, что мы пошли спасать Дилана — между прочим, его друга — без него, а он, зуб даю, узнает, он мне просто не простит. И не только мне. А поскольку он непредсказуемый...

— Мог просто с умным видом сказать: «Одна голова хорошо, а две лучше», — фыркнул Адамас, откровенно веселясь, и Джей глянул на него с лёгкой укоризной.

— Я тебе хоть когда-то врал?

— А что, это похоже на ложь? Ладно, Герберт так Герберт. Как только мы заберём Дилана, он полностью на вас. Решайте сами, куда вам идти или не идти, мне знать об этом не стоит. Места полно, вдруг он захочет где-то начать новую жизнь? На фермах в Тезорском крае, в Столлийских колониях — это порт Наав, или на Декке — тогда вам дальше по Тезорскому району, в Сан-Тезоро. Я оставлю вам машину и деньги, от вас требуется только никому не попасться по пути. Аспитису. Или, упаси небо, Бругусу.

— А он способен узнать о таком?..

— Он теперь состоит в подпольной организации «Атра фламма» и теоретически способен узнать что угодно, потому что пока никто не выявил ещё всех её агентов — им может оказаться любой. Она внутри МД и ГШР, и на данный момент ей только начали заниматься. Собственно, поэтому о лаборатории, где содержат Дилана, знают одни лишь доверенные лица, её почти не охраняют, чтобы не привлекать внимание, — и нам не будет сложно туда вломиться.

— А ты откуда знаешь, где она?

— Бельфегор рассказал. Я же ему сразу о своих планах заявил, мы друзья, я не могу его обманывать. Договорились на обмен информацией: он знает, что я замыслил диверсию против его отца и на какое время, а я знаю, куда идти. Это тот максимум, на который он готов пойти ради нашей дружбы в минус своему отцу. Ловить вас, скорее всего, он и будет, я ещё поэтому устраниюсь.

— Интересные дела, — хмыкнул Джей. — Отпрошусь-ка я на несколько часов, чтобы послушать об изменениях в твоей жизни. Подождёшь меня? Герберту будем звонить уже вместе.

— Без вопросов. До сентября я совершенно свободен, — рассмеялся Адамас, чувствуя,

как все тревоги по поводу встречи и разговора с Джемем слезают с него подобно старой, отслужившей своё коже и остаётся лишь уже знакомый лихорадочный зуд, предваряющий все самые важные события в его жизни.

* * *

Лаборатория располагалась в Зелёных краях, на склоне Дракона примерно посередине цепи, — как понял Адамас, в переоборудованном здании давно заброшенной обсерватории. Внешне она ничем не выдавала свою обжитость: всё вокруг поросло бурьяном, штукатурка местами осыпалась, покосившийся забор из сетки рабицы был обвит причудливой толстой лианой, цветущей буйным апельсиновым цветом, — лишь сведущий в ботанике человек узнал бы в ней одно из немногих растений, способных жить в условиях высокого напряжения, и понял бы, что по забору пущен ток. Даже ворота на территорию выглядели так, будто ими не пользовались уже лет пятьдесят, но Адамас был уверен, что пробить их на машине не стоит и пытаться.

Они добирались сюда почти сутки, остановившись лишь раз на три часа для сна: и Джей, и постоянно молчащий Герберт настаивали на том, чтобы не тратить на него слишком много времени, и Адамас не спорил. По прибытии — стояла глубокая ночь — он оставил свой автомобиль в ближайших зарослях, и, пока менял номера, Герберт зарылся в багажник.

— Вот наконец моя вам плата за то, что решили взять с собой, — он с гордостью продемонстрировал поднятый на ладони небольшой чёрный дрон. — Маленький, да удаленький. Сначала отключит им внешнее наблюдение и ток на заборе, потом свистнет планы здания, покажет нам, где Дилан, и подорвётся у нужной стены. Папа сконструировал, они даже на вооружение ещё не поступили.

— Он его тебе подарил, что ли? — удивился Джей, нервно оправляя то штаны, то куртку. Герберт хмыкнул.

— Конечно, подарил. Правда, пока ещё об этом не знает. Ничего, новый сделает. Чертежи-то остались.

— Тихо слямзил и ушёл — называется, нашёл? — усмехнулся Адамас, более близкий эрбису по бунтарскому духу. С упрёком изучавший их обоих Джей закатил глаза.

— На вашей совести.

— О, конечно, Джей, не сомневайся. Давайте вон на тот пригорок выйдем, чтобы видно было, — чуть не подпрыгивающий от нетерпения Герберт указал на небольшое возвышение в нескольких шагах от машины, где расступался лес и откуда до обсерватории было около пятидесяти метров.

Стоило им оказаться на пригорке, как Герберт нацепил идущие в комплекте вместе с дроном очки со встроенным экраном, куда передавалось изображение с его камеры, и отправил дрон в полёт. Какое-то время он рыскал над зданием в поисках управляющей панели, потом наконец увидел её, хорошо запрятанную в углу за густо разросшимся кустарником, и завис, подключаясь к внутренней системе.

— Ток убрал, сетку можно спокойно сносить, сигналка только на воротах, — прокомментировал Герберт. — В лабораториях всего числится двадцать человек, пять учёных, остальные охрана. Один охранник прикомандирован лично к камере Дилана, другие разбросаны по зданию, скорее всего, не успеют прибежать на шум, если будем действовать

быстро. Кстати, удача: его камера как раз у этой стены, объезжать ничего не надо, правда в конце коридора. Я тогда ставлю на взрывчатку таймер, и пошли в машину.

Он исполнил на пульте-контроллере какую-то мелодию пальцами и, сдёрнув очки, махнул в сторону зарослей. Через несколько секунд все трое уже были в автомобиле. Адамас вывернул на единственную здесь пустошь и направил свой «сокол» на сетку. Противоположная ей стена, возле которой завис перенастроенный Гербертом дрон, разлетелась на кусочки ровно за секунду до того, как машина повалила забор и остановилась на территории обсерватории в двух метрах от открывшегося коридора с низким потолком.

Адамас выскочил из машины первым. Пыль уже рассеивалась — в мигающем свете подпотолочных ламп обнажившегося коридора он увидел в его конце одну-единственную камеру с наполовину стеклянной наружной стеной и, уж конечно, без всяких решёток. Дверь в неё, к его удивлению, была открыта, а в их сторону уже спешили двое: едва узнаваемый Дилан в свободных белых штанах и футболке и почти без единого следа прежней мускулатуры и крепкая дымчатоволосая сильвисса, тоже лет тридцати или чуть старше, в полувоенной облегчённой форме и даже с оружием за поясом.

— В общем-то, я так и думал, что с подобной помпой можете ввалиться только вы, — улыбнулся Дилан сразу всем троим, спустя пару секунд остановившись вместе со спутницей возле них. — Брутуса, скорее, я однажды просто обнаружил бы в камере. Если это похищение, может, поедем?

— Твоя охранница не будет нам препятствовать? — уточнил Герберт, быстро пробежавшись взглядом по сильвиссе, тоже рассматривающей их с заострённым вниманием.

— Дамела всегда хотела моей свободы, но долг, сами понимаете. Теперь-то что уж, — Дилан развёл руками. Адамас счёл его объяснение достаточным и кивнул на машину. Как только сильвиссы оказались рядом с Гербертом на заднем сиденье, он тоже сел, переключился на заднюю передачу и спустя несколько секунд на той же самой пустоши развернулся в сторону недалеко отсюда расположенной просёлочной дороги.

— Все вопросы к Герберту и Джею, как только я вас оставлю, — сказал он недавно похищенным. — Сейчас подброшу себя до ближайшего города, тут полчаса буквально, а дальше машина переходит к Джею.

— Документы в бардачке, да? — переспросил рыжеволосый хорон, очень старавшийся не растягивать улыбку до самых ушей.

— Именно. Надеюсь, у вас всё получится.

Адамас глянул в зеркало на Дилана — тот выглядел почти счастливым и куда больше похожим на живого человека, чем тогда, в лаборатории Сетте. Сидящая рядом с ним, у окна, Дамела, женщина с жёстким, но всё равно приятным лицом, мужской стрижкой и мускулистыми руками, обнажёнными до плеч в безрукавке на майку-борцовку, ничего не выражающими сиренево-серыми глазами следила за дорогой. Остальные помалкивали, явно не решаясь пока праздновать удачный исход дела.

Как только ухабы предгорий сменились относительно ровной грунтовой, уже совсем скоро обещавшей превратиться в обычный асфальт, Адамас всё-таки не выдержал и спросил у Дилана:

— Ты на сто процентов доверяешь Дамеле? По её наводке тебя не выдернут обратно к Аспитису?

Тот отрицательно качнул головой.

— Дамеле незачем меня предавать. Мы — друзья, веришь? Да и что Аспитису от меня

проку, без Силы-то? Наверное, и сам бы выпустил, да гордость не позволяла.

«Если только не надеется, что во время этого побега ты вернёшь Силу обратно и он найдёт, как вынудить тебя сотрудничать», — хотел сказать Адамас, но не сказал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net